Посвящается
советским людям,
тем, кто геройски отстаивал
Родину на полях сражений
и самоотверженно трудился в тылу
в годы Великой Отечественной войны,
кто беззаветно восстанавливал
разрушенное хозяйство
и строил мирную жизнь
в последующие десятилетия

75 ПОБЕДА!
1945–2020

ПРАВИТЕЛЬСТВО ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

МЕЖРЕГИОНАЛЬНАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
«ИСТОРИКО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР «ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ»

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА
НАУЧНЫЙ СОВЕТ «ЦЕНТР ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК МГУ»

ТУЛЬСКИЙ ФИЛИАЛ
ФЕДЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО
УЧРЕЖДЕНИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Г.В. ПЛЕХАНОВА»

МЫ ПОМНИМ…

Книга воспоминаний и размышлений поколений

Выпуск 5

Том 1
До войны, в войну и после

Авторы проекта,
редакторы-составители
Ю. М. Осипов, Л. И. Ростовцева

Тула 2020

ББК 63.3(2Рос-4Тул)61
УДК 316.3+94(47)
М 94

Серия основана в 2010 году

М 94 **Мы помним...** Книга воспоминаний и размышлений поколений. Том 1. До войны, в войну и после / под ред. Ю. М. Осипова, Л. И. Ростовцевой. — Тула: Аквариус, 2020. — 640 с.: ил.

Рецензенты

доктор исторических наук, профессор Военного университета Министерства обороны Российской Федерации
В.В. Попов,
доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра региональных исторических исследований Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого
Е.В. Симонова

Книга подготовлена к 75-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. и является продолжением серии изданий под названием «Мы помним...» Это — пятая книга поколений в рамках проекта «Я горжусь подвигом отцов, дедов, прадедов», она посвящена советским людям, тем, кто геройски отстаивал Родину на полях сражений и самозабвенно трудился в тылу в годы Великой Отечественной войны, кто беззаветно восстанавливал народное хозяйство и строил мирную жизнь в последующие десятилетия.

Главная ценность книги, как и предыдущих изданий в этой серии, заключается в том, что несколько поколений делятся своими воспоминаниями и размышлениями, рассказывают о подвигах своих отцов, дедов, прадедов, представляют материалы из архивов и личные впечатления участников и очевидцев войны.

Особенность настоящей книги — не только в расширении временных рамок повествования (до распада СССР в 1991 г.), но и в открывающейся возможности проследить влияние войны на поведение и судьбы людей.

Издание предназначено для историков, социологов, экономистов, философов, системы образования и воспитания, для всех, кому дорога история нашей великой Родины.

Книга издана на средства гранта правительства Тульской области.

ISBN 978-5-6044989-9-6

© Л.И. Ростовцева, составление, 2020
© МОО ИПЦ «Преемственность», 2020
© Оформление. ООО«Аквариус», 2020

УВАЖАЕМЫЕ ВЕТЕРАНЫ, ДЕТИ ВОЙНЫ, ПРЕДСТАВИТЕЛИ ПОСЛЕВОЕННЫХ ПОКОЛЕНИЙ, НАША МОЛОДЕЖЬ!

С чувством гордости за Тульский край и туляков, весь советский народ представляю пятую книгу воспоминаний и размышлений поколений «Мы помним...» в двух томах. Она выходит в свет в Год памяти и славы и завершает серию книг о Великой Отечественной войне и ее влиянии на судьбы людей.

Книга подготовлена в рамках проекта «Я горжусь подвигом отцов, дедов, прадедов: историческая память поколений», который в 2019 году стал победителем конкурса Общественной палаты Российской Федерации «Мой проект — моей стране!» и был признан лучшим социальным проектом года в номинации «Гражданский долг. Патриотическое воспитание и сохранение исторической памяти».

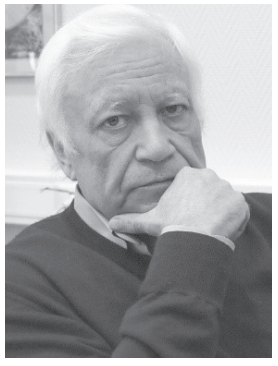
Этот проект явился предвестником «Бессмертного полка». Уже первая книга поколений «Мы помним...», презентованная в 2010 году, и проект были признаны в докладе Росвоенцентра Правительству Российской Федерации «одной из форм, способствующих совершенствованию системы патриотического воспитания» в стране, в которых заложены «новые технологии организации воспитательной работы с молодежью». Позднее, в 2015 году, по Красной площади в Москве сотни тысяч человек с гордостью пронесут портреты своих отцов, дедов, прадедов, шествие пройдет по улицам городов и сел России и многих стран мира.

Пятая книга поколений «Мы помним...» выходит в свет в год еще одного юбилея — 10-летия этой замечательной серии. Она порадует более тысячи авторов, создававших все эти годы литературный памятник своим героям, и всех тех, кто ценит историю и кому небезразличны судьбы Отечества и родного края. Эта книга не только о войне, но и о ее отголосках в судьбах и поведении потомков. Это серьезный труд сегодняшних поколений, благодарных советским людям — победителям в великой войне и созидателям в мирной жизни, который ждет научного осмысления.

Губернатор Тульской области
Герой Российской Федерации
А.Г. Дюмин

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

ПАМЯТНИК ПАМЯТИ



Начатый в конце нулевых годов текущего века по инициативе и усилиями патриотов из Москвы и Тулы уже широко известный в стране проект «Я горжусь подвигом отцов, дедов, прадедов» получил воплощение в шести томах четырех объёмных книг воспоминаний и размышлений поколений «Мы помним...» (2009–2017), и теперь Вы держите в руках пятую книгу. Это замечательный народно-исторический памятник Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., той самой небывалой войне, из которой наша страна, её народ, её воинство вышли безоговорочным победителем, совершив титанический подвиг и принеся огромные жертвы. Этот уникальный проект с его серией выдающихся книг — памятник не только грандиозному патриотическому событию и небывалому героизму народа-победителя, но и памятник самой народной памяти. Памятник памяти превратил память народную в... ПАМЯТЬ! А память народная — это не просто история, не просто прошлое, а его — народа — душа, его самосознание, его самостная личность, пусть и многомиллионная!

Есть народ — есть и память, как раз народная; есть память — есть и народ, а не безликая людская масса.

Всякое удачливое гуманитарное деяние всегда рано или поздно подходит сначала к своему апогею, а затем, насытившись и переполнившись самим собою, подходит к своему не то чтобы концу, а, скажем так, к своей целостной себя исполненности, пусть и даже к триумфальной, но завершённости. Новая объёмистая книга из уже славной серии «Мы помним...» охватывает период существования СССР вплоть до переломного 1991 г.

Автор этих строк родился в 1941 г. и полные полвека прожил в стране, называвшейся Союзом Советских Социалистических Республик, в стране, которую он хорошо помнит и которую нежданно-негаданно потерял для себя в 1991 г. Он не только не был противником этой страны — СССР, а был, как и практически все его сверстники, товарищи, друзья, родственники, сотрудники, коллеги, её искренним сторонником и посильным участником: октябрёнком, пионером, комсомольцем, членом правившей в стране партии — КПСС; школьником, студентом МГУ, в МГУ же аспирантом, преподавателем, учёным, администратором, а во второй половине 1960-х годов побывал и в роли секретаря Комитета ВЛКСМ МГУ, тогда крупнейшей в стране первичной комсомольской организации; стал в МГУ кандидатом (1974) и доктором (1987) наук, затем профессором (1990). Так или иначе, всё это у него было в СССР, в стране, которую он вдруг потерял и которую совсем не вдруг хорошо помнит.

Что это была за страна?

Это была, уж простите за такую «экстравагантную»-де характеристику, идеократическая партийно-государственническая (этатическая) страна весьма и диктатурного склада. По сути своей она не была вполне ни собственно союзной, ни советской, ни социалистической, ни даже республиканской, хотя и имела кое-какие внешние черты всего наличествовавшего в её названии. Да, это было именно так: содержание лишь частично тут совпадало с формой и наименованием необычного по существу, как и необычайно грандиозного по масштабам, деяниям и свершениям геоэкзистенциального феномена. Тут важно другое: в непосредственно послевоенные годы и в последующие (до 1970-х гг., их середины) это была не просто большая и могучая страна — производительная, трудовая, творческая, развивавшаяся, вполне и всемирного значения, но и страна совершенно, позволю себе так выразиться — людская, общежитейная, товарищеская. Страна (пусть и с немалыми системными и житейскими проблемами, изъянами, даже и нелепостями — от власти предержащих по преимуществу), в которой все жители чувствовали не только формальную принадлежность к ней, но и были её полноценными сотворителями и соучастниками — каждый на своём месте, в соответствии с личными способностями, наклонностями и дарованиями, со своей личной судьбой и личным вкладом в общее дело, имея при этом возможность стать кем-то для общества значимым и лично значительным, уважаемым, приветствуемым и поощряемым, существуя более всего не для себя, а для других, для всех, для страны, для Державы.

Нет, в СССР не было по-обывательски примитивно представляемой житейской идиллии, не было какого-то благоуханного рая, но зато была полнокровная жизнь, вполне уверенная в себе, как и уверенная в стране, государстве, гражданах, оснащённая высокой культурой, отличным многоступенчатым образованием, реальным социальным лифтом, здоровым здравоохранением, да мало ли ещё чем позитивно житейским, а главное — уверенная в своём будущем, вполне и надёжном. Да-да, она действительно была — эта самая жизнь в этой самой стране с путеводной для жизни, для страны и её граждан надёжной уверенностью!

Скрывать нечего, в СССР имело место и другое, как раз то, что не слишком устраивало граждан, вроде навязываемых сверху разного рода надуманных и для общественной жизни ненужных инициатив, чрезмерных бытовых и поведенческих ограничений, каких-то нереальных,

тоже весьма надуманных, морально-этических требований, всяческих «казарменных» запретов, въедливой пропаганды, наигранного оптимизма, в какой-то переломный момент, может, и оправданных, но всё более стеснявших и даже отравлявших уже налаженную гражданскую, общественную и гуманитарную жизнь, сдерживавших личную и коллективную инициативу, мешавших продуктивному труду и оригинальному творчеству, да и попросту отуплявших и оглуплявших текущее общественное бытие, вызывавших у людей раздражение, недовольство и обоснованный протест. В стране явно не хватало личной и коллективной свободы, разнообразия частного жизнеотправления, миграционных возможностей, беспрепятственного выезда за рубеж, ну и реального народовластия тоже, как и было слишком много искусственных препятствий для самодовольного роста личного, семейного, коллективного благосостояния.

Однако многие и многие активные люди в стране оставались, как ныне принято говорить, позитивными людьми, мало того — воистину... ЛЮДЬМИ, с большой буквы людьми, компенсируя нехватку гражданских, институциональных и экзистенциальных свобод товариществом, дружеством, даже и братством, как и, разумеется, приверженностью к родной природе, отеческой земле, славным предкам, величественной истории страны, добротному искусству, искромётному юмору, разным увлечениям, хобби.

Население было на девяносто с лишним процентов грамотно, образованные граждане хорошо владели русским языком, много читали, причём как родную российскую и современную им советскую, так и широко переводившуюся зарубежную — классическую прежде всего — литературу, ещё и разнообразную высокого класса публицистику — газеты, журналы, собирали домашние библиотеки, включая и собрания профессиональных книг и журналов, слышали грамотную и даже изысканную русскую речь с экранов телевизора и кино, с театральных подмостков, от преподавателей школ, техникумов, вузов.

По уровню массовой образованности, эрудированности и интеллектуализма СССР был из первых в мире, если не первый.

Совсем не зазорно гордиться нам уникальным людским составом СССР — трудовым, творческим, патриотичным, оптимистичным, как раз поколением наших дедов и отцов, бабушек и матерей — необыкновенным для истории, фактически уже неприемлемым для настоящего времени и уже вряд ли возможным когда-либо в будущем.

Это заслуга поколения истинных победителей, внезапно для всего мира создавших столь же необыкновенный, как оно само, и уже неповторимо ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ мир!

Важно подчеркнуть, что в СССР сложился некий своеобразный негласный консенсус между населением и властью, долгое время вырувчавший страну, её социо-государственную систему, её способ бытия, как и саму безраздельно правившую власть: население признавало управленческое и идеологическое верховенство партийно-государственного аппарата... нет, конечно, не в обмен на... а на условии... предоставления и ответственного поддержания сонма социально-хозяйственных и бытийно-житейских гарантий: занятости, жилья, образования, здравоохранения, безопасности и т.д. И поскольку власть в целом это консенсусное условие соблюдала, то население, весьма широко при этом включённое в организацию социума и всей общественной жизни, платило власти политической и идеологической толерантностью и электоральным доверием.

Как бы то ни было, но в той стране можно было при желании прожить полную жизнь (пусть может, и относительно, но всё-таки в целом) по-честному: добросовестно трудясь, служа вовсю стране, людям, не погружаясь в корысть, алчность, не прибегая ко лжи, обману, подлости. А это, как стало особенно сейчас ясно, немалого стоило и стоит до сих пор, не так ли?

Кризис страны под названием СССР, точнее, её социо-хозяйственной системы, подкрадывался незаметно, точнее, не слишком ярко и грубо себя обозначая, ибо всё «хорошее» долгое время перетягивало всё «плохое». Страна развивалась, люди неплохо жили, их бытие шаг за шагом улучшалось, надежда на лучшее будущее не умирала, как не умирала и общая уверенность в этой надежде.

Нельзя сказать, что общий системный кризис в СССР не замечался гражданами, народом, власть предержащими. Замечался, и давно замечался, причём сразу же после избавления от тягот и последствий войны. Уже тогда многими в СССР понималось, что в формате «казармы» страна долго не протянет, а потому уже тогда возымели место кое-какие корректировочные послабляющие перемены, отводившие страну от её напряжённого «казарменного» бытия. Необходимость такого рода перемен понимал тогда даже и сам великий вождь и реальный диктатор И. В. Сталин.

Более или менее серьёзные перемены пошли уже после ухода великого вождя из жизни, они шли, конечно, по-разному, с разным успехом и с разными итогами. В чём-то они оказались удачными, а в чём-то нет: либо были непоследовательными, либо не теми, какими было бы надо, либо даже вредными, немало и разрушительными.

После устранения от власти не слишком удачливого послесталинского реформатора Н. С. Хрущёва была предпринята попытка нового, куда уже более рационального, системного и радикального, вполне себе и адекватного сложившейся исторической ситуации реформирования всё ещё бодрствовавшего сталинского по сути, как раз всё ещё «казарменного», строя, а если и не самого по себе строя, то хотя бы способа его практической реализации.

Была предпринята так называемая «косыгинская реформа», выпавшая на долю очередной пятилетки — 1965–1970 гг., оказавшейся в итоге по причине этой самой реформы лучшей из всех послевоенных пятилеток. Обозначился вдруг значительный рост производительности труда, объёмов производства и доходности предприятий, возымел место, хоть и не расцвет, но мощный выплеск деловой активности со стороны предприятий и их руководителей. Зашевелилось вновь и частное предпринимательство, скрытое по преимуществу от глаз людских, прежде всего номенклатурных и правоохранительных.

И тут вдруг случился феноменальный и, как оказалось, совершенно фатальный испуг со стороны правившей в стране когорты невнятных послесталинцев — перед заявившими вдруг о себе свободой, инициативой, предпринимательством, а то и перед... о-о... ужас! — самим возрождающимся капитализмом с его рынком вместо социализма и того же Госплана, да ещё и чуть ли не перед грядущим народовластием, а тут ещё, как на грех, вспыхнула в 1968 г. либеральная Пражская весна с вынужденным её силовым подавлением... И не стало реформы, не случилось её продолжения, — взамен выпала сначала тягостная недоумённая заминка, а потом последовал и утвердился знаменитый брежневский застой.

Далее уже пришло время лишь энтропийной коррозии всё ещё сохранявшейся «казармы», бесславного ухода последних, всё ещё сталинского покроя, вождей (лучше бы сказать — «вождей») и лихорадочных попыток действовавших невпопад угасающих властей спасти... нет, пока ещё не страну, даже не СССР, о чём тогда не думалось и речи не шло, а спасти что-то похожее на совето-социализм, как-то его переделав, усовершенствовав, очеловечив, оживив. А в итоге всех этих неуклюжих попыток разразился вдруг как гром среди ясного неба... ВЕЛИКИЙ КРАХ, причём всего сразу: что совето-социализма, что КПСС с её неувядающей-де марксистской-де идеологией, что СССР, просто великой страны, правда, чудом частично всё-таки уцелевшей в виде самого большого её осколка — Российской Федерации, уже и постсоветской (читай — послесталинской).

Сегодня каждый из тех граждан нынешней Российской Федерации, кто прожил большую часть жизни в СССР, кто был её сыном, строителем и реализатором, задаётся вольно или невольно безответными по сути вопросами: во-первых, был ли закономерен такой вот крах родной страны — воистину ведь великой, могучей и дерзновенной мировой державы, страны-победительницы, страны, первой в мире вырвавшейся в космос, и, во-вторых,что же мы все в итоге на самом-то деле потеряли?

Отвечаю так: крах сей был, видно, закономерен, раз уж случился, но не был, по-видимому, фатально неизбежен, если бы... Если бы вовремя, да ещё с умом, волей и верой, преобразовать коренным образом страну, освободившись даже не столько от разъедавших её проблем, что было, конечно, крайне необходимо, сколько от своих собственных иллюзий,

включая и так называемые «вечно живые» марксистские. Да вот такое случилось, что в общем-то понятно, но всё равно очень и очень досадно; на второй же вопрос отвечаю так: был потерян, к величайшему сожалению, прежде всего, пусть и не на все сто процентов, человек — ЧЕЛОВЕК, как и свойственный этому человеку вполне себе людской образ жизни, созданный великим народным трудом, окроплённый кровью и освящённый верой в человека как именно ЧЕЛОВЕКА. И всё это стало утрачиваться задолго до фактического краха СССР — как раз в застойные 1970-е гг., — далее была лишь одна агония — кому-то более, кому-то менее заметная, как и для кого-то страшная и обидная, а для кого-то, наоборот, всего лишь неизбежная и даже желанная.

Могла ли горбачёвская перестройка спасти страну? Может, и могла, если б была не горбачёвской... А скорее всего — всё-таки нет, не могла, ибо, как говорится, поздно уж было. Иное дело, что из перестройки могло бы, наверное, и что-то иное в итоге выйти, даже из горбачёвской перестройки, но... тут уж пошла чистая риторика, к которой мы вовсе не склонны.

И всё-таки страна, называвшаяся СССР, не просто была, а была грандиозной, оставив в бытии-истории Руси-России и всего человечества глубочайший след — до того небывалый и даже сказочно невозможный, который, конечно, насовсем не исчезнет, да не только из памяти людской, но и из самой российской и всемирной реальности. Более того, СССР, или то, что скрывалось за СССР, бытует в том или ином виде в России и в мире и сейчас, тоже более скрытно, чем наяву: зрячий да узрит, слышащий да услышит, понимающий да поймёт!

СССР — неизгладимый и неустранимый памятник самому себе!

Но бередит душу у многих из «бывших» и у немалого числа из «нынешних» великое сожаление по более чем странной участи великой страны, её необыкновенных людей, их несравненных устремлений и гигантских достижений, их жертвенных подвигов, привлекательных идей и бескорыстных идеалов, ну и, само собой, тех же неисполнимых на практике утопических мечтаний, да и роковых иллюзий тоже!

Феномен послевоенного СССР заслуживает пристального внимания, и не одних только учёных и экспертов, а и всего нашего народа: тех, кто жил тогда и продолжает жить сегодня — по памяти и фактам, тех, кто не жил тогда, а живет уже сегодня — по интересу и воображению. А сравнение того и нынешнего отечественных миров, знаете ли, очень даже далеко не во всём в пользу второго — прежде всего, конечно, в гуманитарном измерении!

Важно заметить, что, как и положено воистину народной истории народной жизни, нижеследующая книга изобилует разными свидетельствами, мнениями и оценочными суждениями о сложном и неоднозначном бытии в СССР 1945–1991 гг., что, безусловно, является несомненным достоинством необычного коллективного произведения, вполне

терпимого к инакомыслию и ни в коей мере не ориентированного на какой-либо конкретный историко-идеологический подход.

Каждый автор книги — сам себе автор, а книга наша — сама себе книга, — на том и порешим!

Да станется у нас народная история СССР, этого великого, по-своему загадочного и удивительного Советского Союза, одержавшего (надо особо заметить!) целую серию великих побед: в индустриализации, образе человека и жизни, в образовании, науке, культуре, том же спорте, в освоении космоса, в предотвращении новой мировой, уже термоядерной войны, ну и, конечно, одержавшего Великую Победу в Великой Войне! Ради страны и её народа, ради всего человечества, ради ныне и в России, и на планете живущих!

Был СССР, был — как ярко сверкающая несусветная возможность — факт! — и исчез, уйдя в околоисторическую тень — как загоревшаяся вдруг суесветная невозможность, — тоже ведь факт!

И что же дальше: с Россией, миром, человечеством, нами?

Интересно, волнительно, завораживающе, но... немало и страшно!

А вдруг... новая чего-то ушедшего историческая редакция!..

Оставим самому бытию-истории решать, каким вдруг может статься это «Вдруг», не прекращая при этом думать, мечтать, что-то полезное делать, ну и немало действовать тоже!

Осипов Юрий Михайлович,
доктор экономических наук, профессор МГУ имени М.В. Ломоносова,
Заслуженный деятель науки РФ,
руководитель Научного совета «Центр общественных наук»
МГУ имени М.В. Ломоносова,
Председатель Межрегиональной общественной организации
«Историко-просветительский центр «Преемственность»

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Вы держите в руках новое произведение из уникальной серии книг воспоминаний и размышлений поколений «Мы помним...». Авторы книги — ветераны и школьники, молодые люди и представители среднего поколения, рожденного в СССР, соотечественники, живущие в современной России и за ее пределами, — рассказывают о значимых событиях своей жизни, о славных страницах истории своей семьи и делятся с читателями своим видением той роли, которую сыграл в их судьбах Советский Союз.

СССР для нас — это не только и не столько государственно-политическое понятие, сколько культурный код, открывающий путь к пониманию образа мыслей и образа жизни нескольких поколений советских людей, на долю которых выпали труднейшие испытания и силами которых были достигнуты выдающиеся успехи в самых разных областях развития страны: обороне, экономике, науке, культуре, спорте.

Не случайно книга увидела свет в год 75-летнего юбилея Победы советского народа в Великой Отечественной войне — события, оказавшего ключевое влияние на формирование национального самосознания, сплотившего миллионы людей в годы войны и продолжающего цементировать российское общество единством исторической памяти и искренностью патриотического порыва. Это является залогом общего настоящего и будущего всех народов нашей страны.

Именно поэтому лейтмотивом рассуждений авторов многих эссе и очерков, вошедших в книгу, стал вопрос о том, какую роль в их жизни сыграла война. И это не только ветераны, дети войны и их родственники, но и их потомки, внуки и правнуки, знающие о войне по рассказам своих близких или семейным преданиям. Эти школьники и студенты стали участниками V Международного конкурса эссе «Я горжусь подвигом отцов, дедов, прадедов...», организованного по традиции благодаря нашему сотрудничеству с министерством молодежной политики и министерством образования Тульской области, Центром общественных наук МГУ имени М.В. Ломоносова, межрегиональной общественной организацией «Историко-просветительский центр «Преемственность». Самые интересные из их работ вошли в настоящую книгу.

Не менее сложной и актуальной темой размышлений авторов книги служит осмысление представителями разных поколений специфики жизни в СССР на протяжении четырех послевоенных десятилетий — вплоть до бурных перестроечных времен и трагических событий распада страны в 1991-м...

Современное российское общество нуждается в откровенном, взвешенном и глубоком обсуждении уникального феномена советской культуры, ее ценностей и достижений, сильных и слабых сторон. Удачный пример такого анализа в контексте концепции народной истории демонстрирует представленная книга, которая, без сомнения, будет интересна и полезна самому широкому кругу читателей.

Масштабы издания по-настоящему впечатляют. Книга включает в себя 250 работ, написанных 270 авторами разных поколений от 7 до 100 лет из 25 регионов России и 9 стран мира: Беларуси, Германии, Дании, Израиля, Италии, Канады, Киргизии, Монголии, Чехии.

И снова не обошлось без новаторства, обусловленного духом времени — кроме эссе, очерков и воспоминаний в книге представлены весьма интересные материалы переклички в чате сокурсников экономического факультета МГУ имении М. В. Ломоносова 1979 года выпуска в День Победы 9 Мая 2019 года и информации о них «Кто есть кто?» 40 лет спустя.

Хочу поблагодарить творческий коллектив участников многолетнего проекта «Мы помним...» во главе с его бессменным руководителем доктором социологических наук, профессором Тульского филиала РЭУ им. Г. В. Плеханова Людмилой Ивановной Ростовцевой за тот труд, который позволил осуществить издание этой уникальной книги.

Желаю всем ее читателям, особенно — молодежи, узнать много нового и продуктивно поразмышлять о самом важном в жизни — о судьбах своей семьи и своей Родины, о ее истории, настоящем и будущем и своем месте в нем!

Н. В. Калинин,
директор Тульского филиала РЭУ им. Г. В. Плеханова,
кандидат экономических наук

КНИГА ПАМЯТИ И СЛАВЫ

2020 год — год празднования 75-летия Великой Победы — объявлен Президентом Российской Федерации В.В. Путиным Годом памяти и славы.

Знаменательно, что это и год 10-летия серии книг воспоминаний и размышлений поколений «Мы помним...», которую с полным основанием можно назвать серией книг Памяти и Славы. Презентация первой книги поколений состоялась 5 мая 2010 г. Предисловие мое к ней начиналось словами: «Общество должно быть сплоченным, единым». Что его сплачивает? ИСТОРИЯ, ПАМЯТЬ, БЛАГОДАРНОСТЬ, ТРАДИЦИИ.

Незнание студентами имени Зои Космодемьянской и подвигов своих дедов и прадедов на фоне провозглашения Степана Бандеры национальным героем Украины и сноса памятников в Грузии и Эстонии тогда явилось импульсом появлению конкурса эссе «Я горжусь подвигом отцов, дедов, прадедов». Лучшие из работ школьников, студентов, учителей и преподавателей вошли в книгу поколений «Мы помним...» наряду с воспоминаниями приглашенных авторов: известных ученых, писателей, деятелей культуры и общественных деятелей, потомков великих полководцев, оружейников, руководителей страны и Тульской области, имена которых широко известны не только в России, но и за ее пределами.

Все это было задумано, чтобы стимулировать интерес у молодежи к истории страны через историю своей семьи и рода, сохранить память о своих героях и правду о войне, выразить признательность ветеранам, напомнить о национальных традициях ради укрепления связи поколений и в конечном счете — укрепления сплоченности общества. Логика была такова: если молодежь не интересуется историей, ничего не знает о своей семье и роде в годы войны, то как она сможет отличить правду ото лжи, героя от антигероя, предателя, ведь стремление переписать историю усиливается.

И первая книга получилась необычной. В сводном докладе Росвоенцентра Правительству РФ «О выполнении государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006–2010 гг.» родившийся в Туле инициативный проект «Я горжусь подвигом отцов дедов, прадедов» и книга воспоминаний и размышлений поколений «Мы помним...» были признаны новаторскими, в которых «заложены новые технологии организации воспитательной работы с молодежью» и которые являются «одной из форм, способствующих совершенствованию системы патриотического воспитания» в стране.

Потом было множество положительных откликов, благодарностей, просьб о продолжении проекта. В результате было выпущено четыре

книги поколений «Мы помним...», отражающих подвиги не только на фронтах и в тылу, в плену и оккупации, но также свершения в созидательной деятельности по восстановлению разрушенного войной хозяйства после войны (до 1953 г.).

Сегодня у нас много последователей. Выходят аналогичные региональные издания, проводятся конкурсы эссе среди школьников, студенческой молодежи под схожими с нашим названиями, многие участники нашего проекта «заразились» нашими идеями, став авторами собственных проектов и книг о героях, в т.ч. имена которых мы возродили на страницах серии книг поколений «Мы помним...».

В 2015 г. по Красной площади прошел «Бессмертный полк», продемонстрировав единение народа и важность сохранения правдивой ИСТОРИИ, ПАМЯТИ, БЛАГОДАРНОСТИ, ТРАДИЦИЙ.

В 2016 г. начала издаваться серия книг «История, рассказанная народом» Институтом экономической стратегии РАН, которую его директор А. И. Агеев назвал «важной работой» по сохранению исторической памяти. Создание «народной истории» набирает обороты. Актуальной становится работа по ее научному осмыслению.

Наши книги отличаются тем, что не только приоткрывают биографии знаменитых в России и даже в мире талантливых людей и обычных тружеников, героев и подвижников, известных пока лишь в своих семьях или на малой родине, но и показывают влияние войны на судьбы героев и их семей.

Особенность пятой книги в том, что влияние Великой Отечественной войны и ее последствий на судьбы героев и их семей простирается по времени вплоть до распада СССР (1991 г.). Здесь — правда из первых уст, уникальные документы семейных архивов, музеев о подвигах армии и народа, семейные предания. Она завершает цикл о советском прошлом.

Актуальность ее особенно очевидна в Год памяти и славы в свете усилившихся попыток переписать историю, о чем свидетельствуют принятие резолюции Сейма Польши о том, будто СССР наравне с гитлеровской Германией виноват в начале Второй мировой войны, снос памятников советским воинам-освободителям в странах Восточной Европы, занявшим антироссийскую позицию.

В пятой книге поколений «Мы помним...» два тома: «До войны, в войну и после», в котором работы новых участников проекта, и «Мы помним ту страну, в которой жили» — продолжение рассказов о судьбах героев в послевоенный период советского прошлого до распада СССР. Читатели узнают о жизнедеятельности защитников Отечества в мирный для страны период, через биографии людей смогут составить представление о народном хозяйстве, науке и искусстве, культуре и образовании, спорте, исполнении интернационального долга и др.

Авторы «народной» истории — представители всех ныне живущих поколений — рассказывают правду «из первых уст» либо семейные предания, часто используя рассекреченные документы. Записать и оформить воспоминания помогали, как всегда, члены студенческого научного кружка «Поведение потребителей и потребительская культура» в РЭУ им. Г. В. Плеханова (председатель Максим Леонов). Кстати, именно с этого начинали свой путь к победам в различных конкурсах научно-исследовательских работ лауреаты Премии Президента РФ по поддержке талантливой молодежи: Яна Тимохина (2011), Екатерина Нестерова (2015), Анастасия Трохимчук (2016). Потому наша книга — это книга, предназначенная в первую очередь для молодежи и создаваемая при ее участии.

Серия книг поколений «Мы помним...» — плод труда множества людей. У нее более 1000 авторов, но если учесть, что за каждой фамилией скрываются консультирующие, рассказывающие, помогающие написать эссе и с нетерпением ждущие очередную книгу родители, родственники, учителя, то численность участников проекта удваивается и утраивается.

Особые слова благодарности следует высказать в адрес Якова Наумовича Шафрана, который сыграл важную роль в продолжении проекта. В 2010 году он пришел уже через день после необычно душевной конференции-презентации первой книги и предложил сделать вторую, посвященную 70-летию битвы под Москвой и героической обороны Тулы. Эта его идея родилась после просмотра по ТВ интервью Г. К. Жукова Константину Симонову, в котором Маршал Победы сказал замечательные слова для любого туляка о героической обороне города в 1941 году. А о К. Симонове речь шла на конференции и страницах первой книги в воспоминаниях В. С. Кутепова, сына полковника С. Ф. Кутепова, явившегося прообразом генерала Серпилина в симоновских «Живых и мертвых». Это предложение Якова Наумовича повлияло на наше стремление познакомиться с дочерью Маршала Победы Эрой Георгиевной Жуковой и привело на его родину в г. Жуков Калужской области. Так началось сотрудничество с музеем Г. К. Жукова, Межгосударственным общественным фондом имени полководца Г. К. Жукова, его отделениями в Республике Беларусь и Украине.

А после представительной международной конференции 15 февраля 2012 г. и презентации второй книги поколений «Мы помним...» Я. Н. Шафран снова позвонил первым и предложил продолжить проект, подготовив новую книгу «Мы помним ту страну, в которой жили...». Так что это формулировка — шафрановская.

Оглядываясь назад — к тому, как все начиналось, — хочется сказать «спасибо» Василию Ивановичу Зудину, директору Тульского филиала РЭУ им. Г. В. Плеханова (тогда — РГТЭУ), поддержавшему в 2009 г. идею проекта и создания первой книги воспоминаний и размышлений поколений «Мы помним...» и Татьяне Петровне Постернак, первому заместителю губернатора Тульской области, способствующей решению вопроса о финансовой поддержке издания, т.к. книга после проведенного конкурса эссе получилась очень большой. Слова благодарности — также Галине Григорьевне Фоминой, первому заместителю губернатора Тульской области,

благодаря которой свет увидела вторая книга, и правительству Тульской области, предоставившему гранты на издание четвертой и пятой книг.

Конечно же, благодарности заслуживают Юрий Михайлович Осипов, директор Центра общественных наук, мой научный руководитель по кандидатской и докторской диссертациям, который заинтересовался проектом, и его жена Татьяна Михайловна Осипова, племянница пропавшей без вести Елизаветы Беневской, бойца легендарной в/ч 9903, в которой воевала Зоя Космодемьянская. Отсюда возникла идея проекта. Татьяна Михайловна стала вдохновителем проекта, предоставив материалы семейного архива Беневских и Горбуновых-Посадовых.

Главный организатор реализации проекта — Тульский филиал РЭУ им. Г. В. Плеханова, и с 2012 г. все мероприятия проекта «Я горжусь подвигом отцов, дедов, прадедов» проходят при участии директора Николая Васильевича Калинина. Он, ознакомившись с первой книгой поколений «Мы помним...», проявил инициативу и хлопоты по обустройству сквера им. Н. А. Вознесенского и установке памятника нашему земляку, стратегу экономической победы в Великой Отечественной войне.

Вселяющими уверенность явились для нас слова обращения В. Р. Мединского к участникам конференции-презентации второй книги в 2012 году: «Вы делаете хорошее дело, и ваш опыт заслуживает того, чтобы быть распространенным на всю страну».

В 2019 г. проект «Я горжусь подвигом отцов, дедов, прадедов: историческая память поколений» признан «Лучшим социальным проектом 2019 года» в России — мы победили в конкурсе Общественной палаты РФ, возглавляемой В. А. Фадеевым, «Мой проект — моей стране!», номинация «Гражданский долг. Патриотическое воспитание и сохранение исторической памяти». Мы признательны всем тем, кто оценивал наш проект! Большое спасибо всем тем, кто участвовал в нем и внес свой вклад в прославление Тулы и туляков, сохранение исторической памяти о России и Советском Союзе, всем тем, кто позволил пополнить «копилку» инновационных методов, способствующих совершенствованию системы патриотического воспитания в регионе и стране!

Низкий поклон ветеранам и детям войны!

А молодежи желаю успехов в осмыслении бесценного материала серии книг поколений «Мы помним...» и неизменного интереса к истории, дающей силу и гордость за наших предков!

Л. И. Ростовцева,
руководитель проекта «Я горжусь подвигом отцов, дедов, прадедов»,
профессор Тульского филиала РЭУ им. Г. В. Плеханова,
доктор социологических наук
ген. директор МОО «Историко-просветительский центр «Преемственность»

ЧАСТЬ 1

Правда из первых уст

Глава 1. ЧТОБЫ ЖИВЫЕ ПОМНИЛИ

ЧТО ПРОИСХОДИТ С ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТЬЮ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ?[1]

Тощенко Жан Терентьевич, 85 лет,
член-корреспондент РАН,
заведующий кафедрой теории и истории социологии
Российского государственного гуманитарного университета,
главный научный сотрудник Института социологии
Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН,
доктор философских наук, профессор,
г. Москва

Социологические исследования (опросы) показывают, что в исторической памяти россиян из всех событий XX века во всех слоях населения выделяется оценка роли и значения Великой Отечественной войны. Как объяснить такую оценку и что она означает для характеристики современного российского общества и для Вас лично?

Жан Терентьевич Тощенко, член-корр. РАН

Прежде всего хочется подчеркнуть, что одной из новаций в общественном сознании конца XX — начала XXI веков стал феномен исторической памяти. Из книжных описаний и некоторых националистических фантазий она шагнула в реальную жизнь, нашла отражение в массовых коммуникациях, стала одной из черт политической риторики, породила различные идеологические интерпретации, в том числе и в угоду эгоистических и экстремистских сил. В значительной степени это произошло в 1980–2000-е годы, в период происшедших значительных общественных потрясений, социальных катаклизмов, когда люди начали жить в условиях травмированного общества, потеряв прежние ценностные ориентиры и не обретя новые.

Но люди не могут жить без того, чтобы не иметь основу своего жизнеустройства, объединяющую с оценками других людей и, более того,

---

[1] Продолжение. См.: *Тощенко Ж.Т.* Фантомные боли моего военного детства //Мы помним... Книга воспоминаний и размышлений поколений. Ч.1 /Под ред. Ю.М. Осипова, Л.И. Ростовцевой. Тула: Гриф и К, 2012. С. 309–314.

придающую смысл их жизни. Поэтому не удивительно, что такой объединяющей и возвышающей идеей для большинства населения стала память о Великой Отечественной войне. Как показывают многочисленные социологические исследования, при проведении опросов населения получают примерно одни и те же результаты: на первое место среди всех социальных групп и слоев населения, независимо от мировоззренческих установок, материального благосостояния, образовательной подготовки и других показателей социального положения, выходит высокая оценка роли и значения Великой Отечественной войны по сравнению с другими важнейшими историческими событиями, даже с Октябрьской революцией.

Чем объясняется такая оценка? Во-первых, историческая память отражает глубинную природу патриотизма русского народа, который во все периоды своего существования, начиная со времен борьбы с татаро-монгольским нашествием, в войне с польской агрессией в начале XVII века, наполеоновским нападением на Россию, *проявил самые устойчивые черты Самости, самобытности, своей целостности как народа.* Эти черты с наглядностью проявились и в лихие годы борьбы с немецким фашизмом, как на уровне интуиции, так и на уровне осознанного восприятия действительности, произошла мобилизация всех духовных сил для сохранения себя как нации, так как речь шла не просто о судьбе страны, государства, а о судьбе, о будущности народа, о его присутствии на исторической арене. И эта роль русского народа в отражении фашизма была признана многими, в том числе и Сталиным в его речи на торжественном приеме в честь Дня Победы. Это понимание своей роли и значимости в борьбе с гитлеровской ордой разделяли многочисленные народы нашей страны, так как они тоже опасались исчезнуть с исторической арены, превратившись в национальные группы второго сорта или в группы, предназначенные для физического уничтожения.

Во-вторых, к 1941 г. страна достигла невиданных успехов в строительстве нового общества, выйдя по многим показателям на второе место в мире. Были достигнуты успехи не только в экономике, но и в культуре, образовании, науке, которые сделали Советский Союз привлекательной страной для многих слоев населения не только в нашей стране, но и в мире. И эта гордость за результаты труда, за высокую социальную мобильность, за возможность проявить себя и почувствовать причастным к самым значительным достижениям возвышали людей, укрепляли их веру в личное участие в свершении исторических преобразований. А то, что сделано своим умом, своими руками, в таких условиях надо было защищать.

В-третьих, людей вдохновляли цели, провозглашенные большевиками. Народу были предложены идеалы, которые всегда в той или иной мере существовали в его историческом сознании — построить справедливое общество, где не будет ни богатых, ни бедных, что все получат вознаграждение по результатам своего труда, а потом и по потребностям. Причем, четко проявлялась и реализовывалась рекомендуемая официальная установка — что полезно и нужно обществу, полезно и нужно тебе. И это в большинстве случаев выдерживалось.

В-четвертых, важнейшую роль сыграла социалистическая (государственная) идеология, основанная на идеях интернационализма и социального равенства, которые проповедовали большевики и что отвечало ценностным ориентациям, симпатизировало мировоззрению всех, в том числе и малочисленных народов. Именно уважение и поддержка других национальных культур, начиная с разработки их письменности и создания национальных издательств, послужили тому, что в своем большинстве все народы поддержали стремление русского народа отразить фашистскую агрессию. Не меньшую роль сыграли реальная политика по установлению социального равенства, что имело и побочный отрицательный эффект в виде так называемой уравниловки. И наконец, стоит сказать и о том, что преимущество советской идеологии проявилось в том, что люди защищали свое Отечество, свою родину, свою землю, что придавало им дополнительные моральные силы по сравнению с фашистской идеологией, нацеленной на порабощение других стран и народов. Иначе говоря, идеология пролетарского интернационализма показала свое преимущество по сравнению с проповедью величия так называемого арийского народа и его господства над другими народами.

В-пятых, почти за четверть века выросло новое поколение людей, которые построили свою жизнь по принципиально иным основаниям, чем их родители. Огромные массы выходцев из крестьянства и рабочих получили доступ к знаниям, получили профессии, выдвинули из своих рядов наиболее способных для руководства государственными и общественными делами. И эти завоевания, свидетельствующие о значительных социальных достижениях, люди искренне готовы были защищать.

Вот этот комплекс объективных и субъективных обстоятельств отразился в исторической памяти, как символ испытания верности вековым традициям и вновь рожденной социальной убежденности, которые отражали глубинные интересы и устремления большинства народа.

Сейчас для увековечения памяти о Великой Отечественной войне используются официальные меры (парады, заседания, встречи) и общественные (Бессмертный полк, поисковики). Что можно предложить, чтобы память не меркла, не бюрократизировалась, не отдавала спекуляцией?

Второй вопрос касается того, как сохранить, бережно отнестись к памяти о величайшем героическом событии, которое вбирает в себя огромный пласт гражданского сознания, личной убежденности, чувств

сопричастности к произошедшему жесточайшему испытанию судьбы страны и народа. К сожалению, на мой взгляд, в этом сбережении исторической памяти присутствует много формального отношения к ней, использования ее к месту и не к месту, а иногда и просто злоупотребляя и профанируя эту память, формально апеллируя к героическому прошлому, соблюдая только официальные этикеты, в которых нет души и глубокого бережного отношения к прошлому. Как любое святое дело, его не надо по-пустому славословить, упражняясь в заскорузлых или самодельных импровизациях, которые не содержат главного — искренности в оценке, восхищения героизмом и в то же время осознания горести от колоссальных потерь.

К сожалению, сейчас на первый план выходят трафаретные, плохо продуманные и даже злоупотребляющие этой памятью мероприятия, которые ничего не дают ни уму, ни сердцу, но усиленно эксплуатируют эту тему, порождая тем самым негативное восприятие этого возвышающего нас события. Именно сопротивляясь наступлению официоза и навязчивого патриотизма, народ родил такое начинание как «Бессмертный полк», призванный доказать, что это была победа не просто всей страны, всего народа, но и каждой семьи, что в полной мере соответствует исторической правде.

Для того, чтобы увековечить и закрепить в общественном сознании историческую память о Великой Отечественной войне, нужно, на наш взгляд, исходить из того, что эта война была многоплановой, неоднозначной, героической и трагической, с большими человеческими потерями и издержками. Поэтому охватить, описать, проанализировать ее во всем многообразии практически не удалось никому. Более того, нередко происходит преувеличение и даже искажение одной из сторон, в результате чего возникает неточное, некомпетентное, а иногда предвзятое мнение или суждение. На мой взгляд, не достигают должной глубины и проводимые социологические опросы населения, которые фиксируют в большинстве случаев общие оценки роли и значения Великой Отечественной войны.

Поэтому я прибегу к творчеству наших поэтов, которые создали бессмертные строки в описании самых различных сторон героических и трагических страниц этой войны.

Начну с такой неувядаемой в нашей памяти песни *«Вставай, страна огромная, / вставай на смертный бой / с фашистской силой темною, / с проклятую ордой»*. Эти слова, написанные В. Лебедевым-Кумачом в первые дни начавшейся войны и переложенные на музыку А. Александровым, стали гимном всей страны, всех народов, ее населяющих, обращенным к самым глубинным корням национального патриотизма. Эти слова вдохновляли людей, мобилизовывали на полную отдачу своих сил, укрепляли веру в победу над чудовищными намерениями порабощить советский народ. Это были те слова и чувства, которые обращены ко всей стране и в силу своей глубины и искренности сплачивали весь народ перед лицом смертельной опасности. Широкая мелодичная распевность композиции наряду с грозной поступью марша вдохновляла и поднимала боевой и моральный дух бойцов Красной Армии, особенно в суровых оборонительных боях. Она даже была названа «бессмертной» Маршалом Победы Георгием Константиновичем Жуковым, который обычно был чрезвычайно скуп на похвалы.

Другая не менее трогательная и сокровенная и в тоже время возвышающая идея была воплощена в песне на слова А. Суркова, музыка К. Листова: *«Бьется в тесной печурке огонь, / на поленьях смола, как слеза, / и поет мне в землянке гармонь / про улыбку твою и глаза»*. Неподдельная, мужественная и вместе с тем нежная, подкупающая своей естественностью, эта песня вызывала мгновенный отклик в сердцах всех воинов и вдохновляла тех, кто трудился в тылу. Такие слова отражали веру в победу в сочетании с самыми сокровенными личными чувствами и в то же время с верностью своему долгу, с очень естественным пониманием взаимосвязи общественного и личного патриотизма.

А был еще патриотизм, опирающийся на местное, как бы сказали сейчас, региональное выражение сути и назначения отечественной войны. Для примера приведу слова А. Софронова, музыка С. Каца: *«Шумел сурово брянский лес, / спускались синие туманы. / И сосны слышали в окрест, / как шли на немцев партизаны»*. И недаром эта песня стала гимном нынешней Брянской области — ведь это и память о 60 тысяч погибших партизан. Это тоже одна из граней исторической памяти, окрашенная участием в битве с немецкими фашистами на определенной территории. И это тоже еще одна частичка правды — правды подлинно народной, беззаветно отстаивающей свою истинность и глубокую убежденность в своей правоте.

Есть еще одна сторона исторической памяти — солдатская правда, героическая, но не всегда приглядная, кровавая, гибельная, но подчиненная высшему долгу — клятве, в которую верили без колебаний, без любований, как это бывает у некоторых ура-патриотов. Приведем потрясающе убедительное описание одной из сотен тысяч атак, в которую ходили солдаты и о чем так откровенно написал Семен Гудзенко, будущий корреспондент «Правды». Свое стихотворение «Перед атакой» он начинает так: *«Когда на смерть идут — поют, / а перед этим можно плакать. / Ведь самый страшный час в бою / — час ожидания атаки»*. И заканчивает его: *«Бой был короткий. А потом/ глушили водку ледяную, / и выковыривал ножом / из-под ногтей я кровь чужую»*.

Суровые и трагические страницы, отражающие жестокую силу неприглядной солдатской окопной правды, скорбь за гибель близких и одновременно глубокую убежденность в правоте своего солдатского долга

отражает и стихотворение Иона Дегена, танкиста, после войны ставшего врачом-ортопедом: *«Мой товарищ, в смертельной агонии / Не зови понапрасну друзей. / Дай-ка лучше согрею ладони я / Над дымящейся кровью твоей. / Ты не плачь, не стони, ты не маленький, / Ты не ранен, ты просто убит. / Дай на память сниму с тебя валенки. / Нам еще наступать предстоит»*.

И в заключение, приведу еще одно выражение истинной боли, принесшей личные страдания огромному количеству людей. Я имею в виду песню, написанную М. Исаковским, музыка М. Блантера: *«Враги сожгли родную хату,/ Сгубили всю его семью. / Куда ж теперь идти солдату, / Кому нести печаль свою?/»*

Все названные мною фрагменты реальных событий (но не только они) позволяют нарисовать истинную картину событий, имеющих как общенародное, общегосударственное знание, так и разные другие оттенки подлинного настоящего неподдельного патриотизма, который стал одним из решающих факторов в великой битве с немецким фашизмом. Конечно, можно привести еще немало примеров проявления этой беззаветной преданности своей Отчизне, в том числе и тех, кто трудился в тылу, обеспечивая боевой успех сражавшихся на фронте. Но именно такой подход — всесторонний, многоаспектный, разноуровневый, учитывающий все нюансы этой Великой Победы — обеспечит формирование подлинной исторической памяти, укрепит настоящий, а не поддельный патриотизм ныне живущих россиян.

Кто, почему и с какой целью распространяет разные толкования роли и значения Великой Отечественной войны, ее последствий?

Почему на международной арене обострилась вплоть до фальсификации трактовка начала Второй мировой войны и роли СССР?

Отвечая на этот вопрос, можно сказать, что долгое время в советской исторической науке, в общественном сознании царила сравнительно однозначная оценка: да, война была тяжелой, изнурительной, с огромными потерями, но эта война спасла не только СССР, советский народ, но и все человечество от коричневой чумы. В этой трактовке преобладали в большей мере победные нотки, чем анализ событий, которые свидетельствовали не только о победах, но и о поражениях, ошибках, просчетах и даже преступлениях, связанных с предательством, пораженчеством и неоправданными акциями. Но постепенно и в большей мере усилиями наших писателей появилась и лейтенантская, солдатская и партизанская правда, которая подтверждала героизм советских людей, но в то же время и рисовала часто сверхчеловеческие усилия, чтобы выполнить присягу и добиться победы в этих многочисленных кровопролитных схватках.

Перелом в трактовке Великой Отечественной войны наступил сначала в годы перестройки, который продолжился и в условиях новой России. Так как официальная политика все более склонялась, а потом и отказалась от всего социалистического прошлого, произошла гигантская дискредитация всего советского, что коснулось и Великой Отечественной войны.

Эта ревизия шла по нескольким направлениям.

Во-первых, доказать неоправданность потерь в Великой Отечественной войне. Многие «искатели истины» договорились до чудовищной клеветы, которая особенно ярко проявилась в «изысканиях» бывшего секретаря и члена Политбюро А. Н. Яковлева, утверждавшего, что в годы Великой Отечественной войны погибло 58 млн человек. Правда, другие «искатели» придерживались более «скромных» цифр, но это не меняло суть дела — они доказывали, что эта война была не столько войной с фашистской Германией, сколько войной и уничтожением своего народа.

Вторая порция клеветы была добавлена теми авторами, которые, начиная с предателя и перебежчика Резуна-Суворова, доказывали, что именно СССР повинен в развязывании Второй мировой войны, полностью игнорируя доказательства не только со стороны советских историков, но и их коллег за рубежом, в том числе и немецких.

Третий блок «писаний» о Великой Отечественной войне был направлен на то, чтобы развенчать не только лично Сталина, но практически всех полководцев, проявивших себя в победоносных военных операциях. Особенно досталось Г. К. Жукову, обвиненному не только в жестоком обращении с подчиненными, но и в неоправданных кровопролитных битвах, среди которых особенно оперировали боями по взятию Берлина.

Не менее поразительна и мерзка по своей сущности литература по оправданию предателей Родины, и в первую очередь, генерала Власова, создавшего Русскую освободительную армию, воевавшую на стороне гитлеровцев против Красной Армии. Попытка обелить его деятельность и подобных предателей подается как выступления против сталинизма, против пороков советской власти, за установление полной демократии и свободы для народов России. В этом отношении некоторые историки сравнивают поведение Власова с поведением генерала Карбышева, примерно в это же время попавшего в плен, но который предпочел смерть, а не измену Родине.

Эти и подобные попытки очернить причины, ход и основные события Великой Отечественной войны были продиктованы господствовавшей политической установкой — отречься от всего советского, в том числе и от тех свершений, который признавал и весь мир.

Но несмотря на все эти потуги, в исторической памяти Великая Отечественная война оставалась святым событием в жизни людей, так

как в ней теснейшим образом сплетались и общенародные, и личные (каждой семьи!) ценности, которые делают людей народом, а каждую семью хранительницей гражданских традиций предшествующих поколений.

В этой связи хотелось обратить внимание на один примечательный факт: даже в годы холодной войны оценка общей борьбы СССР и западных держав против фашизма не пересматривалась ни одной из сторон. И хотя были определенные нюансы и разные толкования отдельных событий, но это не меняло общей интерпретации причин и результатов Второй мировой войны.

Почему же сегодня радикально изменились оценки?

Если проанализировать причины, это мало имеет отношения к прошлому, реальной истории, так как инициаторы пересмотра не ставят целью выработать объективную истину. Пересмотрщиков, перелицовщиков во многих странах не волнует, что на самом деле происходило и в 1939-м, и в последующие годы.

Для политиков этих стран на первый план выходит в условиях обострившихся экономических и социальных проблем поиск образа врага, на которого можно свалить все текущие и грядущие беды. А как показывает исторический опыт, это легче всего сделать, если обвинить во всех неурядицах придуманного врага. Причем, эта вражда должна иметь корни в глубоком прошлом, которое никуда не исчезло и только по-иному разворачивается в настоящее время.

Внешние недруги рисуют себя как последовательные выразители идей свободы и демократии, которым противостоит авторитарная и милитаристская Россия. Поэтому и беды, и ухудшение социального положения можно объяснить именно происками российской стороны и ради этого можно перелицовывать и истинные причины начала Второй мировой войны (к примеру, Мюнхен, 1938 г.), и забыть, кто освободил Освенцим, или обсуждать поведение красноармейцев в деоккупированных странах. Все нацелено не на поиск истины, а на то, чтобы максимально возбудить вражду с сегодняшней Россией и ее народом и тем самым переориентировать внимание своего населения с решения неотложных социально-экономических проблем на проблемы, которые-де исходят от России и ее политиков.

В этих условиях историческая память приобретает огромное значение, чтобы сберечь, сохранить и передать следующим поколениям общечеловеческую ценность совершенного советским народом подвига.

ПАМЯТЬ О СОВЕТСКИХ ВОИНАХ, ПОГИБШИХ И ПРОПАВШИХ БЕЗ ВЕСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙН, В ЦЕНТРАЛЬНОМ МУЗЕЕ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РФ

Сабуров Леонид Давыдович, 68 лет,
главный научный сотрудник Центрального музея Вооруженных Сил Российской Федерации, доктор исторических наук, г. Москва

Указом Президента Российской Федерации от 8 июля 2019 г. № 327 2020 год объявлен в Российской Федерации «Годом памяти и славы». Историческая истина, подтвержденная реальными событиями и документами, объективными исследованиями, свидетельствует о том, что победа над немецко-фашистскими войсками была достигнута благодаря превосходству советского военного искусства, героизму воинов, усилиям всего народа СССР.

Цена победы над фашистской Германией — это выражение результатов ожесточенной борьбы, в которой решался вопрос о жизни и смерти Советского Союза, его народов, материальной и духовной культуры, о жизни и смерти человеческой цивилизации.

Общие людские потери в результате войны составляют 26,6 млн человек [1, с. 605]. Безвозвратные (невосполнимые) потери военнослужащих за годы Великой Отечественной войны, в том числе и Советско-японской войны 1945 г., состоявших по списку в Вооруженных Силах СССР, составили 8 668,4 тыс. человек. При этом армия и флот потеряли 8 509 300 человек, внутренние войска — 97 700 человек, пограничные войска и органы госбезопасности — 61 400 человек [2, с. 15; 3, с. 129; 4, с. 50–51; 1, с. 606]. За цифрами горьких утрат видятся мужество и героизм советских людей, отдавших за свободу родной земли самое дорогое — свою жизнь.

По уникальности музейных предметов, по своему значению для истории нашего Отечества равных Центральному музею Вооруженных Сил Российской Федерации (ЦМВС РФ) на территории постсоветского пространства нет. К примеру, только по истории Второй мировой и Великой Отечественной войны здесь собрано около четырехсот тысяч уникальных экспонатов и музейных предметов в фондах. Значительную

часть экспозиции ЦМВС РФ занимают залы, посвященные Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. В зале «Победа» на мраморных плитах высечены имена героев, навечно зачисленных в списки воинских частей.

Скульптура «Победа». Мраморная плита с именами героев, навечно зачисленных в списки в/ч

Научный сотрудник ЦМКА М.К. Назарова и летчики, доставившие собранные на Донском фронте реликвии. Январь, 1943 г.

По сведениям выпущенного военным издательством справочника «Зачислен навечно» с краткими биографическими справками обо всех героях частей, кораблей, военно-учебных заведений ВС СССР, к 1 июня 1989 г. значилось в общей сложности 412 павших смертью храбрых защитников Родины [5]. В зале вписаны имена 354 героев.

В собирательской работе принимал участие практически весь коллектив музея.

Вот как вспоминает об одной из своих поездок в войска Донского фронта экскурсовод М.К. Назарова, где она работала с заместителем начальника музея П.Н. Логиновым: «...Добирались в теплушках и неотапливаемых товарных вагонах до конечного пункта движения поездов, а дальше попутными машинами. Сложностей было много. Нас никто не приглашал и не ждал. Надо было везде «пробивать» путь к нужным материалам. Нам надо было найти воинов, о которых писалось в газетах, найти их оружие, если они погибли, их документы и т.д. О враге было легче получить материал — оружие, письма — все это было в большом количестве. А вот о своих... В политотделе давали примерные координаты.

В частях собирались листовки, рассказывающие о солдатах-героях, а вот оружие этих солдат получить было трудно. Живые не хотели с ними расставаться. А оружие убитого героя чаще всего передавали как поощрение другому» [6, с. 53; 7, с. 44].

За период войны музеем из различных источников было получено почти 99 тысяч музейных предметов, составивших основу его коллекции, многие из которых являются историческими раритетами.

Фотографии командующего 13-й армией генерал-майора П.М. Филатова, его пистолет и пробитый осколком футляр ручки

Подарочный пистолет системы Браунинга, знаки различия комкора и папка командира 63-го стрелкового корпуса генерал-лейтенанта Л.Г. Петровского

В разделе боев на Западном фронте экспонируются фотографии командующего 13-й армией генерал-майора П.М. Филатова, чьи войска героически защищали северные подступы к Минску. Демонстрируются его пистолет и пробитый осколком футляр ручки. Генерал был смертельно ранен в боях под Могилевом.

В разделе Смоленского сражения комплекс командира 63-го стрелкового корпуса генерал-лейтенанта Л.Г. Петровского пополнен его подарочным пистолетом системы Браунинга и знаками различия комкора (получены в 1964 г. от дочери). Представлена также фотография героя обороны Могилева командира 388-го стрелкового полка 172-й стрелковой дивизии полковника С.Ф. Кутепова, который послужил прототипом персонажа комбрига Серпилина в романе К.М. Симонова «Живые и мертвые». К.М. Симонов завещал развеять свой прах над Буйническим полем, где погибли командир и воины этого полка.

В разделе боевых действий Юго-Западного фронта впервые представлен китель командующего фронтом генерал-полковника М.П. Кирпоноса [8, с. 202–206]. Здесь же экспонируется Золотая Звезда Героя Советского Союза, которой генерал был удостоен за героизм во время

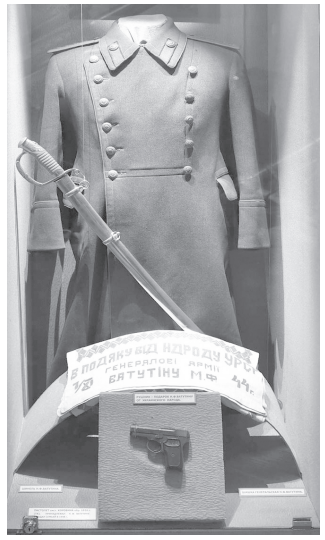
Советско-финляндской войны 1939–1940 гг. После гибели М. П. Кирпоноса в урочище Шумейково в сентябре 1941 г. его адъютант снял награду с кителя, ночью сумел выбраться из урочища и позднее вышел к нашим войскам.

Китель командующего Юго-Западным фронтом генерал-полковника М.П. Кирпоноса

Фотографии героев-летчиков капитанов Н.Ф. Гастелло и А.С. Маслова

При выходе из зала помещены крупные натурные экспонаты, в числе которых часть двигателя с самолета ДБ-3ф, найденного на месте предполагаемой гибели экипажа Н. Ф. Гастелло. При перезахоронении праха летчиков в 1951 г. оказалось, что в этом месте упал самолет капитана А. С. Маслова. Самолет экипажа Гастелло так и не был найден. Несмотря на это, многие десятилетия музейная аннотация гласила о принадлежности двигателя самолету Гастелло. Теперь создан комплекс с фотографиями обоих героев, фамилиями членов экипажей и подробной аннотацией с изложением сути дела.

Среди экспонатов можно отметить ряд предметов, принадлежащих Н. Ф. Ватутину и переданных музею в 1948 г. его семьей: рушник с надписью на украинском языке «В подарок от украинского народа генералу армии Ватутину Н. Ф. 1.XI.44 г.», шашку, шинель, пистолет системы Коровина образца 1926 г. Советский полководец, генерал армии (1943 г.) был вновь назначен командующим Воронежским фронтом в марте 1943 г., а летом в период оборонительного сражения на Курской дуге части и соединения фронта отразили мощные удары противника, в ходе контрнаступления успешно решили задачу прорыва глубоко эшелонированной обороны. Незаурядное военное дарование Ватутин проявил при создании мощных ударных группировок, применении танковых корпусов в качестве подвижных групп армий, а танковых армий в качестве подвижных групп фронта, что позволило обеспечить высокие темпы при прорыве обороны противника и преследовании его [9, с. 23].



Рушник, шашка, шинель, пистолет сист. Коровина обр. 1926 г. командующего 1-м Украинским фронтом генерала армии Н.Ф. Ватутина

В освобождении Киева участвовали войска 1-го Украинского фронта под командованием генерала армии Н. Ф. Ватутина (1901–1944 гг.). Бойцы Николая Федоровича, несмотря на довольно жесткие условия, смогли выполнить поставленную задачу и освободить столицу Украинской ССР даже ранее назначенного срока — 6 ноября 1943 г.

Во взаимодействии со 2-м Украинским фронтом войска 1-го Украинского фронта в январе — феврале 1944 г. в ходе Корсунь-Шевченковской операции окружили крупную группировку противника и ликвидировали ее.

Н. Ф. Ватутин стал жертвой одного из нападений бандитских формирований «бандеровцев». 29 февраля 1944 г. во время выезда в войска командующий 1-м Украинским фронтом попал в засаду украинских националистов, в результате чего был тяжело ранен и в ночь на 15 апреля скончался [1, с. 320–333, 351]. Звание Героя Советского Союза присвоено 6 мая 1965 г. посмертно за умелое руководство войсками во время борьбы с немецко-фашистскими захватчиками [10, с. 438, 439]. Похоронен в Киеве.

В сражениях на территории Эстонии, Латвии и Литвы участвовали войска Ленинградского, 1-го, 2-го, 3-го Прибалтийских, 3-го Белорусского фронтов и силы Краснознаменного Балтийского флота. Боевые действия приняли большой размах и носили затяжной характер. Они проводились в трудных условиях лесисто-болотистой местности с большим количеством рек и озер, с преодолением многополосной вражеской обороны. В результате наступления Красной Армии в Прибалтике группа армий «Север» потерпела крупное поражение. Победа над гитлеровцами в Прибалтике досталась дорогой ценой — более 330 тысяч советских воинов погибло.

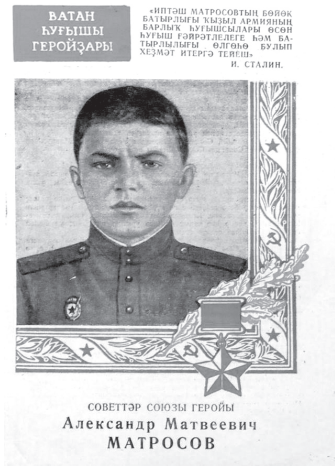
В этих боях советские воины проявили отвагу, мужество и мастерство. Свыше 1100 человек были удостоены звания Героя Советского Союза. Среди отличившихся были бойцы 3-го Белорусского фронта, которым командовал молодой, талантливый полководец И. Д. Черняховский. На втором этапе Белорусской операции в июле 1944 г. войска фронта

провели Вильнюсскую операцию, в июле–августе — Каунасскую операцию. В октябре 1944 г. он руководил войсками фронта, участвовавшими в Мемельской операции. В феврале 1945 г. в ходе Хейльсбергской операции, стремясь переломить её ход, командующий фронтом почти непрерывно находился в войсках. 18 февраля 1945 года по пути из 3-й в 5-ю армию Черняховский И. Д. был смертельно ранен осколком шального артиллерийского снаряда [1, с. 547] в районе г. Мельзак (ныне Пененжно, Польша). Красная Армия потеряла одного из талантливейших военачальников, которому шел 39-й год. В музее хранится бекеша Черняховского, пробитая осколком вражеского снаряда, и коммутатор, по которому он работал.

А. М. Василевский высоко оценивал командующего 3-м Белорусским фронтом: «Хорошее знание войск, многообразной и сложной боевой техники, умелое использование опыта других, глубокие теоретические знания позволяли Черняховскому отлично управлять войсками, входившими в состав его фронта, решать сложнейшие задачи, которые ставило перед ним Верховное Главнокомандование. В бою Черняховский находился на наиболее ответственных участках, внимательно следя за действиями своих войск и противником. Он чутко прислушивался к мнению подчиненных. Смело использовал все новое и полезное в обучении войск и организации боя. Солдаты, офицеры и генералы любили своего командующего прежде всего за человечность и заботу о них, за отвагу и бесстрашие, за твердость и настойчивость при проведении в жизнь решений, за прямоту и простоту в обращении, за гуманность и выдержку, за требовательность к себе и к подчиненным. Да, он был строг и требователен. Но никогда не позволял себе унижать достоинство человека...» [11, с. 456].

В ожесточенных боях за Прибалтику в рядах Красной Армии плечом к плечу с представителями других народов СССР мужественно сражались воины латышской, литовской и эстонской национальностей. И сегодня особенно прискорбно наблюдать, как память об их героических подвигах в современных странах Балтии подвергается жестоким надругательствам. При этом предпринимаются попытки героизировать деятельность представителей местного населения, тесно сотрудничавших с нацистами. Как представляется, факты выпячивания «особой» роли выступавших под вражескими знаменами националистов и «поборников независимости», беспрецедентный интерес к репрессивной и «оккупационной» проблематике, к повстанческой деятельности в годы Великой Отечественной войны политической элитой Латвии, Литвы и Эстонии используются прежде всего для «мягкого пересмотра итогов Второй мировой войны» и обоснования материальных и территориальных претензий к России. Такая позиция, безусловно, не способствует развитию российско-балтийских отношений.

7,62-мм ППШ Героя Советского Союза А. М. Матросова



Листовка с описанием подвига Героя Советского Союза А. М. Матросова на башкирском языке

Среди экспонируемого оружия можно отметить 7,62-мм ППШ Героя Советского Союза А. М. Матросова [10, с. 89].

В годы Великой Отечественной войны возрождается целый ряд традиций дореволюционной русской армии. Одной из них является навечное зачисление героев в списки части, в которой они несли службу. Первым военнослужащим, навечно зачисленным в состав 254-го стрелкового полка, стал рядовой Александр Матросов, закрывший своим телом вражескую огневую точку.

В соответствии с документами Александр Матросов был зачислен в стрелковый батальон, входивший в 91-ю отдельную Сибирскую добровольческую бригаду, носившую имя Иосифа Сталина, 25 февраля. Но в советской прессе указывается, что свой подвиг Александр Матросов совершил 23 февраля. Прочитав об этом позднее в газетах, однополчане Матросова были крайне удивлены данной информации, ведь в действительности памятный бой на Псковщине, неподалеку от деревни Чернушки, которую батальон в соответствии с приказом командования должен был отбить у немцев, произошел 27-го февраля 1943 г.

Почему столь важная дата была изменена не только в газетах, но и во многих исторических документах, описывающих великий подвиг? Всем, кто рос в советское время, хорошо известно, как правительство и многие другие официальные органы любили приурочивать разные, даже самые незначительные события, к памятным юбилеям и датам. Так произошло и в данном случае. Приближающийся юбилей, 25-летие со дня основания Красной Армии, требовал «реального подтвержде-

ния» для воодушевления и поднятия морального духа советских воинов. Очевидно, было принято решение приурочить подвиг бойца Александра Матросова к памятной дате.

Требует упоминания и то обстоятельство, что еще до конца марта 1943-го года как минимум тринадцать человек — бойцов Красной Армии, воодушевленных примером Александра Матросова, совершили такой же подвиг.

Сохранилось множество документально засвидетельствованных фактов, как уже в первые годы войны советские солдаты бросались на огневые точки противника. Самыми первыми из них стали Александр Панкратов — политрук танковой роты, пожертвовавший собой 24 августа 1941-го года при атаке Кириллова монастыря под Новгородом, и Яков Падерин, погибший 27 декабря 1941-го года у деревни Рябиниха в Тверской области. Всего за годы войны аналогичный подвиг совершили более четырехсот человек.

Станковый пулемет сист. Максим командира расчета рядового В.П. Жаркова

Еще одним интересным экспонатом является станковый пулемет системы «Максим» В.П. Жаркова. Владимир Петрович Жарков (1924–1943 гг.) — рядовой. Командир расчета пулеметной роты 262-го гвардейского стрелкового полка 87-й гвардейской стрелковой дивизии 2-й гвардейской армии. В.П. Жарков отличился в ходе проведения Мелитопольской операции. Из представленного пулемета системы Максим рядовой уничтожил расчеты 4-х станковых и 4-х ручных пулеметов, свыше 60 солдат и офицеров врага. В ходе боя был тяжело ранен, однако продолжал сражаться, пока не погиб. Звание Героя Советского Союза присвоено 01.11.1943 г. посмертно [10, с. 468].

В течение 4-х лет (2015–2018 гг.) велся историко-архивный поиск по боевому пути и установлению членов экипажа бронекатера БК-433. Автор настоящей статьи и старший научный сотрудник В.И. Замкин изучили военную литературу, документы Военно-морского архива (филиала Центрального архива Министерства обороны РФ), Российского государственного архива социально-политической истории, письменно обращались к родственникам членов экипажа А.Д. Шлемова, В.А. Славянского.

Результатом работы в 2018 г. стала научная работа «Навечно в памяти народной. Боевой путь музейного экспоната бронекатера БК-433

"От Керчи до Вены"» и установление фамилий 23 членов экипажа БК-433, их боевых подвигов.

Бронекатер БК-433

За очень короткий период времени боевых действий против японских милитаристов в ходе Советско-японской войны 1945 г. геройски проявили себя многие воины армии и флота.

Пулеметчик 567-го стрелкового полка 384-й стрелковой дивизии 25-й армии 1-го Дальневосточного фронта младший сержант А.Я. Фирсов отличился в бою 11 августа 1945 г. за город Дуннин (Северный Китай). При прорыве укрепленного района он первым проник к вражескому доту и, израсходовав боеприпасы, закрыл своим телом его амбразуру. Ценою жизни он спас от смерти многих однополчан и способствовал выполнению боевой задачи подразделением.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 сентября 1945 г. за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с японскими милитаристами и проявленные при этом исключительный героизм и самопожертвование младшему сержанту А.Я. Фирсову посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Приказом Министра обороны СССР он навечно зачислен в списки личного состава своей воинской части.

Пулеметчик 567-го стрелкового полка Дальневосточного фронта младший сержант А.Я. Фирсов

В витрине посетители смогут увидеть Грамоту Президиума Верховного Совета СССР о присвоении А.Я. Фирсову звания Героя Советского Союза и письмо, направленное политотделом 384-й стрелковой дивизии его матери.

Санитарка 355-го батальона морской пехоты Мария Цуканова 14 августа 1945 г. в составе 355-го батальона морской пехоты участвовала в высадке десанта в корейский порт Сейсин (ныне Чхонджин). Во время боя она оказывала нуждающимся медицинскую помощь, вынесла

Торжественное предание земле останков 48 погибших советских воинов, обнаруженных в ходе поисковой работы в Кабардино-Балкарской Республике

с поля боя 52 раненых десантника. Сама была дважды ранена, в бессознательном состоянии попала в плен к японцам и была зверски замучена врагами (ее изрезали ножами и выкололи глаза). Указом Президиума Верховного Совета СССР 14 сентября 1945 г. за проявленные мужество и героизм старшему матросу М.К. Цукановой посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Вот уже почти десять лет Центральный музей Вооруженных Сил принимает участие в работе по поиску и захоронению воинов, павших в годы Великой Отечественной войны. Работа эта сложная и многоплановая. Она предполагает и серьезную архивно-исследовательскую работу, и привлечение самых разных специалистов: тут нужны и саперы, и судмедэксперты, и эксперты-музейщики, и альпинисты-инструкторы и многое, многое другое.

Два года подряд Министерство обороны Российской Федерации при участии ЦМВС РФ совместно с Правительством Кабардино-Балкарской Республики проводило в Приэльбрусье героико-патриотические акции по поиску и захоронению воинов, погибших здесь в 1942–1943 гг. В этих акциях активно участвуют и различные общественные поисковые объединения.

Фрагменты самолета ДБ-3, не вернувшегося с боевого задания 1 января 1943 г.

Только в 2013 г. были найдены и торжественно преданы земле останки 48 погибших советских воинов, удалось установить имена некоторых из них. Несколько ранее в районе ледника Кюкюртлю были обнаружены фрагменты самолета ДБ-3, не вернувшегося с боевого задания 1 января 1943 г. Там же находились останки членов экипажа, которые были

с почестями преданы земле на территории Кабардино-Балкарии. Найденные же документы, некоторые авиационные приборы, части парашюта одного из погибших летчиков и другие материалы нашли достойное место в экспозиции Центрального музея Вооруженных Сил Российской Федерации, некоторые материалы были переданы в другие музеи.

Посвящение в кадеты в зале Победы ЦМВС РФ

В ходе мероприятий научно-просветительной работы — встреч с ветеранами армии и флота, представлении Боевых Знамен, посвящении в юнармейцы, кадеты, приема присяги военнослужащими, церемоний награждения — сотрудники музея передают молодому поколению память о мужестве и героизме народов СССР, отдавших свою жизнь в боях за освобождение страны от немецко-фашистских захватчиков.

Литература и источники

1. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. В 12 т. Т. 1. М.: Воениздат, 2011.

2. *Моисеев М.А.* Цена Победы // Военно-исторический журнал. 1990. № 3.

3. Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статистическое исследование. М.: Воениздат, 1993.

4. Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. М.: Вече, 2009.

5. Справочник «Зачислен навечно». М.: Воениздат, 1989.

6. Исторический очерк, посвященный созданию и становлению музея. М.: ЦМВС, 1999.

7. Главный военный музей России. К 100-летию Центрального музея Вооруженных Сил Российской Федерации. М.: Граница, 2019.

8. ЦАМО РФ. Ф. 16. Оп. 973. Д. 1.

9. Военная Энциклопедия в 8 т. Т. 2. М.: Воениздат, 1994.

10. Герои Советского Союза: Краткий биографический словарь: в двух томах. / Под ред. В.П. Горемыкина. Т. 1. М.: Буки Веди, 2015.

11. *Василевский А.М.* Дело всей жизни. М.: Политиздат, 1978.

О ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИСТОРИИ, ОПАЛЕ МАРШАЛА ЖУКОВА И МОЛОДЕЖИ[1]

Жукова Эра Георгиевна, 92 года,
старшая дочь маршала Г.К. Жукова,
кандидат юридических наук,
г. Москва

В преддверии 75-летия Победы наблюдается новый всплеск нападок на историческую память. Снос памятников советским солдатам-освободителям и полководцам прокатился по разным странам; возрождаются старые мифы и появляются новые. Многие мифы, в первую очередь о полководце Г.К. Жукове, имеют глубокие корни. Его имя как символ Победы и вся жизнедеятельность позволяют понять причины этих мифов. Недоброжелатели все более напористо пытаются оспорить решающую роль Советского Союза во Второй мировой и Великой Отечественной войне — это главная причина внешних нападок на маршала Победы. К примеру, не утихает вопрос о ленд-лизе — будто решающую роль в достижении нашей победы над фашистами сыграли поставки союзниками вооружения, продовольствия, материалов. Что говорил по этому поводу Георгий Константинович Жуков?

Титульный лист книги маршала Жукова Г.К.

В активизации попыток фальсификации истории надо видеть и внешние, и внутренние причины. В книге «Воспоминания и размышления» папа писал, что с началом «холодной войны» объективные оценки стали сильно извращаться. К тому же уцелевшие гитлеровские генералы наводнили после войны книжный рынок своими тенденциозными воспоминаниями. О значении ленд-лиза он в своей книге писал: «Спору нет, Советский Союз действительно получил во время войны важные для народного хозяйства машины, оборудование,

[1] Продолжение. См.: *Жукова Э.Г.* «Легких путей в жизни нет...» //Мы помним... Книга воспоминаний и размышлений поколений. Ч. 1 /Под ред. Ю.М. Осипова, Л.И. Ростовцевой. Тула: Гриф и К, 2012. С.43–52; Жукова Э.Г. Послевоенные события //Мы помним... Сразу после войны (2017). С.12–21.

материалы. Из США и Англии было доставлено, например, более 400 тысяч автомобилей, поступали паровозы, горючее, средства связи. Но разве все это могло оказать решающее влияние на ход войны?» Советская промышленность в годы войны достигла большого размаха и обеспечивала фронт и тыл всем необходимым. Относительно вооружения приведенные в книге цифры красноречиво говорят сами за себя: «Мы получили по ленд-лизу из США и Англии 18,7 тысячи самолетов, 10,8 тысячи танков, 9,6 тысячи орудий. К общему числу вооружения, которым советский народ оснастил свою армию за годы войны, эти поставки составили соответственно 12; 10,4; 2 процента. Определенное значение бесспорно, но о решающей роли говорить не приходится» [1, с. 694].

В военных мемуарах, которые папа постоянно читал, встречались злобные выпады бывших гитлеровских генералов, американских и английских милитаристов, но особенно огорчался он по поводу искажений в воспоминаниях союзников СССР.

Потом источником огорчений нередко выступали мемуары наших военачальников, клевета и ложь вокруг его имени, официальный подход в истории, нацеленный на сокрытие недостатков. Сразу же после войны папа говорил о необходимости создания для потомков истинной истории Великой Отечественной войны, в которой должна быть правда.

Как относился Георгий Константинович Жуков к мемуарам наших военачальников?

Он находил в них много ценного и интересного материала. Но не у всех и не всегда. Не любил легковесных суждений и неточностей. Именно неверные толкования операций Великой Отечественной войны побудили его начать писать книгу «Воспоминания и размышления» в 1958 году. А после Октябрьского Пленума ЦК КПСС 1957 года, когда Г.К. Жуков был освобожден от обязанностей министра обороны СССР, появилось много не просто ошибочных, неправильных оценок, но и явно клеветнических, ложных (самое обидное — выходящих из-под пера соратников! Правда, некоторые потом просили у него прощения, оправдывались...).

Работал над книгой папа очень основательно (так же, как и все, что он делал): глубоко исследовал каждую крупную операцию, каждый период войны, вникал в детали. Ездил регулярно в Центральный архив Министерства обороны в Подольск, изучал приказы и донесения, скрупулезно отбирал документы, анализировал действия фронтов и армий. Не в его характере было терпеть ложь или ошибки. Он упорно боролся с ними в поисках истины. В частности, знаю, когда вышли воспоминания В.И. Чуйкова «Конец третьего рейха» в журнале «Октябрь», папа не оставил без внимания его утверждение о том, что Берлин можно было взять в феврале 1945-го и тем самым значительно сократить количество

жертв. Он ответил статьей «На Берлинском направлении» в «Военно-историческом журнале», в которой доказал, что стратегическая обстановка требовала передышки для организации решающей Берлинской операции. Потом материалы этой статьи были использованы в главах «От Вислы до Одера» и «Берлинская операция» в его мемуарах «Воспоминания и размышления».

В предисловии к этой книге, изданной впоследствии в ФРГ, говорилось: «Я хотел рассказать правду о войне. Я должен был это сделать в память о тех, кто отдал свою жизнь за Родину в боях с гитлеровскими захватчиками, и тех миллионах мирных людей, что явились жертвами фашизма. Я обязан был это сделать для тех, кто родился после войны. Чтобы это больше не повторилось! Ибо правильно понять прошлое — значит облегчить поиски верного пути в будущее».

Но сколько борьбы и нервов потребовало рецензирование книги на стадии ее подготовки — это особая тема!

Эра Георгиевна, насколько объективны, по Вашему мнению, воспоминания А. Д. Миркиной, издательского редактора «Воспоминаний и размышлений», которая рассказала о перипетиях создания книги и «борьбе» маршала Жукова с рецензентами за правду о войне?

Анна Давыдовна работала 9 лет с Георгием Константиновичем, общалась с ним постоянно и хорошо знала, как он трудился над книгой, «сражался» с рецензентами, видела его в разных жизненных ситуациях. Ей довелось участвовать в подготовке 12 изданий «Воспоминаний и размышлений», в том числе первого (1969 г.) и второго изданий (1974 г.) — увидевших свет при жизни автора. Только перечень замечаний рецензентов, которые надо было учесть и исправить, был отпечатан на 50 страницах (!) и насчитывал свыше 150 пунктов; 100 страниц авторского машинописного текста было выброшено, в т.ч. глава о массовых репрессиях военных кадров накануне войны, менее чем за полтора года до ее начала (там говорилось о М. Н. Тухачевском, А. И. Егорове, В. К. Блюхере, командармах И. П. Уборевиче и И. П. Белове, под началом которых служил Георгий Жуков...). Наиболее спорными были места в рукописи, где речь шла о состоянии нашей подготовленности к войне и роли И. В. Сталина как Верховного Главнокомандующего; некоторые цифры и факты требовали «отлакировать», смягчить трактовку.

А. Д. Миркина видела и непреклонность, и негодование, и огорчение автора, и поиск приемлемых решений совместно с директором Агентства печати Новости Вадимом Герасимовичем Комоловым, талантливым журналистом и удивительно смелым человеком, который взял на себя обязанность согласования замечаний между рецензентами и автором. Пометки на полях рукописи, записки, обсуждение спорных мест,

уточнение фактов — все это Анна Дмитриевна прекрасно знала. В своей книге «Вторая победа маршала Жукова» она написала, что часть рецензентов вообще не хотела выпускать книгу опального маршала. В первую очередь это М. А. Суслов, в те годы ведавший идеологией в Политбюро ЦК КПСС[1]. Рукопись объемом в 1430 машинописных страниц была представлена в издательство «Агентство печати Новости» в марте 1966 года, а книга поступила в книжные магазины Москвы в конце апреля 1969 года. Все это время шла непрерывная напряженная работа.

Успех мемуаров в стране оказался грандиозный. Несколько тысяч писем получили автор и издательство. Их привозили в больших крафтовых мешках и мы всей семьей читали их. Во многих из них были высказаны слова благодарности, гордости за страну и народ; были и дельные замечания, добавления, уточнения по фактам, которые после тщательной проверки вносились во второе издание (Анна Давыдовна Миркина описывает эту работу). Многие участники войны, увидев правду о войне с фашизмом, обращались с личными просьбами, жаловались на несправедливое отношение к ним. И папа старался ответить на каждое такое письмо, обращался с просьбами о помощи таким людям в разные инстанции, касалось ли это лечения, получения жилья или еще каких-то вопросов. Люди увидели в Г. К. Жукове гаранта в торжестве справедливости.

А как за рубежом приняли мемуары маршала Жукова? Известно, что А. Д. Миркина предстала перед опальным маршалом Г. К. Жуковым 6 июля 1965 г. на даче в Сосновке по поручению редакции по заказам зарубежных фирм Издательства АПН, чтобы предложить крупному советскому военачальнику, освободителю Европы от фашизма опубликовать мемуары в соответствии с приглашением Парижского издательства «Опера-Мунди».

Г.К. Жуков с дочерьми (слева направо) Машей, Эрой, Эллой. Апрель 1969 г.

Имя маршала Жукова, известное во всем мире как символ победы над фашизмом, после Октябрьского (1957 г.) Пленума ЦК КПСС исчезло из отечественных СМИ и

[1] Нетрудно понять, почему был столь категоричен первый отзыв о рукописи: «Издание книги Г. К. Жукова признать нецелесообрзным. Маршал Жуков преувеличивает свою роль в истории Великой Отечественной войны, недостаточно показывает роль партии, книга сможет принести вред советскому народу» [2, с. 50] — *Прим.ред.*

произносилось с опаской. А. Д. Миркина с трудом нашла папу через мою младшую сестру Эллу, которая в то время работала во Всесоюзном радиокомитете. К моменту встречи папа уже несколько лет записывал свои воспоминания, но «в стол», как он говорил, «для истории», т.к. был не уверен, что они будут изданы. Когда в августе подписывал договор на издание книги, он выставил одно обязательное условие — что книга выйдет сначала в СССР, а потом уже за рубежом.

В 1970–1971 гг. «Воспоминания и размышления» маршала Г. К. Жукова были изданы на всех континентах и были признаны бестселлером. На суперобложке штуттгартовского издательства ДФА (Дойчеферлагс-аншальт) было написано по всему периметру: «ОДИН ИЗ ВЕЛИЧАЙШИХ ДОКУМЕНТОВ НАШЕЙ ЭПОХИ» [2, с. 115].

Чтобы не быть голословной, полагаю, надо обратиться к книге А. Д. Миркиной «Вторая победа маршала Жукова» — в ней приводятся отзывы иностранной прессы, полученные АПН, о том, какой резонанс вызвали мемуары на Западе. Сегодня это необходимо напомнить всем переписывателям истории.

«РОЙТЛИНГЕР НАХТРИХТЕН» (ФРГ)

«...Это по-солдатски трезвый рассказ о полных драматизма, страшных событиях на Востоке. В книге достоверно изложено, как Советский Союз воевал против Германии и как он победил» [2, с. 116].

Журнал «ЭКОНОМИСТ» (Великобритания)

«...Жуков подверг резкой критике западных комментаторов за умаление роли России в разгроме Гитлера. Его воспоминания могут изменить подобные суждения, так как именно в России Гитлер потерпел поражение во Второй мировой войне...» [2, с. 116].

«БЕРАТЕР БИЛЬФЕЛЬД» (Нюрнберг, ФРГ) 10/69.

«Имеются бесчисленные статьи, документация и воспоминания о Второй мировой войне. Однако, несомненно, «Воспоминания и размышления» советского русского маршала Георгия Жукова, появившиеся на немецком языке, являются не только одним из важных документов нашей эпохи, но незаменимой книгой для каждого, кто занимается политикой, современной историей и военной историей, и для тех, кто участвовал в войне против Советского Союза.

Его повествование открыто и искренне. Он не боится признавать свои ошибки. Он описывает многочисленные и даже резкие споры со Сталиным и все-таки признает его заслуги. Драматические кульминационные моменты страшных схваток приобретают в его солдатском, сухом изложении просто жуткое ощущение присутствия при всем этом» [2, с. 116–117].

«ХРИСТИНД ВЕЛЬТ» (Штутгарт. 31.10.1969)

Политические книги.

Ганс Георг Штудниц

«...Речь идет о важном документе нашей эпохи. Книгу эту надо рассматривать как связное изложение Отечественной войны с советской точки зрения.

...Воспоминания излучают гордость, но не превосходство. Он откровенно признает свои ошибки и берет на себя за них ответственность. Его суждение о Сталине соответствует теперешнему официальному мнению: великий человек, который позволял с собой говорить и которого можно было убедить аргументами, однако человек не без ошибок.

Хрущев, обязанный Жукову в свое время (этот период мемуары, конечно, не затрагивают) спасением от свержения, и который затем беспощадно расправился с ним, наделен несколькими язвительными чертами. Бросается в глаза, что маршал очень сильно подчеркивает роль политкомиссаров в Советской Армии. И это не случайно. Ведь, когда его сместил Хрущев, его упрекали в том, что он пренебрегал и недооценил их роль.

То, что Жуков безмерно восхваляет заслуги КПСС, относится, конечно, к «обязательным упражнениям», без чего опубликование мемуаров было бы невозможно» [2, с. 121–122].

А в советской прессе несколько месяцев после выхода книги в свет было упорное молчание. Пока в октябрьском номере журнала «Коммунист» (1969, № 10) не появилась рецензия маршала А. М. Василевского.

Эти отклики были очень важны для папы в его ситуации изоляции.

Как получилось, что человек, сыгравший ключевую роль в освобождении Советского Союза и стран Европы от «коричневой чумы», оказался в опале? Уже в 1946 году маршал отправлен на генеральскую должность в Одесский военный округ, затем в 1948 году — в Уральский округ. Потом смягчение отношения Сталина...

В 1946 году Г. К. Жукова обвинили в том, что он готовит военный переворот — это был первый звоночек, впоследствии подобные неприятности случались в семье часто. Если бы не ложь и интриги, сопровождавшие отца всю последующую жизнь, он мог бы прожить гораздо дольше. Сталин мог тогда его арестовать, но он этого не сделал. Очевидно, помешала известность отца в мире и популярность в народе, а также понимание вождем масштаба личности Жукова — не зря он посылал его на самые тяжелые участки фронта, знал, что тот не подведет, выполнит любую задачу. Однако пострадали многие соратники и друзья маршала, которые прошли через репрессии, отсидели разные сроки (в основном не менее шести лет), а потом были реабилитированы.

Были арестованы главный маршал авиации А.А. Новиков, маршал артиллерии Н.Д. Яковлев, генерал В.В. Крюков и его жена Л.А. Русланова, назвавшая папу на одном из банкетов Георгием Победоносцем, генерал К.Ф. Телегин, соратник по последнему этапу войны и участник церемонии подписания акта о безоговорочной капитуляции фашистской Германии, старший адъютант отца генерал Л.Ф. Минюк, водитель А.Н. Бучин и другие. Их «дела» были, конечно, сфабрикованными. Целью было — собрать компромат на Жукова, чтобы арестовать. Кто-то в ходе следствия наговорил лишнего, признался в «подготовке заговора». Однажды на мой вопрос папе, как можно простить человека, предавшего его, он сказал: «Эти люди были поставлены в крайние условия, их били и унижали. Они не ведали, что творили, и я не держу на них зла».

Но в марте 1950 года Георгию Константиновичу разрешили баллотироваться на выборах в Верховный Совет СССР, а в 1952-м на XIX съезде партии его вновь избрали кандидатом в члены ЦК. В конце февраля 1953 года Сталин вызвал Жукова в Москву и с 4 марта он был назначен первым заместителем министра обороны СССР.

Жукову завидовали и в то же время боялись его — в этом причины гонений, по моему мнению. Сталин во всем считал себя самым главным, а тут такая народная любовь... Однажды в Кисловодске во время отпуска папа перестал выходить на прогулки в городском парке, потому что люди, увидев полководца, подняли его на руки и начали качать с возгласами: «Ура Жукову!».

В юбилейном выпуске журнала «Историк», посвященном 120-летию Г.К. Жукова, наряду с Вашим интервью была опубликована статья Р. Костомаровой «Больное воображение вождя или происки западных СМИ?» [3].

В ней говорится, что 9 октября 1945 года Политбюро приняло решение предоставить Сталину отпуск. Не успел он доехать до моря, а лондонский корреспондент американской газеты Chicago Tribune 11 октября уже информировал своих читателей о борьбе за власть между Г.К. Жуковым и В.М. Молотовым. Корреспондент французского радио 23 октября заявил о слухах, будто Сталин сам отказался от власти из-за болезни и что в ближайшие дни его заменит маршал Жуков. В тот же день британская Daily Mail предположила, что скоро в Москве развернется борьба между «красными маршалами», в которой наибольшие шансы на успех имеет Жуков. Отсутствие вождя на праздничном параде 7 ноября породило новые слухи, в которых его преемниками называли поочередно то Молотова, то Жукова. Так продолжалось вплоть до возвращения Сталина в Москву в конце декабря.

Заканчивается статья вопросом: почему 6 лет в самый разгар разворачивающейся холодной войны самый успешный полководец Второй мировой оказался на периферии — не этой ли цели добивались западные журналисты, распространяя слухи о преемниках вождя и играя на его подозрительности? Каково Ваше мнение об этом?

В июне 1946 года папу сняли с должности заместителя министра Вооруженных сил и направили командовать Одесским военным округом. Но это было только начало. Первая опала продлилась до 1952 года.

Маршал Жуков Г.К. после войны

Я, конечно, не историограф и не военный, но, полагаю, что автор правильно ставит вопрос в конце статьи.

Правда, говорят, что перед смертью Сталин хотел приблизить сосланного в Свердловск маршала, но не успел. Это — слухи и предположения...

Как объяснить отношения маршала Г.К. Жукова с Н.С. Хрущевым: сначала дружба и... снова опала после Октябрьского (1957 г.) Пленума ЦК КПСС?

При Хрущеве отец стал Министром обороны СССР (занимал этот пост с 1955 по 1957 гг.)

Хрущев Жукова боялся. И тоже завидовал. Был момент, когда во внутрипартийной схватке Министр обороны поддержал Первого секретаря ЦК КПСС, когда кресло под ним зашаталось в июне 1957 г. Тот сначала искренне благодарил, а потом испугался конкуренции — вдруг Жуков захочет на его место? В то время Эйзенхауэр, во время Второй мировой войны главнокомандующий экспедиционными войсками союзников против гитлеровской Германии, был уже президентом США. Вдруг и Жуков захочет стать главой государства? И уже через три месяца на Октябрьском (1957 г.) Пленуме ЦК КПСС Министра обороны отлучили от власти, обвинив в бонапартизме, жесткости, недооценке роли партии в руководстве Вооруженных сил, сокращении армии в основном за счет политработников, создании в армии своего культа личности и т.д.

В июне 1957 года группа под руководством В.М. Молотова, Л.М. Кагановича, Г.М. Маленкова (и, как говорилось в советской литературе, примкнувшего к ним Д.Т. Шепилова, провозгласившего: «Неграмотный человек не может и не должен управлять государством») попыталась снять Хрущева с поста Первого секретаря ЦК КПСС, а Министр обороны маршал Жуков оказал ему тогда решительную поддержку. Он огласил на Пленуме в июне документы и заявил, что Молотову, Кагановичу и Маленкову не место в Президиуме ЦК и даже в ЦК КПСС, назвав их главными виновниками массовых репрессий партийных и советских кадров в 1937–1938 гг. При этом он высказался за необходимость проведения тщательного расследования и наказания всех виновных в массовых репрессиях.

Папа был отзывчивым и доверчивым человеком, его очень волновал вопрос несправедливого отношения и к репрессированным, и бывшим военнопленным, и проживающим на оккупированных территориях, за многих он хлопотал. А Хрущев пообещал, что будет серьезно заниматься этим вопросом. Папа поверил ему и поэтому поддержал. Он не знал, что Хрущев и сам повинен в репрессиях, подписывал документы...

Папино выступление[2] на Пленуме в июне вскоре было использовано против него самого и привело к отставке. 28–29 октября 1957 года состоялся Октябрьский Пленум, где Министру обороны было высказано много обвинений «в нарушении партийных, ленинских принципов руководства Министерством обороны и Советской армией». Большинство обвинений были надуманными.

Единым фронтом выступили большинство маршалов, которые занимали должности заместителей Министра обороны. Кто-то договорился до того, что, например, в Сталинграде Жукова вообще не было и он не имеет никакого отношения к Сталинградской битве.

В постановлении Пленума был пункт о предоставлении т. Жукову другой работы. Но до конца жизни ее так и не предоставили. Когда Жуков написал в ЦК на имя Н. С. Хрущева письмо с просьбой предоставить ему любую работу в армии — от командующего округом до лектора в военной академии, получил отказ: «В настоящее время предоставить Вам работу не представляется целесообразным». Это была вторая, хрущевская, опала.

Как прошел брежневский период?

Это был период напряженнейшей работы над книгой «Воспоминания и размышления». Выверялось каждое слово. Немало нервов у папы потребовал общеизвестный отрывок о Малой земле.

«В 18-ю армию генерала К.Н. Леселидзе мы прибыли вместе с наркомом Военно-Морского Флота Н.Г. Кузнецовым, командующим ВВС А.А. Новиковым и работником Генштаба генералом С.М. Штеменко.

Ознакомившись с обстановкой, силами и средствами армии и моряков Черноморского флота, все пришли к выводу о невозможности в то время проводить какие-либо усиленные мероприятия по расширению новороссийского плацдарма, который именовался тогда в войсках Малой землей.

Действительно, это был плацдарм общей площадью всего лишь в 30 квадратных километров. Всех нас тогда беспокоил один вопрос, выдержат ли советские воины испытания, выпавшие на их долю, в неравной борьбе с врагом, который день и ночь наносил воздушные удары и вел артиллерийский обстрел по защитникам этого плацдарма.

Об этом мы хотели посоветоваться с начальником политотдела 18-й армии Л.И. Брежневым, но он как раз находился на Малой земле, где шли тяжелейшие бои» [1, с. 441]. Известно, что прежде чем подписать верстку, маршал долго молчал, а потом поставил подпись раздраженно со словами: «Умный поймет!».

Приведу еще один случай. Маршала Жукова избрали делегатом от Московской области на XXIV съезд КПСС, который открылся в марте 1971 г. Сильно волновался, т.к. это было после длительного забвения. Сшили новый мундир. Но его жене Галине Александровне отказали в гостевом билете и она, недолго думая, позвонила «по вертушке» Л. И. Брежневу. «Неужели маршал собирается на съезд? ...Я бы не советовал», — ответил он. На ее слова, что Георгий Константинович рассматривает факт присутствия на съезде как полную реабилитацию, он отреагировал: «Он избран делегатом — это и есть признание реабилитации...», — делая акцент на слове «избран».

Конечно же, Л. И. Брежнев помнил шквал аплодисментов, которыми встретили появление в президиуме Кремлевского Дворца съездов маршала Жукова 8 мая 1965 г. на торжественном заседании по случаю 20-летия Победы. А также 15 ноября 1966 г. в Центральном Доме Советской Армии на научно-практической конференции, посвященной 25-летию разгрома немецко-фашистских войск под Москвой. Папа получил приглашение, но в программе не было его выступления. Он вошел в зал и сел на свободное место. Однако его заметили, гул пошел по залу. И когда председатель оргкомитета д.и.н., профессор А. М. Синицын подошел и пригласил пройти в президиум («Вопрос согласован», — сказал он), аплодисменты долго не утихали[3]. Видимо, повторения подобного на съезде Леониду Ильичу не хотелось.

Следует сказать еще о том, как отмечался 75-летний юбилей папы 2 декабря 1971 г. на государственной даче в Сосновке, которая была ему выделена в пожизненное пользование.

[2] Надо подчеркнуть, что Г. К. Жуков привел цифру приговоренных — 38679 человек (это есть в рассекреченном стенографическом отчете) [4, с. 187]. Еще раз повторим — 38 тысяч 679 человек, а не миллионы, как многие считают сегодня.— *Прим.ред.*

[3] Интересно, что во второй книге поколений «Мы помним...», посвященной 70-летию битвы под Москвой и героической обороны Тулы, этот факт описан в эссе Р. Л. Бурлачковой, которая будучи молодым ассистентом кафедры истории КПСС Тульского политехнического института вместе со своим завкафедрой В. Н. Молчановым присутствовала на той конференции и даже сохранила программу. Она пишет: «...зал почтительно встал, как по команде, через мгновенье раздались бурные аплодисменты. Никого из членов президиума так не приветствовали. Аплодисменты звучали долго, и зал стоял, пока Георгий Константинович Жуков не поднялся на сцену. И потом не затихали еще некоторое время... Среди участников конференции преобладали офицеры весьма высокого ранга, знавшие истинную ценность таланта и ума Г. К. Жукова, значительность его личности». — См.: Бурлачкова. «Война такой вдавила след»//Мы помним... (2012). Ч. 1. С. 382. — *Прим. ред.*

С самого утра приезжали делегации от Советского правительства, Министерства обороны, Генштаба Вооруженных Сил, ЦК ВЛКСМ и др. Делегацию Президиума Верховного Совета СССР возглавлял мало известный тогда заместитель Председателя А. М. Клычев, который наградил юбиляра орденом Ленина (шестым по счету у него) и сказал, что председатель Президиума Н. В. Подгорный «сам бы приехал, да заболел гриппом».

Л. И. Брежнев не позвонил и не поздравил. Зато А. Н. Косыгин позвонил накануне, т.к. уезжал в командировку, и сказал теплые, сердечные слова (надо заметить, что он звонил папе в те времена, когда телефон «молчал»).

Папа все-таки надеялся на полную реабилитацию и возвращение причастности к армии в любой форме, но ожидания не сбылись...

Целый день приезжали земляки, соратники военных лет, несли поздравительные телеграммы от знакомых и незнакомых людей. Для цветов не хватало не только ваз, но и ведер, их складывали в ванну. В итоге папа был доволен, особенно после приезда Ю. Цеденбала[4], который долго вспоминал о совместной борьбе на Халхин-Голе в 1939 г. и роли Жукова как командующего советскими войсками в разгроме японских милитаристов. Затем назвал «Великим Монголом» и наградил вторым высшим орденом в Монголии — Сухэ-Батора. Папа поблагодарил и сказал, что в Монголии он нашел верных друзей и очень признателен за оказанную честь, за то, что Цеденбал приехал сам и лично вручил высокую награду.

Известный в стране корреспондент «Комсомольской правды» Василий Песков в 1970 г., накануне Дня Победы, попросил маршала в своем интервью для читателей газеты сказать «отцовское слово, обращенное к молодежи». Как относился к молодежи Г. К. Жуков и какие советы дали бы Вы, его дочь, юным поколениям?

Действительно, В. Песков был талантливым журналистом. Он после этой беседы потом не раз встречался с папой. А «отцовский наказ» лучше всего процитировать, т.к. он и для сегодняшней молодежи актуален.

«Жуков: Я считаю, что молодежь принесла главную жертву в войне. Сколько прекрасных молодых людей мы потеряли! Сколько матерей не дождались с войны детей! С командного пункта я много раз видел, как молодые солдаты поднимались в атаку. Это страшная минута: подняться в рост, когда смертоносным металлом пронизан воздух. И они поднимались. Многие из них только-только узнали вкус жизни. Девятнадцать-двадцать лет — лучший возраст в обычной человеческой жизни. Все впереди... А для них очень часто впереди был только немецкий блиндаж, извергавший пулеметный огонь.

[4] Юмжагийн Цеденбал (1917–1991) — Первый секретарь Монгольской народно-революционной партии (МНРП), председатель Совета Министров МНР. — *Прим. ред.*

На Висле, я помню, увидел плачущего солдата. Оказалось, солдат рассказывал о своем друге, только что погибшем молодом лейтенанте... Дорогой ценой досталась нам мирная тишина, возможность учиться, работать, ездить куда захочется. Мы, люди старшего поколения, этого не забудем. Важно, чтобы и молодые не забывали.

Какими я хотел бы видеть нынешних молодых защитников Родины? Знающими и выносливыми. Армия сейчас оснащена сложнейшей техникой. Изучить ее, конечно, труднее, чем в годы моей молодости научиться управлять конем и владеть шашкой. Но каждое время ставит перед солдатом свои задачи. В минувшей войне ваши ровесники мастерски овладели танками и самолетами. Нынешняя техника тоже по силам молодым цепким умам. Учитесь! Знайте, что наши враги не сидят сложа руки.

И еще я хотел бы сказать, что при всех знаниях солдату обязательно нужны крепость духа и крепость здоровья. Приучайте себя к выносливости. Учитесь плавать, бегайте, ходите в походы. Имейте в виду, что все сложности нынешней техники в любой схватке побеждать будут сильные, закаленные люди» [5, с. 5].

Папа не раз говорил, что войну выиграл в первую очередь молодой солдат. Нагрузки во время войны были колоссальные, без хорошего здоровья и веры в победу нам было бы не справиться.

Конечно, сегодня время другое. Поэтому от себя я добавлю: изучайте основательно историю нашей страны и своей семьи, чтобы иметь твердые убеждения, которые не поколебать никаким фальсификаторам. Сегодня сложно отделить правду и ложь в огромном потоке информации человеку без прочных знаний и духовно-нравственных ориентиров.

Любите и защищайте Родину, как это делали мой папа и ваши деды, прадеды.

Цените своих родителей и семью.

Работайте над собой и трудитесь для других.

Не завидуйте. У каждого свои таланты и способности, свой путь. Пройдите его достойно.

Критически относитесь к фильмам типа телесериала «Жуков». Я хочу, чтоб вы знали, что отец не пил водку стаканами, как показано в сериале, а мог выпить только рюмочку; не садился пьяным за руль — он вообще не водил машину; он вел здоровый образ жизни: делал зарядку, по утрам обтирался и обливался холодной водой, занимался спортом и физкультурой, катался на лыжах и коньках. Мама не закатывала сцены ревности, не раздавала нам с сестрой оплеухи. Она была скромной и сдержанной, очень переживала, когда появилась у маршала вторая семья, но истерики никогда не

Эра Георгиевна Жукова

закатывала. И папа тоже переживал — он любил и маму, с которой познакомился еще в Гражданскую войну, когда ему было 24, а ей 20 лет, и нас... Что касается Лидии Руслановой, ей совершенно не свойственны те поступки и мотивы, которые показали создатели фильма. Сцены с трофеями — ложь! Вообще, то, что показано в картине, не имеет ничего общего с реальной действительностью. Те, кто знал отца, все приняли картину в штыки, а вам сложно разобраться — вы не знаете правды...

Замечу, уже при жизни Жукова выходили фильмы и романы о Великой Отечественной войне. К ним он относился по-разному, в частности, «Освобождение» фронтовика Ю. Н. Озерова ему понравилось и М. Ульянов в роли Жукова (папа сказал: «Похоже»), а роман «Блокада» А. Б. Чаковского возмутил и обидел несоответствием действительности и созданным жестоким образом полководца, так что он даже обратился с письмом к министру культуры П. Н. Демичеву, в котором показал факты искажения исторической правды, чего можно было бы избежать, ознакомив «с этим произведением бывших командующих войсками на Ленинградском фронте»[5].

Маршал Жуков прожил нелегкую жизнь, много работал, страдал от клеветы и лжи, но до конца дней оставался верным своим принципам. И это оценил НАРОД, присвоивший ему высокое звание «Маршала Победы», несмотря на всякие мифы. Но советские люди знали Жукова и войну не понаслышке, а вам, молодым, нужно хорошо знать историю!

Беседовала Л. И. Ростовцева,
д. социол. н., профессор Тульского филиала
РЭУ им. Г. В. Плеханова

Литература

1. *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. М.: Издательство Агентства печати Новости, 1971.

2. *Миркина А.Д.* Вторая победа маршала Жукова. Обнинск: ВНИИГМИ-МЦД, 2001.

3. *Костомарова Р.* Больное воображение вождя или происки западных СМИ? //Историк. Ноябрь 2016. № 23.

4. *Пилихин А.А.* Маршал Жуков и фрагменты прошлого. М.: Ветеран Отчизны, 2007.

5. О нашей Победе. Беседа В. М. Пескова с Маршалом Советского Союза Г. К. Жуковым // Песков В. М. Война и люди. М.: Алисторус, 2010.

6. Василий Песков: как я беседовал с маршалом Жуковым //Российская газета. 2007. 22.06.2007.

[5] С этим письмом можно ознакомиться по ссылке https://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1004874. Кстати, о том, что Чаковский приезжал извиняться к Жукову, написал В. Песков в 2007 г. [6] — *Прим. ред.*

ПАМЯТНИКИ УЛАН-БАТОРА — ОТРАЖЕНИЕ ДРУЖБЫ МОНГОЛЬСКОГО И СОВЕТСКОГО НАРОДОВ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Цыбикова Дарима Содномовна, 52 года,
Улан-Баторский филиал РЭУ им. Г. В. Плеханова,
Монголия, г. Улан-Батор

За последние 100 лет Монголия сделала исторический скачок в своем развитии благодаря всесторонней помощи Советского Союза и России. Не будет преувеличением сказать, что история Монголии с 1921 по 1991 год — это история братской дружбы и сотрудничества между народами России и Монголии. Те, кто приезжает в Монголию, чувствуют, что монголы и ныне остались в числе представителей тех стран социализма, в которых, так же как и раньше, сохраняются дружественные чувства и уважение к России.

5 ноября 1921 года было подписано Соглашение об установлении дружественных отношений между Монголией и Россией. «Советская Россия, подписав данное Соглашение, стала первым государством, которое признало новую Монголию, установило с ней дипломатические отношения и долгие годы оставалось единственной страной мира, поддерживающей независимость и национальный суверенитет Монголии. Это Соглашение стало основой двустороннего взаимодействия, добрососедства, взаимной помощи и взаимовыручки наших государств. Подтверждением этих слов могут служить яркие вехи в летописи российско-монгольской дружбы и сотрудничества на протяжении всех прошедших десятилетий — и во время суровых военных испытаний, и в годы мирного созидательного труда, и в ходе согласованной деятельности на международной арене» (из интервью Чрезвычайного Полномочного Посла России в Монголии В. В. Самойленко главному редактору газеты «Монголия Сегодня» Д. Солонго, 2011 г.).

В истории дружбы монгольского и русского народов много памятных дат, но сражения в районе реки Халхин-Гол занимают особое место: в 1939 году в этом районе под руководством комкора Георгия Константиновича Жукова были разгромлены японские войска, вторгшиеся на территорию Монголии, имевшей союзный договор с СССР. За эту операцию Жуков получил свою первую звезду Героя Советского Союза, а в 1969 году монголы присвоили ему звание Героя МНР. 19 августа 1979 года, в дань благодарности, в Улан-

Баторе был открыт дом-музей маршала Советского Союза Георгия Константиновича Жукова, который является филиалом военного музея. В этом доме он жил со своей семьей после приезда из района Халхин-Гола в Улан-Батор, с октября 1939 года до мая 1940 года.

Дом-музей маршала Советского Союза Г. К. Жукова

Бюст Г. К. Жукова рядом с домом-музеем

На мраморных плитах перед входом высечено на монгольском и русском языках: «В этом доме жил и работал Георгий Константинович Жуков. 1939–1940 гг.». Спустя два года рядом был установлен трехметровый монумент — бюст Г. К. Жукова на фоне перевернутой трапеции из красного гранита с высеченной звездой и надписью: «Памяти Г. К. Жукова».

В конце шестидесятых годов было постановление ЦК МНРП и Совета министров о строительстве памятника советским солдатам в память о советских воинах и в честь поддержки Красной Армией монгольской Народной революции и советско-монгольской победы при Халхин-Голе. С 1971 года по 1979 год продолжалось строительство мемориального комплекса, который был открыт в 1979 году, к 40-й годовщине событий на Халхин-Голе. На вершине холма расположен бетонный шпиль, увенчанный серпом, молотом, соёмбо. В центре композиции фигура Советского солдата с высоко поднятым знаменем победы. Ее создали скульпторы Ц. Доржсурэн и П. Зулзага. Скульптура обрамлена огромным декоративным кольцом: высота его 3 метра, диаметр 23 метра. Оно установлено на трех опорах, как древний традиционный национальный очаг «гурван-тулагын-чулуу» — символ жизни монголов, которую защитил Советский солдат. Символическое звучание имеет и декор кольца-«очага». По внешней стороне его в обрамлении геометрического модифицированного орнамента алхан-хээ рельефно высечен пояс Славы — боевые ордена и медали СССР и МНР. Внутренняя сторона кольца покрыта мозаикой. Из местных цветных камней и смальты, подобранных в теплой оранжево-красной гамме, художники-монументалисты Я. Уржинэ и Б. Доржханд исполнили впечатляющую поэму о боевом содружестве советских и монгольских воинов с первых боев за народную власть в 1921 году на протяжении всего пути социалистической Монголии до наших дней. Финальная сцена мозаичного панно — апофеоз в честь Советской армии, защитницы завоеваний социализма на Востоке. В центре композиции, образуемой кольцом-«очагом», чаша из красного полированного гранита с вечным огнем. По периметру чаши проходит выбитый традиционный национальный орнамент: пожелание огню никогда не погаснуть. В создании ансамбля приняла участие большая группа архитекторов, скульпторов и художников-монументалистов Монголии (автор и руководитель проекта архитектор А. Хишигт). Величественное сооружение из бетона с мраморной крошкой занимает всю вершину сопки. У подножия ее на стеле выбиты знаменательные слова: «Память о советских воинах вечна, как солнце на небе, священна, как огонь на земле».

Мемориальный комплекс в память о советских воинах

Сразу же после вероломного нападения гитлеровской Германии на Советский Союз на объединенном заседании ЦК Монгольской народно-революционной партии, Президиума Малого хурала и Совета Министров МНР была принята декларация о поддержке Советского Союза. В тяжелые годы войны советские люди всегда ощущали не только моральную, но и значительную материальную поддержку монгольского народа. Советские воины, дравшиеся с гитлеровцами, получали из Монгольской Народной Республики целые эшелоны с подарками: полушубками, валенками, шапками, продуктовыми посылками. Первый поезд с подарками был направлен к 24-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Тогда на фронт под Москвой было доставлено 15 тысяч полушубков, столько же меховых телогреек, полторы тысячи пар валенок, а также другие подарки. На средства, собранные трудящимися МНР, были изготовлены и переданы Красной Армии танковая бри-

Танк «Революционная Монголия»

гада «Революционная Монголия» и эскадрилья боевых самолетов «Монгольский арат». Бригада и эскадрилья участвовали во многих сражениях с гитлеровцами и закончили войну под Берлином.

В честь боевой дружбы монгольского и советского народов в Улан-Баторе на бетонном постаменте стоит танк «Революционная Монголия», установленный в 1970 году, к 25-летию победы в Великой Отечественной войне, на одной из центральных магистралей города — проспекте Чингисхана, а в мае 2003 года он был перенесен на постамент по дороге к Мемориальному комплексу Зайсан. Танк Т-34 — это одна из машин танковой колонны, который прошел с боями до Берлина, а затем своим ходом был доставлен в Улан-Батор. На постаменте отлиты гвардейский знак и восемь боевых орденов, которыми была награждена танковая бригада, в том числе шесть советских орденов и два — Монгольской Народной Республики.

Памятник авиаэскадрилье «Монгольский Арат»

В честь 40-летия великой победы советского народа в Великой Отечественной войне в 1985 году в Улан-Баторе установлен памятник авиаэскадрилье «Монгольский Арат». Проект памятника эскадрилье «Монгольский арат» был выполнен советским архитектором Л.К. Медяновым, а монгольский архитектор Гантумур руководил строительной

работой. 6 марта 1943 года 26-я сессия Малого хурала, полностью одобрив мероприятия правительства по оказанию помощи фронту, приняла решение начать сбор средств на приобретение боевых самолетов для Советской Армии и создание авиаэскадрильи «Монгольский арат» [1, Т. 2., С. 43], [2, С. 123]. И в этом же году был организован сбор средств на приобретение эскадрильи самолётов «Монгольский арат». В июле 1943 года на счет Наркомата финансов СССР было перечислено 2 млн тугриков. 18 августа Сталин выразил благодарность Монголии. 25 сентября 1943 года на полевом аэродроме станции Вязовая Смоленской области состоялась передача эскадрильи 2-му гвардейскому полку 322-й истребительной авиационной дивизии резерва Ставки Верховного Главнокомандования. Монголия также взяла на себя вещевое и продовольственное обеспечение эскадрильи до конца войны. Авиаэскадрилья «Монгольский арат» прошла боевой путь до Берлина.

Памятник Иссе Александровичу Плиеву

15 ноября 2017 года в Улан-Баторе состоялась официальная церемония открытия памятника дважды Герою Советского Союза, Герою Монгольской Народной Республики, генералу армии, кавалеру шести орденов Ленина, почетному гражданину Улан-Батора Иссе Александровичу Плиеву. Бюст работы осетинского скульптора Ибрагима Хаева стал частью мемориального комплекса Зайсан, воздвигнутого в память советских и монгольских воинов, погибших в 1939 году в боях при Халхин-Голе. Исса Плиев командовал конно-механизированной группой советских и монгольских войск на правом фланге Забайкальского фронта при Маньчжурской стратегической наступательной операции, развернувшейся в конце лета 1945 года. Войска под его командованием прошли через Гоби и Хинган, громили японских милитаристов на территории Внутренней Монголии и дошли до г. Жэхэ.

Стела погибшим советским воинам, воевавшим в годы Великой Отечественной войны

Также на территории «Русского кладбища» в Улан-Баторе расположена стела погибшим советским воинам, воевавшим в годы Великой Отечественной войны.

Говоря о памятниках, отражающих вклад монгольского народа в победу над фашизмом,

Памятник «По дорогам войны»

нельзя не сказать о памятнике, установленном в Москве на Поклонной горе в 2015 году. 5 мая в парке Победы состоялось торжественное открытие памятника «По дорогам войны», воспевающего борьбу народов России и Монголии против фашизма в годы Великой Отечественной войны. Этот монумент — подарок России от Монголии к 70-летию Победы. Скульптура изображает пару монгольских лошадей, тянущих по бездорожью артиллерийское орудие. К 1943 году каждая пятая лошадь на фронте была монгольской. Выносливые и неприхотливые, они доставляли бойцам все самое необходимое — одежду, питание, медикаменты и вооружение. Монумент действительно является символом взаимопомощи двух народов. Создание монумента — инициатива самих жителей Монголии, собравших средства на его изготовление. Изготовлен он монгольским скульптором Аюурзаном Очирболдом совместно с российскими коллегами — Алексеем Тихоновым и Василием Перфильевым. Установлен памятник на Безымянной аллее, между аллеями Защитников Москвы и Молодоженов. Место выбрано очень удачно: поднимающийся рельеф обеспечивает дополнительную смысловую нагрузку и создается ощущение, что изможденные лошади действительно тянут орудие в гору.

Верный друг Советского Союза Монгольская Народная Республика с честью выполнила в период Великой Отечественной войны свой интернациональный и союзнический долг. Заслуги братской Монголии высоки в разгроме японских агрессоров, а также Монголия внесла серьезный вклад в общее дело борьбы против германского фашизма. Дружба российского и монгольского народов скреплена совместно пролитой кровью. Такая дружба нерушима и вечна, как сама жизнь.

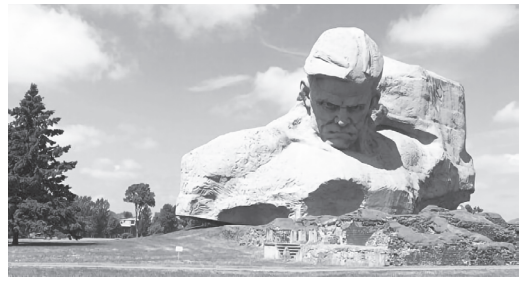
Литература

1. Советско-монгольские отношения. 1921–1974: Документы и материалы в 2-х томах. М.: Международные отношения; Улаан-баатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1975. Т. 2: 1941–1974. б/м 1979.

2. История советско-монгольских отношений / Ред. колл.: Б. Г. Гафуров, Б. Ширендыб (гл. редакторы) и др. М.: Наука, 1981.

ВРЕМЯ ВЫБРАЛО НАС...

Пестрецова Марина Александровна, 38 лет,
научный сотрудник ГУ «Мемориальный комплекс «Брестская крепость-герой», Республика Беларусь, г. Брест



Скульптура «Мужество» — главный монумент мемориала

22 июня... Каждый год листок календаря с этим числом напоминает сорок первый год. Несмотря на то, что более семи десятилетий отделяют нас от страшных событий начала Великой Отечественной войны, память поколений жива. По сложившейся традиции на рассвете 22 июня в Брестскую крепость приходят жители города, гости. Зажигают лампады, возлагают цветы, в минуте молчания склоняют головы перед светлой памятью погибших.

Впервые ветераны Брестского гарнизона 1941 года встретились в крепости, чтобы вспомнить и почтить память погибших товарищей, 24 июня 1961 года, в дни 20-летия героической обороны Цитадели над Бугом. Потом таких встреч было много — больших и малых, но одинаково запоминающихся и волнующих.

Годы неумолимо летят, редеют колонны ветеранов, и сегодня ветеранов-защитников Брестской крепости осталось совсем мало — 3 человека. Но, как и прежде, мы помним и гордимся ими.

21-летний Ришат Салихович Исмагилов — рядовой радист связи 455-го стрелкового полка — войну встретил на Центральном острове Брестской крепости.

«Утром 22 июня я проснулся от страшного взрыва, шума. Инстинктивно я натянул на глаза одеяло. Потом меня бросило вниз, я ударился о что-то твердое и несколько минут лежал ошеломленный. Когда я открыл глаза, в стене зияла огромная дыра. Все нары, на которых мы спали, перемешавшись с грудой камней, лежали в беспорядке. Когда через разбитое окно я увидел полет снарядов, взрывы бомб и разрушенные здания, я понял, что началась война...» [1, с. 5].

После нескольких часов обороны троих солдат, в числе которых был и Ришат, направили в город для установления связи с командованием. Из троих добрался лишь он один. Переплывая р. Мухавец, запутавшись в проволочных заграждениях, израненный боец по-пластунски выполз из крепости. Но штаба дивизии в городе уже не было.

Ришат Салихович Исмагилов. 2016 г.

Исмаилов попытался вернуться.

«Наша группа, потеряв несколько человек, попыталась прорваться в крепость. В этом неравном бою почти все офицеры погибли, были ранены, в том числе и я был нетяжело ранен в голову и на короткое время контужен. Под командованием другого лейтенанта, оставшегося в живых, стали отступать в город. Таким образом, вторично попасть в крепость мне не удалось» [1, с. 8].

Месяц Ришат Исмагилов шел по дорогам отступления. В боях под Гомелем в последних числах июля 1941 года был тяжело ранен и после длительного лечения демобилизован. Возвратившись в родную деревню, Ришат Салихович не опустил руки, а стал трудиться в тылу.

До войны он работал учителем Агардинской школы Башкирской ССР, и, вернувшись, Ришат Салихович взялся за тяжелое, но необходимое дело — восстановление школы. Уже через три года молодой учитель стал директором Байгильдинской средней школы Нуримановского района. Находясь в этой должности 40 лет, он сделал ее известной на весь Советский Союз. В Башкирии это была не только лучшая школа, но и центр передового опыта учителей. Уже в 1959 году за заслуги в области народного образования Ришат Салихович был удостоен звания «Заслуженный учитель школы РСФСР».

Его труд в педагогической работе отмечен многочисленными правительственными наградами, грамотами и дипломами. Р.С. Исмагилову присвоены звания Почетный гражданин Нуримановского района, Почетный краевед Республики Башкортостан. К своему 90-летию он издал книгу о героических подвигах нуриманцев в Великой Отечественной войне — «Живая память...».

Сегодня Ришат Салихович окружен большой и дружной семьей, вырастив 6 детей и 13 внуков. Все они успешно работают в разных областях науки и образования, продолжая славную традицию учителей и ученых семьи Исмагиловых. В семье Ришата Салиховича четыре доктора и один кандидат наук, два члена-корреспондента Академии наук Российской Федерации и Республики Башкортостан. Из тринадцати внуков — один профессор и девять кандидатов наук [2, с. 124].

Всю жизнь, талант и энергию он посвятил служению народу, воспитанию молодежи. Как говорит сам Ришат Салихович, видимо, не зря он тогда остался жив — у него было другое предназначение: растить и воспитывать детей [3, с. 83]. 15 апреля 2020 г. Ришату Салиховичу Исмагилову исполнилось 100 лет.

Владимир Пахомович Казьмин. 2015 г.

В июне 1941 года в крепости, помимо военнослужащих гарнизона, находились и воспитанники музыкантских взводов. Среди них были 15-летний Володя Казьмин и 12-летний Петя Котельников.

Оставшись рано без родителей, мальчики воспитывались в детском доме «Красный Октябрь» станицы Константиновка Ростовской области. В 1940 г. они были зачислены в музыкантский взвод 44-го стрелкового полка 42-й стрелковой дивизии Западного Особого военного округа. Владимир Казьмин вспоминал: «Однажды в детский дом зашел штабной писарь 44-го стрелкового полка, Василий Иванович (фамилии не помню), привез письмо заведующей детским домом Марии Кирилловне Головенко от командира 44-го стрелкового полка майора Гаврилова и капельмейстера музыкантского взвода. В письме говорилось, что командование полка просит дирекцию детского дома отправить с Василием Ивановичем пять человек воспитанников-музыкантов духового оркестра, которые в дальнейшем будут проходить учебу и воспитание в полку. Мы с радостью согласились. Мы — Степан Аксенов, Влас Донцов, Петр Котельников, Владимир Измайлов и я... В апреле 1941 г. мы переехали в Брестскую крепость...» [4, с. 24–25].

Войну Володя Казьмин и Петя Котельников[1] встретили в расположении музыкантского взвода, в северо-западной части оборонительной казармы Цитадели. О событиях того первого дня войны Владимир Пахомович вспоминал: «Сплю и слышу во сне невообразимый шум, грохот, стрельбу... Я не смог сразу проснуться, а проснувшись, не понимал, что происходит... Я увидел, что прямо надо мной в крыше зияет огромная пробоина. Крайний правый сосед завален кирпичами, второй — выбирался из-под них, меня тоже слегка присыпало... Огромная масса завалила наши инструменты, обмундирование, в том числе мои брюки, гимнастерку... Я накинул на себя шинель и быстро вместе с другими спустился вниз. Но выйти было невозможно, уж очень часто ложились снаряды. Наше здание несколько раз сотрясалось от прямых

[1] См. также: *Котельников П.П.* Малолетний защитник Брестской крепости //Мы помним... Книга воспоминаний и размышлений поколений. Ч.1 /Под ред. Ю.М. Осипова, Л.И. Ростовцевой. Тула: Гриф и К, 2012. С.224–230. Петр Павлович Котельников принял участие, как сегодня говорят, дистанционно, в презентации книги на Международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию битвы под Москвой и героической обороны Тулы. М.А. Веренич, заместитель директора ГУО «Гимназия №6 г. Бреста имени Маршала Советского Союза Жукова Г.К.», и учитель иностранного языка А.В. Резанович представили видеоролик с обращением Петра Павловича к участникам конференции и его воспоминаниями о первых днях войны. — *Прим.ред.*

Котельников Петр Павлович. 2012 г.

попаданий. Через некоторое время разрывы стали реже. Воспользовавшись этим, я выскочил из казармы...» [4, с. 25].

В дальнейшем в ходе боев ребята оказались в разных местах крепости. Владимир Казьмин — в Восточном форте на Кобринском укреплении, а Петр Котельников — на центральном острове крепости, в казарме 333-го стрелкового полка. Но каждый из них, несмотря на юный возраст, оказывал посильную помощь бойцам: доставали воду и медикаменты для раненых и детей, подносили патроны красноармейцам, вели наблюдение.

Встретились они уже в плену — в лагере для военнопленных Бяла Подляска, куда ребята попали вместе с группой пленных раненых бойцов, женщин и детей. Там же они повстречали и других мальчишек — воспитанников музыкантских взводов: Петю Клыпу, Володю Измайлова, Новикова Николая. Петя Котельников вспоминал: «Шли целый день. К вечеру достигли населенного пункта Бяла Подляска. Недалеко от него располагался лагерь военнопленных. Это был большой участок площади, огороженный высоким забором из колючей проволоки в несколько рядов. В лагере мы пробыли 10–12 дней. Я, Петя Клыпа, Володя Измайлов, Коля Новиков и Володя Казьмин жили вместе. Надеялись на то, что нас скоро выпустят, потому что каждому из нас было 12–14 лет. Однажды утром немцы стали куда-то отправлять большую группу пленных. Первый узнал об этом Петя Клыпа и сообщил нам. Куда погонят эту группу, мы не знали, но решили пойти с ней из лагеря, а там убежать. Однако бежать не удалось, так как усилили охрану. Мы очутились в Брестской тюрьме. Истощенные, мы четверо сидели без еды, испытывали настоящий голод... Наши лица стали пухнуть, кружилась голова. Но мы старались везде быть вместе...

Однажды во дворе тюрьмы появился какой-то новый немецкий офицер. Мы все пятеро подошли к нему. Петя Клыпа, умевший немного говорить по-немецки, объяснил ему, что мы из ближайшей деревни и попали сюда за то, что дали хлеб пленным. Немец выслушал нас и повел к выходу. Через несколько минут мы были на свободе» [4, с. 25–26].

В годы оккупации Владимир Казьмин и Петр Котельников проживали в деревне Саки Жабинковского района Брестской области. В дальнейшем судьба разлучила друзей.

Владимир Казьмин в 1942 г. был угнан на принудительные работы в Германию, освобожден в 1945 г.

После войны В. П. Казьмин закончил Новочеркасский политехнический институт и долгие годы работал инженером службы высоковольтных линий в городе Шахты Ростовской области, где проживает и по сегодняшний день. В день 70-летия Победы — накануне своего 90-летия, — Казьмин Владимир Пахомович, несмотря на расстояние и возраст, смог приехать в крепость. 6 августа 2019 г. ему исполнилось 94 года.

Петр Котельников все годы оккупации проживал в деревне Саки, работая у местных жителей. После войны он посвятил свою жизнь служению Родине — в 1956 году окончил Киевское военное училище. Став офицером сухопутных войск связи, Петр Павлович более 30 лет прослужил в Вооруженных Силах. 1978 году за образцовое выполнение боевого задания награжден орденом Красной Звезды. В 1980 г. уволился в запас. Полковник в отставке долгое время жил в г. Бресте. Несколько лет назад Котельников Петр Павлович вместе с женой Антониной Григорьевной переехали жить в г. Москву, к детям. Но, невзирая на возраст, они с супругой приезжают в г. Брест и с особым волнением и трепетом посещают крепость.

Петру Павловичу Котельникову 10 мая 2019 года исполнилось 90 лет. Несмотря на преклонный возраст, они и по сей день в строю. Как и прежде, являются неутомимыми пропагандистами подвига защитников крепости — поддерживают переписку с сотрудниками мемориала, делятся своими воспоминаниями, выступают перед школьниками, студентами, участвуют в съемках документальных фильмов о героической обороне крепости над Бугом и по возможности посещают родную для них землю — Брестскую крепость.

У ветеранов-защитников крепости был сложный, тяжелый жизненный путь. Время выбрало их, сильных и молодых, для непростых испытаний, которые они с честью преодолели. У каждого из них была своя судьба, своя история, но их объединяло одно — Брестская крепость.

Чем дальше уходят в историю годы войны, унося с собой очевидцев тех страшных событий, тем мы, сегодняшнее поколение, глубже осознаем и бережнее относимся к ветеранам. Ведь их осталось совсем немного...

Литература и источники:

1. Архив ГУМКБКГ. Воспоминания Р. С. Исмагилова. 1958 г. ОП. 455 СП. Д. 11. С. 5–10.

2. Архив ГУ МК БКГ. Письмо в музей Р. С. Исмагилова. 16.04.2013 г. ОП. 455 СП. Д. 11. С.110–140.

3. Архив ГУ МК БКГ. Исмагиловы. Триста лет династии учителей и ученых, газета «Вечерняя Уфа» за 30.04.2004 г. ОП. 455 СП. Д. 11. С. 83.

4. Архив ГУ МК БКГ. Воспоминания В. П. Казьмина. 1958 г. ОП. 44 СП. Д. 26. С. 23–30.

5. Архив ГУ МК БКГ. Воспоминания П. П. Котельникова. 1956 г. ОП. 44 СП. Д. 28. С. 18–26.

ПЕРВООТКРЫВАТЕЛИ КОСМОСА

Костина Юлия Викторовна, 63 года,
заведующий отделом научно-методической работы
Музея космонавтики,
г. Москва

Главная космическая улица Москвы

Аллея Героев космоса находится в Северо-Восточном административном округе г. Москвы, на территории района Останкинский. Она была открыта в 1967 г. в честь десятилетия запуска первого искусственного спутника Земли и полётов первых космонавтов; свое название получила в 1972 г. Вместе с величественным монументом «Покорителям космоса» и с расположенным у его подножия памятником основоположнику теоретической космонавтики К.Э. Циолковскому аллея составляет единый архитектурно-художественный комплекс, созданный скульптором А.Н. Файдыш-Крадиевским, архитекторами М.О. Барщем и А.Н. Колчиным. Наряду с Кремлём, московскими высотками и Триумфальной аркой, монумент «Покорителям космоса» стал одним из ярких символов архитектурного облика Москвы. Сегодня он является объектом культурного наследия федерального значения. В стилобатной части монумента в апреле 1981 г., к 20-летию полета первого в мире космонавта Ю.А. Гагарина, был открыт Мемориальный музей космонавтики.

Первоначально на Аллее были установлены памятник основоположнику практической космонавтики, Главному конструктору ракетно-космической техники С.П. Королёву (скульптор А.П. Файдыш-Крандиевский), который позднее был перенесён на территорию Мемориального дома-музея академика С.П. Королёва, а также бронзовые бюсты первых космонавтов: Ю.А. Гагарина (скульптор Л.И. Кербель), В.В. Терешковой (скульптор Г.Н. Постников), В.М. Комарова (скульптор П.И. Бондаренко), П.И. Беляева и А.А. Леонова (скульптор А.П. Файдыш-Крандиевский). Впоследствии открыты ещё два памятника — академику Мстиславу Всеволодовичу Келдышу, выдающемуся учёному и организатору советской науки, теоретику космонавтики, руководителю многих космических программ, трижды Герою Социалистического Труда (скульптор Ю.Л. Чернов, 1981 г.), и академику Валентину Петровичу Глушко — основоположнику отечественного ракетного двигателестроения, главному конструктору

космических систем, дважды Герою Социалистического Труда (скульптор А.А. Бичугов, 2001 г.). В 2014 г. открыт памятник академику В.Н. Челомею — главному конструктору ракетно-космических систем, дважды Герою Социалистического Труда (скульптор А.С. Забалуев).

В 2006 г. Правительство Москвы приняло решение о полной реконструкции Аллеи Героев космоса. 3 сентября 2008 г. была открыта обновлённая Аллея. Она начинается с двух больших глобусов. С левой стороны расположен глобус планеты Земля, на котором отмечены самые крупные города мира. Здесь же приведены известные высказывания К.Э. Циолковского: «Невозможное сегодня станет возможным завтра» и «Земля — колыбель разума, но нельзя вечно жить в колыбели». Справа находится глобус небесной сферы с изображением некоторых созвездий. На главной оси Аллеи расположены гранитные стелы-звёзды, на которых запечатлены основные этапы освоения космоса: запуск первого спутника Земли, первый полёт человека в космос, первый выход человека в космическое пространство, запуск первой орбитальной станции, а также фамилии первых ста отечественных космонавтов.

В ходе реконструкции созданные ранее бюсты первых космонавтов были перенесены ближе к монументу «Покорителям космоса». В центре Аллеи теперь размещается круглая площадка с макетом Солнечной системы. На небольшой композиции с бронзовыми изображениями Солнца и планет начертана информация о них: размер, расстояние от Солнца, температура и давление на поверхности, продолжительность времён года, тёмного и светлого времени суток. Планеты выстроены так, как они расположились на момент запуска первого искусственного спутника Земли. В центре изображения Солнца помещены солнечные часы, и в ясные дни можно узнать точное время.

Неподалеку, на отдельной площадке, возвышается новый памятник Сергею Павловичу Королёву. Пятиметровая бронзовая скульптура выполнена Салаватом и Сергеем Щербаковыми.

9 апреля 2016 г. на Аллее Героев космоса были открыты бронзовые бюсты легендарным москвичам, лётчикам-космонавтам, дважды Героям Советского Союза Валентину Витальевичу Лебедеву, Александру Павловичу Александрову, Владимиру Алексеевичу Соловьёву и Светлане Евгеньевне Савицкой. Памятники созданы авторским коллективом в составе: скульпторы И.Н. Новиков, А.В. Балашов, Е.И. Казанская, А.С. Забалуев, архитекторы В.В. Перфильев, А.К. Тихонов. В настоящее время на Аллее Героев космоса находятся 14 памятников выдающимся учёным, конструкторам, космонавтам.

Много славных имен увековечено на Аллее Героев космоса. Но мы расскажем лишь о первопроходцах, открывших человечеству космическую эру.

Константин Эдуардович Циолковский, 1910 г.

Циолковский Константин Эдуардович (1857–1935) — основоположник теоретической космонавтики, великий учёный-самоучка, талантливый педагог. Опубликовал множество научных трудов в области воздухоплавания, ракетодинамики и космонавтики; основополагающий труд — «Исследование мировых пространств реактивными приборами» (1903, 1911, 1914, 1926). Изобретатель в области авиации, воздухоплавания и дирижаблестроения; в книге «Космические ракетные поезда» (1929) обосновал идею использования многоступенчатых ракет для полётов в космос. Автор научно-фантастических произведений «На Луне» (1887), «Грёзы о Земле и небе» (1894) и «Вне Земли» (1920). Пропагандист идей освоения космического пространства и его заселения с использованием орбитальных станций. Один из ведущих представителей религиозно-философского течения — русского космизма. «Впереди своего века» — так можно охарактеризовать творчество замечательного ученого. Более 40 лет преподавал математику в уездных училищах (1880–1921).

К. Э. Циолковский родился 17 сентября 1857 г. в селе Ижевском Рязанской губернии в семье лесничего. После перенесённой в детстве скарлатины и полученных осложнений Константин потерял в значительной степени слух, что не позволило ему продолжать учёбу в школе. Мать умерла, когда мальчику было 13 лет, и его воспитывал отец. Юноша начал заниматься самостоятельно, пользуясь небольшой библиотекой отца. В 16-летнем возрасте он отправился в Москву для продолжения образования. Московский период его жизни можно назвать подвигом: из дома Константин получал 10–15 рублей в месяц и почти все их тратил на книги и самодельные приборы для различных опытов. Большую часть времени проводил в Чертковской библиотеке, где познакомился с основоположником русского космизма Н. Ф. Фёдоровым и его идеями. Прошел курс высшей математики, изучал физику, химию, астрономию, механику. Вернувшись из Москвы в 1876 г., занялся репетиторством и сам учился, что позволило ему сдать экстерном экзамен на звание учителя народных училищ.

Константина Эдуардовича назначили учителем в уездном училище в г. Боровске Калужской губернии. Преподавая арифметику и геометрию, он начал свои научные исследования и посвящал им всё свободное время.

С юношеских лет Циолковский размышлял о проблемах овладения космическим пространством. Об этом свидетельствуют его воспоминания, записи и рисунки, относящиеся к 1878–1879 гг., и рукопись «Свободное пространство» (1883).

В 1892 г. Константина Эдуардовича перевели из Боровска в Калугу как одного из способнейших и усерднейших преподавателей, где он прожил до конца жизни. Несмотря на свой физический недостаток, Циолковский был незаурядным педагогом: проводил много интересных опытов, вводил в систему образования новаторские предложения, высказывал мысли по многим направлениям совершенствования педагогики. Ученики его любили за справедливость, за гуманное отношение к ним.

Циолковский не замыкался в своём творчестве, искал общения с другими учёными и единомышленниками, вёл обширную переписку (известно около двух тысяч его корреспондентов). Круг его интересов был исключительно широк: теоретическая и прикладная аэродинамика, теория воздухоплавания и авиация. Он — автор работ в области астрономии, биологии, скоростного наземного транспорта, использования солнечной энергии, освоения пустынь и многих других разделов науки и техники. В кругу его интересов — проблемы общественной жизни, философии, лингвистики.

В 1892–1893 гг. издано первое произведение Циолковского «Аэростат металлический, управляемый». Дирижабль — любимое детище ученого, над созданием теории которого он трудился в течение всей жизни, последние работы на эту тему опубликованы в 1933–1935 гг.

В 1894 г. в журнале «Наука и жизнь» вышла работа «Аэроплан, или птицеподобная (авиационная) машина», в ней предложена схема самолета с металлическим каркасом, даны описание и чертежи моноплана, который по внешнему виду и аэродинамической компоновке предвосхитил появившиеся через 15–20 лет самолёты. Работая над проектами дирижабля и самолета, учёный в 1897 г. построил аэродинамическую трубу, в 1900 г. — трубу большего размера, с помощью которых были решены многие вопросы аэродинамики летательных аппаратов. С середины 1920-х гг. Циолковский занялся разработкой теории полёта реактивных самолетов. Его идеи в этой области изложены в статьях «Новый аэроплан» (1929), «Реактивный аэроплан» (1930), «Стратоплан полуреактивный» (1932).

Но особое место в научном творчестве учёного занимают труды по теории реактивного движения и межпланетным сообщениям. В работах под общим заглавием «Исследование межпланетного пространства реактивными приборами» (1903, 1911–1912, 1914 и 1926) заложены основы движения ракет и впервые доказана достижимость космических скоростей, осуществимость космических полётов. В 1926–1929 гг. Циолковским разработана теория многоступенчатых ракет — «Космические ракетные поезда», в 1934–1935 гг. он предложил идею эскадры ракет.

Учёный был убеждён, что освоение космоса поднимет человечество на гораздо более высокую ступень развития. Его деятельность была направлена на решение главной задачи — совершенствование человече-

ского рода, создание новых условий жизни общества для достижения высшей формы его развития.

В 1921 г. ему назначили персональную пожизненную пенсию, жить стало легче. Он смог оставить работу в школе и полностью заняться научными исследованиями. В последние годы жизни Константин Эдуардович вёл большую общественную работу, часто встречался с передовыми людьми Калуги и края, консультировал создателей первого отечественного научно-популярного кинофильма «Космический рейс». Учёный дожил до того времени, когда его заветные мечты об освоении космического пространства начали осуществляться. В 1933 г. в СССР были впервые произведены запуски ракет на жидком топливе.

До революции Циолковский был награждён орденами Святого Станислава и Святой Анны за педагогическую деятельность, к 75-летию — орденом Трудового Красного Знамени (1932). Он был членом Русского физико-химического общества и Общества любителей мироведения. В музее истории освоения космоса (США) он увековечен в Галерее международной космической славы. Его именем названы крупный кратер на обратной стороне Луны, малая планета (астероид № 1590), авиалайнер, город недалеко от космодрома Восточный, грузовой космический корабль «Прогресс М-61», Российская академия космонавтики, улицы во многих городах нашей страны, установлены памятники и мемориальные доски.

Сергей Павлович Королёв, конец 1950-х гг.

Королёв Сергей Павлович (1907–1966) — основоположник практической космонавтики, выдающийся конструктор и организатор работ по созданию ракетно-космической техники в СССР, председатель Совета главных конструкторов для координации работ по созданию ракетно-космической техники. По праву считается первопроходцем многих основных направлений развития отечественного ракетного вооружения и ракетно-космической техники, обеспечившего стратегический паритет и сделавшего наше государство передовой ракетно-космической державой. Межконтинентальная баллистическая ракета Р-7 — главное детище его жизни, на основе которой были созданы ракеты-носители для запуска космических кораблей «Восток», «Молния» и «Союз». Под его руководством были организованы и осуществлены запуски первых искусственных спутников Земли, пилотируемых кораблей и автоматических межпланетных станций.

С. П. Королёв родился 12 января 1907 г. в г. Житомире (Украина) в семье учителя. Ещё в школьные годы Сергей отличался исключительными способностями и неукротимой тягой к новой тогда авиационной

технике. Закончил строительную профшколу в Одессе, где и родилась мечта о полётах. Поступив в 1924 г. в Киевский политехнический институт по профилю авиационной техники, Сергей за два года освоил общие инженерные дисциплины, стал спортсменом-планеристом, участвовал во Всесоюзных слётах планеристов в Крыму.

Уже в 17 лет он разработал проект летательного аппарата оригинальной конструкции — безмоторного самолета К-5. Осенью 1926 г. он переведен в Московское высшее техническое училище (МВТУ им. Н. Э. Баумана). В 1929 г. в Москве совместно с С. Н. Люшиным сконструировал и построил планёр «Коктебель», первый полёт на котором совершил известный лётчик К. К. Арцеулов. В 1930 г. на планёре СК-3 «Красная звезда» конструкции С. П. Королёва лётчик-испытатель В. А. Степанчонок впервые в истории планёров выполнил фигуру высшего пилотажа — петлю Нестерова. Окончил С. П. Королёв МВТУ в 1930 г., дипломным проектом стал планёр СК-4, выполненный под руководством авиаконструктора А. Н. Туполева.

В начале 1930-х гг. Сергей Павлович познакомился с идеями К. Э. Циолковского, и его захватила мечта о космических полётах. В сентябре 1931 г. он добился вместе с энтузиастом ракетной техники Ф. А. Цандером создания в Москве общественной организации — Группы изучения реактивного движения (ГИРД). По словам дочери С. П. Королёва Натальи Сергеевны, сами гирдовцы в шутку расшифровывали аббревиатуру как «Группа инженеров, работающих даром».

С 1932 г. С. П. Королёв работает в МосГИРД, руководит четвёртой бригадой, которая разрабатывала ракетоплан РП-1 с двигателем Ф. А. Цандера ОР-1 и перспективные проекты — ракетопланы РП-2 с двигателем ОР-3 и РП-3 для полёта в стратосфере. В августе и ноябре 1933 г. руководил запуском первых советских жидкостных ракет ГИРД-09 и ГИРД-Х.

В МосГИРД он работал над проектированием управляемых крылатых ракет, первого советского ракетоплана РП-1 на основе серийного планёра БИЧ-11 конструкции Б. И. Черановского с жидкостным ракетным двигателем ОР-2 конструкции Ф. А. Цандера. РП-1 был изготовлен в декабре 1932 г., но при первом испытании в марте 1933 г. разрушился двигатель.

В 1936–1940 гг. по проекту Королёва создан ракетоплан РП-318. Первый полёт состоялся 28 февраля 1940 г., пилотировал ракетоплан-лётчик В. П. Фёдоров. В 1934 г. вышла книга Королёва «Ракетный полёт в стратосфере».

С. П. Королёва не миновала участь репрессий. 27 июня 1938 г. по ложному обвинению он был арестован и осуждён на 10 лет. По приговору военной коллегии Сергей Павлович отбывал наказание в лагерном пункте прииска Мальдяк к северу от Магадана. В 1940 г. переведён для работы в Особое техническое бюро при наркоме внутренних дел СССР — ЦКБ-29 в Москве.

Во время войны работал над ракетными ускорителями боевых самолетов в закрытых КБ НКВД Омска и Казани. В июле 1944 г. досрочно освобожден со снятием судимости.

В 1945–1946 гг. Королёв был командирован в Германию вместе с конструкторами ракетной техники М.К. Тихонравовым, Ю.А. Победоносцевым, Н.А. Пилюгиным, В.П. Мишиным и др., изучал немецкое ракетное вооружение, главным образом ракету Фау-2 (А-4), работал главным инженером и техническим руководителем научно-исследовательского института «Нордхаузен». В Германии Сергей Павлович не только реконструировал ракету Фау-2 по найденным обломкам конструкций и приборов, но и спроектировал более совершенную баллистическую ракету с дальностью полёта до 600 км.

Приказом министра вооружения СССР Д.Ф. Устинова от 9 августа 1946 г. Королёв был назначен в НИИ-88 в подмосковных Подлипках главным конструктором изделия № 1 — баллистической ракеты Р-1, созданной на основе опыта изучения Фау-2. В 1948 г. на полигоне Капустин Яр начались лётно-конструкторские испытания баллистической ракеты Р-1 (аналога Фау-2), и в 1950 г. она была поставлена на вооружение.

В 1948 г. Сергей Павлович вместе со своим соратником Ю.А. Победоносцевым основал кафедру «Специальное машиностроение» на артиллерийском факультете МВТУ им. Н.Э. Баумана, помогал альма-матер в создании лабораторной базы, организации учебного процесса, проведении стажировок преподавателей кафедры в своем КБ.

В 1949–1958 гг. Королёв возглавил работу над созданием комплексов автоматических управляемых ракет дальнего действия Р-2, Р-5, Р-9, Р-11, Р-5М и Р-11М с ядерной боеголовкой, Р-11ФМ для подводных лодок и геофизических ракет для исследования верхних слоёв атмосферы, параллельно подготовил проект новой баллистической ракеты с дальностью полёта до 3000 км.

В 1954 г. Королёв обратился с письмом в правительство «О возможности разработки ИСЗ».

Первая межконтинентальная ракета Р-7, несмотря на множество новых проектных и конструкторских проблем, была создана в рекордно короткие сроки в 1954–1957 гг. и сдана на вооружение в 1960 г. В августе 1956 г. ОКБ-1 стал самостоятельной организацией, главным конструктором и директором которой был назначен Королёв (ныне — РКК «Энергия» им. академика С.П. Королёва).

В 1957–1965 гг. в ОКБ-1 на основе ракеты Р-7 создаются ракеты-носители «Спутник», «Восток-Л», «Восток», «Молния», «Союз». Под руководством главного конструктора создаются и запускаются первые искусственные спутники Земли и автоматические межпланетные станции к Луне, Венере и Марсу, пилотируемые космические корабли

серии «Восток» и «Восход», ИСЗ серии «Космос», «Электрон», «Молния-1», «Зенит». В 1960–1965 гг. в ОКБ-1 разрабатываются орбитальный пилотируемый корабль 7К-ОК («Союз»), лунные корабли 7К-Л-1 и ЛОК, а также ведётся работа над перспективными проектами (сверхтяжёлые ракеты-носители Н-1 для лунной экспедиции, Н-2 для межпланетных полётов, тяжёлая орбитальная станция и тяжёлый межпланетный корабль ТМК-1 для пилотируемых полётов к Луне, Венере и Марсу).

14 января 1966 г. Королёв скончался в Кремлёвской больнице во время хирургической операции. Его память увековечена в названиях проспектов и улиц городов России, предприятия, которым он руководил, научно-исследовательского судна, кратеров на Марсе и на обратной стороне Луны, малой планеты (астероид № 1855), авиалайнера. Ему установлены памятники и мемориальные доски, открыты музеи, учреждены Золотые медали им. С.П. Королёва РАН и Федерацией космонавтики России, его имя присвоено аэропорту Самары. Почётный гражданин городов Королёв, Калуга и Байконур.

Дважды Герой Социалистического Труда (1956, 1961), лауреат Ленинской премии (1957), награждён Золотой медалью им. К.Э. Циолковского АН СССР (1958), тремя орденами Ленина, орденом «Знак Почёта» и медалями, академик АН СССР (1958).

Валентин Павлович Глушко, 1960-е гг.

Глушко Валентин Петрович (1908–1989) — один из пионеров ракетно-космической техники; основоположник отечественного жидкостного ракетного двигателестроения, конструктор космических систем, создатель многих ракетных двигателей для баллистических ракет и ракет-носителей, член Совета главных конструкторов для координации работ по созданию ракетно-космической техники. Главный конструктор НПО «Энергомаш» (1946–1974), директор и генеральный конструктор НПО «Энергия» (1974–1989), генеральный конструктор многоразового ракетно-космического комплекса «Энергия — Буран».

В.П. Глушко является конструктором первого в мире электротермического ракетного двигателя (1928–1933), первых советских жидкостных ракетных двигателей ОРМ (опытный ракетный мотор) (1930–1931), семейства ракет РЛА (ракетные летательные аппараты) на жидком топливе (1932–1933), мощных жидкостных ракетных двигателей, установленных практически на всех отечественных боевых ракетах и ракетах-носителях. Двигатели В.П. Глушко обеспечили обороноспособность нашей родины, вывели на орбиту первые и последующие искусственные

спутники Земли, пилотируемые и беспилотные космические корабли, АМС совершили полёты к Луне, Венере и Марсу.

В. П. Глушко родился 2 сентября 1908 г. в Одессе. К концу 1922 г. он создал кружок любителей астрономии при Одесском отделении Русского общества любителей мироведения. 26 сентября 1923 г. написал письмо К. Э. Циолковскому в Калугу с просьбой выслать труды учёного. Так началась переписка, продолжавшаяся ряд лет. После окончания средней школы и рабочей практики в 1925 г. Глушко уехал в Ленинград учиться на физико-математическом факультете университета. В эти годы он увлекся идеей создания высокоэффективного ракетного двигателя, положив её в основу дипломного проекта. Валентина Петровича пригласили руководить подразделением в Газодинамическую лабораторию (ГДЛ), где он работал с выдающимися инженерами и учёными Н. И. Тихомировым, Г. Э. Лангемаком, Б. С. Петропавловским. Именно здесь, в ГДЛ, под руководством Глушко исследовались различные ракетные двигатели, созданы и испытаны первый в мире электротермический двигатель и первые отечественные жидкостные ракетные двигатели серии ОРМ.

В 1933 г. прошли стендовые испытания двигателей ОРМ-50 (тяга 150 кгс) для ракеты ГИРД-05 и ОРМ-52 (300 кгс) для морских торпед и самолетов, спроектированы ракеты РЛА-1, -2 и -3, рассчитанные на высоту полёта 2–4 км. В 1934–1938 гг. в РНИИ Валентин Петрович продолжил работы над ЖРД (ОРМ-53-70, -101, -102). Наибольший интерес представлял ОРМ-65, созданный для крылатой ракеты 212 и ракетоплана РП-318 конструкции С.П. Королёва, а также газогенератор ГГ-1.

Волна репрессий докатилась до РНИИ (НИИ-3), 23 марта 1938 г. Глушко был арестован и осужден на 8 лет лагерей.

С осени 1939 г. заключенный Глушко работает над проектом газогенератора ГГ-3 и реактивного ускорителя для самолета С-100 на авиазаводе № 82 в Тушино. Руководство ВВС одобряет этот проект, с 1940 г. Валентина Петровича переводят в Казань на авиазавод № 27 для создания самолётных реактивных ускорителей. В начале 1942 г. в составе ОКБ-4 Спецотдела НКВД при казанском авиазаводе № 16 организовали КБ, техническим руководителем которого стал Глушко. Менее чем за три года коллектив КБ, состоящий из заключенных и вольнонаемных инженеров и техников, создал реактивный ускоритель с двигателем РД-1 (тяга 300 кгс), а затем его модифицированный вариант РД-1Х3 (с химическим зажиганием топлива). Эти двигатели успешно прошли лётные испытания на самолётах. В сентябре 1945 г. за вклад в создание военной техники в годы Великой Отечественной войны Валентин Петрович получил орден Трудового Красного Знамени, в этом же году в звании инженер-полковника в составе группы сотрудников ОКБ его командировали в Германию для ознакомления с баллистическими ракетами Фау-2 (А-4) и их двигателями.

С 1946 г. в ОКБ-456 (ныне АО «НПО Энергомаш им. академика В. П. Глушко»), созданном под руководством В.П. Глушко в подмосковных Химках при заводе № 456, разрабатываются ЖРД для ракет. 24 мая 1948 г. на стенде № 1 в Химках проведены первые огневые испытания РД-100 (тяга 26 тс) — отечественного варианта двигателя Фау-2, установленного на боевой ракете Р-1. За ней последовали форсированная ракета Р-2 с двигателем РД-101 (тяга 37 тс), баллистические ракеты Р-5 и Р-5М с усовершенствованным РД-103М (тяга 44 тс). В 1953–1957 гг. были разработаны ЖРД РД-107 и РД-108 для МБР Р-7, на её основе создано семейство ракет-носителей «Спутник», «Восток», «Молния», «Союз».

В 1957–1974 гг. в ОКБ-456 изготовлено более 50 типов мощных высокоэффективных двигателей, установленных на 19 боевых ракетах и 15 ракетах-носителях. В те же годы получили бурное развитие ракетостроение и космонавтика.

Глушко — автор более 400 научных работ, статей и изобретений. Возглавлял Научный совет по проблеме «Жидкое топливо» при Президиуме АН СССР, был главным редактором энциклопедии «Космонавтика» (1985), ответственным редактором справочника «Термодинамические и теплофизические свойства продуктов сгорания», читал лекции в МВТУ им. Н. Э. Баумана.

В 1974–1989 гг. Валентин Петрович возглавлял коллектив НПО «Энергия» в подмосковных Подлипках. Его основной задачей стало создание многоразовой ракетно-космической системы «Энергия — Буран». Для первой ступени ракеты-носителя в 1976–1986 гг. на предприятии был изготовлен и испытан самый мощный в мире четырёхкамерный кислородно-керосиновый двигатель РД-170 (тяга в пустоте 806 тс), на его основе созданы РД-180, РД-171 и РД-191.

15 мая 1987 г. состоялся первый старт РН «Энергия», а 15 ноября 1988 г. совершён успешный полёт системы «Энергия — Буран» с автоматической посадкой космического корабля «Буран» на Землю.

В. П. Глушко скончался 10 января 1989 г. Его имя присвоено кратеру на видимой стороне Луны, малой планете (астероид № 6357), авиалайнеру, улицам в Москве и других городах страны, проспекту в Одессе, установлены многочисленные памятники и мемориальные доски, открыты музеи.

В. П. Глушко — Почётный гражданин многих российских и зарубежных городов. Дважды Герой Социалистического Труда (1956, 1961), лауреат Ленинской (1957) и Государственных премий СССР (1967, 1984), награждён Золотой медалью им. К. Э. Циолковского АН СССР (1958), дипломом им. П. Тиссандье (ФАИ, 1967), пятью орденами Ленина, орденами Октябрьской революции и Трудового Красного Знамени, медалями, действительный член Международной академии астронавтики (1976), академик АН СССР (1958) и АН УССР, доктор технических наук.

Мстислав Всеволодович Келдыш, 1960-е гг.

Келдыш Мстислав Всеволодович (1911–1978) — выдающийся учёный в области прикладной математики и механики, крупный организатор советской науки, один из идеологов советской космической программы. Годы, когда М. В. Келдыш занимал пост президента Академии наук СССР (1961–1975), были периодом наиболее быстрого роста Академии, превращения её в крупнейший центр фундаментальной науки.

М. В. Келдыш родился 10 февраля 1911 г. в Риге в большой семье адъюнкт-профессора Рижского политехнического института, крупного инженера-строителя. В 1927 г. поступил в МГУ на математическое отделение физико-математического факультета. С 1931 г. начал работать в Центральном аэрогидродинамическом институте им. Н. Е. Жуковского (ЦАГИ) под руководством академика С. А. Чаплыгина, выдающегося механика, начальника ЦАГИ, который сразу стал поручать новому сотруднику серьёзные практические задачи, требовавшие математического решения: движение тела под водой — для гидросамолетов и судов на подводных крыльях, с 1935 г. — задачи автоколебаний самолетных конструкций. Наиболее опасные среди таких колебаний — флаттер (колебания крыльев и хвостового оперения самолетов) и шимми (виляющее движение катящегося колеса, приводящее к разрушению носовой стойки шасси). Мстислав Всеволодович со своей группой исследователей решил эти задачи. В результате советская авиация, в отличие от немецкой, в Великой Отечественной войне не имела проблем с флаттером.

В 1944 г. в Математическом институте им. В. А. Стеклова АН СССР (МИАН, ныне — Институт прикладной математики, ИПМ) был создан отдел механики, заведующим которого стал Келдыш. С этого момента он занимается ракетодинамикой и прикладной небесной механикой. Способность учёного быстро организовывать коллективы исследователей, чётко формулировать прикладную задачу, намечать пути её решения, внедрять результаты в практику создали Мстиславу Всеволодовичу авторитет лидера в вопросах математических приложений в научных кругах и в правительстве страны.

В 1946 г. по инициативе физиков-ядерщиков М. В. Келдыша подключили к расчётам атомного оружия. В августе 1950 г. его назначили научным руководителем НИИ-1 (ныне — Исследовательский центр им. академика М. В. Келдыша), призванного решать прикладные задачи ракетостроения. С этого времени теория движения составных ракет, внедрение жидкостных реактивных и прямоточных двигателей в авиацию, беспилотные ракеты, управление полётом ракет дальнего действия стали темами исследований его и руководимого им коллектива. К 1947 г. относится знакомство М. В. Келдыша с С. П. Королёвым, перешедшее затем в творческое сотрудничество.

Около 15 лет (1947–1960) Мстислав Всеволодович посвятил разработке воздушно-реактивных двигателей и созданию на базе такого двигателя межконтинентальной крылатой ракеты «Буря» (летные испытания начались в 1957 г.), созданной в КБ С. А. Лавочкина. К 1953 г. он уже руководил в МИАН несколькими коллективами, работавшими по разным проблемам. В 1960-е гг. институт работал над государственными программами развития атомной и термоядерной энергетики, занимался исследованиями в области космического пространства, создания новых математических методов и использования новой вычислительной техники. Мстислав Всеволодович сумел объединить научные математические коллективы, решавшие насущные задачи атомной энергетики, ракетно-космической техники, аэрогидродинамики и кибернетики.

С первых же полётов космических аппаратов в Институте прикладной математики создали Баллистический центр, в котором проводились расчёты управления и навигации всех пилотируемых космических кораблей и автоматических межпланетных станций. Созданный по инициативе академиков С. П. Королёва и М. В. Келдыша Баллистический центр ИПМ в тесном взаимодействии с организациями-разработчиками космических аппаратов успешно выполнил работы баллистико-навигационного обеспечения управления полётом АМС серий «Луна», «Венера», «Марс» и «Вега», КК серий «Союз» и «Прогресс», орбитальных станций «Салют», «Мир», КА научного назначения «Астрон», «Гранат», «Интербол» и других.

М. В. Келдыш умер 24 июня 1978 г. Его память увековечена в названиях двух институтов, научно-исследовательского судна, площади в Москве, кратера на обратной стороне Луны и малой планеты (астероид № 2186), ему установлены памятники и мемориальные доски, учреждена Золотая медаль им. М. В. Келдыша РАН «за выдающиеся научные работы в области прикладной математики и механики, а также теоретических исследований по освоению космического пространства».

Трижды Герой Социалистического Труда (1956, 1961, 1971), лауреат Ленинской (1957) и Государственных премий (1941, 1945), награждён семью орденами Ленина, тремя орденами Трудового Красного Знамени, Золотой медалью им. К. Э. Циолковского АН СССР (1972), шестью иностранными орденами и медалями, академик АН СССР (1946), иностранный член 16 академий мира, почётный доктор шести университетов.

Челомей Владимир Николаевич (1914–1984) — выдающийся ученый в области механики и процессов управления, конструктор ракетно-космической техники, создатель крылатых ракет, спутников и орбитальных станций оборонного назначения, а также ракет-носителей и космических кораблей.

Владимир Николаевич Челомей, 1970-е гг.

В. Н. Челомей родился 30 июня 1914 г. в г. Седлец Привислянского края (Польша) в семье учителей. В начале Первой мировой войны семья переехала на Украину, в Полтаву, а в 1926 г. — в Киев. Окончив в 1927 г. среднюю школу, Владимир поступает в Киевский автомобильный техникум, в 1932 г. — на авиационный факультет Киевского политехнического института. С первого курса совмещает учебу с работой техником-конструктором в филиале НИИ Гражданского воздушного флота, кроме того, посещает лекции по математике в Киевском государственном университете. Любимой дисциплиной юноши становится механика, особенно теория колебаний, которой он занимался всю свою жизнь.

В студенческие годы Владимир Николаевич общался с выдающимися учёными — академиками Д. А. Граве и Н. М. Крыловым. В 1936 г. Челомей, ещё будучи студентом, опубликовал свою первую работу «Векторное исчисление» — краткий курс векторного анализа, содержащий интересные приложения для решения задач механики. Институт откомандировал выдающегося студента для чтения лекций. В 1937 г., на год раньше своих сокурсников, он получил диплом инженера и приглашение в Институт математики АН УССР в г. Киеве для работы над темой «Динамическая устойчивость упругих систем».

В 1937–1938 гг. Владимир Николаевич опубликовал 14 научных статей, и уже в 1939 г. на Ученом совете Киевского политехнического института защитил кандидатскую диссертацию по теме «Динамическая устойчивость элементов авиационных конструкций». В 1940 г. в числе 50 лучших молодых учёных его приняли в специальную докторантуру при АН СССР. Тема диссертации — «Динамическая устойчивость и прочность упругой цепи авиационного двигателя».

С первых дней войны Челомей работал в Центральном институте авиационного моторостроения им. П. И. Баранова начальником отдела по разработке пульсирующих воздушно-реактивных двигателей. С 1944 г. он — главный конструктор и директор оборонного завода № 51 и ОКБ-52 (ныне — НПО машиностроения) в подмосковном Реутове, где была создана первая отечественная боевая крылатая ракета с пульсирующим реактивным двигателем. В начале 1945 г. ракету такого класса, 10Х, приняли на вооружение.

После войны Владимир Николаевич продолжил работу над крылатыми ракетами с пульсирующими двигателями, они устанавливаются в качестве ускорителей на истребителях авиаконструктора С. А. Лавочкина. В 1951 г. он защитил докторскую диссертацию в МВТУ им. Н. Э. Баумана, в 1952 г. ему было присвоено звание профессора.

Всю жизнь Челомей оставался верным своей любимой науке — механике. Ещё студентом он уделял большое внимание изучению дисциплин, связанных с проблемами механики, особенно с механическими колебаниями. В 1960 г. в МВТУ им. Н. Э. Баумана Челомей основал кафедру «Аэрокосмические системы», где сформировалась научно-педагогическая школа механиков. Основы этой школы заложены в работах Владимира Николаевича, посвящённых динамической устойчивости конструкций ракетно-космической техники, динамике систем управления и приводов. Многочисленные научные труды Челомея, имеющие оборонное значение, засекречены. Но и среди опубликованных есть выдающиеся работы, подтверждающие многогранность его научных интересов, например, основополагающий труд по параметрическим колебаниям «О возможности повышения устойчивости упругих систем при помощи вибраций» («Доклады АН СССР», 1956).

Созданная Владимиром Николаевичем нелинейная теория статики и динамической устойчивости гидравлических и пневматических золотниковых сервомеханизмов опубликована в 1954–1958 гг. Интерес вызывает последняя работа — «Парадоксы в механике, вызываемые вибрациями» (1983). В ней рассматриваются удивительные эффекты, связанные с воздействием высокочастотных вибраций на физические тела. Он основал научные школы «Нелинейная механика», «Динамика ракет и космических летательных аппаратов».

Челомей был не только крупным ученым, но и выдающимся инженером. В 1950-х гг. он высказал идею о раскрывающемся крыле, что значительно повышало боеготовность ракеты и позволяло разместить её в пусковом контейнере. Такое техническое решение сейчас используется во всём мире. Эта идея реализована в крылатой ракете П-5 (принята на вооружение в 1959 г.) и последующих боевых наземных, морских и авиационных крылатых ракетах П-5Д, С-5, П-6, «Аметист», «Гранит» и «Метеорит», созданных в 1960–1980-х гг.

Большой вклад учёный внёс и в ракетно-космическую технику, в частности, в создание ракетных войск стратегического назначения. С конца 1950-х гг. Челомей возглавил разработку баллистической ракеты УР-100Н (8К84, 1975 г.) для боевого ракетного комплекса шахтного базирования повышенной защищенности, находящуюся на вооружении до сих пор.

С 1965 г. эксплуатируется ракета-носитель УР-500 «Протон» тяжёлого класса стартовой массой 705 т для вывода крупных спутников, геостационарных связных ИСЗ, АМС, орбитальных пилотируемых станций и научных модулей (к 2020 г. осуществлено 422 запуска). В 1965 г. на этом носителе впервые в СССР были запущены тяжёлые научные спутники «Протон-1» и «Протон-2» массой 12,2 т. В конструкторском бюро под его руководством созданы первые в мире маневрирующие на орбите

космические аппараты «Полёт-1», «Полёт-2» для испытания военных спутников-перехватчиков и УС-А активной радиолокационной морской разведки (1963–1964), ИСЗ системы противоспутниковой обороны «ИС» (1965–1973), проект долговременной орбитальной станции серии «Салют» массой около 20 т, в 1973–1976 гг. были запущены военные станции по программе «Алмаз»: «Салют-2», «Салют-3» и «Салют-5».

Последняя работа, выполненная по идеям Владимира Николаевича уже после его смерти, — тяжёлые спутники массой 18,5 т для дистанционного зондирования Земли с радиолокационным комплексом «Космос-1870» (1987) и «Алмаз-1А» (1991). Некоторые проекты не были реализованы. С 1962 г. проектировалась сверхтяжёлая РН УР-700 (11К87) высотой 74,5 м и стартовой массой 4823 т, которая могла выводить на околоземную орбиту полезную нагрузку массой 151 т (больше, чем у американской РН «Сатурн-5»). К концу 1968 г. Челомей утвердил эскизный проект комплекса УР-700-ЛК-700, альтернативного проекту С.П. Королёва Н-1-Л-3. Несмотря на положительную оценку специалистов, проект закрыли. Только на бумаге остались проекты лёгкого космического самолёта и марсианского «Аэлита» с РН УР-700М (1969 г.).

В. Н. Челомей ушёл из жизни 8 декабря 1984 г., полный идей и творческих планов. В его честь названы улицы и площадь, малая планета (астероид № 8608), авиалайнер, установлены памятники и мемориальные доски.

Дважды Герой Социалистического Труда (1959, 1963), лауреат Ленинской (1959) и трёх Государственных (1967, 1974, 1982) премий, награждён пятью орденами Ленина и орденом Октябрьской Революции, двумя Золотыми медалями им. Н. Е. Жуковского (1964, 1977), Золотой медалью А. М. Ляпунова, удостоен премии им. Н. Е. Жуковского. Действительный член Международной академии астронавтики (1974), академик АН СССР (1962), доктор технических наук, профессор.

Литература по космонавтике

Арлазоров М.С. Циолковский. Серия «Жизнь замечательных людей». 3-е изд., перераб. и доп. М.: Молодая гвардия, 1967.

Белоглазова Е.Т. Совет главных. М.: Патриот, 2007.

Бирюков Ю.В. Творчество К. Э. Циолковского и С. П. Королёва, предопределившее открытие космической эры. М.: Знание, 2003.

Бодрихин Н.Г. Челомей. Серия «Жизнь замечательных людей». М.: Молодая гвардия, 2017.

Вачнадзе В.Д. С. П. Королёв — XXI век. М.: АКАНТ, 2006.

Герасютин С.А., Левитан Е.П. России звездные сыны. 100 первых отечественных космонавтов. Малая энциклопедия космонавтики. 2-е изд., доп. М.: Гелиос, 2007.

Голованов Я.К. Правда о программе «Apollo». М.: Эксмо-Пресс, 2000.

Голованов Я.К. Королёв: факты и мифы (в 2-х томах). М.: «Русские витязи», 2007; 2-е изд. М.: Русские витязи, 2007; 3-е изд. перераб. и доп. М.: Фонд «Русские витязи», 2018.

Дёмин В.И. К. Э. Циолковский (серия «Жизнь замечательных людей»). М., «Молодая гвардия», 2005.

Качур П.И., Глушко А.В. Валентин Глушко (серия «XX век». Знаменитые конструкторы России). М.: Политехника, 2008.

Королёва Н.С. Жить надо с увлечением. Сергей Павлович Королёв. Биография в фотографиях и документах к 110-летию со дня рождения. М.: Изд. Дом «Тончу», 2017.

Ребров М.Ф. Сергей Павлович Королёв. Жизнь и необыкновенная судьба. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002.

Романов А.П., Губарев В.С. Конструкторы. Королёв, Янгель, Глушко. М.: Политиздат, 1989.

Романов А.П. Сергей Павлович Королёв. Серия «Жизнь замечательных людей». М.: Молодая гвардия, 1990; 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 1996.

Был веку нужен Королёв. По страницам архива Мемориального дома-музея академика С. П. Королёва / Автор-составитель Л. А. Филина. М.: Русская история, 2002.

Интернет-ресурсы

Железнякова А. Интернет-энциклопедия «Космонавтика». URL: http://www.cosmoworld.ru/spaceencyclopedia

Красникова А. История российской космонавтики. URL: http://www.space.hobby.ru

Сайт «Пилотируемая космонавтика». URL: http://www.astronaut.ru

Сайт Роскосмоса. URL: http:// www.federalspace.ru

Сайт РКК «Энергия» им. С. П. Королёва. URL: http://www.energia.ru

Сайт Центра подготовки космонавтов им. Ю. А. Гагарина. URL: http://www.gctc.ru

Сайт ЦУП-М Роскосмос. URL: http://www.mcc.rsa.ru

ВЯЧЕСЛАВ ВАСИЛЬЕВИЧ БАХИРЕВ: «МЫ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ПЕРВЫМИ!»

Никулин Владимир Викторович, 61 год,
заведующий техноцентром (музеем)
ОАО «Завод имени В.А. Дегтярева»,
член Союза журналистов России,
Владимирская область, г. Ковров

Бахирев В.В. на учебных военных сборах в период учебы в МГУ

Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственной премий СССР Вячеслав Васильевич Бахирев (1916–1991) стал крупным специалистом в двух отраслях оборонно-промышленного комплекса Советского Союза. Сначала он работал на заводе по производству автоматического стрелкового и авиационного артиллерийского вооружения, а затем почти два десятилетия возглавлял министерство машиностроения СССР, в ведении которого были разработка и выпуск боеприпасов, взрывчатых веществ и ракетного топлива (как военного, так и гражданского назначения).

Добрым словом могут вспомнить В. В. Бахирева не только в Коврове, где он прошел путь от ученика в школе ФЗУ до директора завода, но и на многих других крупных предприятиях в разных городах и республиках бывшего СССР. Их развитие, а порой и рождение связано с деятельностью министра Бахирева и руководимой им отрасли.

Вячеслав Васильевич Бахирев родился 17 сентября 1916 года в деревне Дудорово Ковровского уезда Владимирской губернии (ныне Савинский район Ивановской области) и был, как писали в анкетах, «из крестьян». Земли в этих местах малоплодородные, что заставляло его отца, Василия Николаевича Бахирева, как и многих других деревенских мужиков, зарабатывать на жизнь подсобными промыслами. Из автобиографии В. В. Бахирева: «Мои родители были крестьяне. Наряду с работой в сельском хозяйстве, мои отец и дед в зимние месяцы уходили «на заработки», имея профессию портных. После серьезного ранения, полученного на фронте первой мировой войны в 1915 году, отец стал преимущественно заниматься портновским ремеслом. Хозяйство в это время вели моя мать, бабушка и дед, с которыми мы жили одной семьей... В 1930 году мои родители переехали на постоянное жительство в г. Ковров... Я в 1933 году работал на заводе № 2 (ныне — завод имени В. А. Дегтярева. — *В.Н.*) после окончания школы ФЗУ фрезеровщиком. Затем пошел учиться» [1].

Василий Николаевич Бахирев, по воспоминаниям его родственников, был портным высокой квалификации. Он много читал (несмотря на тяжелое фронтовое ранение) и хотел, чтобы дети учились, получили серьезное образование.

Поработав на заводе фрезеровщиком, Вячеслав Бахирев решил продолжить учебу. В 1933 году он поступил в Московский железнодорожный техникум. Вернувшись после первого курса на каникулы в Ковров, он узнал, что его друзья-ровесники учатся на рабфаке (рабочем факультете), готовятся к поступлению в университеты и институты. Вот тут и произошел серьезный перелом в его отношении к учебе: «Как это так, приятели вот-вот станут студентами вуза, а я все еще учащийся техникума?» Вячеслав поступил на Ковровский рабфак, часть экзаменов сдал экстерном и поехал вместе со всеми в Москву. Но уже не в техникум, а поступил в 1935 году на механико-математический факультет Московского государственного университета.

В дипломе об окончании мехмата МГУ по специальности «механика» указано, что В. В. Бахиреву «присвоена квалификация научного работника в области механики, преподавателя вуза, втуза и звание учителя средней школы» решением Государственной экзаменационной комиссии от 3 июля 1941 года. В удостоверении Народного комиссариата вооружения о направлении выпускника в Ковров «в распоряжение завода № 2» указан «срок прибытия к месту назначения — 1 августа 1941 г.». Выписка из зачетной ведомости датирована 9 июля. Но к этому времени В. В. Бахирев, не дав себе ни дня каникул, успел приехать в Ковров (даже не до конца оформив университетские документы) и подать заявление о поступлении на завод. 18 июля 1941 года в его трудовой книжке появилась запись: «Принят на должность инженера-конструктора».

Сама жизнь не позволяла вчерашнему студенту засиживаться в «молодых специалистах, начинающих». Работая в отделе главного конструктора, В. В. Бахирев 20 мая 1943 года был переведен на должность инженера-исследователя, 15 марта 1946 года — ведущего инженера-конструктора. Накопленный за годы войны опыт позволял решать и более сложные задачи. 1 февраля 1947 года он стал начальником бюро текущего производства авиационного вооружения — одного из важнейших направлений для предприятия. В годы Великой Отечественной войны завод № 2 Наркомата вооружения был одним из крупнейших в стране предприятий по производству не только стрелкового оружия для пехоты и танков, но и скорострельных автоматических авиационных пушек. Еще с предвоенных лет здесь выпускали первую отечественную 20-мм авиапушку Шпитального и Владимирова ШВАК. В период войны (продолжая производство ШВАК) освоили и более мощные, калибра 23-мм — сначала ВЯ-23 Волкова и Ярцева, затем НС-23 Нудельмана и Суранова, а сразу после войны НР-23 Нудельмана и Рихтера. Не

случайно в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 16 сентября 1945 года о награждении завода орденом Ленина на первом месте было выделено успешное выполнение коллективом заданий ГКО по обеспечению Красной Армии авиационным вооружением. А первой государственной наградой самого В. В. Бахирева стала врученная ему 24 октября 1946 года медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Выдающийся конструктор, дважды Герой Социалистического Труда А. Э. Нудельман в своих воспоминаниях подчеркнул значительную роль В. В. Бахирева, его талант инженера и организатора при освоении производства авиапушки НР-23 (в начале «холодной войны» она стала основным оружием бомбардировщиков и истребителей наших ВВС).

9 мая 1948 года В. В. Бахирев был переведен на должность заместителя начальника по опытным работам Опытно-конструкторского бюро № 2. А начальником ОКБ-2 в то время был человек, имя которого вскоре стал носить завод — конструктор, Герой Социалистического Труда В. А. Дегтярев. Затем В. В. Бахирев работал главным конструктором завода имени В. А. Дегтярева, начальником ОКБ-2. Он участвовал в разработке около 40 опытных и серийных образцов автоматического оружия разного калибра и военной техники. Полный спектр крайне широк — от модернизации автомата Калашникова АК-47 до 23-мм авиапушек. Вячеславу Васильевичу довелось по разным темам работать и с создателями легендарных образцов оружия Победы, и с теми, кто продолжил укреплять систему нашего вооружения уже во второй половине XX века.

1 сентября 1954 года по приказу Министра оборонной промышленности В. В. Бахирев был назначен на заводе имени В. А. Дегтярева на должность главного инженера — заместителя директора предприятия. В том же году свой первый ковровский адрес — дом на улице Челюскинцев — он сменил на квартиру в одноэтажном доме в Сосновом проезде.

«Когда мы получили эту квартиру, нам она показалась таким дворцом! — вспоминает его дочь Татьяна Вячеславовна Бахирева. — *Хотя плита на кухне отапливалась дровами (уже позже поставили баллонный газ), и сама квартира была вначале типа «хрущевки». Потом ремонтировали, что-то пристраивали, но в то время это было чем-то необыкновенным, и называли эти два одноэтажных дома «директорскими особняками». А колонка была на улице, по воду надо было идти за полтора квартала, за линию, которая проходила к мукомольне. Для полива огорода во дворе был колодец»* [2, с. 90].

Через считанные годы в «необыкновенные и чудесные» для своего времени квартиры (не просто с водой — даже с горячей, и без заботы о дровах) начали переезжать десятки, сотни, тысячи семей работников завода имени В. А. Дегтярева, который с 18 октября 1960 года возглавил В. В. Бахирев. А те шесть с небольшим лет, которые он был главным инженером,

директором работал Павел Васильевич Финогенов, позднее, в 1979 году, возглавивший Министерство оборонной промышленности СССР.

В этот период на заводе имени В. А. Дегтярева началось освоение производства противотанковой и зенитной ракетной боевой техники, уникального оборудования для атомной энергетики, рос выпуск дорожных и спортивных мотоциклов и других товаров производственного назначения и народного потребления. Многое приходилось делать впервые в стране (например, ПТУРСы — противотанковые управляемые реактивные снаряды «Шмель» и «Малютка», а вскоре и ПЗРК — переносные зенитные ракетные комплексы «Стрела-2»), успешно соперничая с зарубежными лидерами машиностроения и военно-промышленного комплекса. И не было в этой работе направлений второстепенных, малоактуальных, допускающих отсрочку «на потом».

В одном из приказов об организации на заводе имени В. А. Дегтярева новых производств, подписанном в 1959 году, речь шла о дополнительных заданиях правительства по «созданию новых машин». Причем многое предстояло решать за счет внутренних ресурсов и резервов предприятия (возможности государства были не безграничны). Заключительный пункт приказа предусматривал «контроль за выполнением плана внедрения новой техники возложить на главного инженера тов. Бахирева В. В.». Таким образом, этот внутризаводской документ определял особую роль именно Вячеслава Васильевича Бахирева в успешном развертывании в кратчайшие сроки ракетного производства на заводе. В немалой мере от этого зависело и все развитие противотанковых и зенитных ракетных комплексов в нашей стране.

В начале мая 1960 года на заводе, как и по всей стране, прошла серия собраний и митингов, на одном из которых выступил главный инженер В. В. Бахирев. Речь шла о вторжении американского разведывательного самолета в воздушное пространство СССР. На митингах звучали стандартные фразы осуждения провокации. Тогда мало кто знал (а немногие посвященные не имели права говорить), что в ракете, которой 1 мая 1960 года в районе Свердловска был сбит самолет Ф. Пауэрса, использовались исполнительные блоки управления (рулевая машинка и автопилот), которые только что начал выпускать завод имени В. А. Дегтярева. Среди отмеченных государством были и работники предприятия. В. В. Бахирев 6 марта 1962 года был награжден первым орденом — «Знак Почета» — «за выполнение специального задания правительства».

И еще одно принципиально новое — и для завода, и для всей страны — производство пришлось осваивать, параллельно с ракетным, начиная с того же 1959 года. В атомной энергетике начиналось внедрение газоцентрифужного метода изотопного обогащения урана — снижавшего потребление электроэнергии примерно в 20 раз, более эффективного и гигиеничного, чем применявшаяся прежде диффузионная техноло-

гия. Постановление правительства определило три завода по серийному производству центрифуг, в их числе и завод имени В.А. Дегтярева.

В первой группе специалистов завода в 1959 году В.В. Бахирев (в то время еще главный инженер) поехал в Ленинград в головное КБ для ознакомления с конструкцией газовой центрифуги и технологией ее изготовления. На заводе был создан цех № 12 (затем реорганизованный в производство).

Работавший в те годы заместителем начальника цеха по механической обработке А.Т. Борзов вспоминал, что при комплектации оборудованием возникали конфликтные ситуации с другими заводскими производствами и службами, *«но поставленную задачу надо было решать, тем более, что действовал я с ведома директора завода В.В. Бахирева, нашего главного покровителя и вдохновителя. Вячеслав Васильевич глубоко понимал, что наша работа направлена на укрепление могущества страны, энергетической базы и развитие атомной промышленности... Всю нашу работу он держал под своим личным контролем, строго и внимательно следил за комплектацией цеха людьми, станками, нестандартным оборудованием, технологической оснасткой, часто проводил совещания, планерки и устраивал разносы провинившимся. Гнев его был страшен, но директор был отходчив и через некоторое время мог спокойно обсуждать другие вопросы. Особенно он был непримирим к низкой культуре производства и спрашивал за грязь и беспорядок на участке так, что второй раз уже не хотелось «попадать под шары»* [3, с. 29].

Для контроля за сборкой и испытаниями первых изготовленных агрегатов, решения возникающих проблем на завод приезжали не только научный руководитель проекта, дважды Герой Социалистического Труда академик И.К. Кикоин, но даже вице-президент Академии наук СССР академик М.Д. Миллионщиков.

Конструктор В.В. Алексеев вспоминал, что в конце 1950-х годов он занимался автопилотом — секретной и перспективной ракетной техникой: *«И вдруг меня переводят в другое бюро, на какую-то атомную тематику. Я чуть не заплакал, пошел к нашему начальнику бюро Гельбштейну: «Ефим Семенович, чем я вас не устроил?» А он передал слова Бахирева: «Пушки перестанем делать, ракеты перестанем делать — а пока жив человек, он требует тепла. Атом — это, кроме ядерного оружия, еще и мирная энергия, и другой альтернативы нет». Настолько он видел вперед. И какого вопроса ни коснись — все время проявлялась дальновидность»* [2, с. 91].

В конце апреля — начале мая 1964 года в заводской газете «Инструментальщик» появилась серия публикаций о новых лауреатах Ленинской премии — одной из высших наград в Советском Союзе. Среди них были Мстислав Ростропович, Майя Плисецкая, корреспондент «Комсомольской правды» Василий Песков, лидер испанских коммунистов Долорес Ибаррури. О некоторых лауреатах той поры сейчас вспомнят только специалисты. Но не было в заводской газете (как и в любой другой) даже самого краткого упоминания о коллективе специалистов разных предприятий, удостоенных в 1964 году Ленинской премии за освоение производства оборудования для атомной энергетики. А в их число вошел и В.В. Бахирев — далеко не каждый год в Ковров приходили награды такого высокого уровня. Но тема развития атомной энергетики была жестко засекречена, и эта часть постановления о присуждении премий (в отличие от награждения деятелей литературы, искусства, международного коммунистического движения) оказалась закрытой, не подлежащей опубликованию в печати.

В.В. Бахирев, министр машиностроения СССР

18 марта 1962 года В.В. Бахирев впервые был избран депутатом Совета Союза Верховного Совета СССР по 132-му Ковровскому избирательному округу (впоследствии, в должности министра он избирался депутатом по Смоленскому округу).

Как депутат высшего органа государственной власти, В.В. Бахирев занимался не только проблемами родного города и своего завода (обязанностей на посту директора у него не убавилось). В обширный избирательный округ, кроме Коврова, входили несколько окрестных районов, небольшие города и рабочие поселки с предприятиями разных отраслей (текстильной и легкой промышленности, индустрии стройматериалов, лесозаготовки и переработки, пищепрома) и не одна сотня больших и совсем крохотных, «неперспективных» сел и деревень. Сложно даже представить всё обилие разнообразных производственно-экономических и социально-бытовых проблем, для решения которых понадобились теперь опыт и энергия В.В. Бахирева.

В начале 1965 года в Доме культуры имени В.А. Дегтярева проходила очередная встреча избирателей с директором завода, депутатом Верховного Совета СССР, который рассказал о намеченных руководством страны мерах по повышению уровня жизни народа: «Уже в текущем году население страны будет в достатке обеспечиваться хлебом, в том числе и белым, макаронами, крупой, сахаром, кондитерскими товарами, растительным маслом, консервами. Принимаются все меры по обеспечению населения мясными продуктами и животным маслом» [4]. Парадоксальное противоречие — и в то же время рядовой штрих повседневности, наследия только что завершившейся эпохи Н.С. Хрущева: лучшее в мире оружие, ракетная и атомная техника соседствовали с проблемой снабжения создателей этой техники белым хлебом, не говоря уже о других продуктах.

Вячеслав Васильевич не хотел покидать Ковров и свой завод. По воспоминаниям родственников, вернувшись домой из командировки, он сказал: «Все, на этот раз, кажется, отбился...» А утром раздался телефонный звонок — вызов на новое место работы, постановление Совета Министров СССР было подписано 23 марта 1965 года. Это был не просто перевод в Москву — а сразу назначение первым заместителем министра оборонной промышленности СССР.

Но и в этой должности он проработал сравнительно недолго. 5 февраля 1968 года постановлением Совета Министров СССР В. В. Бахирев назначен министром машиностроения СССР. За постановлением о новом назначении было не просто перемещение еще на одну должностную ступеньку вверх. Ему предстояло создать новое министерство, поднять важную отрасль оборонной промышленности. Новое министерство имело достаточно условное название (как это было принято в те годы и для ряда других оборонных министерств), а реально занималось боеприпасами и ракетным топливом.

Высокую оценку деятельности В. В. Бахирева и его личных качеств дают проработавшие с ним много лет руководители отрасли и отдельных предприятий. Одной из наиболее ярких фигур среди руководителей оборонного комплекса Советского Союза считал Вячеслава Васильевича почетный директор ЦНИИ химии и механики, Герой Социалистического Труда Ю. И. Краснощеков: *«С полным пониманием проблем он мог вести научно-технические дискуссии и с главным конструктором, и с технологом, и директором завода. Огромная работоспособность позволяла ему знать в деталях работу отрасли и эффективно руководить созданием новых образцов и их производством... В его широкой натуре уживались требовательность, порой чрезвычайно жесткая требовательность, и отходчивость, всегда находили отзвук просьбы людей. Будучи по существу авторитарным руководителем, он умел слушать советы, менять свое мнение, прислушиваясь к мнениям коллег. Будучи не только Главным Администратором, но и являясь по существу лидером отрасли, он неизменно внушал нам: «Мы должны быть первыми!»* [5].

В этот период много приходилось заниматься техническим перевооружением заводов и конструкторских организаций, созданием новых предприятий, НИИ и КБ, порой «с нуля», с выбора места для нового строительства и проектирования зданий. Подобные работы шли не только в столице, но и в Сибири, на Алтае, на Украине, в Белоруссии, других регионах разных республик Советского Союза. И не менее важно было, построив новые корпуса, оснастить их современным оборудованием, организовать производство.

Как и в других оборонных отраслях, в министерстве машиностроения приходилось заниматься продукцией не только военного, но и гражданского назначения, используя широкие возможности созданного здесь мощного научно-технического и производственного потенциала. Специалисты одного из подмосковных НИИ с успехом участвовали за рубежом в международных фестивалях и симпозиумах по фейерверочному искусству, затем начали осваивать современные средства пожаротушения — пиротехнические аэрозольные генераторы. В период подготовки к Московской Олимпиаде 1980 года было дано задание разработать новый быстрогорящий порох для малокалиберных патронов к спортивному стрелковому оружию. Шла работа по решению экологических проблем, разработке и производству разнообразных средств защиты.

Вручение В.В. Бахиреву ордена Сирийской Арабской Республики «За заслуги» I степени. Сирия, город Алеппо, 1981 год

Но основной задачей оставалось обеспечение армии современными боеприпасами, взрывчатыми веществами, ракетным топливом. В совершенствовании военной техники учитывался и зарубежный опыт, и уроки ее боевого применения в локальных вооруженных конфликтах и «малых» войнах второй половины XX века.

16 сентября 1976 года, в канун своего 60-летия, Вячеслав Васильевич был удостоен звания Героя Социалистического Труда. Еще до этого, в 1966 и 1971 годах, он был награжден двумя орденами Ленина, а позднее, в 1981 году — орденом Октябрьской Революции, в 1986 — еще одним орденом Ленина.

Среди отечественных наград у В. В. Бахирева, кроме официальных государственных, есть и выделяющиеся из этого ряда, но по-своему не менее ценные. Например, медаль имени летчика-космонавта СССР Ю. А. Гагарина, врученная по решению Федерации космонавтики СССР от 12 апреля 1981 года «за активное участие в обеспечении выполнения программ космических исследований в СССР» (работы по созданию и производству ракетного топлива были направлены не только на оснащение армии новым оружием).

Деятельность В. В. Бахирева по военно-техническому сотрудничеству отмечена орденом «Красное знамя труда» Народной Республики Болгарии, орденом «За заслуги» Сирийской Арабской Республики, наградами ряда других стран. Одной из таких программ было проектирование, строительство и пуск «Завода-790» по производству боеприпасов близ города Алеппо в Сирии. С советской стороны межправительственное соглашение 7 марта 1975 года подписал В. В. Бахирев. Минмаш был генеральным по-

ставщиком и проектировщиком объекта, начиная с выбора площадки до пуска «Завода-790» в ноябре 1981 года. После пуска В. В. Бахирева принял в Дамаске Президент Сирии Хафез Асад, и вместо предусмотренных протоколом 12 минут встреча продолжалась полтора часа. Хафез Асад отступил от строгого протокола, ясно понимая, что значит для его страны сотрудничество с Советским Союзом — а В. В. Бахирев в этой ситуации был не просто министром, а официальным представителем правительства СССР.

Разумеется, жизнь министра машиностроения состояла не только из успехов в развитии отрасли, высоких достижений и наград. Доктор химических наук, лауреат Ленинской премии Л. В. Забелин вспоминал и случавшиеся очень тяжелые эпизоды: *«Вячеслав Васильевич глубоко переживал имевшие место аварии в пороховых производствах, связанные с потерями мощностей, а иногда и людей, и обычно долго находился под их впечатлением. Но при этом он никогда не «отыгрывался» на директоре или главном инженере завода, на котором произошла авария, так как понимал, что причины аварий при освоении новых технологических процессов, как правило, в комплексе недостатков — технических, организационных, дисциплинарных и т.п. Многие руководители пережили аварии на своих предприятиях, приобрели житейскую и профессиональную мудрость и могли бы с благодарностью сказать: «Я состоялся как директор благодаря Вячеславу Васильевичу Бахиреву»* [6, с. 51].

И еще одну черту отмечают все знавшие Вячеслава Васильевича. Став москвичом, получив высокие посты в правительстве, он сохранил искреннюю любовь к своей родине. Поддерживал связь с земляками, с коллективом завода, где много лет работал, старался непременно заехать в Ковров, возвращаясь из командировки, если путь лежал по шоссе Горький — Москва.

Одно из свидетельств его отношения к Коврову — написанная В. В. Бахиревым в соавторстве с И. И. Кирилловым (также бывшим работником завода, главным конструктором) книга «Конструктор В. А. Дегтярев. За строками биографии». Первое издание книги вышло в 1979 году, в канун 100-летия со дня рождения В. А. Дегтярева. Это первая подробная научная биография выдающегося конструктора, основанная на фактах и документах (в отличие от издававшихся ранее повести Г. Д. Нагаева и коротких очерков других авторов), написанная в то же время доступным для широкого круга читателей языком [7].

Период, когда В. В. Бахиреву довелось руководить одной из важнейших оборонных отраслей, был, несмотря на внешнюю стабильность и прочность Советского государства, достаточно сложным и противоречивым. При всех несомненных, отнюдь не выдуманных, вполне реальных успехах и достижениях росли и накапливались причины грядущих серьезных кризисных явлений.

И в собственной отрасли далеко не все устраивало В. В. Бахирева. Это не значит, что министерство машиностроения СССР было хуже других.

Напротив, созданное в какой-то мере с нуля, оно сделало за два десятилетия огромный рывок вперед. Резкая критика явных просчетов означала другое: В. В. Бахирев стремился вывести коллективы заводов, НИИ, КБ на более высокий уровень, чувствовал в себе и своих подчиненных силы для этого, был уверен в их возможностях.

Но наступала пора больших перемен, в том числе и кадровых. Указом Президиума Верховного Совета СССР 5 июня 1987 года министр был освобожден от занимаемой должности в связи с уходом на пенсию. Теперь оставалась семья, книги — он любил читать Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова, А. Н. Толстого, мемуарную литературу, где ему были интересны такие разные личности как, например, У. Черчилль и маршал Г. К. Жуков. Внимательно читал перестроечный «Огонек», хотя далеко не все мог принять в его публикациях. В последние годы жизни одним из самых любимых для В. В. Бахирева стал только начавший издаваться журнал Советского Фонда культуры «Наше наследие».

Однако Вячеслав Васильевич так и не смог остаться просто персональным пенсионером союзного значения. В семье Бахиревых среди других его личных документов сохранилось удостоверение за № 2760, подписанное уже новым министром оборонной промышленности СССР: «Предъявитель настоящего удостоверения тов. Бахирев Вячеслав Васильевич является советником Министерства. 26 мая 1990 г.» Документ выдан через три года после отставки и чуть больше чем за полгода до смерти В. В. Бахирева, знания и энергия которого были необходимы и новому поколению руководителей государства.

Вячеслав Васильевич Бахирев умер внезапно для его близких — выйдя 2 января 1991 года из дома на обычную прогулку. Увидев присевшего пожилого мужчину, московский милиционер (конечно, не знавший в лицо бывшего министра и члена ЦК КПСС) спросил: «Что с Вами? Вам плохо, вызвать «скорую»?» «Скорая» подъехала быстро, но медики уже не могли помочь.

В официальном некрологе, опубликованном в газете «Правда» и подписанном М. С. Горбачевым, Н. И. Рыжковым, П. В. Финогеновым и другими руководителями КПСС и Советского государства, отмечалось: *«В. В. Бахирев проявил талант организатора промышленности, широчайшую техническую эрудицию, высокую принципиальность и требовательность, сочетающиеся с чутким и внимательным отношением к людям... Своей неутомимой работой В. В. Бахирев внес большой вклад в развитие промышленности, в решение сложных научно-технических проблем по созданию новых образцов современной военной техники и обеспечению ими вооруженных сил страны»* [8].

Еще в период очень сложных кризисов, в 1999–2001 годах в Коврове на здании административного корпуса Конструкторского бюро «Арматура» (бывший корпус ОКБ-2) и на здании административного корпуса

(корпуса «А») ОАО «Завод имени В. А. Дегтярева» были открыты мемориальные доски, посвященные В. В. Бахиреву. Имя В. В. Бахирева присвоено ведущим предприятиям оборонной промышленности Российской Федерации — машиностроительным институтам «НИМИ» в Москве и «ГосНИИмаш» в Дзержинске. К 100-летию со дня его рождения бронзовые бюсты выдающегося специалиста и руководителя были открыты в Москве и Новосибирске.

В Коврове торжественная церемония открытия бюста В. В. Бахирева состоялась 26 августа 2016 года, в дни празднования 100-летия завода имени В. А. Дегтярева. Теперь бронзовый Бахирев смотрит на памятник воинам-дегтяревцам, погибшим в годы Великой Отечественной войны. Рядом — дома с мемориальными досками в честь М. Т. Калашникова и П. М. Горюнова, дальше — бюст Г. С. Шпагина и выход на площадь Победы с Аллеей Героев. Так в общий строй земляков, которые защищали Родину, ковали оружие Победы, укрепляли в мирное время обороноспособность нашей страны, снова встал Вячеслав Васильевич Бахирев.

Автор выражает искреннюю благодарность Т.В. Бахиревой (г. Москва) за предоставленную возможность познакомиться с документами из личного архива семьи Бахиревых.

Литература и источники

1. Здесь и далее основные факты биографии приводятся по материалам личного дела В. В. Бахирева. — Архив ОАО «Завод имени В. А. Дегтярева».

2. *Никулин В.В.* От учащегося школы ФЗУ до директора и министра (Герой Социалистического Труда В. В. Бахирев) // Рождественский сборник. Вып. IX. Материалы конференции «История в лицах (выдающиеся уроженцы и деятели Владимирского края)». Ковров: 2002.

3. Производство № 12 в пути. Владимир: 1999.

4. Памятная встреча. Депутат докладывает избирателям о сессии Верховного Совета СССР // Инструментальщик (газета завода имени В. А. Дегтярева, г. Ковров). 1965. 16 января.

5. *Краснощеков Ю.* Мы должны быть первыми // Дегтяревец (газета завода имени В. А. Дегтярева, г. Ковров). 2001. 12 сентября.

6. *Забелин Л.В.* Памяти Министра // Техника. Технология. Управление. — 1994. № 1-2.

7. *Бахирев В.В., Кириллов И.И.* Конструктор В. А. Дегтярев: За строками биографии. — М., 1979; 2-е изд., перераб. и доп. — М., 1983; Бахирев В. В., Кириллов И. И. В. А. Дегтярев: Книга для учащихся. 3-е изд., перераб. М., 1987.

8. Правда. 1991. 5 января.

МОЙ УЧИТЕЛЬ АКАДЕМИК АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ НИКОНОВ, ПРЕЗИДЕНТ ВАСХНИЛ (19.08.1918–05.10.1995)

Петриков Александр Васильевич, 63 года,
академик РАН, доктор экономических наук,
руководитель Всероссийского института аграрных проблем и информатики имени А.А. Никонова — филиала Федерального научного центра аграрной экономики и социального развития сельских территорий,
г. Москва

Академик А.А. Никонов — директор Аграрного института

Мне посчастливилось работать вместе с академиком Александром Александровичем Никоновым — президентом ВАСХНИЛ, создателем Аграрного института, выдающимся ученым и политиком.

По его трудам можно изучать послевоенную историю сельского хозяйства Советского Союза и перехода к рынку в первой половине 1990-х годов. Он — яркий представитель реформаторского течения российской аграрно-экономической науки. Широко известны его работы по экономике систем ведения сельского хозяйства. Созданная под его руководством система ведения сельского хозяйства Ставропольского края в 1970-е годы явилась образцом для аналогичных работ в других регионах страны, а примененный в ней системный подход лёг в основу разработки Продовольственной программы СССР 1982–1990 гг. А. А. Никонов возглавлял рабочую группу по подготовке этой программы.

Значительная часть творческого наследия А. А. Никонова посвящена науковедению — проблемам экономики и организации сельскохозяйственной науки. По его инициативе в 1987 г. состоялась реабилитация А. В. Чаянова, Н. Д. Кондратьева, А. Н. Челинцева, Н. П. Макарова и других представителей организационно-производственной школы. Это событие не только вернуло современникам труды классиков русской аграрно-экономической мысли, но и послужило основой для плодотворных дискуссий, теоретической подготовкой земельной и аграрной реформы в России. А. А. Никонов указывал на необходимость эволюционного преобразования аграрных отношений и резко критиковал реформы 90-х годов, называя их очередной российской смутой.

А.А. Никонов — гимназист

Итогом его многолетних размышлений и одновременно научным завещанием стала монография «Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII–XXвв.)».

Биографическая справка

Александр Александрович Никонов родился и вырос в крестьянской семье в деревне Зайково Вышгородецкой волости Островского уезда Псковской губернии. После окончания гуманитарной гимназии в г. Абрене поступил в 1939 г. в Латвийский государственный университет.

Участвовал в Великой Отечественной войне, был тяжело ранен. За мужество и героизм, проявленные в боях под Москвой, А. А. Никонов был награжден орденом Красного Знамени.

После войны работал Первым секретарем уездных комитетов Коммунистической партии Латвии в г. Абрене и г. Даугавпилс, затем — Секретарем ЦК КП Латвии в Риге. Окончил Высшую партийную школу при ЦК ВКП(б). Будучи Министром сельского хозяйства Латвийской ССР (1951–1961), окончил Латвийскую сельскохозяйственную академию в г. Елгава по специальности «агроном-экономист» (1953–1959).

В 1962 г. ему присуждена ученая степень кандидата экономических наук, а в 1974 г. — доктора экономических наук. С 1963 г. по 1978 г. А. А. Никонов — директор Ставропольского научно-исследовательского института сельского хозяйства. В 1975 г. избран членом-корреспондентом, в 1978 г. — академиком ВАСХНИЛ, в 1982 г. — первым вице-президентом ВАСХНИЛ. С 1984 г. он — последний в СССР Президент ВАСХНИЛ (до 1992 г.); в том же 1984 г. избран также действительным членом (академиком) Академии наук СССР.

В 1990 г. создал в Москве Аграрный институт, директором которого оставался до 1995 г. После распада СССР и реорганизации ВАСХНИЛ стал в 1992 г. действительным членом (академиком) Российской академии сельскохозяйственных наук.

Академик А. А. Никонов — заслуженный деятель науки РСФСР (1978), награжден 4 орденами Ленина (1950, 1958, 1966, 1988), орденом Октябрьской Революции (1971), орденом Красного Знамени (1942), 2 орденами Трудового Красного Знамени (1946, 1974), орденами Отечественной войны I степени (1985) и II степени (1945), 12 медалями СССР.

Научная деятельность А. А. Никонова получила признание и за рубежом. Он был иностранным членом Академии сельскохозяйственных наук ГДР (1985), почетным членом Венгерской академии наук (1988), Латвийской академии наук (1991).

Перу А. А. Никонова принадлежит более 300 печатных работ.

5 октября 1995 г. трагически погиб на 78-м году жизни. Похоронен на Новодевичьем кладбище в г. Москве.

Знакомство с А. А. Никоновым и защита А. М. Емельянова

Мое знакомство с Александром Александровичем вначале состоялось «заочно», как у всякого студента или аспиранта, специализирующегося по кафедре экономики сельского хозяйства. Во-первых, работы А. А. Никонова входили в круг обязательного чтения будущих специалистов-аграрников, во-вторых, это имя часто произносилось заведующим нашей кафедрой[1], в то время доцентом, Алексеем Михайловичем Емельяновым. А. М. Емельянов был для нас безусловным авторитетом. Его курс лекций по экономике сельского хозяйства содержал почти диссидентскую критику советских аграрных порядков, студенты отдавали должное его смелости горячо, искренне и с гражданским пафосом говорить о том, чего нельзя было прочитать ни в одном учебнике. Нам, ребятам из провинции, раньше с таким вольнодумством встречаться не приходилось и становилось страшно за нашего преподавателя, ведь описываемые события происходили во второй половине 1970-х гг., в разгар брежневского «развитого социализма».

Наши опасения не были напрасными. А. М. Емельянова вызвали в сельскохозяйственный отдел ЦК КПСС, по его словам, «в воспитательных целях», и по кафедре поползли слухи о возможном исключении Алексея Михайловича из партии. Под вопросом оказалась и защита его докторской диссертации. Помочь Алексею Михайловичу мог только прогрессивно мыслящий, авторитетный человек, занимающий высокий пост. Именно таким человеком оказался академик-секретарь Отделения ВАСХНИЛ А. А. Никонов, выступивший в качестве официального оппонента на защите диссертации опального профессора и поддержавший его идеи.

Мотивация поступка А. А. Никонова нам была не ясна. Его статьи, безусловно, содержали интересные, не часто встречающиеся статистические материалы, но были выдержаны в духе традиционной линии партии. Кроме того, с нашей студенческой или аспирантской точки зрения, сформированной в Московском университете не без юношеского максимализма, глубокой аграрной теории в работах Никонова было недостаточно. Откуда нам было знать, что А. А. Никонов и сам пережил партийные гонения, был разжалован из министра сельского хозяйства Латвии в старшие научные сотрудники института земледелия этой республики, а затем и выслан в Ставрополь! Это стало мне известно много позже, во время работы в ВАСХНИЛ [1].

---

[1] А. М. Емельянов был заведующим кафедрой экономики сельского хозяйства экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, где я учился в 1974–1979 гг. и затем в аспирантуре — в 1979–1982 гг.

Мы присутствовали на защите диссертации А. М. Емельянова и переживали за него. После выступления Никонова, настоящего оратора, если не сказать трибуна, способного убедить аудиторию, все стало ясно: защита пройдет успешно.

Сотрудничество между Алексеем Михайловичем и Александром Александровичем после этого события окрепло. Вскоре на работу в Президиум ВАСХНИЛ в качестве ученого секретаря и референта Никонова перешел Сергей Викторович Киселев, преподаватель кафедры, ученик Емельянова, руководивший кафедральным кружком молодых ученых. Года через полтора (в декабре 1983 г.) в «васхниловский» Совет по социальному развитию села по рекомендации А. М. Емельянова и С. В. Киселева был принят и я. Но работать непосредственно с Александром Александровичем, его вторым референтом, я стал года через два, когда Никонов занял пост президента ВАСХНИЛ.

Президиум ВАСХНИЛ в 1980-е годы: творческий подход к делу

Президиум ВАСХНИЛ был в то время своеобразным министерством сельскохозяйственной науки. Значительная часть рабочего времени сотрудников Президиума посвящалась чисто аппаратной деятельности по планированию и координации НИР, проведению совещаний, составлению бесконечных отчетов и справок для «верхов», прежде всего, для ЦК КПСС и Министерства сельского хозяйства, преобразованного вскоре в Госагропром СССР. Работа в Президиуме считалась престижной, но, по мнению многих, была далека от настоящей науки, «варившейся» в академических институтах и на кафедрах высших учебных заведений. Вместе с тем возможность заниматься научными исследованиями у экономистов Президиума все же оставалась. Нам не требовалось, как биологам или агрохимикам, сложное научное оборудование, достаточно было простого калькулятора, доступа к специальной литературе и статистическим данным, которыми, кстати, Президиум ВАСХНИЛ обеспечивался лучше, чем рядовой НИИ. Однако после университетской вольницы должность ученого секретаря показалась мне довольно скучной. Вспоминается одна эпиграмма по этому поводу, написанная мною, правда, несколько позднее, к одному из капустников Аграрного института, которые были заведены у нас Александром Александровичем и проводились по праздникам:

Как это все недавно было,
Я открывал науки ларь!
И все на свете говорило:
«Твори, ученый секретарь!»

Но среди дел и дум бумажных,
Реляций, поручений, мер...
Я понял с ужасом однажды,
Что я — ученый секретер.

И если дальше так продлится,
То в академию наук
Туманным утром постучится
С ученым званием сундук.

Помню, что Александру Александровичу понравился этот образец «поэзии для служебного пользования», но, если говорить серьезно, работа с Никоновым в Президиуме ВАСХНИЛ была надежной защитой от подобной «эволюции». Занимая высокие посты в партийно-советской и научной номенклатуре, он всем своим существом ненавидел бюрократический стиль работы и требовал от подчиненных не формального исполнения предписанных обязанностей, а творческого подхода к делу. Заседания Президиума академии Александр Александрович считал «пустопорожними», если по ходу обсуждения проблем не возникали научные дискуссии.

При Президиуме им была создана, говоря современным языком, экспертно-аналитическая группа. Целью этой структуры стала подготовка различного рода аналитических материалов как для руководства ВАСХНИЛ, так и для директивных органов. Сначала эта группа получила название Совета по Продовольственной программе при Президиуме ВАСХНИЛ (Продовольственная программа, как известно, была принята в 1982 г., и Никонов возглавлял рабочую группу ученых по ее подготовке). Затем этот Совет был преобразован в Совет по приоритетным проблемам социально-экономического развития АПК. Ядро этих аналитических групп составляли не аппаратные работники Президиума, а научные сотрудники, лично приглашенные Александром Александровичем из учреждений, не подведомственных ВАСХНИЛ.

Александр Александрович считал, что васхниловские кадры «затехнотизированы», несколько консервативны, и в систему академии надо вливать «свежую кровь», или «свежие головы». В Совете по Продовольственной программе стали работать В. А. Матусевич, пришедшая из Академии народного хозяйства, С. В. Киселев и выпускница аспирантуры экономического факультета, ассистент МГУ им. М. В. Ломоносова Е. В. Серова. Совет по приоритетным проблемам возглавила профессор экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова Э. Н. Крылатых.

Советы активно привлекали к работе в составе временных рабочих групп исследователей из институтов Академии наук СССР, Государственного комитета СССР по науке и технике (ГКНТ) и других ведомств.

При этом Никонов, в отличие от принятой практики включения в подобные рабочие группы руководителей учреждений, приглашал к работе рядовых сотрудников, глубоко знавших ту или иную проблему, и не обращал внимания на чины и звания. Таким образом, в аппарате Президиума ВАСХНИЛ возникло, по замыслу Никонова, чисто исследовательское учреждение, что было по тем временам необычным явлением.

Документы и аналитические материалы, выдававшиеся Советами «на гора», были не только результатом обобщения теоретических и статистических источников, отчетов подведомственных ВАСХНИЛ институтов, но и плодом собственных исследований. Так, были организованы социологические опросы по изучению инновационного потенциала руководителей сельскохозяйственных предприятий (проводился опрос около тысячи респондентов в Московской, Курганской и Ростовской областях, Литовской ССР); исследовалось отношение работников колхозов и совхозов к развитию подряда, в том числе мелкогруппового и семейного; проводился экспертный опрос по проблемам реализации «Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о земле», документа, принятого в феврале 1990 г. Осуществлялись архивные поиски для исторической аргументации разрабатываемых материалов (в Государственном архиве народного хозяйства, спецхранах библиотек). Большинство сотрудников упомянутых Советов и их рабочих групп перешли затем в созданный Никоновым Аграрный институт.

Александр Александрович всячески поощрял творческую инициативу сотрудников, требовал, чтобы в деловых записках, а тем более в материалах к его докладам была новизна, «изюминка». Это, конечно, требовало дополнительных усилий, но и давало возможность работать творчески. Железным правилом была сверка различного рода «предложений», рождавшихся в московских кабинетах, с «жгучими запросами практики» (выражение Никонова). Для этого в Президиум академии приглашались специалисты-практики, а сотрудники академии отправлялись в командировки с личными инструкциями президента.

Сверять теорию с «жгучими запросами практики»

Остались в памяти две такие поездки, состоявшиеся летом 1985 и 1986 гг. В первую командировку я напросился сам: мне очень хотелось побывать в социологической экспедиции академика Татьяны Ивановны Заславской, проводившейся в селах Новосибирской области и Алтайского края. Это была единственная в своем роде экспедиция, собиравшая сельских обществоведов из многих регионов страны. Принимали в ней участие далеко не все, а только люди «проверенные» и по личному приглашению Татьяны Ивановны. Днем — интервью с сельскими жителями, вечерами допоздна — семинары и бесконечные дискуссии о том, куда идет российская деревня. Экспедиция длилась целый месяц, билет

на самолет до Новосибирска стоил недешево. Я решил пожертвовать отпуском и отпускными, но Александр Александрович, узнав о моих планах, попросил подготовить приказ о командировке. Кадровик ахнул: в его представлении цифра в графе «длительность командировки» совершенно не соответствовала стандартным срокам, не ясна была также и производственная необходимость поездки, но спорить с президентом не стал. Результаты экспедиции и живые факты из сельской жизни интересовали Александра Александровича не менее, чем книжное знание.

Вторая из запомнившихся командировок — поездка в Пыталовский район Псковской области, на родину Никонова. Это было его особое поручение, очень доверительное и ответственное — «прощупать», сможет ли район включиться в задуманный Никоновым эксперимент по развитию арендного семейного и мелкогруппового подряда.

Стимулирование труда в коллективных хозяйствах было одной из центральных проблем советской аграрно-экономической науки еще со времен коллективизации. Ее решения искал и Никонов на путях наиболее гармоничного сочетания личных и коллективных интересов работников общественных хозяйств. Поиск привел его к краткой и даже афористичной формуле: превратить коллективное предприятие в «кооператив кооперативов». Сельскохозяйственное производство ведется небольшими по численности, преимущественно семейными коллективами (т. н. «первичными кооперативами»), арендующими землю и другие средства производства у коллективных хозяйств («вторичных кооперативов»), передающими последним продукцию (или ее часть) для реализации и получающими от них ряд необходимых производственных и социальных услуг. Идея эта была не нова. Механизмы сочетания личного и общехозяйственного интереса пытались найти еще в рамках барщинной системы. Известны работы на этот счет членов Императорского вольного экономического общества и Императорского московского общества сельского хозяйства. В 1960–1970-х гг. над этой проблемой много работал академик Владимир Александрович Тихонов и его ученики. Никонов вдохнул в старые подходы новое содержание, он выступал за развитие кооперативных, подрядных отношений между предприятием и первичным производственным коллективом на арендной основе. При этом предполагалось, что аренда должна быть долгосрочной, охватывать несколько десятилетий, с правом наследования, допускался даже выкуп арендованного имущества.

Для официального признания и одобрения этих идей требовалось их серьезное идеологическое обоснование и производственная проверка. Было решено обратиться к работам Ленина о кооперации и новой экономической политике (НЭП). В Президиуме ВАСХНИЛ в 1985 г. состоялась конференция «Ленинское учение о кооперации и современность». М. С. Горбачеву, с которым Никонов очень тесно работал в Ставрополе и вместе с которым он приехал в Москву в 1978 г., была отправлена до-

кладная записка о НЭПе и об ее отмене Сталиным. В записке коллективизация трактовалась как отход от ленинского кооперативного плана. Был начат сбор материалов по реабилитации А.В. Чаянова и его сподвижников. Для производственной проверки преобразования коллективных хозяйств в «кооперативы кооперативов» было решено организовать эксперименты в ряде регионов страны, в том числе в Псковской области. В то же время Никонов преследовал еще одну цель: помочь своим землякам в развитии хозяйства, привлечь в родной Пыталовский район дополнительные ресурсы. Но надо было проверить, откликнутся ли местные кадры на инициативу знаменитого и влиятельного земляка.

Александр Александрович всесторонне оценивал ситуацию, запрашивал мнения различных людей, организовал несколько «разведывательных» командировок в Пыталовский район, в одну из которых попал и я. Помню, как волновался я до и во время поездки, как старался ничего не упустить из увиденного, как затем взвешивал каждое слово в отчете о командировке. Только об одном своем впечатлении я не написал и не сказал Александру Александровичу. Я побывал на заросшем мелколесьем поле, где некогда стоял родной никоновский хутор Зайково, и ужаснулся мысли, что у такого большого человека нет малой родины, на месте родного поселения — пустошь. А сколько в России людей, утративших свои родные дома и деревни!

Возрождение крестьянского хозяйства и реабилитация А.В. Чаянова

После этой поездки я стал лучше понимать Никонова. Возрождение деревни и крестьянского хозяйства было для него не только целью политики, но и личным, конкретным делом. Ради этого дела он был готов идти даже на большой риск, хотя, безусловно, хорошо просчитывал свои поступки и был настоящим политиком. Известно, какое мужество и настойчивость проявил он при реабилитации А.В. Чаянова, с трудами которого познакомился еще в середине 1950-х гг. С этого времени А.А. Никонов вынашивал мысль о восстановлении исторической справедливости по отношению к репрессированному профессору и его соратникам по организационно-производственной школе. Когда из Верховного суда СССР поступил отказ на прошение ВАСХНИЛ о реабилитации А.В. Чаянова, Никонов повторно направил документы непосредственно М.С. Горбачеву, хотя многие отговаривали его от этого поступка. И как стало известно совсем недавно, Никонов действительно сильно рисковал, несмотря на личное знакомство с Горбачевым.

Вопрос о реабилитации рассматривался в 1987 г. на заседании Политбюро ЦК КПСС. Против пересмотра дела Чаянова выступал такой влиятельный человек, как А.А. Громыко, занимавший в то время пост Председателя Верховного Совета СССР. Во второй половине 1930-х гг. Громыко окончил аспирантуру Всесоюзного института экономики сельского хозяйства. Это был период борьбы с «кулацкой» теорией Чаянова, и Громыко сохранил верность своим взглядам тех далеких лет. Но Политбюро в 1987 г. поддержало предложение ВАСХНИЛ.

В начале 1988 г. в Центральной научной сельскохозяйственной библиотеке состоялась конференция, посвященная 100-летию со дня рождения А.В. Чаянова, на которой с блестящим докладом выступил Александр Александрович. Мы, его молодые помощники, участвовавшие в подготовке и реабилитационных материалов, и конференции, и также представившие свои доклады, искренне радовались за Никонова и чувствовали себя приобщенными к важному историческому событию. Мы были благодарны Александру Александровичу за это прикосновение к истории и восстановление справедливости в науке.

Мужество в отстаивании исторической справедливости

Вспоминается еще одно событие, связанное с политическим риском, на который решился пойти Никонов. Речь идет об учреждении в апреле 1989 г. с участием ВАСХНИЛ Всероссийского научно-исследовательского и культурно-просветительского общества «Энциклопедия российских деревень». С инициативой его организации выступили русские писатели О. Волков, В. Белов, В. Пальман, В. Крупин, В. Личутин, поэты Н. Старшинов, Г. Калюжный, журналист Ю. Ростовцев. Инициатива нашла поддержку в кругах ученых, деятелей культуры, краеведов. Общество ставило своей целью изучение историко-культурного наследия российского крестьянства и издание летописей (энциклопедических описаний) существующих и ушедших сел и деревень. Около года в различных московских организациях проходили собрания общественности, но никто не решался взять на себя роль головного учредителя, предоставить обществу адрес для регистрации, помещение для офиса, зал для заседаний, сделать стартовый финансовый взнос. В деятельности общества не было ничего, с точки зрения власти, крамольного, но статус общественных организаций (даже в период горбачевской перестройки) предоставляли только получавшим «добро» в партийных верхах. Требовалось, чтобы общественная инициатива была поддержана солидной организацией и влиятельным человеком. Я рассказал Александру Александровичу об обществе и попросил, чтобы ВАСХНИЛ выступила его учредителем. Некоторые сотрудники Президиума академии отговаривали Никонова от участия, ссылаясь на отсутствие опыта учреждения подобных организаций, неизбежность организационных расходов, расхождение целей общества с традиционными направлениями деятельности ВАСХНИЛ. А главное, указывали на риски неуправляемости общества академией, резкую критику советской аграрной и сельской политики участниками общественных собраний, известную оппозиционность к советской власти ряда инициаторов общества.

Никоновым взвешивались все «за» и «против». За несколько дней до учредительного собрания, которое планировалось провести в конференц-зале ВАСХНИЛ, в знаменитом Юсуповском особняке в Большом Харитоньевском переулке, Александр Александрович направил запрос В. И. Воротникову — члену Политбюро ЦК КПСС, Председателю Верховного Совета РСФСР и убедил его в необходимости поддержать общество со стороны ВАСХНИЛ. Академия стала учредителем общества, а Никонов его председателем. После ликвидации ВАСХНИЛ общество «перекочевало» в Аграрный институт, оно продолжает работать и сейчас, хоть и не с первоначальным размахом. В издательстве общества прошли редакционную подготовку и вышли в свет историко-публицистический очерк Александра Александровича «Исторический путь ВАСХНИЛ и ее вклад в аграрную науку» (1993 г.) и монография «Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII–XX вв.)» (1995 г.).

Вообще об истории создания и публикации последней и самой известной книги Никонова следует рассказать особо, ибо без нее трудно представить творческое наследие Александра Александровича. Жанр этой книги своеобразен, он представляет собой сплав исторического исследования, монографии по аграрной экономике и политике и личных воспоминаний автора. Замысел книги возник у Никонова в конце 1980-х гг., еще во время работы на посту президента ВАСХНИЛ. В его архиве и домашней библиотеке накопилось много материалов по истории аграрной науки и политики. Требовали обобщения результаты инициированных и руководимых им аграрно-экономических исследований, проведенных упомянутыми Советами Президиума ВАСХНИЛ и, особенно, Аграрным институтом. Бурные события начала 1990-х гг., первые, весьма горькие плоды аграрной реформы, для научного обеспечения которой и был создан Аграрный институт, не позволяли молчать. Конечно, Александр Александрович не молчал, выступая со статьями в периодической печати и научных журналах, на различного рода форумах, но это были разрозненные публикации и выступления по частным поводам и темам. Росло желание систематизировать их и объединить под одной обложкой.

Исполнение должности президента академии не позволяло всерьез заняться подготовкой книги и дальнейшими исследованиями. Это, кстати, было одной из причин отказа Александра Александровича баллотироваться на пост президента Россельхозакадемии, возникшей на базе ВАСХНИЛ. Никонов решил сосредоточиться на работе в Аграрном институте. Но и директорские обязанности отвлекали от главного занятия. Ученый совет принял решение включить подготовку книги в план научных публикаций института, хотя формально монография на историческую тему не могла быть запланирована. Александр Александрович был огражден от текущей административной работы, некоторые научные сотрудники помогали ему в сборе и редактировании материалов.

Подготовка рукописи ускорилась, ее отдельные главы и разделы стали предметом обсуждения на институтских семинарах. Иногда возникали жаркие споры. Припоминаю, какие дебаты велись вокруг предложенного Никоновым названия книги, и свою по этому поводу эпиграмму, понравившуюся Александру Александровичу:

Сей труд — для всех времен программа,
И для потомков в нем мораль:
Аграрная наука — драма,
Переходящая в спираль.

Никонов очень доброжелательно и с благодарностью относился к замечаниям по рукописи, по нескольку раз переписывал отдельные куски текста. Надо отдать должное и Президиуму академии, утвердившему историческую тему в плане института и профинансировавшему издание монографии. Выход книги стал институтским праздником, и мы все дружно готовились к ее презентации. Но праздник прервался драмой: через несколько дней после получения тиража книги Александр Александрович Никонов трагически погиб. Книга стала его духовным завещанием.

Создание Аграрного института

Память хранит еще много эпизодов и событий, в которых ярко проявилась незаурядная личность Никонова. Расскажу о двух из них, характеризующих деятельность Никонова как директора института. Александр Александрович без преувеличения считал Аграрный институт своим вторым домом. Подолгу задерживался на работе, входил в семейные заботы сотрудников, поддерживал и помогал многим из них. Ему — евразийцу по своим философским убеждениям, была скорее близка не западная, а восточная модель управления, при которой руководитель выступает не в роли менеджера фирмы, а является главой большой производственной семьи. Он уважал мнение каждого, даже если не разделял его, всячески защищал от агрессивных оппонентов.

Помню, как в январе 1993 г. в «Российской газете» — центральном правительственном органе печати — вышла моя статья «Пусть крестьянин скажет», написанная по результатам социологического мониторинга земельной реформы. В статье содержались нелицеприятные для власти оценки аграрных преобразований. Вот несколько цитат из пожелтевшего газетного листка, сохранившегося в моем архиве: «Вопреки правительственным ожиданиям, крестьянство выступает не за радикальные, а эволюционные изменения аграрного строя, склонно развивать больше потребительские, чем предпринимательские формы индивидуального производства. Только пять-шесть процентов сельского населения в ближайшие два-три года намерены вести самостоя-

тельное крестьянское хозяйство или открыть собственное дело; 86 % семей, желающих взять дополнительный земельный участок, хотят это сделать в целях продовольственного обеспечения семьи... Довольно консервативно деревенское общество настроено по поводу реорганизации колхозов и совхозов: только 7 % сельского населения всецело поддерживают реорганизацию; 19 % в принципе поддерживают эту идею, но не согласны с тем, как она реализуется; 14 % считают, что реорганизовываться должны только отстающие хозяйства; 13 % считают эту меру преждевременной; 22 % — категорически против, остальные затруднились ответить». В статье предлагалось не форсировать события, а прислушаться к мнению крестьян, уделить первостепенное внимание решению социальных проблем, ведь возрождение деревни — это, прежде всего, создание условий для полнокровной жизни сельской семьи. Естественно, что статья, расходившаяся с официальным курсом на повсеместную и ускоренную реорганизацию колхозов и совхозов, вызвала недовольство начальства. Никонову последовал звонок от одного из членов правительства, не ожидавшего таких оценок от реформаторского института. Александр Александрович ответил, что статья опирается на представительные социологические опросы, и он не вправе вмешиваться. Оргвыводов в мой адрес не последовало, но было рекомендовано заранее показывать тексты статей, содержащих ссылки на институтские исследования, или подписанные мною как сотрудником института. Этих правил придерживался и я, когда стал работать директором института.

Коллектив Аграрного института. Москва. Юсуповский дворец. Зал заседаний Президиума ВАСХНИЛ. 1993 г.

Через некоторое время угроза уже не одному сотруднику, а институту в целом последовала не от исполнительной, а от законодательной власти. Если сторонникам радикальных реформ в правительстве не нравилась критика со стороны института форсированной реорганизации колхозов и совхозов, то консервативно-коммунистически настроенные сенаторы обвиняли нас в излишнем радикализме и развале крупнотоварного сектора. Председатель Комитета по аграрной политике Совета Федерации В. П. Зволинский направил письмо в Президиум Росссийской академии сельскохозяйственных наук, в котором рекомендовал упразднить институт, но благодаря позиции А. А. Никонова мы продолжили работу.

Традиционным стало ежегодное, начиная с 1996 г., проведение международных научно-практических конференций — Никоновских чтений. Среди последних достижений института — разработка методологии и механизма проведения всероссийских сельскохозяйственных переписей 2006 г. и 2016 гг., подготовка проекта Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008–2012 гг., а затем на 2013–2020 гг., Стратегии устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации до 2030 г.

Госпрограмма на 2008–2012 гг. была одобрена Правительством Российской Федерации в июле 2007 г., спустя 25 лет после принятия Продовольственной программы СССР, подготовкой которой руководил Александр Александрович Никонов.

В заключение приведу слова А. А. Никонова, обращенные к сотрудникам института: «Дорогие мои друзья, православные и безбожники, славянофилы и западники, демократы и социалисты, крестьяне и интеллигенты, молодые и пожилые — мы все разные, но мы едины в своей привязанности к нашей до боли истерзанной России, к её народу с большими витальными силами и её трудной судьбе, едины в вере в её будущее. Это спайка и вера нужна для дела и жизни. Сохраним её».

Литература

1. *Петриков А. В.* Академик А. А. Никонов: несколько штрихов к портрету// Академик А. А. Никонов: творческое наследие и воспоминания коллег. М.: ВИАПИ им. А. А. Никонова, 2008. С. 611–627.

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ КОНСТРУКТОР, АКАДЕМИК А. Г. ШИПУНОВ: ПУТЬ К ПРИЗНАНИЮ[1]

Саклакова Татьяна Аркадьевна,
ветеран оборонной отрасли,
кандидат технических наук,
дочь академика А.Г. Шипунова,
г. Москва

Генеральный конструктор А.Г. Шипунов

Когда в День Победы во время парада на Красной площади демонстрируется военная техника, нами овладевает чувство гордости за страну и удивительных людей, посвятивших свою жизнь укреплению обороноспособности Родины, талантливых создателей вооружения, способного защитить нас от недругов. Яркий представитель среди таких людей — мой отец Аркадий Георгиевич Шипунов, генеральный конструктор и начальник Конструкторского бюро приборостроения (КБП), руководивший этим предприятием 44,5 года и 6 лет являвшийся его научным руководителем. Под его руководством создано около ста образцов вооружения. «Он разрабатывал новые системы, опережающие время, — высокоточное управляемое оружие» [1].

А. Г. Шипунов — Лауреат Ленинской премии (1982), Лауреат Государственных премий СССР (1968, 1975, 1987), Лауреат Государственных премий РФ (1998, 1999), Лауреат премии Совета Министров СССР (1989), Лауреат премии Правительства РФ (2005, 2015 — посмертно), 6-тикратный лауреат премии им. Мосина, доктор технических наук (1973), действительный член Академии наук СССР и РФ (1991).

Награжден орденами «Знак Почета», «Октябрьской Революции», Ленина, Трудового Красного Знамени, «За заслуги перед Отечеством» II, III, IV степени.

Герой Социалистического труда (1979).

Почетный гражданин г. Тулы (1997) и Тульской области (2007), города Ливны (2009).

---

[1] Продолжение. Начало см.: *Шипунов А.Г.* Я родом из военных лет // Мы помним... Книга воспоминаний и размышлений поколений. Ч.1. / Под ред. Ю. М. Осипова, Л. И. Ростовцевой . Тула: Гриф и К, 2012. С. 319–328; Чуканов К. П. Об Аркадии Георгиевиче Шипунове // Мы помним... С. 100–102.

Студенческие годы

Мечта создать идеальное оружие, способное отразить любое нападение врага, родилась у Аркадия Шипунова в военном детстве.

В 1944 году он поступил в Тульский механический институт на специальность «Артиллерийские системы и установки», куда его приняли без экзаменов с отличным аттестатом и сразу выделили место в общежитии.

Отцу запомнилось голодное и холодное время первой студенческой зимы (когда война уже очевидно и несомненно близилась к концу) и карточная система распределения продуктов. В общежитии, в комнате на троих, батареи были чуть теплыми. К утру вода в чайнике покрывалась корочкой льда или замерзала полностью. Одеяла были тонкими, приходилось спать в одежде, сверху накрываться жиденьким пальтишком. Никаких зимних, утепленных ватином пальто никто не имел. Студенты раздобыли где-то электрическую плитку, которую ставили каждую ночь под кровать по очереди. Тот, кто спал с плиткой под кроватью, чувствовал себя на время очень счастливым.

Однако вставать ранним зимним утром, вылезая из кровати со стоящей внизу плиткой, не всегда удавалось, просто не было достаточных физических и моральных сил, поэтому нередко первая пара занятий проходила в полупустой аудитории. Во всем остальном студенческая жизнь была веселой и насыщенной. Занятия на кафедрах проводили знающие и серьезные преподаватели, пробуждавшие и поддерживающие интерес к будущей профессии разработчиков оружия. На первом курсе отец отмечал среди других прекрасного преподавателя математики А. Н. Баранова. Также нравились ему лекции по физике, которые отец не пропускал никогда.

В мае 1945 года пришла долгожданная победа. Страна понемногу распрямляла плечи, стряхивая с них груз и поражений, и невосполнимых утрат, и тяжелейших невзгод. День Победы для моего отца навсегда остался в душе как самый великий, знаменательный день, как праздник, который заслужил наш народ тяжким трудом и оплатил своей кровью!

Пропитание студентов осуществлялось в соответствии с продовольственными карточками (по нормам служащих). В день это было 550 г черного хлеба. Каждый месяц можно было получить по карточке 2200 г макарон, 400 г сливочного масла и 1200 г мяса. Карточки обычно отдавали в столовую, чтобы получать уже готовые блюда. Традиционными были блюда из капусты (щи, тушеная капуста), а также перловая и пшенная каши.

Только в долгожданный день выдачи стипендии (300 рублей) студенты отправлялись на тульский рынок, чтобы купить свежего молока (10 рублей за пол-литра) и белого хлеба. Это был праздник. Через 3 года после поступления в институт карточки были отменены. Интересно (отец всегда это подчеркивал), что СССР отменил карточки на продукты уже в декабре 1947 года — через два года после войны, а Франция — только

в 1949, в Англии карточки на бензин были отменены аж в 1950 году, на сахар и сладости — в 1953 году, на мясо — в июле 1954 года. В Японии отменили карточки в 1949 году [2].

Причем, даже по карточкам в этих странах продукты стоили так дорого, что их трудно было купить. А в СССР уже через 5 лет после отмены карточек хлеб, мясо, сливочное масло стоили в 2,5 раза дешевле, чем при карточной системе, сахар — в два раза дешевле. И за эти же пять лет в США цены на хлеб выросли на треть, в Англии — в два раза, во Франции — более чем вдвое, а цены на мясо в США увеличились на четверть, в Англии — на треть, во Франции — вдвое. То есть в послевоенный период при покупке продуктов граждане СССР каждые пять лет становились богаче практически вдвое. По темпам экономического роста Сталинский СССР никто и никогда не опережал!

После лекций и семинаров длинные вечера студенты коротали обычно в своей же комнате общежития. Студенческая группа, в которой учился Аркадий Шипунов, называлась среди студентов «гвардейской», так как в ней не было ни одной девушки; к моменту окончания института в группе насчитывалось 17 человек, из них 13 — отличников! Аркадий во время обучения в институте не завел ни одного «романа» с представительницами прекрасного пола из других групп, он приобретал знания, много читал, а вечерами играл с друзьями в преферанс, считая эту игру мужским делом и, несомненно, интеллектуальным. Обучался отец игре в преферанс, наблюдая за игрой специалистов — студентов-старшекурсников. Эти «наставники» устраивали для начинающих мастер-классы и для стимулирования присваивали разряд, звание кандидата и мастера. Отец увлекся игрой и ее психологией.

Вскоре ему удалось получить звание «мастера» в этой игре. Во время многочасовых сеансов участники отключались от всех протекавших внутри и вне комнаты событий, погружаясь полностью в процесс игры. Например, одновременно с сеансами в преферанс в институте проходили вечера танцев. Отец никогда не ходил на танцы, никогда не танцевал, даже впоследствии с мамой — большой любительницей и знатоком самых разных танцевальных рисунков. По его словам, он не видел в этом занятии никакого смысла, хотя и пытался понять. На студенческие танцы с удовольствием активно ходили студентки, осознавая, что в тяжелые военные и послевоенные годы при низком количестве потенциальных женихов это может быть немаловажным и результативным мероприятием. Как рассказывал отец, у них на потоке были две подружки весьма крепкого, как он говорил, «могучего» и «равномерного» телосложения, которых представители «гвардейской группы» метко прозвали «самоходками».

У представителей команды играющих в преферанс не было часов. Когда в комнате появлялся какой-нибудь новый участник или болельщик, ему тут же, не отрываясь от игры, задавался вопрос, помогающий

понять время: «Что, танцы уже начались?». За этим следовал определенный, хронометрически выверенный и исчерпывающий ответ: «Да, танцы начались, уже и «самоходки» пришли».

В студенческой компании отец научился еще игре в бильярд. Полученные навыки и любовь к игре он сохранил на всю жизнь. Студент Аркадий Шипунов был человеком компанейским, общительным. Как он сам рассказывал, никогда не конфликтовал с коллективом.

Студенты — народ веселый — часто развлекались, желая «насолить» коменданту — довольно вредному мужику (с точки зрения студентов), который следил за порядком во вверенном ему общежитии. Студенты поднимали вверх ногами своего товарища Константина Звягина, который был небольшого роста, а значит, более легким; тот оставлял следы своих ботинок на потолке. Когда комендант приходил в комнату, то удивлялся и спрашивал: «Что это?». Студенты, приняв испуганное выражение лица, отвечали: «Сами удивляемся». Комендант на всякий случай с поспешностью крестился и уходил.

Студенческая молодежь жила вполне обычной, насыщенной и веселой жизнью людей, полных сил и избытка энергии. В этой связи мне вспоминается случай из телевизионного интервью, когда одного почтенного профессора МГУ журналисты попросили: «Расскажите новоиспеченным студентам, недавним абитуриентам, о своей студенческой жизни». На это предложение профессор, несколько смутившись, ответил: «Если рассказывать честно, то я боюсь, что мой рассказ не принесет пользу молодежи».

Через год обучения двое студентов, живших с Аркадием в одной комнате, покинули ее — один уехал домой, бросив институт (таких оказалось впоследствии немало — слишком тяжело жилось), другой женился и ушел жить к жене.

Аркадия перевели в комнату, где жили семь человек. Он стал восьмым. В комнате постоянно стоял гул голосов, раздавались громкие разговоры и звуки всевозможных передвижений — и людей, и предметов. Условия для учебы, прямо надо сказать — не идеальные. Но Аркадий привык еще с войны к любым условиям. При этом никогда не жаловался, не хныкал, не искал оправданий. Так и здесь — он быстро научился отключаться от внешних раздражителей, он как будто сидел в тишине и делал свое дело — учился, не обращая ни на кого внимания. Безусловно, он обладал могучим даром — концентрировать свое внимание на нужных ему вещах.

Отец рассказывал про себя, что он удивлял смолоду своих друзей-студентов каким-то невероятным спокойствием и выдержкой в день, когда проводились экзамены (неспешность и отсутствие суетливости — как следствие постоянных внутренних размышлений и обдумываний, была его отличительной чертой в повседневной жизни). Как правило, многие студенты перед сдачей экзаменов «тряслись», истязая себя зубрежкой, накануне всю ночь не спали или спали мало, нервы их не выдерживали,

что не способствовало адекватным ответам на вопросы преподавателей и получению высокой отметки.

А. Г. Шипунов был всегда спокоен, накануне экзамена всегда спал крепко «безмятежным сном младенца». Утром, после подъема все студенты покидали комнату общежития и продолжали волноваться в коридоре возле аудитории. Аркадий же в одиночестве отправлялся в тульский городской парк на утреннюю прогулку, рассчитав, что вернется к моменту, когда основная часть студентов уже сдаст экзамен (в расчете также на пофамильный список группы по алфавиту, где его фамилия была последней). Отец всегда подчеркивал, что свежий воздух и быстрая ходьба очень благоприятно сказывались на его нервной системе, помогали «привести мысли в порядок» (больше ничего в этом случае не требовалось!). Правда, бывало, что на обратном пути из парка навстречу ему бежал со всех ног друг Константин Звягин с криками: «Аркадий! Ты куда пропал? Ведомость закрывают, все наши уже сдали!». Поняв, что расчет по времени дал сбой, Аркадий ускорял свой шаг и представал перед экзаменатором в бодром виде, демонстрируя желание отвечать на билет без подготовки. В его ответах всегда доминировала логика и готовность к доказательному рассуждению.

Преподаватели видели: этот странный молодой человек, опаздывающий на экзамены, вовсе не глуп и настроен решительно в отношении своих доводов, он достаточно подготовлен по предмету, оригинально мыслит. Может быть из него будет толк!

В меру загруженный учебой, студент Шипунов находил время читать. Хотя каждое утро надо было вставать в семь часов, он никогда не откладывал книгу раньше часа ночи.

В эти годы он вовсе не стремился к тому, чтобы нравиться девушкам. Прогулки и общение с ними казались ему потерянным временем, так как он в своей интеллектуальной заносчивости считал противоположный пол духовно и образованно неполноценным. В результате тратить свое драгоценное время на глупую болтовню не желал ни при каких условиях.

Рано проявившийся талант самостоятельного размышления и способность к анализу помогал в учебе студенту Шипунову. Его ум очень быстро улавливал основные понятия, выстраивал их в логические цепочки, позволяющие осмысливать изучаемый предмет гораздо шире, чем это предлагалось в учебном процессе. Он сам задавал себе вопросы, отвечал на них, старался сам решить какую-то прикладную задачу.

Отец рассказывал о себе такую историю. В институте проводились лабораторно-практические работы по физике, теоретической механике и другим предметам. Студенты должны были самостоятельно выполнить определенное задание в лаборатории на пройденную тему. Аркадий понял эти слова буквально и, выполнив порученную работу, довольный собой, сдал ее на проверку преподавателю. Через несколько дней преподаватель вызвал студента Шипунова и с удивлением спросил:

— Почему вы не пользовались методическим пособием по выполнению работы?

— Каким пособием? — уже удивился в ответ студент.

— Ну, как же, к каждой лабораторной работе предлагается методичка по выполнению, в ней разработан порядок действий с помощью предлагаемых приспособлений и измерительных инструментов, то есть предусмотрено выполнение этой работы определенным способом.

— А в чем же тогда смысл учебы? Разве предложенный мною способ не верен?

— Нет, у вас все правильно. Ставлю вам пять.

Удивление на лице преподавателя до конца не пропало.

Учеба все больше увлекала отца. По физике он стал одним из лучших студентов, значительно перевыполняя задание по количеству решенных задач за отведенное время. Его курсовая работа по анализу функционирования пулеметов была выполнена на таком высоком уровне, что была рекомендована в качестве учебного пособия для студентов. Его фамилию запомнили многие преподаватели.

В институте отец освоил работу на различных типах станков и увлекся теорией материаловедения и способов обработки металлов. Все это пригодилось ему в его профессии. Многие характеристики (удельные веса, коэффициенты упругости, теплоемкости) различных металлов, сплавов, марок стали отец помнил всю жизнь, называя цифры до третьего знака после запятой. Полученные знания по посадкам, допускам всегда были в его активе. Владел он и информацией по классам обработки поверхностей отдельных деталей системы автоматики.

После окончания 2-го курса А. Г. Шипунов вдруг решил самостоятельно изучить английский язык (в программе обучения курса значился немецкий язык). При этом никаких репетиторов, частных преподавателей не было по причине полного отсутствия такой практики в те годы. Рассчитывать приходилось только на свои собственные силы. Желание изучить английский появилось в результате исключительной симпатии к классикам американской литературы. Произведения Джека Лондона, Теодора Драйзера, Эрнеста Хемингуэя очень нравились моему отцу. В результате он раздобыл учебник грамматики английского языка и большую книгу Д. Лондона «Избранные рассказы» на английском языке, неадаптированный вариант.

Наступили летние каникулы, и новое дело начало осуществляться. При этом работа проходила с энтузиазмом и почти с одержимостью. Отец сам придумал себе методику обучения: читал рассказ Д. Лондона, выписывал в словарик незнакомые слова и учил их. Он задал себе план — 30 слов в день. Занятия проходили каждый день. Если по какой-то причине занятие не состоялось, значит, на следующий день надо было учить 60 слов. Каждое занятие начиналось с обязательного повтора выписан-

ных ранее слов. Отец оставался довольным своей учебой. Он рассказывал: «Сначала я был погружен в необходимость учить новые слова в больших количествах. Чтение продвигалось по этой причине медленно. Так, поначалу я с каждой страницы выписывал по 100–120 новых слов. Затем — по 30–20 слов. К своему удивлению, через некоторое время я заметил, что с каждой страницы я уже выписываю по 1–2 слову. Я также обратил внимание на то, что каждый писатель пользуется вполне определенным, характерным для него запасом слов, которым владеет как некоторым массивом (хороший писатель — довольно значительным). Таким образом, я вскоре стал читать художественную английскую литературу совершенно свободно».

Отец занимался изучением английского языка два года, точнее — два лета. Читал он, действительно, впоследствии совершенно свободно любую литературу, в том числе газетные тексты, отличающиеся особой спецификой языка. Отец в любом деле был сторонником интенсивного и непрерывного процесса. Только в этом случае, по его мнению, можно достичь хорошего результата.

Путь к профессии

Самым значительным моментом в обучении в Тульском механическом институте, по словам отца, было изучение материальной части. Эта часть учебы была поставлена исключительно правильно и грамотно: в институте имелась немалая коллекция образцов отечественного, немецкого, американского, итальянского оружия (несколько десятков). По каждому из них студенты сдавали зачеты, выполняли курсовые работы по расчету автоматики. Каждый образец анализировался на предмет имеющихся недостатков. Это была неоценимая школа изучения и проектирования различного оружия.

В этой области свою немалую долю мастерства и владения профессией внес Памв Николаевич Марков. Под его руководством отец выполнял курсовые проекты. Он очень тепло отзывался об этом преподавателе, часто цитировал его наставления: «При разработке нового образца нельзя изобретать новое на 100 %, нужно изобретать что-то главное, а остальное сохранить неизменным».

Отец здорово преуспел в этом направлении обучения. Его феноменальные широкие и в то же время конкретные знания многочисленных образцов вооружения, знание различных систем автоматики, характеристик и калибров оружия составили истинное богатство его профессиональной натуры и особенного, всегда готового к любым дискуссиям потенциала. Он рано завоевал авторитет подготовленного и думающего специалиста среди своих друзей-студентов и среди преподавателей. В этих вопросах ему впоследствии не было равных ни в среде разработчиков, ни в среде аналитиков и узких специалистов-исследователей. Этот багаж полученных знаний о различных системах вооружения бережно сохранялся моим отцом, впрочем, без всяких видимых усилий, ввиду особенностей его памяти, а также острого и пытливого ума, и не только сохранялся, но и приумножался новыми образцами отечественных и зарубежных разработок.

При этом метод его запоминания такого огромного количества информации никогда не требовал письменной записи, он пользовался хорошо понятными ему подходами к анализу и исследованиям характеристик оружия, уяснив основные взаимосвязи, базирующиеся на строгих законах физики и термодинамики. Отцу не стоило никакого труда сохранять все это в своей голове, и в нужный момент он красиво и быстро извлекал из памяти на удивление всех присутствующих массу убедительных и правдивых фактов. При необходимости сравнения какого-нибудь нового образца с выбранным прототипом отец быстро делал вычисления в уме, оглашая уже конечный результат. При этом было ясно, что он владеет этими вопросами в совершенстве и ориентируется в них, как «рыба в воде». Это была настолько ему знакомая и изученная область деятельности, что никакие каверзные вопросы не могли поставить его в тупик.

Когда мы в семье смотрели фильмы о войне или современных бандитских разборках, отец всегда мгновенно — очень быстро определял и называл нам марку пистолета, автомата, пулемета, которые появлялись в кадре. При этом он критически отзывался о режиссерских и постановочных погрешностях, комментируя их словами: «С такого расстояния из пистолета (винтовки, автомата) попасть невозможно, это брехня!» или: «А здесь боекомплект уже весь израсходован, откуда новые выстрелы без перезарядки?».

Со студенческих времен началась дружба отца с Борисом Михайловичем Подчуфаровым (впоследствии профессором, завкафедрой, деканом факультета), который работал тогда ассистентом на кафедре «Расчет и проектирование автоматических машин». Он был всего на шесть лет старше отца, но у них сложились прекрасные отношения, основой которых стали научное творчество и сотрудничество. Борис Михайлович был человеком, преданным своей профессии, науке. Он был талантливым преподавателем, пробуждавшим интерес своих учеников к техническим проблемам и решению новых задач.

Б. М. Подчуфаров был человеком глубоко интеллигентным, образованным, начитанным. Когда я, будучи школьницей, увидела его домашнюю библиотеку, это произвело на меня сильнейшее впечатление. В квартире был большой холл — комната примерно 12 кв. метров, три стены которой были полностью заняты книжными полками от пола до потолка (потолки в квартире были высокие). Книги в большом количестве находились и в другой комнате — кабинете Бориса Михайловича. В своей домашней библиотеке он хорошо ориентировался и быстро осуществлял поиск нужного экземпляра. В лучших традициях российского классического обу-

Студент Аркадий Шипунов, 1950 г.

чения[1] Б.М. Подчуфаров приглашал студента Шипунова к себе в дом, снабжал книгами для чтения. Они вели научные разговоры, обсуждая последние достижения и результаты. Это были единомышленники и увлеченные люди. Их совместное общение было плодотворным и обещало быть перспективным.

Преддипломная практика в начале 1950 года ожидала отца в Научно-исследовательском институте стрелково-пушечного вооружения авиации (НИИСПВА), находившемся на окраине тогдашней Москвы — в Кунцево. Из Тульского механического института туда направляли только лучших студентов. В этот год направили четверых: Шипунова, Звягина, Бабичева и еще одного студента, который по семейным обстоятельствам вскоре вернулся в Тулу. Оставшиеся трое были молодыми, веселыми, любознательными практикантами, к тому же неженатыми.

Тема дипломного проекта отца была предложена главным тульским ученым — настоящим «Тульским Ломоносовым», заведующим кафедрой Тульского механического института Михаилом Алексеевичем Мамонтовым, крупным теоретиком в области теории термодинамики тела переменной массы. Тема звучала так: «Теоретические и экспериментальные исследования различных типов газоотводных устройств». Работа в этой области оказалась весьма полезной с практической точки зрения и обозначила будущие направления в получении высокой скорострельности пушечного вооружения.

Дипломная работа была подготовлена, и будущий инженер вернулся в Тулу для защиты. Но в деканате института объяснили, что защита переносится из-за того, что председатель комиссии М.А. Мамонтов в командировке. Не предполагал тогда отец, насколько тяжелым окажется это ожидание.

Ждать пришлось несколько недель. Подошел к концу и срок учебы и, как следствие этого, прекратилась выдача стипендии. Денег не было совсем. В арсенале были только волевые качества и расположение друзей. В течение этого срока бедный (в прямом смысле этого слова) студент в целях экономии расхода энергии в основном лежал на кровати в общежитии, читая книги. Даже перестал бриться. Он похудел так, что брюки держались только с помощью ремня, в котором пришлось проделать дополнительные дырочки.

Вообще, если представить себе, что человек пришел на защиту в тех же брюках, в которых лежал на койке в общежитии (другой одежды

[1] Как известно, А.С. Пушкин и другие лицеисты имели возможность посещать библиотеку в доме директора Царскосельского лицея!

просто не было), картина будет выглядеть, на мой взгляд, почти пугающе. Но именно в таком виде отец в срочном порядке прибыл на защиту, когда М.А. Мамонтов вернулся в Тулу. Мгновенная концентрация и собранность обеспечили успех защиты. Яркие ответы на вопросы комиссии добавили впечатления о глубине полученных знаний. Оценка была отличная. Заключение комиссии сопровождалось рекомендацией к поступлению в аспирантуру. Но к всеобщему удивлению дипломник А.Г. Шипунов отказался от этого предложения, предпочтя работу в НИИСПВА. Оригинальные, нестандартные решения нередко доминировали в поступках и действиях моего отца.

Прошла пора студенчества. С какой благодарностью и удовольствием вспоминал отец об этих счастливых годах и своем товарищеском братстве! Как много эта пора дала ему! Яркие споры и борьба за справедливое первенство, общий эмоциональный подъем и конкретная критика — все это помогло молодому А.Г. Шипунову «набить руку», «заточить ум» и обострить чувства, открыло широкую перспективу научно-технической деятельности, окрыленно возвысило над скудностью и угрюмостью бесцельного существования.

Гордое звание — инженер

Отец не воспользовался рекомендацией для обучения в аспирантуре, потому что хотел полностью погрузиться в практическую работу по разработке новых образцов вооружения — в этом видел он свое предназначение, а потому работу рассматривал, как очень интересную и многообещающую.

В июле 1950 года Аркадий Шипунов прибыл к месту работы — в НИИСПВА в Кунцево (после объединения с НИИ-44 предприятие получило индекс НИИ-61). Все для него сошлось в этом месте и в это время. Возможности для его аналитического ума были как нельзя лучше: институту предназначалось проектирование, конструирование, изготовление, испытание и всестороннее исследование новых и действующих образцов стрелково-пушечного авиационного вооружения. Работа должна была охватить все виды авиационного вооружения до калибра 100 мм и все типы боеприпасов до калибра 14,5 мм включительно.

Несмотря на многие трудности, особый душевный подъем трудового народа в стране характеризовал и сопровождал процессы восстановления и развития промышленности в 50-е годы. Следует особо отметить, что в то время доминирование в обществе коллективистских интересов было сутью государственной внутренней политики и жизни каждого. Всеми средствами культуры и массовых коммуникаций воспитывался такой стиль поведения советского человека, занятого в любом виде реальной деятельности — в промышленности, на производстве, в науке — когда для каждого члена общества настоящими ценностями являлись ценности надличностные.

Поэтому особенно для передовой, активной, сознательной молодежи в душе рождалось и формировалось стремление к чему-то большему, чем лично необходимое. А. Г. Шипунов вспоминал, что эта тяга к общему благу в те времена была для молодых людей настоящим внутренним инстинктом, призывающим юные души к великому служению общим целям и задачам. И на этом пути было не только возможно, но и похвально каждому обрести знания и силу в своей профессии, достичь признанных высот и уважения в коллективе и сообществе специалистов, и при этом каждый всегда являлся частью великого общего целого.

«Мой друг, отчизне посвятим / Души прекрасные порывы!»

Эти слова во все времена по-настоящему привлекательны для людей сознательных, а в 50-е годы в СССР они были реальностью, когда гордость за наш народ, за нашу страну, победившую фашизм, придавала дополнительные силы на пути восстановления и развития научно-технического и промышленного потенциала.

Высокий престиж инженерных профессий, так необходимых стране, вселял дополнительную уверенность в сердца молодых людей. Вдумайтесь: еще на рубеже 30–40-х годов в СССР появилось выражение: «Писатели — инженеры человеческих душ». Это сказано не только о писателях (!) (хотя советская литература в те времена представлялась выдающимися произведениями), это говорит и о высокой оценке труда инженеров, причем труда творческого!

Заняться практической работой после окончания института отец решил весьма обдуманно, хотя и с некоторыми колебаниями вначале. Я привожу письмо, которое он написал маме после своей защиты дипломного проекта в Тульском механическом институте. Письмо относится к тому периоду жизни моих родителей, когда их отношения еще не были зарегистрированы, к периоду взаимной симпатии и сопутствующей ей неловкости, когда мама еще стеснялась заявлять о своих чувствах и даже, как ей казалось, намекать на них (накануне она направила поздравительную телеграмму в Тулу по случаю защиты дипломного проекта только одному члену компании — Константину Звягину, персону которого считала абсолютно нейтральной по отношению к себе).

Письмо отца:

«Здравствуй, Геля!

Извини за позднее письмо, но, во-первых, мне хотелось написать его уже инженером, а во-вторых, я малость стеснялся, так как расстались мы не особенно любезно. Ну, ладно, кто старое помянет, тому глаз вон.

Итак, «ГЭК» постановили присвоить т. Шипунову Аркадию Георгиевичу звание инженера-механика по специальности «автоматическое оружие».

Из всего выпуска я защищался предпоследним, поэтому почти вслед за моей защитой началось «народное торжество». Описывать его не стану.

На следующий день был у нас выпускной вечер. Явление — колоссальное (по количеству напитков и общему размаху)! К сожалению, полностью описать его не могу, т.к. по слабости здоровья я не мог присутствовать до конца, так же как и значительная часть товарищей (очевидно сказывается утомление от выполнения и волнения от защиты диплома).

*Наконец сегодня в совершенно расстроенном виде часть товарищей отправилась по домам, а остальные продолжают «отдыхать». Телеграмму твою Костя получил за день до защиты, мы все благодарны за нее, так как я и И. И. (*Бабичев — примеч. автора*) взяли на себя смелость отнести ее в некоторой степени и на свой счет, хотя сама телеграмма не давала к этому ни малейшего повода. В качестве подтверждения привожу ее полный текст:*

«Звягину Константину Петровичу

Поздравляю защитой диплома желаю успеха дальнейшем Геля»

Как видно из текста, никакой ссылки на множественность защищавшихся (например, «дипломов» или «поздравляю всех») нет.

Но мы ребята догадливые, мы сразу догадались, что ты и нас хотела поздравить.

В конце месяца я, может быть, приеду на несколько дней в Москву, хочу узнать насчет приема в аспирантуру, учиться хочется, может быть, умным стану! Хотя против поступления также есть доводы, как то:

1. *Полнейшее отсутствие опыта практической работы.*
2. *Отсутствие финансирования.*

Оба эти недостатка устраняются при поступлении в заочную аспирантуру, но это очень тяжелая вещь, едва ли выдержишь!

В общем, я сейчас в великом раздумье. Пиши о себе. Жду ответа.

Be happy!

Аркадий. 17.06.50 г. Тула гл. почтамт. До востребования» [3].

Вслед за этим письмом мамой получено из Тулы и второе:

«Геля!

Рад был получить твое письмо, а то у нас скука страшная. Наверное, по вас соскучились. И по делу тоже. Сейчас мы пальцем о палец не ударяем. Встаем около 12 часов дня, обедаем, потом идем на стадион смотреть волейбол и велосипедные гонки. Наша волейбольная институтская команда в этом году вышла на первое место в Туле. А по велосипеду Тула заняла первое место среди городов СССР, несмотря на то, что Москва перетянула к себе в этом году еще трех лучших наших гонщиков.

Приеду в Москву числа 3–5 июля, тогда похвалюсь, как следует.

Насчет твоего аглицкого. Ты написала одну фразу, но я ей не поверил и даже сам смутился, так как аглицкий ее смысл очень силен. Ну, ладно, письма я писать не мастак, приеду, тогда потолкуем. Ты толь-

ко не унывай! В случае чего, лучше разозлиться, а вовсе не обидеться, расплакаться и т.п.

Привет от меня и всех Любе, Антону, Тонечке.

Goodbye!

27.06.50 г. Тула (будущая столица РСФСР!)

Аркадий» [3].

В этих искренних письмах просматриваются такие отличительные стороны и особый взгляд на вещи еще совсем молодого человека, которые несомненно заслуживают внимания. Например, Тула названа будущей столицей РСФСР. Еще тогда всего лишь недавний студент увидел огромный потенциал города — наличие высших учебных заведений наряду с мощной промышленной базой, с развитой культурной и спортивной инфраструктурой. Будущей столицей РСФСР неоднократно называл Тулу А. Г. Шипунов и в последующие годы (во времена СССР) в знак высокого уважения и пристрастия к этому городу. Оригинально, однако.

Мои родители зарегистрировали свои отношения в Кунцевском ЗАГСе г. Москвы 27 ноября 1950 года. Свадьбы не было. Все тогда жили очень скромно. Только, собравшись в общежитии, молодожены с друзьями выпили бутылку шампанского.

В конструкторском отделе

Отец был распределен в конструкторский отдел НИИСПВА, начальником которого был Г. И. Маханев. Во время преддипломной практики студент Шипунов уже успел создать о себе мнение как о толковом, самостоятельном и образованном специалисте. Именно тогда Григорий Иванович Маханев обратился к будущему инженеру Шипунову с просьбой помочь отделу.

Отец вспоминал: «Успех в работе пришел ко мне раньше, чем я начал работать. Я получил очень хорошее, настоящее «классическое» образование в Тульском механическом институте. Когда мы приехали в НИИ-61 на преддипломную практику, институт должен был отчитываться по проведенным НИР и ОКР, но в то время там не было специалистов по расчету автоматики. Меня пригласил начальник отдела Г. И. Маханев и спросил, не могу ли я рассчитать автоматику новой пушки?

До конца работы оставалось 2 месяца. Я сказал, что смогу это сделать, подключив свои друзей — Звягина и Бабичева. Работать будем по трудовому соглашению. Начальник отдела согласился. Конструктором пушки был В. Н. Авиев. Он ревниво охранял свое детище от чужих глаз, но я решительно настоял на том, что для расчетов мне нужно досконально знать конструкцию. Когда я изучил компоновку и устройство пушки, то нашел в ней много известных ранее решений. Вскоре как руководитель группы я принес начальнику отдела результаты — в виде отчета. Отчет

содержал ответы на вопросы по скорострельности пушки и рекомендации по исключению недостатков конструкции, которые были обоснованы и подтверждены расчетами и графиками» [4, с. 96].

Аркадий Георгиевич Шипунов, ведущий инженер

Начальник отдела был доволен работой, а будущие специалисты получили вознаграждение — по 1800 рублей каждый[2]. Надо заметить, что Г. И. Маханев относился к новым сотрудникам, по словам отца, как «отец родной», но в этом была также и их заслуга.

К концу 1950 года молодой инженер, только что закончивший институт, подготовил отчеты сразу по нескольким конструкторско-исследовательским работам, запланированным для отдела. Для этого отцу даже было выделено место в Климовском общежитии, куда он к 12 часам ночи буквально вваливался от усталости, так как все время проводил на работе. Мама была вынуждена ездить в общежитие, находящееся в Москве. Это продолжалось целый месяц — без выходных. Отец проявил себя не только как грамотный специалист, но и как умелый руководитель. В его распоряжение, как он рассказывал, по его просьбе было отдано семь человек. В институте было принято для выполнения сложных, комплексных работ направлять временно исполнителей в головной отдел из других подразделений, формируя ударную бригаду.

В качестве вознаграждения в начале 1951 года молодая семья Шипуновых получила комнату в коммунальной квартире в г. Климовске. Это было большое счастье. А 15 августа 1951 года — через год после начала работы — отец получил должность старшего инженера.

В 1951 году на работу в НИИ-61 пришел конструктор В. П. Грязев. Отец предложил заняться вместе скорострельными авиационными пушками. Сразу разглядев конструкторский талант молодого Василия Петровича, он увлек его своими идеями, которые воспламенили сердца двух единомышленников и указали им путь, который они самоотверженно преодолевали до момента сдачи первой пушки на вооружение — долгие 15 лет!

Отец говорил, что первые десять лет при шестидневной рабочей неделе они с Василием Петровичем работали по 12–14 часов ежедневно, не чувствуя усталости. Часто выходили на работу и в выходной день. Получали тогда в соответствии с окладом — 1200 рублей (до реформы 1961 года). Приходилось подписываться в «добровольно-принудительном» порядке на трехпроцентные облигации Государственного займа в размере месячного оклада. Отец вспоминал: «Испытатели в это время получали существенно

[2] Изготовленная в производстве пушка конструктора Авиева не прошла впоследствии испытания по причине поломки затвора и особенностей конструкции с использованием кулачковых механизмов.

больше. Но у меня никогда не шевельнулась мысль, чтобы взять и уйти в испытатели. Почему? Потому, что я конструкторскую работу любил и только в этом видел свою стезю» [5, с. 99].

Отец вспоминал, что при совместной работе с Василием Петровичем сразу же сформировалось негласное распределение функций в зависимости от способностей и наклонностей каждого. За отцом была теоретическая часть, методы расчета и оптимизации параметров, т.е. наука, которая должна была сказать: будет или не будет работать создаваемый образец, и какие будут у него пределы.

Коллег по работе приводило в изумление потрясающее умение Аркадия Шипунова производить буквально на пальцах, оперируя общеизвестными законами механики, прикидочные расчеты динамики механизмов, еще только в общих чертах появляющихся на кульманах конструкторов. После его «инспекции» нужно было либо перечеркнуть чертеж, либо вдохновенно продолжить работу. Но сам Шипунов не любил чертить. За кульманом стоял Грязев, который поражал всех своим воображением, позволяющим ему сразу делать рабочие чертежи без прорисовки общего вида [5, с. 106]. На сайте Ростех приведена фраза отца: «Дополняя друг друга, мы брали технические и научные преграды совместным мозговым штурмом, обсуждали замысел, взвешивали все «за» и «против», рассматривали возможные пути решения. Самое главное — определить, какие могут быть слабые места и как их избежать» [1].

Аркадий Георгиевич, умевший и любивший заниматься наукой, четко и доходчиво излагал проблемы по сложным вопросам проектирования. Обладая энциклопедическими знаниями в самых разных областях науки и техники, он уже в те молодые годы ездил из Подмосковья в Тулу преподавать курс «Расчет и проектирование автоматического оружия».

А.Г. Шипунов и В.П. Грязев в Петергофе. 1954 г.

Бывали и неудачи у молодых разработчиков. В 1958 году пушка под индексом ТКБ-513 успешно прошла Государственные испытания. Но, к разочарованию молодых авторов, не была принята на вооружение самолета ТУ-22, так как предпочтение было отдано еще находящейся на стадии отработки пушке Р-23 известного конструктора А.А. Рихтера. Тогда А.Г. Шипунов и В.П. Грязев решили, что уступают в последний раз! Образцы своих пушек, прошедших уже полигонные испытания, они решили сохранить для истории, направив их в музеи. Сейчас ТКБ-513 находится в трех тульских музеях: оружия, государственного университета и АО «КБП».

О том, что доля и творческая жизнь конструкторов-разработчиков тяжела, отец говорил: «Работает конструктор годами, создает новый образец, радуется своим находкам, подойдет к нему невежда, да и скажет: «Подумаешь, что здесь такого! Ничего особенного!». Важно, чтобы понимающие и профессиональные люди могли оценить достоинства и красоту решения, поддержать задуманную работу. Тогда окрыленный конструктор готов двигаться дальше» [4, с. 110]. Большую роль в жизни конструктора играет и случай, удача. Бывает, и нередко, когда более удачные конструкторские решения по разным причинам не получают признания. Как у Пушкина:

Да, слава в прихотях вольна, / Как огненный язык, она / По избранным главам летает, / С одной сегодня исчезает, / И на другой уже видна...

Тем не менее, проект двуствольной пушки под 23-мм патрон молодых разработчиков оказался предпочтительнее проекта В.Н. Авиева (главным отличием было то, что затворы пушки в откате и накате двигались по заданному закону движения, что позволяло рассчитывать на темп 4000 выстрелов в минуту). Уверенная защита в кабинете главного инженера предприятия проекта Грязева и Шипунова с графическими и расчетными материалами, подкрепляемая четкими ответами на вопросы и уверенной позицией авторов, привела к принятию поистине исторического решения по началу разработки в НИИ-61 двуствольной пушки АО-9.

В таких случаях соперничества и острой конкуренции, сопровождавших работу конструкторов, отец всегда цитировал слова Александра Первого из повести Лескова «Левша», обращенные к атаману Платову после просмотра заморских шедевров: «Достичь и превзойти!». Эти слова добавляли молодым разработчикам азарта, веселили и приободряли их в тяжелые минуты кропотливой работы. Отец отмечал: «Н.С. Лесков увидел в русском национальном характере то, что оставалось скрытым от многих других писателей, а именно — одухотворенность. Мастера в повести Лескова, в том числе и Левша, трудятся, делая ювелирную работу на заказ, и делают они это не из личной выгоды. Им просто интересно, для них это — способ самовыражения. Они день и ночь сидят в избе, забыв о еде и отдыхе» [4, с. 111].

Пушки системы ГШ

Макетный образец 23-мм пушки АО-9 появился в конце 1954 года (пушка была разработана в рекордно короткие сроки — всего за несколько месяцев), затем уже в 1957 году

начались заводские испытания на Ковровском заводе им. Дегтярева. АО-9 была принята на вооружение лишь в 1965 году (!) как 23-мм двуствольная авиапушка ГШ-23 конструкции Грязева-Шипунова. Использование единых механизмов для обслуживания обоих стволов (механизм подачи, механизм отражения, электроспуск, ударный механизм, механизм пироперезарядки, противоотскок, амортизатор) позволило создать двуствольное оружие в габаритах и массе (50,5 кг) одноствольных систем. Благодаря такому сочетанию качеств пушка ГШ-23 оказалась одной из самых востребованных в авиации и надежных в условиях боевого применения!

В НИИ-61, где работал отец, активно действовал научно-технический Совет, на котором рассматривались сложные проблемные вопросы текущих разработок на основе различных методов исследований и научных подходов. Атмосфера, существовавшая в НИИ-61, способствовала научным исследованиям и обсуждениям в кругу специалистов, инициировала публикации научных статей и подготовку кандидатских диссертаций. В 1955 году отец защитил диссертацию и стал кандидатом наук.

Надо отметить, что молодые разработчики были вовлечены не только в активную производственную и научную деятельность, но и в бурлящую жизнь предприятия, которая была «шире и богаче», чем только разработка образцов вооружения. Инженеры были основной рабочей силой, когда требовалась помощь селу.

А. Г. Шипунов и В. П. Грязев впечатляюще смотрелись на уборке сена в подшефном колхозе. В жаркий летний день они, раздетые по пояс, ловко забрасывали сено, взятое из копны, в стог. Аркадий Шипунов забирался наверх стога и укладывал сено в равномерные пласты, придавая в конце концов стогу сена законченность и монументальность. Эта трудовая операция называлась «стогованием».

А. Г. Шипунов с дочерью Татьяной. 1954 г.

Во время обеденного перерыва на сельских работах молодежь играла в футбол — здоровое и сильное было поколение! Игра проводилась прямо на лугу. Аркадий Шипунов стоял всегда на воротах. На голове у него была легкая летняя кепочка, лихо сдвинутая на лоб и закрывающая глаза от яркого солнца. Он ловко и умело ловил мячи, демонстрируя хорошую реакцию. Плохого вратаря компания не потерпела бы.

Переезд в Тулу. В семье

26 марта 1962 года был подписан Приказ по Министерству оборонной промышленности о переводе А. Г. Шипунова на должность Начальника и Главного конструктора ЦКБ-14 в г. Тулу.

Я училась в четвертом классе, поэтому решено было закончить учебный год в школе и летом осуществить переезд семьи в Тулу. Мама переводом из Климовска была направлена на работу в ЦКИБ, в отдел информации; о том, чтобы мама работала на одном предприятии с отцом, не могло быть и речи. Это было неприемлемо и поэтому никак не обсуждалось.

Мама была активным человеком, принимала участие во всяких конференциях и учебах, проводимых на базе московского «Дома техники» (впоследствии ЦНИИ информации) и др. Являлась членом КПСС, регулярно ходила на партийные собрания. Участвовала во всех поездках в колхоз на прополку, уборку картофеля, капусты, свеклы.

И все-таки, для маминой деятельности не без помощи отца были определены основные акценты: на первом месте семья, дети, муж; на втором месте — работа. По-другому никак не получалось. Мама безоговорочно следовала этим правилам, хотя иногда причитала: «Мне надо на работу, у меня отчет горит, я не могу сидеть на больничном!». Но папа возражал: «Ребенок заболел, мать должна быть рядом!». И заведенный порядок никогда не нарушался.

Я не помню в своей жизни ни одного дня, чтобы в семье не было полноценного обеда — первое, второе и компот! И это — каждый день. Какие бы катаклизмы не случались, даже когда мама болела, уезжала в командировки, чтобы ни происходило вокруг, всегда можно было открыть холодильник и найти там большую кастрюлю с супом, поменьше — со вторым блюдом и кастрюлю с компотом.

В квартире стараниями мамы поддерживался почти идеальный порядок. Была заведена система: генеральная уборка — раз в неделю, промежуточная уборка — раз в неделю (итого два раза в неделю), полы в кухне и в коридоре мылись каждый день. Мама приучила меня с сестрой помогать ей в этом деле.

Кроме того, было время, когда лестницу в нашем подъезде некому было убирать, уборщиц не было. Все жители подъезда ходили по грязным ступеням и не печалились по этому поводу. На предложение заняться уборкой по очереди каждой квартире все отвечали, исполненные гордостью советского человека: «Для этого есть уборщицы!». Но уборщицы были на самом деле какой-то нереальной субстанцией, существовавшей только на словах и в мечтах. Мама со свойственной ей активностью и стремлением к порядку этого не могла терпеть. Она выходила из квартиры с ведром воды и тряпкой, начинала мыть грязную лестницу. Все соседи смотрели на это с большим удивлением. Потом я стала помогать маме. Мне даже нравилось это занятие: результат — чистая лестница достигался не таким уж большим трудом. Отец, когда приходил домой вечером, всегда хвалил нас и называл «молодцами».

В нашей квартире никогда в ванной комнате не валялось грязное белье, так как мама терпеть этого не могла. Она стирала почти каждый

день, особенно рубашки отца, все — вручную. Первая стиральная машина с резиновым валиком для отжима появилась у нас где-то в 1964 году. Процесс механизации был весьма условным. Приходилось полоскать белье в ванной, потом все равно отжимать вручную. Белье постельное подлежало обязательному кипячению в большом трехведерном баке. Это происходило всегда в выходной день. Тогда в процесс включался отец, которого криками: «Неси бак!» — мама отрывала от процесса чтения. Отец, до этого расположившийся в гостиной комнате, отложив в сторону книгу, шел на кухню, быстро хватал стоящий на газовой плите бак за боковые ручки и на прямых, вытянутых руках торжественно переносил его в ванную комнату, сопровождая свои действия обязательно песней: «Эй, ухнем! Эй, ухнем! Еще разик, еще раз!..». Это выглядело действительно очень впечатляюще. Это было здорово еще и потому, что отец никогда не отказывался, не говорил: «Ну, неужели сами не можете?». В те дни, когда отец бывал в командировках, а процесс стирки нельзя было остановить, этот здоровенный бак несли мы с мамой вдвоем, взявшись с двух сторон за разные ручки, и нельзя сказать, что это было легко, потому что на последних шагах при подходе к ванной мы с ней уже сгибались под тяжестью ноши.

Весной, в апреле (обычно накануне 22 апреля — дня рождения В. И. Ленина) на дверях всех подъездов нашего дома появлялось объявление — от каждой семьи по 1 человеку — на уборку территории! (Почему от каждой семьи? Потому что много было и коммунальных квартир). Ходил на субботники всегда отец, приглашал и меня с собой. Я с удовольствием шла помогать папе.

Работники ЖЭКа приносили много инструментов — все на деревянных черенках: лопаты всевозможной формы, метлы — связанные пучком ветки березы. Было всего один или два металлических лома. Отец всегда выбирал лом. Он весело стучал им, разбивая остатки льда в виде больших глыб, которые долго стояли на теневых участках двора. Надевал он всегда старые брюки и пиджак (никакой специальной спортивной одежды в то время не было), сверху повязывал шерстяной шарф. На голову надевал шляпу, на руки — кожаные перчатки, в которых ходил на работу. Никакой лишней одежды в доме тоже не было.

Через некоторое время из соседнего дома (двор у нас был общий) подходил к отцу Николай Федорович Макаров с лопатой в руках. Сразу же начинались разговоры о работе. Говорили о допусках на изготовление деталей, о материалах покрытий и различных марках стали. Каждый добавлял рассказ друг друга. Они так увлекались, что не замечали, как инструменты свои оставляли на земле. Разговоры о работе чередовались с историями и анекдотами, вокруг постепенно собирался народ. Число слушателей росло. Я внимательно наблюдала за ситуацией и боялась, что папе будет сделано замечание со стороны работников ЖЭКа за нарушение трудового порядка. Поэтому я принималась сама усиленно скрести лопатой и убирать мусор, компенсируя выход из процесса основного представителя квартиры.

В Туле я пошла учиться в пятый класс 20-й средней школы, а сестра была устроена в детский сад (ей было пять с половиной лет). Мой рабочий день был расписан по минутам. Утром перед школой я должна была отвести сестру в детский сад. После школы — дома обед, потом забег в магазины — покупка молочных продуктов, хлеба. Все это было закреплено за мною. Быстро успеть сделать какие-то уроки, потом забрать сестру из сада. В саду я должна была узнать все новости, какие занятия были, что надо подготовить. Дома все новости передавала родителям, а по дороге из сада проводила педагогическую беседу с сестрой. Сестра меня слушала, авторитет мой, как нештатного и неофициального педагога, поддерживался и поощрялся родителями всемерно. Отец часто вспоминал, что в семье его родной тетки Елены Николаевны, где было девять человек детей, старшие дети всегда воспитывали младших. «Это хорошо и правильно, — говорил папа. — И уже неважно, сколько детей в семье, всегда найдется, кому смотреть за младшими!».

Вечером я еще должна была посещать музыкальную школу, а с шестого класса присоединился еще и бассейн — спортивная секция. Цейтнот был страшный, ни минуты свободного времени. Музыкальную школу я не любила, да и многие мои подруги, угнетаемые в этом вопросе родителями, воспринимали это как не нужную никому и скучную повинность. Времени и желания заниматься музыкой не хватало, отметки были плохие — четверка — самая лучшая отметка. Редко-редко появлялись пятерки, да и те — с минусом.

Однажды, когда терпение учительницы по музыке уже лопнуло, она в дневнике сделала запись, что приглашает в школу родителей, я очень расстроилась. Обычно такая запись в дневнике означала, что следующего урока не будет, пока не появятся родители. Мама, узнав об этом, сразу сказала: «Нет, я не пойду! Пусть идет отец!». Отец, нисколько не сопротивляясь, решил идти в школу. Вечером, придя с работы немного пораньше, пошел со мной вместе в ненавистную мне музыкальную школу. Я привела его в класс, учительница пригласила нас войти.

Претензии ее сводились к одному: дочь мало занимается на фортепиано, поэтому плохо разучивает пьесу, не испытывая интереса к прекрасной музыке. Чтобы подтвердить сказанное, педагог села к инструменту и произнесла: «Вы послушайте, какая замечательная пьеса!». Раздались звуки какой-то пьесы, точно помню, что не Чайковского и не Моцарта, а кого-то из не очень гармоничных современных композиторов, к тому же и исполнитель был не Рихтер. Отец молча выслушал, на лице его не отразилось ни наслаждения, ни приятного удовольствия, сказать точнее — легкое удивление. Он что-то пообещал, типа: «Постараемся заниматься больше». И мы с ним удалились.

По дороге домой он даже меня не ругал. Конечно, сам факт явления отца в школу был для меня мощным стимулом больше не подводить его.

Это время запомнилось мне как активное, насыщенное и содержательное. Время больших и важных общих дел. Навсегда остался в памяти день — 12 апреля 1961 года. Тогда еще наша семья проживала в подмосковном Климовске. В этот день всех школьников отпустили домой из школы, прервав занятия. В городе работали репродукторы, установленные на высоких уличных столбах. Звучала музыка, народ ликовал. Первый человек в Космосе — наш, советский человек. Это была победа советской науки, советского народа!

Мой отец всегда утверждал, что страной должны править объединительные идеи. Давно доказано, что идеи, призванные собрать воедино людей, разбредающихся в разные стороны, работают так же эффективно, как промышленная и военная мощь государства. Решение подобных объединительных задач не только соответствует простому групповому инстинкту выживания, но и высшим целям об общности и величии народов своей страны, сохранении общей культуры и духовных ценностей. И эти непростые задачи вполне решались на широком пространстве бывшего СССР.

Из моих далеких, но очень ясных воспоминаний — обязательная коробка радиоприемника, висящего на стене в квартире. Это был важный, почти живой представитель в каждой семье. Приемник никогда не выключался, иногда только можно было прибавить или убавить звук с помощью регулятора. Радио начинало работать в шесть часов утра исполнением Гимна СССР, а заканчивало — в двенадцать ночи тоже исполнением Гимна. Но к началу 60-х годов вещание советского радио уже шло круглосуточно. После 12 часов ночи — передача «Для тех, кто не спит».

С утренним Гимном родители просыпались и собирались на работу. После сводки новостей запоминалась передача «Пионерской зорьки» — строго в 7.40. Это значит, детям пора выходить в школу. После школы — на «Рабочий полдень» не успеваешь, только если заболеешь и сидишь дома. В это время передавали песни по заявкам слушателей.

Во второй половине дня — передача для молодежи: «Ровесники». Радиопередачи выделялись своим высоким качеством, хорошим литературным языком, подборкой классической, народной музыки. Помню время, когда почти каждый день по радио звучала песня «Сулико», и все знали слова этой песни. Помню время, когда появилась песня о геологах, и все вокруг пели: «Держись, геолог, крепись, геолог, ты ветра и солнца брат!...».

Я помню, как ворвалась в наше существование песня Э. Колмановского «Я люблю тебя, жизнь» (1956 год). Стихи К. Ваншенкина невероятным образом воздействовали на души и чувства слушателей. Песня, заказанная Марком Бернесом сразу нескольким композиторам, реализовалась только у Колмановского, и то не с первого раза. Обиженный критикой Бернеса по поводу неудачного варианта песни, Колмановский разозлился и добился от самого себя рождения музыкального шедевра. Песня звучала в исполнении М. Бернеса почти каждый день. Ее очень любил мой отец. Лишенная избыточного гражданского пафоса, песня привлекала внимание к самым простым, но очень важным для человека вещам — дружбе, любви, гражданскому долгу с такой искренностью и силой, что это, безусловно, проникало в душевные глубины, способствовало укреплению силы духа и чистоте помыслов слушателей. Такие песни — на все времена!

Во время воскресного обеда мы в семье слушали популярный радиоспектакль «Клуб знаменитых капитанов». Передача выходила в СССР с декабря 1945 года до начала 1980-х годов.

Персонажами спектакля были герои популярных приключенческих книг Жюля Верна, Джонатана Свифта, Альфонса Доде, Даниэля Дефо, Александра Грина, Вениамина Каверина и др. Музыка для спектаклей была написана лучшими советскими композиторами Д. Кабалевским, Б. Мокроусовым, О. Фельцманом, Э. Колмановским и др.

Члены клуба капитанов были любимыми книжными героями: капитан Немо, Гулливер, Робинзон Крузо, Тартарен из Тараскона, Дик Сенд, Паганель, Артур Грей, капитан Григорьев, капитан Воронцов. Причем, клуб постепенно пополнялся новыми членами. Во время заседаний клуба капитаны зачитывали письма, приходившие в редакцию от юных слушателей, которые просили принять в клуб того или иного достойного представителя. Достоинства будущего члена клуба обосновывались на примерах из соответствующих книг. Так, на нашей памяти были приняты в члены клуба капитаны Григорьев и Воронцов из книг В. Каверина. Передача обычно заканчивалась призывом к школьникам писать новые письма.

Случилось так, что я и сестра как раз прочитали книгу Рафаэля Сабатини «Одиссея капитана Блада» и были удивлены, что персонаж книги до сих пор не является членом элитного клуба. Сразу родилось желание — написать письмо в редакцию. Неожиданно для нас отец поддержал эту идею и предложил свою помощь. Он посоветовал написать несколько писем, причем отправлять их из разных городов, как бы от разных людей. Мы ужасно обрадовались, захлопали в ладоши, нам было приятно, что папа согласился участвовать в нашей задумке, он становился членом нашей супер-группы.

Сказано — сделано. Сначала мы отправили письмо с нашего домашнего адреса — из Тулы, потом — несколько писем — из Москвы, потом — из Ленинграда, и вот вершина операции — письмо было отправлено из Еревана. Несколько писем до этого было передано через отца Василию Петровичу Грязеву в Ковров и в Ижевск. Все письма писались измененным почерком (авторами предполагались совершенно разные люди), назывались разные имена и фамилии (письмо из Еревана было отправлено от фамилии Гаранян). На месте обратного адреса мы указывали только город отправления.

Очень довольные собой, мы все ждали, когда же будут читать наши письма в прямом эфире. Но этого почему-то не происходило. Может быть, надо было писать еще больше писем? Шло время, и мы постепенно охладели к этой идее. Стали жить спокойно, забыв про капитана Блада. Но каково же было наше удивление, когда примерно через года два в клуб капитанов был принят наш протеже! Очевидно, редакция передачи не сидела сложа руки и откликалась на просьбы трудящихся (в данном случае — школьников), воплощала новые идеи и расширяла круг участников популярного радиоклуба. Мы с сестрой рассказали об этом отцу, и он ответил: «Я очень рад!»

В нашей семье все с удовольствием слушали трансляции опер из Большого театра, а также инсценировки многих литературных произведений — это был «Театр у микрофона». Лучшие отечественные и зарубежные певцы, мировые оперные и эстрадные звезды, выдающиеся дирижеры — все они приходили в гости к слушателям с помощью радио.

По вечерам «Юность» вещала об искусстве, о литературе и театре.

Передачи о литераторах разных эпох вел Ираклий Андроников — прекрасный рассказчик и литературовед. Радио в СССР было настоящей школой образования и культуры, камертоном хорошего вкуса.

Интересно, что уже к 1959 году СССР занимал первое место в мире по мощности радиостанций и второе — по количеству радиоприемных установок — на 4 человек к этому времени приходилось по одной установке. В год в СССР выпускались десятки миллионов радиоприемников. Общая продолжительность вещания по разным параллельным программам в СССР превышала 600 часов в сутки.

Обычно в воскресенье утром отец вместе со мной ходил за покупками на центральный тульский рынок. Рынок был ему хорошо знаком еще со студенческих лет. Обычно целью нашего похода были покупки мяса, овощей, фруктов. Вся продукция была исключительно местного производства и по этой причине отличного качества.

По дороге на рынок отец вел непрерывные беседы со мной, задавал вопросы, связанные с размышлением, осмыслением каких-либо явлений и процессов. Так, я помню, он спрашивал меня: «В какое время года мясо на рынке самое дешевое?». Я, будучи еще девчонкой, буквально испытывала полную растерянность перед этим вопросом. Мое мучительное раздумье городского жителя не приводило меня к однозначным выводам, я не могла определиться с факторами и причинами, по которым следует проводить оценку. Отец в конце концов отвечал: «Конечно, осенью. Хозяин, забивая скотину, экономит на том, что не придется кормить ее всю зиму. Стоимость кормов за зимний период не удастся компенсировать повышенной ценой мяса в весеннюю пору».

Отец всегда задавал всевозможные задачки, не давая дремать мозгам. Он всегда говорил, что мозг человека можно тренировать, как и тело, и этим надо заниматься. Отец считал, что тренировка тела и мускулов

имеет свои пределы, а мозг человека практически не имеет ограничений в тренировке. Он называл цифры, которые он узнал из научных журналов: «У среднего человека задействованы и находятся в активе только два процента общего количества нейронов мозга. А что нам мешает задействовать у себя большее количество этих самых нейронов?»

Он задавал следующую головоломку: «Нужно определить долготу дня (применительно к текущему моменту)». Для меня это была совершенно невозможная проблема. А отец решал эту задачку в уме. Он использовал ряд допущений, упрощений, позволявших ему проводить вычисления в алгебраическом виде, параметры тригонометрических функций основных углов он знал наизусть, знал и астрономические данные и характеристики движения Земли по орбите. Ответ его был всегда поразительно точным и практически совпадал с данными в календаре.

Часто он говорил: «Человек должен все время думать, чтобы его мозги не заржавели!». Обязанность ходить на рынок выполнялась отцом и мною с удовольствием и регулярностью.

На рынке отец любил поторговаться, так как считал это вполне уместным и полезным. С рынка мы с отцом тащили в руках огромные сумки и авоськи с продуктами (на двоих это было 4 места багажа, а в килограммах — не менее двадцати – двадцати пяти). Машины в семье не было. Самые тяжелые сумки нес отец.

От пушкостроения к разработке противотанкового управляемого вооружения

К лету 1966 года в Тулу из Климовска переехала семья В. П. Грязева, затем П. В. Фадеева. В КБП было сформировано целое подразделение, которое возглавил В. П. Грязев — стрелково-пушечное. В 1968 году за разработку пушки ГШ-23 коллектив авторов был удостоен Государственной премии СССР: О. К. Кузьмин, М. В. Мальцев, А. Г. Шипунов, В. П. Грязев, Г. Л. Серебрянников, Р. Я. Пурцен, Е. К. Рачинский, П. Г. Якушев, Л. С. Мочалин, В. В. Фомин, В. И. Волков. Среди них были два выпускника «гвардейской группы» — А. Г. Шипунов и В. В. Фомин.

Такова была первая победа А. Г. Шипунова в области разработки систем вооружения. Трудная, долгая. Но она дала большие плоды — пушками, разработанными в КБП, снабжены теперь зенитные противоракетные комплексы «Тунгуска», «Панцирь», современные БМП, БМД, практически все самолеты и вертолеты ВВС; пушки установлены на многих кораблях ВМФ России.

Все эти разработки буквально «вдохнули жизнь» в производственную оружейную сферу таких промышленных гигантов Тулы, как Оружейный завод и Тулмашзавод. Это была для них новая эпоха развития.

Вторая победа А. Г. Шипунова для многих казалась невозможной. Специалист в области пушкостроения занялся разработкой управляе-

мой ракеты! Неужели сдюжит? Было известно, что специалисты в области теории управления летательными аппаратами находятся только в Москве! Эта профессия и наука — молодые, в Туле таких специалистов практически нет. Стоит ли браться за такую работу? Провалить ее легко, выполнить — почти нереально.

Вот почему работа над комплексом «Фагот» явилась своего рода большим экзаменом, который пришлось держать А. Г. Шипунову.

«Фагот» должен был стать первым отечественным переносным противотанковым комплексом (ПТРК) с полуавтоматической системой наведения и, соответственно, самым массовым, а, значит, одним из основных противотанковых средств Советской Армии. Громадное значение танков, а в связи с этим и важность противотанковых комплексов, как вида вооружения, была к этому времени общепризнанной, поэтому создание нового поколения противотанковых комплексов рассматривалось как приоритетная государственная задача.

Успех работы означал бы появление не только в СССР, но и в Туле ракетного предприятия масштаба уже прославившихся КБТМ (г. Москва) и КБМ (г. Коломна). Все понимали, что своей разработкой «Фагота» А. Г. Шипунов держал настоящий экзамен еще и на право войти в плеяду известных и признанных конструкторов, к которой в то время принадлежали А. Э. Нудельман и С. П. Непобедимый.

М. М. Рубинштейн, начальник отдела ЦНИИТОЧМАШ, позднее отмечал одну из характерных особенностей А. Г. Шипунова как настоящего главного конструктора, проявившуюся во время работы над «Фаготом» — способность глубоко вникать в суть технических решений, предлагаемых, в том числе, соисполнителями.

Отработка комплекса проходила очень трудно из-за проблемы с механическим обрывом проводной линии связи, с которой долго не могли разобраться. Решение по замене пиротехнического трассера на лампу накаливания было предложено главным конструктором А. Г. Шипуновым, и проблема перестала существовать.

В итоге комплекс был принят на вооружение в 1970 году и стал первым отечественным пехотным ПТРК с полуавтоматической системой наведения. Потом была напряженная работа над системой вооружения «большого Фагота» (комплекс получил наименование «Конкурс»). Требовалось создать ПТРК для вооружения боевой машины 9П148, который обеспечил бы возможность пуска ракет как с машины, так и с выносной пусковой установки. Дальность действия — 4 км. Работа была успешно выполнена.

С созданием ПТРК «Фагот» и «Конкурс» существенно повысился статус КБП и его руководителя. Руководство страны признало предприятие ведущей ракетной фирмой наряду с КБТМ и КБМ.

КБП стало достойным игроком на отечественном поле разработок управляемого вооружения. Фамилия Шипунова стала широко известна и получила признание в министерских и военных кругах, в научной сфере как фамилия человека, способного на деле доказать, что он чего-то стоит и может. И это что-то — не фунт изюма!

Когда комплекс «Фагот» поехал по Красной площади на военном параде, это было настоящее счастье для всех участников разработки. Наш телефон в квартире разрывался от звонков и поздравлений. Отец был очень доволен, но вел себя сдержанно и достойно, только сказал нам, когда мы тоже прильнули к телевизору: «Это — наша система!»

Даже такая внушительная победа не давала возможности на передышку. Время потребовало от А. Г. Шипунова новых подвигов.

В последующие годы ему удалось сделать столько, что едва ли под силу кому-то другому. Все его разработки — это абсолютно новаторские и авангардные работы в научно-техническом смысле. А по количеству и разнообразию целевого назначения разработанных комплексов вооружения его вряд ли когда-нибудь и кто-нибудь превзойдет!

Противотанковые ракетные комплексы «Фагот» и «Конкурс», легкий противотанковый ракетный комплекс «Метис», реактивный пехотный огнемет «Шмель», артиллерийский управляемый комплекс «Краснополь», зенитный пушечно-ракетный комплекс «Тунгуска», зенитный ракетно-артиллерийский комплекс «Кортик», противотанковый управляемый ракетный комплекс «Корнет», зенитный ракетно-пушечный комплекс «Панцирь», комплексы вооружения для легкобронированной техники БМП-1, БМП-2, БМП-3, БМД-4 и многое другое — все эти системы обязаны своим появлением коллективу КБП им. академика А. Г. Шипунова, и стали символом творческого успеха и инженерного искусства высшей пробы генерального конструктора Аркадия Георгиевича Шипунова.

Литература и источники

1. Грязев — Шипунов: легендарный оружейный тандем. URL: https://rostec.ru/news/gryazev-shipunov-legendarnyy-oruzheynyy-tandem/ (дата обращения: 24.02.2020).

2. Газета «Аргументы и факты», 15 июля 2014.

3. Письма из семейного архива.

4. *Коровин В.Н.* Генеральный конструктор А. Г. Шипунов. М.: Международный объединенный биографический центр, 2014.

5. *Шипунова Т.А.* Мой отец — генеральный конструктор. М: «Спорт и культура», 2017.

ТУЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Грязев Михаил Васильевич, 58 лет,
ректор Тульского государственного университета,
депутат Тульской областной Думы,
г. Тула

Для меня и нашего коллектива 2020 год — дважды юбилейный. Это год 75-летия Победы в Великой Отечественной войне и 90-летия Тульского государственного университета. Это год, который Президент Российской Федерации В. В. Путин своим Указом провозгласил Годом памяти и славы. Поэтому я хочу вспомнить преподавателей, сотрудников и студентов университета (тогда Тульского механического института), оставивших добрую память в истории нашего славного вуза и Отечества. Конечно же, я назову не все достойные фамилии (для этого потребовалась бы отдельная монография), но представлю те из них, которые позволят дать представление о жизнедеятельности института в этот сложный период для каждого человека и всей страны. Полагаю, всем нам: и сегодняшней молодежи, и педагогическому сообществу, и тем, кто причастен к ТулГУ, — необходим, интересен и полезен этот экскурс в будни образовательного учреждения тех «сороковых–пороховых» лет.

1941 год

Эхом отозвалось в сердцах преподавателей, студентов и сотрудников тогдашнего Тульского механического института (ТМИ) известие о начале Великой Отечественной войны.

В тот же день перед третьим учебным корпусом прошёл митинг. На нём выступили председатель месткома А. А. Головин, начальник учебной части Г. М. Лящук, студент третьего курса И. Ф. Орлов, рабочий механических мастерских Гольцов и другие. «В любой момент, — произнёс тогда студент Орлов, — мы сменим учебные аудитории на поле битв, а книги — на винтовку, пулемёт, самолёт. Мы готовы!»

Одним из первых вступил в схватку с врагом студент К. С. Рудаков. Вместе со студентами С. С. Захаровым, В. Г. Швецовым, Г. П. Пошешолиным и другими он был призван в ряды Красной Армии осенью 1940 года и зачислен рядовым в пограничный отряд войск НКВД, находившийся на границе с Финляндией.

На участке отряда, которым командовал полковник С. И. Донсков, в первый день Великой Отечественной войны наступали части двух немецких бригад и седьмая финская армия.

Рудаков считался лучшим стрелком заставы. Ему было приказано идти в головном охранении, а затем прикрыть отход товарищей. Он выполнил приказ. К нему присоединился боец с соседней заставы. Константин даже не успел узнать его имя. Бойца убили в тот момент, когда они лицом к лицу оказались в кольце окруживших их белофиннов.

...Очередь из автомата и взрыв гранаты раздались одновременно. Преследовавший офицер с группой солдат был убит наповал, а Рудаков, получивший несколько ранений, потерял сознание. Фашисты решили, что он мёртв, выстрелили в него на всякий случай и ушли.

Константину стоило нечеловеческих усилий преодолеть несколько километров, чтобы добраться до своих. В свой родной город он возвратился 13 февраля 1942 года инвалидом Великой Отечественной войны. Прежде чем вернуться к студенческой жизни, Рудакову пришлось пройти серьёзный этап реабилитации. Морально поддерживали молодого человека его школьные и институтские товарищи: Надя Заикина, Софья Шемякина, Евгений Гусев и Евгений Сабинин.

Диплом инженера этот мужественный человек получил в 1948 году. А в 1966-м он успешно защитил диссертацию на соискание учёной степени кандидата технических наук [1, с. 113–114].

23 июня 1941 года была объявлена первая мобилизация военнообязанных 1905–1908 годов рождения. Началась она и в Туле. В числе первых призвали в армию рабочих ТМИ Гольцова и Савкина, преподавателей А. Г. Прохорова, А. Н. Ерухова и Н. Д. Киселева. Двое последних попали в 110-ю стрелковую дивизию, направленную 28 июня в район военных действий под Могилёвом и были награждены впоследствии орденами Красной Звезды.

М. Д. Селезнев защищал диплом 25 июня 1941 года в военном обмундировании. Его зачислили в 115-й полк железнодорожных войск НКВД. 22 ноября 1941 года полк занял позиции в районе Венёва и несколько дней сдерживал натиск превосходящего в силе врага, затем был вынужден отступить. В этих боях М. Д. Селезнёв был ранен. В 1942 году выпускник ТМИ был награждён орденом Красного Знамени [1, с. 115].

В конце июня — начале июля 1941 года на фронт ушли многие студенты, рабочие и служащие института: третьекурсники Виктор Егоров и Владимир Захаров, шофёры С. Г. Чивирев и В. Я. Филин, начальник гаража А. А. Зобнин.

Ушли добровольцами на фронт все члены комитета комсомола вуза — И. Орлов, П. Соловьёв, Д. Костогаров, Н. Петров, И. Курдюмов, Н. Минаев, Ю. Рязанцев во главе с секретарём В. Фатеевым, а также многие студенты-комсомольцы — М. Вальков, В. Кривошеев, С. Кривошей, Ю. Николаев, Г. Пинчук, И. Потапов, А. Шайденко и другие ребята.

За период с начала войны до начала 1942 года на защиту Родины встали шестеро преподавателей, 106 студентов, 32 рабочих и служащих. Это были мужчины, годные для воинской службы по здоровью.

На большинство студентов и преподавателей распространялась бронь. Но они рвались на фронт, и не раз обращались в военкомат с просьбой о зачислении добровольцами в ряды действующей армии.

С начала войны группа преподавателей (Д. Р. Тяпкин, И. Г. Пономарев, Д. Г. Соломенцев и С. С. Петрухин) вместе со студентами занималась проектированием, технологией и организацией производства аппарата, имеющего важное народнохозяйственное значение.

Студенты, которые остались в Туле по состоянию здоровья или по возрасту, ковали победу в тылу — они шли на заводы и вставали к станкам. С почином выступили студенты А. Соколов, Н. Коврижных, Суворов, Чудный.

Каждый день в отдел кадров института поступали десятки заявлений от ребят с просьбой направить их на работу. По указанию Главного управления учебными заведениями четверокурсники досрочно направлялись на заводы Тулы и других городов. Многие из них потом оканчивали институт заочно.

3 июля 1941 года по радио прозвучало выступление Председателя Государственного комитета обороны И. В. Сталина. В этот же день в ТМИ прошёл митинг, в котором участвовал весь коллектив. Была принята резолюция, которая гласила: «Наше дело правое. Мы победим. У себя в институте мы будем ковать кадры патриотов, в любую минуту готовы сменить учебники на винтовки» [1, с. 108].

В составе Тульского добровольческого коммунистического полка сражались студенты В. И. Анисимов, Д. М. Костогаров, Е. П. Краснюк, Н. Г. Петров.

18 июля 1941 года этот полк был поднят по тревоге и погружен в эшелон на станции Тула-1. В 20-х числах июля он вступил в бой под Ярцевом Смоленской области для ликвидации прорыва немецко-фашистских войск. Вместе с ним бок о бок сражались Московский и Ленинградский добровольческие коммунистические полки.

Именно эти подразделения нанесли сокрушительный удар по противнику, остановили наступление танков и пехоты врага на Минском шоссе, выбили фашистов из Ярцево и отбросили их на западный берег реки Вопь.

Д. Костогаров в этом бою получил ранение. После госпиталя он вернулся в Тулу, где позднее закончил учёбу в институте и получил диплом инженера.

Е. Краснюк и Н. Петров погибли...

В действующую армию отбыли студенты сформированных взводов — С. А. Голованов, В. Г. Егоров, Л. И. Ермилов, А. Ф. Ксенофонтов, Г. И. Мыскин. Другие ребята выехали на строительство оборонительных сооружений в район Вязьмы Смоленской области.

Оставшиеся в институте студенты собирали тёплые вещи, подарки, книги для фронтовиков, читали лекции в госпиталях, строили оборонительные сооружения.

Вместе с тем, выполняя постановление Государственного Комитета обороны «О всеобщем обязательном обучении военному делу граждан СССР» от 17 сентября 1941, они проходили военную подготовку.

На 1 октября 1941 года в институте насчитывалось 950 человек: 674 студента, 51 преподаватель, 42 представителя учебно-воспитательного и 183 чел. административно-управленческого и хозяйственно-обслуживающего персонала [1, с. 110].

По решению Советского правительства от 14 октября 1941 года, Тульский механический институт в числе других наиболее важных народнохозяйственных предприятий Тулы подлежал эвакуации. 18 октября это решение получили облисполком и директор института П. В. Пудовеев.

Первый эшелон отошёл в Ижевск 22 октября (ответственный за погрузку и доставку — преподаватель кафедры основ марксизма-ленинизма В. П. Смирнов), а второй — 24 октября (ответственный директор ТМИ П. В. Пудовеев).

Избежать налёта вражеской авиации не удалось. Второй эшелон попал под ожесточённую бомбёжку. Погибли трое студентов — Э. Леви, С. Куликов и В. Чудин.

А в Туле 22 октября 1941 года был создан городской комитет обороны под председательством первого секретаря обкома партии В. Г. Жаворонкова. На следующий день комитет вынес решение о формировании Тульского рабочего полка.

В его состав вошли также студенты и преподаватели ТМИ. Бойцом 2-го батальона 6-й роты стал П. И. Чаплыгин, а бойцом 1-го батальона — И. Л. Краснухин. Преподаватель английского языка В. В. Оськин служил в 385-м отдельном батальоне МПВО Тулы.

Многие преподаватели, студенты, рабочие и служащие ушли в народное ополчение, студенты младших курсов были мобилизованы на трудовой фронт или покинули родной город вместе с родителями.

21 ноября 1941 года на восток, к месту назначения, прибыли эвакуированные: 20 преподавателей и лаборантов, 11 рабочих и служащих, 58 студентов, в основном третьего и четвёртого курсов машиностроительного факультета. Людей было значительно меньше, чем значилось в списках, составленных перед эвакуацией.

В эвакуации невозможно было разместить в одном городе ТМИ и МВТУ им. Н. Э. Баумана, поэтому по указанию из Москвы 58 тульских студентов, 14 преподавателей и лаборантов, 5 рабочих и служащих перешли в МВТУ им. Н. Э. Баумана, в техникум было переведено 4 преподавателя, на завод пошли 2 преподавателя, 6 рабочих и служащих.

В результате разгрома немецко-фашистских войск под Москвой появилась возможность для возвращения института в Тулу.

В декабре 1941 года была создана инициативная группа по восстановлению вуза. В её состав вошли преподаватели М. А. Мамонтов, Г. М. Ля-

щук, С. А. Рагозин, В. Ф. Прейс, А. Д. Попов, Е. Г. Иванов, П. Н. Лисицын, В. П. Смирнов.

В конце декабря доцент М.А. Мамонтов выехал в Главное управление учебными заведениями (ГУУЗ) с докладной запиской, в которой обосновывалась необходимость реэвакуации и скорейшего восстановления учебного заведения.

1942–1943 учебный год. Возвращение из эвакуации

За короткий срок были отремонтированы все помещения института, оборудовано девять лабораторий, семь кабинетов, восстановлено общежитие. Вузу был возвращён его первоначальный вид. В структуре ТМИ были механико-технологический и машиностроительные факультеты, вечернее отделение и 25 кафедр.

Студенты и преподаватели начали возвращаться в вуз в конце марта 1942 года.

Занятия начались 10 апреля 1942 года. Объявление об этом было опубликовано в газете «Коммунар».

Студенты, особенно старшекурсники, всё время прибывали, и к 1 мая 1942 года их количество достигло 254 человек [1, с. 121]. К занятиям все относились очень ответственно, стремились выполнить каждое указание преподавателя.

В институте усиленно велась работа по комплектованию штатов профессорско-преподавательского состава. В 1942–1943 учебном году вуз вынужден был привлечь для работы по совместительству опытных инженеров с заводов и преподавателей педагогического института. Приём студентов на первый курс проходил без вступительных экзаменов.

За время эвакуации библиотека Тульского механического института лишилась 20 тысяч ценных книг и многих опытных работников. Книжный фонд, эвакуированный вместе с институтом, был возвращён Московским высшим техническим училищем им. Н. Э. Баумана только в июле 1943 года.

Учебные планы военного времени были отменены, и в 1942 году ТМИ получил новые и переходные. В соответствии с новыми планами большое внимание уделялось разработке учебных программ. Много труда в это вложил М. А. Мамонтов.

В апреле 1943 года был введён курс «Великая Отечественная война Советского Союза».

В институте продолжалась научно-исследовательская работа. Правда, она не могла развернуться в полной мере: после реэвакуации отсутствовала необходимая техническая база, а профессорско-преподавательский состав был перегружен занятиями.

Весь коллектив вуза включился в социалистическое соревнование. Было учреждено переходящее Красное знамя, которым лучшая группа

награждалась по итогам учёбы за семестр. По инициативе комсомольской организации на соревнование был вызван Тульский педагогический институт.

Всесоюзный Комитет по делам высшей школы разрешил зачислять на стипендию всех успевающих студентов. Приказом Наркомата от 19 сентября 1943 года с 1 сентября 1943 года устанавливались следующие размеры стипендий: 210 рублей на первом курсе, 315 рублей на пятом курсе. Отличникам учёбы стипендия увеличивалась на 25 процентов. Всё это способствовало стабилизации студенческого коллектива [1, с. 126].

В вузе увеличилось количество отличников и ударников учёбы (соответственно, с 29 и 72 — в 1942–1943 гг., до 57 и 112 — в следующем учебном году), а именных стипендиатов сначала было четверо: И. В. Кострюков, Б. Е. Пестов, Б. М. Суров и М. И. Чичелова, а через год их стало втрое больше. Это Н. Т. Ананин, Ю. М. Бузиков, С. А. Васина, В. И. Волков, И. В. Кострюков, Т. А. Перцева, Б. М. Подчуфаров, В. В. Топоркова, Е. М. Феоктистова, А. Я. Шайденко, Э. И. Шехвиц, Н. П. Юрманова.

1943–1944 учебный год

Завершилось восстановление учебной деятельности. На 10 ноября 1943 года коллектив вуза насчитывал 1611 человек: 1308 студентов, 83 преподавателя, 221 рабочий и служащий.

При институте было организовано очно-заочное обучение студентов старших курсов, мобилизованных для работы на производстве в начале Великой Отечественной войны.

Широкий размах получила спортивно-массовая работа. Активно включились в неё как студенты, так и преподаватели. В апреле 1943 года 520 человек приняли участие в комсомольско-профсоюзном кроссе. За 1943–1944 учебный год в институте было подготовлено 375 бойцов-лыжников.

Многие директора предприятий предоставляли четырёхмесячные отпуска студентам для выполнения и защиты ими дипломных проектов.

Первый выпуск молодых специалистов (35 чел.) состоялся в декабре 1943 года [3, с. 127].

Успешно защитили дипломные проекты М. М. Андросов, Н. М. Ветрова, Н. С. Денисов, Ф. Л. Павлов, Б. Н. Панков, В. А. Пастухов, М. И. Разуваева, П. Ф. Романовский, Г. Н. Сыромятников.

Выпуск специалистов в военное время стал знаменательным событием в жизни института.

Но вопрос о кадрах не терял своей остроты. В Тульской области в предвоенные годы бурно развивалась угледобывающая промышленность. После освобождения нашего региона от фашистов огромное значение для страны приобрёл Подмосковный угольный бассейн. Стране требовалось топливо, растущие поставки угля приходились на Тульскую область.

По распоряжению директивных органов в июне 1943 года в Туле был создан горный техникум. Городской совет выделил частично разрушенное во время воздушных бомбардировок здание школы № 56 по улице Епифанская, а комбинат «Тулауголь» оказал помощь по оборудованию кабинетов и лабораторий.

1-го сентября 1943 года горный техникум распахнул свои двери перед обучающимися. Это были 15–16-летние ребята, окончившие 7 классов.

Первые годы их обучения нельзя было назвать лёгкими.

Не хватало учебников, учебных пособий, лабораторной аппаратуры. В окнах аудиторий была застеклена только часть фрамуг, остальные зашиты досками и засыпаны опилками, помещение не отапливалось. Учащимся приходилось благоустраивать здание техникума, строить дороги, работать в колхозах и совхозах области. Но, несмотря на все эти трудности, ребята тянулись к знаниям!

Обучение в Тульском горном техникуме длилось три с половиной года. Первый выпуск состоялся в конце 1946 года. Впоследствии, в 1963 году, горный техникум вошёл в состав Тульского политехнического института в качестве среднетехнического факультета.

Тульский механический институт шефствовал над госпиталем, размещавшимся в здании средней школы № 20. За 1943–1944 учебный год вуз собрал и передал ему подарков на сумму 12 тысяч рублей, а книг — на 240 тысяч рублей. Преподаватели читали лекции бойцам, студенты проводили беседы и организовывали вечера художественной самодеятельности.

Коллектив института собирал средства на подарки и тёплые вещи воинам Красной Армии. На авиасоединение «Тула» было собрано 27 тысяч рублей (3, с. 130).

А зимой коллектив института помогал железнодорожникам очищать снежные пути от заносов. В отдельные дни для выполнения этих работ с занятий снималась почти половина всех студентов вуза.

Несмотря на военное лихолетье, с 1943 многие лаборатории пополнялись оборудованием. Большую помощь в укреплении материально-технической базы институту оказывали МВТУ им. Н. Э. Баумана и тульские предприятия.

1944–1945 учебный год

В связи с появлением новых специальностей «Технология станкостроения» и «Общая технология машиностроения» механико-технологический факультет перешёл на новые учебные планы.

Второй выпуск военного времени состоялся весной 1944 года. Проекты защитил 61 человек. Среди выпускников были Н. Ф. Макаров и Б. Е. Пестов. Четырнадцати выпускникам, отличившимся в учёбе, была вручена денежная премия и объявлена благодарность. Были премированы преподаватели, непосредственно готовившие выпускников.

Среди них М. А. Мамонтов, В. Ф. Прейс, С. А. Рагозин, Д. Г. Соломенцев и другие.

В 1944–1945 учебном году приём в ТМИ осуществлялся в соответствии с экзаменами по решению Всесоюзного комитета по делам высшей школы.

К этому времени в институте были созданы необходимые условия для научно-исследовательской деятельности. Она проводилась по планам, разработанным и учреждённым Учёным советом института и Главным управлением учебных заведений.

Были разработаны темы, имеющие важное народнохозяйственное значение: «К вопросу об устойчивости инерциального движения твёрдого тела вокруг неподвижной точки» (доцент В. Д. Рожковский), «Допуски и исполнительные размеры калибров для фасонных контуров деталей» (декан факультета С. С. Петрухин), «Сферический шарнирный четырёхсторонник и его модуляции» (доцент И. Г. Пономарев).

Активное участие в разработке тем принимали заведующие кафедрами А. Г. Воробьёв, С. В. Воронин, Н. П. Лисицын, М. А. Мамонтов, С. А. Рагозин, Н. И. Трейеров.

Преподаватели Тульского механического института оказывали помощь тульским заводам и организациям в решении производственных проблем, повышении квалификации инженерно-технического персонала, переводе на русский язык иностранной литературы. Так, значительную помощь Косогорскому металлургическому комбинату и Тульскому железнодорожному узлу в совершенствовании производственного процесса оказал заведующий кафедрой металловедения А. Д. Глебов [3, с. 132].

Профессорско-преподавательский состав в основном был укомплектован.

На должность заведующего кафедрой сопротивления материалов был принят профессор А. Г. Воробьёв, а на кафедру физики — В. Ф. Юскевич. Заведующими кафедрами были назначены доценты Л. М. Зарудский, С. А. Рагозин и В. Ф. Прейс.

Преподаватель кафедры основ марксизма-ленинизма В. П. Смирнов в апреле 1945 года защитил диссертацию в Московском институте народного хозяйства им. Плеханова и получил учёную степень кандидата экономических наук.

В 1944–1945 учебном году представили к защите докторские диссертации заведующие кафедрами деталей машин доцент А. И. Лампси и технологии машиностроения доцент Д. Р. Тяпкин, кандидатские диссертации — заведующий кафедрой организации производства Д. Г. Соломенцев и преподаватель П. Б. Гольман. В этом учебном году из стен вуза вышло 139 молодых специалистов. На «отлично» свои дипломные проекты защитили В. И. Васильев, В. И. Волков, П. Н. Марков, Г. И. Мухина, Б. М. Подчуфаров, А. Я. Шайденко.

ТМИ помогал колхозам и совхозам. «Каждый убранный килограмм зерна, — говорили студенты, — это удар по врагу, равный пуле автомата, а каждая убранная тонна зерна — это бомба, уничтожающая фашистов и облегчающая борьбу нашим воинам» [3, с. 131].

Свою лепту в общее дело вносили студенческие научно-исследовательские кружки по теоретической механике, металловедению и другим дисциплинам.

Вуз не забывал о бывших фронтовиках. Для инвалидов войны, которых к маю 1945 года насчитывалось 127 человек, для семей погибших защитников Родины были организованы специальные фонды снабжения промышленными товарами. Только в 1944–1945 учебном году 124 инвалидам и семьям погибших было выдано 505 ордеров на промтовары. В ходе месячника помощи инвалидам и семьям погибших было собрано 15 тысяч рублей. Путёвки в пионерский лагерь в первую очередь получали дети погибших.

В течение военных лет в вузе работали кружки, в которых студенты изучали стрелковое оружие, девушки готовились к работе санитарных дружинниц и медицинских сестёр.

Агитколлектив ТМИ насчитывал 80 человек. Возглавлял его доцент кафедры основ марксизма-ленинизма В. П. Смирнов, а на факультетах — преподаватели-коммунисты. Коллектив организовывал лекции и беседы, посвящённые международной и внутренней жизни нашей страны, разъяснял сводки Совинформбюро. Агитаторы рассказывали о героизме советских воинов на полях сражений, о напряжённом труде оставшихся в тылу по обеспечению фронта всем необходимым.

Преподаватели кафедры марксизма-ленинизма выступали с лекциями перед слушателями областных партийных курсов при обкоме ВКП(б), вечернего университета марксизма-ленинизма, в Доме Красной Армии и воинских частях.

В институте проходили встречи с героями Великой Отечественной войны и героями труда.

Состоялась встреча студентов с писателем А. С. Серафимовичем, а профессор Майский прочитал лекции о В. В. Маяковском и А. М. Горьком. Проводились литературно-художественные вечера, посвящённые творчеству А. П. Чехова, М. Ю. Лермонтова, А. С. Грибоедова и других писателей, вечера-диспуты на тему «Культурный облик советского студента», «Просто любовь».

По инициативе комитета комсомола был организован смотр графических работ. Это способствовало улучшению выполнения курсовых проектов и сдаче их в намеченные сроки.

Самое пристальное внимание в вузе уделялось коллективам художественной самодеятельности. Работали различные кружки: хоровой, драматический, сольных выступлений. Самодеятельные артисты организовывали концерты в самом институте, студенческом общежитии, подшефном госпитале, воинских частях, расквартированных в Туле, а также на предприятиях Тулы. Всего за войну студенты дали более 300 концертов.

В вузе регулярно организовывались коллективные просмотры новых кинофильмов, походы в драматический театр. В последний год войны отличники и передовики учёбы, лучшие преподаватели побывали на экскурсиях в Горьком, Ленинграде и в Москве.

Летом 1945 года в доме отдыха под Москвой отдыхало 45 студентов, в плавучем доме отдыха — 18, в санаториях Крыма и Кавказа — 19 человек. 12 студентов, инвалидов Великой Отечественной войны, поправляли своё здоровье в специальных санаториях.

Широкий размах получила спортивно-массовая работа. В вузе работали волейбольная, футбольная, шахматная секции, а также секции военной подготовки и лёгкой атлетики.

На городских соревнованиях секция лёгкой атлетики в 1944–1945 годах завоевала второе, а женская волейбольная команда — первое место. Физкультурники института в том же году принимали участие во Всесоюзном параде в Москве, а спортсмены-легкоатлеты — во Всесоюзных соревнованиях в Киеве.

Шахматная секция ежегодно проводила турниры на первенство факультетов и института. В 1944 году звание чемпиона института завоевал студент А. С. Суэтин. Сеансы одновременной игры давали в вузе мастер спорта Д. Хотемировский и Д. Бронштейн. Шахматная секция работала результативно. Многие студенты, любители шахмат, получили разряды.

Огромную роль для улучшения всего учебно-воспитательного процесса продолжали играть библиотека и читальный зал. В 1944–1945 учебном году было получено 4105 экземпляров книг и библиотечный фонд насчитывал 64165 экземпляров книг. Библиотека полностью обеспечивала книгами студентов первого, второго и третьего курсов.

В помощь преподавателям, занимающимся научно-исследовательской деятельностью, и студентам, готовившим свои дипломные проекты, был создан справочно-библиографический отдел.

Библиотека проводила работу по пропаганде книги. Систематически организовывались выставки книжных новинок, постоянно действовали тематические выставки по заданиям кафедр, а также выставки, посвящённые знаменательным датам и текущим событиям, например, «На фронтах Великой Отечественной войны», «Годовщина Великой Октябрьской социалистической революции», «Ко Дню Советской Армии и Флота», «Ко дню рождения А. М. Горького». Все эти мероприятия способствовали патриотическому воспитанию молодёжи и преемственности поколений.

Наши герои Великой Отечественной

Тульский механический институт вместе со всей страной выдержал все тяготы войны. Свой вклад в разгром врага внесли его студенты, преподаватели, рабочие и служащие.

На Карельском фронте в составе 369-го отдельного зенитного артиллерийского дивизиона воевал студент четвёртого курса В. И. Дербичев. Он прошёл путь от командира взвода до начальника штаба этого дивизиона. Был награждён орденом Отечественной войны II степени, медалями «За отвагу», и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Окончил институт в 1948 году, годом позже снова был призван в армию. Уволился в запас в 1967-м в звании подполковника.

Преподаватели ТМИ А. Н. Ерухов и Н. Д. Киселёв в составе 110-й стрелковой дивизии, сформированной в Туле, участвовали в ожесточённых боях под Могилёвом в 1941 году. Оба они были награждены орденами Красной Звезды.

Студент С. А. Кирпичев после успешного окончания военного училища в звании лейтенанта служил в одной из частей Московского военного округа. Постоянно рвался в бой, на передовую. Погиб в 1942 году под Ленинградом... Рота, которой он командовал, поклялась отомстить за своего командира. Бойцы клятву сдержали.

Фронтовыми дорогами прошёл всю войну четверокурсник И. Ф. Орлов. Начал службу в должности заместителя политрука, продолжил её комиссаром батареи, а после окончания курсов воевал в должности командира батареи. В партию вступил на передовой в 1942 году. Принимал участие в боях на дальних подступах к Москве, при освобождении города Малая Вишера, при прорыве обороны противника при освобождении городов Ельни, Смоленска, Рославля, при прорыве обороны финнов на Карельском перешейке, севернее Ленинграда и в боях за освобождение Выборга. Освобождал Румынию, Венгрию, Австрию. И. Ф. Орлов — кавалер ордена Красного Знамени, двух орденов Отечественной войны I степени, удостоен 17 благодарностей Верховного Главнокомандующего.

Вместе с И. Ф. Орловым на фронт ушёл Павел Городилин. Он был зачислен в 4-й танковый полк и сначала служил в сапёрном отделении, а затем в разведке. Весной 1942 года Павел Городилин был тяжело ранен. Тульский механический институт он окончил только в 1948 году.

А. И. Фатеев был призван в армию со студенческой скамьи осенью 1940 года и зачислен артиллеристом в танковую часть. Когда началась Великая Отечественная война, Алексей Фатеев вместе со своей частью оказался на передовой. На счету артиллериста в составе танкового экипажа было немало подбитых танков, уничтоженных орудий и миномётов, разрушенных укреплений, убитых солдат и офицеров противника. Летом 1942 года их экипаж получил новый танк КВ и прибыл в свою гвардейскую часть.

Танк назывался «Беспощадный». Он был изготовлен на средства лауреатов Государственной премии — поэтов В. Гусева, С. Маршака, С. Михалкова, Н. Тихонова, художников М. Куприянова, П. Крылова и Н. Соколова. Они же и вручили его экипажу. Бойцы дрались беспощадно. Все члены экипажа стали коммунистами и были представлены к правительственным наградам.

Экипаж «Беспощадного» отличился в тяжёлых, кровопролитных боях севернее Жиздры, начавшихся в конце февраля 1943 года и продолжавшихся до середины марта. 3 марта 1943 года Алексей Фатеев пал смертью героя.

Многие студенты, ушедшие в ряды Красной Армии, были направлены в танковые, артиллерийские и другие училища для подготовки командного состава.

Четверокурсник И. П. Лабазов после окончания танкового училища стал командиром танка Т-34. Боевое крещение он принял в июле 1943 года, был серьёзно ранен и отправлен в госпиталь, вернулся в строй и прошёл по фронтовым дорогам до конца войны. Демобилизовался в 1946 году, а через два года окончил вуз.

Танкистами были студенты В. А. Архипов, В. Е. Егоров, Г. И. Мыскин и другие.

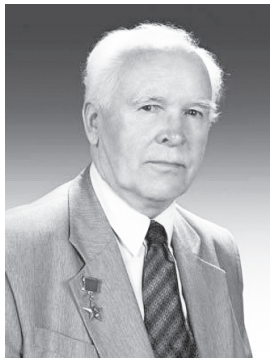
27 сентября 1943 года в жарком бою под Смоленском танк В. А. Архипова был подожжён. Экипаж сумел выбраться из машины, но попал под миномётный огонь врага. Разорвавшейся миной были убиты Архипов и механик. Мать лейтенанта Архипова, Мария Егоровна, после смерти сына получила его орден Отечественной войны II степени.

В 1943 году под Курском пал смертью храбрых командир танкового взвода лейтенант Г.И. Мыскин, а в 1944-м под Ровно — капитан В. Г. Егоров.

Не вернулись с полей сражений Великой Отечественной войны студенты С. А. Голованов, Е. П. Краснюк, Н. М. Крылов, В. И. Макаров, Н. В. Минаев, Я. Е. Пендрик, Н. Г. Петров, В. Н. Раев, рабочие и служащие К. С. Амазов, С. П. Засовкин, И. М. Захаров, Е. С. Коликов, И. Е. Коликов, В. Е. Купор, Н. Л. Лавров, Ф. В. Лапшин, А. И. Савельев, И. Е. Сурков, И. С. Федин, В. Я. Филин, С. Г. Чвирев и И. И. Шевцов.

Не только люди, но и здания института служили делу защиты своей родной земли. Формирование Тульского рабочего полка проходило в корпусах ТМИ. Территория вуза стала передним краем обороны Тулы.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 3 декабря 1966 года за мужество и стойкость, проявленные защитниками Тулы при героической обороне города, сыгравшей важную роль в разгроме немецко-фашистских войск под Москвой в период Великой Отечественной войны, Тула была награждена орденом Ленина, а Указом Президиума Верхов-



Василий Петрович Грязев

ного Совета СССР от 7 декабря 1976 года городу Туле было присвоено почётное звание «Город-герой» с вручением медали «Золотая Звезда».

Немалая в том заслуга и Тульского механического института.

Об отце

Уже после войны, 11 сентября 1945 года, сдав математику, физику, химию и иностранный язык на «хорошо», а литературу на «отлично», на первый курс спецфакультета Тульского механического института поступил мой отец Василий Петрович Грязев — будущий выдающийся советский и российский конструктор автоматического артиллерийского и стрелкового вооружения. Родился он 4 марта 1928 года в семье рабочих. Рано остался сиротой: мать умерла, когда ему было два года, отец — когда исполнилось 14 лет.

О детстве отца и его судьбе я написал во второй книге воспоминаний и размышлений поколений «Мы помним...» [2, с.123–128]. Война дала импульс всей его последующей жизни — вместе с другими ребятами он собирал на полях трофейное оружие, разбирал и изучал его, да так увлекся, что решил стать конструктором.

Об отце написано немало. Так, Е. М. Калашникова приводит слова отца о детстве:

«До подхода Гудериана к Туле я учился в школе № 13. Многие это здание знают. Это на Хлебной площади, на улице Пирогова, красное четырёхэтажное здание — школа № 13. Поскольку она находилась практически на базаре, то это была самая отчаянная школа. Там шпаны, хулиганья и прочих таких элементов, которые доводили наших учителей, было более чем достаточно» [3].

Большую книгу об отце написал А. Г. Белов [4]. Он тоже рассказывает о военном периоде в жизни В. П. Грязева и послевоенной студенческой юности.

В ходе декабрьского контрнаступления наших войск немцев от Тулы удалось отогнать раз и навсегда. В феврале 1942 года занятия в школах города возобновились. Но поскольку 13-я школа была еще занята, некоторое время её ученики проучились в школе № 6, что на улице Жуковского.

В этой школе № 6 Вася Грязев учился в седьмом и восьмом классе в самый разгар войны.

Потом эту школу перевели в самый центр города, на угол улиц Советской и Коммунаров (теперь проспект Ленина). Здание впоследствии не сохранилось, его снесли, но в нем на какой-то период остались учиться девочки, когда в стране было введено раздельное обучение в зависимости от пола.

Мужская школа обосновалась на перекрестке Учётного и Центрального переулков. Когда-то здесь находилась Перовская гимназия, а после отхода немцев — мужская школа № 4, которую ребята прозвали «бурсой».

Такое наименование ей дали не столько за строгость нравов в соответствии с законами военного времени, сколько за контингент обучающихся. Сюда собрали ребят со всего города, которые не эвакуировались со своими семьями. В классе, где оказался Вася Грязев, было 17 человек.

Для мальчишек, окончивших школу в победном сорок пятом, не возникало никаких сомнений, куда идти учиться дальше. Конечно, в механический. Но там оказалось два факультета: засекреченный спецфакультет и механико-технологический. Причем на первом имелось два направления: оружейно-пулеметное (ОП) и патронно-гильзовое (ПГ).

Война, конечно, приблизила отца к стрелковому оружию. Поэтому он выбрал специальный факультет: оружейно-пулемётную специальность. Его группа так и называлась: ОП — оружейно-пулемётная. К тому же, руководство Механического института тогда хорошо поработало — в конце войны очень много было трофейного оружия разных стран: японского, китайского, итальянского, шведского, норвежского производства.

Первый послевоенный набор студентов состоял из бывших фронтовиков в шинелях и гимнастерках, вернувшихся из эвакуации молодых производственников в телогрейках, а также совершенно не обстрелянных выпускников городских и сельских десятилеток.

Большинство студентов материально обеспечены были крайне скромно, одевались неважно, возможности развлечений были ограничены. Они пришли в холодные аудитории и на переменах, чтобы согреться, устраивали возню. Но занятий не пропускали, к экзаменам готовились в основном по конспектам учебников, которых в библиотеке не хватало.

Начинали учиться 120 человек, сразу после первого семестра половина отсеялась, закончило обучение ещё меньше студентов.

7 июня 1951 года Василий Петрович Грязев получил диплом с отличием и квалификацию инженера-механика по специальности «Разработка и производство автоматического оружия».

Его направили в город Подольск — в научно-исследовательский институт стрелково-пушечного вооружения авиации. Там он трудился по 1966 год, пройдя путь от техника до главного конструктора НИИ-61 (ЦНИИ Точмаш).

Аркадий Георгиевич Шипунов, возглавивший Конструкторское бюро приборостроения, в 1966 году пригласил Василия Петровича на работу в Тулу. Грязев долгие годы занимал пост заместителя руководителя — главного конструктора по стрелково-пушечному вооружению Тульского КБП.

Василий Петрович преподавал на кафедре «Расчёт и проектирование автоматических машин» (впоследствии «Стрелково-пушечное вооружение»), читал открытые лекции, в течение 4,5 лет заведовал кафедрой.

Конструктор Грязев — Герой Социалистического Труда, лауреат двух Государственных премий СССР, четырёх премий им. С. И. Мосина, премии Правительства Российской Федерации в области образования, доктор технических наук, профессор, действительный член Российской инженерной академии и Российской академии ракетных и артиллерийских наук, Почётный гражданин Тулы и Тульской области.

Василий Петрович Грязев поставил на вооружение Советской и Российской армий 39 образцов оружия.

В Туле хранят память об этом замечательном человеке. В городе есть улица его имени. Бюсты конструктора установлены на Аллее славы перед Тульским государственным музеем оружия и на территории Конструкторского бюро приборостроения им. академика А. Г. Шипунова.

Имя Василия Петровича Грязева носит одно из структурных подразделений Тульского государственного университета — Институт высокоточных систем. На фасадах 1-го учебного корпуса вуза и дома, где конструктор прожил 42 года, установлены мемориальные доски.

Сторожевой корабль «Василий Грязев» бороздит воды Балтийского моря, охраняя священные рубежи нашей страны. Судно вооружено разработками ГШ.

Вся жизнь отца — в его словах: «Максимально сделать все возможное для своей страны в течение жизни на полную катушку, с полной отдачей».

Мне в жизни повезло дважды: во-первых, посчастливилось родиться в семье Василия Петровича и Лидии Михайловны Грязевых, где царили творчество, любовь и взаимопонимание, и во-вторых, учиться и работать в ТулГУ — Тульском политехническом институте — ТМИ.

Литература и источники

1. Кузница инженерных кадров. — Тула: Приок. кн. изд-во, 1980.

2. *Грязев М.В.* Отец. Конструктор. Человек // Мы помним... 1941 г. Часть 1. Книга воспоминаний и размышлений поколений / Под ред. Ю. М. Осипова, Л. И. Ростовцевой. — Тула: Гриф и К°, 2012. С. 123–128.

3. *Калашникова Е.М.* Разговор с оружейником. — Ижевск: Ижевский полиграфический комбинат, 2014.

4. *Белов А.Г.* От пистолета до гаубицы: жизнь и деятельность конструктора В. П. Грязева. — Тула: Издательский Дом «Пересвет», 2003.

ИНТЕРНЕТ-ПОРТАЛ «ПАРТИЗАНЫ БЕЛАРУСИ»: ВИРТУАЛЬНАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ПАРТИЗАНСКОЙ БОРЬБЫ НА ТЕРРИТОРИИ БССР В 1941–1944 гг. И ЭЛЕКТРОННАЯ КАРТОТЕКА ЕЕ УЧАСТНИКОВ

Скоморощенко Михаил Николаевич, 31 год,
заведующий отделом публикаций ГУ «Национальный архив Республики Беларусь», г. Минск

Логотип портала «Партизаны Беларуси»

Партизанское движение на белорусской земле в годы Великой Отечественной войны — явление уникальное. И не только с позиций военной истории, вклада «народных мстителей» в освобождение белорусской земли и общемировую Победу над нацизмом, но и с точки зрения количественного и качественного состава участников. Размах народной войны, урон, нанесенный партизанами оккупантам, принес Беларуси неофициальное, но заслуженное и весьма почетное звание «республика-партизанка».

Общеизвестно, что нашу республику летом 1944 года в рамках операции «Багратион» освобождали воины 1-го, 2-го и 3-го Белорусских и 1-го Прибалтийского фронтов. Но все профессиональные историки-исследователи объективно отмечают, что в тылу врага на белорусской земле в это время фактически действовал и пятый фронт — Партизанский. Самый настоящий фронт со своим централизованным руководством, своими генералами и комбригами, Героями Советского Союза, опытными бойцами и специалистами. По данным отдела кадров Белорусского штаба партизанского движения (БШПД), к концу освобождения Беларуси от немецких захватчиков в рядах партизан насчитывалось 373 942 человека.

Говоря о партизанской борьбе на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны, нельзя не упомянуть о ее многонациональном характере. Притом, что основу движения составляли белорусы (по данным отдела кадров БШПД 71%), в нем принимали участие представители около 50 национальностей и народностей, среди которых были не только граждане Советского Союза, но и немцы, бельгийцы, голландцы, французы, югославы, греки, словаки, чехи и многие другие.

Необходимо отметить, что уже в годы войны и в послевоенный период была проведена огромная работа по сохранению «партизанских» документов и учету партизанских кадров. До конца XX века комплекс документов белорусских партизанских и подпольных формирований находился на хранении в Партархиве ЦК КПБ, доступ к материалам которого был ограничен. Сегодня эти уникальные документальные свидетельства хранятся в Национальном архиве Республики Беларусь (НАРБ) и являются объектом постоянного интереса со стороны исследователей — историков, архивистов, археографов. По базе данных материалов написаны десятки диссертаций, изданы сотни монографий и сборников, опубликованы тысячи статей, подготовлены многочисленные выставки, теле- и радиопередачи.

В целом тема партизанской борьбы на белорусской земле в годы Великой Отечественной войны была одной из доминирующих в отечественной военной историографии — как советской, так и современной. Хорошо известны имена и биографии белорусских партизанских комбригов, генералов и Героев Советского Союза, таких как М. Ф. Шмырев, В. З. Корж, П. М. Машеров, Т. П. Бумажков, Ф. И. Павловский и др. При этом общественность не так много знает о подвигах «обычного партизана» — рядовых бойцов и младших командиров, радистов и подрывников, связных и пулеметчиков, одним словом, всех тех, кто ежедневно выполнял боевые задания и своим ратным трудом приближал освобождение Беларуси и Победу в Великой Отечественной войне.

Вопрос о создании учетной персонифицированной базы данных (БД) на участников партизанской и подпольной борьбы по имеющимся документальным материалам в НАРБ неоднократно рассматривался и прорабатывался, однако по ряду объективных причин подобный проект ранее так и не был реализован. В то же время, у архивистов не вызывало сомнения, что именно привлечение современных технологий позволит в новой форме представить информацию о партизанском движении, обобщить имеющиеся наработки, дополнить их, реализовать новые подходы в подаче информации, которые позволят максимально доступно донести объективную историю партизанской борьбы на белорусской земле в годы Великой Отечественной войны до широкой общественности.

Поэтому, когда летом 2018 года в НАРБ обратилась инициативная группа, среди членов которой были представители учреждения Администрации Президента Республики Беларусь «Издательский дом «Беларусь Сегодня» (ИД «Беларусь Сегодня»), с предложением о создании информационного электронного ресурса и персонифицированной БД на белорусских партизан и подпольщиков — их слова были услышаны, а идея поддержана.

24 июля 2018 года в НАРБ состоялось расширенное заседание Ученого совета архива с участием ведущих специалистов из Института истории НАН Беларуси, Белорусского государственного музея истории Великой

Отечественной войны и других компетентных организаций и учреждений, на котором обсуждались возможные направления и подходы в работе по созданию электронного интернет-портала «Партизаны Беларуси». Было принято решение заложить в основу БД уникальный корпус первоисточников — наградные материалы на партизан и подпольщиков из архивного фонда НАРБ № 1450 «Белорусский штаб партизанского движения».

5 сентября 2018 года между НАРБ и ИД «Беларусь Сегодня» было подписано Рамочное соглашение о создании информационного интернет-ресурса, посвященного истории партизанского движения на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны.

16 октября 2018 года Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко подписал Указ № 408, которым был утвержден План подготовки и проведения мероприятий по празднованию 75-й годовщины освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков и Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Пунктом 27 данного Плана мероприятий предусмотрено «создание общедоступной базы данных о партизанах и подпольщиках, действовавших на территории Беларуси во время Великой Отечественной войны, и информационного интернет-портала «Партизаны Беларуси».

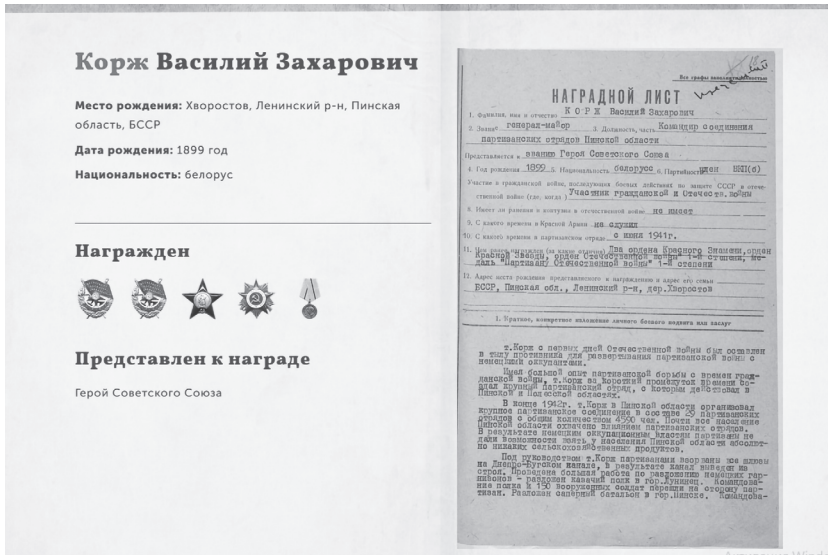
В соответствии с принятой концепцией портал должен представлять собой виртуальную энциклопедию партизанского движения на территории Беларуси в 1941–1944 годах. В тематических разделах и подразделах («Партизаны-герои», «Легендарные комбриги», «Бои, сражения, подвиги» и др.) размещается связанная и взаимодополняющая информация: текстовые статьи, копии документов, иллюстративный материал (фотографии, карты, планы и т.д.).

Краеугольным элементом портала и одним из ключевых направлений деятельности в рамках реализации данного проекта является создание общедоступной персонифицированной БД о партизанах, действовавших на территории БССР в 1941–1944 годах. В основе структуры данной БД — размещенные в онлайн-доступе индивидуальные электронные карточки на партизан и прикрепленные к ним цифровые копии архивных документов (ЦКД). Текстовые графы в электронных карточках заполняются операторами вручную, что предоставляет пользователям возможность осуществлять поиск по одному или нескольким параметрам, обобщать информацию и т.д. Посетители портала могут найти интересующего человека, имея самые минимальные сведения о нем: используемый алгоритм позволяет осуществлять поиск по одной фамилии или имени (даже с учетом возможных ошибок или схожих вариантов написания). В расширенном поиске можно «сузить» поисковые рамки по дате или месту рождения, национальности или должности в отряде, по наградам либо партизанскому формированию.

Для реализации проекта в НАРБ приказом директора архива создана рабочая группа из представителей основных структурных подразделе-

ний. Определены основные направления, этапы и объемы работ по проекту, согласован и подписан план совместных действий с представителями рабочей группы от ИД «Беларусь Сегодня».

Члены рабочей группы со стороны НАРБ взяли на себя научно-методическое сопровождение проекта, а также комплекс работ по выявлению, анализу, отбору, подготовке (расшивка дел, при необходимости — ремонт и реставрация) и оцифровке документов. В частности, были изучены и определены приблизительные объемы корпуса документальных источников, их видовое разнообразие и степень информативности сопутствующих документов. Для научно-методического сопровождения процесса ввода информации операторами в программный модуль БД был подготовлен и передан в ИД «Беларусь Сегодня» ряд перечней («Примерный перечень должностей в партизанских формированиях Беларуси»; «Примерный перечень национальностей и народностей в партизанских формированиях Беларуси»; Перечни партизанских формирований с указанием командиров (по областям БССР) и др.). Также для оформления и наполнения портала был выявлен, отобран, обработан и предоставлен в адрес ИД «Беларусь Сегодня» комплекс иллюстративных документов по теме.



Электронная карточка партизана

В целях проведения качественной и оперативной оцифровки документов архивом в 2018 году в дополнение к имеющимся были приобретены 2 планетарных (книжных) сканера ЭЛАР План Скан А2ВЦ-400. ИД «Беларусь Сегодня» на время проведения проекта предоставляет

во временное пользование архиву 1 планетарный (книжный) сканер Элар Скан А2-400РА. По состоянию на начало марта 2020 года в рамках реализации проекта работниками НАРБ оцифровано более 135 тысяч листов документальных материалов (что составляет более 195 тысяч файлов).

Представителями НАРБ также ведется планомерная информационная поддержка и популяризация проекта в СМИ и на научно-практических мероприятиях (конференциях, круглых столах, презентациях и др.).

В соответствии с двухсторонним планом ИД «Беларусь Сегодня», в рамках работы над совместным проектом, взял на себя разработку и техническое сопровождение программной оболочки БД и портала, а также организацию работы по вводу информации в электронные формы персонифицированных карточек партизан (необходимо отметить, что к данной работе активно привлекаются и студенты ВУЗов).

1 июля 2019 года — в юбилей 75-летия освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков и в преддверии Дня Независимости — на базе НАРБ состоялось торжественное мероприятие по официальному открытию информационного портала «Партизаны Беларуси» и запуску общедоступной персонифицированной БД (адрес электронного ресурса — partizany.by). На момент запуска в БД насчитывалось около 36 тысяч персональных электронных карточек участников партизанского движения и подпольной борьбы. По состоянию на 15 марта 2020 года данная цифра составляет уже более 82 тысяч.

Реализация данного проекта, помимо важнейшей мемориальной функции, призвана способствовать решению целого комплекса задач, среди которых можно выделить:

— научно-образовательную и информационную (в процессе наполнения портала и БД изучаются многочисленные разносторонние аспекты партизанского движения на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны; формируется иллюстративная и документальная источниковая база для дальнейшего более глубокого изучения темы; создается комплексная «научная площадка» для ее свободного онлайн использования в научных целях и популяризации объективных знаний о партизанском движении как в Беларуси, так и за рубежом);

— социально-консолидирующую и воспитательную (проект призван повысить интерес к истории семьи и поиску данных о ее членах – участниках партизанской борьбы; через знание Подвига и воспитание уважительного отношения к ветеранам сформировать крепкую связь и преемственность поколений белорусского народа, чувство патриотизма).

Нельзя забывать и о том, что в партизанском движении на территории БССР принимали участие представители более 70 различных национальностей и народностей, и сегодня БД, размещенная в открытом доступе, предоставляет возможность людям из различных стран уста-

новить сведения о своих родственниках, принимавших участие в борьбе с нацизмом вдалеке от своей Родины — на белорусской земле.

Документальную основу общедоступной БД на данном этапе составляет наградная документация из фонда БШПД. Примерный объем данных архивных материалов (помимо наградного листа в делах могут отложиться и другие «сопутствующие» документы – характеристики, справки, выписки из приказов и т. д.) — более 178 тысяч листов. Общий объем материалов в архивном фонде БШПД, который предполагается разместить в открытом доступе в рамках работы над данным проектом, по предварительным подсчетам составляет более 450 тысяч листов (из них ряд двусторонних), в т.ч.: листки по учету кадров на рядовой состав партизанских формирований (около 149 тысяч листов); документы на командный и начальствующий состав партизанских формирований (более 108 тысяч листов); личные дела на сотрудников БШПД и копии личных дел партизан-генералов и Героев Советского Союза (более 12 тысяч листов) и др.

Бесспорно, при реализации данного проекта членам рабочих групп пришлось столкнуться с целым рядом трудностей — как методологического, научного, так и практического характера: начиная от выстраивания автоматизированного алгоритма передачи ЦКД и распределения его между операторами для набора, до выявления «белых» и «серых пятен» в отечественной историографии по вопросам партизанского движения на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны.

В завершение, на наш взгляд, необходимо особым образом акцентировать внимание на некоторых аспектах. Исходя из объема материалов, отобранных для размещения в широком открытом доступе в рамках БД и портала, данный проект изначально позиционируется как многоэтапный и многолетний. В соответствии с изначально принятой концепцией, основу контента портала и персонифицированной БД составляют документальные источники из фондов НАРБ. То есть, если на каком-то этапе в БД не окажется электронной карточки на конкретное лицо, это вовсе не будет однозначно свидетельствовать о том, что данный человек не принимал участие в партизанской борьбе. Это также может означать, что либо информация о нем еще не внесена в БД, либо по каким-то причинам документы об его участии не отложились в фонде БШПД. В перспективе, после завершения комплекса работ с отобранным корпусом документов из фондов НАРБ для дополнения БД могут привлекаться и другие источники (документы личного происхождения, материалы из музейных фондов и т.д.).

Дальнейшее наполнение БД и размещение документального контента на информационном портале будет продолжаться в плановом режиме. Работа не прерывается, и каждый день электронная картотека партизан и подпольщиков Беларуси пополняется новыми именами.

УРОЖЕНЦЫ ТУЛЬСКОЙ ЗЕМЛИ — ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЕ И ПОЛНОМОЧНЫЕ ПОСЛЫ, УЧАСТНИКИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Туровский Александр Евгеньеввич, 64 года,
начальник отдела в Департаменте кадров
Министерства иностранных дел
Российской Федерации,
Член Союза писателей России,
г. Москва

Мои корни — в Тульском крае. Папа Евгений Анисимович Туровский (1926–2010) – участник Великой Отечественной войны. Закончил войну старшим сержантом, демобилизовался старшим лейтенантом. Был направлен в г. Суворов Тульской области. Учился, работал инженером в Суворовском рудоуправлении, возглавлял Народную дружину.

Мама Валентина Павловна Хромова (1928–2012) родилась в Туле. Воспитывалась в Воскресенском детском доме в Тульской области, так как рано потеряла родителей. С 1942 г. делала снаряды для «Катюш» в Златоусте. Поскольку 14-летняя Валюша была небольшого росточка, ей сделали деревянную подставку, чтобы работать на станке. Работали и день, и ночь, причем под открытым небом, так что ноги болели. Потом всю жизнь она будет страдать болями в ногах и вспоминать те уральские дни. После войны в Суворове мама более 40 лет проработала медицинской сестрой в профилактории. До сих пор суворовцы старших поколений помнят ее и вспоминают добрым словом.

В 1970-е гг. вместе со своей сестрой Галиной поехала в Златоуст — захотелось побывать в местах своей юности. Зашли на завод и там мама встретила своего наставника, обучавшего ее работе на станке. Тот сразу же узнал девчонку: «Валя? Хромова? — сказал он. — Как же забыть? Такая маленькая, а усердная была».

К 75-летию Великой Победы Ассоциация российских дипломатов подготовила сборник «С рубежей фронтовых на рубежи дипломатические. Малоизвестные страницы российской дипломатии», содержащий биографические очерки о Чрезвычайных и Полномочных послах — участниках Великой Отечественной войны. В нем, к моему огромному удовольствию, представлены биографии и наших земляков — четырех фронтовиков, удостоенных высшего дипломатического ранга, уроженцев Тульской области. Знакомство с их именами и биографиями, уверен, вызовет у туляков неподдельный интерес и чувство

гордости. Всего более 160 фронтовиков были удостоены высшего дипломатического ранга и в качестве послов представляли наше государство в разных странах мира и в международных организациях.

В обращении к читателям министра иностранных дел С. Лаврова говорится:

«Наша страна, все народы бывшего СССР сыграли решающую, ключевую роль в сокрушении гитлеровской военной машины, разгроме идеологии человеконенавистничества, освобождении Европы и мира от ужасов «коричневой чумы».

Свой вклад в достижение Победы внесли сотрудники отечественного внешнеполитического ведомства. Тогда, как и во все переломные в истории Родины времена, дипломаты исполняли свой патриотический и профессиональный долг, в том числе с оружием в руках. Общее число сотрудников НКИД[1] — вступивших в ряды народного ополчения и призванных в действующую армию — составило порядка 240 человек. За их плечами — славный боевой путь.

После войны многие вернулись на дипломатическую службу. Помимо этого, в дружный мидовский коллектив влились сотни других фронтовиков. Все они плодотворно трудились на различных отечественных постах. А более 160 участников Великой Отечественной войны были удостоены высшего дипломатического ранга.

Убежден, что данное издание будет способствовать сбережению исторической памяти, сохранению лучших традиций Смоленской площади и вызовет интерес у широкого круга читателей» [1, с. 6].

Зайцев Григорий Титович (1902–1990) — советский дипломат. Ранг Чрезвычайного и Полномочного Посла. В 1930 году окончил Московский институт востоковедения имени Н. Н. Нариманова, в 1938 г. — Институт красной профессуры и в этом же году — Высшую школу парторганизаторов при ЦК ВКП(б); в 1941 г. — Высшие курсы усовершенствования комсостава; в 1943 г. — Курсы «Выстрел». Владел английским и персидским (фарси) языками.

Родился в 1902 г. в селе Черноусово Чернской волости Тульской губернии. До 1919 г. жил, учился и работал в родном селе. В 1919–1922 гг. — станочник на Тульском оружейном заводе; в 1922–1923 гг. — инструктор Чернского земельного управления Тульской области. В 1923–1926 гг. — служил в РККА в 154-м кавалерийском полку в качестве рядового. После демобилизации устроился работать слесарем Подольского механического завода Московской области. В 1927–1930 гг. — студент Московского института востоковедения. В 1930–1933 гг. — директор АО «Иранхлопок» (г. Тегеран). В 1933–1935 гг. — старший научный сотрудник Аграрного института (г. Москва). В 1935–1938 гг. — слушатель Института красной профессуры; в 1938–1941 гг. — начальник отдела Госплана СССР.

В 1941–1943 гг. — комиссар 14-й воздушно-десантной бригады 2-й гвардейской воздушно-десантной дивизии, начальник политотдела 2-й гвардейской воздушно-десантной дивизии. В феврале — июле 1943 г. принимал непосредственное участие в боевых действиях.

В 1943–1944 гг. — слушатель Высших академических курсов РККА. После их окончания с августа 1944 г. — заместитель заведующего Средне-Восточным отделом НКИД. В ноябре 1944–1949 гг. — посланник СССР в Ираке. В 1949 г. — вновь заместитель заведующего Средне-Восточного отдела МИД СССР.

В 1949–1953 гг. — посол СССР в Королевстве Нидерланды. В 1953–1958 гг. — руководитель Отдела стран Ближнего и Среднего Востока/Отдела стран Ближнего Востока МИД СССР.

В июле 1958 — сентябре 1961 гг. — посол СССР в Иракской Республике. В 1961–1963 гг. вновь руководил Отделом стран Среднего Востока МИД СССР.

В июне 1963 — декабре 1967 — посол СССР в Иране. В 1967 г. — отставка.

Награды:

- орден «Знак Почета»,
- орден Трудового Красного Знамени,
- медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»,
- юбилейные и многие другие медали [1, с. 108–109].

В.А. Рославцев

Рославцев Василий Алексеевич (1915–1989) — советский дипломат. Ранг Чрезвычайного и Полномочного Посланника 2-го класса. В 1940 году окончил Московский горный институт имени И. В. Сталина, в 1952 г. — Высшую дипломатическую школу (ВДШ) МИД СССР, в 1963 г. — Курсы усовершенствования дипломатических работников МИД СССР. Владел английским и немецким языками.

Родился в 1915 в г. Новосиль Тульской губернии (сегодня Орловская область) в рабочей семье. Начиная с 8 лет, учился в школе-семилетке и одновре-

[1] НКИД — государственный орган СССР, ответственный за проведение внешней политики Советского государства в 1923–1946 гг. 30 декабря 1922 г. I Всесоюзный съезд Советов СССР утвердил Договор об образовании СССР. II сессия Центрального исполнительного комитета (ЦИК) СССР одобрила Конституцию СССР 6 июля 1923 г., и в соответствии со ст. 49, 51 был образован Народный комиссариат по иностранным делам СССР. В соответствии с Конституцией, принятой 5 декабря 1936 г., НКИД изменил название и стал называться Наркомат иностранных дел. В 1946 г. НКИД СССР преобразован в Министерство иностранных дел (МИД) СССР. — *Прим. ред.*

менно работал (1927–1929 гг.) мальчиком (батраком) у частного торговца Макарова в Новосиле. В 1929 г. поступил в Новосильский педагогический техникум. Учился до 1932 г., однако из-за тяжелого материального положения не окончил техникум и уехал в Москву, где стал работать фрезеровщиком на фабрике «Кардо-Лента» (1932–1934 гг.), а по вечерам учился на рабфаке. По окончании рабфака сдал экзамены в Московский горный институт им И.В. Сталина, который закончил в 1940 г., получив специальность горного инженера. Был направлен работать в Институт горного дела Академии наук СССР младшим научным сотрудником.

В 1941 г. мобилизован в действующую армию. Участвовал в Великой Отечественной войне с самого ее начала и до конца. На фронте трижды был ранен. В 1941–1945 гг. — командир взвода, батареи, дивизиона 3-й артиллерийской дивизии 116-й тяжелой гаубичной артиллерийской бригады на Западном, Калининском, Брянском, 1-м Украинском фронтах. За образцовое выполнение боевых заданий Командования на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками награжден пятью орденами и медалями. Демобилизован в звании майора. В декабре 1945 — сентябре 1950 — инструктор Московского обкома ВКП(б).

В 1950–1952 гг. — слушатель Высшей дипломатической школы (ВДШ) МИД. Являлся отличником учебы и членом партийного бюро ВДШ. В 1952–1954 гг. — первый секретарь II Европейского отдела МИД СССР. В 1954–1958 гг. — сотрудник миссии СССР в Новой Зеландии. Избирался секретарем парторганизации. При его непосредственном участии массовым тиражом еженедельно выпускался бюллетень «Советские новости». В 1958–1960 гг. — в Центральном аппарате МИД СССР был членом местного комитета министерства.

В 1960–1962 гг. — советник посольства СССР в Бирме. За время пребывания в стране дважды (в течение девяти месяцев) оставался временным поверенным в делах СССР в Бирме и успешно справлялся с работой. В это время там шла гражданская война. По поручению Советского правительства подписал с бирманской стороной два соглашения по экономическим вопросам.

В 1962–1963 гг. — слушатель Курсов усовершенствования руководящих дипломатических работников МИД СССР. В 1962–1968 гг. — советник отдела Южной Азии МИД СССР. Являлся заместителем секретаря партбюро и руководителем постоянно действующего теоретического семинара отдела Южной Азии.

Неоднократно получал благодарности за добросовестную работу в приказах по министерству. Занесен на Доску почета парткома как лучший пропагандист министерства.

В ноябре 1968 — июне 1973 гг. — посол СССР в Государстве Маврикий. Подписал с маврикийцами несколько межправительственных соглашений о рыболовстве, культурном и научно-техническом обмене и др. По его

инициативе в столице Маврикия был сооружен памятник В.И. Ленину, который открыл премьер-министр этой страны. При непосредственном участии посла было создано Общество маврикийско-советской дружбы.

В 1974–1980 гг. — в руководстве III Африканского отдела МИД СССР. Являлся членом совета по организационно-партийной работе при парткоме МИД СССР, руководителем теоретической конференции парторганизации III Африканского отдела МИД СССР, членом Совета ветеранов войны МИД СССР. С января 1980 г. — отставка. Персональный пенсионер союзного значения.

Награды:

- орден Красного Знамени,
- орден Александра Невского,
- орден Отечественной войны I степени,
- орден Отечественной войны II степени,
- орден Красной Звезды,
- два ордена «Знак Почета»,
- медали «За освобождение Праги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», юбилейные медали [1, с. 211–212].

Толстиков Василий Сергеевич (1917–2003) — советский дипломат. Ранг Чрезвычайного и Полномочного Посла. В 1940 году окончил Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта.

Родился в 1917 в г. Туле. В 1932 г. после окончания семилетки поступил в Тульский строительный техникум треста «Москвауголь», по окончании которого работал в 1934–1935 гг. — десятником, техником, прорабом треста «Москвауголь» (г. Тула) на строительстве шахт. В 1935–1940 гг. — студент Ленинградского института инженеров железнодорожного транспорта, по окончании которого получил специальность инженера-строителя. В августе 1940 г. призван в пограничные войска и работал главным инженером Военного строительного управления № 6 военно-строительного отдела погранвойска г. Сортовала (тогда поселок Сердоболе) Карело-Финской АССР.

В.С. Толстиков

С начала Великой Отечественной войны в действующей армии на Ленинградском и 3-м Украинском фронтах в составе саперных частей: рядовой, адъютант, помощник начальника 2-го отдела, старший помощник начальника 2-го отдела штаба 20-й и 65-й инженерно-саперной бригады. Дважды ранен, награжден тремя орденами и медалями.

В наградном листе говорится: «...В период наступления наших войск с 20.03.45 г. гв. ст. лейтенант

Толстиков руководил разминированием дороги переправой войск через канал Елуша. Под его руководством снято 1060 мин — наших и противника.

В наиболее напряженные моменты тов. Толстиков личным примером отваги и мужества воодушевлял личный состав на точное и быстрое выполнение боевой задачи, чем способствовал успеху наших войск.

Достоин правительственной награды — ордена «Отечественной войны I степени».

После демобилизации в звании старшего лейтенанта в 1946–1949 гг. — начальник строительного участка, начальник отдела треста «Ленстройцветмет» (г. Ленинград). В 1949–1952 гг. — главный инженер Ремонтно-строительного треста Октябрьского района г. Ленинграда. В 1952 г. — заместитель заведующего отделом городского хозяйства Ленинградского горкома ВКП(б). в 1952–1954 гг. — заместитель заведующего отделом строительства и стройматериалов Ленинградского обкома КПСС. В 1954–1956 гг. — первый секретарь Гатчинского райкома КПСС Ленинградской области. В 1956–1957 гг. — заместитель председателя Исполкома Ленинградского областного Совета депутатов трудящихся. В 1957–1960 гг. — первый заместитель председателя Исполкома Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся. В 1960–1963 гг. — секретарь, второй секретарь, первый секретарь Ленинградского обкома КПСС. В 1963–1964 гг. — первый секретарь Ленинградского промышленного обкома КПСС. В 1964–1970 гг. — первый секретарь Ленинградского обкома КПСС.

В 1970–1978 гг. — посол СССР в КНР. В декабре 1978 г. назначен послом СССР в Королевстве Нидерланды, а в мае 1982 г. освобожден от этой должности. С июля 1982 г. — отставка.

Награды:

- орден Отечественной войны I степени,
- орден Красной Звезды,
- орден Отечественной войны II степени,
- четыре ордена Ленина,
- орден Дружбы народов,
- медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», юбилейные и другие награды [1, с. 260–261].

Шубников Николай Михайлович (1924–2004) — советский и российский дипломат. Ранг Чрезвычайного и Полномочного Посла. В 1950 году окончил Военный институт иностранных языков (ВИИЯ), в 1963 г. — ВДШ МИД СССР. Владел корейским и английским языками.

Родился в 1924 в г. Туле. С декабря 1941 по июль 1942 гг. — контролер ОТК завода № 314 г. в Медногорске Оренбургской области.

С июля 1942 г. по декабрь 1944 г. — курсант, командир отделения, командир взвода курсантов Центральной школы инструкторов снайперского дела Московского военного округа; с декабря 1944 г. по август 1945 г. — в резерве, 27-й отдельный полк резерва офицерского состава 1-го Белорусского фронта; командир стрелкового взвода 164-го стрелкового полка 33-й стрелковой дивизии 3-й ударной армии 1-го Белорусского фронта.

Н.М. Шубников

С августа 1945 г. по сентябрь 1950 г. — слушатель Военного института иностранных языков (ВИИЯ) Советской армии. С сентября 1950 г. по апрель 1960 г. на работе в аппарате ЦК КПСС: младший референт, референт отдела ЦК КПСС.

С мая 1960 г. по июль 1963 г. — командировка в посольство СССР в Корейской Народно-Демократической Республике.

В сентябре — декабре — слушатель ВДШ МИД СССР. С декабря 1963 г. по май 1969 г. — референт отдела ЦК КПСС. С мая 1969 г. по август 1973 г. — советник-посланник посольства СССР в Корейской Народно-Демократической Республике.

В январе — августе 1974 г. — на ответственной должности в I отделе МИД СССР. С августа 1974 г. по декабрь 1982 г. — заведующий сектором отдела ЦК КПСС.

В августе 1982 г. присвоен высший дипломатический ранг Чрезвычайного и Полномочного Посла. С декабря 1982 г. по ноябрь 1987 г. — посол СССР в Корейской Народно-Демократической Республике.

С ноября 1987 г. — отставка.

Награды:

- орден Красной Звезды,
- орден Отечественной войны II степени,
- орден «Знак Почета»,
- орден Дружбы народов,
- медали «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За боевые заслуги», юбилейные и другие медали и награды [1, с. 282–283].

Литература

1. С рубежей фронтовых на рубежи дипломатические /под общ. ред. П. В. Стегния, Н. М. Бариновой. М.: Изд-во «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2020.

ТУЛЬСКИЙ АЛЬБОМ РОДОСЛОВИЙ: ИСТОРИЯ СТРАНЫ В БИОГРАФИЯХ ТУЛЯКОВ

Георгиевская Тамара Владимировна, 70 лет,
краевед, автор проекта «Синодики Тульской губернии»,
методист музея-заповедника им. И.С. Тургенева «Бежин луг»,
г. Тула

В 2020 году в Туле пройдет X областная открытая генеалогическая выставка. Участники этих выставок, потомки уроженцев Тульской губернии, присылают свои исследования по восстановлению истории рода, а получается, что в этих историях восстанавливается история нашей страны.

Имена и события, имеющие, казалось бы, самостоятельное значение, стали зеркалом, в котором отразилась эпоха, приняли обобщающий смысл, переплетаясь с иными именами и судьбами.

Каждая семья, вспоминая прошлое, восстанавливая события жизни своих предков, невольно рассказывает историю своей страны, а «встречаясь» с прошлым своей семьи, современники в деталях узнают и осмысливают многие события уже иначе.

Можно беспредметно рассказывать, уговаривать и убеждать в достижениях страны, завоеваниях народа, а можно просто вникнуть в историю своего рода и предметно увидеть — как велики эти завоевания, какими патриотами были наши отцы и деды.

Невольное чувство гордости за свершения и горестное чувство за ошибки одинаково благотворно действуют, когда человек видит причастность своих родных к любому событию в стране.

Альбом родословий — это новая оригинальная форма подачи сведений с максимальным количеством информации на минимальном пространстве... Судьба туляков стала наглядной: происходит постоянное соединение прошлого (данные из архивных источников XVIII–XIX вв.) и настоящего (сведения прадедов и воспоминания их потомков XX–XXI вв.).

Каждое отдельно взятое родословие предлагает читателям большой объем информации, а отсутствие авторских комментариев (только факты и цифры!) подчеркивает объективность представленной информации и делает ее особо значимой. Альбом включает в себя всего лишь 50 родословий, но представляет собой безграничное поле деятельности для исследователей, любителей истории, краеведов, учителей, генеалогов, потомков.

Альбом родословий стал своеобразным итогом первых генеалогических выставок[1]. Он открывается воспоминаниями наших соавторов, цитатами из их писем, где каждый писал о своем, но получилась летопись-комментарий истории нашего государства.

По этим комментариям и живым репликам потомков к сухим бесстрастным цифрам можно почувствовать зримые черты и осязаемый вид — судьбу каждого древа:

«Судьба наших предков отразила все сложности истории нашей страны».

«Во времена репрессий семейные ценности уничтожались, факты семейной истории намеренно замалчивались ради безопасности близких людей».

«Грозили уволить из школы как вражеский элемент: она — дочь попа и жена попа».

«В который раз внимательно изучаю нашу родословную и не перестаю удивляться, потому что вижу столько судеб, столько новых лиц, о существовании которых мы даже ничего и не знали до сегодняшнего дня».

«Моя мама узнала о том, кто были ее предки, лишь в конце 1990 г., проговорилась ее двоюродная сестра».

«Наша нынешняя проблема: установить степень родства пока не представляется возможным, хотя мы понимаем, что родство явно имеет место быть. Но дотянуться ли нам до этих сведений?!»

Часто виртуальные встречи участников выставок превращаются в незапланированные встречи родственников: от заочных (Родословие Рудневых-Базаровых из Москвы встретилось на выставке с Древом их предков уже из Новой Зеландии), до настоящих встреч неожиданных родственников, состоящих в кровном родстве, как это было не единожды на выставках, которые мы проводим по городам области.

Наш местный проект превратился в более масштабный — география проживания потомков участников выставок и Альбома родословий обширна — весь мир.

Совершенно по-разному приходят к встрече с прошлым: наши АСТРОВЫ всю жизнь жили с ощущением генетической памяти о прошлом, бывая в местах службы прадеда. Есть у нас удивительный пример: венчальная икона тульского оружейника, хранящаяся в Третьяковской галерее, стала своеобразным синодиком его предков, о тех, кого уж нет. Скромная учительница О.Н. Аболенская, ставшая символом настоящего учителя прошлого (о ее родственниках мы даже не подозревали, но пришло письмо из Техаса от ее племянника), и легендарный хирург М.Т. Вельтищев, символ чести и преданности людям; знаменитые митрополиты и прославленные священномученики Тульской епар-

[1] *Петрова М.В., Георгиевская М.В.* Альбом родословий. История и современность. Тула: Типография «В срок», 2013.

хии, чьи потомки проживают ныне по всей земле — каждое родословие представляет большой объем информации, работа по систематизации и оформлению которой бесконечна во времени.

Мы отметили одну особенность, а сформулировал ее потомок Печатниковых, преподаватель калужского вуза: «Не важно, есть ли мой листочек на приведенном дереве. Важно подтвердить вывод по результатам анализа дерева: генетика нашего рода имеет положительную тенденцию…»

Вот примеры цифр и фактов из Альбома родословий. Альбом родословий включает в себя 50 родословий. В его подготовке приняли участие 43 человека (помимо авторов), из них: 11 учителей, 7 исследователей-краеведов, 7 научных работников, 8 кандидатов и докторов наук; 7 человек служители церкви; с 5 участниками мы познакомились целенаправленно в процессе работы, с 6 — были знакомы заочно или встречались ранее по 1 разу, 10 человек мы так никогда и не видели.

Участников Альбома условно можно разделить на три равные группы: 1) кто впервые узнал о своих предках только в конце XX — начале XXI в.; 2) кто знал, но боялся огласки и не имел подробных сведений о судьбе предков; 3) кто сохранил как память, так и фотографии, документы и др. артефакты жизни рода.

Несмотря на участие потомков в процессе подготовки, 10 человек впервые увидели свои оформленные родословия; 6 человек, помимо оформленных древ, нашли своих предков, о которых ранее не знали; 6 человек получили готовые родословия за два столетия.

Временные рамки родословий:

— самая ранняя дата рождения предков — с 1600 года;

— средняя дата начала родословий Альбома — с 1760 года;

— 8 готовых родословий ждут своих потомков — с XVIII века до революции 1917 года;

— 40 родословий расписано до настоящего времени.

Количество персон, представленных в Альбом, — 6733 человека.

Самое многочисленное древо — более 500 человек, самая маленькая схема — 24 человека (среднее количество персон родословия 135 чел.); наиболее глубокое родословное древо насчитывает 13 поколений, самое малоизвестное на настоящее время — 4 поколения (среднее количество 9 поколений).

География присланных работ: г. Тула и область, г. Москва и область, г. Санкт-Петербург, Калуга, Рязань, Новосибирск, Новая Зеландия, Германия, Америка.

Казалось бы, что интересного может поведать статистика?!

А вот если посмотреть и проанализировать, то выяснится интересная закономерность в генеалогических изысканиях. Оказывается, долго в советское время люди не просто не помнили своих предков, но и не интересовались.

И вот война, которая жестоко проредила семьи и родственников стало так мало, что люди вдруг задумались: с кем мы, откуда…

Самые первые, пока единичные случаи интереса к своим предкам появились в 1950-х годах. Вместе с массовым энтузиазмом восстановления разрушенного хозяйства молодежь отправилась в стройотрядах на поднятие целины, а люди старшего поколения стали вспоминать своих предков. Пока медленно, неуверенно, только в семьях, только в рассказах пытались сформулировать, что же за такие необыкновенные отцы и деды, которые выстояли и победили. Доставались сохранившиеся альбомы, старые фотографии стали появляться на стенах в рамочках; многие помнят, как из малюсеньких карточек — наших дедов — появлялись разрисованные, похожие друг на друга, красавцы. Стало модно фотографироваться!

И вот открываются архивы! Мы знаем самых первых, самых отважных, самых удивительных людей, пришедших в тульский архив за сведениями — кто были их предки. Это Беляев Юрий Семенович, Зайцев Александр Германович, Зайцев Геннадий Арнольдович.

И в историю семей уже очевидцы-современники вписывают историю страны: герои Великой Отечественной войны есть непременно в каждом Родословном древе, замечательные сюжеты, даже в стихах, есть у потомков покорения целины, о работе дедов на заводах, а как красиво вплетен в семейную историю семьи Троицких полет в космос Юрия Гагарина!

А еще организаторов очень радует память потомков, тех, которые живут в дальнем зарубежье, они считают себя туляками и помнят о своих тульских корнях.

А заканчивается Альбом родословий так: «Однажды я осознал, что, когда придется уйти и мне, значительный пласт информации об истории семьи будет безвозвратно потерян. <…> Эта работа требует периодической корректировки, обновления и дополнения. Надеюсь, что в обозримом будущем я еще вернусь к ней. Основная же надежда на моих потомков, которые поддержат и продолжат мой скромный труд».

***

В IX Международном конкурсе «Просвещение через книгу», организованном в 2014 году Московской патриархией, Альбом получил Диплом III степени в номинации «Лучшая справочная краеведческая литература».

«ПОМНЮ И ЛЮБЛЮ ВАС»[1]

Толстая Екатерина Александровна, 46 лет,
директор Государственного мемориального и природного заповедника «Музей-усадьба Л.Н. Толстого «Ясная Поляна»,
депутат Тульской областной думы,
г. Тула

О милых спутниках, которые наш свет
Своим сопутствием для нас животворили...

В.А. Жуковский

История страны — это, прежде всего, непрерывная цепь судеб людей, живших и живущих в ней. История музея Ясная Поляна посттолстовского периода также соткана из этих судеб. Одной из самых ярких страниц в биографии музея было руководство Софьи Андреевны Толстой-Есениной, человека сложной, событийно насыщенной жизни, твердого характера, прямых и честных взглядов. Эмоциональная, энергичная, жизнелюбивая — в самые тяжелые годы исторических потрясений она сумела сохранить на достойной высоте две великие фамилии, которые с честью носила.

Л.Н. Толстой с внуками Соней и Илюшей (рассказывает сказку об огурце), Крекшино, 1909 г. Фото В.Г. Черткова

Соня родилась 12 (25) апреля 1900 года в Ясной Поляне, в доме Льва Толстого. Отец её — Андрей Львович Толстой, мать — Ольга Константиновна Дитерихс, дочь отставного генерала, участника Кавказской войны. Крестной матерью новорожденной была бабушка Софья Андреевна, в честь которой и назвали внучку, так Сонечка стала полной её тёзкой. Первые четыре месяца жизни Сонечка провела в Ясной Поляне, затем в усадьбе

[1] Продолжение. См.: *Толстая Е.А.* Ясная Поляна в годы войны // Мы помним... Книга воспоминаний и размышлений поколений. Ч.1 /Под ред. Ю.М. Осипова, Л.И. Ростовцевой. Тула: Аквариус, 2015. С. 93–103. А также о хранителе Дома Л.Н. Толстого Н.П. Пузине и его переписке с В.Ф. Войно-Ясенецким (Архиепископом Лукой) — см.: Романов С.М. На перекрестке судеб // Мы помним... (2017). С. 114–126.

Топтыково в 15 верстах от Ясной Поляны. Лев Николаевич очень любил внучку. Всем известна фотография 1909 г., где он рассказывает ей и младшему брату Илюше сказку об огурце. В том же году специально для неё написал «Молитву внучке Сонечке»: «Богом велено всем людям одно дело, то, чтобы они любили друг друга. Делу этому надо учиться. А чтобы учиться этому делу, надо первое: не позволять себе думать дурное о ком бы то ни было, второе: не говорить ни о ком дурного и третье: не делать другому того, чего себе не хочешь. Кто научится этому, узнает самую большую радость на свете — радость любви». Радость любви — эти слова как завет Соня пронесет через всю свою жизнь.

Софья Толстая-Есенина, 1928 г. Фото из архива ГМТ

В 1914 г. она поступила в 5-й класс женской гимназии в Москве, в 1920-м в Московский государственный университет на факультет общественных наук, но из-за материальных трудностей и состояния здоровья не смогла продолжать обучение. Через год Софья Андреевна вышла замуж за С.М. Сухотина, но брак вскоре распался. В 1925-м окончила литературное отделение Государственного института живого слова, тогда же познакомилась с Сергеем Есениным и стала его женой. В 1941 г. она назначена директором объединённых толстовских музеев, куда до 1950 г. входила Ясная Поляна. С.А. Толстая мужественно себя вела в военные годы, добилась эвакуации большей части экспонатов из Дома Толстого, затем приложила огромные усилия по восстановлению усадьбы. К этому периоду и относится её переписка с Николаем Павловичем Пузиным, старейшим сотрудником музея. Софья Андреевна и Николай Павлович давно знали друг друга, семьи их родителей были в дружбе. Когда началась война, Николай Павлович был мобилизован в армию. По состоянию здоровья его признали не годным к строевой службе и направили на работу в эвакогоспиталь. С госпиталем в октябре 1941 г. Николай Павлович эвакуировался из Харькова в Красноярск, а в мае 1942 г. переехал в г. Балахну Горьковской области.

Публикуемые письма 1942–1950 гг. относятся к его пребыванию в Красноярске и Балахне и первым годам его работы в музее. Николай Павлович в то время был в усадьбе единственным человеком, к которому Софья Андреевна в то тяжелое время могла обратиться с любой просьбой. Это были два преданных и глубоко уважающих друг друга человека. Публикуемые письма красноречиво говорят о том, что за человек и что за директор музея была внучка Л.Н. Толстого.

11 марта 1942 г. Москва.

Дорогой Коля,

очень мне грустно, что я так долго не собралась ответить на милую, прелестную Вашу телеграмму и письмо[2]. Ужасно Вы меня тронули. Часто, часто вспоминала Вас и очень хотела знать о Вас. Не могу выразить Вам, как я сочувствую Вам в Вашей разлуке с Вашей матерью. Будем надеяться, что все будет благополучно и Вы скоро с ней встретитесь. Я не писала Вам так долго, п.ч. надеялась выбрать время на длинное письмо. Но дни летят, а работы все больше и больше. К маю мы восстанавливаем Я.П.[3], а в Москве делаем выставки, читаем доклады, ремонтируем здание Музея, пишем статьи, сейчас приготовили к изданию целую книгу о Ясной Поляне. Пришлю Вам, как выйдет. Моя мать и Марфа со мной. Живем временно во флигеле в Хамовниках. Евгения Николаевна служит в Музее нашем, а я директор Музея и Ясной Поляны. Вызвать Вас сейчас не могу по многим причинам, но помню о Вас на будущее. Читали ли журнал «Новый мир» № 9–10 о Ясной Поляне? Будьте здоровы, милый. Пишите нам чаще и подробнее. Помним и любим Вас.

С. Т.

15 апреля 1942 г. Москва.

Дорогой Коля,

сегодня получила Ваше письмо и спешу ответить, потому что Вы меня убедили в том, что Вам действительно нужны мои письма. Не откладываю ответ в ожидании свободного времени, а пишу на ходу, хотя бы несколько слов. Плохо, что Вы не отвечаете ничего на мои вопросы. Хочу знать подробно о Вашей жизни, где Вы работаете, кем, что Вам платят, где Вы живете, с кем, что едите и т. д. Извольте ответить мне обстоятельно на все эти вопросы, а то я обижусь. Если будем живы («е. б. ж.», как писал Л. Н.), устроим так, чтобы Вы могли работать в Я. П. Потерпите немного — весна и начало лета покажут, когда наступит этот момент. А я сделаю все от меня зависящее. Не ворчите на Красноярск. Тяжела разлука с близкими, но пожить немного в глубоком тылу, в тишине и

[2] Ответ на телеграмму и письмо Н. П. Пузина от 3 января 1942 г., которые он послал, узнав об освобождении Ясной Поляны от немецких оккупантов. «Считаю священным долгом участвовать срочном восстановлении Ясной Поляны Спасского,— сообщал Николай Павловича в телеграмме. — Прошу ставить вопрос соответствующих инстанциях об отзыве меня Красноярска работы любой должности указанной цели работаю вольнонаемным подробности письмом».

[3] Музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна» была оккупирована немецкими войсками 30 октября 1941 г. Они хозяйничали в ней 47 дней. Для восстановления усадьбы Академией наук СССР была создана комиссия, куда вошла и Софья Андреевна. Возглавлял комиссию И. И. Минц, член-корреспондент Академии наук СССР. Торжественное открытие восстановленного дома-музея Л. Н. Толстого состоялось 24 мая 1942 г.

мире, спать ночи и твердо знать, что завтра ты и тебя окружающие будут живы, — это не плохо, это даже приятно, уверяю Вас. Почти всю войну я прожила на довольно близком расстоянии от смерти. Может быть это полезно, но чуть-чуть утомительно. Но я не жалуюсь и суровые месяцы в осажденной Москве вспоминаю, как очень хорошее время моей жизни. Мои сослуживцы и домашние помнят и очень любят Вас. И я тоже. Пишите мне чаще. На днях еду в Ясную. К 1-му мая заканчивается ремонт.

С. Т.

11 мая 1942 г. Москва.

Дорогой Коля,

вернувшись 7-го из Я. П., нашла Вашу открытку. А сегодня Анна Александровна сказала, что получила от Вас весть с жалобой на мое молчание. Очень обидно, если Вы не получаете моих открыток. Я пишу Вам уже в третий раз. Длинных писем не ждите. Я очень, очень занята и переутомлена. В Я. П. после немцев была уже 4 раза. 1-го Мая мы открыли Музей (см. «Правда» от 2-го Мая 1 стр). Ремонт сделали отлично, никаких следов пожарища не сохранилось. Чистый, нарядный, новый дом и литературный музей. Даже слишком, как-то непривычно новый. Восстановлена Я. П. благодаря отношению Правительства, разных учреждений и людей. Сколько внимания и труда вложено! Когда буду большая, напишу книгу о том, как восстанавливали Я. П.

Будьте здоровы, дорогой. Все будет хорошо.

С. Е.

28 июня 1942 г. Москва.

Дорогой Колечка,

недавно вернулась из Я. П. и нашла Ваши открытки и телеграмму из Балахны и последнюю, в которой Вы пишете, что скоро уедете оттуда[4]. Ничего не понимаю и очень расстраиваюсь, что из Ваших писем никак не могу уяснить себе Вашего положения. Во-первых, как у Вас с воинской повинностью? Вы проситесь в Я. П., а разве Вас могут отпустить? Куда и в качестве кого Вы собираетесь теперь? Ответьте мне на эти вопросы по возможности толковее и подробнее. Ради Бога, не приходите в отчаяние из-

[4] Николай Павлович переехал из Красноярска в Балахну вместе с госпиталем 8 мая 1942. В письме от 13 июня 1942 г. он писал Софье Андреевне: «Дорогая, милая Софья Андреевна! Вы, вероятно, уже знаете, что судьба забросила меня в маленький, древний, утопающий в зелени волжский городок Балахну Горьковской обл. Вот уже две недели, как я живу здесь в маленькой комнате, недалеко от госпиталя в простой русской семье со своими печальными мыслями и с единой надеждой, как только скорее уехать в Ясную Поляну». А в письме 14 июня он писал: «думаю скоро, скоро покину Балахну, т. к. поеду на запад или юго-запад». Но отъезд этот не состоялся, и Николай Павлович остался в Балахне.

за своей матери. Все будет хорошо, и Вы увидитесь. Собралась писать Вам большое письмо об открытии Я. П., но боюсь, что Вы уедете и мои труды пропадут даром. Книга Нестерова вышла и разошлась[5]. Скоро будет второе издание. Буду его ловить для Вас и для себя, потому что я пропустила. Очень часто о Вас думаю и люблю Вас и хотела бы помочь, но не знаю как.

Пишите чаще.

С. Е.

15 сентября 1942 г. Москва.

Дорогой Колечка,

вернувшись из Я. П., нашла две Ваши открытки. Простите меня, голубчик, за долгое молчание, очень виновата, но если бы Вы знали, как я занята, как много у меня работы. В Я. П. с утра до ночи, в беспрерывной работе. Между прочим, в Музей приезжали люди, которые знали Вас в Балахне и много мне о Вас рассказывали, очень это было приятно. Что же это с Вашим здоровьем? Неужели в госпиталях нет врачей, которые могут Вас вылечить? Наверное, там много овощей. Попробуйте такое лечение: сырые морковь, свеклу, репу, капусту, огурцы или помидоры (что есть) натереть на терке или мелко нарубить; если есть масло или сметана, или просто посолить и есть. Это страшно полезно при любых заболеваниях, так как содержит именно в сыром виде много витаминов. Попробуйте, милый друг. Всегда помню и люблю Вас. Непременно пишите мне.

С. Е.

8 ноября 1942 г. Москва.

Дорогой Коля,

опять я долго не писала Вам! За это время два раза ездила в Я. П. и вообще очень много было суеты и работы. Очевидно, одно Ваше письмо пропало, потому что в открытке от 25/X Вы пишете «я все еще без работы», а в письме перед этим Вы писали, что находились в большой суете в госпитале. Что же произошло за это время? Я очень встревожена и огорчена за Вас. Напишите, ради Бога, подробнее. Завтра пошлю Вам немного денег. Эту мысль мне дала Анна Александровна. Она не пишет Вам, потому что у нее страшное горе — ее муж болеет, и у него оказался рак легкого. Она совсем убита. Пишите, голубчик, и не падайте духом, пожалуйста. Как здоровье? Очень часто о Вас думаю — дружески и сочувственно.

С. Толстая

[5] Книга: *М. В. Нестеров.* «Давние дни. Встречи и воспоминания» (Изд. Государственной Третьяковской галереи, 1941). Художник Нестеров был знаком с Софьей Андреевной и Николаем Павловичем.

16 ноября 1942 г. Москва.

Дорогой Коля,

посылаю Вам на всякий случай немного денег, п. ч. боюсь, что Вам совсем плохо. Напишите, когда получите, постараюсь еще прислать, но сейчас не смогу, а скоро должна разбогатеть. Привет сердечный.

С. Е.[6]

14 января 1943 г. Москва.

Дорогой Коля,

получила Ваше новогоднее поздравление и очень обрадовалась, что Вы живы и здоровы, хотя и хлопнулись на спину, как Вы пишете. Ну, надеюсь, что это не серьезно. Пожалуйста, не пропадайте надолго, а то очень беспокойно. Послала Вам немножко денежек. Получили ли? Это вместо бонбоньерки ребенку на елку. Вы так и отнеситесь.

Колечка, я никак не могу добиться от Вас ответа о Вашем военном положении. Пожалуйста, ответьте мне точно и по-деловому, как будто я военкомат — что у Вас значится в воинском билете, почему Вы до сих пор не призваны. Проходили ли Вы переосвидетельствование? Мне это нужно знать для определения Вашей будущей судьбы, о которой я непрестанно думаю.

Сейчас у меня маячит насчет Вас два плана — Ясная Поляна и Клин.

Не знаю, что удастся, но для этого мне нужно знать и Ваше воинское положение и Ваши склонности. Т.е. Ваши склонности к Л. Н. я знаю, а как Вы относитесь к П. И. (Чайковскому), я не знаю. Имеете ли Вы вообще какое-нибудь представление о музыке (ответьте на этот вопрос точно и подробно). Каковы Ваши ораторские способности, т.е. сможете ли Вы через некоторое время, овладевши темой, водить экскурсии, многолюдные, преимущественно красноармейские, простым, доступным языком, но с агитационной направленностью против немцев? Хватит ли у Вас на это темперамента и опыта работы с массой? Ответьте мне обдуманно. На днях вышлю Вам нашу книгу о Я. П. До свиданья, голубчик, будьте здоровы и удачны в новом году и дай Бог встретиться с мамой.

Целую Вас.

С. Толстая

[6] Получив от Софьи Андреевны письмо и перевод, Николай Павлович писал ей 19 ноября 1942 г. из Балахны: «Сегодня утром получил открытку (8 ноября 1942 г.) и перевод. Бесконечно благодарю Вас за Ваше доброе, теплое участие ко мне. С мучительным чувством я принял от Вас перевод. Я знаю, как Вам тяжело материально, и очень прошу Вас, милый, дорогой друг, никогда не делать этого. Я могу сказать, что Вы и так спасли меня, если бы не Вы, я погиб бы от ужасного чувства одиночества. Вы поддержали меня Вашей дружбой, участием… Ваша дружба для меня есть свет и теплота моей жизни…»

12 февраля 1943 г. Москва.

Дорогой Коля,

хотела написать Вам длинное письмо, но не успела. Пишу самое главное только.

В Я. П. Вас можно устроить на должность библиотекаря, с обязательством проводить экскурсии, на 325 р. + квартира и стол. Клин еще неясно. Но из всего этого я Вам советую воздержаться временно, т.к. Ваше военное положение не прочно.

В Балахне Вас все знают, и Вы сможете попасть или в госпиталь, или на какую-нибудь культработу при воинской части. А через Я. П. Вы попадете рыть окопы или тому подобное, п.ч. не успеете зарекомендовать себя или стать необходимым. И я лично никак не смогу Вас отхлопотать. Брони на эти должности у нас не дают, отложим до лучших времен.

Не огорчайтесь. Короленко писал: «впереди огни!» Главное, чтобы были эти огни, а остальное не так страшно.

Мне звонила Безобразова, что привезла мне посылку от Вас. Очень сержусь и прошу больше этого не делать никогда. Москва и я лучше снабжены, чем Вы. Посылаю Вам посылочку всякой ерунды. Не вздумайте ахать или протестовать. Инструкции: колбасу надо резать кусочками и варить в супе, для навара, так как есть жестко. Пшено горелое (сожгли немцы элеваторы в Тульской обл.) Я его привезла из Я. П. Есть можно вполне, но надо очень хорошо промыть и после того, что закипит, два раза слить воду; кашу варить лучше жидкую, не крутую. Сухари и сахар объяснений не требуют. Не обижайтесь, что все убогое. Опять до лучших времен. Тряпка, в которую зашито, Марфа умоляет сохранить и вернуть ей. До свидания, душенька, будьте бодры. Пишите мне часто.

С. Е.

12 июня 1943 г. Москва.

Дорогой Колечка,

вероятно, я настоящий преступник, если мое молчание заставляет Вас так волноваться. Все произошло от того, что я полтора месяца прожила в Я. П. и работала там с утра до ночи. Взяла туда Ваши письма, чтобы написать Вам длинное подробное, но не заметила, как пролетели дни. Сейчас я опять в Москве и буду здесь до конца июня. Пишите. Постараюсь скоро написать Вам большое письмо. А Вы тоже пишите побольше. Мы все здоровы. Завтра вышлю Вам книгу.

С. Е.

8 августа 1943 г. Москва.

Дорогой Колечка,

никогда не думайте, что я Вас забыла. Виновата перед Вами за молчание, но я очень, очень занята. В ремонте два Музея в Москве, в сентябре хотели открыть. Месяц не была в Я. П. Ужасно, что у Вас авитаминоз. Можете ли покупать овощи? Надо как можно больше зеленый лук и сырые овощи, «американский витаминный салат» — все овощи (кроме картошки) сырыми мелко нарубить или натереть, немного соли, а если есть, то постное масло и есть по возможности ежедневно. Постарайтесь делать так. Поздравляю Вас с освобождением родного города[7]. Хорошо, что мы можем гордиться перед всем миром, что мы русские. Теперь уже виден конец войне. Надеюсь, что мы увидимся живы и здоровы. Пишите мне чаще, всегда рада. О. К. благодарит за поздравление.

С. Е.

3 сентября 1943 г. Москва.

Дорогой Колечка,

получила Вашу открытку с вопросом о том, что Вам делать. Очень трудно советовать, не зная подробно всех условий, но думаю, что Вам с места трогаться не надо, если Вам здесь не плохо. Искать свою мать письменно Вы можете отсюда. Территориальная близость вряд ли поможет Вам в переписке. Другое дело, если бы Вы получили разрешение на въезд в самый город. Но ведь это, думаю, довольно сложно в настоящий момент и вряд ли Вы получите разрешение. Думаю, что Вам надо подождать некоторое время и искать письменно. Сочувствую Вам до глубины души и жалею Вас всем сердцем, но не знаю, как помочь Вам. Если у меня возникнут какие-нибудь связи с Харьковом, напишите мне, как искать Вашу мать, к кому обращаться, адреса. Может быть, кто-нибудь из моих знакомых поедет туда. Через кого можно искать Лину Александровну?[8] Дорогой человечек, пожалуйста, не падайте духом. Помните, что у Вас есть верные друзья в Москве, которые, может быть, пригодятся Вам когда-нибудь в жизни. Не помню, посылала ли я Вам серию фотооткрыток Я. П. до войны? Хотите пришлю? Напишите мне, какие у Вас пожелания

[7] Харьков был освобожден от немецких войск в августе 1943 г.

[8] Как и советовала Софья Андреевна, Николай Павлович искал свою мать письменно. 6 октября 1943 г. он писал Софье Андреевне: «1 октября получил ужасное сообщение из Харькова, что мать умерла от голода в апреле 1942 г... Письмо написала соседка по квартире». Она же сообщала в этом письме, что вскоре после оккупации Харькова немецкими войсками Лина Александровна Бекетова была арестована и расстреляна немцами.

в смысле книг. Может быть, что-нибудь я достану. Напишите подробно, как Вы устроены материально, что Вы едите, как Ваше здоровье последнее время, есть ли у Вас хорошие знакомые или приятели, с которыми Вы можете общаться.

Напишите мне не открытку, а хорошее длинное медленное письмо, чтобы я могла бы представить Вашу жизнь, такое письмо, какое писали в старину друзья друг другу, когда были в разлуке. Вероятно, у Вас времени больше, чем у меня и Вы могли бы пожертвовать мне один вечер.

Я по-прежнему в суете и переутомлении, но с радостными успехами. Через несколько дней открывается наш Музей на Кропоткинской в виде 5 выставок — Кавказ, Севастополь, Война и мир, Ясная Поляна и Толстой за 2 года войны (литература). В полном ремонте Хамовнический Дом. Дни и часы уходят на архитекторов, инженеров, реставраторов, маляров, мебельщиков и т.д. Одновременно реставрируются леса и сады Я. П. Огромная работа, и иногда мы сами не понимаем, как мы все успеваем.

Всего, всего Вам лучшего. Пишите мне о себе, о здоровье.

С. Е.

16 сентября 1943 г. Москва.

Дорогой Колечка,

Людас Гира сказал мне, что Вы очень волнуетесь тем, что я долго не пишу Вам. Ради Бога, никогда не придавайте большого значения моему молчанию и не стройте себе из него ничего страшного. Жизнь моя очень трудная, напряженная и сверхзанятая. Очень часто не успеваю прочесть газету, хотя военная и международная жизнь интересуют меня безмерно. Вам я пишу чаще, чем большинству своих друзей. Получили ли Вы мое большое письмо? Из Вашей открытки я этого не поняла. Душа моя, что означает повестка из РВК? По силам ли Вам военная служба? Думаю, что все же это будет тыл. Во всяком случае, очень беспокоюсь о Вас и хочу знать скорее и больше подробностей о дальнейших событиях в Вашей жизни. Для душевного состояния всякого русского человека пребывание в Армии должно быть хорошо, но не знаю, как для Вас физически. — Не отчаивайтесь, что не можете найти свою мать. Сейчас все сложно и запутано, почта трудна и вообще военное время создает массу невероятных осложнений и путаниц. Получили ли Вы что-нибудь вообще из Харькова? Знаете ли о ком-нибудь из знакомых?

Всего, всего Вам лучшего.

С. Т.-Е.

6 октября 1943 г. Москва.

Дорогой Колечка,

получила Ваши отчаянные письма и открытки и телеграмму поздравительную. Спасибо, голубчик, за внимание. Но скажу Вам откровенно, что тон Ваших писем меня пугает. Не знаю, что мне с Вами делать[9]. В Я. П. у меня нет для Вас подходящего штатного места. Выписать Вас трудно при таком положении, а еще труднее будет Ваше существование. Могу попытаться выписать Вас на техническую единицу (250 р.) Этих денег Вам будет не хватать на жизнь, несмотря на то, что все у нас продается служащим по твердым ценам, но все же этих денег Вам будет мало. С нового года буду хлопотать о дополнительной единице, но штаты в Академии Наук утверждаются очень медленно, в лучшем случае к апрелю — маю мы получим для Вас подходящий штат. Таким образом, всю зиму Вам придется бедствовать на 250 р. У меня очень туманная надежда устроить Вас лучше до весны. Очень жалею, что не видела Гира после его возвращения из Балахны. Хотела расспросить его подробнее о Вас и посоветоваться, благоразумно ли срывать Вас из Балахны. Мы никак не смогли с ним встретиться, потому что в эти дни шла сессия Акад. наук и я была чрезвычайно занята. А сейчас он пропал, и я не знаю, где он. На всякий случай посылаю Вам анкету, прошу еще приложить свою автобиографию и заявление с указанием № паспорта и все это прислать мне. А пока все это будет тянуться, поступить куда-нибудь на работу. Даже если Вы решите переехать в Я. П. на такую скромную ставку и мне удастся устроить Вам пропуск, то пока лучше Вам что-нибудь делать в Балахне, а не быть без дела, что в военное время во всех смыслах очень нехорошо. Еще учтите, что в квартирном отношении в Я. П. сейчас очень неблагополучно, в лучшем случае, я смогу предложить Вам комнатку в одной из избушек на дворне, т. к. в Волконском Доме все занято. Со временем, может быть, устроим лучше. Питание обеспечено полное, но денег будет не хватать на его оплату. День стоит 5–6 р. Ну, думайте и пишите мне ответ. Очень прошу не падать духом. Всего лучшего, голубчик.

С. Т.

[9] Софья Андреевна отвечает на письмо Николая Павловича от 11 сентября 1943 г. Телеграммой Н. П. поздравлял ее с днем именин (30 сентября). А в письме писал: «Дорогая Софья Андреевна! Вчера я должен был уехать из Балахны в армию, а сегодня есть уже изменения, что меня пока оставляют здесь и я должен искать место, т. к. из Гороно я ушел, и возвращаться обратно мне бы не хотелось. Работа далека от моей любимой музейной специальности. Сейчас настало время, когда я очень прошу Вас, милый, дорогой друг, устроить мне въезд для работы в Ясную Поляну и как можно скорее... Умоляю Вас, срочно дайте мне знать, что делать, как быть!»

22 октября 1943 г.

Дорогой Колечка,

посылаю Вам немножко еды. Мясо очень соленое, его надо тщательно вымочить, а потом долго парить.

Табак продайте или поменяйте. Хлеб кушайте. Жду ответа на свое письмо и анкету.

С. Е.

13 декабря 1943 г. Москва.

Дорогой Колечка,

сегодня вернулась из Ясной и еду туда опять через 7–8 дней. 1-го декабря заказным письмом Вам послан вызов. Советую не откладывать приезд, т.к. надо оформить Вас до Нового года. Это необязательно, но желательно. Ехать надо до Тулы, там пересадка на местный до ст. Я. П. Если пошлете телеграмму заранее, Вас встретят: «Ясная Поляна. Тульский Музей». Напишите или телеграфируйте мне в Москву свои планы. Если приедете в Я. П. до Нового Года, наверное, мы там увидимся сразу. Всего лучшего.

С. Е.

23 мая 1944 г. Москва.

Дорогой Николай Павлович,

ужасно беспокоюсь обо всем. Мучаюсь каждым днем своего пребывания здесь и ничего не могу сделать, чтобы ехать скорее в Я. П. Тысячи сверхважных дел. Юбилей (вам по секрету точно) отложен на 15–28 июня[10]. Следовательно, в Я. П. все будут 26–27 июня. <...>

Какой Вы без меня, мой секретарь, адъютант, помощник, заместитель, мой воспитатель, моя надежда и мое разочарование? Помните ли Вы все, что я говорила Вам, что просила? Правильно ли, с напором, работаете? Бережете ли все наши сокровища, не очень ли обижаете этих бедных серых людей, не очень ли предаетесь людям, которым мне не хотелось бы, чтобы Вы предавались? Одним словом, живете ли Вы так, как будто все время незримо присутствует около Вас мой жестокий, грозный образ с огромной дубиной, вознесенной над Вашей кроткой головой, или после моего отъезда Вы радостно скачете в душе вокруг обеденного стола (ссылка на Ваши выписки) и делаете все, что нельзя и не надо? Ну, это лирическое отступление. Помогайте мне, душа моя,

[10] В июне 1944 г. в Ясной Поляне отмечали столетие со дня рождения Софьи Андреевны Толстой, жены писателя. Она родилась 22 августа 1844 года.

сколько хватит силенок, не для меня, а для дела, для которого я лучше всех (простите!) знаю, что и как надо. Жду очень Вашего телефона в пятницу в Музей. Пришлите мне заказным мои рецепты и билет от Москвы (мой), которые остались у Вас. Будьте благополучны, а главное бодры.

С. Толстая-Есенина

18 ноября 1944 г. Москва.

Дорогой Николай Павлович,

прилагаемые два письма прошу Вас лично доставить обоим директорам. Надеюсь на Вашу аккуратность, т. к. письма очень важные, и прошу извинить меня за беспокойство.

Евгения Николаевна и я забыли сказать Вам очень важное, вернее просить Вас. То, что в Ваших силах и возможностях. Следите за тем, чтобы дрова из сарая шли только на Музей. Ни на сторону, ни на плиту. Положение с заготовкой дров, по моим впечатлениям, тяжелейшее, и я прошу всех, кому дорог Музей, думать о его интересах прежде всего.

Простите.

С. Толстая-Есенина

30 декабря 1944 г. Москва.

Дорогой Николай Павлович,

ваша инструкция о Кочаках[11] мне кажется очень удачной. Не могла написать на ней утверждение, поскольку она написана среди частного письма, и кроме того, хотела бы поговорить о ней с Цявловским и др., но не имею времени. Во всяком случае, можете считать ее утвержденной и работать соответственно, а какие-нибудь дополнения всегда можно будет внести в процессе работы.

Поздравляю Вас с Новым Годом и с новой высокой обязанностью[12]. Очень прошу Вас отнестись к этому спокойно и серьезно, и поверить, что решение мое правильное. Не сомневаюсь, что Вы будете ревниво, заботливо, тщательно и любовно охранять этот дом. Беспокоюсь только о том, что Вы будете обуреваемы излишними страхами и тревогами. Для успокоения Вашего подтверждаю, что не Вы один ответственны, а прежде всего и

[11] Эта инструкция о Кочаках, которую Николай Павлович начал писать по собственной инициативе, оформилась в процессе дальнейшей работы над ней в историко-биографическое описание Кочаковского кладбища, тесно связанного с историей Ясной Поляны. Брошюра Н. П. Пузина «Кочаковский некрополь. Семейное кладбище Толстых» выдержала три издания.

[12] В декабре 1944 г. Н. П. Пузин был назначен на должность хранителя Дома Л. Н. Толстого в Ясной Поляне, в которой работал до 1965 года.

больше всего Щеголев и я. Отнеситесь с доверием к тому, что у меня было много разных соображений и прежде всего в интересах Музея, но и Ваша судьба с разных точек зрения, и очень основательных, много обдумана.

Итак, вперед, милый друг, и да будет Вам поддержкой и путеводной звездой Ваша любовь к родине, к Л. Н. Будьте тверды, вдумчивы и деловиты, как подобает хранителю мирового Музея.

С. Е.

Кочаками займусь, когда немного освобожусь от важнейших дел.

22 августа 1950 г. Москва.

Дорогой Николай Павлович,

Владимир Германович Лидин[1] едет в Я. П., и я надеюсь, что Вы, как всегда, приветливо и внимательно покажете его дочери (она в первый раз в Я. П.) все, что Вы знаете, дорого и важно всем, кто приезжает туда впервые.

С.Л. Толстой и Н.П. Пузин. Ясная Поляна, 1946 г.

Очень жалею, что Вы не пишете нам. Не собираетесь ли в Москву? Пожалуйста, напишите, получили ли Вы деньги от нас для Марфы? Как ее здоровье? Не помню, сколько мы ей еще должны. Очень прошу Вас взять у нее расписку на все полученные ею от нас деньги. Пожалуйста, сделайте это во избежание недоразумений. Еще просьба: в каком виде моя квартира в доме Волконского? Собираюсь на один — два дня в Я. П. по служебным делам. Очень прошу Вас ответить на мои вопросы с Владимиром Германовичем. Буду обязана Вам бесконечно[2]. Простите, что плохо пишу.

Толстая

[1] Лидин Владимир Германович (1894–1979) — писатель. Во время Отечественной войны был военным корреспондентом «Известий». Хороший знакомый С. А. Толстой-Есениной.

[2] На это письмо Н. П. Пузин ответил письмом 29 сентября 1950 г.: «Дорогая Софья Андреевна, от всего сердца поздравляю Вас с днем Вашего Ангела. Пусть мудрая Св. София осветит Ваш тяжелый путь и сохранит Вас на многие годы. Мысленно я всегда с Вами и всеми, кто дорог Вам… О Вашей квартире в Ясной могу лишь сообщить, что, как мне говорили, она закрыта, но у кого ключи от нее, мне не известно. Марфе Ваш долг передал сейчас же, как получил деньги. Очень благодарен Вам за доброе письмо и я надеюсь, что Вл. Гер. Лидин Вам все рассказал. С искренней любовью Коля».

МЫ ЖИЛИ В СССР![1]

Калашникова Елена Михайловна, 71 год,
дочь Михаила Тимофеевича Калашникова,
Президент Фонда имени М.Т. Калашникова,
Республика Удмуртия, г. Ижевск

Лауреат Сталинской премии старший сержант Калашников — обложка журнала «Советский воин»

Страна, в которой я прожила большую часть своей жизни, называлась Советским Союзом. Родилась я в конце сентября 1948 года в пригороде старинного русского города Коломна — в Щурово. Но уже в конце лета 1949 года наша семья переехала в Ижевск — моего отца Калашникова Михаила Тимофеевича направили на Машиностроительный завод для налаживания массового производства нового автомата его конструкции — АК-47.

Жили мы очень скромно, но достаточно благополучно — наша первая двухкомнатная квартира была небольшая, но отдельная. Каких-то излишеств или привилегий у нас никогда не было. Детей приучали к самостоятельности и труду. Воспитывали нас и дома, и в школе, и во дворе. Принцип был один: все равны, вне зависимости от должностей родителей и достатка семьи. Этим мы и жили. Никогда не хвалились чем-либо особенным. Помогали тем, кому труднее жилось. Занимались в танцевальных и драматических кружках, ходили всем классом записываться в спортивные секции. В свободное время гуляли во дворе дома — большой командой ровесников участвуя в различных подвижных играх. Каждое лето родители отправляли нас в пионерский лагерь. Ехали с неохотой, но возвращались с грустью от расставания с новыми друзьями…

Плохо ли это было? Уверена, что хорошо! Ведь всё это формировало в нас личность, способную жить в большом коллективе и не только своими интересами.

[1] Продолжение. См.: *Калашникова Е.М.* Простота и гениальность Калашникова // Мы помним…Книга воспоминаний и размышлений поколений. Ч.1 /Под ред. Ю.М. Осипова, Л.И. Ростовцевой. Тула: Аквариус, 2015. С. 194–210; Калашникова Е.М. Дмитрий Федорович Устинов: радость жизни //Мы помним… Книга воспоминаний и размышлений поколений /Под ред. Ю.М. Осипова, Л.И. Ростовцевой. Тула: Аквариус, 2017. С. 58–75; *Калашникова Е.М.* Калашников — десятилетие после создания автомата АК-47 //Мы помним… Книга воспоминаний и размышлений поколений / Под ред. Ю.М. Осипова, Л.И. Ростовцевой. Тула: Аквариус, 2017. С. 75–91.

Сейчас путь моего взросления — школа и спорт, институт и первая работа, — всё вспоминается с благодарностью той стране, в которой мы жили. Когда-то советские люди со смехом говорили про «уверенность в завтрашнем дне», ища в этом и однообразность, и даже скуку. Но сегодня это несбыточная мечта: гарантия спокойной и предсказуемой жизни.

Когда я оглядываюсь в прошлое, то вижу там самое значимое и дорогое для меня и моей семьи, начиная, конечно же, с моего детства. А значит, с рассказов родителей о годах их молодости, о том, как они жили в трудные годы войны. Об этом я и хочу рассказать.

Мои родители Михаил Тимофеевич и Екатерина Викторовна Калашниковы во время войны работали в конструкторском бюро щуровского полигона. Официально он назывался Научно-исследовательским полигоном стрелкового и минометного вооружения (НИПСМВО). Старший сержант Калашников с лета 1942 года периодически приезжал туда из Казахстана для испытаний своих первых образцов — пистолета-пулемёта и ручного пулемёта. С осени 1944 года его прикомандировали к конструкторскому бюро НИПСМВО для участия в конкурсах по созданию новых образцов стрелкового оружия: карабина, а затем — автомата под новый патрон 1943-го года. Итог последнего конкурса — принятие в 1949 году на вооружение Советской армии и Военно-морского флота автомата Калашникова АК-47. Именно этот автомат явился родоначальником системы образцов стрелкового оружия, созданной конструктором на протяжении нескольких десятилетий.

Переехав в Ижевск, мои родители часто и очень тепло вспоминали и о щуровском полигоне, и о замечательных людях, с кем они там жили и работали. Конечно, это время их молодости. Но ведь это были трудные военные и послевоенные годы. Тем не менее, в их рассказах полигон — это место напряженной работы и редкого, но дружного досуга военных и вольнонаёмных специалистов. Высокообразованных, грамотных инженеров-конструкторов, испытателей оружия, классных мастеровых. А главное — умных и очень порядочных, готовых ради общего дела жертвовать личными амбициями.

С другом и соратником инженер-майором В.С. Дейкиным, Щурово, 1946 г.

Надо сказать, что щуровский полигон вплоть до своего расформирования в 1960 году был местом особо важным для оружейников. Вот как вспоминал о нём мой отец М.Т. Калашников в своих мемуарах.

«В первые годы советской власти испытательный полигон перебазировался из Ораниенбаума поближе к Москве. В 1927 году для него было выбрано место в окрестностях небольшого старинного города Коломны. Возможно, при этом были приняты во внимание достаточная удаленность этого города от Москвы (120 км) и наличие в нем развитой тяжелой промышленности.

В 1940–1950-х годах добраться до полигона было не так-то просто. Из Москвы поездом ехали до станции Голутвин и там либо ждали редкий автобус, либо искали попутную машину, либо шли через поселок Щурово (кстати, сам полигон поэтому и называли — щуровским).

Попасть на полигон можно было только через проходную Контрольно-пропускного пункта. Вся территория была обнесена высоким забором и до 1960 года тщательно охранялась. За забором размещался компактный военный городок со всеми соответствующими для небольшого военного гарнизона службами, штабом, жилыми домами с коммунальными квартирами для семей офицеров и вольнонаёмных. Там были маленький клуб, магазинчик, общежитие для холостяков и гостиница для командированных, в которой постоянно не хватало мест.

Центральная территория полигона — штаб и все технические и обслуживающие подразделения — дополнительно охранялась комендантской службой. Работающие на этой выделенной территории имели особые пропуска.

Еще при основании НИПСМВО был организован музей оружия с интересной и богатой коллекцией. На полигоне конструкторы могли ознакомиться с русскими и иностранными образцами, созданными за всю историю стрелкового оружия: от прошлых веков до последних лет. Кроме того, в музее была собрана обширная коллекция тех изделий, которые разрабатывались в советское время и испытывались здесь же, на полигоне. И главное, в музее хранились все отчёты по испытаниям образцов, читая которые, можно понять, какими же достоинствами и недостатками обладала та или иная конструкция.

Полигон выполнял важнейшую задачу для армии — выбор образцов стрелкового оружия, которые предлагались к принятию на вооружение. Кроме того, специалисты полигона постоянно проводили научно-исследовательские работы, вырабатывали рекомендации для новых конструкторских разработок, создавали свои собственные образцы оружия.

Существовала еще одна, не менее важная задача: в условиях жесткого творческого соревнования помочь конструкторам-оружейникам в их профессиональном совершенствовании. Для этого на полигоне были все возможности: высококлассные специалисты и хорошая материальная база. Его мастерская была оборудована по последнему слову техники. В ней можно было изготавливать опытные образцы по заданиям конструкторов полигона и проводить небольшие доработки испытываемых образцов.

Научные работы на полигоне велись по нескольким темам — «направлениям». Каждое из них имело свои людские и материальные ресурсы, а для проведения стрельб — свои испытательные участки со всем необходимым оборудованием. Эти испытательные участки тоже назывались «направлениями» и представляли собой прорубленные в лесу просеки. Расстояние между направлениями было полкилометра, длина каждого — один километр, что позволяло вести прицельный огонь по различным дальностям.

В начале каждого направления стоял небольшой деревянный дом с оборудованием, необходимым для проведения испытаний. Огневая позиция находилась под крытым навесом перед домом. Там же размещались различные стенды, станки и другие вспомогательные приспособления для всесторонних испытаний оружия. На различных дальностях были установлены фанерные щиты. Их размеры возрастали по мере удаления от огневой позиции.

В самом доме находились служебные помещения для подготовки оружия к испытаниям, для ремонта или несложных доработок испытываемых образцов, для работы инженеров и техников, закрепленных за данным направлением.

Полигон, по существу, являлся лабораторией передового опыта. На его базе проходили проверку самые интересные идеи, рождавшиеся в среде конструкторов-оружейников. Где бы ни трудились наши выдающиеся разработчики оружия — В. Г. Фёдоров, В. А. Дегтярев, Ф. В. Токарев, С. Г. Симонов, А. И. Судаев, Г. С. Шпагин, — главные испытания их образцов проводились специалистами полигона. Многие из них побывали в жестоких боях Великой Отечественной войны, прошли нелегкую войсковую службу. Они-то и являлись основным богатством полигона, его мозговым центром, его душой.

Полигон — воинская часть. И как положено в армии, во главе ее стоял командир. В годы войны им был выпускник Артиллерийской академии 1934 года генерал-майор инженерно-технической службы Иван Иович Бульба. Генерал ценил людей, и ему платили взаимным уважением. Особо уважительно он относился к конструкторам, понимая, насколько важна их деятельность для повышения боевой готовности нашей армии.

М. Т. Калашников с офицерами отдела изобретательства ГАУ МВС СССР, 1949 г.

В конструкторском бюро полигона, возглавляемом в то время полковником Кузьмищевым

Василием Филипповичем, работали представители разных поколений, и в основном они были выпускниками Артиллерийской академии имени Ф. Э. Дзержинского. У конструкторов-оружейников полигона была своя, не похожая на другие, школа, свои традиции, отмеченные высоким профессионализмом, оригинальным инженерным мышлением, отточенной культурой проектирования.

Жизнь на полигоне всегда отличалась особой семейно-дружеской обстановкой. Большинство военных и гражданских служащих — не старше 30–35 лет. У многих уже были семьи, маленькие дети. В условиях замкнутого городка все его жители были знакомы друг другу: в будни вместе работали, в праздники вместе отдыхали. Главы семей были, как правило, офицерами средних воинских чинов: лейтенанты, капитаны, майоры.

Еще в первые годы войны многие семьи, живущие на полигоне, получили в личное пользование небольшие участки земли для разведения огородов. Чаще всего там выращивали овощи: картошку, свеклу, капусту, огурцы, помидоры. Но иногда... сеяли и зерно. Нам тоже дали такой участок, и как человек, знакомый с крестьянским трудом, я взял на себя ответственность за наш огород. И надо сказать, результаты получал неплохие...

Группа офицеров ГАУ и конструкторы-оружейники, Щурово, 1944 г. Сидят: С. Г. Симонов, Г. С. Шпагин, И. И. Бульба, В. А. Дегтярёв, В. Г. Фёдоров, А. И. Судаев.

Чем еще занимались жители полигона в редкое свободное от работы время, так это охотой и рыбалкой. Удавалось иногда выбраться на природу, побродить с ружьем по лесу, с удочкой посидеть на берегу реки Оки. Бывало, возвращались домой с трофеями...

Михаил Калашников и Екатерина Моисеева (справа) с подругами. Щурово, 1946 г.

Соревнования по лыжам. Щурово, конец 1940-х гг.

С весны 1945 года жизнь на полигоне начала изменяться к лучшему: люди стали чаще улыбаться, шутить, смеяться. Будто тяжелая ноша спала с плеч, и мы всей грудью вдохнули пьянящий запах Победы. Праздники, отмечаемые нами в войну, были с привкусом понятного общего горя, как тот «пир во время чумы». Послевоенные праздники стали настоящими народными гуляньями для тех, кто пережил ужас войны.

Со временем на полигоне возобновились прерванные войной физкультурные соревнования. В них принимали участие все, кто хотел и мог. От тех, кто любил бегать, прыгать, плавать и нырять — отбоя не было. Наша семья тоже участвовала...»

Слушая рассказы моих родителей об их жизни на щуровском полигоне, я не могла не влюбиться в такое замечательное место. В детские годы иногда отец брал меня с собой, когда из Ижевска ездил туда в командировку. Я помню тщательность проверки документов на Контрольно-пропускном пункте строгими военными. Наверняка, они знали моего отца, но служба — есть служба! Отец часто оставлял меня одну в маленькой комнатке гостиницы, а сам «уходил работать». Иногда вечером мы ходили в гости к его бывшим сослуживцам.

После переезда нашей семьи в Ижевск мои родители обзавелись замечательными друзьями. Как раньше говорили — это была очень хорошая компания. Кроме моего отца, все мужчины были офицерами военной приёмки на ижевских заводах. Некоторые из них служили на щуровском полигоне. Поэтому, когда они собирались вместе за праздничным столом, очень часто вспоминали кого-либо «из полигоновских» и что-то из своей жизни в этом чудесном месте.

В разные годы я приезжала в Коломну, и каждый раз ходила с кем-нибудь на щуровский полигон. Постепенно он «старился» и из него выветривался «оружейный дух». В 1960 году при его расформировании основная часть военных специалистов с семьями переехала в Ленинград. Там был основан уже другой, ржевский, полигон для испытаний стрелкового оружия...

В настоящее время то место, где располагался в 1927–1960 годах щуровский полигон, является территорией города Коломны и определяется только одной улицей — Ларцевы поляны. Щуровский полигон, как и сам поселок Щурово, постепенно исчезает из памяти городских жителей. Хотя в оружейную историю как нашей страны, так и общемировую, он вписан навечно. Ведь именно там испытывалось и рекомендовалось к принятию на вооружение всё автоматическое стрелковое оружие нашей страны. Оружие, с которым Советский Союз одержал победу в Великой Отечественной войне! Оружие, наличие которого обеспечило нашей стране мирные послевоенные десятилетия! Именно там разрабатывался и испытывался легендарный автомат Калашникова АК-47, за создание которого старший сержант Калашников весной 1949 года получил Сталинскую премию первой степени. Очень жаль, когда забываются такие исторические факты...

В этой связи в 2019 году мне показалось уместным предложить руководству города Коломны установить в Мемориальном парке бронзовый бюст генерал-лейтенанта Калашникова в рамках празднования 100-летия конструктора стрелкового оружия. Инициатива моя была поддержана. Работу по созданию памятника взял на себя Межрегиональный общественный фонд имени М. Т. Калашникова. 27 мая 2019 года в городе Коломна состоялось его открытие.

При проектировании постамента памятника мы разместили на боковой его стороне следующую информацию: *«Старший сержант М.Т. Калашников в 1944–1949 гг. прикомандирован к отделу изобретательства Министерства Вооружённых сил СССР для работы в конструкторском бюро научно-исследовательского полигона стрелкового и миномётного вооружения. Здесь он создал легендарный автомат АК-47. В 1927–1960 гг. полигон располагался в пригороде Коломны — Щурово».*

Памятник М.Т. Калашникову в Коломне, 2019 г.

Таким образом, мы постарались передать память о славном оружейном прошлом Советского Союза, о славном щуровском полигоне, настоящим и будущим поколениям нашей страны Российской Федерации.

ТУЛЬСКИЙ МУЗЕЙ ОРУЖИЯ
(50–80-е годы XX столетия)

Ивлева Ольга Борисовна, 54 года,
заведующая научно-фондовым отделом
ФГБУК «Тульский государственный музей оружия»
г. Тула

Тульский государственный музей оружия является одним из старейших музеев России и занимает исключительно важное место в культурной, образовательной и туристической жизни Тульского региона.

История музея неразрывно связана с Тульским оружейным заводом, на котором в первой четверти XVIII в. началось формирование коллекции оружия, послужившей основой будущих фондов. В результате на протяжении двух столетий образовалось уникальное собрание, позволяющее продемонстрировать эволюцию стрелкового и холодного оружия, а также историю тульского оружейного производства в XVII–XIX вв. [1, с. 7–10].

Датой официального основания музея считается 1873 год, когда особым правительственным распоряжением в штате Тульского оружейного завода были учреждены должности начальника и хранителя, а также определены главные направления деятельности.

До 1917 г. музей, располагавшийся в административном здании на территории завода и выполнявший функцию технического кабинета, посещали в основном офицеры и должностные лица Артиллерийского Управления, воспитанники военных училищ, а также почетные гости оружейного завода, в том числе и члены императорской фамилии [2, с. 23–24].

В 1920 г. Центральное правление артиллерийских заводов РСФСР приняло решение об организации «советского оружейного музея», который открылся 16 ноября 1924 г. Несмотря на то, что музей по-прежнему находился на территории оборонного предприятия, его посещение по предварительным заявкам стало возможным для всех желающих [3, с. 295–307].

Музей 1-х Т.О.З. Тула. 1929 г.

Музей оружия в здании по адресу: г. Тула, пр. Ленина, д. 2

До начала Великой Отечественной войны шло интенсивное пополнение фондов образцами оружия, переданными из мастерских и конструкторских бюро завода, из собрания Государственного Эрмитажа и военных складов.

Важным событием в послевоенной истории музея стал его переезд в 1959 г. с территории Тульского оружейного завода в специально выделенные помещения старинного здания в центре Тулы. Музей впервые стал доступен для свободного посещения. С этого момента начался новый этап в его развитии, во многом связанный с введением в штатную структуру Центрального конструкторского исследовательского бюро спортивно-охотничьего оружия [4, с. 44–46].

Нахождение музея в составе ЦКИБ СОО до возвращения на Тульский оружейный завод в 1972 г. оказало положительное влияние на значительное пополнение собрания, и в первую очередь, первоклассными изделиями этого ведущего российского оборонного предприятия — спортивными пистолетами, охотничьими ружьями, резными и граверными работами учеников Школы оружейного мастерства.

В это же время поступили предметы из фондов других музеев, например, гравюры С. Карделли из Государственного исторического музея или фотографии из Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи.

В 1962 г. в связи с 250-летием ТОЗ музейное собрание пополнилось большим количеством юбилейных адресов, фотографий, документов, дипломами с выставок и ярмарок за лучшие образцы продукции, что позволяло более полно отразить историю оружейного производства в Туле в 40–50-е гг. XX в.

В 1966 г., когда в Туле проходили торжественные мероприятия, посвященные празднованию 25-летия героической обороны города осенью-зимой 1941 г. и вручению высшей государственной награды — ордена Ленина, в музей поступило оружие, личные вещи участников обороны и знамя 766-го Стрелкового полка 217-й Стрелковой дивизии, защищавшего Тулу.

Практически вся деятельность музея была направлена на военно-патриотическое воспитание подрастающего поколения. В 60–80-х гг. XX в. особо популярными являлись встречи участников Гражданской

и Великой Отечественной войн, военнослужащих, курсантов Тульского военного артиллерийского училища и известных конструкторов с молодежью Тульского оружейного завода.

Незабываемым мероприятием стала организованная в октябре 1977 г. в стенах музея трогательная встреча ветеранов Тульского рабочего полка, не видевших друг друга с войны и приехавших в Тулу из разных уголков Советского Союза. Своим присутствием почтил собрание и первый командир Тульского рабочего полка генерал-майор А. П. Горшков.

Ветераны полка посетили памятные места боев, а на многочисленных митингах, вечерах и школьных уроках мужества А. П. Горшков, начальник боепитания полка П. Д. Шишков, командир батальона, а затем и командир полка И. К. Коршиев, командир взвода Н. И. Журило делились воспоминаниями.

Спустя четыре года, 3 декабря 1981 г., в музее, где работал Совет ветеранов Тульского рабочего полка, состоялась повторная встреча, на которую собрались 62 ветерана. В память о ней в музейном собрании хранится уникальный фотоальбом, запечатлевший всех участников.

На информирование в первую очередь о событиях военной истории была направлена просветительская и выставочная работа музея. Так, к 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне открывалась масштабная выставка «Оружие наших побед». Именно с нее музей начал свою деятельность в 1985 г. уже на новом месте — в здании бывшего Богоявленского собора на территории Тульского кремля.

Решение расположить музей в этом здании, находившемся на балансе Тульского оружейного завода, связано с реконструкцией исторического центра города, повлекшего за собой и снос дома, где в четырех залах общей площадью 312 кв. метров находилась экспозиция, знаменитая не только в оружейной столице, но и далеко за ее пределами.

Конструкторы и мастера тульского оружейного завода в Тульском музее оружия. 1965 г.

Первый командир Тульского рабочего полка А. П. Горшков в Тульском музее оружия. 1978 г.

Встреча ветеранов Тульского рабочего полка в Тульском музее оружия. 3 декабря 1981 г.

А. С. Куранов и О. В. Комиссаржевская. Тульский музей оружия. 1987 г.

Уже во время выставки «Оружие наших побед» началось создание новой постоянной экспозиции, научную концепцию которой разработали сотрудники музея, а художественное оформление — авторский коллектив Комбината декоративно-оформительского искусства (г. Москва). В его состав входили члены Союза художников СССР А. С. Куранов, Ю. А. Насонов и Л. С. Курзенков, а также член Союза архитекторов СССР О. В. Комиссаржевская.

Перед художниками стояла непростая задача по созданию экспозиции в помещении, имеющем определенную архитектурную специфику культового сооружения. Для ее решения к восточной стене собора сделали кирпичную пристройку для служебных помещений, а внутри здания — перекрытие, создав тем самым второй этаж и площадь в 1100 кв. метров для экспозиции.

Все документы, связанные с проектированием экспозиции и ее созданием, обязательно утверждались в Тульском городском комитете Коммунистической партии Советского Союза, в Тульском областном исполнительном комитете и у руководства Тульского оружейного завода.

Художники использовали удачные дизайнерские находки, способствовавшие восприятию информации и погружению в ту или иную историческую эпоху. С помощью оформления витринных комплексов они отсылали посетителя к Оружейной палате Московского Кремля, а на сводах потолка разместили живописные в стиле социалистического реализма композиции о разработке и производстве оружия, военной истории, портреты известных оружейников.

Экспозиция, созданная в течение четырех лет, рассказывала об эволюции российского стрелкового и холодного оружия, развитии инженерно-технической мысли и отечественной оборонной промышленности. Ее торжественное открытие состоялось в Международный день

музеев — 18 мая 1989 г. и стало значительным событием в истории проектирования отечественных музейных экспозиций [5, с. 11–20].

На протяжении четверти века здание музея в Тульском кремле являлось центром притяжения жителей и гостей города оружейников, стремящихся познать его славную историю. В числе почетных посетителей музея особо следует выделить знаменитых советских конструкторов оружия И. Я. Стечкина, Н. Ф. Макарова, Г. А. Коробова, А. Г. Шипунова, В. П. Грязева, М. Т. Калашникова, а также генералов Советской Армии В. Л. Говорова и А. А. Епишева, летчиков полка «Нормандия-Неман» и многих других известных личностей.

С открытием новой экспозиции и увеличением площади для хранения фондов началось интенсивное пополнение коллекций, стало поступать оружие с военных складов и предприятий военно-промышленного комплекса Тульского региона, оборонных предприятий Ижевска и Вятских Полян. Неоценимую помощь в этом вопросе оказал генеральный конструктор и директор Научно-производственного объединения «СПЛАВ» Н. А. Макаровец, при поддержке которого в 90-е годы в постоянной экспозиции музея был создан комплекс, рассказывающий о разработке в Туле артиллерийских снарядов и реактивных систем залпового огня.

В здании на территории Тульского кремля активизировалась и выставочная работа, создавались временные экспозиции, посвященные юбилейным датам в военной и оружейной истории, со дня основания Тульского оружейного завода, в честь тульских конструкторов С. И. Мосина, Ф. В. Токарева, Н. Ф. Макарова и др.

Запоминающейся стала выставка «Золотой век тульского оружия», представившая в новом историческом контексте коллекцию «достопамятных» ружей, изготовленных на Тульском оружейном заводе в честь его посещения российскими императорами.

Большой интерес вызывали у посетителей и фотовыставки различной направленности, например, «Ракетное оружие русской армии первой половины XIX в.», «Архитектурно-планировочное развитие Тульского оружейного завода в XVIII–XIX вв.», «Нет в России семьи такой, где б не памятен был свой герой...»

Конструкторы оружия Г.А. Коробов и М.Т. Калашников, директора Тульского оружейного завода Е.Н. Сабинин и Н.М. Пушкин в Тульском музее оружия. 1998 г.

Рассказывая о музее, нельзя не упомянуть и о его деятельности, связанной с популяризацией истории Тульского оружейного завода через музейное собрание и проводимые многочисленные мероприятия. На страницах газет «Коммунар», «Молодой коммунар» и «Ударник» регулярно печатались статьи сотрудников, а на областном радио и телевидении выходили познавательные сюжеты на темы оружия, его конструирования и производства [6, с. 41–52].

Здание бывшего Богоявленского собора на территории Тульского кремля. 70-е гг. XX в.

Здание Тульского музея оружия на территории Тульского кремля сегодня.

Невозможно представить музей без опубликованных каталогов и путеводителей. В 50–70-х годах увидели свет многочисленные издания, созданные сотрудниками музея при непосредственном участии и помощи доктора исторических наук В. Н. Ашуркова [7].

Работа музея всегда высоко оценивалась не только руководством Тульского оружейного завода, но и партийными, государственными и правительственными органами различных уровней. Музей награжден рядом грамот и дипломов, а в 1993 г. занесен в отечественную книгу рекордов «Диво» как «старейший и уникальный музей России»!

Следующей значимой вехой в истории музея стал его вывод в 1996 г. из состава Тульского оружейного завода и приобретение статуса федерального учреждения. Тогда же было принято решение о строительстве для него нового здания в историческом месте — на территории бывшей Кузнецкой слободы, где в Туле зародилось казенное оружейное дело.

Строительство уникального здания в форме шлема русского воина велось на протяжении нескольких лет, и в дни празднования 300-летия Тульского оружейного завода, в марте 2012 г. состоялось его открытие, положившее начало новому этапу в жизни музея уже в XXI столетии, в котором ему предстоит стать одним из лучших не только в России, но и в мире!

Новое здание Тульского государственного музея оружия

Литература и источники

1. *Пинк И.Б.* «...Старинные пушки и фузеи не переливать и не портить, а сдавать как курьёзы в цейхгаузы на сохранение...»: к вопросу о начале формирования коллекции Тульского государственного музея оружия // 145 лет Тульскому государственному музею оружия: сборник научных статей сотрудников музея / Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Тульский государственный музей оружия». Тула, 2018.

2. *Кузнецов О.Ю.* Музей Тульской губернии последней четверти XIX — начала XX века: Историко-краеведческий очерк. Тула: Гриф и К°, 2009.

3. *Крапивенцева М.Б.* История Тульского государственного музея оружия в 20–30-е годы XX века // Мир оружия: история, герои, коллекции: материалы Международной научно-практической конференции (22–23 октября 2015 года) / Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Тульский государственный музей оружия». Тула, 2015.

4. *Игнатков В.В.* Из истории Тульского государственного музея оружия в 1959–1972 гг. // Сборник трудов Тульского государственного музея оружия 2016 года / Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Тульский государственный музей оружия».

5. *Ремизова М.А.* Открытие постоянной экспозиции Музея оружия в здании на территории Тульского кремля // 145 лет Тульскому государственному музею оружия: сборник научных статей сотрудников музея / Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Тульский государственный музей оружия». Тула, 2018.

6. *Зливко А.В.* Работа Тульского музея оружия по военно-патриотическому воспитанию молодежи (1960–1990 гг.) // История. Историки. Источники: электронный научный журнал. 2016. № 4.

7. *Ашурков В.Н.* Тульский музей оружия. Путеводитель. Тула: Тульское книж. изд-во. 1958; *Ашурков В.Н.* Тульский музей оружия. Путеводитель. Тула: Приокс. книж. изд-во. 1965; *Богомазов Д.Н.* Тульский музей оружия. Путеводитель. Тула: Приокс. книж. изд-во. 1962; Тульский музей оружия. Путеводитель. Тула: Приокс. книж. изд-во. 1972; *Чуднов Г.М., Савенко О.Н.* Сокровища тульского музея оружия. Тула: Приокс. книж. изд-во. 1978.

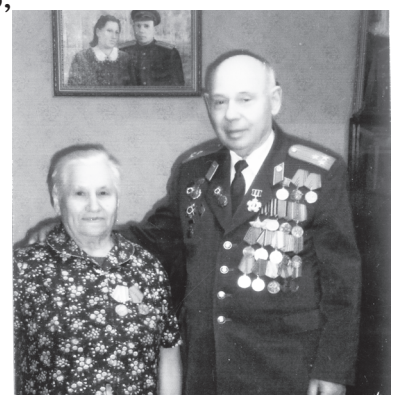
Все фотографии из фонда ТГМО.

Глава 2. УЧАСТНИКИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

ИСТОРИЯ МОЕЙ ЖИЗНИ

Мосин Алексей Иванович, 97 лет,
заместитель председателя Тульского областного комитета ветеранов войны, труда и военной службы,
председатель Совета ветеранов Советского района г. Тулы,
полковник в отставке,
Почетный гражданин города-героя Тулы,
г. Тула

Я родился в семье отставного офицера царской армии, Георгиевского кавалера, воевавшего на фронтах Первой мировой и гражданской, Ивана Михайловича Мосина. Можно сказать, что я, действительно, не имел иного выбора, кроме как пойти по стопам своего отца. Позднее мною была издана автобиографическая книга с говорящим названием «Офицерская династия Мосиных», в которой подробно изложены основные вехи истории моей семьи, тесно связанной со службой Отечеству. Однако собственно об отце вы там найдете не так много информации — всего пара абзацев. Он погиб на службе в 1928 году, когда мне было всего пять лет. Этим собственно и объясняется скудность воспоминаний. Зато осталось какое-то поистине непреодолимое желание продолжить его дело, ставшее впоследствии семейным. Эта навязчивая мысль будет преследовать меня и не давать покоя на протяжении всей жизни.



А.И. Мосин с супругой

До войны

Я появился на свет 26 марта 1923 года в деревне Маковка Одоевского района Тульской области в многодетной семье. У меня было три брата (два старших) и одна сестра.

В школе учился хорошо, за что даже получил от одноклассников прозвище «отличник». Увлекался рисованием. Позднее

это сыграет важную роль в моей судьбе. Ведь фактически свою трудовую деятельность я начал с того, что писал плакаты. А когда в селе потребовался «избач» — так тогда называли заведующего избой-читальней, то председатель Покровского сельсовета ввиду полного отсутствия других желающих, а главное — мало-мальски подходящих кандидатур из числа селян, обратился ко мне с просьбой занять вакантную должность. Так в марте 1938 года началась моя трудовая карьера. Стоит отметить, что за работу в избе-читальне мне платили довольно неплохую, по меркам того времени, зарплату — по-моему, рублей 25. Так что, можно сказать, какое-то время я был фактически единственным кормильцем в семье. За отца также платили пенсию, но ее не хватало. Старшие братья и сестра разъехались, и кроме меня помочь матери было фактически некому. А ведь у нас еще был младший брат, который учился в школе.

Примечательно, что, несмотря на любовь к учебе, школу я так и не закончил, получив справку и несколько книг в придачу — как тогда говорили, для самостоятельного завершения образования. Помешала работа. Дело в том, что в это время началась финская война и колхозного бухгалтера призвали на фронт. Местное начальство предложило мне фактически повышение по службе. Определяющим обстоятельством стало то, что, работая избачом, я сидел в одной комнате с бухгалтером и выполнял его поручения. В общем, какое-то время работал счетоводом колхоза имени Шмидта и начальником Добровольной пожарной дружины (за это, кстати, тоже доплачивали). Помню, уже тогда, несмотря на возраст, все обращались ко мне исключительно по имени и отчеству. Меня это очень смущало и льстило одновременно.

В войну

Война застала меня восемнадцатилетним юношей. Как и многие мои сверстники, я был одержим желанием попасть на фронт. Но одного желания оказалось недостаточно. Что-то постоянно вставало у меня на пути, мешая в осуществлении этой детской и где-то даже наивной мечты о ратном подвиге. В Одоевском военкомате мне, как и моим друзьям-комсомольцам, отказали, сославшись на возраст и отсутствие необходимого боевого опыта. Но я не сдавался и искал возможности послужить Родине. Ждать долго не пришлось. Время было такое: истекавшей кровью стране постоянно требовались рабочие руки.

В первые месяцы войны в Тульской области начали создавать комсомольские молодежные отряды. В этом отряде я получил воинскую должность младшего политрука. Через какое-то время подчиненную мне группу из 30 человек послали под Ржев на рытье противотанковых рвов, окопов, знаменитых «землянок в три наката» и возведение прочих фортификационных укреплений. Все ждали наступления неприятеля буквально со дня на день. Я также готовился принять свой первый бой. Но когда

немцы подошли к Ржеву в октябре 1941-го, поступил приказ эвакуировать всех гражданских и перебросить на другой, менее опасный участок. Затем нас и вовсе распустили по домам. Помню, моему разочарованию тогда не было предела. Я был молод и горяч, жаждал отличиться, а тут такое...

Впрочем, горевал недолго. Вскоре меня призвали. Я поступил в полковую школу в Муроме, где учился на командира минометного расчета. Окончил с отличием, и меня как «особо ценного специалиста» решили оставить помощником командира учебного взвода, чтобы я мог передавать свои недавно полученные знания молодому пополнению перед отправкой на фронт. Фронту в то время требовались все новые и новые «боги войны», так тогда называли артиллеристов, и кто-то должен был обслуживать этот «военный конвейер». Инструкторов катастрофически не хватало. Кроме того, я работал помощником секретаря. Вновь пригодились те самые навыки, полученные в школе на уроках рисования. Заполнял документы красивым почерком. Однако, признаться, в то время для меня все это было сущим наказанием. Ведь шестеро моих друзей, призванных вместе со мной, отправились на фронт, а я вместо ратных будней был вынужден проводить однотипные занятия и читать скучные лекции «зеленым» новобранцам.

Сейчас смешно об этом говорить, но тогда я рвался на передовую, т.к. всерьез считал, что война может закончиться без меня, пока я тут отсиживаюсь в тылу. Главной мечтой тогда было вырваться из всего этого и оказаться как можно быстрее на передовой. Вместе с товарищем мы слали рапорт за рапортом с просьбой отправить нас на фронт, но каждый раз получали неизменный отказ. Минометчики Красной Армии в то время действительно были нужнее. Кстати, примерно так в ответе и мотивировали причины отказа.

Летом 1943 года моя мечта наконец-то осуществилась. После очередного рапорта пришел положительный ответ. Нас вместе с другом должны были отправить на фронт. Но и здесь не обошлось без приключений. Еще на железнодорожной станции моего товарища сняли с поезда. Все дело в том, что он на тот момент лежал в госпитале, а когда услышал, что мы собрались ехать на передовую, то буквально со слезами на глазах умолял нас взять его с собой. Разумеется, мы не могли отказать и решили помочь другу бежать из госпиталя. Правда, для осуществления столь «дерзкого побега» сначала нужно было раздобыть форму. Ведь его собственная находилась у врачей, которые, конечно же, никогда бы не отдали ее не вылечившемуся бойцу. «Сменку» нашли довольно быстро. Вот только подходящих галифе под рукой не оказалось. Поэтому пришлось ехать в штанах от больничной пижамы. Это-то и сыграло довольно злую шутку с «беглецом». На одной из станций его сняли с поезда, и вместо фронта друг отправился на гауптвахту, а мы с остальными ребятами отправились дальше.

Самое удивительное, что те самые навыки артиллериста, которые я так долго оттачивал в учебке, на фронте мне практически не пригодились. Минометным расчетом я никогда не командовал. А дело, собственно, вот в чем: в том самом поезде встретил человека. Звали его Александр Филиппов. Он был пограничником и ехал на фронт с самого Дальнего Востока. Вот он-то как раз и уговорил меня сменить свою военную специальность. По прибытии в расположение 57-й гвардейской стрелковой дивизии на третьем Украинском фронте мы оба попросились в разведку и оказались зачислены в отдельную гвардейскую разведроту.

Вскоре я был назначен командиром отделения. Что ж, как говорится, вот и сбылась мечта идиота: я оказался не просто на передовой, а на самом ее острие. Стоит отметить, что на тот момент фронт дрогнул и начал откатываться на запад, появилась робкая надежда на скорое завершение надоевшей войны. Вот только для меня это было скорее плохой новостью. Помню, как изо всех сил стремился наверстать упущенное время и спешил проявить себя. Но на передке все оказалось не так, как я себе представлял в учебке.

Сейчас часто вспоминаю о том, как в первое время я еще совсем «зеленый» и не обстрелянный, много раз «ходил под смертью». Знаний, полученных на уроках в полковой школе, явно не хватало для выживания в боевых условиях. Вообще на любой войне существует целая масса нюансов, о которых не вычитать даже из самых умных книг, и никто тебе не объяснит, пока не прочувствуешь на себе. Эта мудрость приходит только с опытом и никак иначе. На фронте я в этом убедился в полной мере.

Так, будучи командиром отделения и руководствуясь заученными наизусть учебными пособиями, во время своего первого серьезного обстрела я тут же упал на землю, тогда как подчиненные попрыгали в воронку от взрыва. Признаюсь, мне тогда откровенно повезло. Один из немецких снарядов угодил в полевую кухню, где повар только что закончил приготовление обеда для солдат. От прямого попадания кухню разнесло в щепки, все разлетелось метров на 20, а меня самого, лежащего на земле неподалеку, накрыло осколками, дровами и содержимым кухонных котлов. Помню, как увидев эту картину, подчиненные уж было решили, что теперь им нужен новый командир. Но, к их удивлению, я отделался небольшим ожогом и парой ссадин. Это была незначительная плата за столь ценный урок, который я усвоил навсегда. Впоследствии даже спас жизнь одному лейтенанту узбеку, затащив его в воронку во время обстрела. После боя на шинели лейтенанта было обнаружено пять пробоин от осколков. Кстати, он тоже усвоил урок.

Специфика разведывательной деятельности заключалась в том, что приходилось пересекать линию фронта для сбора информации. Помню, как во время таких рейдов я неоднократно встречался с местными жителями и партизанами, действующими на территории Украины и активно

помогавшими бойцам Красной Армии. Однажды моя разведгруппа даже уничтожила немецкий продовольственный отряд, который собирал провиант по украинским деревням. Натолкнулись на него случайно. Соотношение сил было три к пяти в пользу немцев. Но внезапность и слаженность действий моих бойцов оказались на высоте. Ни один из разведчиков моего отделения не получил ранений в том коротком бою, в то время как группа неприятеля была полностью уничтожена.

Еще одним регулярным видом заданий был вызов огня на себя. Здесь требуется не только молниеносность реакции, но и невероятное хладнокровие. Мне же больше пригодились художественные навыки. Я скрупулезно фиксировал все огневые точки противника на карте, после чего предоставлял данные командованию.

Но все же по-настоящему значимым экзаменом для меня стала военная операция по форсированию Днепра. Отдельная гвардейская разведрота 57-й дивизии преодолела эту водную преграду в числе первых. Но нужно было еще закрепиться. Помню, как сложно было карабкаться вверх по отвесному склону и рыть окопы, которые из-за особенностей ландшафта больше напоминали «ласточкины гнезда», — собственно так мы их и называли в то время. К тому времени мы полностью превосходили противника и в тактике, и в технике, и в морально-волевом плане. На третьем году мы научились нормально воевать уже, как говорится, не числом, а уменьем. Артиллерия и авиация очень помогали пехоте. Непосредственно перед форсированием проводилась масштабная артподготовка.

Стоит отметить, что после высадки на правом берегу Днепра линия фронта долгое время оставалась «гуляющей». Однажды я чуть было не пересек эту невидимую черту и не оказался прямо перед немецкими окопами. Руководство дивизии как раз поставило перед моим отделением задачу установить месторасположение позиций неприятеля. А они оказались гораздо ближе, чем предполагалось. Помню: идем и чувствуем — земля дрожит. Присели в траву, а потом поняли, что это немцы болванками бьют. Обернулись, видим, наши танки идут — в это самое время началось наступление. Мы, конечно же, присоединились. Фашистов погнали дальше.

Впереди была небольшая деревушка, которую занимали немцы. Они не успели как следует укрепиться, но приготовили засаду, спрятавшись в подвале двух домов. К счастью, женщины-украинки предупредили нас и указали на эти здания. Боя не случилось. Прозвучала команда «Hände hoch! Waffen abgeben!». Услышав это, фашисты сразу сигнализировали о капитуляции, понимая, что в противном случае полетят гранаты, а это — верная смерть. В итоге набралось 18 пленных, которые были сданы в штаб дивизии.

Дальше нашей 57-й дивизии предстояло решить еще более сложную и стратегически важную задачу по расширению плацдарма на правом

берегу Днепра. В этой связи меня, только что назначенного уже командиром взвода, вызвали в штаб, где дали приказ захватить господствующую высоту близ старинного украинского города Корсунь-Шевченковский в излучине Днепра. Задача была крайне непростой. Сложности добавляло еще и то, что вокруг данной сопки пролегала абсолютно ровная степь. Немцы прекрасно понимали выгоду такого положения, поэтому постарались максимально укрепить свои позиции. Высота казалась неприступной. Она была оборудована пулеметными гнездами, минометными расчетами, артиллерийскими орудиями и наполовину вкопанными в землю немецкими танками. Наши войска уже несколько раз пытались выбить оттуда немцев, но ничего не получалось. Самое ужасное, что именно эта позиция фактически блокировала продвижение дивизии, и обойти ее было никак нельзя, только ценой больших потерь.

15 декабря 1943 года поздно ночью одетые в белые маскировочные халаты мы незаметно подползли к немецким укрепленным позициям с трех сторон, предварительно проделав ходы в минном поле, и по моей команде забросали их противопехотными и противотанковыми гранатами. Гранаты использовались преимущественно немецкие с длиной ручкой для того, чтобы удобнее было метать из положения лежа. Для фашистов наше внезапное появление на позициях стало полной неожиданностью. Побросав оружие, фрицы бросились врассыпную. Но лишь немногим удалось скрыться, большая часть была уничтожена на месте, около 20 человек попали в плен. Поняв, в чем дело, немцы открыли огонь, но наша артиллерия оказалась готова к этому, огневые точки были тотчас подавлены. К утру, в соответствии с планом операции, подтянулись основные силы. Сопка окончательно перешла к Красной Армии. Путь для нашей дивизии был открыт.

Все участники той операции были представлены к награде. Я был удостоен Ордена Славы III степени. Относительно этой награды среди наших солдат в то время ходила такая шутка: «Тот, кто еще не получит Орден Славы всех трех степеней в ближайшее время, сможет получить его только за взятие американских небоскребов». Действительно, тогда все ждали скорого окончания войны и настороженно относились к союзникам, которые явно не спешили с открытием Второго фронта, ожидая, кто возьмет верх в этой схватке. Сейчас забавно вспоминать, но тогда я, как и многие бойцы, надеялся добрать недостающие ордена как можно быстрее и вернуться домой героем.

Однако судьба распорядилась иначе. 29 декабря 1943 года война для меня закончилась. В этот день я со своим отделением вышел на свое последнее боевое задание. В целях получения информации руководство приказало нашему отделению добыть «языка». Не могу сказать, что были какие-то тревожные предчувствия. В принципе, подобные задания выполнялись

нами и раньше, поэтому какой-никакой опыт их выполнения уже имелся. Задача вроде бы простая: незаметно подползти к первой линии окопов; немцы, как правило, выставляли вперед пулеметчиков, дождаться, пока он задремлет, а дальше уже, как говорится, дело техники: по голове, кляп в рот и тащить к своим как можно быстрее.

Но на сей раз все пошло не так. Языка захватили, но группа была обнаружена неприятелем из-за осветительных снарядов. Позднее мы выяснили, что в это время разведкой другой дивизии проводилась аналогичная операция выше. Они себя обнаружили, подняв тревогу. Нас накрыли сильным минометным огнем. Я был серьезно ранен сразу в обе ноги, из последних сил рванул к своим, побежал, пока не свалился без чувств. В этот момент меня подхватили под руки и потащили боевые товарищи и доставили в часть вместе с захваченным языком, который, как потом оказалось, имел при себе ценные документы. Очнулся уже в штабе полка. Там оказали первую помощь, потом отправили в полевой госпиталь. Кстати, там первый раз налили те самые «наркомовские сто грамм», о которых сегодня так много говорят. Благо — все-таки был Новый год.

В полевом госпитале мое состояние оценили как крайне тяжелое. Кости обеих ног были раздроблены, несколько осколков так и не удалось извлечь, к тому же в рану попали частички ткани, что позднее приведет к хроническому остеомиелиту. Меня фактически в бессознательном состоянии отвезли на санях, погрузили в медицинский вагон и отправили в пересыльный госпиталь в Днепропетровск. Несмотря на то, что эшелон был обозначен как санитарный, немецкие «Юнкерсы» несколько раз атаковали его. Вновь повезло: вагон, где я лежал, не задело.

Дальше были Ташкент, Фергана, Ленинабад. Пришлось заново учиться ходить. Курс лечения занял около полугода. Я надеялся вернуться на фронт, но это было невозможно. Летом 1944-го был демобилизован в связи с получением третьей степени инвалидности. Старые раны еще долго напоминали о себе, не давали спокойно спать по ночам. Но молодость победила.

После демобилизации я отправился в Тулу. На личном фронте, признаюсь, у меня тогда складывалось не очень. Невеста, которая обещала ждать, нарушила данную клятву. Хотя, наверное, частично этому поспособствовал я сам. А дело вот в чем: еще находясь в госпитале, я отправил ей фотокарточку, где был запечатлен в халате. Причем, ни рук, ни ног не было видно. Она посчитала, что конечности ампутированы и по совету тети ответила на ухаживания фронтовика из соседней деревни. Он, кстати, тоже вернулся без ноги. Когда же мы с другом зашли к ней, девушка попыталась оправдаться. Но я твердо сказал, что никакого разговора не будет, мы развернулись и ушли.

После войны

Уже в августе 1945 года я отказался от группы инвалидности и устроился на работу инспектором в лагерь для военнопленных (323-й лагерь НКВД СССР), а затем уже стал и начальником. У меня никогда не было цели или желания отомстить немцам за свои увечья. Напротив, как и многие жители окрестных сел, я относился к ним с глубоким сочувствием. Все пленные были размещены в общежитии и получали хороший паек, в который входили не только продукты, но и сигареты; медицинское обслуживание за ними закрепили. Словом, это заметно отличалось от тех «лагерей смерти», что они устраивали у себя. Охраны как таковой не было, равно как и случаев побега. Лишь однажды мне пришлось ловить военнопленного, сбежавшего к местной женщине, с которой у него была любовь. Позднее с ним разобрались свои же. Но мне тогда тоже досталось.

В это время я и сам встретил свою любовь. Марья Васильевна работала агрономом-ягодоводом в совхозе «Большевик» Арсеньевского района Тульской области, которому я помогал, будучи еще начальником лагерного отделения, а потом сам работал там кассиром. Эта девушка сразу пришлась по душе и мне, и моей семье. С одобрения матери я сделал предложение. Выбор оказался удачным. Мы с Марией Васильевной прожили вместе семьдесят лет. Все это время она обеспечивала мне надежный тыл. В шутку мы даже называли ее «генералом».

В марте 1947 года после ликвидации лагерного отделения я устроился работать в Уголовный розыск Арсеньевского РО МВД. Параллельно с этим вернулся к учебе. Получил аттестат зрелости, дающий право поступления в высшие учебные заведения Союза ССР без сдачи вступительных экзаменов, а после поступил в Горьковскую высшую школу милиции по специальности «юрист». Закончив ее с отличием, поступил в Высшую школу Министерства охраны общественного порядка РСФСР.

Стоит отметить, что послевоенное время было неспокойным. И милицейские сводки нередко напоминали сводки с фронта. Первоочередной задачей было справиться с разгулом преступности. И здесь боевой опыт пришелся весьма кстати. Так, я руководил группой, направленной на ликвидацию преступной группировки Хановича, состоявшей из ранее осужденных и выселенных из Москвы за 101-й километр. Для этого был назначен начальником новосозданного Бегичевского поселкового отделения милиции Богородицкого района. Два года потребовалось на исправление ситуации. После этого я посчитал свою миссию выполненной и попросил перевода старшим следователем в Белевский район. А само отделение было закрыто за ненадобностью.

В Белеве обстановка оказалась более спокойной, но и там работы хватало. После меня командировали в Липки, где в то время происходили волнения бывших заключенных, освобожденных «холодным летом 1953-го». Для решения данной задачи мне, уже лейтенанту, в подчинение были переданы оперативно-следственные службы Киреевского РОВД. Однако сил явно не хватало. Из молодежи создали оперативный отряд и службу внештатных сотрудников милиции. До этого в Тульской области не было ничего подобного. Результатом работы стал рост раскрываемости преступлений, который достигал 93–95 процентов.

В 1966 году меня перебросили на более сложный участок. Я стал начальником отдела Привокзального РОВД. Тогда это был один и самых неблагополучных районов. Больше всего опасений вызывал Центральный городской парк и быстро растущий поселок Мясново, куда переселяли бывших заключенных и в котором действовал всего лишь один участковый. Я настоял на открытии отделения милиции, а также разработал план, который был одобрен Министерством внутренних дел СССР и опубликован в работе самого Николая Анисимовича Щелокова «Пути совершенствования деятельности городских и районных органов внутренних дел». Эта работа пользовалась огромной популярностью. После нее я получил приглашение в Академию МВД Украинской ССР, где мне предложили читать лекции по вопросам планирования. И вновь успех. После принятых мер оперативная обстановка во вверенном мне районе заметно улучшилась, раскрываемость превысила 93 процента.

В 1971 году мне было предложено возглавить отдел вневедомственной охраны милиции ГУВД города Тулы, где мы занимались активным внедрением технических средств, совершенствовали работу пульта охраны и создали мобильную группу захвата.

После упразднения ГУВД меня вновь бросили на проблемный участок — на сей раз в Зареченский район. Проблемы были те же, что и в Мясново. Возглавляя местный отдел внутренних дел, я создал два передвижных патрульных пункта охраны правопорядка и второй экипаж медвытрезвителя. Эти и другие меры привели к значительному снижению преступности и росту раскрываемости до привычных уже 95 процентов.

В 1976-м уже в звании полковника был назначен начальником пятого отдела УВД Тульской области. Эта структура занималась перевоспитанием осужденных и использованием их труда на стройках и в производстве. В 1979 году я ушел в отставку по выслуге лет. Но моя трудовая биография продолжилась. Вскоре меня назначили прокурором отдела Тулоблпрокуратуры по надзору за следствием и дознанием в органах внутренних дел. В 1982 возглавил юротдел Облпотребсоюза.

Перестройку и распад СССР воспринял как личную трагедию и предательство национальных интересов, а также тех высоких идеалов, которые мы отстаивали в годы Великой Отечественной войны. Тем не менее в 2000-е годы с приходом к власти Владимира Владимировича Путина у меня появилась надежда на возрождение моей великой страны. Сегод-

ня мы видим, как Россия вновь занимает достойное место в мире, шаг за шагом отвоевывая некогда утраченные позиции. Впереди еще предстоит много работы. Но надеюсь, что нынешнее поколение справится с трудностями и решит эту задачу точно так же, как справилось мое поколение.

Сейчас в мои 97 лет стараюсь все также не опускать руки: вести активную общественную и творческую деятельность, встречаюсь с учащейся молодежью, пишу стихи и прозу. Выпустил семь книг. В 2004 году принят в Союз писателей России. А закончить свои воспоминания хочу стихотворением, которое родилось у меня недавно.

РАСПРАВЬТЕ ПЛЕЧИ, ВЕТЕРАНЫ

Расправьте плечи, ветераны,
Страна вручает ордена
За кровоточащие раны,
Те, что оставила война.

Давайте вспомним, ветераны,
Фронтовиков, своих друзей,
Кто не вернулся с поля брани
И не дожил до наших дней.

Ряды сомкните с их сынами
И покажите ордена.
Пусть знают за семью морями,
Чем наша Родина сильна.

Вы верно Родине служили:
В цехах, на ниве, на войне,
Свое оружие сложили
За дело мира на земле.

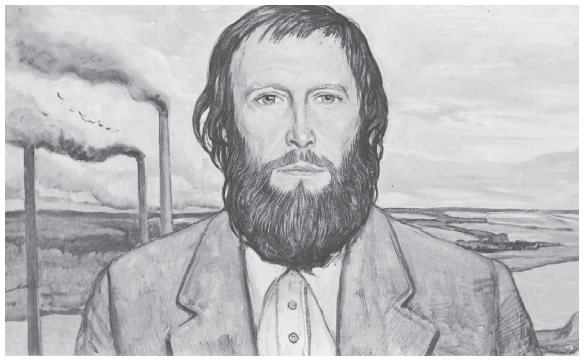
Ваш ратный подвиг беспримерен,
А ветеран у нас кумир.
В свое могущество мы верим,
Но мы — за прочный, вечный мир.

А на парад-то, ветераны,
Наденьте ваши ордена,
Забудьте ноющие раны,
Вам рукоплещет вся страна.

Записал Шумаков Андрей Андреевич,
кандидат исторических наук, доцент
Тульского филиала РЭУ им. Г.В. Плеханова

О ЖИЗНИ РОССИЙСКОГО СЕЛА И МОЁМ УЧАСТИИ В НЕЙ В ПРЕДВОЕННЫЕ, ВОЕННЫЕ И ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

Лемешев Михаил Яковлевич, 93 года,
доктор экономических наук (1967 г.),
профессор (1972 г.),
действительный член Российской
академии естественных наук (1990 г.),
Петровской академии наук и искусств (1991 г.),
Российской экологической академии (1992 г.),
Кавалер Золотой медали М.В. Ломоносова
и Звезды В.И. Вернадского первой степени,
Лауреат премий «Имперская культура», «Голос к народу»,
премии Международного фонда экономических исследований
академика Н.П. Федоренко,
г. Москва



Илья Глазунов. Портрет ученого. 1977 г.

Предвоенные годы

Родился я 1 января 1927 года в селе Теменечи Брянского района Брянской области, в крестьянской семье. Мои родители — отец Лемешев Яков Кириллович и мать Василиса Давыдовна — одними из первых вступили в колхоз, созданный в 1929 году в нашем селе, носивший имя «Первая пятилетка». Отец работал заведующим колхозной конефермой, а мать трудилась в полевой бригаде.

Первое, что я в жизни запомнил, это — тяжелейший голод в 1932–1933 годах, царивший почти во всей России, когда семья питалась практически без хлеба. Выручали нас от голодной смерти только картошка, выращенная на приусадебном участке, лебеда, крапива, растительные коренья и молоко от своей коровы.

В 1934 году я поступил в местную начальную школу. В это время голода уже не было, хотя крестьяне жили очень бедно. Несмотря на это, жизнь в селе, можно сказать, просто кипела. Селяне не только на-

пряжённо работали в колхозе, но и активно участвовали в культурной жизни. Хотя в 1930 году наша православная церковь «Во имя Покрова Пресвятой Богородицы» была разграблена, люди широко отмечали как религиозные, так и все советские праздники и памятные даты.

Активно развивалась в селе художественная самодеятельность, в которой участвовали многие жители нашего села, и я сам, будучи первоклассником, исполнял главную роль в спектакле по рассказу А. П. Чехова «Ванька Жуков». Я до сих пор считаю для себя большим счастьем, что мне довелось наблюдать красочные хороводы и слушать многоголосое исполнение русских народных песен.

Селяне с энтузиазмом приняли коллективную форму организации труда, в результате чего жизнь крестьян с каждым годом улучшалась. Развивалась механизация сельского хозяйства, на полях появились трактора, комбайны, грузовые автомобили — знаменитые полуторки. Так что Сталинское определение «Жить стало лучше, жить стало веселей» было не пустой фразой, а отражением реальной действительности. По окончании начальной школы мне, как и другим моим сверстникам, пришлось ходить пешком в семилетнюю школу, расположенную за 7 км от родного села, в селе Крыловка. Поход в школу в любую погоду мы не считали для себя обременительным, более того, были уверены, что это даёт нам хорошую закалку.

В мае 1941 года я закончил семилетнюю школу с похвальной грамотой. Пока мы в семье обсуждали, где и как продолжить моё образование, 22 июня началась Великая Отечественная война, которая изменила коренным образом условия жизни не только нашей семьи, но и всего советского общества, о чём предстоит последующий мой рассказ.

Годы войны

В первую же неделю после начала войны все военнообязанные мужчины села были мобилизованы. В начале июля были переданы в распоряжение Красной Армии все доброкачественные колхозные лошади. Для эвакуации в восточные районы страны были переданы государству колхозные коровы, другой крупный рогатый скот, а также используемые в колхозе, но принадлежащие государству в лице машинно-тракторных станций (МТС) тракторы, комбайны и основные виды прицепной сельскохозяйственной техники.

Несмотря на то, что мне было всего лишь 14 лет, председатель колхоза назначил меня учётчиком в полеводческую бригаду. В мои обязанности входило документировать объёмы всех выполняемых работ, учитывать площади вспаханных земель, выкошенных лугов, сжатой и обмолоченной ржи, гречихи, выращенного картофеля и овощей, сдачу продукции на колхозные склады и заготовительные пункты и начисление трудодней труженикам села за выполненную работу.

Это была очень ответственная работа, поскольку в колхозах того времени не было денежной оплаты труда, существовала так называемая натуроплата, то есть распределение произведенной продукции между членами колхоза в соответствии с количеством выработанных трудодней.

Особо подчеркну, что все работы выполнялись вручную, в основном, конечно, женщинами. Им активно помогали дети моего возраста и даже моложе меня. Например, женщины жали рожь серпами, вязали снопы, а ребята отвозили их на тележках на ток, где они обмолачивались цепами. Намолоченное зерно практически полностью отвозилось на слабых, а то и на хромых лошадях в город Брянск, отстоящий от нашего села в 15 км, где оно сдавалось в фонд Красной Армии.

Приближалась осень, завершалась уборка в полях, садах и огородах. Произведенные картошка, капуста, яблоки раздавались по трудодням. К счастью, завершить это удалось до 9 октября 1941 года, когда в наше село вошли немцы. Таким образом, у жителей села сохранились хоть какие-то продовольственные запасы. Начался тяжёлый оккупационный период. С приходом немцев колхоз был упразднён, скот и птица, которые частично оставались на колхозных фермах, оккупантами были полностью конфискованы. Началось выживание селян в форме частного хозяйствования. Работы велись только в домашнем хозяйстве, а с наступлением весны 1942 года — на приусадебных участках. Жители села вели очень замкнутый образ жизни, почти не общались между собой. Вечерами и ночью в сельских домах не светилось ни одно окно. Если в доме была возможность зажечь керосиновую коптилку, то окна задраивались одеялом, скатертью или иной непроницаемой ветошью.

Завершу рассказ об этом мрачном периоде тем, что наше село Теменичи было полностью сожжено 17 сентября 1943 года оккупантами при их отступлении под ударами Красной Армии. Дальнейшее повествование о моей личной жизни сообщу кратким изложением моих воспоминаний, опубликованных в электронной книге «Сотрудники организаций ФАНО о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», М., 2015.

В июле 1942 г. в нашем селе тайно появился связной из партизанского отряда, который назвал себя «дядей Семёном». Им была сформирована молодёжная партизанская группа из пяти человек. В неё были включены Толя Никулин, Петя Касилов, Коля Куцин, Рудик Юдин и я. Мне было 15 лет, а моим друзьям — по 16.

Мы ожидали, что «дядя Семён» уведёт нас с собой в большой партизанский отряд, но он решил иначе, заявив, что мы будем самостоятельной партизанской группой содействия, и дал ей громкое наименование «Родина». В задачу группы входило обеспечение партизанского отряда информацией о расположении и численности немцев в нашем и соседних сёлах, о продвижении живой силы и техники противника, а также передача немецкого оружия партизанам. Последняя задача была осо-

бенно актуальна и реальна потому, что на территории нашего села Теменичи были сосредоточены огромные склады оружия и боеприпасов. Нашей группе категорически запрещалось самим вести боевые действия. Для выполнения поставленных перед группой задач были указаны два места встреч с «дядей Семёном»: первое — у села Добрунь и второе — у села Полужье. Оба названные места встреч находились на расстоянии 7 километров от нашего села вблизи берегов реки Десны и железной дороги Брянск — Выгоничи. На места встреч раз в неделю мы доставляли «дяде Семёну» добываемую информацию и похищаемое у немцев оружие и боеприпасы, кстати, хранившиеся безалаберно.

Так продолжалось до июля 1943 года, когда по личному приказу Гитлера началась массовая долговременная операция по борьбе с брянскими партизанами, и контакты нашей группы с «дядей Семёном» по неизвестной нам причине были прерваны.

В августе этого же года, после сокрушительного разгрома немцев на Курской дуге, фронт приближался к Брянску. Готовясь к отступлению, немцы приступили к массовому угону молодёжи в Германию. Нарастала опасность попасть и нашей группе в резерв рабской рабочей силы, формируемой фашистами. Поэтому наша группа перебралась через Десну и удалилась в глубину Брянского леса в направлении Карачева. В сентябре Красная Армия стремительно приближалась к Брянску.

Немцы с остервенением продолжали операции по борьбе с партизанами, используя отряды карателей — мадьяр и так называемые ковровые бомбардировки. В одну из таких операций я получил тяжёлое ранение. 17 сентября Красная Армия освободила Брянск и окрестности. Мои друзья, будучи 1926 г. рождения, были призваны в действующую армию, а я попал в полевой госпиталь. По излечении вернулся в родное, полностью сожженное фашистами село, и приступил к посильному возрождению нашего колхоза «Первая пятилетка».

С сентября 1943 г. по август 1944 г. я работал помощником конюха и сторожем на конеферме. Не буду здесь подробно рассказывать о трудностях жизни этого периода, скажу лишь о том, что жителям нашего сожжённого села в зиму 1943–1944 гг. приходилось спасаться от неминуемой гибели в погребах.

В сентябре 1944 г. я поступил учиться в Кокинский сельскохозяйственный техникум, расположенный в 7 км от нашего села. О напряжённой и самоотверженной работе советских людей опять же свидетельствует мой личный опыт. В названном выше техникуме мы не только учились, но и активно трудились в учебном хозяйстве. Все работы в полях, на животноводческих фермах, в садах, а также по благоустройству территории под руководством преподавателей выполнялись студентами.

Весной 1947 г. я закончил техникум с отличием, что давало мне право без экзаменов поступать в любой ВУЗ. Директор техникума П. Д. Рыль-

М.Я. Лемешев. 1947 г.

ко (впоследствии Герой Социалистического Труда) настаивал на том, чтобы я подал заявление в Сельскохозяйственную академию им. К. А. Тимирязева или на биологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова. Более того, он даже отказался выдавать мне направление на работу. Мне пришлось с трудом добираться до Москвы, в Министерство совхозов РСФСР, чтобы получить направление на работу. И я его, конечно, получил. Таково было отношение к труду у советской молодёжи, равно как и у всех граждан страны. Закономерно поэтому, что разрушенное войной народное хозяйство страны было восстановлено в исторический короткий срок. Основные показатели развития экономики СССР уже в 1950 г. превысили уровень довоенного 1940 года.

Меня направили зоотехником в военизированный совхоз № 5, расположенный в Сальских степях — конкретно в Дубовском районе Ростовской области, где я работал с мая 1947 г. по август 1948 г. В сентябре 1948 г. я поступил в Московский зоотехнический институт коневодства, который окончил с отличием в 1953 г., и был рекомендован в аспирантуру экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Здесь мною велись научные исследования в области экономики сельского хозяйства под руководством профессора И. М. Зальцмана.

1956–1969 гг. Работа в НИЭИ Госплана СССР

По окончании аспирантуры я был направлен на работу в созданный в 1955 году Научно-исследовательский экономический институт (НИЭИ) Госплана СССР, который просуществовал до 1991 года.

Здесь я исследовал проблемы использования различных моделей межотраслевого баланса для целей анализа и планирования народного хозяйства, которые с очевидностью показали крайне недостаточное внимание со стороны государства к техническому перевооружению сельскохозяйственного производства. В отрасли определяющим фактором был преимущественно ручной труд. Необходимо было радикально изменить существующую практику финансирования аграрной сферы страны. Решению этой проблемы была посвящена моя статья «Планирование капитальных вложений в сельское хозяйство» (см. «Плановое хозяйство», 1959, № 11). В ней было сформулировано принципиальное требование: объем инвестиций в эту отрасль должен быть пропорционален объему создаваемого в ней национального дохода.

Реальное же положение было таково: сельское хозяйство СССР создавало 31 % национального дохода страны, а получало 8 % общего объема капитальных вложений. В статье обосновывалось, что при таком

положении невозможно обеспечить нормальное расширенное воспроизводство в сельском хозяйстве, пищевой и легкой промышленности, а, следовательно, и надежное снабжение населения страны продовольственными и промышленными товарами, то есть успешно решать социальные проблемы не только села, но и города.

Это мое выступление вызвало суровую отповедь со стороны не только партийных и государственных чиновников высокого ранга, но и ученых-формалистов. Меня обвиняли в том, что я проповедую иждивенческие настроения у работников сельского хозяйства и пытаюсь нарушить основные пропорции в народном хозяйстве.

Тем не менее, семена реальной оценки существующего положения среди многих неравнодушных научных и практических работников были посеяны, и у меня появилось значительное число единомышленников. В частности, меня активно поддерживали академики Тигран Сергеевич Хачатуров (1906–1989), Василий Сергеевич Немчинов (1894–1964), академики ВАСХНиЛ Григорий Матвеевич Лоза (1907–1981), Самуил Григорьевич Колеснев (1896–1970), Александр Николаевич Каштанов (род. 1928 г.).

Но решающая роль в реализации моих предложений принадлежала Алексею Николаевичу Косыгину (1904–1980), который в то время возглавлял Госплан СССР. Именно он одобрил мое предложение: преобразовать Сектор сельского хозяйства в НИЭИ в Сектор межотраслевых связей сельского хозяйства и назначить меня его руководителем.

Я успешно выполнял поручаемые мне руководителем сектора задания, но они для меня были не очень интересными. Я был молод, полон сил и энергии, и мне хотелось сделать что-то более полезное для общества и государства. Среди сотрудников было много молодежи, в частности, в последующем знаменитые академики — А. И. Анчишкин, С. С. Шаталин, Н. Я. Петраков, Ю. В. Яременко, а также В. М. Кудров, Р. А. Белоусов, Ю. И. Гулуев. Мы были очень дружны, подолгу оставались после работы для «трёпа», своего рода неформальных семинаров, где обсуждались самые жгучие проблемы социально-экономической жизни страны.

Стоит сказать и о том, что мы часто делали и некоторую внеплановую работу. В частности, с Юрой Гулуевым, — а он закончил с отличием Московский государственный институт международных отношений и в совершенстве владел английским, немецким и испанским языками — мы перевели в то время неизвестную в СССР работу В. В. Леонтьева «INPUT-OUTPUT» («Затраты-выпуск»), в которой излагалась методология математического анализа межотраслевых связей и структура экономики США. С этой уникальной работой мы ознакомили только своих друзей и директора института члена-корреспондента АН СССР (с 1970 г. — академика АН СССР) А. Н. Ефимова. Спустя три года книга

Леонтьева была издана в нашей стране под названием «Структура американской экономики», правда, без упоминания о нашем негласном труде.

Эти исследования положили начало разработкам в нашем институте совместно с ЦЭМИ АН СССР и ЦСУ СССР отчетного и планового межотраслевых балансов экономики СССР. Результаты этих разработок были изложены в монографии «Методы планирования межотраслевых пропорций» (М.: Экономика, 1965). Эта работа была отмечена Государственной премией СССР, что послужило интенсивному исследованию межотраслевых связей в экономике страны. В данной монографии была специальная, подготовленная мной, глава XXII «Особенности определения коэффициентов прямых и полных затрат на продукцию сельского хозяйства».

В институте были развернуты работы, направленные на построение отчетного и планового межотраслевых балансов. В них я принимал самое активное участие. В мою задачу входило определение прямых и полных затрат на продукцию сельского хозяйства. Для этого мне потребовалось активное сотрудничество с рядом всесоюзных отраслевых институтов: сельскохозяйственного машиностроения (ВИСХОМ), механизации и электрификации сельского хозяйства (ВИЭСХ), сельскохозяйственного строительства, удобрений и агротехники (ВИУА) и Московского института тонкой химической технологии им. М. В. Ломоносова, где в то время работал Н. П. Федоренко. Там мы и познакомились.

Возглавляя в НИЭИ работы, связанные с построением межотраслевых балансов, его директор А. Н. Ефимов регулярно приглашал известных ученых с разовыми лекциями. В 1962 г. Н. П. Федоренко был избран членом-корреспондентом АН СССР и тоже был приглашен выступить в нашем институте. По окончании его доклада я подошел поздравить Николая Прокофьевича с избранием в Академию наук СССР. Он встретил меня очень приветливо, поблагодарил и тут же высказал высокую оценку моей статьи «Вопросы ускоренного развития сельского хозяйства» в журнале «Вопросы экономики» (1962, № 6). Ее содержание активно обсуждалось тогда среди научного сообщества, а также в плановых и хозяйственных органах управления страны. Ряд моих предложений был реализован Госпланом СССР при уточнении планов развития страны на 1963–1965 гг.

Вместе с тем я осознавал, что устойчивое и эффективное развитие этой ключевой отрасли экономики страны недостижимо в условиях безрассудного и вредного волюнтаризма, который насаждал руководитель партии и правительства Н. С. Хрущев. По его указанию в сельском хозяйстве творились безобразия по уничтожению ценнейших многолетних трав в севооборотах, по ликвидации чистых паров и повсеместному распространению кукурузы, по изъятию коров из личных хозяйств, по разрушительному укрупнению колхозов.

В этих условиях я опубликовал статью «Экономическое обоснование структуры сельскохозяйственного производства» (в журнале «Плановое хозяйство», 1964, № 1), в которой на основе глубокого экономического анализа убедительно показал, что такая порочная практика разрушает не только экономику села, но и народное хозяйство в целом.

Обратим внимание на то, что статья была опубликована при правлении Хрущева, а не вдогонку ему, как это часто имело и имеет место в практике СМИ. Правда, за это пришлось «поплатиться»: главный редактор журнала Серафим Павлович Первушин был снят с должности, а я, благодаря защите председателя Совета министров СССР А. Н. Косыгина, отделался строгим выговором по партийной линии. Стоит отметить, что эта статья использовалась 14 октября 1964 г. в качестве одного из аргументов, которым творец антигосударственной «оттепели» изгонялся с постов руководителя КПСС и Совета министров СССР. Важное дело было сделано — произвола в советском обществе поубавилось.

Мои активные выступления в печати имели для меня не только положительные, но и некоторые отрицательные последствия. Чиновники из партийных и государственных структур высшего уровня постоянно привлекали меня к подготовке различных докладов, записок, справок, выступлений с лекциями, что мешало моей творческой работе. Это побудило меня принять приглашение руководства Сибирского отделения АН СССР о переезде в Новосибирский академгородок.

Здесь, в Институте экономики и организации промышленного производства (ИЭОПП), мной был создан Сектор системного изучения экономического развития страны. В период с 1969 по 1972 г. по моей инициативе и под моим руководством были организованы продолжительные экспедиции в Красноярский край, Якутию, на Дальний Восток и в Туву. Итоги наших интенсивных исследований проблем системного анализа и программно-целевого планирования и управления были изложены в двух монографиях [1; 2].

Хочу особо отметить, что, начиная с создания Центрального экономико-математического института (ЦЭМИ) в 1963 г., я постоянно сотрудничал с прекрасным коллективом этого института, участвовал в заседаниях ученого совета, выступал с докладами и сообщениями на конференциях, был хорошо знаком с публикациями сотрудников института и лично Н. П. Федоренко [3–7]. Николай Прокофьевич неоднократно приглашал меня на работу в возглавляемый им институт. И вот, наконец, имея большой опыт научных исследований, я счёл возможным перейти на работу в ЦЭМИ.

В ЦЭМИ АН СССР (с 1972 по 1985 гг.)

1 сентября 1972 г. в институте был создан Отдел оптимизации природопользования, целью которого была разработка рационального

использования и воспроизводства природных ресурсов и охрана окружающей природной среды от загрязнения и деградации. Возглавить это принципиально новое подразделение было поручено мне. В отделе было создано три лаборатории, одну из них возглавлял я, а две другие — к.э.н. К. Г. Гофман и д.биол.н. Н. Ф. Реймерс [8, с. 113].

Программу нашей перспективной работы при полном взаимопонимании мы согласовали, и она была опубликована в популярном журнале «Наука и жизнь» (1973, № 6,) в статье «Экономика природопользования. Задачи новой науки». Эта программа была составной частью общеинститутского направления исследования — разработки «Системы оптимального функционирования экономики (СОФЭ)». Естественно, что в данной статье преимущественно говорится о моем личном вкладе в решение этой важнейшей задачи.

Указанная программа была направлена директором института академиком Н. П. Федоренко председателю Государственного комитета СССР по науке и технике академику В. А. Кириллину. Владимир Алексеевич был одним из немногих руководителей СССР, кто понимал важность сохранения природы — непременного условия благополучного и здорового образа жизни народа. Именно он выступал с докладом на Стокгольмской конференции по окружающей среде в июне 1972 г. Ознакомившись с нашей программой, академик Кириллин пригласил меня для беседы, в ходе которой он не только одобрил программу, но и распорядился командировать меня в Женеву, где в начале 1973 г. проходило заседание экспертов Европейской экономической комиссии ООН (ЕЭК).

На этом заседании была создана специальная группа экспертов для оценки экономического ущерба от загрязнения окружающей природной среды из представителей шести европейских стран — СССР, ФРГ, Великобритании, Норвегии, Турции и Чехословакии. Руководство этой группой было возложено на меня. Работа группы продолжалась в течение нескольких лет. Ежегодно члены группы на одну неделю встречались в Женеве для координации действий и оценки полученных результатов. В итоге задача, возложенная на указанную группу экспертов, была успешно решена. Ежемесячный научно-информационный бюллетень «Проблемы охраны окружающей среды и природных ресурсов» (1981, № 5) сообщал: «На девятой сессии старших советников правительств стран — членов ЕЭК ООН по проблемам окружающей среды был представлен доклад «Методологические подходы к определению экономического ущерба от загрязнения воздуха», подготовленный Целевой группой по экономической оценке ущерба, наносимого окружающей среде, которую возглавляет т. Лемешев М. Я. (ЦЭМИ АН СССР). Доклад получил высокую оценку и был принят для распространения. Были также одобрены предложения Целевой группы о её дальнейшей деятельности. Этот доклад был направлен правительствам всех 33 стран — членам ЕЭК ООН».

В 1974 г. состоялось совещание экспертов Комиссии по окружающей среде ООН (UNEP) в Кокойоке (Мексика) под председательством ее президента Мориса Стронга. По его предложению я был избран экспертом этой комиссии, членом которой я состоял до 1995 г. Многие положения Койокской декларации были взяты за основу во Всемирной стратегии охраны природы, принятой в 1980 г. Таким образом, волею судеб мне пришлось решать проблемы гармоничного взаимоотношения Природы и Человека в масштабе не только нашей страны, но и мира в целом.

Приведу лишь некоторые знаковые моменты из моей научной деятельности в ЦЭМИ, имеющие важное практическое значение.

1. В журнале «Коммунист» (1975, № 11) была опубликована моя фундаментальная статья «Экономика и экология, их взаимосвязь и зависимость». Значение этой публикации было огромно не только потому, что журнал издавался миллионным тиражом, но в том, что его содержание определяло направление деятельности всех партийных организаций, а, следовательно, и работу всех производственных, образовательных и культурных организаций. Задачи охраны окружающей среды становились обязательными для всех членов общества. Практически это выражалось в том, что во всех органах государственного управления были организованы специальные подразделения по охране природы. Одновременно это породило возникновение массовых общественных природоохранных структур.

2. Директор ЦЭМИ академик Н. П. Федоренко придавал важное значение изучению социального и экономического взаимодействия между Человеком и Природой. Поэтому он дал распоряжение руководителю аспирантуры выделять максимально возможное число вакансий для моего отдела. Ежегодно под моим руководством обучались от семи до десяти аспирантов. В результате за 14 лет работы в ЦЭМИ мне удалось подготовить 68 кандидатов и 12 докторов экономических наук по специальности 08.00.13 — использование математических методов в экономике. При этом большинство молодых ученых было подготовлено для союзных республик СССР, а также социалистических стран.

3. Я же организовал эколого-экономические школы-семинары, на которых участвовали и выступали с докладами и сообщениями ученые разных специальностей: экономисты, математики, биологи, агрономы, метеорологи, почвоведы и другие специалисты. Такие школы были проведены во всех союзных республиках СССР, в них участвовало по 100–150 человек, которые соответственно пропагандировали результаты исследований, проводимых в ЦЭМИ, в местах своего проживания.

4. Ежемесячно я проводил лекторий по линии Всесоюзного общества «Знание». Благодаря поддержке Николая Прокофьевича он проходил под эгидой Научного совета АН СССР по комплексной проблеме «Оптимальное планирование и управление народным хозяйством» в конференц-зале ЦЭМИ и собирал аудиторию до 150–200 человек. С лекциями выступали специалисты разных отраслей знаний не только из Москвы, но и других регионов России и союзных республик. Перечень авторов и темы лекций заблаговременно издавались и распространялись обществом «Знание». Этот лекторий действовал ежегодно в период с 1974 по 1993 гг.

С 1975 по 1980 гг. по совместительству я преподавал разработанный мной курс «Системный анализ в экономической и социальной деятельности» в Московском институте радиотехники, электроники, автоматики (МИРЭА) на кафедре академика Н. А. Пилюгина и в Академии народного хозяйства при Совете министров СССР. Выступал по радио и телевидению.

5. Постоянно поддерживал связь с практикой. Был членом Научно-технического совета Министерства охраны природы, впоследствии преобразованного в Государственный комитет природных ресурсов. Активно сотрудничал с НПО «Энергия» Роскосмоса. Совместно с Ю. В. Сухотиным разрабатывал методические подходы к оценке экономической эффективности использования средств космической техники для изучения природных ресурсов и состояния окружающей среды. Ключевым моментом методических рекомендаций было наше предложение использовать интегральный критерий эффективности, который рассчитывался с учетом информации от космических, авиационных и наземных способов ее получения. Открытый вариант этих рекомендаций опубликован в статье, подготовленной в соавторстве с Сухотиным Ю. В. и Демидовым в 1982 г.

Борьба с «Проектом века» в 1980-е

В 1982 г. исполнилось 10 лет со времени создания в институте Отдела экономических проблем природопользования. Результаты исследования, выполненные сотрудниками отдела, нашли обобщающее отражение в публикациях [9–11].

Ярким примером практического применения результатов наших исследований была организация широкого общественного движения против так называемого «Проекта века» — переброски части стока северных и сибирских рек в южные районы страны, разработанного организациями Гипропроект и Гипроводхоз. Следует отметить, что это движение основывалось не на эмоциях, а на глубоких научных исследованиях проблем рационального использования и воспроизводства водных ресурсов страны. В 1985 г. нами была опубликована фундаментальная работа «Биологические ресурсы гидросферы: вопросы экономики» [12]. Эта монография открывалась статьей Н. П. Федоренко «Природопользование в системе социалистического воспроизводства», за ней следовала моя статья «Планирование экономического развития с учетом требований экологии». Здесь же были опубликованы материалы исследований крупнейших специалистов страны в области эффективного использования ресурсов водной среды.

М.Я. Лемешев и Валентин Распутин. 1980 г.

Зловещий «Проект века» таил страшные разрушения экономики и исторического культурного наследия обширных районов Северо-Запада и Сибири. Начало этому движению положил мой доклад на конференции Научного совета АН СССР по комплексной проблеме «Оптимальное планирование и управление народным хозяйством» подруководством академика Н.П. Федоренко.

На заседание был приглашен главный инженер проекта А.С. Березнер, который явиться на заседание Совета не счёл нужным, вместо него с докладом выступал активный участник разработки проекта, член-корреспондент АН СССР Г.В. Воропаев. На конференции присутствовали учёные из многих академических и отраслевых институтов, которые подвергли проект жесточайшей критике. Конференция приняла резолюцию, в которой обосновывалась не только нецелесообразность, но и вредоносность реализации «Проекта века». Эту принципиальную оценку поддержали пять отделений Академии наук СССР.

Однако критические высказывания учёных не допускали в открытую печать. Переброска стока северных рек была уже включена в предстоящий пятилетний план на 1986–1990 гг. Надо было спасать страну от масштабного разрушения природы, экономики и культуры. В этой драматической ситуации мне удалось опубликовать статью «Против течения» в газете «Советская Россия» (ежедневный тираж 7 млн. экземпляров), где я предлагал исключить переброску северных рек из проекта пятилетнего плана.

Газета с этой статьей вышла 25 декабря 1985 г., а уже 12 января 1986 г. в той же газете была напечатана статья «Вызывает тревогу», подписанная выдающимися русскими писателями Леонидом Леоновым, Федором Абрамовым, Виктором Астафьевым, Василием Беловым, Юрием Бондаревым, Сергеем Залыгиным, Дмитрием Лихачевым, Валентином Распутиным, — они выступили с поддержкой предложения М. Лемешева. Эти публикации буквально всколыхнули общественность. В борьбу против зловещего замысла активно включились учёные, писатели, художники, журналисты, кинодокументалисты, жители районов, обрекаемых на затопление, а также широкий круг людей разных специальностей, проживающих во многих регионах СССР.

В это же время Николай Прокофьевич Федоренко стараниями правительственных чиновников был освобожден от должности директора ЦЭМИ АН СССР. На этом посту его заменил тогда доктор физ.-мат. наук

В.Л. Макаров, который реформировал структуру института, в результате которой был ликвидирован Отдел экономических проблем природопользования. Я вынужден был перейти с частью своих сотрудников на работу в Комиссию по изучению естественных производительных сил (КЕПС), созданную при Президиуме Российской академии наук великим учёным, академиком Владимиром Ивановичем Вернадским в 1915 г. Здесь я создал лабораторию с тем же названием, что и в ЦЭМИ, и сохранил тематику исследований.

Мне и моим единомышленникам удалось учредить Специальную экспертную комиссию при Президиуме Академии Наук СССР, которую возглавил вице-президент, выдающийся геолог, академик Александр Леонидович Яншин. В комиссии было создано семь специализированных секций, что позволяло рассмотреть проблему переброски всесторонне и оценить неизбежные разрушительные последствия реализации проекта. В работе Экспертной комиссии активное участие принимали всемирно известные ученые — академики Лев Семенович Понтрягин, Георгий Иванович Петров, Георгий Сергеевич Голицын, Борис Сергеевич Соколов, Тимур Магометович Энеев, академики ВАСХНИЛ — Владимир Александрович Тихонов, Евгений Евгеньевич Сыроечковский, Александр Николаевич Каштанов, многие доктора и кандидаты наук, специалисты в области географии, геологии, археологии, гидрологии, почвоведения, климатологии, мелиорации. Активное участие в работе комиссии принимали также писатели, художники, архитекторы, реставраторы.

Мне довелось быть заместителем академика А.Л. Яншина и руководителем социально-экономической секции. Работа продолжалась в течение шести месяцев. А материалы её работы составили 40 томов; основное её содержание было обобщено в заключительном докладе, с которым на заседании Правительства СССР и Политбюро ЦК КПСС выступил академик А.Л. Яншин.

Существенным было и то, что я, как эксперт ООН, обратился к правительствам стран — членов Европейской Экономической Комиссии с просьбой высказать свое суждение о переброске. В ответ на него правительства Германии, Англии, Болгарии заявили правительству СССР, что проект преобразования природы такого масштаба недопустимо реализовывать без совместного обсуждения с компетентными органами стран Европейского континента. Комплекс этих мер позволил Политбюро ЦК КПСС и Совету Министров СССР 13 августа 1986 г. принять «Постановление о прекращении работ по переброске рек». Грядущая катастрофа была предотвращена. Эта борьба научной и широкой общественности против зловещих замыслов разрушения природы, экономики и культуры России до сих пор остается поучительным примером для русского народа.

Работая в КЕПС, я продолжал тесно сотрудничать с коллективом ЦЭМИ и лично с Николаем Прокофьевичем Федоренко. Так, совместно с учениками опубликовал книгу «Региональное природопользование: на пути к гармонии», в предисловии к которой Н. П. Федоренко писал: «Глубоко аргументированными представляются предложения автора о том, что именно с учетом региональных различий должны определяться границы территориальных природно-производственных комплексов в народном хозяйстве и разрабатываться долгосрочная стратегия природопользования в них» [13, с. 4].

На основе методологии «системы оптимального функционирования экономики», разрабатываемой в ЦЭМИ, я написал и издал ряд книг [14–23], публиковал статьи в журналах «Экономика и математические методы», «Вопросы экономики», «Вестник АН СССР», «Москва», «Наш современник», «Молодая гвардия» и других [24–27].

После Чернобыля

В 1986 году, после Чернобыльской катастрофы, я организовал Всесоюзное антиядерное общество с филиалами этого общества в Ростове-на-Дону, в Казани, в Костроме и других городах. Это позволило обосновать экономическую неэффективность и неустранимую экологическую опасность атомной энергетики, имея в виду весь топливный цикл, начиная от добычи урана, его обогащения, использования на АЭС, хранения, транспортировки и переработки радиоактивных отходов.

Был избран депутатом Государственной думы РФ первого созыва и Председателем Комитета по экологии с декабря 1993 г. по январь 1996 г. Здесь создал Высший экологический совет при Госдуме, в состав которого по моему предложению вошли известные академики и специалисты.

Благодаря их активному участию в подготовке законопроектов нам удалось добиться принятия Госдумой важных федеральных законов социально-экологической направленности таких, как: «Об экологической безопасности населения», «Об особо охраняемых территориях», «Водный кодекс», «Об охране животного мира», «О похоронном деле и погребении».

М.Я. Лемешев на трибуне ООН. Нью-Йорк. 1994 г.

По истечении депутатских полномочий с 1996 по 2001 гг. читал разработанный мною курс конструктивной политэкономии в Московском институте завод-ВТУЗ, действовавшем при ЗИЛе. С 2002 по 2020 гг. работал в ВИАПИ им. А. А. Никонова в должности главного научного сотрудника.

М.Я. Лемешев (справа) в Японии. 1995 г.

Многие годы состоял членом диссертационных советов в ЦЭМИ, Институте географии АН СССР, Московском химико-технологическом институте им. Д. И. Менделеева и членом Высшей аттестационной комиссии.

В настоящее время занят публикацией своих идей о путях преодоления системного социально-экономического кризиса, поразившего современную Россию [28–31].

Литература

1. *Лемешев М.Я., Панченко А.И.* Системный анализ в экономических исследованиях. Новосибирск: Наука, 1971.
2. *Лемешев М.Я., Панченко А.И.* Комплексные программы в планировании народного хозяйства. М.: Экономика, 1973.
3. *Федоренко Н.П.* Экономические проблемы химизации народного хозяйства // Вестник АН СССР. 1963. № 5.
4. *Федоренко Н.П.* О разработке системы оптимального функционирования экономики М.: Наука, 1963.
5. *Федоренко Н.П.* Об основных принципах планового ценообразования // Вестник АН СССР. 1965. № 12.
6. *Федоренко Н.П.* Экономические проблемы оптимизации природопользования. М.: ЦЭМИ АН СССР, 1970.
7. *Федоренко Н.П.* (1973). О взаимодействии естественных и общественных наук // Вопросы философии. 1973. № 10.
8. *Лемешев М.Я.* Верность традициям ЦЭМИ //Экономика и математические методы, т. 54. 2018. № 3.
9. *Лемешев М.Я., Сухотин Ю.В., Демидов А.Ф.* Об экономической эффективности космического землеведения // Экономика и математические методы. Т. XVIII. 1982. № 5. С. 920–935.
10. *Лемешев М.Я., Ушаков Е.П.* О природоохранных задачах экономического развития // Экономика и математические методы. Т. XV. Вып. 1. 1979.

11. *Барский Л.А., Гофман К.Г., Гусев А.А., Лемешев М.Я. и др.* Охрана окружающей среды: модели социально-экономического прогноза. М.: Экономика, 1982.

12. Биологические ресурсы гидросферы: вопросы экономики /Отв. ред. М.Я. Лемешев. М.: Наука, 1985.

13. *Лемешев М.Я., Чепурных Н.В., Юрина Н.П.* Региональное природопользование: на пути к гармонии. М.: Мысль, 1986.

14. *Лемешев М.Я.* Оптимизация природопользования. М.: Знание, 1984.

15. *Лемешев М.Я., Щербина О.А.* Оптимизация рекреационной деятельности. М.: Экономика, 1986.

16. *Лемешев М.Я.* Природа и мы. М.: Советская Россия, 1989.

17.*Mikhail Lemeshev.* The monograph. Bureaucrats in Power — ecological collapse (Власть ведомств — экологический инфаркт). Moskow, Progress publishers (1990);

18. *Mikhail Lemechev.* The monograph. Desastre ecologique en U.R.S.S. (Экологические катастрофы в СССР). Paris: Sang de la terra (1991)

19. *Лемешев М.Я.* Пока не поздно. М.: Молодая гвардия, 1991.

20. *Лемешев М.Я.* Возродится ли Россия? М.: Тройка, 1994.

21. *Лемешев М.Я.* Свеча: сгорая сам, свети другим. М.: Палея, 1999.

22. *Лемешев М.Я.* К свободе призваны вы... М.: Палея, 2002.

23. *Лемешев М.Я.* К воскрешению России. М., 2009.

24. *Лемешев М.Я.* Об исчислении и распределении природной ренты // Вопросы экономики. 2005. № 2.

25. *Лемешев М.Я.* Из научного наследия. Леонтьев Василий Васильевич (1906–1999) //Экономист. 2016. № 9.

26. *Лемешев М.Я.* Плановая система: уроки прошлого и задачи настоящего//Экономист. 2016. № 11.

27. *Лемешев М.Я.* О новых формах развития кооперации в России. К 150-летию со дня рождения академика П.П. Маслова (1867–1946)// Экономист. 2017. № 9.

28. *Лемешев М.Я.* Полифункциональные сельские поселения (экологические деревни) — альтернатива жизнеопасной урбанизации России //Экономист. 2018. № 10.

29. *Лемешев М.Я.* Россия в будущем: взгляд за либеральный горизонт //Наш современник. 2019. №2.

30. *Лемешев М.Я.* Стратегия сохранения жизнеспособности России (к развитию русской цивилизации в XXI веке). М., 2020, 4-е издание.

31. *Лемешев М.Я.* К гражданам России! //Молодая гвардия. 2020. № 3.

В ТЫЛУ ВРАГА

Данилкович Нина Михайловна, 90 лет,
инженер НИИ и музея антропологии МГУ имени М.В. Ломоносова,
член Европейской ассоциации антропологов, канд. биол. наук,
председатель Совета ветеранов войны и труда МГУ,
член Президиума Всероссийской ассоциации юных участников войны,
член Президиума городского совета ветеранов Великой Отечественной войны (партизанская секция),
член Президиума Союза женщин МГУ имени М.В. Ломоносова,
председатель Совета ветеранов в/ч 9903,
г. Москва

Нина Данилкович

Родилась я 20 декабря 1929 года в с. Борки Коссовского района Брестской области. У нас была большая семья — пятеро детей. Начальные классы мы учились в польской школе (других не было); после присоединения Западной Белоруссии к Советскому Союзу в 1939 году пошли в русскую школу.

В день, когда началась война, мамы дома не было. Началась бомбежка. Мне было одиннадцать лет — трудно сегодня представить, какой страх мы тогда испытали. На второй день уже увидели, как немецкая техника двигалась по шоссейной дороге...

Из-за внезапности нападения на нашу страну в лесах в окружении оказалось очень много разрозненных частей Красной Армии, которые не смогли сдержать натиск мощного врага. В лесах и на местах боев оставалось много оружия и боеприпасов. Мои родители твердо знали, что оружие непременно скоро пригодится. Поэтому вся семья: отец Михаил Тарасович, мама Ольга Алексеевна, брат Василий (15 лет, впоследствии выпускник мехмата МГУ), сестры Евгения, Лариса и я собирали пулеметы, винтовки, в том числе и десятизарядки, ящики с патронами и личное оружие. Все тщательно прятали на своем хуторе и в лесу в надежде и с уверенностью, что очень скоро во всеоружии сможем подключиться к отпору захватчиков.

Встретившись в лесу с некоторыми командирами Красной Армии, родители первоочередной задачей поставили вывод из Слонимских и близлежащих лесов разрозненных воинских частей: так как у них не было связи, они не знали обстановки и своих возможностей выхода из окружения. Хорошо зная местность, в ночное время мы — каждый в отдельности и группами проводили красноармейцев лесными и болотистыми тропами на восток, организовав питание и переправу через реку. Даль-

ше через песчаники и поросль кустарников — к шоссе. Ночью движение фашистских войск останавливалось, и вся армада бронетехники стояла почти плотной стеной. Надо было скрытно найти место для прохода или неожиданного прорыва с боем в лес на другой стороне дороги. Все это надо было проводить очень осторожно и скрытно от соседей, так как с первых дней гитлеровцы издали приказ расстреливать каждого за малейшую помощь красноармейцам, за оружие, патрон или даже гильзу.

Там, где фашисты только появлялись, сразу же устанавливали жесточайший террор. Расстреливали красноармейцев, служащих советских учреждений и простых жителей. В деревне Огородники без всякого обвинения сразу же вывели на улицу 12 мужчин и расстреляли. В деревне Любищицы живыми зарыли несколько семей и грузовыми машинами утрамбовали землю. На следующий день мы это место видели своими глазами. Устраивали облавы, жителей сгоняли в сараи и сжигали живыми... Это было не только в Хатыни, о чем известно всем, но и у нас в Брестской области и др. Мою бабушку, раздетую, возили на грузовике зимой (морозы были тогда за –40°) и потом бросили в колодец, показывали всем: «Это — мать коммуниста». Она жила в Березовском районе, который тогда фашисты относили к Украине, наш район был в Белоруссии. Граница между республиками была жесткой, общение населения запрещалось, поэтому мы не сразу узнали о такой трагической судьбе бабушки. По этой же причине (невозможности легального пересечения границы) наша семья в Белоруссии осталась в живых, а почти все родственники на Украине погибли.

Везде на временно захваченной территории начались слежки, расстрелы, виселицы. Но это не останавливало нас, так как мы твердо верили, что фашизму не место на нашей земле. Мы помогали раненым бойцам укрытием, питанием, перевязочными материалами. Нередко родители ночью переносили их в новое укрытие, а я и сестры, тщательно соблюдая конспирацию, длительное время носили им пищу и все необходимое.

Еще был приказ: немедленно сдать все радиоприемники и книги, которые огромными кострами пылали на площадях. Мы более ценные книги прятали, зарывали в землю, маскировали место. Менее ценные носили на костер, показывая, что якобы подчинились приказу. У костра всегда были или солдат-автоматчик, который в любое время мог дать очередь в любую сторону, или полицай. Брат ухитрялся под угрозой смерти выхватывать из костра учебники и прятать их, они потом пригодились ему и нам (он, окончив до войны 6 классов, самостоятельно усвоил программу средней школы, поступил после войны в институт, а затем в МГУ на мехмат, к.т.н., работал в корпорации «Энергия»).

В сентябре 1941 года у нас образовалась первая партизанская группа, которой мы передали первое для них оружие и боеприпасы. Они устраивали крушения поездов на железной дороге, громили гарнизоны.

В 1942 году партизанское движение получило широкое распространение на оккупированной территории и сыграло большую роль в разгроме фашистских захватчиков. В тылу врага развернулась всенародная борьба против оккупантов. Главное командование из Центра посылало десантные группы, которые укрепляли боевую мощь и определяли целенаправленность действий.

Нами была установлена связь с разведывательно-диверсионным отрядом под командованием Героя Советского Союза полковника Льдова (Линькова Г. М., «Батя») штаба Западного фронта, в/ч 9903. Партизаны выходили на коммуникации противника, взрывали мосты, железные дороги, срывая военные перевозки фашистов, громили их гарнизоны. Для этого необходимы были четкие сведения о дислокации, о передвижении войск и т.д. Взрослым и молодежи с 15 лет для малейшего передвижения в населенные пункты, тем более на станции, необходим был пропуск. Поэтому наш школьный возраст был «на вес золота». Мне часто приходилось ходить на станции Доманово, Ивацевичи наблюдать за железнодорожными составами, живой силой и техникой, использовать магнитные мины, которые мы получали из партизанского отряда.

Надо сказать, что взрывы на железной дороге Брест — Минск — Москва были настолько часты, что фашисты были вынуждены на 200 метров вырубить леса и кустарники вдоль железной дороги. Через каждые 100 метров стояли часовые, а через 500–1000 метров были укрепленные доты и дзоты. Часовые часто без всякой причины постреливали вокруг. Нашей задачей было: поближе узнать об их устройстве и расположении. Приходилось идти. Взрослым никак нельзя: расстреляют на подходе, значит надо мне или сестрам. Так, однажды мне собрали корзинку яиц, я взяла белый платок, стала им размахивать и кричать, что несу им в подарок яички. Это был шанс, что не расстреляют. Если говорят, что детям не страшно, это — вздор. Первое время, конечно, страшно, но с этим мы быстро справлялись и понимали, что если погибнем, как погибли многие, то это ради жизни других, ради Победы. Появляется такая сила воли, что только одна мысль остается — выполнить это задание. А когда получаешь другое, опять мысль — выполнить это и так далее.

Командование нас очень ценило. Нам хотелось скорее в партизанский отряд, но на нашу просьбу и желание командир по нашей связи ответил, что в отряде может быть каждый, а то, что мы выполняем, дано далеко не всем, в том числе и профессионалам. Поэтому мы должны на месте выполнять все необходимое и как можно более длительное время. Пришлось согласиться.

Однажды появилась необходимость передать в районный центр на определенную квартиру наган. Задание срочное. Райцентр в 12 км от нас, на каждом перекрестке, в каждой деревне по несколько военных и полицейских постов, которые обыскивают каждого, даже прическу, если волосы чуть длиннее. Поэтому мы никогда не использовали даже записки,

все только в устной форме. А в данном случае, как и всегда, командование ставит задачу, а решать ее — исполнителю. Мама быстро нашла решение. В нашей местности население выращивало и обрабатывало лен, пряли нити, ткали прекрасные льняные и шерстяные ткани. В обиходе были большие клубки ниток. Поэтому намотали на наган столько ниток, чтобы получился круглый клубок, положили его в корзинку и в путь...

Задача была: идти весело, на постах сразу же предъявлять корзинку, клубок быстро перекатить с одной стороны на другую, чтобы было видно — в корзине больше ничего нет. Важно было не выпустить корзину из своих рук, так как вес ее сразу же выдал бы нас. 12 км туда и столько же обратно. И все это время родители не знали, как все обойдется. Или к вечеру мы, три сестры, вернемся, или за ними приедет «черный ворон». Это в случае провала за семьей приезжали каратели, чтобы увезти всех родных на расстрел. На этот раз все обошлось. Однако полицаи очень следили за всем, что касалось нашей семьи, в чем-то подозревали...

И 27 июня 1943 года самая младшая сестричка Лариса (ей тогда было 11 лет) выбежала в лесочек за земляничкой, сказала: «Я быстро вернусь». Но ее там схватили. Нашли ее сильно избитую, всю в кровоподтеках, с колотой раной в сердце. Потом были слухи в полицейских кругах, что они «все равно ничего не узнали». Пережить это было невозможно. Хоронили ее при огромном стечении народа. Даже сейчас вспоминать это нет сил...

Необходимо было жить и продолжать работать, хотя каждый из нас готов был пожертвовать собой, лишь бы она осталась жить...

Поскольку это изменить уже было невозможно, я хотела взять ее имя, хотя бы так ее воскресить! Но в течение длительного времени мама потихоньку меня разубедила в этом. Оставшаяся семья еще больше сплотилась, все обсуждали вместе, выслушивали мнение каждого, несмотря на возраст.

Перейти в отряд командир дал разрешение только тогда, когда точно узнали, что на следующий день за семьей приедет «черный ворон». За нами пришла большая группа партизан. Вошли в дом с пулеметными лентами на груди, автоматами. Все запасы наши, приготовленные ранее: оружие, боеприпасы, продукты, одежду, обувь — они перенесли через болото к реке, многократно возвращаясь за очередной партией груза. Полицай, семью которого поселили к нам, чтобы следить за всеми нами, вскочил, хотел бежать доложить, но ему не разрешили двинуться...

Когда все грузы были у реки, лодками их переправили на другую сторону, погрузили на подводы, которые организовали в деревне Добрынево. Все бойцы легли отдохнуть и покурить, накинув на головы плащ-палатку. Была лунная ночь, изредка тучки наплывали на луну. Какое-то странное чувство обжигало грудь, с одной стороны радостное, с другой щемящее, так как навсегда оставлен дом, детство, все имущество, хотя

о последнем сожаления не было, так как точно было известно, что утром уже был бы в нашем доме «черный ворон».

В отряде продолжалась боевая жизнь, требующая максимальной концентрации сил, выносливости и смекалки. Мы свободно владели всеми видами стрелкового оружия, в том числе и появившимися у нас автоматами, пистолетами не только нашими, но и трофейными.

Запомнился мне солнечный день лета 1943 года, когда карательный отряд скрытно подошел к расположению отряда, который располагался на нескольких островах среди топких Пинских болот. Основные боевые группы были на заданиях. Первый остров пришлось оставить. Мы спешно эвакуировали штаб и раненых. По каналу на лодках уходили вглубь болот.

Огромное чувство ответственности за раненых, за тех немногочисленных партизан, которые остались отражать натиск карателей, переполняло грудь. Спрятав раненых в надежном месте, я вернулась к тем, кто вел бой с карателями. Это был мой первый открытый бой. Передвигаясь по-пластунски, надо было покормить немногочисленных бойцов, которые, имитируя значительное количество людей, перебегали за ближайшие кустарники или кочки и стреляли оттуда, затем делали новые перебежки со стрельбой и т.д. Я также, вжавшись в болотную тину, спрятавшись за кочкой, брала на прицел серо-зеленые шинели, уже победоносно поднимавшиеся на опушке острова. То острое ощущение боя, ощущение той резкой черты между карателями и нами не притупилось и с годами. Оно совсем другое, отличное от того, когда много раз приходилось бывать на железнодорожных станциях в Доманово, Ивацевичах, ходить среди фашистов, сливаясь с местным населением...

Действовавшие партизанские отряды и соединения добывали огромное количество разведданных чрезвычайной важности, которые были необходимы Генштабу для своевременного принятия контрмер. Партизаны наносили сокрушительные удары по врагу. Под ногами захватчиков буквально горела земля. На подавление партизан фашисты бросали специальные карательные дивизии СС, которые беспощадно расстреливали мирных жителей, казнили, вешали и сжигали целые деревни вместе с населением. Но все это не могло остановить народного гнева и беспощадной борьбы с фашистами.

Мы твердо верили в Победу.

***

В партизанском отряде под командованием Героя Советского Союза Г. М. Линькова мы воевали до июля 1944 года — до того момента, когда Брестскую область освободила Красная Армия. Партизаны как разведчики-профессионалы, бойцы с огромным опытом борьбы с врагом были зачислены в соответствующие воинские части, а нас, юных партизан, отправили в школу. Осенью 1944 года я пошла в шестой класс, пятый класс пришлось пропустить.

Встреча белорусских партизан

Когда вступила в комсомол, меня выбрали секретарем комсомольской организации школы. Я отвечала за отопление школы, т.к. завхоза тогда не было. Необходимо было получить в лесничестве делянку на вырубку леса, в колхозе договориться о подводах для вывозки деревьев. На территории школы дрова пилили, кололи. Сами топили печки. Все это делали ученики, а организатором был комсорг.

После 9 класса наша семья переехала в Подмосковье. Аттестат о среднем образовании я получила в Томилинской школе.

После войны болела очень долго, ходить не могла, поступила в университет только в 1951 году. Биолого-почвенный факультет МГУ, биологическое отделение окончила с отличием в 1956 году по специальности «антропология», после чего была распределена в НИИ антропологии МГУ, где и работаю по настоящее время.

Многие годы работала по прикладной тематике, занималась разработкой методик сбора и обработки антропологического материала для выполнения госзаказов. В течение нескольких десятилетий участвовала и руководила многочисленными экспедициями по сбору антропологического материала: от западных границ до Тихого океана, от Архангельска до Кавказа и Средней Азии. Разрабатывала стандарты по различным темам, результаты которых внедрялись в практику.

Особое место в работе занимала тема по разработке защитных средств для населения всех возрастов по различным регионам страны с учетом этнических особенностей. Результаты работы были приняты госкомиссией и внедрены в практику соответствующих Министерств и ведомств.

В 1972 году защитила кандидатскую диссертацию. Опубликовала более 70 научных работ. С НИИ стоматологии была проведена комплексная работа по типо-размерам зубочелюстной системы, которая позволила усовершенствовать ортодонтические аппараты. Эта работа была удостоена Диплома ВДНХ в 1992 году. Совместная работа с Челябинским центром детской стоматологии получила серебряную медаль ВДНХ в том же году.

Наряду с этим был собран и проанализирован обширный материал по физическому развитию детей различных регионов СССР (Москва, Ленинград, Казахстан, Грузия, Архангельск, Карелия, Чеченская Республика и др.).

Всю свою жизнь я жила с огромным чувством ответственности за всех, кто рядом. Самое главное в моей работе — я любила и люблю своих студентов, коллег, друзей. Мне всегда казалось, что красивее их нет.

СУДЬБА ПИОНЕРА-ПАРТИЗАНА

Ульянов Александр Александрович, 89 лет,
кинорежиссер, кинооператор,
член Союза кинематографистов РФ,
председатель Совета ветеранов войны — членов Союза кинематографистов РФ, проживающих в Москве,
заместитель председателя Объединенного Совета партизан и подпольщиков МКВВ,
г. Москва

А.А. Ульянов на церемонии вручения премии Андрея Первозванного в Кремле

Я родился 27 мая 1930 года в Минске. Родители жили в то время в Москве, но рожать меня мама поехала в Минск, где в одном из родильных домов, построенных еще в годы Первой мировой войны дедом, профессором гинекологии Ф.Л. Ульяновым, работала старшей операционной сестрой-акушеркой бабушка, Мария Григорьевна Ульянова.

Отец, Ульянов Александр Федорович, был профессиональным дипломатом. Одно время, после убийства в Варшаве посла СССР П.Л. Войкова, он исполнял обязанности Полномочного представителя Советского Союза в Польше. Потом работал торгпредом СССР в Венгрии, Австрии, Латвии, Чехословакии.

Весной 1937 года отца вызвали из Праги в Москву. На границе, в Негорелом, сняли с поезда и…

В 1956 году Военная Коллегия Верховного Суда СССР выдала справку, что «Дело по обвинению УЛЬЯНОВА Александра Федоровича пересмотрено Военной Коллегией Верховного Суда СССР 30 июня 1956 года, и Приговор Военной Коллегии от 26 ноября 1937 года в отношении УЛЬЯНОВА А.Ф. по вновь открывшимся обстоятельствам отменен, и дело за отсутствием состава преступления прекращено».

Но отца тем не менее расстреляли. Недавно стало известно, что похоронен он в братской могиле на Донском кладбище.

А следом за отцом, в ноябре 1937 года, арестовали и маму. Она была парторгом ЦК одного из участков Метростроя. И женой «врага народа». Правда, ее реабилитация застала в живых. Она вернулась в Москву, стала персональным пенсионером союзного значения, но 18 лет лагеря неподалеку от нынешней столицы суверенного Казахстана не прошли бесследно, и по возвращении в Москву проводила больше времени в больнице, чем дома.

Шурка-москвич, 1943 г.

После ареста родителей я оказался у бабушки в Минске.

Когда началась война, после оккупации Минска немцами стал разведчиком в отряде «Непобедимый». В одной из операций был ранен в ногу. Ввиду того, что отряд уходил в рейд в Западную Белоруссию, меня оставили в семье деревенского старосты Софрона Ванькевича в деревне Ляжин Березинского района Минской области. В течение зимы 1941–1942 гг. я скрывался у них.

Когда до фашистов дошли слухи о том, что в деревне скрывают юного партизана, командование партизанского отряда «Коммунист» бригады имени Щорса, что действовал неподалеку, взяло меня в отряд. Так я стал разведчиком, участвовал в боевых операциях по разгрому вражеских гарнизонов в совхозе «Рованичи» и на Смолевичском торфяном заводе. После второго ранения и лечения в объединенном партизанском госпитале в районе озера Палик стал диверсантом в отряде имени Фрунзе бригады им. Кирова. Участвовал в подрыве нескольких вражеских эшелонов. В августе 1943 года, после тяжелого ранения, был отправлен самолетом на «Большую землю». После выхода из госпиталя получил инвалидность.

Награжден орденом Красной Звезды и медалью «Партизану Отечественной войны» I степени.

Окончил Рижскую мореходную школу. Плавал матросом Латвийского госморпароходства, но был в начале 1947 года уволен «за сокрытие родства с врагами народа».

Потом работал осветителем на Рижской киностудии. Окончил в 1952 году вечернюю школу и поступил во ВГИК.

Рижская мореходка, 1945 г.

К 40-летию Победы над фашистской Германией был удостоен ордена Отечественной войны I степени. Награжден также медалями «Партизану Отечественной войны II степени», «За победу над Германией» и юбилейными медалями к торжественным датам Победы и Вооруженных Сил СССР, медалью «Ветеран труда», юбилейными медалями по случаю 60-летия и 65-летия, 70-летия и 75-летия освобождения Беларуси. В связи с 60-летием окончания Второй мировой войны удостоен ордена Ассоциации американских ветеранов Второй мировой войны.

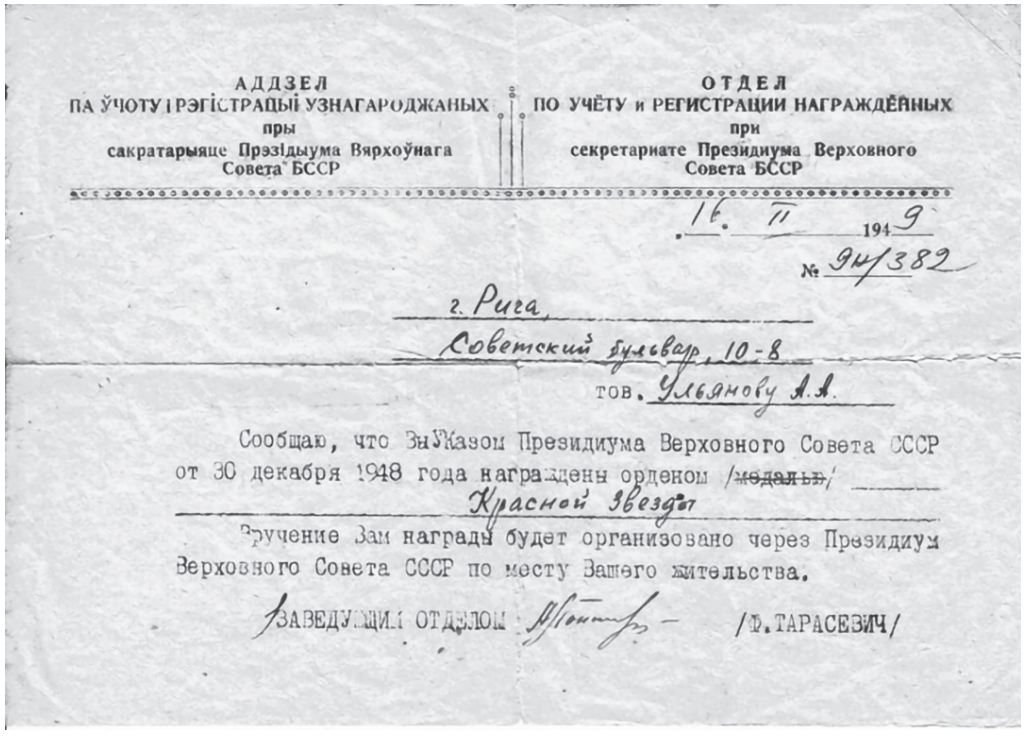
Окончил с отличием операторский факультет ВГИКа в 1958 году и работал все годы, до выхода на пенсию, на киностудии Центрнаучфильм кинооператором, а с 1978 года — кинорежиссером.

Неоднократный лауреат и дипломант различных международных и всесоюзных кинофестивалей.

В 2012 году стал лауреатом Международной премии Фонда Андрея Первозванного «Вера и Верность». (Вручение проходило в Кремле 13 декабря 2012 г.)

Имею сына и дочь, семерых внуков и правнука.

В 1972 году Белорусский музей Великой Отечественной войны выпустил альбом «Орлята Великой Отечественной». Там, наряду с другими белорусскими ребятами, коим довелось воевать в пионерском возрасте, рассказывается и о Саше Ульянове. Упоминается о нем и в мемуарах «Люди высокого долга» одного из организаторов партизанского движения в Белоруссии Р. Н. Мачульского. Есть о Саше рассказы в сборниках «Рядом с отцами», «О подвигах, о доблести, о славе», в других изданиях. Удостоен даже упоминания в энциклопедическом справочнике «Минск».



АДДЗЕЛ
ПА ЎЧОТУ І РЭГІСТРАЦЫІ УЗНАГАРОДЖАНЫХ
пры
сакратарыяце Прэзідыума Вярхоўнага Совета БССР

ОТДЕЛ
ПО УЧЁТУ и РЕГИСТРАЦИИ НАГРАЖДЁННЫХ
при
секретариате Президиума Верховного Совета БССР

16. II 1949
№ 9н/382

г. Рига,
Советский бульвар, 10-8
тов. Ульянову А.А.

Сообщаю, что Вы Указом Президиума Верховного Совета СССР от 30 декабря 1948 года награждены орденом /~~медалью~~/ Красной Звезды

Вручение Вам награды будет организовано через Президиум Верховного Совета СССР по месту Вашего жительства.

ЗАВЕДУЮЩИЙ ОТДЕЛОМ /Ф. ТАРАСЕВИЧ/

СТРАНИЦЫ ВОСПОМИНАНИЙ ВОЕННОГО ЦЕНЗОРА...

Жукова Александра Терентьевна, 93 года,
ветеран войны и педагогического труда,
Брянская область, р. п. Дубровка

А.Т Жукова, сентябрь 2014 года, п. Дубровка

Я отношусь к тому поколению людей, на долю которых выпало немало потрясений. Коллективизация и голод в Украине, нацистская оккупация и жизнь в партизанском отряде, тяжёлое ранение и возвращение к жизни, работа в органах НКГБ и постоянный страх ареста, долгая педагогическая деятельность в провинции и в конце жизни — в период перестройки и постсоветской России — крушение идей, которые казались незыблемыми. Но сегодня, подводя итоги, я ни о чём не жалею, ничего не хочу изменить...

Моя малая родина. Детство. Семья

Родилась я в деревне Гаврилова Слобода Середино-Будского района Сумской области Украины 16 апреля 1926 года (в паспорт по недосмотру закралась ошибка — там дата рождения указана 12 апреля 1926 года).

Отец, Терентий Павлович Жуков, был мастеровым, как и его отец. В деревне его все уважали. А мама, Мария Демидовна (урождённая Плужникова), работала в колхозе. Не чуралась никакого труда, любое дело в её руках спорилось.

Деревня у нас была большая, несколько сот домов, и удивительно красивая. Множество садов, у каждого дома весной было такое мощное цветение! На горочке стояла небольшая, но очень красивая церковь. Река делила деревню на две половины. Мы жили на одном берегу, а семья моей бабушки — на другом.

В семье бабушки и деда было десять детей. Двое умерли в детстве. Старшей дочерью была моя мама, Мария, 1902 года рождения. Она окончила церковно-приходскую школу с похвальным листом. Дальше учиться, к сожалению, не пришлось. Зато все другие дети Плужниковых получили высшее или среднее специальное образование.

Два моих дяди, Константин и Максим, погибли в годы Великой Отечественной войны. Причём командир прожекторной роты старший лейтенант Максим Демидович Плужников погиб в Германии 13 июня 1945 года, т.е. уже после Победы — долго ещё недобитые фашисты стреляли из всех щелей по нашим воинам-освободителям...

Мой дед, Демид Максимович Плужников, — мастеровой. Знатно делал корыта, кадки, бочки. Мог класть печи, шить сапоги. После уборки урожая он со своими сыновьями, зятьями и некоторыми односельчанами уходил на заработки на Брянщину.

Моя бабушка, Екатерина Купреевна, вела домашнее хозяйство, работала в колхозе и возилась с внуками. Я очень любила играть с ней, гостить в её доме, спать на её уютной печке и есть удивительно вкусные бабушкины пироги.

Голод 1932–1933 годов

Детство моё совпало с периодом коллективизации. На него выпал и страшный голод 1932–1933 гг. Помню, как ели крапиву, лебеду, корни съедобных и несъедобных трав, липовый лист, толчёную древесную кору. Каким спасением для нас был тогда лес с его грибами, ягодами и орехами! Как помогала выжить река, в которой ловили не только рыбу и раков, но и лягушек и головастиков!

Я помню, как умирали мои односельчане, опухшие от голода. Я не знала, что от голода можно пухнуть. У них лопалась и кровоточила кожа.

На моих глазах умер соседский мальчишка. Перед смертью он просил свою мать дать ему хотя бы один маленький кусочек хлеба. Кто-то сжалился и вложил в его слабую ручонку сухую корочку. Съесть её он не успел. Он умер со счастливой улыбкой на губах, сжимая эту корочку хлеба в кулачке, разжать который после смерти ребёнка так и не смогли. От голода умерли две моих двоюродных сестрёнки. С тех пор к хлебу отношусь с особым почтением, никому не позволяю выбрасывать ни кусочка.

Как только поспевал урожай, на поля выходили отчаявшиеся при виде своих голодных детей женщины — «парикмахеры», «стригуны». На ещё не вызревших полях ночью тайком они ножницами срезали колоски на кашу для своих детей.

А когда началась уборка, первые обмолоты, то хлеб пошёл по «конвейеру» — с поля на молотилку, затем сразу на заготовительный пункт, минуя колхозные амбары. Тогда же появились «несуны». Зерно несли с токов в карманах, за пазухой, в платках. Не спасали никакие сторожа. Хотя с 7 августа 1932 года уже действовал Закон «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации», написанный собственноручно Сталиным. Он вводил «в качестве меры судебной репрессии за хищение (воровство) колхозного и кооперативного имущества высшую меру социалистической защиты — расстрел с конфискацией всего имущества, и с заменой при смягчающих обстоятельствах лишением свободы на срок не ниже 10 лет с конфискацией всего имущества». «Закон о трёх колосках» — так называли его в народе.

Ослабленные голодом колхозники часто были не в силах полностью убрать урожай с полей. Партийное руководство расценивало это как проявление открытого саботажа со стороны крестьянства и расширяло

репрессии. Я помню, как исчез из деревни наш любимый учитель Иван Иванович Шульгин. Это был уже немолодой, очень уважаемый в народе человек. Он учил грамоте не только меня, но ещё и мою маму. Мама рассказывала, что в одном помещении обучались дети сразу всех классов, а это не менее 60 человек. И был полный порядок, и дети получали хорошие знания по основам наук. Так вот после одного из колхозных собраний без каких-либо объяснений Шульгина забрали и увезли куда-то. Больше учителя мы не видели, о его судьбе ничего не знали.

В некоторых районах Украины в 1932–1933 гг. погибло от четверти до половины населения. Точное число жертв голода 30-х годов до сих пор неизвестно...

Голод чудом пережили. Казалось, теперь нас ждёт счастливая пора. Я окончила семь классов — по тем временам солидное образование на селе. Мне исполнилось 15 лет. Впереди было много планов и надежд. Но началась Великая Отечественная война.

Партизанская дочь

Как и все мои товарищи, я участвовала в строительстве оборонительных сооружений. Тяжёлый, каторжный труд, который, к сожалению, не дал ожидаемых результатов.

В лесах Сумщины действовали партизаны легендарного соединения под командованием Сидора Артемьевича Ковпака. Середино-Будский район Сумской области — это ворота из Брянских лесов в Украину. Фашисты хотели воспрепятствовать воссоединению брянских и украинских партизан и создать здесь заградительную зону. Поэтому в этот район посылали отборные фашистские дивизии, здесь было много мадьярских головорезов из 108-й пехотной дивизии, прочёсывали леса карательные отряды. Но уничтожить партизан они не могли.

В апреле 1942 года партизанам сбросили с самолёта рацию и радистов. В ковпаковском соединении действовала типография, печатались сводки Совинформбюро, которые распространяли среди жителей ближайших сёл и хуторов. Немцы бомбили эти места с воздуха, обстреливали из дальней артиллерии, но открыто наступать боялись.

На всю жизнь в моей памяти остался первомайский митинг в ковпаковской столице Старой Гуте. В глубоком тылу врага в Международный день солидарности трудящихся 1 мая 1942 года партизаны проводили крупный митинг! Собралось много народу, пришли жители окружных сёл и хуторов. Выступал Сидор Артемьевич Ковпак.

Удивительный был человек! Невысокий, бородка такая домашняя, клинышком. Добрые умные глаза. На первый взгляд даже трудно представить, что это — командир огромного партизанского соединения, человек очень решительный, собранный, целеустремленный. Человек большого личного мужества.

Все жители нашей деревни Гаврилова Слобода ушли в лес, к партизанам. Селяне и до этого, используя подлесное расположение своей деревни, помогали партизанам. А когда мадьяры, немцы и полицаи стали проводить карательные операции, расстреливать людей, жечь дома, все жители ушли в лес. За это нацисты деревню сожгли.

Гражданское население, ушедшее в лес, находилось в так называемых «цивильных лагерях». Наша семья была в Конотопском партизанском отряде. Мы, дети, помогали партизанам, как могли: ходили в ближнюю разведку, помогали медикам стирать, сушить и скатывать бинты, ухаживать за ранеными, помогали хозвзводу обстирывать бойцов, работали на кухне, участвовали в заготовке продовольствия.

Несмотря на помощь местного населения, с продуктами питания в отряде было плохо. Годы войны опять принесли людям голод. Вновь ели мерзлую прошлогоднюю картошку, лепёшки из липы и лебеды. А соль была на вес золота.

В августе — сентябре 1942 года партизаны, готовясь к дальнему рейду, стали заготавливать продовольствие. Конечно, без нас не обходилась ни одна заготовительная операция. Мы тогда (по наивности) считали это чуть ли не самым безопасным делом. Как оказалось, напрасно...

26 августа 1942 года во время уборки урожая у деревни Зелёный Гай начался сильный бой. Нацисты и каратели пытались сорвать заготовку продовольствия и уничтожить партизан. В этом бою я была тяжело ранена в левую руку разрывной пулей.

Сегодня я с благодарностью вспоминаю, как меня, по сути совсем ещё ребёнка, не бросили, не оставили в беде товарищи, на руках под огнём вынесли с поля боя. Пришла в себя уже в отряде. И первое, что увидела — склонившуюся ко мне и слабо улыбающуюся сквозь слёзы маму. Около месяца я лечилась в партизанском госпитале.

На Большую землю

Вскоре всех раненых через реку Нерусса переправили в Брянские леса, в деревню Смелиж, на партизанский аэродром. Несколько дней мы ждали появления наших самолётов. Но раньше прилетели немецкие. Аэродром сильно бомбили. Были раненые, убитые, значительно повреждена площадка. Пришлось ещё ждать, пока всё приведут в порядок. Наконец прилетели четыре машины и сели на обозначенную кострами взлётно-посадочную полосу. В спешке погрузили нас, тяжелораненых партизан. Потом стали забирать женщин и детей, так как для содержания «цивильных лагерей» у партизан, собирающихся в рейд, не было возможности. Желающих улететь на Большую землю было много. Самолёты были переполнены.

Перелёт стал ещё одним тяжким испытанием. При пересечении линии фронта самолёты были обстреляны немецкими зенитками, а потом ещё

и атакованы вражескими истребителями. Один самолёт так и не долетел до базы в Монино. Что с ним случилось, неизвестно.

Долгое время семья ничего не знала о моей судьбе. Лишь гораздо позже с летевшим к партизанам украинским писателем Владимиром Сосюрой я смогла передать весточку родным.

Потом были госпиталя в Москве, Белебее, Уфе. Оттуда в 1943 году вернулась в Москву, став инвалидом на всю жизнь. Руку врачи сохранили, но она перестала действовать из-за отсутствия локтевого сустава и других повреждений. Прошло почти 80 лет с момента ранения, а рана до сих пор часто открывается и болит...

В Центральном штабе партизанского движения в Москве мне выдали направление на работу на швейную фабрику Ленинградского райпромтреста столицы, где я и проработала целый год, была помощником бухгалтера. Здесь же вступила в комсомол. Жила у тети в коммунальной квартире на Хорошевке.

В Москве ещё действовал комендантский час, режим затемнения, продукты выдавали строго по карточкам. Коммерческая торговля была не доступна из-за запредельных цен. Впрочем, были и те, кто её услугами пользовался регулярно. Время от времени объявлялась воздушная тревога. На площадях, в парках, скверах, на перекрёстках были созданы огневые укрепления. По ночам дежурили на крышах. Работали заводы, школы.

В службе военной цензуры

В начале 1944 года по мобилизации я была зачислена в службу военной цензуры управления НКГБ МО. Служба военной цензуры появилась в нашей стране ещё во время Отечественной войны 1812 года. Широкое распространение получила в годы Первой мировой войны. А первые органы новой советской цензуры появились летом 1918 года. В период Великой Отечественной войны цензура Наркомата обороны занималась военной печатью, а цензура НКГБ — фронтовой корреспонденцией.

Александра Жукова — военный цензор, г. Москва, 1944 год

Мне выдали форму: две пары сапог, пару ботинок, три гимнастёрки и юбки, форменное платье, меховую безрукавку, шинель, шапку-ушанку, рукавицы. Моя зарплата составляла 500 рублей. Кроме того, нам выдавали специальные продовольственные карточки, куда помимо обычного набора входило также 7 кг мяса, консервы и даже сладкое желе. Я была очень рада этому, т.к. удавалось немножко поддержать семью тёти, у которой я жила. После гибели на фронте мужа она одна поднимала двоих сыновей. И меня взять к себе не побоялась...

Ранним утром почти бегом по Хорошевскому шоссе я шла до станции метро «Белорусская», а то

и до «Кировской». Зимой темно, холодно. Опустишь уши в шапке-ушанке — и вперёд. А на подходе к Ваганьковскому кладбищу уши в шапке подымаешь: мороз менее 25 градусов — не положено, патруль остановит. Иногда, правда, нас подбирала какая-нибудь попутная военная машина или удавалось сесть в автобус, который, кстати, отапливался дровами и потому нещадно дымил.

Военные цензоры вскрывали и прочитывали письма. Писем было много, их приносили целыми мешками. Работали быстро и напряжённо. Вычёркивали из писем точные названия географических объектов, фамилии командиров, сведения о вооружении, информацию о каких-то особых трудностях военной жизни. Некоторые письма, с явно выраженными негативными настроениями, вообще изымались и передавались вышестоящему начальству.

На каждом письме мы ставили штамп: «Просмотрено военной цензурой» и свой личный номер. Затем за нами, контролируя нас, письма ещё раз выборочно проверялись. И, не дай бог, заметят какую-нибудь твою оплошность: пощады не жди. Любая ошибка, даже малый просчёт, могли стоить свободы. И поэтому, когда у меня вновь открылась рана, резко ухудшилось самочувствие и меня уволили по состоянию здоровья, я была очень рада, как ни странно это звучит. Наверное, впервые за годы войны можно было спать спокойно и продолжить, наконец, учёбу...

Возрождение

Зёрновскую среднюю школу на Брянщине я окончила в 1947 году переростком (таких тогда было много) и решила непременно стать учителем истории. Так я оказалась в Новозыбковском педагогическом институте. Учёба в институте была интересной, хотя и достаточно сложной, особенно для тех студентов, у кого были пробелы в знаниях из-за вынужденного пропуска школьных занятий в годы войны. А если добавить ещё, что до войны я жила в селе, до 7 класса училась в украинской школе, то станет понятно, как много мне приходилось работать над собой, чтобы соответствовать необходимому уровню, чтобы стать настоящим учителем.

Новозыбков конца 40-х — начала 50-х гг. был милым провинциальным городом, застроенным частными жилыми домами. Конечно, ни о каких удобствах, привычных нам сегодня, не было и речи. Прошло лишь два года после окончания войны, страна ещё залечивала нанесённые ею страшные раны. Однако жизнь постепенно налаживалась. В конце 1947 года была проведена денежная реформа и отменены продуктовые карточки, введённые в СССР в начале Великой Отечественной войны и действовавшие более шести лет. Помню, с каким воодушевлением восприняли мы тогда это известие — свершилось то, чего советские люди с надеждой ждали столько лет! Результаты реформ не замедлили сказаться: укрепился рубль, повысилась его покупательная способность, цены на продукты уменьшились почти на 50 %. Прошло чуть больше года —

и новый шаг вперёд: в феврале 1949-го Совет Министров СССР объявил о снижении цен на товары широкого спроса. Надо ли говорить, какой отклик это нашло в сердцах советских людей! 26 мая 1947 года была отменена смертная казнь (правда, через полгода её вернули как меру наказания для изменников Родины, шпионов и диверсантов).

Быстрыми темпами восстанавливалось разрушенное войной хозяйство, трудовой энтузиазм народа был на подъёме. Впечатляли новые достижения в области науки, техники, военной сферы. 25 сентября 1949 года в газетах было опубликовано сообщение ТАСС об испытании в СССР ядерного оружия. 1 апреля 1950 года на лёд высадилась дрейфующая станция «Северный полюс-2» под руководством М. М. Сомова и проработала во льдах больше года. 1 июня 1950 года в СССР прошёл первый грандиозный праздник, посвящённый Дню защиты детей. Всё это укрепляло гордость советских людей за свою Родину и надежду на скорое построение светлого будущего.

НГПИ

24 июля 1930 года в городе Новозыбкове на базе политехникума был открыт Новозыбковский агропединститут, в состав которого входило общественно-агрономическое (позже — экономическое) отделение. Оно первоначально состояло из 21 студента и подразделялось на две секции: историко-экономическую и литературно-лингвистическую. Осенью 1932 года была осуществлена реорганизация агропединститута в четырёхгодичный педагогический институт. Так всё начиналось.

Учебный корпус нашего института в мою студенческую бытность располагался на Комсомольском проспекте. В конце 40-х — начале 50-х гг. наш институт жил активной жизнью, развивался, появилась даже своя аспирантура, в том числе по истории СССР и литературе — в 1950 году. В двух домах, находящихся рядом с институтом, были вполне пригодные для жизни общежития.

Конечно, было трудно: холодные аудитории, нетопленные из-за срыва подвоза дров, обледеневшие колонки с перемёрзшей водой, скудное денежное и продовольственное содержание, дефицит продуктов и товаров повседневного спроса, проблемы с обувью, одеждой (поначалу многие студенты — вчерашние фронтовики ходили в шинелях, бушлатах, гимнастёрках, форменных платьях, юбках, перешитых из военной одежды). Но постепенно жизнь улучшалась. Хочу сказать, к примеру, что бинты, необходимые мне (рана текла почти постоянно), выдавались в аптеке беспрепятственно, бесперебойно и совершенно бесплатно.

Студенческая молодёжь тех лет была совершенно непритязательна, не избалована комфортом, подобно нынешней. В основной своей массе мы были селянами, привыкшими к тяжёлой жизни в постоянном труде, пережившими голод начала 30-х гг. и страшную войну. Так что жили

мы дружно, ни на что не жалуясь, с оптимизмом смотрели в будущее, старательно учились, много трудились, помогали друг другу, деля на всех горе и радость. Не могу сказать о себе, что была очень активной студенткой, но в жизни коллектива всегда принимала посильное участие.

НГПИ готовил кадры в основном для села, но практику, как мне помнится, мы проходили больше в городских школах, чем в районе. Ученики тогда учились в основной своей массе старательно и с удовольствием, авторитет учителя, даже практиканта, был непререкаем. Куда всё это делось со временем?..

Истфак

В первый год моего обучения в НГПИ, 1947–1948 учебный год, истфак впервые добился первого места по успеваемости в институте (студентов, успевающих на «4» и «5», было более 60 %, а отличников — 30 %!). Это первенство наш факультет удерживал много лет.

Нас обучали основам марксизма-ленинизма, истории СССР, истории Древнего мира, Средних веков, Нового времени, психологии, старославянскому и английскому языкам, политэкономии, историческому и диалектическому материализму, педагогике, русской историографии, методике преподавания истории и Конституции, истории педагогики, основам Советского государства и права, русской и зарубежной литературе, истории стран Востока, школьной гигиене. Были спецкурсы по истории Нового времени, спецсеминары по истории СССР, педагогике, занятия по физкультуре. Как я уже говорила, мы работали на практике в школе, писали курсовую работу. На государственные экзамены выносились основы марксизма-ленинизма, педагогика, история СССР и история Нового времени. Председателем ГЭК у нас был кандидат исторических наук Тихон Захарович Бизяев.

Истфак — это идеологический факультет, как мы понимаем, особенно в те времена. Помню, как мы изучали опубликованную в газете «Правда» статью Д. Т. Шепилова «Советский патриотизм», положившую начало дискуссии о космополитизме. И, конечно же, статью И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», вышедшую в «Правде» в 1950 году.

Студентов-историков часто привлекали к общественной политико-просветительской работе. Летом 1947 года в СССР было основано Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний (Всесоюзное общество «Знание»), членом которого я состояла на протяжении всей своей педагогической деятельности (а проработала я в Дубровской средней школе 31 год, с 1951 по 1982, а потом ещё 10 лет в отделе образования), выступая с лекциями перед населением. Позже стала ещё и пропагандистом в системе партийного политпросвещения. Имею многочисленные грамоты и благодарности за эту работу.

Разнообразием форм проведения молодёжного досуга провинциальный Новозыбков конца 40-х — начала 50-х годов, конечно же, не отличался. Но студенты прекрасно организовывали свой досуг сами, при помощи преподавателей. На истфаке работали стрелковый, гимнастический, акробатический, легкоатлетический, драматический, танцевальный, струнный кружки, художественного чтения, сольного пения, хор, агитбригада, лыжная, шахматная, волейбольная, мотоциклетная секции. Я, скажем, очень любила плавание и коньки.

Мои УчИтели

Прошло без малого 70 лет с того дня, как я окончила институт, но до сих пор с глубокой и искренней благодарностью вспоминаю своих преподавателей, не жалевших душевных сил и времени для своих студентов, для подготовки из нас настоящих учителей.

Директором института долгое время был Тимофей Фомич Куклин, выпускник Академии коммунистического воспитания имени Н. К. Крупской, приехавший к нам из Орла (впоследствии он возглавлял Тульский, Архангельский педагогические институты, Поморский университет).

Деканом нашего факультета был кандидат исторических наук, доцент Тимофей Георгиевич Гаур. Родился он в 1909 году, в период оккупации активно участвовал в партизанском движении, факультет возглавил в конце 1943 года. Весной 1944 года из студентов и преподавателей института был сформирован истребительный батальон, насчитывавший 120 человек, который охранял военные объекты и учреждения и неоднократно задерживал вражеских диверсантов-парашютистов. Комиссаром этого батальона был бывший партизанский комиссар, декан истфака Т. Г. Гаур. Это был очень мягкий, интеллигентный человек, прекрасный оратор, говорил логично, ярко, проникновенно. Он обладал хорошим чувством юмора и красивым голосом (тенором).

На факультете в конце 40-х — 50-х гг. работали кандидаты исторических наук, доценты Т. З. Бизяев, З. М. Раскин, П. В. Лазаренко, И. П. Балабешко, кандидат педагогических наук К. Ф. Боченков, преподаватели К. Н. Семёнова, А. А. Бычкова и др. Все они щедро отдавали себя студентам, стараясь привить нам вкус к учению, творчеству, поиску истины, любовь к истории и литературе.

Елизавета Григорьевна Непомнящая

Особо хочу сказать о Елизавете Григорьевне Непомнящей, совсем недавно покинувшей наш бренный мир на 101 году жизни. Непомнящая была уроженкой Новозыбкова. Здесь в годы войны в огне Холокоста погибла вся её семья, родные, близкие. Перед самой войной выпускница литфака МГПИ им. В. И. Ленина, молодая сельская учительница из Карачаево-Черкессии Ставропольского края Елизавета Непомнящая приехала в Москву поступать в аспирантуру. Но пришлось возвращаться на Кавказ. На родину, в Новозыбков, она приехала лишь осенью 1944 года.

Вот как пишет об этом сама Елизавета Григорьевна: «Война ещё продолжалась на западных рубежах страны, но город возвращался к мирной жизни, восстанавливались советские учреждения и система образования. Вузовский диплом и педагогический стаж позволили мне стать преподавателем на курсах по подготовке к поступлению в институт. 1 октября 1944 г. — именно эта дата записана в моей трудовой книжке: с неё и начались 54 года непрерывной работы в одном вузе, которая стала для меня не “службой”, а “служением”».

Елизавета Григорьевна преподавала у нас зарубежную литературу (она защищалась по немецкой литературе). Преподавала блестяще! Ярко, образно, в какой-то своей, особой, своеобразной, отличной от всех других преподавателей манере, ненавязчиво вызывая у нас интерес к тому или иному писателю и заставляя сразу после лекции бежать в библиотеку, брать его книги и читать. Медленно, вдумчиво, серьёзно. Читать и размышлять. Возвращаться к прочитанному и опять думать. Соглашаться, сомневаться, спорить, искать истину. Казалось, что сама Елизавета Григорьевна прочла все книги на свете, её эрудиции, кругозору, знаниям в разных сферах жизни можно было только позавидовать.

Непомнящая вызывала восхищение у всех студентов. В ней всё было совершенно: язык, манеры, внешний вид. Одета всегда с большим вкусом, стильно, как говорят сегодня. И туфли на каблучке. Всегда. Она учила своим личным примером, показывала, каким должен быть настоящий учитель. И внешний вид, и внутреннее содержание.

Елизавета Григорьевна увлеченно занималась любимым делом: учила нас, училась сама, собирала библиотеку, которую потом, на склоне лет, переезжая в 2004 году к сыну Георгию в Москву, подарила своему институту (более 2-х тысяч томов!). Она умела общаться со всеми, вызывая доверие и желание поделиться сокровенными мыслями, попросить совета, развеять сомнения.

Она как-то сказала, что хотела бы вечно работать в окружении любознательной молодёжи, а в оставшееся свободное время перечитывать мировую классику. Что ж, так почти и случилось. Более полувека (1944–1998 гг.) канд. филол. наук, доцент (это учёное звание Елизавета Григорьевна получила далеко не сразу — мешал пресловутый пятый пункт) Е. Г. Непомнящая преподавала в Новозыбковском, а потом в Брянском педагогическом институте, готовила учителей, которые до сих пор работают в школах России. Она великолепно знала свой предмет, умела увлечь слушателей, которые вместе с ней погружались в мир зарубежной литературы. Её называли гордостью института. Как совершенно справедливо было сказано в некрологе, Елизавета Григорьевна всегда задавала

для коллег и студентов высокую планку профессионализма, нравственности и силы духа, была образцом для подражания. Один из учеников Е. Г. Непомнящей как-то сказал, что именно с неё надо писать профессиональный стандарт учителя. И с этим нельзя не согласиться!

Безрукий партизан, или Человек-легенда

Не могу не сказать несколько добрых слов о муже Елизаветы Григорьевны Непомнящей Владимире Акимовиче Зеболове (1922–1983). О нём, о его жизни и подвиге упоминается в 150 книгах, вышедших в разное время, написанных разными авторами, ему посвящены художественные произведения, очерки, стихи и научные труды.

Ещё в детстве в результате несчастного случая потеряв кисти обеих рук, Владимир Зеболов в начале войны сумел добиться, чтобы его зачислили в разведшколу. Он стал бесстрашным партизаном легендарного украинского соединения С. А. Ковпака. (Горжусь, что мы с ним по сути дела однополчане.) Владимир Акимович неоднократно ходил в дальнюю разведку, добывая ценные сведения о противнике, участвовал в диверсиях на железных и шоссейных дорогах, в боях. Весной 1943 года он по приказу командования был отозван в Москву. Оттуда его несколько раз «забрасывали» в тыл врага. В мае 1943 года по ранению Зеболов был эвакуирован в советский тыл.

После победы не всё складывалось хорошо в судьбе партизана-героя. Вспоминает его друг, командир 1-й Украинской партизанской дивизии имени дважды Героя Советского Союза С. А. Ковпака, Герой Советского Союза генерал-майор П. П. Вершигора: «Кончилась война, и единственный из ковпаковцев, не имевший даже партизанской медали, а не то, что ордена, был как раз он — Володя Зеболов. И парень запил. Не от неудовлетворённого честолюбия, а от обиды.

Как-то получаю письмо от отца Зеболова. Узнаю: сидит его безрукий сын в тюрьме. Выясняю причину. Оказывается, случилось вот что... В одном из фабричных ларьков деревни Малый Вышков работникам предприятия продавали хлеб без карточек. По полкило в одни руки. Здесь покупала его и одна местная жительница, мать двух партизан, погибших на войне,— на её руках остались внуки, партизанские дети. Но вот директор вдруг запретил продавать хлеб этой женщине и приказал вахтёру гнать бабку прочь.

Пришла старушка — её не пускают... Просит, плачет, настаивает... Вахтёр оттолкнул её — и она упала в грязь. Всё это видел мой Володя. Бросился он на вахтёра и своими культями «сделал» из него «свиную отбивную». Конечно, совершил Володя непростительную ошибку. Ему бы из «лика» самого директора такую отбивную сделать — ну куда ни шло. В общем, тут же и суд, а затем тюрьма.

Что же делать? Чем помочь боевому товарищу, думал я. И написал я в Брянский обком партии письмо. Всё подробно рассказал о Володе Зеболове, о его судьбе, о подвигах, об обиде... Говорили мне — вызвали его из тюрьмы прямо в обком. Лично первый секретарь обкома беседовал с ним, а потом взял его на поруки. И вот пошёл Володя учиться — окончил пединститут... и теперь работает там преподавателем».

Зеболов окончил истфак в 1952 году, в 1963-м защитил кандидатскую диссертацию и стал доцентом кафедры истории КПСС.

Владимир Зеболов был неисправимым романтиком и сентиментальным мечтателем, весёлым, активным, полным жизни, неравнодушным человеком с кипучей энергией. Он постоянно генерировал новые идеи, торопился что-то делать, всегда готов был прийти на помощь людям, стремился к справедливости, был искренним и верным в дружбе, часто встречался с боевыми товарищами, помогал им. Много читал, работал в архивах и библиотеках, изучая историю партизанского движения, писал книги, научные и публицистические статьи. А ещё был прекрасным шахматистом, любил футбол, рыбалку.

Уже в Брянске усилиями В. А. Зеболова пединститут стал носить имя академика И. Г. Петровского, с вдовой которого дружил Владимир Акимович. Ему институт обязан и появлением своей аспирантуры.

Неудивительно, что два ярких, неординарных человека, Владимир Акимович Зеболов и Елизавета Григорьевна Непомнящая, нашли друг друга и счастливо прожили вместе более 30 лет. Жаль, что Владимир Акимович так рано ушёл из жизни... А теперь вот не стало и Елизаветы Григорьевны... Светлая им память...

Старая фотография

Совершенно неожиданно для себя, перебирая старые бумаги, нашла, казалось, навсегда утраченную фотографию нашего выпуска 1951 года.

Директором института тогда был Соловьёв Павел Петрович (1901–1993). Простой парень из климовского села Крапивня окончил Казанский педагогический институт и стал преподавателем в Новозыбкове. В годы войны сражался с фашистами на Западном и Первом Белорусском фронтах в должности ответственного секретаря дивизионной партийной комиссии. Был дважды ранен. Дошёл от Москвы до Берлина. Подполковник П. П. Соловьёв был награждён орденами Отечественной войны первой и второй степеней, Красной Звезды, многими медалями. После победы служил начальником отдела народного образования Советской Военной Администрации (СВА) земли Саксония в Дрездене. В 1949 году вернулся на родину и продолжил преподавательскую деятельность в Новозыбковском педагогическом институте, защитил кандидатскую диссертацию. Его имя внесено в Книгу Почёта института.

На прежнее место работы в НГПИ после войны вернулись профессор Григорий Степанович Прозоров (1899–1969), завуч института С. С. Сафронов.

Наш тогдашний декан Лазаренко Павел Васильевич (1905–1970) тоже был участником войны. В период оккупации — политрук партизанского отряда, а потом телеграфист штабной батареи артполка. В 1944-м получил тяжёлое осколочное ранение в голову. Три недели находился в коме, на грани жизни и смерти. Был награждён орденом Красной Звезды. Как раз в 1951 году он защитил кандидатскую диссертацию по истории Древнего Рима.

Тихон Захарович Бизяев, наш председатель Государственной экзаменационной комиссии, приехал в Новозыбковский институт из Москвы в 1944 году уже кандидатом наук. Несмотря на проблемы со зрением, он блестяще читал лекции: логично, чётко структурировано и в то же время ярко и образно. В. А. Зеболов потом не раз говорил, что свои первые лекции строил «по Бизяеву».

По направлению Министерства просвещения к нам для ведения преподавательской деятельности прибыли Абрам Натанович Коган (впоследствии он станет деканом истфака), З. М. Раскин.

Секретарём партбюро института в тот период был наш же выпускник, уроженец Белоруссии Яненко Иван Евтихиевич (1919–2011). В годы войны он был танкистом, башенным стрелком. В 1942-м получил тяжёлое ранение в глаз с повреждением мозга, но вернулся в строй. Награждён орденом Красной Звезды. Впоследствии Яненко защитил кандидатскую диссертацию, стал деканом историко-филологического факультета, а в 1961 году он перешёл на работу в БТИ (ныне БГИТА), где занесён в Книгу Почёта. Кстати сказать, профессор Яненко И. Е. был председателем Государственной экзаменационной комиссии у моей дочери Татьяны на истфаке БГПИ в 1982 году.

В 1951 году истфак НГПИ дал путёвку в жизнь 30 своим выпускникам. Хочу назвать их имена (спасибо чудом найденной выпускной фотографии): Бакуло Л. Н., Беляева А. В., Беляева Л. Д., Ванченков В. Д., Васильев М. С., Васильева Г. А., Георгиевская Л. В., Голубев С. Ф., Елисеева З. Ф., Жукова А. Т., Замотаева Л. И., Зык И. И., Кириченко П. Ф., Ковалёва Э. И., Козлов П. С., Лапин С. А., Мартынова К. Т., Махоро П. С., Медведько А. П., Папкин И. А., Поддубина А. А., Попова Е. Ф., Потатурко Е. И., Потворов И. М., Пригожая Р. И., Серёженко И. И., Стецкая И. М., Тесленко В. М., Чепля В. Н., Ячменева З. Д.

Интересно, как сложились их учительские и личные судьбы? Жив ли кто-то из моих студенческих товарищей?..

Школа

В 1951 году меня направили на работу учителем истории средней школы посёлка Дубровка Брянской области, где я и проработала до августа 1982 года, когда меня сменила моя дочь Татьяна. Она и сегодня преподает историю в первой школе.

Дубровская средняя школа имеет большую и богатую историю, уходящую корнями в 1908 год, когда в Дубровке открылось четырёхклассное высшее начальное училище. В школе в 1918 году была создана одна из первых на Брянщине комсомольских организаций. В 1913 году школу окончил будущий командир 6-й кавалерийской дивизии генерал-майор Иван Семёнович Никитин, организатор и первый руководитель подпольной организации узников офлага XIII-D в Хаммельбурге, погибший в фашистских застенках в апреле 1942 года. С 1963 года школа носит имя своего героического выпускника. Из стен Дубровской школы вышли 4 Героя Советского Союза (И. Е. Баранов, С. М. Журавлёв, И. А. Трофимов, Ф. П. Чабурин) и Герой Социалистического Труда (П. Д. Рылько), немало генералов и офицеров, учёных, политических деятелей, заслуженных учителей, врачей, строителей, деятелей культуры.

Вместе с коллегами в середине 60-х годов мы основали в школе Комнату боевой славы, одну из первых на Брянщине, организовали работу красных следопытов, шефскую деятельность, юнармейское движение, проводили походы по местам боевой славы, экскурсии (в том числе по Десне на лодках до Чернигова), встречи с ветеранами войны. В школе были лучшие в районе комсомольская и пионерская организации (кстати, пионерская организация носила имя Героя Советского Союза Зои Космодемьянской, как потом оказалось, однополчанки выпускницы Дубровской школы Лизы Беневской), участники художественной самодеятельности и спортсмены занимали призовые места не только в районе, но и в области. Выпускник школы Александр Анатольевич Кузнецов стал известным советским и российским велотренером, воспитавшим целую плеяду олимпийских чемпионов, чемпионов мира и Европы.

После ухода из школы я ещё в течение 10 лет работала в Дубровском районном отделе народного образования директором межрайонной учебной фильмотеки. В 1992 году окончательно вышла на пенсию. Но до сих пор по мере сил веду работу по воспитанию молодого поколения. Являюсь сопредседателем клуба «Ветеран» школы № 1 посёлка Дубровка.

За участие в Великой Отечественной войне, за многолетний труд на ниве просвещения награждена более чем 40 государственными, региональными и общественными наградами.

Да, немало трудностей и испытаний было уготовано судьбой моему поколению. Мы и сейчас ещё стараемся принести пользу и надеемся, что те, кто идёт за нами, тоже не посрамит своей земли. Россия — великая держава, у неё большое будущее.

О КОНЦЛАГЕРЕ МАУТХАУЗЕН, РАСПАДЕ СССР И РОДНОМ ТБИЛИСИ[1]

Придонов Михаил Придонович, 98 лет,
художник,
г. Тула

М.П. Придонов. 2020 г.
Фото А. Пирязева

Несколько лет назад по телевидению демонстрировался цикл передач «Трагедия плена». Это была первая, на моей стариковской памяти, передача о плене, о пленных. Много лет эта тема была не то, чтобы под запретом, а тема, о которой не рекомендовалось громко говорить. Люди, побывавшие в плену, старались помалкивать, особенно при разговоре с незнакомыми. Кому надо — тот знал. Люди, хлебнувшие этой горькой участи, строго придерживались правила «держать язык за зубами». Я сам много лет носил на себе и в себе клеймо «был в плену», и даже сегодня не могу полностью избавиться от этого страшного тавро позора.

Так вот, с трудом дождался этой передачи, многого от неё ожидал, хотелось хоть на экране повидать места недоброй памяти, но... к сожалению, мои надежды не оправдались. Передача велась от лица одного из бывших узников Маутхаузена, который покорно выполнял все, что от него требовалось. Знаю. Понимаю. Сам такой.

«Заключенный», которого облачили в одеяние, имитирующее полосатый костюм узника, и «мютцен» (головной убор, похожий то ли на поварской колпак, то ли на шутовской, только без помпона), ходил по зеленой травке как слепой, не видя ничего перед собой, утирал слезы. Старый ведь человек, с расшатанными нервишками. Шутка ли — пережить такое. Ну, ходил, и ладно... А что он мог рассказать, что показать? Да ничего, кроме мирной, зеленой травки.

Где блоки? Нет. С нарами — театральное действо, они мало похожи на те, которые действительно стояли в блоке.

Нары показали в спальной комнате «шлафраум». В столовой — «шпайзециммер» — массивные деревянные столы, которые заклю-

[1] Продолжение. См.: *Придонов М.П.* «Я, гражданин!», или воспоминания бывшего военнопленного //Мы помним... Книга воспоминаний и размышлений поколений / Под ред. Ю.М. Осипова, Л.И. Ростовцевой. Тула: Гриф и К., 2010. С. 133–148; *Придонов М.П.* Так начиналась война //Мы помним... Ч.1. (2012). С.174–183; *Придонов М.П.* Хороших людей больше, чем плохих //Мы помним... Ч.1 (2015). С.299–302; *Придонов М.П.* 1946 год //Мы помним... Сразу после войны (2017). С.160–168.

ченные беспрерывно скоблили добела осколками стекла. На стенах — полки со стоящими в них белоснежными фаянсовыми тарелками. Красота. Но все это было не для нас. Это была показуха, своего рода «потемкинская деревня». Вдруг нагрянет какая комиссия из Красного креста, ей и покажут в каких идеальных условиях содержатся заключенные.

Живые вместе с мертвыми в концентрационном лагере Маутхаузен. Фото из книги «СС в действии» [1, с. 292].

Нам же еду, баланду или «каву» наливали в различную посуду, в которой было множество дырок, порой не хватало пальцев, чтобы затыкать их. Посуда, подобранная после прибытия очередного транспорта, была свалена в кучу под стенкой блока; пришла пора раздачи пищи — расхватывали её, в полках не было нужды. Хватали кто что успеет. Вы можете спросить, а где мыли посуду? Смешно. Никто ее не мыл, ибо она, посудина эта, была вылизана до первозданного блеска. Там и мыть-то было нечего. Вот об этом надо было бы рассказать гостям-туристам. А то травка зеленая. Была бы тогда травка, так ее, эту травку почище овец всю бы «сбрили».

Нечего было ему, бедняге показывать, кроме своих естественных, натуральных горьких слез. Я бы разревелся до невозможности. Не выдержал бы такого действа. Рассказывал, бедняга, что-то про концлагерь Гросс Розен. Знаю; и там отпечатаны следы моих деревянных сандалет, «пантофель», или «сабо» на голландский манер. Там тоже побывал и заработал несчетное количество ударов черенком, ручкой от лопаты.

На тряпичной полоске, нашитой на груди и штанах героя передачи, напечатан лагерный номер. На сей полоске должно быть изображено СЛЕВА-НАПРАВО: красный треугольник, винкель (красный — потому что политический) с латинской буквой «R», а потом уже личный, цифровой номер заключенного. Буква «R» означала — русский, и мы, советские, все с гордостью носили букву «R» независимо от национальной принадлежности. После «R» уже номер. А у главного действующего лица фильма все наоборот — винкель с буквой «R» находился ПОСЛЕ НОМЕРА, в конце тряпицы. Вовсе непонятно почему на груди у него два номера? Параллельно. Такого в лагере никто и никогда не видывал, потому что такого не было.

От самого лагеря, каким он сохранился в моей памяти, к сожалению, не осталось ничего кроме каменного «мура» (лагерный сленг — стена) и, конечно же, с колючей проволокой, натянутой на стальные кронштейны, направленные внутрь. Только сейчас, естественно, без тока

высокого напряжения. Входные ворота тоже мало напоминали действительные. Разве что надпись над воротами, вещающая: «Работа делает свободным» («Арбайт махт фрай»), — осталась почти прежней.

На большой площади, на которой прежде были размещены жилые бараки, «блоки», не осталось ни одного барака-блока. Почему? Хоть один блок следовало бы оставить таким, каким он был в те печальные времена. В 1945 году в одном из них размещался штаб обороны лагеря. Этого тоже нельзя забывать.

Эсэсовцы получили приказ — уничтожить население лагеря. Любым способом. Партийный комитет лагеря, созданный русскими и чешскими командирами-коммунистами, взял на себя оборону лагеря. Советские офицеры Сахаров и Пирогов стояли во главе. Об этом ни слова. Понятно, главный упор был о групповом побеге, или восстании, как теперь трактуют, на 20 блоке. Остальное не имело значения. Но, как говорится: из песни слов не выкинуть.

Прелестный ковер из мирной зеленой травки (на ней только в крокет играть) покрывал всю площадь, которая на самом деле была основательно вытоптана тысячами пар ног заключенных. Эта площадь, бывшая смертным одром для сотен тысяч «хефтлингов» (заключенных), как и прежде обрамлена прочной, недосягаемой каменной стеной. Это все, что оставили на память. Для потомков. Чтобы знали, как нашего брата стерегли.

В самом начале фильма показано, что при входе в лагерь первое, что бросалось в глаза, это развернутый, огромный, звездно-полосатый американский флаг. Красующийся, очевидно, в честь американской армии, освободившей лагерь 5 мая 1945 года. Памятная дата. Советского флага что-то не было заметно, так же, как и Российского, хотя стоило бы и его разместить, ибо в Маутхаузене было умерщвлено больше всего граждан СССР.

Где-то я мельком увидел название «Русский лагерь» на немецком языке. А почему бы не пояснить гуляющей по травке публике, что означает сия надпись. Поясню. Сам едва не попал туда. Кто-то или что-то не допустило. Первоначально «Русский лагерь» предназначался для содержания советских военнопленных, но к окончанию строительных работ в 1943 году, он стал использоваться как лагерь для изоляции больных, фактически — для умирающих (как «санитарный лагерь»).

В «Русском лагере» содержались «выздоровевшие» больные, выписанные из «ревира» (лазарета), которых уже «лечить» дальше не имело смысла. «Выздоровевших» помещали в «Русский лагерь», чтобы они могли там спокойно, самостоятельно переселиться в мир иной. Крематорий потом. Умереть в страданиях, ибо здесь не кормили, не поили и не одевали. Нагие скелеты, издали напоминающие человеческие фигуры, ползали на четвереньках в напрасных поисках пищи и воды…

Вероятно, для «шоу», как теперь принято говорить, в крематории, в топке светилась красная электрическая лампочка, чтобы изображать

жаркое пламя печи. Когда в жерло печи заталкивали человеческие останки, захлопывали дверку, то пламени тогда не было видно. Для чего этот плохой маскарад? Больше похожий на глумление над памятью сожженных или стремление убедить гуляюще-зевающую публику, как красиво было в концлагере.

Американский танк тогда, 5 мая 1945 года, въехал на площадь, проехав «Браму» (сленг — лагерные ворота). Танк окружили сотни полуживых/полумертвых скелетов, которые, не скрывая слез, обнимали, целовали теплую «железку». Похлопывали тощей ладошкой по броне танка. Мне с большим трудом удалось подобраться к «живому» чудищу американского производства, прижаться к нему щекой, обильно смоченной слезами. Я оказался одним из последних целовальщиков (все уже нацеловались вдоволь), ибо был очень слаб. Недаром за день до этого, во время поверки, эсэсовец, ткнув пальцем мне в грудь, определил, что мяса на костях нет, следовательно, нечего оставлять такого доходягу жить. В крематорий! Определил меня к сожжению по лагерным правилам — как классического доходягу. Вот если бы не американский танк… Плакал я, радуясь, что остался живой!

Въехал американский танк. И что потом? Немецкая охрана сбежала, и след простыл. А ведь они имели приказ уничтожить всех заключенных лагеря. Чтоб не осталось ни одного свидетеля их преступлений.

Вот об американских солдатах, что въехали верхом на «железном коне», можно сказать много лестных слов. Они честно опорожнили все свои многочисленные карманы, раздали живым скелетам печенье, конфеты, сигареты. Поклон и спасибо им. Обнимались, похлопывали друг друга по плечам. Говорю это как свидетель и очевидец лобызаний железного танка, ибо я находился среди кишащей, как растревоженный улей, толпы.

Спасибо еще раз солдатам, чего не могу сказать об американских властях, пришедших на смену эсэсовской братии.

Выдача питания непосредственно после освобождения. Май 1945. Фото из архива музея Маутхаузен [2, с.27]

Сохранилась еще одна фотография — демонстрирующая, как «сердобольные» американцы раздают кашу. Круглосуточно, днем и ночью они варили кашу, для многих ставшую последней в жизни едой! Истощавшие желудки бывших заключенных не в состоянии были переварить такое обилие тяжелой пищи. Но что интересно, командование американской армии поскупилось выдать нам, изголодавшимся людям, бывшим еще вчера хефтлингами, хоть грамм хлеба! Мол в городе сгорела пекарня. Их не интересовал вопрос сохранения

жизни заключенных! Эсэсовская мерка. За все время пребывания «под американцами» нас не показали врачам-диетологам. А ведь половина освобожденных были больными, дистрофиками высшей категории, нуждающимися в строгой диете!

В моем личном архиве есть еще одна фотография, где запечатлены сплошные шеренги крестов, заметьте — аккуратные шеренги, заполнившие огромное кладбище, с щемящей душу подписью «Кладбище умерших после освобождения». В том числе, и от переедания тоже. Умерших до освобождения эсэсовцы сжигали в ненасытных жерлах крематориев.

А теперь поговорим о главном, о 20-м блоке. Расположение блока требует разъяснения. В фильме этого нет.

Весь лагерь был окружен, как я уже сказал, каменной стеной, завершающейся колючей проволокой под током высокого напряжения. Внутри общего лагеря был создан второй лагерь. Точно как матрешки: одна в одной. В этом мини-лагере расположены были блоки от номера 17 до номера 20. Причем, блок номер 20, в свою очередь, находился внутри мини-лагеря, отделенный от него своей, персональной стеной. На самом краю. То есть лагерь в лагере, а в нем еще меньше лагерь — 20-й блок.

Первоначально в блоке 20 располагался лагерь для больных, «зондерревир». Весной 1944 года сюда поместили советских офицеров, предназначенных к уничтожению. 2 февраля 1945 года они предприняли побег. Операцию по их поимке СС назвала «Охота на зайцев в Мюльфиртеле».

Очевидно, у ребят из 20 блока был предварительно разработан и коллективно согласован план побега, велась подготовительная работа. Они прекрасно понимали риск — неизвестно кому из них будет суждено остаться в живых. Но героические ребята пошли, как говорится, ва-банк. Они вооружились булыжниками, которые выковыривали из мощенного двора. Под видом уборки территории накидали снег непосредственно на стену, создав таким образом удобную горку, аппарель, по которой, сравнительно легко, можно было подняться на стену с колючей проволокой под током высокого напряжения.

Главное в этом побеге — это мужество, решимость ребят, командиров и комиссаров; никто из них не знал и не надеялся на то, что ему удастся живым прорваться сквозь огонь пулеметчиков. Каждый готов был положить свою жизнью ради спасения жизни товарища. Ради выполнения общего замысла! Долга!

В установленный день, по команде, отобранные бойцы бросились на стену, на проволоку. Если успевали, то набрасывали на проволоку одеяла, если нет, то... свои тела, дав этим следующему товарищу возможность сделать еще один шаг вперед. К свободе. Первые так и остались лежать на проволоке, являя собой своеобразный мостик. Следующий боец, набросив на тело павшего товарища свое одеяло, ступал на него.

Вооруженные булыжниками, деревянными «сабо» заключенные стали швырять камни и деревянные колодки в сторону вышки с пулеметчиком. Пулеметчик открыл ураганный огонь по смельчакам. Кому-то, держа в руке деревянные сандалии, босиком, по снегу, в мороз удалось добраться до вышки и сбить часового, завладеть пулеметом и открыть огонь по пулеметчикам на соседних вышках, чтобы уничтожить их и прикрыть своих, тех, кому удалось преодолеть стену с проволокой. Попробуйте представить себе, что творилось под стеной. Какое русское, победное «Ура-а-а!» гремело над лагерем! Растерявшиеся поначалу немцы спохватились и пошли в атаку на русских богатырей. Но силы были неравные.

Сколько немецких солдат были уничтожены камнями и деревянными сандалиями, а сколько из захваченного пулемета — неизвестно и вслух никогда не говорилось. Но, как известно из военной теории, наступающий несет большие потери, чем обороняющийся. Не будем подсчитывать потери советских офицеров и комиссаров. Они были страшными. Никто не может назвать точную цифру. Но известно, что кому-то удалось уцелеть и вырваться на свободу. Важно другое. Восставшие показали миру, что такое русский солдат!

Это уникальный в истории случай массового побега (называют приблизительные цифры — 500 или 600 заключенных). Сегодня его трактуют как восстание. Не знаю. Я был на 19-м блоке, который находился в непосредственной близости, рядом. Правда, я появился на 19-м блоке в середине февраля, когда страсти по неудавшемуся, а может, смотря как посмотреть, и удавшемуся побегу, утихли. Все это я слышал от очевидцев, в то время живших в соседних блоках.

Мельком показали то, святое место, где когда-то стоял славный блок 20. Показали неизвестно какие-то нары, даже отдаленно не напоминающие существующие в блоке одноместные нары-кровати, на которых размещалось... по шесть человек. Поворачивались по команде. Одновременно. Представили?

Из книги «СС в действии» «Нары в бараке»

В Маутхаузене находились узники из разных стран мира, и немцы, в том числе, и политические, и уголовники. Вскользь заметили, что в прошлом году Маутхаузен посетило всего десять бывших узников. Да, не все из оставшихся на сегодня в живых имели возможность посетить лагерь, включая меня, и поклониться памяти павших. Положить гвоздики на место гибели друзей-товарищей.

Ни одной гвоздики я не увидел у памятника генерала Д. М. Карбышева (ему вообще уделили незначительное внимание в передаче, показав мельком, не удостоив какого-либо упоминания). Каждый советский человек знал о его подвиге, о том, что Дмитрий Михайлович Карбышев принял мученическую смерть — немцы поливали его и товарищей водой на морозе до тех пор, пока он не превратился в ледяную глыбу. Говорю это сегодня для молодежи, которая в большинстве своем не знает имени этого героя. Замучен он был в ночь с 17 на 18 февраля 1945 г. Это был один из виднейших специалистов в области военно-инженерного дела; его имя было широко известно не только в Советском Союзе, но и во всем мире еще в предвоенный период. Знаменитому фортификатору немцы предлагали высокие звания, идеальные условия жизни и работы; именно его, а не Власова, они хотели видеть руководителем Русской освободительной армии (РОА) Вермахта. Долго обрабатывали психологически, переводили из лагеря в лагерь: Флоссенбюрг, Освенцим, Майданек, Заксенхауз, Маутхаузен. Но советский командир был непреклонен.

Добавлю, что сегодня ходят и другие версии его гибели. К примеру, часто ссылаются на воспоминания канадского майора Седдона де Сент-Клера, который был в числе 1000 пленных, присланных в лагерь смерти Маутхаузен с завода Хейнкель; их продержали весь день на морозе, вечером устроили холодный душ, после которого в одних рубашках и деревянных колодках они оставались на площади до 6 часов утра. 480 человек умерли, в том числе и генерал Карбышев.

Памятник генералу Д.М. Карбышеву. Скульптор В.Е. Цигаль. Фото из личного архива фотокорреспондента Михаила Квирикашвили, которое он подарил мне после туристической поездки в Маутхаузен

***

Но вернемся к событиям после 5 мая 1945 г.

Представители нашего, советского командования посетили нас. Успокоили, что Родина ждет нас, но только тех, кто не совершил за время пребывания в плену каких-либо иных преступлений. О чем они говорили с американцами, нам неизвестно.

Короче говоря, построили нас, граждан Советского Союза, на площади. Устроили, что-то вроде прощального митинга, раздали на дорогу сухой паек и шагом марш. А ведь могли бы рассадить нас, доходяг, по машинам (что, машин у них не было, что ли?) и благополучно, без проблем доставить до места назначения. Сдать с рук на руки. Нет. Предоставили нам самим, пешим порядком добираться до дома, на Родину. Дойдешь — хорошо, а не дойдешь, тоже неплохо. Правда, пока еще не на Родину, но все-таки до наших!

Недолго шагали. Выручила русская смекалка. Через несколько часов пути кто-то уже ехал на велосипеде, кто-то — на мотоцикле и даже на машине. Для меня, доходяги, раздобыли пароконную телегу. Один остряк-самоучка появился в гербовой карете. Какого-то барона. Русский всегда найдет выход из положения.

Пару слов о сухом пайке, что выдали нам на путь-дорожку. Каждый из нас получил по картонному пеналу, залитому воском. Что-то там написано было по-английски, непонятно. Среди нас не оказалось ни одного кумекающего хоть что-нибудь в английском языке. Да нас это мало волновало. Раскрыли каждый свою коробочку, а там у всех различное содержание. Позже поняли, что одна коробка-пенал — это завтрак, вторая — обед, а третья, сами понимаете — ужин. Американцы обошлись одной коробочкой-пеналом для каждого на весь день. Хорошего понемногу. А шагать дня три надо. Как минимум. При нашей-то скорости.

Содержимое каждого пенала было, для нас, олухов неученых плюс голодных доходяг (на лагерном сленге — «музульман») фантастическим! Печенье, масло, сахар, конфеты, мёд. Крохотулечка-консервная баночка с яйцом или котлеткой, или парой сосисок. Бросил на огонь и готов тебе горячий обед. Пакет с бульоном, с газировкой, с кофе. Три сигареты и что-то непонятное, но сладкое. Сосешь не рассасывается, так и глотали. Это сегодня вы знаете, что такое жевательная резина. А нам тогда невдомек было — что это за конфетка, что не тает во рту...

Ну и еще самое удивительное — салфетки, чтоб было чем рот вытирать и туалетная бумага! Видал, какая забота. Теперь можно и посмеяться.

А нам в армии сухим пайком давали ржаной сухарь, зубы обломаешь, полселедки соленой или банку тушенки на двоих! Хотите смейтесь, а хотите плачьте. Где в бою искать свою полбанки тушенки! Подскажите! Не знаете? То-то!

***

Вкратце рассказал вам все то, что хотелось бы видеть на зеленой лужайке. А может, оно и лучше, что не видели. К чему вам все это?

Вот и остается пожелать вам, чтоб такое вам и в страшном сне не приснилось. Не то что наяву. А наше дело маленькое. Что могли в свое время сделали. Для Родины. А теперь наше дело стариковское — вам не мешать и собираться в последнюю дорожку.

Будьте здоровы и счастливы. Главное — любите Родину, которая у вас одна, жену/мужа — тоже единственных и на всю жизнь. Любите деток своих и, как говорится, любите ближнего. Помните всех не вернувшихся с войны!

Было время, когда мне очень хотелось побывать на земле Маутхаузена, как это ни странно. Посмотреть другими глазами, вспомнить былое... Даже хотел было попросить внучку, когда она была по служебным делам в Австрии, взглянуть на места, где страдал её дед. Но... Сейчас, после этой передачи ничего этого больше не хочется. Настолько «изуродован», если можно так сказать, общий вид лагеря, превращенный, не знаю чьими руками, в прогулочную площадку. Нет. Теперь мне там делать нечего. Не хочется видеть, как глумятся над святой памятью тех, кто остался там навеки, кого сожгли в ненасытных печах крематория и тех, кто сегодня еще доживает отведенные ему дни. Туристам тоже не советую посещать место, не похожее ни на какой концлагерь. Ничего вы там не увидите! Только каменные стены, по-прежнему стоящие на страже неизвестно кого. Только место, где многим безвестным пришлось распрощаться с жизнью.

***

Вернулись на Родину. А там фильтрация, спецпроверка, репатрианты — слова-то какие выдумали! На работу сложно устроиться — а вдруг предатель, изменник родины или шпион? Потом хлопот с ним не оберешься, отвечать за него. Прикрепили ко мне начальника особого отдела (это в киностудии, куда я все-таки устроился). Был такой Ваня. Втерся в друзья. Я не сразу его раскусил. Потом понял...

Кто чудом уцелел и вернулся из окаянного плена, концлагерей, тех посчитали за изменников Родины. Хотя в чем их вина? Их уже проверили-перепроверили. Но снова вызывают, спрашивают. Где был? Когда? Чем занимался? Кого знаешь из предателей? Вопросов много.

Вечером ложишься спать. Вдруг стук в дверь. Два часа ночи. Кого, думаю, черт принес? Сразу же мысль — не забывай, что ты побывал в плену, а это что-то да значит.

Стучат в дверь настойчиво.

— Кто там? — спрашиваю. Отвечают невинно, по-дружески:

— Миша дома? Можно на минутку?

Дома, разумеется. Где ж еще мне быть. Середина ночи, ведь. Выхожу. Вижу — незнакомый парень. Потом, когда уже привык, стал узнавать. Все на один манер говорят:

— Выйди на минутку. Поговорить надо.

Знаю твое «на минутку», но выхожу. Куда деваться.

А потом идем в серое здание, проходим в комнату. Посередине стул стоит, любезно предлагают сесть.

Сидишь на стуле посреди комнаты, ерзаешь, как на сковородке раскаленной, а они, следователи, наверное (не знаю даже, как их назвать), сидят с деловым видом каждый за своим столом, носом в бумажки уткнулись. И задают вопросы, каждый из своего угла. Вот и приходится крутиться, как волчок, отвечая на вопросы. А вопросы все те же. Новых

не придумали. Ну сколько можно выспрашивать одно и то же! Все, что знал уже давно рассказал. Еще на фильтрации.

Рассвело. Вопросов больше не оказалось. Дали бумажку:

— Предъявишь на выходе, тебя и выпустят.

Это хорошо. Домой одного отпускают, привели-то под «дружеским конвоем». Домой бегом. Ног не чуешь, тем более что с горы бежишь. Дома-то заждались, не знают — вернусь ли? На сей раз все обошлось благополучно. Рассказал, что можно было, попил чайку и лег спать. Отдохнуть. Но сна как не бывало. Перед глазами все этот чертов кабинет и вопросы, вопросы... К такому привыкнуть невозможно.

Но после 1953 года не вызывали больше, не беспокоили, утихомирились...

Товарищ Сталин умер — всенародная печаль. Горе. Потом перевернули, все с ног на голову поставили — мол, тиран, убивец, про лагеря талдычат, а про хорошее вспоминать не желают. Будто и не было ничего. А кто, спрашивается, довел страну от сохи до атома, ядерных вооружений, космоса? Кто восстановил послевоенную разруху, цены снижал? Кто создал великое многонациональное государство любви и дружбы всех народов? За кого шли в бой? «За Родину! За Сталина!». Ни одно сражение не проходило без участия товарища Сталина. Он во все вникал, без его резолюции — ни-ни. Конечно, мог ошибиться, но какая была обстановка! Шагу не сделает тот же Жуков без Сталина, без его окончательного решения (а ведь не всегда соглашался; была голова на плечах).

Не стало Сталина, и на его место втерся Никита Сергеевич. Первый, кто охаял товарища Сталина, облил грязью с ног до головы. Мастер был размахивать кулаками и бить по столу ботинком. Кому-то это показалось смешным, а кому-то не очень. Не подобало главе государства так себя вести. Кукурузу стал разводить на севере, расстрелял Берия, главного расстрельщика. Пришло время и его самого попросили уйти на покой. Хорошо, что не сопротивлялся, сам ушел добровольно, но после него еще и до сегодняшнего дня смердит то, что он наворотил. Нашлись сторонники и старательно продолжают чернить Сталина. То, что Сталин вывел страну на уровень первого государства в мире, забыли. Только «гулаги» и помнят, а как и за что туда попадали — не вспоминают. Напрасно. Друг друга топили! Лишь бы себя выгородить...

Но жизнь постепенно налаживалась. Все приходило в норму. Послевоенные «раны» постепенно залечивались, строились новые заводы, города, дома.

Прошли спокойные годы. Назвали их «застойными», а почему? Так захотелось кому-то из власть имущих, чтобы оправдать свои грязные дела. Уничтожить то, что с великими трудами было построено и защищено!

Вот и нашлась тройка: Ельцин, Кравчук и Шушкевич, объединившаяся в Беловежской пуще и развалившая Великий Советский Союз. В войну немцы, как ни тужились, не смогли нас одолеть, а вот заокеанские во-

ротилы за свои «зеленые» смогли. Демократию в своем понимании стали навязывать, рыночную экономику, капитализм.

Сейчас старательно утверждается, что, мол, американцы победили Германию. А Советский Союз тогда чем занимался 1418 дней?

Американцы вступили в войну только 6 июня 1944 года! Раскачались. Откуда взялись десятки миллионов погибших в войне? Порушенных городов и сел. Счета нет. Число жертв точно неизвестно, невозможно подсчитать, если многие тысячи до сего дня лежат так и не похороненные. Поисковики, честь им и хвала, продолжают до сих пор отыскивать и хоронить.

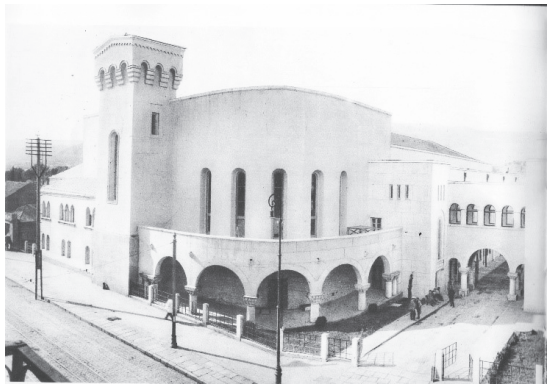
***

Советский Союз! Великая держава, уважаемая всем светом (кое-кто и побаивался, поглядывал с опаской, с оглядкой). Я ностальгирую по СССР. Множество национальностей. Множество сел, поселков, городов, больших и малых.

Но из этого множества выделялся один город. Сверкал, как яркая звезда на небосклоне. Искрился своим человеколюбием и дружелюбием. Кажется, нет такого другого города, столь многонационального и многоязычного, как наш, милый сердцу Тбилиси.

Здесь я родился в семье армянина и немки. Здесь я женился на русской, Екатерине Ивановне Барулиной, с которой мы прожили 56 лет в любви, согласии и верности.

Удивительнее и восхитительнее всего то, что многоликое население его не разъединялось, не дробилось на кланы, всевозможные сообщества, а, наоборот, было единым коллективом, одной семьей, одним двором. Все были дружелюбны друг к другу, были душевными соседями, друзьями. Не чурались обычаев, традиций и законов иноплеменных народов. Понимали и разделяли их чувства. Мало того, возникало огромное количество смешанных браков!



Тбилисская киностудия. Здесь я работал, познакомился со свой будущей женой

Истинные горожане гордились, что владеют, в разной мере, разными языками. Будь то татарский или курдский, русский или армянский... Со всеми оными управлялись свободно, переходя с одного языка на другой в дружеской беседе за столом, не испытывая при этом ни малейшего неудобства. Представляете, как богата была речь, располагавшая огромным языковым багажом нескольких национальностей!

Вот такие были люди, вот такой был народ! Если говорили по-русски, то на чистейшем русском. Можно позавидовать!

Церкви различных религий мирно уживались на одном пятачке — синагога, мечеть, армяно-григорианская церковь, лютеранская кирха и католический костел, не говоря уже об объединяющей всех грузинской и русской православных церквей. Стояли рядышком, как сестры, не ссорились, уважали друг друга. Священнослужители ходили в гости друг к другу. Не спорили и не ссорились — чья вера правильная, а чья не очень. Каждая имеет место под солнцем. Ведь все люди братья!

Так вот, в этом великом, многоязычном городе народ искренне любил солдатиков, своих защитников. Все национальности служили в Советской армии! Не разделялись. Все были на одно лицо, в одной форме. И вот теперь этих же солдатиков стали называть оккупантами, интервентами, поработителями. А раз оккупант, значит, прочь его! Ату его. Вон! Чтобы духу его не было.

С доброй улыбкой вспоминается время, когда в нашем городе, люди, облеченные определенными должностными правами, к примеру, кондукторы, контролеры в трамвае, билетеры в кино, могли нарушить установленные правила и из любви к солдатику, к защитнику не взимали с него положенную плату: «Езжай себе сынок, куда тебе надо, катайся, сколько хочешь! Пожалуйста, смотри кино, хоть два сеанса подряд!».

Кто-нибудь, где-нибудь, когда-нибудь видел подобное в каком-либо другом городе Советского Союза (язык не поворачивается сказать «бывшего»)? Не было этого у русского народа (не в обиду ему будь сказано) — там порядок должен быть, там много люду разного, нельзя, а это нарушение! Стоп и никаких, не положено. А в Тбилиси возможно. Я так и сказал выше — «в нарушение всех правил».

И это не все! Встретит гуляющая компания веселящихся грузин солдатика незнакомого, обязательно пригласят его к столу, от всей души напоят и накормят, сигаретами обеспечат. Бывало и деньгами на мелкие расходы — подарят, незаметно в карман положат. Знают, что у солдата с деньгами всегда затруднение. Трогательно.

И куда только эта душевная доброта, так присущая нашему городу, подевалась? Все сожрали деньги! Этот итог рыночной экономики. То бишь базарной экономики! Душу, совесть, сердце человека поглотил окаянный рынок, базар, нажива, деньги, «зеленые». Стыдно! Только такого позора нам не хватало!

Литература

1. СС в действии. Документы о преступлениях СС /Перевод с немецкого А. Л. Лягушкина, В. В. Размирова. М.: Издательство иностранной литературы, 1960.

2. Маутхаузен. 8.8.1938–5.5.1945. /Сост. и отв. ред. Ганс Маршалек. Вена: Типография Макс Унгар [б.г.].

ВЕЧНЫЙ ОГОНЬ, ИЛИ ВСТРЕЧА С И. Х. БАГРАМЯНОМ В ОРЛЕ

Бонкс Зелик Аронович, 97 лет,
инвалид Великой Отечественной войны,
председатель Бней-айшского отделения Союза инвалидов Второй мировой войны — борцов с нацизмом,
Почётный житель г. Бней-Айша,
бывший директор Орловской областной детской экскурсионно-туристской станции,
заслуженный работник культуры РСФСР,
Израиль, г. Бней-Айш

Зелик Бонкс в День Победы

Праздники в честь освобождения Орловщины от фашистских захватчиков давно стали традицией. Это радость и гордость, это слёзы и счастье Победы.

5 августа — День Первого Салюта — в послевоенные годы был ещё и праздником восстановления разрушенного войной хозяйства, развития культуры Орла. Почти полностью стертый с лица земли город был быстро отстроен заново, стал красивым, зелёным, культурным. Строились новые районы, улучшалась инфраструктура, открывались новые заводы и фабрики, учебные заведения и музеи.

В 1963 году Орёл отмечал 20-летие освобождения от гитлеровской оккупации. На празднование прибыла небольшая делегация Министерства Обороны СССР во главе с маршалом И. Х. Баграмяном. Он был командующим 11-й гвардейской армией, которая покрыла себя славой в Орловской стратегической наступательной операции «Кутузов» летом 1943 года. Маршал Баграмян зажёг Вечный огонь на братской могиле павших за освобождение Орла воинов в Сквере Танкистов и выступил с речью на митинге в честь героев-освободителей. Орловцы так тепло приветствовали прославленного полководца, что у Ивана Христофоровича часто выступали слёзы на глазах.

Баграмяна сопровождал генерал Родин Г. С., Почётный гражданин Орла, бывший командир Уральского танкового корпуса, который принимал участие в операции «Кутузов». Георгий Семёнович перед митингом рассказал Баграмяну, что первыми назвали имена павших героев-танкистов следопыты Детской экскурсионно-туристской станции под руководством методиста А. Н. Петровой. Начальник Управления Министерства Госбезопасности по Орловской области Георгий Иванович Басов показал

тогда Баграмяну, где стояли на митинге наши ребята, и Иван Христофорович их сердечно приветствовал, а потом говорил на встрече о них. В ноябре 1963 года он прислал на турстанцию журнал со своей статьей.

Мне особенно запомнилась встреча И. Х. Баграмяна с руководством города и ветеранами — участниками освобождения города. Иван Христофорович рассказал тогда много интересного и для нас нового о том, как готовилась и проходила операция «Кутузов», как наши войска освобождали русскую землю от фашистских захватчиков. Лучше маршала Баграмяна этого не мог знать никто — ведь он участвовал в обсуждении плана операции в Ставке Верховного Главнокомандования в апреле 1943 года. И. Х. Баграмян, тогда генерал-лейтенант, командующий 11-й гвардейской армией, чётко изложил план боевых действий, подготовленный штабом его армии. Сталин внимательно слушал.

Всё выступление Ивана Христофоровича записывал известный журналист «Орловской правды» В. Г. Высокосов, но опубликовано оно не было.

Баграмян сразу сказал, что не все командармы Центрального, Западного и Брянского фронтов были с ним согласны, но Сталин назвал его предложение деловым.

Суть предложения Баграмяна заключалась в следующем: 11-я гвардейская армия стояла на правом фланге Брянского фронта, а на левом фланге Западного фронта дислоцировалась 61-я армия генерала И. И Белова. Баграмян предложил, во-первых, усилить огневую мощь фланговых армий и, во-вторых, ударом смежных армий фронтов по сходящимся направлениям окружить и уничтожить Болховскую группировку врага. Кроме того, артподготовку флангового удара он предложил провести в ходе наступления. 11-й гвардейской армии для нанесения флангового удара были приданы четыре танковые бригады, 4-я танковая армия генерала Богданова В. М., 1-я воздушная армия генерала Громова М. М., 11-я общевойсковая армия генерала Федюнинского И. И.

Операция «Кутузов» началась 12 июля. Фланговый удар 11-й армии Баграмяна был успешным. За три дня (12–14 июля) армия вклинилась на 25 километров, враг не ожидал такого наступления и понёс большие потери в людях и технике. Болховская группировка немецких войск была разгромлена, что ускорило освобождение Орла.

«Но я тогда в Орле не был, — рассказал маршал Баграмян. — Мы пошли в обход Орла, на Запад». В своём рассказе он говорил о возросшей мощи наших войск, приводил примеры массового героизма воинов, говорил о значении разгрома фашистской группировки южнее Орла.

Но особенное впечатление произвела тогда на присутствующих та часть выступления Баграмяна, в которой говорилось о недостатках, ошибках и просчётах в проведении операции «Кутузов». В то время такие слова вряд ли можно было услышать с трибуны, разве что в частной беседе в кругу друзей. Баграмян отметил, что в целом операция

«Кутузов» проходила не так, как планировалась, не было должного взаимодействия фронтов. Войска Центрального фронта разгромили Южную группировку врага под Орлом 23 июля 1943 года, а Орёл был взят только 5 августа. Наступление наших войск шло медленно, после Орла — всего 4–5 километров в сутки. Вопрос окружения неприятеля не ставился, фланговые удары не проводились. Это позволило немецким войскам организованно отойти на Брянск. «Велики были наши потери, — говорил Баграмян. — Например, 48-я армия Центрального фронта в боях за Змиевку потеряла более 5 тысяч человек. Наши войска были переутомлены, ненастная погода осложняла наступление. Артиллерия была в основном на конной тяге, лошадки падали от усталости, люди помогали им тянуть пушки».

Было интересно узнать, как оценивала Ставка ход операции «Кутузов». Все знали, что 5 августа в честь освобождения Орла и Белгорода был дан первый салют. Пресловутая гитлеровская операция «Цитадель» провалилась. 5 августа 1943 года рано утром Сталин поехал на Калининский фронт в село Хорошево близ станции Мелехово. Там находился штаб фронта. Днём Сталину доложили, что Орёл и Белгород освобождены. Именно в штабе командующего Калининским фронтом генерала Ерёменко А. Н., то есть на фронте, и было принято решение о первом салюте. Иван Христофорович подчеркнул, что в штабе Калининского фронта восторженно встретили сообщение об освобождении Орла и Белгорода. Именно Сталин предложил в честь этой победы дать в Москве салют из 100 пушек, о чём из штаба Ерёменко А. И. позвонил Молотову В. М. Верховный Главнокомандующий сказал тогда, что в первом салюте войска почувствуют одобрение своих действий, признательность Родины. Салюты будут воодушевлять личный состав, звать его к новым подвигам, вдохновлять миллионы людей на трудовые свершения во имя полной Победы.

Ставка Верховного Главнокомандования и сам Сталин требовали развивать наступление советских войск, планировали в ближайшее время начать освобождение Белоруссии и всей территории СССР.

Наши войска нуждались в отдыхе, в серьёзном пополнении численности личного состава и техники. Сталин требовал развивать наступление, а возможности для этого не было. От Орла до Брянска 120 километров, а Брянск был освобождён только 17 сентября. Никто из командующих фронтами не мог решиться сказать Сталину, что нужно дать войскам отдых, то есть фактически остановить наступление. Это сделал Г. К. Жуков. Скрепя сердце, Сталин согласился. Об этом нам тоже рассказал Баграмян.

Иван Христофорович особенно тепло говорил об Андрее Ивановиче Ерёменко, отважном генерале Отечественной войны, впоследствии Маршале Советского Союза. Андрей Иванович испытал горечь отступления,

тяжких потерь, был трижды ранен. Будучи командующим Брянским фронтом первого формирования, А. И. Ерёменко допустил стратегическую ошибку, и мотоциклисты Гудериана с лёгкостью въехали в Орёл. В словах Баграмяна звучали нотки понимания причин этой ошибки, о которой А. И. Ерёменко не мог забыть всю жизнь. И действительно, А. И. Ерёменко ни разу не был в Орле, так больно ему было вспоминать октябрь 1941 года. Ему, генералу трудной судьбы, в 1942 году пришлось командовать двумя фронтами на Сталинградском направлении. Немцы рвались к Волге, Сталинград горел от массированных бомбёжек и артобстрелов. Население, находившееся в огненном кольце, испытывало неслыханные страдания и лишения. Всё это легло на плечи генерала Ерёменко, и он с честью справился с задачей обороны Сталинграда и сумел привести наши войска к победе над врагом. Но лавры победы достались, как мы знаем, другим: осуществить завершение операции было поручено Донскому фронту под командованием К. К. Рокоссовского. После этих слов Ивана Христофоровича все мы ещё раз прониклись глубоким уважением к Еременко.

В начале августа 1943 года Сталин по телефону обратился в Орловский обком партии с просьбой помочь войскам продовольствием и фуражом. Говорил с ним Василий Тихонович Слюнин, заведующий военным отделом. В разговоре участвовал и А. И. Микоян, который ведал вопросами снабжения. Слюнин, человек скромный, никогда не рассказывал об этом разговоре, не делал себе рекламы, а мы, ветераны, не спрашивали. Содержание этой беседы передал нам маршал Баграмян. Оказывается, было решено назначить в Орле особого уполномоченного по оказанию помощи войскам. Им стал Иван Георгиевич Крапчин, один из славной когорты организаторов послевоенного восстановления народного хозяйства. Крапчин смог выполнить важнейшее постановление Госкомитета Обороны, а это было очень нелегко, учитывая, что деревня и сама голодала.

Крапчин после войны стал первым председателем горсовета, на его плечи легла страшная тяжесть послевоенной разрухи, нищеты и безотцовщины. Очень жаль, что бывшие комсомольцы тех лет — нынешние «отцы города», — до сих пор не нашли нужным увековечить память замечательных орловцев, восстановивших разрушенный Орёл, заложивших основы промышленности, народного хозяйства и культуры. Это и есть штрихи Великой Победы.

«ЖИЗНЬ — САМАЯ ГЛАВНАЯ ЦЕННОСТЬ...»

Штипельман Семен Давидович, 97 лет,
кандидат экономических наук
Дания, г. Копенгаген

Их остается все меньше. Их почти уже не осталось — живых свидетелей и участников той Страшной Войны, потрясшей человечество и навсегда оставившей след в благодарной памяти потомков. Поэтому, наверное, мы сегодня с особенным чувством относимся к ветеранам Второй Мировой. Им всем уже далеко за девяносто, они пережили, прошли и прочувствовали то, что нам даже трудно себе представить. Они знают то, чего не знаем мы. И не дай Бог нам это узнать. И всё-таки нам хочется говорить с ними, задавать мучающие нас вопросы — о том времени, о той жизни, которую мы уже не застали, но которая навсегда горячим свинцом вплавлена в историю нашей страны. Без нашей Победы во Второй Мировой у нас не было бы Родины, а мир был бы другим. Пока мы помним о Войне и преклоняемся перед её героями — мы остаёмся великой нацией.

С.Д. Штипельман в молодые годы

В Дании, в Копенгагене, живёт уникальный человек, человек-легенда, прошедший тропами Великой Отечественной Войны от литовско-прусской границы до Вены. Ветерану Второй Мировой Семёну Давидовичу Штипельману — уже 97, но поверить в это невозможно — столько в нём бодрости, энергии, оптимизма. Семён Давидович любит вести активный образ жизни, а если и остаётся дома, то, как правило, за рабочим столом — он пишет воспоминания о своей жизни, о событиях, которые невозможно забыть, о тех людях, которые оставили след в его душе.

Десять лет назад к Празднику 65-летия Великой Победы в Дании была выпущена книга воспоминаний Семёна Давидовича — «На защите Родины», посвященная его военному опыту. Но это лишь часть его писательского творчества — Штипельман пишет и о послевоенной жизни, а ещё хочет восстановить историю своего рода.

С Семёном Давидовичем беседует журналист Нина Гейдэ.

— Давайте прежде всего поговорим о Вашей книге. Расскажите, пожалуйста, как она создавалась. Легко ли вам было возвращаться к событиям давно минувших дней, где было так много трагического? Действительно ли память сохранила во всех подробностях то военное время?

— Я взялся за эти воспоминания в первую очередь потому, что хотел правды и объективности. Не секрет, чем дальше уходят в прошлое годы войны и чем меньше становится её непосредственных участников, тем чаще появляются публикации, радио- и телепередачи, искажающие важнейшие этапы Второй Мировой. Это, в частности, касается вопроса о внезапности войны и неготовности к ней Советского Союза, о причинах наших больших потерь и первых горьких днях нашего отступления.

Посол России в Дании вручает Семёну Давидовичу медаль к 75-летию Победы

Многие зарубежные историки стремятся преуменьшить или вообще «забыть» роль Советских Вооруженных сил в разгроме немецкой армии и освобождении народов Европы от фашисткой оккупации. Нам, оставшимся в живых ветеранам, обидно и горько это читать и слышать. Надеюсь, что мои воспоминания помогут читателям лучше понять и оценить драматические и одновременно героические события нашей истории. Я написал всё так, как оно было на самом деле — слава Богу, память у меня хорошая. Это ответ лжеисторикам и недругам, пытающимся извратить или забыть героические годы нашей истории. И ещё я написал эти воспоминания для того, чтобы внуки и правнуки моих боевых друзей знали, какой героический путь прошли их деды и прадеды до Победы и гордились ими. Несколько экземпляров моей книги я хотел бы также подарить оставшимся в живых вдовам моих боевых товарищей — мы поддерживаем отношения и встречаемся, когда я бываю в России.

Я хотел бы выразить мою огромную благодарность Российскому Посольству в Дании за неоценимую помощь в выпуске моих военных воспоминаний. Вообще я чувствую к себе внимание и уважение со стороны России. Думаю, это прежде всего связано с тем, что сейчас Россия вновь возвращается к великому подвигу наших воинов во Второй Мировой, переосмысляя свой исторический путь. И, конечно, празднование Дня Победы становится всё более ярким национальным праздником, призванным сплотить людей, напомнить о том лучшем, что нас всех объединяет. Никогда не забуду, как в мае 2005 года я был приглашён в Москву Президентом России В. В. Путиным на празднование 60-летнего юбилея Победы нашего народа над фашизмом и лично встречался с президентом и разговаривал с ним. Я был также очень тронут, когда в этом году Российское Посольство в Дании откомандировало меня на майскую встречу ветеранов в Санкт-Петербурге. Это было волнительно, радостно, незабываемо.

— Расскажите, пожалуйста, о Ваших истоках, о жизни до войны — то время уже так далеко от нас, но в Вашей памяти оно ещё живо.

— Я родился 1 декабря 1922 года на Украине, в местечке Купин Каменец-Подольской (а ныне Хмельницкой) области. Первые года моей жизни светлые, незабываемые, хотя в целом для страны это были тяжёлые времена. Годы моего детства овеяны любовью ко мне моих родителей, брата и сестры. Помню, как начиналась индустриализация и коллективизация сельского хозяйства, появился запрет на занятие частным предпринимательством. В деревне под лозунгом ликвидации кулачества как класса начались жестокие репрессии против самого работоспособного сельского населения. Это привело к обнищанию народа и страшному голоду в 1932–1933 гг. Но для нас — мальчишек тех лет — детство оставалось детством. Мы бегали целое лето в штанах из плотной чёрной ткани — её ещё называли «чёртовой кожей», а на ногах были сандалии или самодельные тапки, сшитые из изношенной обуви. Дети тех лет воспитывались на примерах героев революции и гражданской войны в России и далёкой Парижской коммуны. Мы все хотели быть как Павка Корчагин из романа Островского «Как закалялась сталь».

Это была одна часть жизни — внешняя. Но существовала и другая жизнь — в нашу повседневную действительность всё отчетливее вторгались ужасы репрессий, и мы чувствовали страх и тревогу, не в силах объяснить себе, почему вокруг учащаются аресты, причём забирают самых обычных людей, которых мы хорошо знали. Так неожиданно арестовали районного агронома, мужа нашей учительницы, потом был арестован друг моего отца, мельник — отец шестерых детей. В стране нарастала борьба с так называемыми «врагами народа».

Ещё вспоминаю, что мы в те годы много читали. Я к 7-му классу практически прочитал все классические произведения детской литературы. Также занимался рисованием, любил кино, меня влекло к искусству. Поэтому, когда встал выбор, где учиться после школы, я послал свои документы в Киевский государственный институт кинематографии на операторское отделение. Но документы пришли обратно — сказали, что я ещё мал учиться, мне не было тогда 17-ти лет. В ожидании призыва в Красную Армию я временно устроился на работу в электро-мастерскую при сахарном заводе. Осенью 1940-го года я должен был уйти в армию. Помню, взял с собой фотографию всего нашего семейства: папы, мамы, сестры Адели и брата Шимона. Я как будто чувствовал, что никогда больше не увижу своих родных. Всё унесла война — дорогих и близких людей, родной дом, семейные реликвии, фотографии. Начиналась моя военная служба, которая должна была продолжаться два года, а растянулась — по воле войны — на 15 лет, превратив меня в профессионального военного.

— Расскажите, пожалуйста, о важнейших вехах Вашей военной биографии.

— Когда я был призван в Красную Армию в октябре 1940 года, я начал службу в городе Нарва Эстонской республики. Вторая Мировая война застала меня в Прибалтике. Я вступил в первый бой с немецкой армией в 5 часов утра 22 июня 1941 года на литовско-прусской границе и, пройдя всю войну что называется «от звонка до звонка», закончил её 11 мая 1945 года встречей с американской армией в городе Ческе-Будаёвице (бывшая Чехословакия). Защищал блокадный Ленинград, голодал, как и другие солдаты, потом был ранен и после четырех месяцев пребывания в госпиталях, защищал Северный Кавказ. Принимал участие в операциях «Горы» и «Море» в Черноморской группе войск, а также в штурме немецкой обороны «Голубая линия» на Таманском направлении. Прорывал немецкую оборону на реке Молочной на Крымском направлении. Форсировал реку Днепр и участвовал в освобождении от оккупации Украины и Молдавии, в разгроме немецкой группировки в Румынии и освобождении Болгарии и Югославии. Принимал участие в жестоких боях против фашистов в Венгрии, участвовал в захвате столицы Австрии — Вены.

Начал военную службу как солдат, был наводчиком орудия, а с октября 1943 года стал комсоргом полка и был переведён на офицерскую должность.

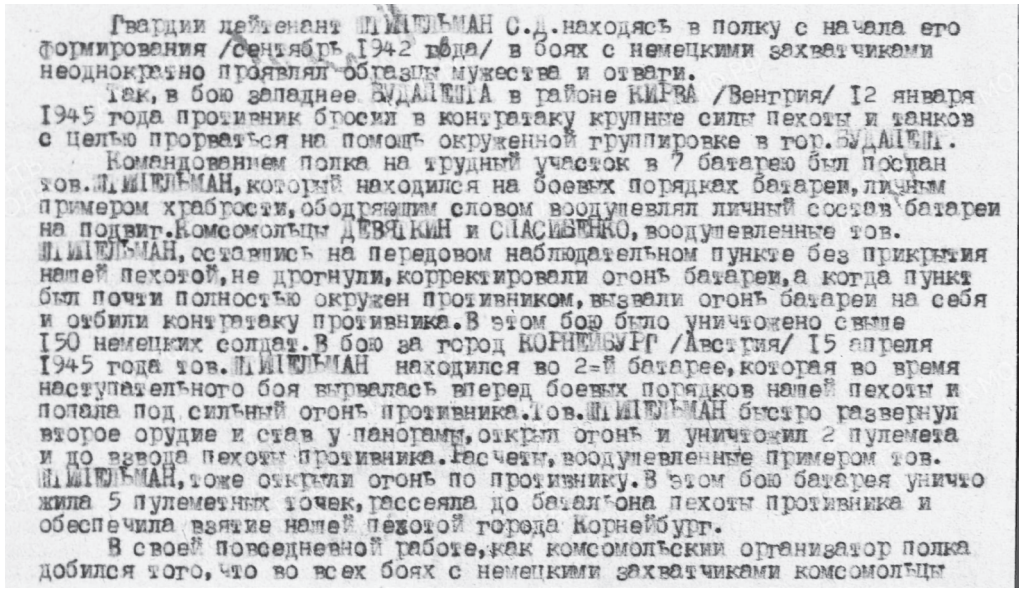
— Страна, действительно, была не готова к войне?

— Готовность к войне была нулевая. В 1941 году наше вооружение было допотопным, мы не могли с такой примитивной техникой противостоять немецким вооруженным силам. Не была развита и военная авиация — авиационное прикрытие появилось значительно позже. К тому же в начале войны много нашей техники, боеприпасов, продовольствия попало в руки к немцам. Мы поспешно и лихорадочно отступали — это было очень тяжело морально. Помню такой момент. Это было в Петергофе. Для того, чтобы обеспечить радиус обстрела, мы рубили старинные деревья, ещё наверняка помнившие Петра Первого. Я зашёл вечером в заброшенную библиотеку: на стеллажах стояли книги в старинных переплетах, а наверху пылились мраморные бюсты мыслителей Древней Греции и Рима. И такое меня охватило чувство горечи — почему не вывезли все эти ценности, почему бросили на произвол судьбы?

— Но моральный дух наших людей не был сломлен? Бывало такое, что наши солдаты добровольно сдавались в плен к немцам?

— Такого не было. Хорошо помню, как немцы скидывали нам листовки приблизительно такого содержания: «Переходите на нашу сторону. Даже сын Сталина сдался к нам в плен». Но мы понимали, что

это провокация. Сын Сталина Яков был захвачен в плен немцами, где, кстати, был впоследствии убит, но немцы попытались таким образом использовать эту ситуацию для своей пропаганды.



Гвардии лейтенант ШТИПЕЛЬМАН С.Д. находясь в полку с начала его формирования /сентябрь 1942 года/ в боях с немецкими захватчиками неоднократно проявлял образцы мужества и отваги.

Так, в бою западнее БУДАПЕШТА в районе КИРВА /Венгрия/ 12 января 1945 года противник бросил в контратаку крупные силы пехоты и танков с целью прорваться на помощь окруженной группировке в гор. БУДАПЕШТ.

Командованием полка на трудный участок в 7 батарею был послан тов. ШТИПЕЛЬМАН, который находился на боевых порядках батареи, личным примером храбрости, ободряющим словом воодушевлял личный состав батареи на подвиг. Комсомольцы ДЕВЯТКИН и СПАСИБЕНКО, воодушевленные тов. ШТИПЕЛЬМАН, оставшись на передовом наблюдательном пункте без прикрытия нашей пехотой, не дрогнули, корректировали огонь батареи, а когда пункт был почти полностью окружен противником, вызвали огонь батареи на себя и отбили контратаку противника. В этом бою было уничтожено свыше 150 немецких солдат. В бою за город КОРНЕЙБУРГ /Австрия/ 15 апреля 1945 года тов. ШТИПЕЛЬМАН находился во 2-й батарее, которая во время наступательного боя вырвалась вперед боевых порядков нашей пехоты и попала под сильный огонь противника. Тов. ШТИПЕЛЬМАН быстро развернул второе орудие и став у панорамы, открыл огонь и уничтожил 2 пулемета и до взвода пехоты противника. Расчеты, воодушевленные примером тов. ШТИПЕЛЬМАН, тоже открыли огонь по противнику. В этом бою батарея уничтожила 5 пулеметных точек, рассеяла до батальона пехоты противника и обеспечила взятие нашей пехотой города Корнейбург.

В своей повседневной работе, как комсомольский организатор полка добился того, что во всех боях с немецкими захватчиками комсомольцы

Наградной лист С.Д. Штипельмана

— О войне и человеческих отношениях в этих экстремальных условиях написано немало книг, снято множество фильмов. И всё-таки хочется задать Вам, как непосредственному участнику военных событий, наверное, классический вопрос: делает война людей лучше или хуже, какие человеческие качества проявляются прежде всего перед лицом смертельной опасности?

— Думаю, что всё всегда зависит от личности конкретного человека. Но вообще скажу Вам, что я никогда не встречал таких проявлений дружбы и взаимовыручки, как на войне. Процитирую А. Твардовского — строки из поэмы «Василий Теркин»:

Свет пройди — нигде не сыщешь,
не случалось видеть мне
дружбы той святей и чище,
что бывает на войне.

Это не поэтический образ. Так было в реальности. И ещё памятны мне строки из стихотворения Константина Симонова «Дом в Вязьме» — это стихотворение стало предисловием к справочнику ветеранов нашего полка:

И если кто-нибудь из нас
рубашку другу не отдаст,
хлеб не поделит пополам,
солжёт, или изменит нам,
иль, находясь в чинах больших,
друзей забудет фронтовых,
мы суд солдатский соберём...

После войны мы долгие годы встречались и помогали друг другу. Наша солдатская дружба перешла к женам, детям и внукам моих боевых друзей. Я до сих пор поддерживаю отношения с двумя моими фронтовыми товарищами, дожившими до наших дней — один живёт в Кишиневе, другой в Татарстане. Война не знала разделения людей по национальному признаку, она сплотила представителей разных республик Советского Союза в борьбе с единым врагом — фашизмом. Не забываю я и вдов тех моих друзей, кто уже ушёл из жизни — звоню им, пишу письма.

— А что было для Вас на войне самым тяжелым?

— Сама война. Это было сверхчеловеческое напряжение физических и душевных сил. Каждого из нас не покидали тревожные мысли об оставшихся где-то родных и близких: как они будут жить в случае моей гибели, как я буду жить, если вернусь с войны, а их уже нет? Собой мы были готовы пожертвовать ежесекундно — таков был дух этой священной, освободительной войны. Смерть была нашей постоянной спутницей в эти военные годы. Ежедневная смерть боевых товарищей — это очень тяжёлое испытание. Ещё страшно было пережить блокаду Ленинграда, видеть на улицах города неубранные трупы людей. Солдаты голодали так же, как и мирное население. Мой солдатский дневной рацион состоял из небольшого кусочка хлеба болотного цвета — размером в два спичечных коробка (40 процентов муки, 40 процентов жмыха и 20 процентов древесной коры) и одной чайной ложечки сахара. Через день выдавали 10 граммов сала — с ноготь большого пальца. Некоторые солдаты не выдерживали голода и пили горячую воду с солью, опухали и от этого умирали.

Много было других тяжёлых и непонятных нам вещей. Помню, ещё в начале войны, когда немцы заняли Стрельню, наша батарея оказалась в окружении на берегу Финского залива — на крошечном пятачке. И вот был неожиданно для всех нас отдан приказ расстрелять одного из солдат за дезертирство. Нам было не понятно — куда можно было бежать? Выискивание «врагов народа» и предателей Родины продолжалось и на войне.

Я не идеализирую то время, я стараюсь честно о нём рассказывать. Действительно, были проявления и такой вот ничем не оправданной жестокости по отношению к своим же солдатам, попадавшим по нелепым подозрениям в «чёрные списки». Но это не умаляет беспримерного му-

жества и героизма советских солдат и общего духа нашего народа в те тяжёлые военные годы. Мы бы не выиграли войну без этого духовного единения.

— Вы были бы другим человеком, если бы не прошли войну?

— Конечно, война наложила отпечаток на моё мировоззрение, восприятие жизни и людей. Я понял, что самое ценное, что есть у каждого человека — это его жизнь. Это наивысшее благо, а всё остальное преходяще.

Современные люди преувеличивают порой свои сложности. Вот мне друзья говорят: «Сеня, ты большой оптимист!». Нужно пройти через горнило войны и остаться в живых — и тогда ты станешь оптимистом! Ведь я попал в те счастливые 3 процента выживших на войне ребят 1922–1923 гг. рождения. Это ли не великое благо?

Какая бы жизнь ни была — она меня радует. У меня никогда не было стремления к богатству, особому комфорту, не было мыслей, что мне кто-то что-то должен. Тяжёлые испытания войны научили меня ценить простые вещи, радоваться малому. И никогда не забывать, какой ценой куплена мирная жизнь.

— Расскажите, пожалуйста, о переезде в Данию. Почему Вы уехали из бывшего Союза?

— В Данию мы с женой приехали в 70-летнем возрасте из Воронежа в 1992 году, чтобы воссоединиться с нашей старшей дочерью Натальей. Дочь была замужем за датчанином. Решение было непростым. К тому времени я имел высокооплачиваемую работу. Завершив свою военную эпопею, я получил хорошее образование, закончил Политехнический институт. Я защитил диссертацию и, получил ученую степень, стал кандидатом экономических наук. У меня был широкий круг общения, много друзей.

Но общая атмосфера в бывшем Союзе становилась всё тяжелее. Так называемая перестройка принесла с собой не свободу, а скорее распущенность и вседозволенность. В стране всколыхнулся антисемитизм. В Киеве в 1991 году убили семью моего двоюродного брата, и даже не было проведено расследование этого преступления. Моя младшая дочь Елена с сыном выехала в Израиль. Вскоре и мы решились на отъезд в Данию.

— Вы не жалеете о принятом решении? Стала ли Дания для Вас второй родиной?

— Я не жалею о решении перебраться в Данию прежде всего потому, что эта страна позволила мне быть рядом с дочерьми и внуками (Елена сейчас живет в Швеции) — за это я признателен Дании! Я также благодарен здешней медицине за то, что мне бесплатно сделали на сердце

сложную операцию «бай-пас» и тем самым продлили годы моей жизни. В России в те годы я не мог бы рассчитывать на такую операцию.

Но есть в моей датской жизни и свои негативные моменты. Чисто юридически датчане не признают меня пенсионером, так как в 1985 году вышел, на мой взгляд, откровенно расистский закон о том, что право на пенсию в Дании может иметь только тот гражданин, кто прожил в стране не менее трех лет до достижения пенсионного возраста — то есть тогда до 65 лет, а сейчас до 67.

В результате я не получаю здесь пенсию по возрасту (только социальное пособие) и, соответственно, лишён всех льгот, которыми пользуются местные пенсионеры. Я, конечно, не голодаю и привык довольствоваться самым необходимым, но неприятно то, что я, как получающий социальное пособие, не имею права выезжать из страны. Каждая поездка на Родину чревата для меня неприятностями, и это тяжело морально и психологически.

Обидно и то, что датчане, казалось бы, чтящие память Второй мировой войны и заботящиеся о своих ветеранах, за все годы моей жизни в Дании ни разу не прислали мне поздравительной открытки, хотя в победе над фашизмом есть и моя капля крови — я был на войне трижды ранен.

Не могу не упомянуть и о местном дефиците общения. Всё-таки датчане очень отличаются от нас по менталитету и мировосприятию. Дружить с ними трудно. К тому же после контузии я не очень хорошо слышу и датскую речь на слух плохо воспринимаю, хотя местные газеты читаю довольно свободно и могу поддержать разговор на датском языке.

Что касается русскоговорящего круга общения в Дании — тоже не могу сказать, что он у меня широк. На мой взгляд, для людей старшего возраста мало проводится интересных «русских» мероприятий, где можно было бы встретиться и пообщаться.

Вообще я очень скучаю по своим друзьям на Родине, тело моё, как говорится, здесь, а душа моя там.

Но я не унываю, работаю над книгой воспоминаний, радуюсь общению с близкими людьми. Лучшим подарком на 95-летие было для меня услышать слова внука Давида: «Хочу быть как мой дедушка Семён!»

Дай Бог, чтобы наши внуки и правнуки никогда не узнали ужасов войны и горечи потерь любимых.

ЧЕЛОВЕК УДИВИТЕЛЬНОЙ СУДЬБЫ СЕРГЕЙ ПЕТРОВИЧ АФАНАСЬЕВ (1918–2019)

Пока готовилась к изданию эта книга, Сергея Петровича не стало — он немного не дожил до своего 101-го дня рождения. Но у нас осталась видеозапись интервью, которую мы не успели сделать за один день, дописывали на следующий. Так обстоятельно рассказывал нам о своей жизни и отвечал на вопросы Человек удивительной судьбы — Сергей Петрович Афанасьев, самый старший автор этой книги. Но мы оставляем оформление его воспоминаний в прежнем виде.

МОЯ ДОЛГАЯ ЖИЗНЬ

Афанасьев Сергей Петрович, 100 лет,
архитектор-проектировщик,
член правления Тульского областного общества «Мемориал» (1990-2018),
г. Тула

С.П. Афанасьев

Мне хочется поделиться с Вами, дорогой и незнакомый читатель, воспоминаниями о моей жизни. Жизни обыкновенного человека, преданного своей Родине, называемой Россия. Преданного, казалось бы, вопреки и наперекор. Полагаюсь на память, никаких дневников я никогда не вёл.

Я, Афанасьев Сергей Петрович, родился 27 сентября 1918 года в городе Москве. Отец мой, Афанасьев Петр Семенович, был художник, мать — медицинский работник — раньше называли бабка-повитуха. Мой брат Петр на четыре с половиной года старше меня.

Из детских воспоминаний — мы в Бухаре. Отец работал в штабе армии, командовал которой известный командарм Михаил Васильевич Фрунзе. Шла ожесточенная борьба с басмачами, устанавливалась советская власть. Жили мы в сарае-мазанке, на крыше которого играли, не выходя на улицу. Это было настрого запрещено. Двор был огорожен высокой стеной из самана, выход прочно запирался. Басмачи при налетах забирали мальчиков в рабство. Для большей безопасности меня, трёхлетнего, мама переодевала девочкой. Но я говорил заходившим иногда к нам сослуживцам отца: «Я — мальчик. Сережа».

Семья Афанасьевых

Еще помню, как мама ведет меня за руку по Лаврушинскому переулку. Справа от нас стена красивого красно-кирпичного дома (это Третьяковская галерея). Но мы идем дальше. Впереди чугунные ворота, за ними белый дом с колоннами. Это семилетняя школа № 1, в которой мне предстоит учиться со второго по седьмой класс. Примечателен был пустырь напротив школы. Туда свозили обломки от взорванного Храма Христа Спасителя. Мы с ребятами частенько туда наведывались. Выкалывали камушки-«мозайки». Я дома из них строил маленький театр с мозаичными декорациями. А то, как рушился чудо-храм мы с мамой видели, сидели в тот момент в сквере, испытали ужас.

Брат мой Петр учился в другой, 12-й школе, что находилась в Кадышевском переулке, недалеко от знаменитых Кадышевских бань. После школы он пошел работать токарем на авиационный завод в Филях. Но он был настроен получить химическое образование и поступил в Химический институт, что на Бойцовой улице, ставший со временем Химической Военной академией. По окончании был направлен в Хабаровск.

Начало 1930-х, коллективизация. Все ценности, какие были у мамы, снесены в Торгсин и «проедены». Отец-художник не мог найти заказов. Подвернулся случай завербоваться учителем в художественный техникум в г. Пермь. Родители взяли меня с собой, я начал учиться в том же техникуме, где преподавал отец.

Не случайно, в Пермской государственной художественной галерее представлено много живописных полотен отца. А вообще, отец, живописец и график Петр Семенович Афанасьев (1866–1960), писал пейзажи, исторические и жанровые композиции, работал в области прикладной графики, создавал театральные программы, плакаты, участвовал в иллюстрировании изданий. Принимал участие во многих выставках в первой половине XX века, в т.ч. в Москве и Петербурге в 1914 г. в выставках «Художники — товарищам воинам».

Но вернемся в наше пребывание в Перми. Дороговизна, хлеб по карточкам, если удастся достать муки, мама пекла хлеб с лебедой и крапивой. По вечерам я ходил на Каму ловить с плотов рыбу. Потом повезло — взяли оформлять «Красный уголок» в неподалеку расположенную воинскую часть. Там меня немного подкармливали, ибо в воинской части питание было отличное, я даже рыбалку бросил. Но часть пере-

дислоцировалась... Иногда нам нечем было заплатить за квартиру. Еле дотянули до конца учебного года и вернулись в Москву.

Отец устроился преподавателем в архитектурно-строительный техникум на Шабаловке, а меня перевели в художественную школу в Никольском проезде. Но школа примерно через три месяца закрылась, и я перешел туда, где работал отец, снова на первый курс.

Окончил я его неплохо, хотя мог бы лучше. Учился средне, потому что со школьной скамьи вынужден был трудиться — жили мы сложно, надо было помогать родителям.

Вообще отзывы обо мне были хорошие. Мы оформляли внутренние помещения ко всем праздникам; директор Агабабов характеризовал меня как исполнительного и всегда доводящего дело до конца.

30 апреля 1938 г. по распределению я был направлен в строительные части Тихоокеанского флота на Дальний Восток. Я вообще-то хотел быть проектировщиком. Я — архитектор и строитель, но любил проектирование, хотел заниматься проектной работой. А попал на строительство.

Работал до 3 октября 1939 г., потом ряд переназначений, и вот я уже техник-строитель на строительстве № 62 Управления военно-строительных работ НКВД.

Затем присылают мне повестку в армию, и я в РККА. Рядовой 1-й Краснознаменной Дальневосточной армии. Сначала я на флоте, в команде флотской, драил поручни — позолоченные, бронзовые. Потом меня перевели в зенитную артиллерию в Спасск-Дальний.

Там и застала меня война. 22 июня 1941 г. объявили боевую тревогу, мы сразу выдвинулись на границу. А в августе 1941-го, во время моей воинской службы на Дальнем Востоке, я был арестован и осужден военным трибуналом по обвинению в антисоветской агитации — в разговоре однажды я имел неосторожность похвалить немецкую технику. Я ее не видел-то никогда в жизни, но донесли... А еще чуть ли не покушение на кого-то приписали. На кого я мог покушаться? Не знаю. Да еще у меня нашли «сомнительную» картинку с обнаженной натурой. Непорядок! (Это была работа Давида Микеланджело). Дали 10 лет исправительно-трудовых лагерей и 3 года поражения в правах, отбывать которые отправили в Казахстан, в лагерь «Долинка».

На заседании правления Тульского отделения «Мемориала». Слева направо: С.П. Афанасьев, В.В. Куликов, С.Л. Щеглов

Там я занимался своим делом, строительством. Я и проектировал, и трудился физически, работал, не покладая рук. Я знал, что только это спасет.

В 1946 г. срок за мой доблестный труд сократили по решению Президиума Верховного Совета СССР с 10 до 4 лет и 1 год поражения в правах. Я освободился, но решил остаться в Казахстане по вольному найму.

Там же в 1947 году познакомился со своей женой Лидой и через два месяца после встречи мы поженились. Ровно через девять месяцев, в 1948 г. у нас родилась дочка Татьяна. Я работал, старался, на хорошем счету был и с меня сняли судимость из-за отсутствия состава преступления еще до массовой реабилитации.

Однажды в Караганду приехал директор Тульского Гипрошахта. Мы познакомились, и он пригласил меня на работу в институт, пообещал дать квартиру. Из-за квартиры я и пошел в этот институт.

В январе 1960 г. мы переехали в Тулу. Здесь я проработал в общей сложности 43 года на комбинате «Углеметаллургстрой», Ломинцевском заводе ЖБИ, в «Главприокскстрое».

Когда работал я в институте «Тульскгражданпроект», в начале 1990-х задумали мы установить памятный знак в честь жертв политических репрессий. Был у меня автомобиль, на нем мы ездили с председателем Тульского «Мемориала» С.Л. Щегловым в Тесницкий лес, в карьеры, чтобы подыскать подходящий камень, из которого можно было бы вытесать памятник.

Памятный черномраморный обелиск в Тульской области был воздвигнут после длительных дискуссий в нескольких сотнях метров от Московского вокзала на берегу реки Воронки. Именно с Московского вокзала в годы «Большого террора» отправлялись этапы с заключенными на «острова» Архипелага ГУЛАГ. Теперь возле этого обелиска проходит ежегодно поминовение жертв репрессий во Всероссийский день их памяти 30 октября.

А дочь моя Татьяна живет на Украине. Мы с ней не общаемся, придерживаемся разных идеологических взглядов, оказались по разные стороны... Это моя душевная боль.

Записал Алексей Игоревич Кожункин
по материалам видеоинтервью 30.12.2018 г.

Глава 3. ДЕТИ ВОЙНЫ

ВОЙНА В ПАМЯТИ И РОЛЯХ

Лановой Василий Семенович, 86 лет,
артист Государственного академического театра им. Е. Вахтангова, заведующий кафедрой сценической речи Театрального института имени Б. Щукина, профессор, сопредседатель Общероссийского общественного движения «Бессмертный полк», лауреат Ленинской премии (1980), Народный артист СССР (1985), Герой Труда РФ (2019), г. Москва

Кадр из кинофильма «Офицеры»

За годы постсоветских реформ у нас в стране произошла смена приоритетов, и каждый думающий человек пытается понять, осмыслить, что же с нами произошло, куда идти дальше. На наших глазах выросло поколение, которое стопроцентно отвечает идеологии потребительства. Раньше мальчишки хотели быть летчиками, моряками, потом космонавтами. Теперь миллионерами, бизнесменами…

Нам надо непременно сохранить специфику своих культуры и языка, помнить свою историю. Мы не вправе забывать об ушедших наших героях, о целом поколении, которое заплатило невероятную цену за Победу в Великой Отечественной войне. Их подвиг должен остаться в веках. Мы выиграли войну, потому что были вместе и все думали прежде всего о Родине.

Когда-то, в советские времена мне довелось выступать перед молодыми педагогами в один из дней очередного Всесоюзного съезда молодых учителей. Я сначала сильно разволновался, т.к. неожиданно пронзила мысль о том, какую огромную ответственность перед родителями, обществом и будущим берут на себя эти молодые люди. Ведь они принимают

в свои руки маленький кусочек души. Еще оголенной, совершенно не защищенной от сложностей и противоречивости жизни. Им вручают родители самое дорогое, что у них есть, — свои чада. Какая же у этих чужих людей должна быть душа и сердце! Тогда же подумалось и о том, какая это важная и прекрасная профессия — педагог — и в каком мы все долгу перед нашими учителями. После этих размышлений я с еще большей ответственностью стал подходить и к своей профессии, которая, как мне кажется, сродни профессии учителя. Она тоже уникальная, редкая по своему влиянию на душу человеческую, на формирование личности.

Война сильно повлияла на послевоенные поколения и, прежде всего, на каждого, пережившего ее. Поэтому я рад рассказать о моем военном детстве и его значении в моей последующей жизни[1] в этой книге поколений «Мы помним…», в которой собраны лучшие работы школьников, студентов, учителей и преподавателей вузов, победившие в V международном конкурсе эссе «Я горжусь подвигом отцов, дедов, прадедов», посвященном 75-летию Великой Победы.

Войну я встретил семилетним мальчишкой

Она буквально тяжелым катком прошла по трем годам моей жизни. Случилось это на Украине, куда я был отправлен на лето к родителям отца вместе с двумя сестрами за несколько дней до начала войны. На станцию Абамеликово, что в трех-четырех километрах от деревни Стрымба Одесской области.

Мы приехали рано утром 23 июня… Встречал нас дедушка. И едва мы сошли с поезда, он первый нам сказал о том, что началась война.

Я, естественно, не очень-то представлял себе, что это такое, но по общей тревоге, волнению понял, что произошло что-то ужасное, непоправимое. А дедушка часто не без опаски поглядывал в небо на запад, — первые самолеты уже пролетали над станцией: «Гудилы, гудилы и на Одессу полетилы». Вдалеке слышались уже глухие разрывы бомб.

Мать с отцом должны были приехать к нам через неделю, но судьбе было угодно распорядиться по-иному. Война разлучила нас почти на три года, страшного времени оккупации, когда ни родители, ни мы не знали ничего друг о друге, не знали и того, остался кто в живых или нет. Нам было нелегко без родителей, но став отцом, я понял, какое это было испытание для них, разлученных с детьми, оказавшимися в оккупации.

В Москву мои родители переехали в 1931 году — в голодный неурожайный год на Украине. Тогда-то отец и решил податься в столицу, устроился на химический завод, а позже переехала и мама. Здесь родилась старшая сестра, а в 1934 году я.

[1] Подробно об этом можно прочитать в книге: *Лановой В.С.* Летят за днями дни… М.: Алгоритм, 2017. — 304 с. (Жизнь и роли).

И вот мы на родине родителей... Сначала было отступление наших: шли плотной колонной на восток, потом движение начало убыстряться, шли уже не колонной, а отдельными группами. Расстояние между группами становилось все больше и больше, а скоро мы увидели и первых раненых, окровавленных солдат. Кто-то шел сам, кого-то везли или тащили на себе солдаты, двигались уже не только по дороге, не только по шляху, как говорят на Украине, а больше напрямки, срезая углы, маленькими группами, поодиночке, по двое. И наконец образовалась пауза, томительная, гнетущая тишина. Крестьяне с тревогой ждали, что же будет дальше...

А дальше появились первые мотоциклисты, точно так, как показывают в кино...

А скоро оттуда же, откуда появились мотоциклисты, показались колонны машин, солдат, повозок, велосипедистов, зениток — это была лавина, этакая орда, чингисханщина, захватившая все пространство.

Двигалась эта лавина через село непрерывно около двух недель, и казалось, конца не будет. А когда прошла, один отряд остановился в деревне. Немцы расселились по хатам, ели только яйца, кур живых уже не оставалось, воду заставляли пить сначала местных жителей — боялись, что их отравят. Некоторые немцы угощали нас, малышей, шоколадом, показывали фотографии своих детей и умиленно плакали. Пока это была для них всего лишь несколько затянувшаяся прогулка. А один немец, который у нас остановился в доме, подарил мне свой ремень. Я надел его и пошел гулять.

Случилось это на току... Подъехал немец, увидел меня с этим ремнем и кричит: «Ком хер, ком хер!» Я подошел. Тогда он показал, чтобы я отдал ему ремень. А я говорю: «Не дам, мой ремень». Тогда этот детина снял с плеча автомат и при всех над самой головой дал очередь, описав дугу... До сих пор слышу свист пуль у самого уха. Бабушка моя сразу упала в обморок, а дед застыл в оцепенении, как он потом говорил: «Остолбенел и слова сказать не мог». После этого я молча снял ремень и протянул его немцу. Внешне все это я перенес спокойно, но долго еще и после войны, занимаясь уже в самодеятельности, продолжал заикаться и с большим трудом избавился от этого недуга...

А дальше началось еще серьезнее. В округе действовали партизанские отряды, организованные Винницким обкомом партии: пускали под откос поезда, совершали нападения на немецкие опорные пункты, уничтожали военную технику, распространяли листовки, словом, борьба с фашистами велась активная. Естественно, усилились и карательные операции: немцы сжигали целые деревни, расстреливали мирных жителей, публично казнили пойманных партизан.

Узнали мы и о том, что возле железнодорожной станции несколько десятков пленных красноармейцев поднялись против вооруженных до зубов

фашистов. Люди погибли, предпочтя смерть. Это запало в душу навсегда и всплывало потом, когда приходилось играть роли советских воинов.

Немцы, опасаясь партизан, минировали поля, на которых подрывались люди, скот. Гибли и дети. Гитлеровцы изготовляли такие разноцветные, яркие, красивые мины, чем привлекали наше внимание. Любопытство порою брало верх, на что фашисты и делали расчет: эти смертоносные игрушки попадали в руки детей и... взрывались.

На моих глазах от снаряда погибли двое мальчишек, пасших скот. И сам я чудом спасся.... Помню, какой страх охватил меня тогда. Дед после этого случая строго-настрого наказал — никакие игрушки в руки не брать, и тем более снаряды, патроны, оружие.

В военное время дети взрослеют быстро

С романом «Как закалялась сталь» я познакомился в семь лет, еще не научившись читать. Его нам читал учитель украинского языка Николай Иванович, фамилии я его, к сожалению, не запомнил. Причем услышал впервые роман на украинском языке — «Як гартувалась сталь» Мыколы Островского. И тогда это знакомство с романом Н. Островского было в самый раз.

Необычайно сильное впечатление произвел он на всех нас, глубоко запав в память, в сознание каждого. Особенно покоряла мальчишек душевная стойкость Павки Корчагина, всем хотелось походить на него.

А как это было необходимо и важно тогда, в суровые военные годы. Ведь все мы воспринимали Павку не как литературного героя, для нас он был живым, вполне конкретным человеком, знакомым парнем, с которым мы за время чтения книги успели подружиться, полюбить его. Таким он и остался в моем сознании до сих пор — реальным человеком, знакомым парнем из жизни и никак не литературным персонажем. Таким я его через много лет играл в театре и кино — как давнего моего хорошего знакомого, в котором видел для себя образец мужества, веры и решимости ее отстаивать.

На мое детство выпало и другое — испытать радость общения с природой, почувствовать ее красоту во всем богатстве и неповторимости, жить настоящей деревенской жизнью, получать хорошую физическую закалку на все последующие годы. Все это также не могло не пригодиться позднее в творчестве, в жизни.

Шло время, и, несмотря на то, что продолжалась война, с наступлением весны надо было думать о новом урожае, о том, чем прокормиться в следующую зиму. К сельскому труду приобщали и нас, детей. Первое время нам, мальчишкам, доверяли пасти коров, а позднее разрешили смотреть за лошадьми, ездить верхом, купать их, отчего радость получали огромную.

Запах коров, коровьих кизяков, конюшни, лошадиного пота, сена с тех пор стал моим любимым запахом, лучшим из всех духов и одеколонов.

А сколько радости и детского восторга доставляли поездки на возах свежего, душистого сена, дальние походы в лес за ягодами, за грибами!..

Вот они, жизненные контрасты: ужасы войны, смерти, увечья, бесчинства фашистов, всеобщее горе народа и каждого в отдельности, потому что война коснулась практически всех, и тут же гармония природы во всем ее богатстве, многообразии, красоте, как бы противостоящей, спорящей с той дисгармонией жизни, что пришла на нашу землю. Вот оно — прекрасное, возвышенное, жизнеутверждающее и уродливое, безобразное, античеловечное — рядом, в крайнем своем проявлении. Да, все впитывало нежное детское сердце, все волновало нежный ум: и величественные картины природы, выверенной веками, устоявшейся деревенской жизни и ужасающие картины войны.

Вот как удивительно органично и неразрывно все связано одним словом «Родина», все объединено этим понятием — семья, родное село, родная земля... Становление художника тоже не происходит в отрыве от всего того, что его окружает. Не представляю себе художника, который бы не любил природу, животных и, конечно же, людей, не видел бы и не чувствовал всего многообразия и красоты его окружения. Иначе каким же будет его искусство?

Детские впечатления в творчестве художника

Любовь к природе осталась на всю жизнь. И теперь при первой же возможности стараюсь выехать на природу, в лес, чтобы отрешиться на время от городской суеты, снять напряжение, нервное и физическое, оправиться от перегрузок последних дней или недель. А перегрузки у актера, если он востребован, в форме — активно работает в театре, снимается в кино, на телевидении, записывается на радио, участвует в концертных программах, — огромные, дикие перегрузки.

Ну а когда нет такой возможности — уединиться, уйти «в леса, в луга», а работа требует огромного напряжения сил, обнажения всех твоих нервов, когда нужно собраться перед выходом на сцену и особенно перед съемками в кино, где ты один на один с кинокамерой и нужно сыграть подчас в одном эпизоде целый кусок жизни, — я обычно прошу, чтобы не трогали меня какое-то время, пока сам не выйду на съемочную площадку. И тогда ухожу куда-нибудь в безлюдное место — за декорации, установки и молю небо только об одном, чтобы оно дало мне услышать те далекие звуки, вдохнуть запахи, чтобы оно мне вернуло хоть на мгновение те счастливые ощущения детства.

Правда, с годами все труднее «воспоминания безмолвно предо мной свой длинный развивают свиток», все реже и реже приходят они на память во всей своей первозданности, все труднее и труднее удается умолить их вернуться, умолить дать мне эти запахи, звуки, голоса, видения. А чем реже посещают нас детские воспоминания, тем быстрее черствеет

душа, и ты теряешь ту остроту восприятия, что питает нас в детстве. Но пока они есть (и дай бог, оставались бы в нас до последнего дня, до последнего нашего часа) — ты открыт добру, радости, вере в будущее. А как они нам нужны сегодня, да и всегда! Не будь у меня в детстве утренних рос, ночных, деревенского труда, простой здоровой деревенской пищи, наверное, и далее наверняка я не располагал бы тем запасом физических сил, какие имею, которыми живу и пользуюсь вот уже столько лет, неэкономно и порою безжалостно расходую ежедневно, ежечасно.

Все пережитое в детстве, конечно же, не может пройти бесследно, не заложить свои зерна в детскую впечатлительную и восприимчивую душу, чтобы затем через много лет откликнуться эхом в уже взрослом человеке и, конечно, актере, живущем судьбами своих героев. Я иногда сам удивляюсь, как память порою подает такие детали из воспоминаний, которые своими корнями уходят в детство. Они, оказывается, рано или поздно обязательно переплавятся в творчество; если, конечно, что-то затронуло в свое время за живое, осталось глубоко в памяти, то всплывет в сознании и сегодня по аналогии ситуации или сходности переживаний, напомнит о пережитом. Это такие воспоминания, к которым достаточно самого легкого прикосновения, чтобы они зазвенели в твоей памяти, отозвались в сердце.

Наши-и-и!

Те детские впечатления особенно помогли мне в работе над фильмом о Великой Отечественной войне. Я своими глазами видел, как пришел враг на нашу землю, сытый, наглый, самодовольный, и как потом бежал — жалкий, трусливый, озлобленный. В тылу по поведению немцев очень точно чувствовалось действительное положение на фронте. Эту «качку» я хорошо помню: сначала они кричали: «Москва капут! Москва капут!»; потом как-то притихли, приуныли, встревожились. Куда делись их прежнее самодовольство, внешний лоск? Теперь от них уже не пахло одеколоном, не слышно стало губной гармошки. И вот, наконец, по той же дороге, только уже в ином, обратном, направлении, вся эта армада, изрядно потрепанная, откатывалась назад на запад — сначала огромной лавиной, потом отдельными группками, со все более удлиняющимися перерывами, потом напрямки, срезая углы, через овраги бежали туда, откуда пришли. Дед мой стоял у калитки, смотрел на все это и дивился, приговаривая: «Тю, дывинося!..» Что означало: «Смотрите, пожалуйста!..»

Немецкие машины, груженные техникой, снарядами, награбленным добром, вязли в грязи, и они их уже не вытаскивали, поджигали и бросали, сами унося ноги подальше от надвигающейся на них опасности, от возмездия. Изредка раздавались взрывы, рвались снаряды, разнося машины и все, что находилось рядом, по кусочкам. Так в темной апрельской ночи 1944 года вдоль дороги, насколько можно было видеть, полыхали

огни, словно расставленные кем-то специально факелы, указывающие дорогу восвояси. Вместе с ними в нашем краю догорала война...

Мне все было интересно наблюдать, но дед на всякий случай упрятал меня в погреб и строго-настрого приказал сидеть тихо. Там я просидел несколько дней. А потом наступила тишина, — долгая, томительная тишина ожидания. И вот как-то вечером мы услышали, как в дверь кто-то робко постучал. Открылась дверь, и на пороге мы увидели совсем еще мальчика в немецкой форме. Грязный, весь в слезах, он протягивал руку и жалобно просил: «Матка, яйка матка, яйка». У него был такой жалкий вид, что бабушка отломила краюху хлеба и молча протянула ему. Он буквально вцепился своими пальцами в хлеб и, приговаривая: «Данке шён, данке шён», жадно начал есть. Вот таких вояк вынужден был фюрер посылать на фронт в конце войны.

А на следующий день я пошел за водой до копанки, как вдруг услышал — из оврага доносились короткие сигналы морзянки. Осторожно подошел ближе и увидел, как двое склонились над переносной радиостанцией и передавали сигналы. И только тогда разглядел на ушанке одного из них красную звезду.

...Много лет прошло с той поры, а воспоминания о войне, о партизане в ушанке со звездочкой, взрыв радости и счастья навсегда остались для меня самыми яркими, самыми сильными. Я сообразил, что это наши, и с криком: «Наши-и-и!», — бросился что было сил в деревню.

Возвращение в Москву

Родители мои еще до войны работали на химическом заводе. В первые дни войны, пока не была налажена автоматическая линия, им приходилось вручную разливать жидкость, используемую для противотанковых гранат, — производство, вредное для здоровья, так что оба стали инвалидами. К концу войны они с трудом передвигались, кружку с водой едва могли держать в руках. Но только услышали по радио о том, что наши освободили Попелюхи, Котовск, Кодиму — крупные населенные пункты близ нашего села, — как мама, не раздумывая, села в поезд, вернее, ее сажают, сама она не могла ходить, и в таком состоянии отправилась в дальнюю дорогу. И это еще в военное время, когда транспорт был переполнен, ходил с перебоями, в основном товарняки. Но ничто ее уже не могло удержать. Несмотря на уговоры соседей, знакомых не ездить, подождать (отец не отговаривал, знал, что это бесполезно делать, что она все равно поедет), она отправилась за детьми. Состояние ее можно было понять: все-таки около трех лет не видела своих детей, не знала, что с нами, и не было такой силы, которая могла бы ее удержать.

Увидев нас живыми и здоровыми, мама успокоилась, пришла в себя. Побыла в деревне около месяца, поправилась, ожила — и физически, и духовно. Отца мы увидели уже спустя более месяца по приезде в Москву. Провожало нас также все село. Станция наша была небольшая, и многие поезда не останавливались. Тогда, завидев вдалеке паровоз, все, кто провожал нас, встали на пути, кричали, махали руками и таким образом вынудили машиниста остановить поезд. Это был товарняк, вагоны, переполненные людьми, но нас втиснули в один из них, и так мы отправились в Москву.

Ехали пять суток. Все невзгоды пути и быта той поры воспринимались весело, даже радостно, потому что война шла к концу, многие возвращались в родные места. Люди после таких страданий, какие выпали на их долю, получали радость от самого малого, улыбались, переполненные счастьем оттого, что невзгоды, связанные с войной, кончаются, что близок долгожданный мир. Это было кочующее, переполненное радостью племя.

Теперь, когда у меня случаются какие-то неприятности или просто бывает плохое настроение, когда слышу, как кто-то жалуется на обычные житейские невзгоды, я вспоминаю то время, тех людей, вспоминаю их умение радоваться малому, и на душе становится легче.

В Москву въезжали с каким-то особым чувством, у всех было приподнятое настроение, праздник души, всеобщее ликование. Это была возвращающаяся, побеждающая, счастливая Россия. На трамвае ехали от Киевского вокзала до дому около трех часов, но никто не сетовал на то, что долго едем, что тесно в вагоне. Висели на подножках, сзади вагона свисали гроздями те, кто успел хоть за что-нибудь зацепиться, — ни тени неудовольствия или обиды не было на лицах людей.

Ну и самое радостное — День Победы. Я никогда не забуду эти салюты. Как ждали мы их, ждали последние сводки Информбюро. И разве можно забыть, как после позывных на мотив песни «Широка страна моя родная» было сообщение о взятии Берлина. До сих пор слышу истошное, по всему дому раскатистое: «Взяли!.. Берлин взяли!..» Несмотря на позднее ночное время, все высыпали из своих комнат в коридоры, а потом на улицы, и началось шествие людей — народа-победителя. Люди целовались, пели, танцевали, плакали. На фоне всеобщей безграничной радости раздавались и вскрики рыданий тех, кому не суждено было дождаться своих мужей, сыновей, братьев, отцов. Это была невероятная симфония ликования и слез, радости и скорби. Вот уж действительно «радость со слезами на глазах». Какое это было единение народа! Какое это чувство — ни с чем не сравнимое чувство Победы!

Нечто похожее испытали мы, когда в космос полетел Юрий Гагарин. Это событие уже ближе к нам сегодня, и я потому вспоминаю его, чтобы молодые, кому не выпало в жизни испытать того, что испытали люди старшего поколения, пережившего войну, могли ближе себе представить то ликование, те звездные мгновения в жизни нашего народа.

Любимые военные роли в театре и кино

Позднее и до настоящего дня каждый раз, прикасаясь к военной теме в фильме или спектакле, я очень скоро настраиваюсь на эту волну, и «замыкание» наступает мгновенно. Как только возникает какой-то эпизод войны, ассоциативно я тут же нахожу точки соприкосновения с пережитым, виденным, и это сразу же во многом определяет мое самочувствие в той или иной военной роли.

Так, к огромной радости, произошло у меня уже в первой роли, которую довелось играть в театре, — в роли политрука Бакланова по пьесе Б. Рымаря «Вечная слава».

Дорог мне был этот образ тем, что он был почти мой сверстник, во многом чувствовал и мыслил так же, теми же категориями. Это была одна из моих любимых ролей в театре в интересном, волнующем спектакле, поставленном Евгением Рубеновичем Симоновым.

Примерно также было и во «Фронте» А. Корнейчука, где я играл роль Огнева уже спустя более двадцати лет после Бакланова.

Особенно мне дорог был в этой роли монолог генерала Огнева, который он произносит после того, как увидел зверства фашистов, совершенные над жителями его родной деревни, все то, что оставили они после себя. Обращаясь к своему другу, он говорит, только что пережив страшное потрясение: «Григорий, Григорий... Не узнал, не узнал родного отца. Всех искалечили, звери! Искалечили так... страшно смотреть. Прострелены, посечены, глаза повырваны. Лежат старики... а шли и пели — «Смело, товарищи, в ногу»... пели... За это их зверье...» И, вспоминая старого учителя, с болью в сердце говорит: «У этого окна всегда до поздней ночи сидел он, старенький, в очках; покашливая, проверял тетрадки учеников... Сорок лет учил детей географии...». Как он напоминал мне моего учителя литературы, который читал нам «Как закалялась сталь».

Огнев — в эту роль я хотел вложить все лучшее, что видел в наших военных-современниках: и конкретные черты воинского таланта, такого, скажем, какой был у наших лучших военачальников, и личное обаяние, духовную цельность и определенные философские обобщения. Огнев — это не просто персонаж, не просто отдельное лицо, а диалектическое явление, движущее жизнь вперед. Это самоотверженность и принципиальность, сила разума и прогрессивность взглядов, мужество и человечность. Он стал для меня своего рода связующим звеном между поколениями Николая Островского и Юрия Гагарина. Всех их роднит сыновнее служение Отечеству — без позы, без ожидания наград, без малейшего намека на корысть.

Очень скоро, уже в процессе чтения сценария будущего фильма «Офицеры» (режиссер В. Роговой), увидел я и своего героя — Ивана Варавву. Увидел пластику его движений, этого подвижного, ни на секунду не останавливающегося человека, светлого, радостного, романтичного,

удивляющегося многому в жизни и подчас тому, мимо чего многие проходят, даже не замечая. Сразу он мне таким открылся, и его легко и радостно было играть. Привлекала в нем помимо других черт характера одна, главная черта — верность. Верность в любви и дружбе, верность долгу — человеческому, воинскому, верность отечеству. Это качество его испытывается в фильме в самых различных жизненных ситуациях — в боевой обстановке, в быту, в отношениях с любимой женщиной, с другом — и везде выдерживается по самому высокому счету.

Мы с Юматовым в фильме были очень разные: один, что называется, от жизни, реально осознававший себя в этом мире, другой романтик, не от мира сего. Эта полюсность, как в физике разнозаряженные частицы, притягивала, создавала драматическое напряжение коллизий, в которых мы оказывались по сценарию. Сыграл свою роль и выбор актеров на главные роли: разного темперамента, склада характеров.

Работа над фильмом нас сблизила по-человечески. Юматов и в жизни всегда был прямой и открытый, говорил, что думал. Особенно нетерпим был к несправедливости, непорядочности, что становилось причиной неприятностей, а порою и серьезных.

Но в наибольшей степени жизненный материал, связанный с войной, вылился у меня не в военных ролях, а в озвучивании многосерийного документального фильма «Великая Отечественная», созданного многими кинематографистами под руководством Романа Кармена.

Надо было найти эпически внушительные и в то же время проникновенные интонации, чтобы в них одновременно ощущались сопричастность очевидца и дистанция осмысления, боль и гордость, душевное переживание и сдержанная патетика, в которой выражаются патриотические традиции народа.

Только тогда понял, что самое трудное в этой работе будет удержаться на той же ноте искренности, взволнованности, чистоты ее звучания, не снизойти до бытовизма и не впасть в истерику. В этом фильме нельзя было ни на грамм сфальшивить. Он просто не примет самой маленькой неискренности.

Мне, конечно же, повезло, что работа над этим фильмом у меня состоялась уже в зрелом возрасте, что приступил к ней во всеоружии жизненного и творческого опыта. Участие в нем дало мне очень много. По сути, это был для меня второй гражданский университет в жизни, который я проходил в работе над фильмом. Участие в киноэпопее для меня стало акцией не столько художественной, сколько гражданской, как, впрочем, и в других фильмах на военную тему. Мне дороги все мои герои: и Иван Варавва из «Офицеров», кое в чем продолжающий характер Бакланова из «Вечной славы», и маршал Гречко в «Солдатах свободы», и Огнев во «Фронте».

МЫ БЫЛИ ПОД НЕМЦЕМ

Андрианова Лидия Михайловна, 83 года,
пенсионер, учитель физики
школы-гимназии №5 города Троицк Московской области,
лауреат премии фонда Сороса среди учителей средних школ (1994),
ветеран труда,
г. Москва, поселение Краснопахорское, с. Красная Пахра

Война

22 июня 1941 г. Слобода Криворожье Ростовской области. Мне — 4,5 года. Помню все.

Вчера похоронили моего любимого дедушку. Сердце.

На похороны приехали его дети и внуки. Тетя Дуня приехала с двумя детьми (Любе — 14 лет, Толику — 5 лет) из Брянска. Дядя Ваня с женой и детьми (Кате — 14 лет, Коле — 12 лет, Боре — 4 года, Ире — 3 года) приехали из Изварино (Украина). Дядя Стефан с женой Симой и тремя мальчишками (Васе — 13 лет, Толику — 6 лет, Мише — 4 года) приехали или пришли из Белогорки, что в 12 км от нас. Был еще у нас дядя Митя. Они с женой и двумя мальчишками жили через дом от нас. Но он был очень болен, из дома не выходил, на похоронах не был.

Когда объявили о начале войны, взрослые быстро уехали домой, к месту прописки, а все дети остались у бабушки, т.е. у нас. А это 10 человек.

Папу призвали в армию на другой день. Помню, как его собирали, шли на место сбора.

Тогда все пришло в движение. Все бегали, женщины плакали, громко говорили, кричали. Помню площадь, где был сбор призывников. Кажется, что все жители были там: мужчины с вещмешками, женщины, старики и много детей. Музыка, плач, крики, рыдания.

Лидочка Ткачёва. 1939 г.

И вся площадь — это движущиеся хаотично люди. Кто-то к кому-то пробирается, кто-то кого-то толкает... Когда мужчин проводили, наступили тишина и какая-то пустота.

Я не понимала, что происходит. Почему тети плачут? Куда уехал папа? Я не понимала и смысла слова «Война», хотя все только его и произносили. А еще говорили: «Немец идет». Что это означало? Никто мне не объяснял. Всем было не до меня с моими вопросами.

И моя детская фантазия создала такую картину: «немец идет» — это огромная грузовая ма-

шина, в кузове которой везут страшное чудовище, которое кто-то соорудил. А то, что это чудовище везут — война. Но все события происходили так быстро, что мои фантастические видения рухнули и без объяснений.

Первая тяжелая весть из военкомата пришла бабушке. Ей сообщили, что погибла тетя Дуня, не доехав до Брянска. Немцы разбомбили пассажирский поезд. Муж ее уже был на фронте. Дети остались у нас.

Папа прислал письмо. Он в Сталинграде. Если ехать по прямой на машине, то это совсем близко. Но тогда можно было добраться только поездом, проехав на юг до станции Лихая, сделать пересадку на поезд, который ходил с запада на восток.

Мама быстро собрала для папы теплые вещи, продукты и поехала в Сталинград. Пробыла она у папы трое суток. Потом он пришел и сказал, чтобы она срочно уезжала, а то может не доехать.

Когда мама приехала в Лихую, то увидела первые ужасы войны. Немцы бомбили этот довольно крупный железнодорожный узел. Много составов было разбито. Везде трупы и части тел. Убрать еще не успели.

А в это время у нас поселились два молоденьких лейтенанта. В нашей школе были организованы курсы командиров. Учились они в школе, а расквартированы были по домам. Позже говорили, что все они погибли, приняв бой в лесу, в 12 км от нас. Эти мальчики научили жителей, как вести себя в первое время оккупации:

1. Спрятаться в погребе или окопе, на время, когда немцы будут входить в село.

2. Как только услышим чужую речь, сразу надо выйти. Если немцы нас найдут в погребе первыми, то всех расстреляют. Будут считать нас партизанами.

3. Набрать как можно больше воды. Воду брали тогда только из колодцев. Немцы сразу поставят у колодцев охрану, и все, кто будут подходить к колодцу, будут расстреляны. Немцы боялись, что жители отравят воду.

4. В доме не убирать, не подметать, не мыть. Самим не мыться, не стирать. Чем больше грязи, тем больше шансов, что немцы в доме не поселятся, а будут его обходить.

5. В доме не должно быть документов, доказывающих связь с коммунистической партией. Если что-нибудь найдут, всех расстреляют.

Эти советы очень помогли.

Был еще момент в этот короткий, но бурный период, который хорошо помню. Моя мама работала шофером в МТС. И через какое-то время после призыва папы мама вместе с машиной, на которой работала, была мобилизована — отправлена в Миллерово. Дальше — на фронт.

Бабушка с десятью внуками разного возраста была в ужасе. Она приняла решение идти к военкому. Собрала нас всех и повела в военкомат. Шли мы гуськом друг за другом. Военком ее принял (мы при ней). Бабушка

сказала, что на фронт ушли три ее сына. А вернутся ли? Никто не знает. А теперь взяли еще и невестку. Что делать с детьми? Она преклонного возраста и не справится с нами всеми. Она очень просила вернуть маму.

Трудно даже предположить, какие убедительные доводы привел наш военком, но маму вернули, без машины. Машина осталась на фронте. Вернувшись, мама села на комбайн и убирала хлеб, я была с ней и часто спала в бункере с зерном.

И еще помню, как горели наша школа и редакция районной газеты. Сгорели без остатка. Слышала разговор, что подожгли наши, когда отступали, т.к. в подвалах этих зданий хранились архивы, которые не должны были попасть к немцам.

Жили в тяжелом ожидании. Репродукторы никогда не выключались. Ловили каждое слово. Других средств информации не было.

И вот прибежала тетя Катя, мамина сестра. Она работала поваром в столовой, которая располагалась на севере нашей слободы. Переступив порог, тетя закричала: «У нас немцы! Немецкие танки!» Мы едва успели вылить еду из котлов.

Мама схватила шкатулку с документами, и они стали спешно перебирать бумаги, бросая какие-то из них в печку. К сожалению, под эту горячую руку попал и папин диплом. Но остался вкладыш с оценками, по которому он уже после войны восстанавливал диплом.

В это время тарелка-репродуктор сообщала, что немцы у Воронежа. Мама закричала: «Какой Воронеж! Они уже у нас!». Мы южнее Воронежа на 350 км.

Сестры Катя (слева) и Ульяна (моя мама) в комсомольской форме. Фото ок.1932–1933 гг.

Наступление немцев было стремительным. Расправившись с бумагами за несколько минут, мама загнала всех нас в погреб. Прибежали еще и соседи. Люди тогда тянулись друг к другу, старались быть вместе.

Погреб был большой, но набилось столько людей, что могли только стоять. А посередине стоял таз с медом. У нас было два или три улья, и мама с бабушкой накануне качали мед и не успели убрать.

Стояли в погребе до тех пор, пока не услышали чужие слова. Мама быстро открыла лаз и первой вышла из погреба. За ней все остальные.

В этот яркий, солнечный день мы впервые увидели немцев. Я считаю, что нам тогда повезло. Немцы не были агрессивными. Они пошли по дворам со словами: «Матка! Сало, яйки, млеко!» Где что видели, находили, то и забирали. Хозяев при этом не замечали.

История с водой

В дом ворвались немцы. Позже, будучи уже взрослой, вспоминая этот эпизод, я поняла, что немцы оказались у нас в доме после тяжелого боя. Они были грязные, пыльные и очень злые. Видимо, это были громилы первых отборных немецких частей.

Все с автоматами, хорошо экипированы. Они хотели воды. Стали открывать ведра, кастрюли, все емкости с запасами воды. А так как стояла жара, то запасенная вода вспенилась. Немцам она очень не понравилась, и один из них стал выливать воду на пол, при этом он очень ругался и требовал от мамы свежей воды.

Мама жестами пыталась объяснить, что свежей воды нет, потому что нас не подпускают к колодцам немецкие солдаты. Немец вскинул автомат и направил на маму. Я стояла, прижавшись к ее ноге. В этот момент мама резко рукой забросила меня себе за спину, видимо, ожидала выстрела. Но его не последовало, потому что другой немец ударил по автомату, опустив его вниз, чем привел взбесившегося немца в человеческое состояние. Потом они какое-то время разговаривали на повышенных тонах. Затем вырвали из блокнота лист бумаги, написали что-то, отдали его маме и жестами объяснили ей, чтобы она с запиской пошла к колодцу и принесла свежей воды.

Мама взяла два ведра на коромысло, меня за руку и мы пошли к колодцу. По записке маме разрешили набрать воды. Она принесла ее немцам, а по пути дала попить мне прямо из ведра. Вода была холодная и очень вкусная. Мама напилась и сама.

У меня сильно болела голова, так как я ударилась о дверной косяк, когда мама меня забросила за себя. Несколько дней я лежала. Кружилась голова, подташнивало. Смерть была близко.

Наши пленные

Нашими соседями была семья Калашниковых: дядя Ваня, тетя Вера, их дочь 6 лет и трое мальчишек-близняшек 3-х лет.

Дядю Ваню взяли на фронт в один день с папой. Похоронку первая получила тетя Вера. Дядя Ваня погиб в первые дни войны. Она осталась с малышами одна.

Однажды она забежала к нам во двор и закричала, что немцы ведут наших пленных солдат. Мы вышли на улицу. Вели наших пленных. Немцы с автоматами шли по обе стороны и в этот день были очень добрыми. Знаками они женщинам показывали, что если среди пленных есть родственники, то они их отпустят, отдадут женщинам. Среди пленных были голоса: «Сестричка, возьми меня».

Тетя Вера первая «узнала» своего «мужа». Она подбежала к одному солдату, стала его целовать, обнимать и просить немцев, чтобы они разрешили ей взять «мужа». Немцы отпустили солдата, и тетя Вера увела его домой. Солдат сильно хромал — был ранен в ногу.

Так тетя Вера приобрела себе нового мужа. Его, как и погибшего, звали Иван. Рана на ноге зажила, но он хромал. Дядя Ваня занимался ремонтом обуви на дому. То ли он был сапожником, то ли научился, когда стал жить с тетей Верой. Но ботиночки и сандалики он нам чинил. После войны, когда я училась уже в 3 классе, их семья куда-то переехала.

Из этой группы пленных женщины взяли еще несколько солдат, «признав» в них «братьев». Остальных привели в лагерь для военнопленных.

Что это был за лагерь? Часть луга с выходом к речке. Раньше там росли кусты лозы, дикого терновника, какие-то чахлые деревца. Все это вырубили. Стала сухая, прокаленная солнцем земля, огороженная колючей проволокой. Снаружи по периметру ходили немцы с автоматами и злыми собаками. Спрятаться от палящего солнца было негде.

Лагерь пополнялся. Наших солдат приводили группами. Многие из них были ранены. Помощи не было никакой. Раны не обрабатывались. Вскоре в лагере поселился стойкий запах гниющего мяса. Он крепко засел в моей голове. Когда я приезжала навестить родителей и выходила на этот луг, то ловила себя на том, что этот запах вновь преследует меня.

Наших солдат немцы не кормили, но разрешали жителям приносить еду. Жители варили супы и носили в лагерь. И мама с бабушкой тоже варили суп для наших солдат, попавших в такую беду. Мама брала два ведра такого супа на коромысло и несла в лагерь. Несли и посуду: кружки, миски, все, во что можно было налить суп. Немцы разрешали только металлическую посуду.

Я, конечно, была при маме. Помню, как солдаты выстраивались вдоль колючей проволоки за этим супом. Даже сейчас больно об этом вспоминать.

С наступлением холодов лагеря не стало. О судьбе наших пленных солдат никто ничего не знал.

Борька

До войны в нашем хозяйстве была одна овца. Зимой 1941 г., где-то в феврале, она окотилась, и появился замечательный ягненок. Было очень холодно, и мама принесла его в дом, а к маме-овце носила несколько раз в день. Назвали ягненка Борькой.

Ему в доме очень понравилось, он быстро освоился, а у меня появился замечательный друг. Мы с ним бегали по дому, играли, а когда меня укладывали спать, Борька запрыгивал на кровать и ложился рядом со мной. Я обнимала теплое шелковистое тельце и была безмерно счастлива.

Наступила весна, Борька стал большим, но оставался моим другом. Мама, видимо, чтобы не возиться с этой «отарой» из двух овец, попросила, чтобы до осени они побыли в колхозной отаре. И наш Борька «выехал на дачу» — так говорили мне дома. Вечерами мы с мамой иногда его навещали. На зов «Борька, Борька!» он блеял и бежал за угощением. Мы приносили ему сухарики и галеты, он их очень любил. Соседи знали, что наш Борька с овцой в колхозном стаде.

Вскоре после того, как нас заняли немцы, прибежала соседка и скороговоркой прокричала, что немцы увозят колхозную отару. А там мой Борька! Мы с мамой побежали на соседнюю улицу. Там стояли несколько грузовых машин с открытыми задними бортами. С земли в машину был положен настил.

Немец, стоя в кузове, протянул руку вперед и закричал: «Бе! Бе! Бе!». И мой Борька первым побежал в кузов — наверное, ждал угощения. Не передать, как я плакала, кричала, звала Борьку. Мама силой тащила меня домой, говорила, что Борька в толпе овец затеряется, а потом сбежит. А вот если бы он был дома, то одного его немцы обязательно нашли и взяли. А сейчас он обязательно сбежит. Уже тогда я понимала, что потеряла друга, но в мыслях часто рисовала картины, когда мой Борька пасется. Щиплет зеленую травку. Я его не ждала. Мне хотелось, чтобы Борька просто жил.

И сейчас, вспоминаю об этом со слезами. Травма моя была очень серьезная.

Я заболела

О начальных событиях я пишу со слов мамы. Я заболела. Зима, морозы и снег, снег, снег... Никакой квалифицированной помощи. Врача нет. У нас немцы. Мое состояние стремительно ухудшалось. Я начала задыхаться. А когда я, задыхаясь, еще и посинела, мама, рыдая, с криком выбежала на улицу. Она металась, кричала, не зная, как мне помочь.

Проходил немецкий офицер и, увидев ее в таком состоянии, остановился и попытался выяснить, что случилось. Мама не могла ничего объяснить, тогда он жестом приказал вести его в дом и увидев меня, все понял. Поставил у моей кровати стул, силой усадил на него маму, и, как сумел, приказал ей сидеть рядом со мной, а сам быстро ушел.

Вскоре в дом вошли несколько немецких офицеров и одна женщина — переводчик. Позже она рассказала, что она из поволжских немцев и зовут ее Лида, как и меня.

Среди офицеров был врач. После осмотра он сказал, что у меня скарлатина, состояние крайне тяжелое. Чтобы меня спасти, нужна сыворотка. Антибиотиков еще не было. Сыворотку можно взять в немецком госпитале, который находился от нас в 30 км.

Ночь, жестокие морозы, снега под два метра, и бездорожье.

Среди пришедших офицеров, как потом сказала переводчица, был и комендант. Немцы некоторое время говорили между собой, а потом врач что-то написал на листе бумаги и передал коменданту.

В эту ночь у моей постели остались врач и переводчица Лида.

Комендант написал письмо начальнику госпиталя, в котором просил его выдать все по списку врача. Приказал достать лошадей и отправил двух офицеров в суровую зимнюю ночь в госпиталь за сывороткой. Только забрезжил рассвет, они вернулись с сывороткой.

Рано утром доктор сделал мне первый укол. Врач и переводчица отходили от меня только на завтрак, обед и ужин. Офицеры заходили в дом несколько раз в день.

Мне стало лучше, потихоньку я начала поправляться. Мама не могла сказать, сколько дней меня лечили.

А теперь о том, что я помню сама.

Было утро. Немец, оказалось, что это был доктор, посадил меня на край кровати так, чтобы я спустила ножки, придав им нужное положение, и жестами показал маме, что нужен таз. Он поставил его на пол под моими ногами, и попросил серебряную ложку. Ею он надавил мне в горле. Было очень больно, но из меня в таз вылилось то, что, видимо, меня душило. Потом полоскание, полоскание. Вечером доктор с переводчицей ушли. Со мной осталась мама. Она выполняла все, что велел врач.

Доктор приходил еще несколько дней утром, осматривал меня и, кажется, был доволен. А потом пришли все офицеры комендатуры, доктор и переводчица. Помню, я прыгала на кровати, как на батуте, а мама пыталась меня урезонить. Немцы смотрели на меня и говорили между собой. Переводчица сказала маме, что все хорошо, но мне надо хорошее питание, т.к. я очень худая, организм ослаблен. Так сказал доктор.

Комендант написал записку, а Лида сказала, чтобы мама с этой запиской приводила меня в комендатуру к обеду. Отказ не принимался.

Так я оказалась во дворе комендатуры в назначенное время. Маму во двор не пускали. Она ждала меня за воротами. Немцы были во дворе и попытались играть со мной в снежки. Но сразу поняли, что мне это не осилить, учитывая и то, как я была одета. На мне была мохнатенькая шубка мышиного цвета, валенки, теплая шапка, и все это еще перевязано платком. И они решили использовать меня вместо мячика. Встали в круг и перебрасывали меня друг другу. Помню, что я очень громко визжала, а немцы смеялись. У них было хорошее настроение.

Такие забавы были каждый день. После этого меня вели на кухню, где русская женщина-повар меня кормила. Как долго я ходила в комендатуру, и когда и как это прекратилось, я не помню. Мама перешла на другие средства поддержки моего здоровья.

Меня спасли немцы. Помню всю жизнь.

Наши пришли!

Мне кажется, что был ноябрь, а точнее — конец ноября. В тех краях этот месяц пасмурный, но теплый. Выходя из дома, окунаешься в теплый-теплый воздух. Наверное, он нагревается от земли, раскаленной за время знойного лета.

Услышав гул машин, жители стали выходить за ворота посмотреть: что гудит, кто едет. Оказалось, что нас покидает комендатура. Ехали несколько грузовых автомобилей, в кузовах под брезентом что-то лежало. А в одной из машин стоял еще и большой фикус. Это, по-моему, всех привело в состояние шока. И только одна женщина протяжно произнесла: «Ни с чем не расстанутся».

Из кабины одной из машин показалась переводчица Лида. Она прокричала: «Мы дальше Таганрога не уедем!» Почему был выбран такой рубеж, никто и не пытался объяснять. Видимо, все понимали, что это начало их конца.

У нас осталась только жандармерия. Жили надеждой на скорое освобождение.

Начало 1943 г.

Увидели нечто новое. Со стороны Сталинграда через нашу слободу шли немцы. Дорога от Сталинграда у нашего села раздваивалась: одна часть проходила через центр, а другая шла краем села. Обе дороги сходились за селом у моста через речку Калитву, а далее к Миллерову, т.е. к железной дороге.

Немцы шли по краю села. Даже с нашей улицы, если выйти за ворота, было видно, как люди в темных одеждах, а кое-где и лошади с повозками подходили к селу, сворачивали и шли краем села. Этот людской ручеек двигался медленно, но с каждым днем людей в этом потоке становилось все больше. Казалось, что уже течет черная река. Так продолжалось несколько дней. Немцы отступали.

Однажды мама вышла во двор, и мы с бабушкой услышали крик: «Наши! Наши! Наши танки!» Выбежали во двор и мы. Бабушка прикрикнула на маму: «Что ты кричишь? А если это немцы?» Но мама кричала: «Нет, наши! Я вижу ушаночки!»

На соседней улице, в том месте, где она круто спускалась к реке, стояли два танка, а на них солдаты в белых полушубках и ушанках. Наши! Наши!

Со всех домов побежали к ним жители. Нельзя передать словами чувства людей в тот момент, ту радость, которую испытывали все. Слезы, объятия, поцелуи. Все приглашали солдат в дом поесть и погреться.

А потом из танков стали стрелять по той «черной реке» из немецких солдат. Все, что мы потом видели, можно вложить в одно слово: ужас!

Убитые лошади, кругом трупы людей, части человеческих тел. Невозможно вспоминать это без содрогания, а писать нет сил, да и не сто-

ит. Лучше никому никогда этого не видеть. Долго-долго после собирали останки и хоронили. Очищали речку от трупов, а нам, детям, не разрешали заходить в реку. Одно место реки навсегда осталось «румынкой». Там затонула румынская походная кухня. Ее не вытащили. А мы потом ее использовали как трамплин для прыжков в воду.

Прошло много лет, и я стала задавать сама себе вопрос: «А надо ли было расстреливать тех немцев, на тот момент жалких, замученных, голодных и замерзающих людей, которые, видимо, не по своей воле оказались в наших краях. И пришла к выводу, что война — особое состояние, явление, которое влияет на психику людей, изменяет ее. Изменяет моральные и этические нормы поведения. Убивали не людей, убивали врагов.

Одним словом — война.

Несколько слов о судьбе оставшейся у нас жандармерии. Приход наших был для них полной неожиданностью. Они обедали, их расстреляли прямо за столом. Но трое успели выбежать, и их убили в сквере около дома. В руках у одного были хлеб и вилка. Сама видела.

Часть немцев осталась на нашей горе, на языке военных — высоте. За рекой был небольшой лес, за ним — луг, а за лугом — эта гора, приличной высоты. Немцы были на вершине. Это, наверное, те, которые прошли первыми, но до Миллерово не дошли. Активности они не проявляли, не стреляли, не пытались спуститься в село.

Видимо, был дан приказ захватить эту высоту. На штурм бросили совсем молодых солдат. Было уже тепло. Мы были во дворе, и было видно, как наши солдаты размером с муравьев ползут вверх по склону горы.

Пулеметная очередь немцев сверху, и наши мальчишки остались лежать на склоне горы. Такие попытки предпринимались дня три. Было много раненых, а еще больше убитых. В помещении клуба сделали лазарет. Туда и привозили на телегах раненых. В домах женщины разрезали марлю, проглаживали, сворачивали бинты. Мне тоже давали что-то вертеть.

Кажется, на третий день этих попыток притащили одну пушку, поставили ее за селом. Мы стояли в дверном проеме и смотрели, как одна пушка «брала» высоту. Было видно, что немцы на горе собирались группами. Потом слышали свист пролетающего снаряда, который попадал точно в группу немцев. После попадания одного или двоих отбрасывало, остальные не поднимались. Так одна пушка за несколько часов «взяла» высоту. Закономерный вопрос: «Зачем же положили столько молодых жизней?»

Потом женщины собрали тела наших солдат, привезли на телегах и похоронили в одной братской могиле на нашем кладбище.

Когда я приезжала к родителям, то, как принято у нас, всегда ходила на кладбище к могилам своих родных, и видела, что братская могила всегда ухожена, все покрашено, вокруг сделаны скамейки. Можно посидеть. Люди помнят и хранят память о погибших.

Победа!

Как только нас освободили, сразу восстановили радиосвязь. В каждом доме стали слушать радио. На улицах были установлены громкоговорители. Заработала наша местная радиостанция. Все теперь слушали сводки с фронтов, радовались продвижению наших армий, освобождению городов. Все ждали победы.

И вот 9 мая.

Все радиостанции страны сообщили: «Победа!»

По местному радио передали, что 9 мая нерабочий день! В школе отменили занятия. Люди стали собираться на площади. Восторг и радость не передать словами. Все ликовали, поздравляли друг друга.

В небе появились «кукурузники». Они кружили и кружили над селом, разбрасывая листовки: «С днем Великой Победы!»

Начались гулянья.

Но долго еще люди жили в страхе. Теперь боялись не немцев, а бандитов. Бывшие дезертиры и пособники немцев собирались в банды. Они были хорошо вооружены и организованы.

У милиции не было ни технических, ни человеческих сил справиться с ними. А они становились все более наглыми и жестокими, грабили, убивали.

Бандой, которая терроризировала Ворошиловградскую (теперь Луганскую) область и северные районы Ростовской области (севернее Каменска), включая нашу слободу, руководил дезертир Душко. Жил он с женой и двумя сыновьями в Ворошиловграде, а у нас жили его тесть с тещей. Жена ему помогала. Бандитам надо было легализоваться после войны. Они пытались добыть документы военных, чтобы переделать их под себя. Ну и грабили заодно.

Их всех поймали. Судили. Душко был приговорен к расстрелу, но в самый последний момент расстрел заменили 25 годами тюремного заключения. Таков был новый приказ. Страну надо было восстанавливать, и нужна была бесплатная рабочая сила. Он не отбыл свой срок. Там и погиб.

Жена Душко отсидела по приговору суда 20 лет. Вернулась домой. Но вскоре умерла. Дед, тесть Душко, был признан невиновным. Он ничего не знал о делах зятя и дочери. А вот бабка, теща Душко, была осуждена на 16 лет как пособница.

На борьбу с этой бандой бросили все силы после того, как они 9 мая 1946 г. убили нашего военкома Воротникова и его жену. В этот день было гулянье. Все отмечали годовщину Великой Победы. Гуляли в лесу. Оркестр, буфеты... Все нарядные, веселые, общительные. Гулянье затянулось до глубокой ночи. Там были и военком с женой и семимесячной дочкой. Старшие сын и дочь уже были выпускниками школы.

Первыми домой вернулись отец с матерью и маленькой дочуркой. Готовились ко сну. Женщина была уже в ночной сорочке, а сам военком снял только китель. Сидел за столом. Видимо, попросил закусить, т.к. на столе стояла тарелка с едой.

Его убили через окно выстрелом в висок. Он упал вместе со стулом. Жена положила ребенка на кровать, хотела выбежать из дома, но пуля настигла ее в коридоре. Выстрел в грудь. Все это увидели старшие дети, вскоре вернувшиеся домой.

На суде Душко объяснил это убийство попыткой достать печать военкомата. Почему-то они решили, что она у военкома дома. Долго ждали их с гулянья, сидя в кустах сирени под окном.

Дети Душко жили с дедом в нашей слободе, учились в нашей школе. Были очень замкнуты. В школе никогда никем не поднимался вопрос о родителях этих мальчишек. Дома говорили, а в школе — никогда.

К Сталинграду

Это было в декабре 1942 г. или в январе 1943 г.

Зима. Жестокие морозы и много-много снега. Протопили вечером печь и готовились ко сну, когда в дом стали входить немцы. Их было очень много. Они все заходили и заходили. Набилось столько, что не было возможности передвигаться внутри дома. Мне определили место на кровати у печки, а немцы сели на пол, сжавшись в комок и обхватив руками колени.

Было очевидно, что они очень устали и замерзли. Одеты были по тем морозам очень легко. Вид их был жалким.

Глядя на них бабушка громко сказала: «Господи! Когда же закончится эта война?» Вопрос был в никуда. Ответа никто не ждал. В доме немцы. Но один из них сказал: «Гитлер капут, Сталин капут, война капут». Больше никто не проронил ни слова.

Вопрос бабушки и ответ немца я запомнила.

Эпизоды войны всплывают в памяти на протяжении всей жизни. Иногда, даже чаще, без всякого повода. И когда вспоминается этот эпизод, мне кажется, что те немецкие солдаты уже тогда понимали, что они обречены. Что это была их последняя дорога, дорога в один конец.

О чем думал каждый из них, что вспоминал?

Рано утром все вышли из дома. Поехали или пошли пешком — не знаю. У нас не было слышно грохота боев, а информации никакой. Все решили, что немцев отправили в очередную мясорубку.

Через нашу слободу был кратчайший путь к Сталинграду.

Оккупанты

Первое время у нас были немцы, итальянцы и румыны. Хорошо помню цвет их одежды: немцы — зелено-голубой, итальянцы — серебристо-серый, румыны — цвет горчицы. Первыми исчезли итальянцы. Заметили, что их нет после того, как на реке погиб итальянский офицер. Аккуратно сложенная одежда и обувь были на берегу.

Жители ближайших к реке домов слышали сильный взрыв. От итальянца остались только разбросанные и развешенные фрагменты тела.

Ждали возмездия. Но обошлось. Немцы пришли к выводу, что он собирался глушить рыбу и лягушек. Граната взорвалась у него в руках.

Румыны были дольше. Служить им, видимо, было голодно. Многие женщины видели румынских солдат, которые, спрятавшись в кустах или в кукурузе, грызли сырую тыкву, которую воровали в огородах.

Когда наступили холода, остались только немцы. Солдат было мало. Была комендатура, занявшая здание милиции, и жандармерия в здании РайЗО (районный земельный отдел).

Игрушка от бабушки

Бабушка пошла в лесхоз навестить другую сноху, жену дяди Стефана, от которого все еще не было писем. Своих мальчишек тетя Сима забрала. Нас осталось семь человек.

Ни автобусов, ни машин тогда не было. До лесхоза, а это 12 км, и обратно ходили пешком. Пешком отправилась и бабушка. Вернулась она на другой день, была очень довольна прогулкой и сказала, что принесла нам игрушку.

Она дала нам большой зеленый ребристый лимон. Мы садились на пол и перекатывали эту штуку друг другу.

А через день пришел Вася. Ему уже было 14 лет. Увидев нашу игрушку, он закричал: «Всем сидеть и не шевелиться. Вы где это взяли?». «Бабушка принесла».

Вася аккуратно взял нашу «игрушку», медленно прошел к обрыву и бросил ее. Раздался взрыв.

Бабушка, не зная средств убийства, принесла нам гранату-лимонку. Когда Вася ей об этом сказал, она потеряла сознание от ужаса возможной беды.

И на этот раз смерть была рядом, но не взяла никого.

По доносу

В 12 км от нас был хутор Осиновка — довольно большое село. Там жила моя вторая бабушка и семья дяди мужа маминой сестры с очень милой фамилией — Мяконькие.

Дядя не был призван на войну, т.к. ему было уже за 60 лет. Когда пришли немцы, его назначили старостой на хуторе. Он должен был собирать продукты с населения для немецкой армии. Вручили ему список, что и сколько нужно поставить, передать немцам. Как долго он исполнял эти обязанности, я не знаю.

Но на него поступил донос, в котором сообщалось, что часть собранных продуктов он передает партизанам. Расправа была быстрой. Его арестовали. На другой день согнали всех жителей Осиновки к их дому. Связанного дядю провезли в кузове грузовика по всем улицам.

Его повесили на белой акации, которая росла у ворот их дома, на глазах у всех жителей. Снимать тело не разрешали трое суток.

Воздушный бой

Мама пошла поливать огород, и я с ней. Огород был на Стародоне — так называли старое русло нашей речки Калитвы, а это приток Северского Донца. Чтобы попасть на огород, надо было спуститься с высокого, с пятиэтажный дом, обрыва. Только мы спустились к огороду, как услышали гул летящих самолетов. Летели они и с востока, и с запада.

Бой был над лугом у Стародона.

Мама толкнула меня и упала сама в картошку у самого обрыва, прижала меня к земле. Над нашими головами был страшный рев самолетов, оглушающие звуки стрельбы. Взрывы бомб на лугу. Было ли мне, ребенку, страшно, я не помню. А вот любопытно — да. И хотя мама прижимала меня к земле, очень хотелось посмотреть, что творится вокруг, откуда этот страшный грохот, рев, зловещие звуки. И иногда после взрыва я поднимала голову. Что видела? Черноту! И огромные красные всполохи на черном фоне. Чернота — это поднятый взрывом чернозем. Неба видно не было. Никакие спецэффекты в кино не достигнут того, что происходило в реальности.

Как долго шел бой, я сказать не могу. Когда наступила тишина, мы с мамой еще долго лежали в картошке.

И на этот раз пронесло. Сбитых самолетов на лугу не было.

Пропали куры

Опять поливать огород. Я, как всегда, при маме. Спустились. Картошка, кукуруза, а дальше все грядки, которые надо поливать. Воду брали из копанки — большой ямы, вырытой на краю огорода. Дальше было болото, заросшее высоким камышом. Оно не высыхало даже в самое жаркое лето. Видимо, вода из этого болота наполняла копанку. Она быстро обрастала травой, которую приходилось скашивать. Болото было большое, шириной около 100 м, а длиной — несколько км.

И вот, когда мама набирала из копанки воду, мы услышали мужской голос: «Сестричка, принеси, пожалуйста, воды и хлеба». Я испугалась, а мама все поняла. Это наши солдаты сидят в болоте. Немцы, видимо, о них знали, потому что на верху обрыва по всей длине были установлены пулеметы, а при них немцы-пулеметчики.

На просьбу мама ответила: «Я не буду косить траву вокруг копанки. Все, что принесу, буду ставить в траву. Когда немцы будут уходить на обед, вы подползете и возьмете».

Стали каждый день носить хлеб, воду, молоко. Все забирали. А однажды, когда мама нагнулась, чтобы поставить, с вершины обрыва раздался окрик: «Я знаю, чем ты занимаешься. Смотри, чтобы дочка не осталась сиротой!» — говорил полицай. Мама ответила, что она не понимает, в чем он ее обвиняет, в чем она виновата. Полицай этот жил с женой и был нашим соседом. У нас было 4 полицая. Но этот считался самым злым. Позже говорили, что он ушел с немцами, когда они отступали.

На другой день после этого «разговора» мама утром пошла кормить кур. А они не выходят из сарая. Она зашла в сарай и нашла там одни головки. Собрала их в ведро и принесла бабушке. Они о чем-то шептались, и бабушка пошла во двор щипать их, чтобы сварить суп. Печка была во дворе. За этим и застала ее соседка, жена полицая, которая зашла похвалиться, что ее муж принес мешок кур, и она устала их ощипывать. Бабушка ответила, что нам достаточно и головок. Больше об этом не говорили. Видимо, мама с бабушкой были довольны, что заплатили только курами.

Еще несколько дней мама носила еду. Потом ее перестали забирать.

Рассказ одноклассницы

Со мной в первый класс в 1944 г. пришли две сестры. Одна была мне ровесница, а другая старше на два года. К сожалению, я не помню их имен. Жили они у дяди на нашей улице. Дяде было уже за 60, своих детей у них с женой не было. Девочки с мамой были из Миллерово — ближайшей к нам железнодорожной станции. До нее 33 км. Их папа был на фронте.

Однажды утром на их улице нашли убитого немецкого солдата. За это у немцев было стандартное наказание — жители каждого второго дома должны быть расстреляны. Никаких исключений: женщины, старики, дети. Дом девочек попал в этот расстрельный список.

Когда их вели к месту казни, мама дала наказ: «Когда начнут стрелять, падайте за мою спину. Я вас прикрою. Лежите до темноты, а когда станет темно, тихо, все уйдут, выползайте и идите к дяде. На дорогу не выходите. Идите только ночью. Днем лежите в кустах, в траве».

Старшая девочка рассказала, что когда начали стрелять, мама их забросила за себя. Она была убита, а девочки пролежали под мертвой мамой до ночи. А потом поступили так, как она их учила. Дорогу они знали — приезжали в гости раньше. Шли трое суток. Ели ягоды и траву. Старшую девочку одна пуля задела — у нее был шрам через весь лоб. К счастью, пуля повредила только кожу.

Когда война закончилась, эта семья куда-то переехала.

Моя семья и родственники

Как только нас освободили от немцев, жители создали бригаду, в которой были двое пожилых мужчин и женщины. Они ездили по полям, собирали подбитые и брошенные машины, доставляли их в мастерские

Студентка Лидия Ткачёва. 1957 г.

МТС, где ремонтировали, собирали из нескольких одну. Эти отремонтированные машины уходили на фронт. Мама была в этой бригаде. Место их работы, мастерские, выглядело ужасно: все стекла выбиты, двери вырваны. А мороз под 30 градусов. Женщины в ватных фуфайках, ватных штанах, в шапках-ушанках, валенках, и с красными, окоченевшими от холода и холодного металла руками. Мама до последних дней жаловалась на больные руки и ноги.

Но в то время никто ни на что не жаловался. И никогда я не слышала слово «деньги». Я носила маме обед, который бабушка готовила дома. Когда шла первый раз, увидела за селом большой окоп. Подошла. Он весь был завален трупами немцев. Потом я это место обходила стороной. Весной их похоронили.

Папа вернулся домой осенью 1946 г., он служил в танковой части. Я уже училась в 3 классе.

Дядя Ваня был дважды ранен. Лишился глаза. Второе ранение, осколочное, было в ногу. После войны продолжил работу в тресте «Краснодон Уголь».

Дядя Стефан был в плену. Выводили на расстрел, признавая в нем еврея. Спас его какой-то высокопоставленный немецкий чиновник и отправил на свою ферму ухаживать за коровами. О хозяине дядя отзывался хорошо, а его жену называл стервой. Говорил, что она гоняла верхом на лошади и била кнутом работников, т.е. пленных. Просто так!

Папина троюродная сестра Аня была отправлена немцами на работу в Германию. Ей было 15 лет. Завод, на котором она работала, в конце войны бомбили американцы. Ее ранило в ногу. Ногу ампутировали. Вернулась домой на костылях. Они были не такие как наши, другой формы. С ними она прожила всю жизнь.

Два двоюродных папиных брата Василий 15 лет и Ваня 13 лет жили на хуторе Антоновка, что в 7 км от нас, с отцом и мачехой. С приходом наших ушли в армию. Василия направили в летное училище, и в конце войны он уже сбрасывал бомбы на немецкие позиции. Ваня стал сыном полка. Оба вернулись домой при орденах и медалях. Ходили с гордо поднятыми головами.

Мамин брат дядя Федя делал снаряды для «Катюш».

К сожалению, все уже ушли из жизни. Осталась только я.

Оккупация вдогонку

Я училась в 10 классе. Собиралась поступать в институт. Еще не все факультеты институтов работали. Справочников не было. Прочла в газете, что открывается новый институт. Мне захотелось туда поступить, и я написала письмо, надеясь получить информацию об институте и условиях приема. Получила первый ответ: просили прислать оценки за 9 класс и первое полугодие 10 класса, комсомольскую характеристику и автобиографию. Все отправила: оценки — отличные, характеристика — превосходная и подробная автобиография.

Получила жесткий отказ: «Вы не можете поступать в наш институт, т.к. Вы были на оккупированной территории».

Как я плакала, даже не плакала, а ревела. Я кричала: «Разве я виновата, что меня, ребенка, оставили немцам?»

И тогда я поняла, что некоторые вузы будут для меня закрыты. Я не смогла получить профессию, которая мне нравилась.

Шел 1959 год. Я сдавала госэкзамены. На наш факультет приехал какой-то чиновник, который объяснил цель приезда так: в некоторых вузах открываются дополнительно факультеты ядерной физики, автоматики и телемеханики. Видимо, руководство нашей страны все же осознало или кто-то сумел доказать, что лозунг «Социалистическая собственность не устаревает» не работает. Нужны новые технологии, необходимо новое оборудование и т.д.

Нашим выпускникам с отличными оценками по физике предлагали продолжить обучение на этих факультетах. Условия предлагались хорошие. Зачисляли на 3-й курс, предоставляли общежитие и обещали стипендию в три раза больше, чем мы получали на последнем курсе. Я была среди тех, кому это предложили.

Решила посоветоваться с папой. Позвонила и все объяснила. На другой день утром получила телеграмму: «Не возражаю».

Но посидела, подумала и испугалась. А если опять когда-нибудь всплывет оккупация.

И отказалась.

Уехала на работу.

Лидия Михайловна с сыном Романом (на переднем плане), родители Ульяна Романовна и Михаил Антонович Ткачевы, двоюродный брат Иван с женой Валентиной и детьми. 1974 г.

ДВАЖДЫ В ШТРАФБАТЕ, ИЛИ ВОСПОМИНАНИЯ ДИТЯ ВОЙНЫ

Березин Виктор Иванович, 86 лет,
Заместитель председателя Совета ветеранов Зареченского района г. Тулы, майор в отставке, ветеран Вооруженных Сил ,
г. Тула

Об отце

Отец мой, Березин Иван Григорьевич, родился 4 января 1912 года на хуторе Аксаир Зилаирского района Башкирии в крестьянской семье. Затем родители переехали в Васильевку. Сегодня этих названий нет на карте, они исчезли в числе неперспективных хуторов, деревень и сел. До 1932 года отец помогал родителям по хозяйству, пока не был избран председателем Еникеевского сельсовета. В том же году отец женился на моей матери, Лапиной Полине Дементьевне, 1914 года рождения.

Судьба отца была необычная и нелегкая. Он не окончил ни одного класса школы. Родители запрещали ему учиться — нужно было работать. Но он тянулся к грамоте, был самоучкой; уже после призыва в Красную Армию в 1935 году, сдал экстерном экзамены за 7 классов школы и прошел курс младших командиров Красной Армии при Оренбургской военной школе зенитной артиллерии. После окончания был направлен служить на станцию Донгузская, под Оренбургом.

Много интересного рассказывал он мне про войну. Воевал с белофинами в 1939 году, участвовал в присоединении Прибалтики к СССР в 1940 году. В Великой Отечественной принимал участие в контрнаступлении под Москвой, в Сталинградской битве, на Курской дуге.

Военная судьба отца оказалась нелегкой. Он дважды был разжалован до рядового и направлялся в штрафной батальон. Первый раз он был разжалован за то, что на каком-то железнодорожном разъезде его солдаты, семь человек, обнаружили цистерну со спиртом... и отравились. Это был древесный спирт. Шестеро умерло, а сержант ослеп. Отец кровью своей искупил вину за подчиненных. Был ранен в руку и в живот. После госпиталя ему дали отпуск на 10 суток, и он приезжал к семье в Еникеевку.

После отпуска он вернулся в строй, опять дослужился до командира батареи и был восстановлен в партии. К тому времени в войсках на вооружении уже были знаменитые «Катюши». Отца, как имеющего боевой опыт и члена коммунистической партии, назначили командиром батареи «Катюш». Второй раз отец был разжалован до рядового, с лишением всех наград и исключением из партии за то, что когда их полк был на

переформировании под Москвой, то на батарее произошел по какой-то причине взрыв с человеческими жертвами. Кто виноват? Комбат, хотя отца на месте в тот момент не было... Снова штрафбат и снова до первой крови...

Отец был тяжело ранен в голову. Когда поправился, снова дослужился до гвардии старшего лейтенанта. Восстановился в партии и был комиссован по инвалидности. Потом долго еще писал письма в разные инстанции о возвращении наград и добивался-таки справедливости.

После войны отец стал работать сначала управляющим заготовительной конторой, затем заведующим столовой и после — заведующим сберкассой.

Отец был «щеголь». Всегда гладко выбрит, подтянут, чисто одет. Хромовые сапоги всегда были начищены до зеркального блеска. Бывало, пройдет по деревенской грязи, а сапог не запачкает.

Умер отец в 1955 году, прожив после войны всего лишь 10 лет.

Мои детские воспоминания

Я родился в конце декабря 1933 года в селе Варваринка Аль-Молинского сельсовета Чкаловской (Оренбургской) области. В 1935 году, после того как отца призвали в армию, мы с мамой переехали к ее родителям в Еникеевку, а потом отправились вслед за отцом на станцию Донгузскую, к месту его службы. Потом была служба в Кирове, Литве, и мы неизменно следовали за отцом (сегодня в России стоит проблема с рождением детей, а у моих родителей нас было трое довоенных и трое послевоенных детей — это у израненного и больного участника войны!).

Война застала нас в городе Таураге, на западе Литвы, на границе с Восточной Пруссией. Я, семилетний пацан, очень хорошо помню начало войны: первые бомбёжки, нечеловеческий ужас, горе и страдания, которые постигли вчерашних мирных граждан. Пережитое в годы войны наложило отпечаток на всю дальнейшую жизнь. Да и разве можно такое забыть? Когда мы добирались от Тауграге до Каунаса, наш грузовик на лесной дороге попал под бомбежку.

На моих глазах на руках у матери погибла маленькая сестренка Светланка, а мама была ранена. На моих глазах женщину ранило в живот... Видел, как старик со старухой, ехавшие на запряженной то ли коровой, то ли быком телеге взлетели в воздух...

Нам с мамой повезло добраться до железнодорожной станции в Каунасе и сесть в товарный поезд, направлявшийся на восток. Но в пути на поезд не раз налетала вражеская авиация, мы выскакивали из вагонов, гибли люди... В один из таких обстрелов я потерял свою маму. До сих пор помню тот ужас, который испытал, когда бегал по полю под огнем фашистского самолёта и искал её. От неминуемой смерти меня спасла чужая женщина, схватившая и укрывшая от обстрела: «Ты не

бросишь меня?» — твердил я. Но мне повезло — мама осталась жива и нашла меня в поезде. Это было самое радостное событие в моей жизни.

Более месяца добирались мы до родственников в Чкаловской области. Жизнь в тылу была полна тягот и лишений: все, от мала до велика, трудились как могли, приближая победу. Холод, голод и тяжкий труд стали постоянными спутниками. Но еще долго я боялся самолетов — заслышав гул, бежал к матери и прятался под подол...

Послесловие

Однако судьба моя распорядилась так, что я стал... летчиком. В 1952 году поступил в Первое Чкаловское военное авиационное училище, то самое, в котором с 1955-го по 1957-й курсантом был будущий первый космонавт планеты Юрий Гагарин. В 1954 году меня направили в Группу советских оккупационных войск в Германии (в этом же году ГСОВГ переименовали в ГСВГ вследствие выполнения оккупационных функций; запомнилось, как приезжал первый Главнокомандующий группы маршал Г. К. Жуков).

Но после автокатастрофы пришлось списаться с летной работы и перейти на техническую (после окончания Двинского военного авиационного радиотехнического училища ВВС). Был начальником группы радио- и радиолокационного оборудования ВВС. Потом служил в Черняховске Калиниградской области, в литовском Каунасе, 8 месяцев был в спецкомандировке в Йемене, участвовал в Чехословацких событиях 1968 года. А в Тулу попал, на Клоковский аэродром, уже после службы в Тамбове, в 1976 году.

Сейчас я давно уже в отставке (с 1979 г.). Часто встречаюсь со школьниками и студентами, делюсь своими воспоминаниями. Основная цель этих встреч — донести до детей и молодежи мысль о том, что нельзя забывать о наших предках, нужно чтить их подвиг и понимать, какой ценой была достигнута Великая Победа.

Волнует меня и вопрос придания особого статуса детям войны, ведь они — последние свидетели тех страшных событий 1941–1945 гг., т.к. участников войны становится все меньше с каждым днем.

Надо хранить память, чтобы страна наша была сильной, способной дать отпор каждому, кто посягнет на наш общий родной дом.

Записали Анастасия Карасева и Юлия Кузнечихина,
студенты 1 курса, члены студенческого научного кружка,
волонтеры МОО ИПЦ «Преемственность»
по материалам «Встречи поколений», организованной 14.02.2020 г.
в Тульском филиале РЭУ им. Г. В. Плеханова

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ВРЕМЯ[1]

Саркетова Ирина Утаровна, 75 лет,
методист Дома детского творчества,
учитель руссского языка и литературы,
учитель немецкого языка,
Отличник народного просвещения, ветеран труда,
Тульская область, г. Донской

Это было со страной, значит это
было с нами...

Р. Рождественский «Баллада о знамени»

Татьяна Ивановна Беляева
с детьми-фронтовиками

Родилась я за полгода до нашей Победы в г. Коломна Московской области в доме моей бабушки, Беляевой Татьяны Ивановны, которая ждала с фронта своих детей — двух сыновей и двух дочерей. Пятой была моя мама, которая работала на оборонном заводе. Наш дед, Беляев Петр Иванович, погиб при бомбежке в самом начале войны.

И вот все дети вернулись домой живыми — совсем как в песне «Баллада о красках» на стихи Р. Рождественского:

Оба сына, оба-двое, два крыла
Воевали до победы. Мать ждала.
Не гневила, не кляла она судьбу,
Похоронка обошла ее избу.

Повезло ей, привалило счастье вдруг,
Повезло одной на три села вокруг.
Повезло ей. Повезло ей! Повезло —
Оба сына воротилися в село.

[1] Продолжение. См.: *Саркетова И. У.* Я горжусь своим отцом // Мы помним... Книга воспоминаний и размышлений поколений. Ч. 1 /Под ред. Ю. М. Осипова, Л. И. Ростовцевой. Тула: Аквариус, 2015. С. 401–405.

Оба сына. Оба-двое. Плоть и стать.
Золотистых орденов не сосчитать.
Сыновья сидят рядком — к плечу плечо.
Ноги целы, руки целы — что еще?

На фото с бабушкой: дядя Коля — два ордена Красной Звезды, тетя Соня — старший лейтенант медицинской службы — один орден Красной Звезды, дядя Сережа — это про него известная песня «Эх, путь-дорожка, фронтовая, не страшна нам бомбежка любая...» (всю войну за «баранкой»), тетя Валя — служила в ПВО. Все они — с многочисленными наградами, герои!

У мамы тоже есть медаль — «За оборону Москвы».

А о папе я рассказывала в третьей книге поколений «Мы помним...», выпущенной в 2015 г. Он дошел до Берлина. Служил в артиллерии резерва Верховного Главнокомандования. Это их полк сделал первый мощный залп по Берлину — по Александерплатц. Тогда старший лейтенант Утар Туманович Саркетов стал капитаном.

Когда закончилась война и стало более-менее безопасно, семьям разрешили приехать к своим героям. В 1946 г. в Шверине родился мой брат Вова и у меня появилась няня — немка Луиза, очень добрая, хорошая женщина, которая возилась с нами, детьми, и помогла быстро освоить немецкий язык.

Но путь в Россию у папы был долгим: после Карлхорста, где он встретил Победу, были Потсдам, Прибалтика Приморский край (здесь стал майором). А потом был Китай (города Дальний и Порт-Артур), Владивосток, порт Находка и, наконец, Коломна.

1953 год. Черная радиотарелка на стене старого дома в городе Коломна Московской области. Вся наша большая родня в волнении и тишине несколько дней слушает сводки о здоровье вождя — Иосифа Виссарионовича Сталина. На их лицах смятение и тревога. Я, первоклассница, понимаю, что происходит что-то страшное, т.к. у женщин на глазах слезы.

А в школе все говорят шепотом. Учительница просит, чтобы ленточки в косы заплетали темные. На сталинский портрет в классе вешают черную ленту. 5 марта умер Иосиф Виссарионович Сталин. В стране траур. Плачет учительница и мы вместе с нею... Так начался новый период нашей послевоенной жизни.

В этом же году родился мой брат Юра и двоюродная сестра Таня. Жили как все — трудно, тяжело; но родители как-то выкручивались — нам было хорошо, мы, дети, плохо разбирались в тогдашней жизни. Ездили с тетушкой на речку — она полоскала в ледяной проруби белье, а мы беззаботно на санках катались с берега реки. Родители были на Дальнем Востоке (наш отец был офицер) — там было не очень спокойно, поэтому

Ирочка Саркетова

нас, детей, оставили в Коломне у тетушки. Нашим воспитанием занималась тетя Соня-фронтовичка, капитан медицинской службы, которую война свела с Героем Советского Союза Зинаидой Самсоновой и Юлией Друниной, будущей известной поэтессой. Многие помнят рефрен из ее стихотворения «Зинка» (оно посвящено этой самой однополчанке Зине Самсоновой): «Знаешь, Зинка, я против грусти, но сегодня она не в счет...».

Так вот, когда наша боевая тетушка везла на санках меня и брата в магазин за керосином, был праздник, особенно для меня, т.к. запах керосина был лучше любого запаха духов. Тогда же у меня появилась первая серьезная мечта о профессии — продавать керосин.

Потом нас увезли в Приморский край. Гарнизон располагался на сопках, где цвели и удивительно пахли пионы. Мы их ставили не в вазы, а в ведра. В помещениях стоял удивительно нежный запах этих бело-розовых цветов. А еще, я первый раз увидела на сопках багульник. Это было в порту Находка. Почему цветы в ведрах? Да потому что жили в коммуналках, без излишеств.

Уже в XXI веке попала в своеобразный музей «Арт-коммуналка» в Коломне, после посещения которого возникло горячее желание покопаться дома и принести туда то, что уже не используется в жизни нового века, но пока еще не выброшено и не забыто. И тогда я оставила там свой отзыв в книге посещений:

«Ах, коммуналка!
С детства все родное:
По длинным коридорам — «вернисаж»:
Тазы, велосипеды, то-другое...
Что ни предмет из прошлого, он наш!
Теперь несем из дома «экспонаты»:
Сифон с баллончиком, графин,
Журналы прошлых лет...
Смотрите, трогайте, ребята,
И изучайте быт, которого уж нет!»

Многие семьи военнослужащих прошли через этот простой и примитивный быт, через крепкую дружбу общежития, через честные человеческие отношения.

Кочевая военная жизнь привела нашу семью в Китай. Поначалу это была провинция Донь-Ша-Хэ с маленькими китайскими фанзами и очень дружелюбным и трудолюбивым населением. Помню, ког-

да нам привезли уголь и мы его убрали, остались крошки и угольная пыль. Прибежал китаец с коромыслом, на котором висели не ведра для воды, как нам было привычно, а плетеные плоские, как сковорода, большие корзины. Спросил по-русски, не нужны ли крошки, можно ли эти остатки собрать? И очень быстро собрал всё до последней пылинки и убежал. Через несколько минут бежит снова, на корзинах — круглые аквариумы с красными рыбками: «Это для ваших детей. Спасибо!» — и снова умчался. Вот так этот бедный человек выразил свою благодарность. Оказалось, что китайцы из угольной пыли делают брикеты и отапливают ими свои фанзы. У них не пропадало ничего, всё шло в дело, даже очистки от картошки, которые мы выбрасывали. Они их сажали.

Здесь же, в Донь-Ша-Хэ мой младший брат сделал свои первые шаги.

Папа был на службе, а мама собирала нас вечером для чтения любимых детских авторов. Мы забирались к ней в кровать, укрывались одеялом с братом, а мама, уложив младшего спать в коляске, садилась к нам и читала книги.

Это был почти ритуал — приятный, ожидаемый, счастливый...

Потом мы переехали в город Дальний, где учились в школе при Доме офицеров. Там же меня принимали в пионеры. Однажды мы с братом ехали в трамвае в школу и решили съесть по яблоку, которые мама дала для школьного завтрака. К нам подошёл очень высокого роста китаец (как нам тогда показалось), наклонился и тихонько на ушко сказал по-русски, что это некрасиво — кушать в транспорте. «Спрячьте яблоки в портфель и никогда больше так не делайте!» Вот такой урок получили мы в трамвае. Его я запомнила на всю жизнь.

А если начиналась какая-либо эпидемия, то все поголовно носили медицинские маски: и учителя, и дети, и родители, и, в первую очередь, население. Никаких исключений! Вот это дисциплина!

В городе Порт-Артур был у нас пионерский лагерь на Жёлтом море. Мы загорали, купались с удовольствием. Я так накупалась, что начала тонуть. Спасла меня моя вожатая Катя. И ещё один случай: тайфун — страшная стихия! Море, шторм, с берега смывает всё: и фанзы, и людей. А мы шли из школы. И опять мужчина-китаец схватил нас и выпихнул вверх на возвышение, на пригорок и велел бежать домой срочно! К родителям! И мы успели убежать от беды! Спасибо нашим спасителям за то, что мы остались живы!

Но были и другие китайцы. После смерти Сталина стали портиться отношения Китая с СССР. Когда я заканчивала третий класс, семьи советских офицеров стали вывозить домой. Так вот, находились китайцы, которые соглашались взрывать составы с семьями военнослужащих, уезжавшими в Союз. Были среди них молодые девушки и старухи. Помню, как через мегафон призывали население: «Выходите все! Везут диверсантов, которые хотели пускать под откос и взрывать

эшелоны с советскими офицерами и их семьями. Всем на площадь! Будет расстрел!» Мы с братом Вовой шли в школу и видели, как на открытом грузовике стояли автоматчики, а между ними со зверским выражением лица эти диверсанты. Было жутко! Но всех заставляли смотреть и зачитывали через громкоговоритель смертный приговор.

Потом власти нашли выход — перед советским составом стали пускать китайский паровоз. Если попадалась мина, то подрывался китайский машинист, а наш эшелон проходил благополучно. Это была идея китайцев и уважение к Советскому Союзу.

Мы уезжали досрочно, а это значило, что занятия в школах были сокращены. Родители-художники из нашего класса сделали нам из ватмана значки — в ромбике было написано красиво «4 кл.». Вот так в марте, мы третьеклассники, стали на полторы четверти раньше четвероклассниками. Приехали в Союз, а там ещё 3 четверть не закончилась. А у нас — счастье!

Значок «4 кл.» до сих пор хранится у меня в шкатулке, как память о том времени и об интересной стране.

Моё уникальное детство было связано с простыми людьми: добрыми, заботливыми, интересными, участливыми, трудолюбивыми. Тяжёлое послевоенное время вовсе не озлобило, не очерствило души людей, наоборот, сплачивало. И это всё отражалось на нас, детях. Мы были дружны, переживали за тех, кто болеет, помогали им делать уроки, кто жил далеко — провожали весёлыми ватагами. В кино и в клуб ходили все вместе. Вместе обсуждали фильмы, запоминали песни из них, подражали героям, брали с них пример. Но и фильмы тогда не пропагандировали насилие, зло, напротив, учили добру, дружбе, уважению к старшим, любви к Родине. Назову только несколько из них: «Дым в лесу», «Васёк Трубачёв и его товарищи», «Чук и Гек», «Алёша Птицын вырабатывает характер», «Первоклассница», «Витя Малеев в школе и дома». Много было замечательных фильмов для детей.

Ирина Саркетова (справа) с подругами

А ещё мы много читали, обменивались книгами с друзьями, стояли в очереди в библиотеках, т. к. книг на каждого не хватало. Как жаль, что сейчас почти не звучат слова: славный, душевный, пленительный, дивный, бескорыстный, а вместе с ними куда-то исчезают люди — нежные, кроткие, обворожительные, галантные. Их характеристики, к сожа-

лению, заменяются сейчас краткими, бесцветными — крутой, клёвый, суперский, прикольный, классный... Как-то становится грустно.

Бесконечные переезды нашей офицерской семьи привели нас в Тульскую область. Мы пошли учиться в среднюю школу № 8 на посёлке имени героя Гражданской войны Николая Руднева. Школа построена в 1955 г. Директор П. И. Овсянников, фронтовик. Дисциплина в школе отличная. Сам он и поёт, и танцует (хотя был инвалид — сильно хромал, но танцевал великолепно).

До сих пор перед глазами наши школьные перемены — мы выбегаем, со звонком из классов в зал, а нас уже ждут старшеклассники, берут «под белы рученьки», а директор командует: «Разучиваем, ребяточки, танец «Падеграс», показываю первое движение. Начали!» И наши «ангелы-хранители» — старшеклассники вместе с нами выписывают вензеля и «Польки», и вальсов, и мазурки, и «Падекатра». А в другие дни старшая вожатая и баянист учат с нами куплет песни. Слова — на большом плакате на стене зала. К концу года мы знаем на «5» и песни, и танцы.

Теперь уже вряд ли кто поверит, что в школьный хор брали далеко не всех и были слёзы детей и родителей, если сын или дочь не попали в хор. Руководителем его была солистка Архангельского хора Анисья Петровна Головина, у которой даже пластинки выходили. Она рассказывала, что вынуждена была продать их, чтобы выжить в голодовку 1946-го после войны.

Школьные вечера проходили так, что пели и танцевали все: и дети, и учителя, и родители. А темы вечеров — позавидовать можно! Например, «Ситцевый бал» — когда на вечере все девочки должны были быть в ситцевых платьях, сшитых своими руками. Призы были очень хорошие, например, собрание сочинений Чехова, книги Аркадия Гайдара, красивые вазочки, подносы и др. — за них боролись! Или вечер на немецком языке — когда по-русски говорить или писать записочки при игре в «Почту» было нельзя — verboten! Устроителем вечера был учитель немецкого языка И. М. Шевцов. Он всё проверял, и все старались говорить по-немецки. Или новогодние маскарады — никого без костюмов и масок не пускали. К этим вечерам готовились и просто жители посёлка, они тоже участвовали, т. к. школа была культурным и образовательным центром.

Но мы, конечно, не только развлекались, но и трудились. Сажали деревья — теперь вырос целый парк. Учились класть кирпичи, делать раствор, штукатурить и затирать — теперь это спортзал, который мы начинали строить под руководством нашего директора Павла Ивановича.

Между школами велось тогда соцсоревнование, подписывались договоры. Одно из таких мероприятий оказалось памятным вдвойне, т.к. случайно совпало с 12 апреля 1961 г. Мы уже сели в автобус, чтобы ехать в соседнюю школу, как услышали: «Человек в космосе!» Кто? Что? Толком не поняли, но было воодушевление, удивление, гордость за этого лётчика, фамилию которого мы ещё и выговорить-то толком не могли от радости. Приехали в школу № 9 (с которой соревновались) — это просто фейерверк чувств: «Космос наш! Мы — первые в мире!» В такой день подписывали договор! А потом спустя много лет узнала, что выпускник этой школы № 9 Юрий Андреевич Масюков работал в Звёздном городке. Вот такие случаются в жизни переплетения.

Учитель Ирина Утаровна Саркетова в классе

Ещё о переплетениях: закончена школа, работаю в ней вожатой. Работа нравится — столько друзей, замечательные учителя, а теперь и пионеры, среди которых Валя Ивлева и Таня Батурина — хорошие девчонки, помощницы. Потом институт с нашей красивой факультетской клятвой на могиле Л. Н. Толстого: «Клянусь первой строкой: «Я помню чудное мгновенье...», клянусь шпагой князя Андрея, клянусь лёгкой поступью Сикстинской мадонны, что буду нести просвещение в души детей...»

При распределении на работу попадаю в мкр. Комсомольский учителем, а там эти две мои девочки, о которых я написала выше. Одна — десятиклассница, у которой я веду уроки, вторая — начинающий учитель математики. Нарочно не придумаешь! Но не стала бы я вспоминать об этой странице моей биографии, если бы не ещё одна девочка из этой школы — хорошая спортсменка (бегала красиво, как лань!), целеустремлённая, стремительная и вместе с тем нежная, симпатичная, с белокурыми кудряшками, активистка Людочка Мордасова. Теперь нас с ней свела судьба снова — это потрясающий по своей глубине проект «Мы помним...» и его блистательный руководитель и идейный вдохновитель Людмила Ивановна Ростовцева — да, да! Та самая Людочка, с которой мы встретились в той школе № 11 в далёкие 70-е годы. Я тогда и подумать не могла какая сила и мощь окажется в этой стройной, миловидной, интеллигентной женщине! Поклон, уважение ей и благодарность за возможность вспомнить свое послевоенное детство и счастливую студенческую жизнь. А вообще-то всё то, что ценно и дорого человеку: семья, друзья, дом, события, время — и этими маленькими простыми эпизодами поделиться. Вспоминаю всё и всех с большой любовью!

А вот грусть, печаль и даже обида у меня на одного человека — это на М. С. Горбачёва, который назвал наше поколение потерянным. Почему и за что? За то, что мы были романтиками и взахлёб читали, учили стихи любимых поэтов-шестидесятников: Р. Рождественского, Е. Евтушенко, Э. Асадова, А. Дементьева? Если не могли приобрести сборники, то делали свои, рукописные, с вырезками из газет. Или, совершая пешие, водные и горные походы, пели дивные песни Ю. Визбора, А. Городницкого, Б. Окуджавы,

А. Дольского, В. Высоцкого, а нам подпевали волны рек и озёр, аккомпанировал костёр своим завораживающим треском.

Наверное, страсть к путешествиям и поездкам привил мне мой отец-офицер, не специально, а ненароком, т.к. переезды по стране и миру (Германия, Прибалтика, Китай) сделали нашу семейную кочевую жизнь скорее правилом, чем исключением. Смотрю фильм «Офицеры», а вижу нашу семью.

Кстати, неизвестно кем я стала бы по профессии, если б после войны мы с мамой не поехали в Германию к отцу и Луиза не научила меня в раннем детстве немецкому языку. Поступить на иняз впоследствии стало моей мечтой.

После школы я пробовала поступить на иняз в Воронеже, но не прошла по конкурсу. Конечно, было обидно, когда за спиной говорили: «В школе училась хорошо, а в институт провалилась». Не будешь же всем объяснять, что получила три пятерки и одну четверку. Одного балла не хватило! Вот тогда я и работала год вожатой в Рудневской школе. А потом с подругами поехала в Тульский пединститут. Они и уговорили поступать на историко-филологический факультет, где конкурс был, кажется, всего 4 человека, намного меньше, чем на инязе. Чтобы больше не огорчать родителей, я так и сделала в надежде, что через год переведусь на иностранный язык. Но коллектив был очень хороший, привыкла и осталась на истфиле. Хотя судьба распорядилась так, что в Комсомольской средней школе, куда меня распределили преподавать русский язык, не было учителя немецкого языка, и я стала его тоже преподавать, а потом окончила заочно и факультет иностранных языков.

Помните бумажный ромбик «4 кл.», о котором я рассказывала раньше? Спустя некоторое время я добавила к нему в коллекцию ещё три ромбика — два о высшем образовании и один — «Отличник народного просвещения». А ещё я горжусь тем, что работала месяц в Дании переводчиком, и поднялась на самую высокую вершину Европы — Эльбрус. Не пойму, почему же я из «потерянного» поколения?

Теперь это поколение ежегодно встаёт в ряды «Бессмертного полка» и проверяет себя на мирной передовой.

У моего любимого поэта Роберта Рождественского есть «Баллада о знамени», где призывно звучат слова:

Слушайте! Это было на свете.

Это было со страной,
Значит — было с нами.
Над тобой и надо мной
Вьётся наше знамя.
Слушайте! Это знамя — бессмертно!

ПЯТЬ ЭПИЗОДОВ ВОЕННОГО ДЕТСТВА

Ковалева Эмилия Зиновьевна, 82 года,
учитель английского и немецкого языков,
заместитель председателя Клуба ветеранов народного образования,
Почетный учитель МО Щекинский район,
Тульская область, г. Щекино

Анна Зиновьевна и Зиновий Родионович Ковалевы

Родилась я в Орловской области (с. Алмазово Сосковского района) в 1938 году, 1 января. Чета Ковалевых была счастлива, когда в семье появилась маленькая дочка. Мама, Анна Зиновьевна, работала в местной школе учителем русского языка и литературы, а папа, Зиновий Родионович, был директором школы, преподавал биологию и химию. Меня очень любили. Помню, как перед самой войной папа сделал качели и подвесил в дверном проеме. Я качаюсь, а мама и папа улыбаются, любуясь малышкой.

Когда началась война, мне было три с половиной года. Папа ушел на фронт. Наше село Алмазово тоже попало под оккупацию, которая на Орловщине длилась два года, до сентября 1943-го. Нелегко пришлось жителям на оккупированной территории — испытали сполна насилие, грабеж, подневольный труд. Жили в страхе.

Невзирая на возраст, мне запомнились пять маленьких, но ярких эпизодов из военного детства, которые со мною всю жизнь.

Эпизод 1

Зима 1941 года. Рыжий немец ходит с плеткой, вальяжно — как будто мы рабы. И мой первый вопрос маме: «Какой-то чужой, а какой важный. Почему он как хозяин ходит?». Я, маленький ребенок, чувствую несовместимое — чужой, а важный... Почему так? Что дало ему такое право?

Эпизод 2

Два военнопленных красноармейца переносили хлеб из передвижной хлебопекарни. Свежеиспеченные буханки укладывались на широкую

деревянную доску, которую пленные несли на плечах — один спереди, другой сзади. Одно движение плеча и... буханка падает. Мой братик подхватывает ее. Но немец на сей раз в хорошем настроении, произносит: «Цап-царап», — и отворачивается. Это — единственный раз. Обычно — плетка наготове.

Эти пленные казались мне грустными богатырями.

— Почему у них такие грустные глаза? — спросила я у мамы.

— Наверно, они вспоминают своих деток, — ответила она.

— А где они?

— Далеко.

Эпизод 3

Во время бомбежки мама хватала нас с братом и красное ватное одеяло, и мы спускались в подвал рядом со школой.

Когда немцы отступали, все взрывали. В один из дней нам по дороге встретился разъяренный немец, гаркнувший:

— Где староста?

— Не знаю, — спешно произнесла мама. Тот, что-то истерично крича, взвел курок и направил на маму. Я испугалась, повернулась к маме, уткнулась в ее колени и хорошо, что не закричала от страха и не заплакала...

С тех пор я не могу видеть пистолет, даже игрушечный... И сейчас. В памяти всплывает тот случай.

Эпизод 4

В 1944 г. я, мама и брат отправились в район за 17 км, чтобы сфотографироваться в фотоателье и послать фотографию папе на фронт по его просьбе. Брат очень волновался, ночью плохо спал и даже бредил. Потом долго шли. Сфотографировались. На обратном пути заночевали в дороге у кого-то. Но получить фотографии было не суждено — когда в назначенный день мама (уже одна) пошла за ними, фотоателье не работало.

Эпизод 5

Осень 1945 года. В сентябре мы получили похоронку на папу, Ковалева Зиновия Родионовича. Она была написана на клочке газеты... Он погиб «в бою за социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив геройство и мужество 30 января 1945 г.» и похоронен «с отданием воинских почестей» в Германии. До окончания войны оставались считанные дни... Я храню эту семейную реликвию. А мы все ждали... Мама говорила: «Возможно, в госпитале лежит и сообщить не может».

После войны я пошла в школу. С самого раннего детства я мечтала стать учителем, как и родители; в школе, естественно, училась хорошо. В наше время все очень серьезно относились к учебе, хотели быть грамотными. И моя мечта сбылась, я окончила Орловский государственный педагогический институт в 1960 году по специальности английский и немецкий языки.

Эмилия с братом Виктором

Три года я работала на Орловщине а в 1963 г. переехала в г. Щекино. Больше всего (42 года — с 1970 по 2012 гг.) я проработала в средней школе № 6, а в 2012–2015 гг. — в «Ломинцевской средней школе № 22 имени Героя Советского Союза В.Г. Серегина». Мой педагогический стаж работы — 55 лет и 7 месяцев, более полувека! Последний учебный год (2019–2020) я преподавала английский язык в СОШ № 12 г. Щекино.

За успехи в педагогической деятельности награждена грамотами комитета по образованию администрации муниципального образования Щекинский район, департамента образования Тульской области.

Оглядываясь назад, скажу, что я — счастливый человек. Мне довелось поднимать целину, быть донором, покорить не одну горную вершину. Я серьезно увлекалась горным туризмом, была в горах Тянь-Шаня, Крыма Кавказа, Алтая, любовалась Долиной гейзеров на Камчатке.

Очень люблю Тульскую областную филармонию и Тульский драмтеатр. С удовольствием посещаю концерты в Тульском колледже искусств.

А в ноябре 2017 г. мы возродили в Щекино Клуб ветеранов народного образования и деятельность нашего педагогического сообщества заметно активизировалась. Не проходит и недели, чтобы мы не приняли участие в каком-либо мероприятии: культурном, патриотическом, просветительском.

Война сильно повлияла на мое мировоззрение и поведение, научила терпеливо переносить невзгоды, физическую и душевную боль, не унывать. Моя мама говорила: «Все трудности — не страшны. Главное — чтобы не было войны». И я восприняла эти слова как напутствие.

Мое сочувствие и сострадание к другим — тоже оттуда, из военного детства. Стараюсь помочь любому человеку и сейчас — словом или делом. Война научила также ответственности — за себя, за брата, впоследствии за порученное дело, за работу. «Кто, если не я?» — мой девиз.

Когда я работала в школе № 6, регулярно проводились спортивные соревнования. Я постоянно выступала за команду школы по разным видам спорта: по плаванию, легкой атлетике, стрельбе, лыжам.

Всегда любила экскурсии, а особенно сейчас — по местам боевой славы. В последние годы мы посетили множество городов: Курск, Белгород, Орел, Волгоград; ездили в Подмосковье и по Пушкинским местам. Пандемия помешала поехать в Брянск и Смоленск. Ждем с нетерпением этих поездок и экскурсий.

МЕДАЛЬ ИЗ ВОЕННОГО ДЕТСТВА

Шаров Алексей Петрович, 90 лет,
подполковник в отставке,
заместитель председателя Тульского городского Совета ветеранов (2005–2010),
Председатель Совета ветеранов Тульского артиллерийского инженерного института (2010–2016),
г. Тула

А.П. Шаров

Родился я 23 января 1930 года в селе Гусевка Гавриловского района Тамбовской области. Когда началась война, мне было 10 лет. Наша территория считалась тыловой, но и туда нередко залетали авиамашины люфтваффе, я сам их наблюдал. Причем, порой три-четыре борта проносились над домами. Это были и бомбардировщики, и самолеты-разведчики.

Примерно в двадцатых числах июля 1941 года военкомат прислал в наше село за призывниками 32 подводы — я число это хорошо запомнил. В каждой из них разместилось по восемь-десять мужчин. Когда они поехали, абсолютно все селяне, как один, дружно опустились на колени. Воцарилось безмолвие. Слышны были только женские всхлипывания, топот лошадей и скрип колес. И тут на одной из подвод очень красиво запел какой-то призывник... А где-то месяца через три односельчане узнали, что он погиб на фронте.

Если мужчины призывного возраста ушли воевать, то пацанам достался другой фронт — трудовой. Вот и в Гусевке взрослые собрали молодежь 1928–1932 годов рождения и объявили: «Вы замените на полях тех, кто сейчас борется против фашистов».

В первый год войны за мной в нашем колхозе «Волна революции» закрепили десяток лошадей. Я после занятий в школе приходил домой, обедал, выполнял два-три домашних задания, а потом бежал на скотный двор. Там чистил стойло и раскладывал корм для лошадей. Как сошел снег, я пахал, сеял пшеницу, рожь, а после уборочной отвозил зерно на ток. Я уже мог управлять различной сельхозтехникой, например, освоил трактора «ХТЗ» и «Универсал». Помнится, тяжеловато заводить их было. Умел косить на жатке. Однако все равно процентов сорок колхозных площадей мы не могли физически засеять, просто не хватало сил и рабочих рук. Но никто из нас не ныл, даже если устал или сильно проголодался.

Начиная с 1942 года есть хотелось постоянно! Наша семья была большая (9 детей) и у нас имелся свой приусадебный участок, на котором выращивали рожь, картофель, свеклу... Но урожая хватало только до середины января. А потом, чтобы прокормиться, мы помогали по хозяйству пожилым односельчанам или семьям, где было мало едоков. За труд с нами расплачивались картофелинами. В 1943 году пришлось даже оставить школу, чтобы кормить семью; работал в колхозе — год возил зерно на элеватор в г. Кирсанов на телеге или санях из сельского пункта хранения, располагавшегося в сельской церкви. Это 40 км.

Мой отец, Петр Шаров, участвовал еще в Первой мировой и Гражданской, но его забрала Великая Отечественная война... Буквально. В молодости в армии он стал ветеринаром. В 1941-м погнал на фронт лошадей и где-то попал под бомбежку, получил ранение в руку и умер от заражения крови.

Старший брат, Федор Шаров, в 1940 году окончил Московский институт народного хозяйства им. Г. В. Плеханова. Потом ушел в Красную Армию, в ноябре 1941-го сражался с врагом в Подмосковье.

В одном из боев ринулся в атаку, а рядом взорвалась мина, получил ранение в голову. Привезли его в госпиталь, а там приняли за умершего и едва не отнесли в морг. «Гляньте, да он же дышит!» — воскликнул кто-то. И тогда раненого стали срочно оперировать. Потом десять суток пролежал без сознания, но выкарабкался, остался жив.

После выздоровления моего брата направили в Сталинград. Однажды он получил приказ переправиться на другой берег Волги и доставить вещмешок, в который сложили награды для бойцов. Явился он в комендатуру, чтобы получить разрешение сесть на борт баржи. А там разводят руками — мол, куда тебя сажать, если даже стоячих мест нет. В итоге баржа отчалила без моего брата — его смогли посадить только в лодку. И что же? Налетели немецкие бомбардировщики и потопили эту баржу. Так второй раз Федор мог погибнуть, но спасся. Трижды был ранен на фронте!

Впоследствии Федора Шарова наградили орденом Красной Звезды. Свою награду получил и я — вызвали меня в 1947 году в сельсовет, а там уже ждут председатель и представитель военкомата. Мне они вручили медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». К груди прикреплять не стали, так как медаль пристегивается на пиджак, а я был в рубашке. Принес домой и напрочь забыл про свою медаль. Долгое время ее не носил — все время работал и не до медали было. Вспомнил о награде уже в армии — вызвал меня как-то офицер и поинтересовался: а почему это военнослужащий Шаров ничего не указал в анкете про свою награду? Непорядок!

После войны я поступил в техникум механизации и электрификации сельского хозяйства в г. Кирсанов, руководил которым Петр Жирков — воспитанник детской трудовой колонии, основанной знаменитым Макаренко. А затем я связал судьбу с Вооруженными Силами СССР и был

удостоен еще одной медали — «За боевые заслуги». Дослужился до подполковника.

В августе 1951 г. был призван в ряды Советской Армии и направлен в Казанское военное зенитно-прожекторное училище войск ПВО страны, на факультет радиолокации, которое окончил в 1953 г. с отличием. Затем продолжил обучение на Центральных артиллерийских технических курсах усовершенствования офицерского состава в г. Пензе, которые окончил также с отличием в сентябре 1954 г., и был назначен в г. Калугу на должность начальника отдела хранения арсенала.

В декабре 1955 г. направлен в Одесское артиллерийское училище. В 1957 г. (с мая по ноябрь) был откомандирован в распоряжение Главного инспектора артиллерии Советской Армии генерал-полковника Барсукова адъютантом. Потом вернулся снова в Одесское артучилище, впоследствии был переведен в Пермское, а в 1960 г. — в Тульское артучилище, где прошел путь от командира батареи курсантов, командира дивизиона до преподавателя. Совмещая работу с учебой, окончил заочно в 1967 г. Тульский политехнический институт по специальности «Радиотехника».

«Светский» период моей жизнедеятельности связан с должностью старшего инженера по гражданской обороне и чрезвычайным ситуациям. С 1 января 1980 г. был избран председателем объединенного комитета профсоюза УМТС Приокскглавснаба, куда входили Брянская, Калужская, Тульская и Орловская области. И на новой работе сумел организовать эту работу на должном уровне.

Последние десятилетия много занимаюсь общественной работой по линии Советов ветеранов. Решаем проблемы ветеранов, осуществляем военно-патриотическую деятельность.

Сейчас составляю свое генеалогическое древо, нашел удивительные факты в истории семьи: один из родственников был участником Отечественной войны 1812 года, бился с французами на Бородинском поле. Французский кавалерист проткнул моего прапрадеда саблей, но тот, будучи раненым, сумел схватить противника, стащить с коня и убить. А другой прапрадед уже в ходе Крымской войны 1853–1856 гг. являлся бомбардиром, был контужен. Так что в одной только нашей семье вот столько героев было!

Имею большую библиотеку. Люблю читать. Особенно интересуюсь историей и творчеством А.С. Пушкина. Любовь к книге привил отец в детстве. Объясняю сегодня детям и молодежи — какое богатство заключено в отечественной литературе и какую силу дает знание истории! Чтобы стать Человеком, читать надо обязательно!

За многолетний добросовестный труд, профессиональное исполнение своих должностных обязанностей, активную жизненную позицию имею много наград различного статуса: медали «За безупречную службу» III степени, «За боевые заслуги», много юбилейных медалей, благодарностей главы администрации города Тулы и Привокзального района г. Тулы.

В ЖИЗНИ ЕСТЬ МЕСТО ЧУДУ

Бимбирекoв Лев Евгеньевич, 88 лет,
курсант Тульского суворовского военного училища (1944–1949),
участие в Параде Победы на Красной площади в Москве 24.06.1945,
учёба в Московском военном училище имени Верховного Совета РСФСР (1949–1951),
служба в Белорусском военном округе (1951–1955),
служба в Сибирском военном округе (1956–1959),
служба в Туркестанском военном округе (1960–1969),
служба в Московском военном округе: военком Зареченского райвоенкомата г. Тулы, Донского городского военкомата (1969–1978),
в 1978 году уволен из рядов Советской Армии в звании подполковника,
награждён 19-ю медалями, в том числе — медалью «За службу Родине в детстве» и Кадетским Крестом I и II степени,
г. Тула

Л.Е. Бимбирекoв

Не чудо ли произошло с нами в сорок первом?

Начало войны нас с бабушкой застало в Севастополе в гостях у дяди — лётчика морской авиации. С последней оказией дядя успел втиснуть нас во вторую кабину По-2, летящего с секретными документами в Москву. Как летели, где делали промежуточные посадки, я не помню. Помню только, что сели на какой-то водоём — самолёт-то был морского базирования — в Москве. Лётчик высадил нас из кабины с напутственными словами: «До Тулы добирайтесь самостоятельно».

Прибыли в Тулу, но и немец «не дремал». Пришлось в срочном порядке на полуторке с мамой и бабушкой эвакуироваться в Кострому. Ехали долго с многочисленными остановками. На одной из них в какой-то глухой деревушке в костромских лесах наша колонна беженцев встретилась с огромными стадами коров, овец и свиней. Эти стада пастухи гнали из Белоруссии, чтобы не достались оккупантам.

Так как у пастухов не было ни ниток, ни иголок, ни спичек, ни табака-махорки, т.е. ничего, они наловчились обменивать молочных поросят на всё, что можно. Нам по этому бартеру досталось три молочных поросёнка. Ни до, ни после я такого вкусного мяса не ел.

Это я к чему? К тому, что наш человек нигде ни при каких условиях не пропадёт...

***

В сорок четвёртом я — ученик пятого класса Лев Бимбиреков поступил в Тульское суворовское военное училище. Это был первый набор и, соответственно, потом первый выпуск. И через год, 24 июня 1945 года, я участвовал в знаменитом Параде Победы на Красной площади в Москве в колонне суворовцев.

За две недели до Парада нас, суворовцев, привезли в Москву, чтобы тренироваться на бетонке аэродрома в Быково и на набережной Москвы-реки у парка Горького. Жили мы в госпитале для командного состава ВВС. Один из корпусов освободили для нас. Палаты — по шесть человек. Подъём в четыре ноль-ноль. В пять ноль-ноль — посадка на машины и выезд к местам тренировок-репетиций.

Однажды сигнал «Подъём» и вдруг: открывается дверь…

До сих пор помню это неописуемое, ни с чем не сравнимое ощущение какого-то неземного, сказочного счастья.

Открывается дверь и появляется… Ангел, который ангельским голосом — нет, не произносит — поёт:

— Ребятки, вставайте!

Перед дюжиной вмиг открывшихся суворовских глаз предстаёт красавица в белом переднике с подносом в руках, на котором стоят шесть чашечек с горячим какао — аромат! — и шесть разрезанных булочек с большим куском сливочного масла между ломтиками этой неповторимого вкуса булочки.

Вот оно — счастье-то…

Денег нам не выдавали, но кормили по послевоенным временам довольно-таки сытно и вкусно.

***

7 ноября – новый Парад. 1 мая следующего года — очередной Парад на Красной площади. На этот раз тульских суворовцев поселили в освободившемся крыле военного госпиталя для лётчиков. За оградой территории госпиталя — кладбище подбитых наших и немецких самолётов.

Дырку в заборе мы обнаружили на следующий день. И пошли незапланированные и запрещённые экскурсии на это кладбище. Чего там только мы ни находили, в том числе — и запалы от ручных гранат, которые по инструкции хранились отдельно от самих гранат и которые просто по забывчивости могли остаться в кабине самолётов.

Вначале ребята просто выдёргивали чеку, бросали запальную трубку и ждали взрыва. Затем стали помещать взрыватели в различные емкости, затем…

Затем на третий день мой товарищ Толян Витушкин — о нём потом подробно расскажу — попросил меня подержать взрыватель в руке, а сам он найденной увеличилкой хочет сфокусировать солнечный луч на капсюле взрывателя. Эксперимент, понимаешь-ли, такой. Держу

взрыватель минуту, вторая пошла, Витушкин никак не добьётся нужной фокусировки. Добился наконец, но облако закрыло солнце.

В это время откуда-то с верхнего (?) этажа слышу команду громоподобным голосом, неземным каким-то: «Бимбиреков, ко мне!»

Поднимаю голову — никого. Облако начало сползать с солнца. Витушкин вновь начинает фокусировать на запале солнечный луч. Вновь нетерпеливый командный голос: «Бимбиреков, ко мне!»

Опять поднимаю голову — никого. Но не ждать же третьего оклика, не ждать третьей команды. Мы — кто: суворовцы или ещё гражданские пацаны? Команды привыкли за год выполнять быстро, беспрекословно. Отдаю запал Витушкину. Поворачиваюсь от него, в готовности рвануть на командирский, такой неприятный — у кого он может только быть? — голос, делаю три шага и… И взрыв за спиной.

Взорвался в левой руке Витушкина запал от сфокусированного солнечного луча — эксперимент завершился.

Витушкин — без пальцев на левой руке, поражены глаза с полной потерей зрения и… единственный суворовец за всю историю училища, который слепым окончил это заведение, к тому же — с золотой медалью. И стал в 1967 году лауреатом Государственной премии (за цикл работ, связанных с оценкой сложности алгоритмов), в 1976 г. — член-корреспондентом Академии наук СССР, в 1991 году — академиком РАН, математиком с мировым именем[1].

---

[1] Анатолий Георгиевич Витушкин (25.06.1931 — 9.05.2004) по окончании Тульского Суворовского училища поступил в 1949 г. на механико-математический факультет МГУ, который окончил в 1954 г. С 1 курса активно участвовал в работе студенческого семинара А. С. Кронрода и посещал семинар П. С. Александрова. За время аспирантуры (его научным руководителем был А.Н. Колмогоров) подготовил две диссертации – кандидатскую, защищенную в 1957 г. на мехмате в МГУ, и докторскую, защищенную там же на следующий год, в 1958-м [1]. С 1956 г. до конца жизни работал в МИАН (Математический институт им. В. А. Стеклова РАН), с 1965 г. преподавал на мехмате МГУ. Занимался не только «чистой» наукой, но и техническими разработками. Его выдающиеся научные результаты, созданная им научная школа «оказали и продолжают оказывать значительное влияние на развитие комплексного анализа и геометрии во всем мире», — сказано в некрологе [2]. Интерес к радиотехнике, звукозаписи, занятия музыкой (в университете посещал фортепианный класс и имел немалые успехи) породили интерес к проблемам кодирования и передачи сигналов. Усовершенствование домашней музыкальной аппаратуры являлось предметом его гордости [3].

В своих воспоминаниях В. К. Белошапка, ученик выдающегося математика, приводит факты, характеризующие учителя как личность. «В войну Толя Витушкин жил у бабушки в подмосковной деревне. Он рассказывал, как о всем тогда известном факте, что перед войной и в самом начале войны массово происходило просветление ликов икон (старые потемневшие от времени лики просветлялись). Рассказывал без оценки, просто как факт». В середине 1990-х, возвращаясь с конференции из Дюссельдорфа, В.К. Белошапка забыл сумку с 2000 марок в аэропорту и спохватился при подлете к Шереметьеву. «АГ тут же сунул мне половину своего гонорара (чтобы не огорчать мою жену)». Сумку и деньги впоследствии прислали из Германии [4]. — *Прим.ред.*

Пока раненому оказывали первую помощь, пока отнесли его в другое, функционирующее по своему прямому назначению крыло госпиталя, пока я поднялся на последний этаж, обладатель того голоса бесследно исчез.

А может, его, таинственного обладателя того громоподобного голоса и не было. В физическом понимании этого феномена?

Мистика? Чудо..?

***

На путь к Богу меня подвигло изучение своей родословной. Моя бабушка Елена Александровна происходит из рода Ляпидевских. К этому роду принадлежал и митрополит Московский и Коломенский Сергий, имеющий большие заслуги перед Православной церковью. На свои средства построил храм Сергия Радонежского в Туле, рядом с которым я сейчас живу. Мой дед Бимбиреков Николай Дмитриевич окончил Тульскую духовную семинарию, впоследствии — настоятель одного из храмов в Заречье.

В стенах этой семинарии в 1944 году было создано Суворовское училище, куда я поступил при первом наборе.

По материнской линии у нас были военные. Мой дядя капитан второго ранга Новиков Юлий Николаевич — командир полка морской авиации Черноморского флота — участвовал в обороне Севастополя, Одессы и Новороссийска. Таким образом, в моей жизни две ветви — православная вера и военная служба — тесно переплетены.

В памяти сохранился целый ряд случаев, когда глас Божий спасал меня от смерти, увечий, позора. О некоторых из них я рассказал отцу Виктору, настоятелю тульского храма Святого Благоверного Великого князя Александра Невского, а также при неоднократных встречах – митрополиту Тульскому и Ефремовскому Алексию. Его Высокопреосвященство и отец Виктор благословили меня на публичное выступление с этими историями о моем пути к Богу.

...1936 год, 19 декабря — Никола зимний.

Мне 5 лет. Бывший уездный город Крапивна. Отец — землемер: проводит размежевание земель района. Лёгкие сани, запряжённые рысаком (в санках — я и папа), подъехали к РайЗО (районный Земельный отдел): бывший барский особняк с парадным входом, высокое крыльцо. Я в заячьей шубе и тонкой, связанной бабушкой, шапке. Выходим из саней, навстречу мужик с огненно-красной лисьей шапкой в руках. Пристал к отцу: «Купи, мол, да купи эту шапку. Спасёт, дескать, она его. Тем более, что у него сегодня — день рождения». Отец отказывался, ссылаясь на отсутствие в данный момент денег. Мужик не отставал: «В любой день отдашь, я часто здесь хожу к храму».

Я посмотрел на стоящую невдалеке церковь и услышал голос (как мне показалось, исходящий с колокольни храма и обращённый прямо ко мне): «Проси папу купить шапку».

На мою просьбу папа взял шапку и нахлобучил её на меня. Незнакомец поклонился нам и быстро куда-то ушёл. Папа поспешил в здание своей конторы. Я один остался на улице и начал кататься по перилам высокого крыльца. В какой-то момент не удержался и упал назад на ступеньки входа в подвал, сильно ударившись головой (я потом приезжал на это место — высота метра четыре).

Закончив свои дела и выйдя из конторы, папа нашёл меня лежащим без сознания. Поднял, осторожно положил меня в санки и помчал к доктору. Осмотрев безжизненное тело ребёнка, тот вынес вердикт: «Если к утру придёт в сознание, значит, шапка спасла его».

Утром сознание вернулось ко мне. Отец все следующие дни искал этого мужика. Не нашёл. И никто его ни до того, ни после нигде не видел.

***

...Третий месяц войны.

Введена карточная система. Улицы перегорожены баррикадами. В стенах угловых домов проделаны амбразуры. Жителей вывозят за пределы Тулы для строительства оборонительных рубежей, копания противотанковых рвов. Школы отданы под госпитали. Часто раздаются сигналы воздушной тревоги, жители спускаются в бомбоубежища. На чердаках дежурят организованные группы борцов с зажигательными бомбами. Оборонные предприятия работают круглосуточно. Места работников, ушедших на фронт, занимают их жёны, дети. Станки, оборудование и сырьё грузят на платформы. Вместе с оборудованием отправляют и необходимое количество рабочих — эшелоны идут на восток.

Отец — на фронте. Бабушка, мама и я готовимся к эвакуации. На каждого человека разрешено взять по одному чемодану или вещевому мешку. Двенадцать семей — в основном женщины и дети — размещают в крытой грузовой машине-полуторке.

Тяготы и героизм эвакуированных ещё ждут своего летописца.

Немцы занимают Щёкино. Мы отправляемся в путь. До Костромы едем больше месяца. В пути делаем остановки для заправки и починки автомобиля, отоваривания продовольственных карточек, ночёвок и иногда — для горячего питания.

Казалось, с собой взяли всё необходимое, кроме... валенок. В Кострому прибыли в декабре. Нас разместили на окраине города в частных домах, без согласия их владельцев. Хозяев обязали обеспечить нас кроватью, посудой. Постельного белья не было, спали, укрывшись верхней одеждой. Меня прикрепили к школе в третий класс. Пропустив два месяца занятий, я, естественно, отстал от программы.

С удивлением встретил особенности костромского говора — слова произносили окая, как в поговорке: «В Костроме на той стороне все дрова

градом побило». Одноклассники дразнили меня, что говорю неправильно: «Масква, старана, карова». Девочки с интересом и недоверием слушали мои рассказы о море (что не видно другого берега), о метро и лесенке-чудесенке в нём, о Мавзолее, где, как живой, лежит Ленин. На переменах присоединялись ученики и старших классов. Внимание ко мне девочек, спор о правильности произношения слов, мои рассказы, считавшиеся враньём, злили пацанов. Назревал конфликт.

Надо же, опять — 19 декабря.

На перемене я услышал разговор одноклассников со старшими ребятами, которые собирались засунуть меня в сугроб. Решив избежать этой участи, дождался окончания последнего урока и стремглав выбежал на улицу. Поздний вечер, фонари не горят — светомаскировка. От снега расчищена только узкая дорожка — бегу по ней, сворачиваю налево. Луна заходит за тучу. Натыкаюсь на заборчик. Перелезаю через него и по пояс утопаю в сугробе. Снег мигом проникает в ботинки и рукава. Тихо. Постепенно замерзаю.

Наверное, так и закончилась бы моя жизнь, но откуда-то сверху раздался голос: «Лёва, кричи!» Что и кому кричать, не пойму. Хотел свистнуть, но губы не слушались. Снова тот же голос: «Кричи громче!» Набрав полную грудь воздуха, издаю то ли крик, то ли стон: «А–а–а!..»

Вдруг в нескольких метрах от меня открывается дверь, в освещённом проёме возник, как мне показалось, белоснежный Ангел. Потом понял, что это девушка в белом полушубке, белой шали, белых бурках с фонарём «летучая мышь» в руке. Спросила: «Кто ты? Что тут делаешь?»

Я так замёрз, что ничего не мог произнести.

Увидев моё состояние, она схватила меня за рукав, выдернула из сугроба, и я вполз на крыльцо, затем — в дом.

Тепло. «Раздевайся!» Не могу расстегнуть пуговицы — пальцы не слушались. «Ты где живёшь-то?» «У Жаровых, на Зелёной улице». Помогая раздеться, указала на огромную русскую печь: «Полезай внутрь...». Тут же пришла на ум сказка, в которой Баба-Яга на лопате сажала Иванушку-дурачка в печь. Теперь в роли Иванушки пришлось выступать мне. Створки печи раздвинулись, лезу. Внутри, на поду — солома, ушат с водой. Створки задвинулись. Стало темно и жутко. Ощупываю свод над головой, покрытый густым слоем сажи. Я этого, конечно, не вижу. Пот катится градом, вытираю его измазанными руками. Хлопнула входная дверь. Слышу голос бабушки: «Где же мой внук?».

«Да, вот он, красавец!» Открылись створки и из печи вылезаю я: голый и черномазый. «Свят, свят, свят, Господи, кто это?» Потом, узнав: «Лёвочка, что ты там делал?»

Затем — умывание, одевание. «Как ты пойдёшь в мокрых ботинках в мороз?». Моя спасительница принесла опорки. Мы с бабушкой отправились домой. Удивительно, но благодаря жару русской печи и Божьей помощи я не заболел. Утром пошёл в школу. Бабушка рассказала там о моих приключениях. Девочки меня жалели, с мальчишками я подружился.

Только весной я осознал, каким чудом было моё спасение благодаря гласу Божьему и Ангелу в образе девушки.

***

...1953 год — год смерти Великого Сталина.

В стране идёт процесс над врачами-евреями.

Я — лейтенант, командир взвода одной из частей 120-й гвардейской дивизии Белорусского военного округа, на политзанятиях рассказывал о кознях врачей-сионистов.

Однажды заступил начальником караула по охране военного объекта. Отправив караульную смену на посты, дождался возвращения предыдущей смены. Разводящий сержант доложил, что на постах всё в порядке; оружие составили в пирамиды в оружейной комнате; караульные пошли отдыхать. Я вернулся в комнату начальника караула. Через некоторое время услышал окрик часового у караульного помещения: «Стой! Кто идёт?». В ответ: «Дежурный по части капитан Фридман (фамилия изменена)». Часовой: «Начальник караула, на выход!» Приказав часовому пропустить дежурного, я вернулся вместе с капитаном Фридманом в комнату начальника караула. Ожидая, когда подойдёт время разводить следующую смену и мы с капитаном пойдём проверять посты, сели играть в шахматы. Фридман — участник войны, награждён орденами и медалями — очень переживал, что ему, еврею, на политзанятиях приходится разоблачать «врагов народа в белых халатах», врачей-евреев.

Ночь. Тихо и снаружи, и в караульном помещении. Вдруг слышу голос как бы из-за двери: «Лев, выходи!»

Очень удивился, так как никто из подчинённых назвать меня по имени не мог. Распахнув дверь, вижу прямо напротив открытую дверь оружейной комнаты. Сделал два шага внутрь. Разводящий сержант с автоматом в одной руке и магазином к нему — в другой, увидев меня: «Товарищ лейтенант, как я вам уже докладывал, когда я подвёл смену к складу ГСМ, то увидел, что трое врагов в белых халатах лезут под колючую проволоку. Скомандовал смене: «Ложись! Открыть огонь!». Двоих мы уничтожили, а третий побежал в сторону караульного помещения. Сейчас я его вижу — он за вашей спиной».

За моей спиной стоял бледный Фридман. Сержант вставил магазин в автомат и передёрнул затвор. Палец сержанта — на спусковом крючке. Всё! Всё? Как бы не так.

Спокойно говорю: «Сними автомат с предохранителя». Сержант, забыв, что передёрнуть затвор можно только со снятым предохранителем,

отводит ствол чуть в сторону. И этого «чуть» самбисту-суворовцу, то есть мне, хватило, чтобы, оттолкнув сержанта, вырвать из его рук автомат. Приказал подоспевшим караульным связать сержанта и привязать к скамье. На его губах выступила пена и он потерял сознание.

Оказалось, что сержант страдал очень редким заболеванием с припадками, искажённо воспринимая действительность. Был комиссован из армии по болезни. Капитан Фридман отделался «лёгким испугом». Меня очередной раз спас мой Ангел-хранитель…

***

Оба мои деда — Николаи (один из них — священник, окончивший Тульскую духовную семинарию, в здании которой я учился в Суворовском училище). К тому же, я родился в Николин день — 19 декабря.

Во время одной из встреч с Его высокопреосвященством митрополитом Тульским и Ефремовским Алексием я спросил Владыку:

— Чем же я заслужил такое благоволение Господне?

— Так Господь через живых и упокоившихся праведников часто указывает пути людям, предостерегает от роковых ошибок. Но не всем дано услышать, а, тем более, следовать им. Вот ты иногда им следовал, помнишь о них и рассказываешь другим. Этим ты и заслужил дальнейшее внимание к тебе свыше.

Записал Н.А. Макаров, член Союза писателей России

Литература и источники

1. Витушкин Анатолий Георгиевич. URL: http://www.mi-ras.ru/index.php?c=inmemoriapage&id=11659 (дата обращения: 31.05.2020).

2. Анатолий Георгиевич Витушкин (некролог) //Математические заметки. 2004. Т.76. Вып.3. URL: http://www.mathnet.ru/links/800671cd0ef2c90583826e72dc4425af/mzm576.pdf (дата обращения: 31.05.2020)

3. Анатолий Георгиевич Витушкин (к семидесятилетию со дня рождения). URL: http://www.mathnet.ru/links/1941924a0a8fdc91ddeff10082c2ea9c/rm492.pdf (дата обращения: 31.05.2020).

4. *Белошапка В.К.* Про Анатолия Георгиевича Витушкина (штрихи к портрету). URL: http://new.math.msu.su/tffa/memory/vitushkin/vkb_vitushkin.html (дата обращения: 31.05.2020).

МАЛЬЧИШКИ ВОЕННЫХ И ПОСЛЕВОЕННЫХ ЛЕТ

Романовский Николай Валентинович, 82 года,
доктор исторических наук, профессор,
гл. научный сотрудник Института социологии Федерального научно-социологического центра Российской Академии Наук,
профессор Российского государственного гуманитарного университета,
зам. гл. редактора журнала «Социологические исследования»,
г. Москва

Н.В. Романовский

Я родился в 1938 г. в семье лейтенанта Военно-Морского Флота Валентина Николаевича Романовского и его жены Ольги Осиповны. Случилось это во Владивостоке, «столице» нашего Тихоокеанского флота. По военной специальности на флотском языке он назывался офицером БЧ-3 — минно-торпедной боевой части. Он прошел все ступеньки «минно-торпедной лестницы» — от службы на малом боевом корабле до контр-адмирала, главного минера ВМФ СССР; участвовал в боях на озере Хасан (1938 г.), в советско-японской войне (9 августа — 2 сентября 1945 г.). На испытаниях термоядерного оружия в 1955 г. облучился, уволен в запас в 1960 г. Умер в 1973 г. в 66 лет. Был награждён орденами Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны I степени, двумя орденами Красной Звезды, рядом медалей.

До 1952 г. я жил в среде, где все мужчины носили военную форму. Часто переезжали — пришлось сменить 7 школ. Окончил факультет переводчиков Первого Московского государственного педагогического института иностранных языков им. М. Тореза в 1960 г.: английский и немецкий языки.

В последние годы я все более убеждаюсь, что война стала главным событием моей жизни. Незаметно она формировала меня и мой жизненный путь. «Если завтра война…» — не песня, а реальность тех лет, десятилетий. Хотя в силовые структуры я не пошел, но дослужился до ст. лейтенанта в запасе, т.к. в моем вузе была военная кафедра, проходил офицерские сборы. Всегда помнил и воспринимал всерьез, что в военном билете у меня было написано: «В случае начала военных действий, не дожидаясь объявления войны, явиться и т.д.».

Но дело даже не в этом, а в том, что вся атмосфера жизни в стране, в школах и городах, где я учился, судьбы знакомых и друзей, общение с учителями и преподавателями и т.п. после 1945 г. в СССР были заполнены войной: её участниками, усвоенными ими и передававшимися нам личными установками, привычками, даже немецким языком в качестве иностранного в школах и вузах (у меня и жена немецкий в МВТУ преподавала — вечная ей память), донашивавшимся обмундированием времен войны, наконец, памятью, всех объединявшей (как-то очень долго не попадались мне те, для кого война была чем-то иным, нежели для меня).

Служил не в армии, но служил как в армии — Родине, комсомолу, партии, да и науке тоже служил без оглядок и оговорок — солдат всегда солдат. «Солдат партии» звучало как похвала, но, когда все посыпалось в стране, солдаты привычно ждали приказа — а его не последовало.

Память сохранила яркие эпизоды детства. Запомнился первый день войны — радио транслирует военные песни и марши, потом речь Молотова. Ушел дислоцировавшийся у нас полк.

Мы — в Советской Гавани. Отец, флотский офицер, перед войной думал, что война начнется на Дальнем Востоке — туда и попросился. Страшно подумать, что бы устроили нам японцы — они были в 43 морских милях от нас; в г. Маока у них стояла дивизия, а с нашей стороны — горно-стрелковый полк. Осенью 41-го нас хотели эвакуировать в Самарканд, но не стали, наверное, по данным Р. Зорге.

Вспоминаю, как мать (ей некогда было радио слушать) как-то спросила: «А что, Харьков взяли?» Его брали не раз и все большой кровью.

Помню Победу — среди ночи поднялась стрельба, в небо летели ракеты и трассы от пуль.

Ни меня, ни мою семью и даже родню (у них в Одессе румыны не столько зверствовали, сколько спекулировали) война не коснулась своей жестокой беспощадностью. Один из дядьев лишился зрения, застудившись зимой — их полуторка со снарядами застряла посреди реки. И всё. Но война — всё равно главное событие в моей жизни и жизни моей страны.

Сейчас ругаю себя, что не расспрашивал участвовавших в войне, видевших её. Да что не расспрашивал — не заговаривал даже с собеседниками о войне. Так, кто-то что-то упомянет по ходу разговоров. Сейчас понимаю, насколько эти свидетельства важны для меня сейчас, когда как социологу приходится иметь дело с сюжетами, связанными с войной.

Мальчишки военных и послевоенных лет — тема особая — «картина маслом». Играли в войну, рвались на фронт, ненавидели Гитлера, с восторгом смотрели фильмы, читали книги про войну, ничего в ней не понимая.

Всплывает в памяти эпизод, как нашли снаряд, неразорвавшийся. Внутри — медная деталь, которую можно сдать в металлолом — копеек 40 на мороженое получим. Хорошо, что среди нас оказался «эксперт», переживший, видно, бои вокруг дома — он распознал, что снаряд немецкий, поэтому скомандовал выкручивать деталь влево (в русских снарядах — наоборот, вправо). Не ошибся, не взлетели на воздух.

Или вспоминается фраза мальчишечьего рассказа: «Нас милиционеры из соседнего отделения притесняли. Мы нашли гранату и хотели кинуть её им в окно». Не кинули почему-то — и слава богу.

Взрослые о войне говорили мало. Думаю, причина одна — это был невообразимый ужас. Не хотелось помнить, не то что вспоминать. А тем, кто с этой стороной войны не был знаком (по разным причинам, включая уважительные), были убеждены, что они войны не знают и не имеют права о ней говорить.

Рассказывали чаще забавное: «Пришли в Берлин, в батальоне полуторка. Кто-то говорит — едем в Париж. Я не поехал, а они поехали, через неделю вернулись. «Хорошо погуляли», — говорят. Мы было кинулись, а на Эльбе уже проезд перекрыт...»

Редко, но прорывалась память и о том ужасном, что есть война — видно, нужно оставить все же память наследникам. Святое поколение: участники войны — наши отцы и деды!

Негодяев, предателей вспоминать не хочется. Но они были. Как-то в Севастополе я невольно стал свидетелем обмена мнениями матросов — кто хуже: власовцы или эсэсовцы. Мнения разошлись (но слышал байку, что матросы по ночам охотились на пленных эсэсовцев).

Помощь союзников вспоминали — тоже дело святое, хотя и здесь не все однозначно.

Уже когда стал коллегой профессоров, заметил, что участники войны не идут читать лекции немцам из ГДР — не могут себя не то заставить, не то преодолеть. Эту нагрузку нес я.

В 1988 г. в небольшом западногерманском городе меня однажды пригласили в пивную и там довелось разговориться с немцем, стройным, голубоглазым: «Мне повезло, — сказал он, — меня сбили в марте 42-го. Жив остался. В лагере в Тучково работал». А у меня дача в Тучково. Выпили за Тучково.

Кстати, ветераны войны — к концу советской истории это стало ясно — были разными, бытие определяло их сознание. Все они святые. Но разные. Да и не только к концу — сделайте контент-анализ выступлений участников войны на Пленуме ЦК КПСС, снимавшем со всех постов Г.К. Жукова. Нашлись и завистники, и карьеристы, и бездумные «солдаты партии».

Фальсификации истории — половина моей жизни в науке, обе диссертации (1968 и 1980) об этом. Правда, их объект — литература о на-

чале XX в. в аспекте истории КПСС. Четверть века я не вылезал из спецхранов. Могу экспертно оценить эту сферу знания.

Фальсификация истории — сталинское выражение — см. издание 1948 г. «Фальсификаторы истории (Историческая справка)». Там есть все то, вокруг чего и сейчас разгораются споры в связи с предвоенной политикой заинтересованных сторон. А приемы, методы — те же. Просто сейчас еще и цифра используется — выросли когорты, которые слепо верят экрану, ничего, кроме сказанного компьютером, не читают, не знают. Дурачить таких — очень просто. Следов почти не остается, ответственности никакой. Это чистая политика и тогда, и сейчас, только цели и аргументы разные.

В фальсификациях сегодняшнего дня есть аспект, частично незамечаемый, частично намеренно скрываемый. Речь идет о концепции (или, по словам ученых ГДР, доктрине) тоталитаризма.

На стыке советского и постсоветского режимов в академических кругах шли дебаты об этой доктрине. Мнения разделились с перевесом в пользу её сторонников. Хотя мне их позиция не виделась убедительной. Однако время было такое — разгул демократии. На том и остановились в разборе этой доктрины, а она живет. Нет-нет, да и назовут Советский Союз (с его вождями) тоталитарным. И проходит незамеченным.

Впрочем, есть иной — моральный аргумент. Спросите о тоталитаризме, о том, что значил для «тех, кто воевал», социализм и фашизм, Сталин и Гитлер, по примеру Твардовского, мертвых:

Пусть не слышен наш голос,
Вы должны его знать.

Моя многолетняя работа над собственными публикациями с оглядкой на цензуру, на «рамочные условия» моего времени сказываются. «Тоталитаризм» удаляю.

По-иному не могу. Память о войне.

«МЫ НИКОГДА НЕ ЖАЛОВАЛИСЬ»

Пашкина Ольга Владиславовна, 20 лет,
студентка 2 курса заочно-ускоренного отделения направления «Экономика» Тульского филиала РЭУ им. Г.В. Плеханова, техник АО «Щегловский вал»,
научный руководитель — Ростовцева Людмила Ивановна, д.социол.н., профессор кафедры гуманитарных дисциплин, г. Тула

В. А. Красникова

Трудное детство досталось нашим бабушкам и дедушкам. Приходилось голодать, мерзнуть, прятаться от страшных бомбежек во время Великой Отечественной войны. Но, несмотря на все перенесенные трудности, они не потеряли веру в счастливое будущее – стремились стать полезными для нашего общества.

Моя бабушка, Валентина Алексеевна Красникова, родилась 7 июля 1935 года. Родом из Пошехонья, поселок Погорелка. Ее детство пришлось на военные годы, но можно ли назвать это детством в нашем современном понимании? Царил голод, нечего было есть. А семья большая — семеро детей, бабушка — самая старшая.

Приходилось очень трудно, нужно было всячески помогать старшим. Многие дети в свободное от учебы время участвовали в срочном выполнении заказов фронта. Уже дошкольницей и потом школьницей Валентина работала до и после уроков: изготавливала валенки, варежки, носки. Делала горшки, собирала лекарственные травы. И, несмотря на все тяготы, успеваемость в школе была отличная.

Бабушка всегда мечтала стать учителем. После войны она поступила в педагогическое училище, чтобы стать учителем младших классов. Всю свою жизнь она посвятила воспитанию и обучению детей. Прекрасно играла на фортепиано, свободно разговаривала на немецком языке.

Потом уехала в Тольятти, начала работать. Там познакомилась с дедушкой, вышла замуж. В тот момент он был еще лейтенантом.

Мой дедушка, Николай Александрович Соболь, родился 5 января 1935 года (в документах 25.06.1936) в Минске. Семья жила в деревне Бродец Минской области.

Так как многие мужчины с началом войны ушли на фронт, вся работа легла на плечи женщин и детей. Будучи маленьким мальчиком, он помогал своей маме по хозяйству, пришлось работать в колхозе. В семье он

Н.А. Соболь

был старшим и всегда заботился о младших брате и сестре. В школу пошел учиться только в 10 лет.

Дорога в школу была долгая — десять километров туда и обратно. Невзирая на грязь, снег, вьюгу и холод, надо было идти полем и лесом. Это было физически очень тяжело. Многие из ребят бросили учебу, но деда это не напугало. Он терпел, так как у него было страстное желание получить знания и лучшим образом устроить свою жизнь. Лишь он один из деревни продолжил образование — поехал учиться в Харьков. Поступил в Высшее артиллерийское училище, закончил его с отличием.

Дед посвятил свою жизнь военной службе и дослужил до звания подполковника.

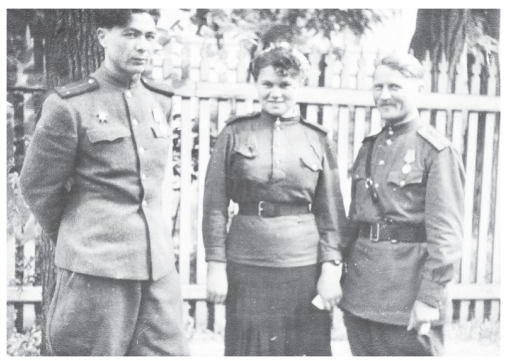
Великая Отечественная война оказала огромное влияние на судьбы людей, и даже в наше время эта тема не теряет актуальности, направляя взор сегодняшних поколений к далеким фронтовым годам, к истокам подвига и мужества нашего народа.

Для моей бабушки и дедушки детство закончилось в июне 1941-го. Бомбежки, сотни раненых — все это и сегодня перед их глазами.

Как к завещанию я отношусь к бабушкиному рассказу о том суровом времени: «Отец ушел на фронт, мать с трудом могла прокормить семерых детей. Впереди было еще много лишений — смерть друзей, близких родственников. Война научила самому главному — ценить жизнь.

Я знаю, что у человека есть самое ценное, самое дорогое, самое важное, что держит его здесь, на земле — это его непоколебимая сила духа, внутренний стержень человека.

Мой отец, Красников Алексей Григорьевич, родился 12 февраля 1911 года в городе Ярославле. Он был очень умным, грамотным человеком. Преподавал в школе, позже стал директором. Дошел до Берлина. Награжден орденом Отечественной войны II степени и другими медалями.



А.Г. Красников (справа). 1944 год.

Мы равнялись на него, старались не подвести, выполняли изо дня в день, с раннего утра и до позднего вечера, тяжёлую физическую работу в колхозе и дома. Но никогда не жаловались, не говорили, как нам тяжело, больно или трудно. Просто много лет подряд делали то, что нужно: для фронта, для победы, ради жизни, ради других, не думая о себе, своих проблемах и бедах».

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ТРАВМЫ ДЕТЕЙ ВОЙНЫ

Стерлина Вера Валерьевна, 62 года,
генеральный директор Некоммерческого партнерства «Русская усадьба»,
кандидат экономических наук,
лауреат премии «Хранитель Наследия»,
г. Москва

Когда мы говорим от Великой Отечественной войне, то звучит тема героев, подвигов и многочисленных жертв. Мне бы хотелось рассказать о тяжелых психологических травмах детей войны.

Мой дед, Крутов Иван Васильевич, курсантом Академии им. Ф.Э. Дзержинского ушёл на фронт и провоевал артиллеристом с первого и до последнего дня. Был ранен, вернулся в строй и войну закончил в звании полковника в Будапеште.

Свою семью — молодую жену с двумя девочками 1935 и 1939 г.р. — дед оставил в Сталинграде. Старшая девочка — это моя мама Галина Ивановна Крутова.

Жизнь мамы сложилась очень удачно. После окончания школы она сразу поступила на химический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. Там встретила моего папу Косынкина Валерия Дмитриевича, и вместе они прожили счастливо 62 года. Папа сделал хорошую карьеру: доктор химических наук, академик, дважды лауреат Государственной премии, имеет большое число изобретений и патентов. Родители всегда были активными, окружёнными многочисленными друзьями и приятелями. Часто собирались компаниями. В последние 20 лет жизни они построили большой просторный дом, как мечтали, чтобы вся семья могла собираться, чтобы приглашать друзей. Но... из многих светлых комнат этого дома моя мама выбрала себе комнату в полуподвальном этаже с маленьким окошком-амбразурой и не принимала никакие доводы, чтобы «повысить этажность». Ей было комфортно и «безопасно» именно в такой комнате. У всех членов семьи это вызывало недоумение, но понять причину я смогла только после маминых детских воспоминаний о войне.

В последние годы жизни она вдруг стала иногда вспоминать, как они пережили 1942–1943 годы в Сталинграде: страшную бомбежку, гибель при авиаобстреле нескольких пароходов, перевозивших (только!) детей на другой берег Волги, на глазах их матерей, рытьё окопов, гибель трехлетней сестренки под бомбежками, выкапывание блиндажей и жизнь в них (отсюда эта «безопасная» комната в полуподвальном этаже)...

Но самое страшное детское воспоминание — Волга в огне! При наступлении немецких войск в ходе обстрела были повреждены нефтехранилища местного завода. Нефть разлилась и загорелась.

Чтобы понимать стихию этого зрелища, когда огромная ширь реки горит до самого горизонта, надо побывать в Сталинграде, увидеть и прочувствовать волжский размах.

7-летний ребёнок просто оцепенел от страха!

Последняя надежда на спасение — перебраться на другой берег Волги и вырваться из этого ада — пропала. Единственное спасение — зарываться в землю!

Недавно мою 7-летнюю внучку укусил соседский доберман. Мы целый год занимались с хорошим психологом, чтобы устранить последствия пережитого шока!

После этой истории я ещё более остро представила мою 7-летнюю маму под бомбежками, в аду горящей Волги... Психологи тогда не помогали. Выжила — и хорошо.

Насколько я помню, у мамы всегда был очень тяжелый и неуравновешенный характер, с периодическими приступами необъяснимой агрессии. Это было поводом для многих моих обид. Но так сложилось, что меня воспитывали в основном бабушка с дедушкой (Крутовы). Всю мамину «любовь» и характер в полной мере на себе испытал мой младший брат, и это у него оставило много психологических травм и отрицательно сказалось на формировании его карьеры и семьи.

Уже 3 года как нет моей мамы. Я многое поняла и давно забыла все обиды. Пытаюсь убедить брата поступить так же.

Но своим откровенным рассказом я хотела подвести к мысли: представьте, сколько таких детей, зараженных страхом войны, выросло, родило и вырастило своих детей. Насколько эти дети могут быть свободны и успешны в формировании своей благополучной жизни?

Война страшна не только жертвами и разрушениями. Она поражает детские души вирусом страха, травмирует детскую нервную систему! И потом этот вирус передаётся следующим поколениям в психологических комплексах и пороках. Восстановление городов и деревень из руин — это ещё не конец войне. Переболеть и избавиться от военного вируса страха — настоящая и окончательная победа в Великой Отечественной войне!

Глава 4. НАШИ ОТЦЫ ВОЕВАЛИ И ДЕДЫ

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ГЕНЕРАЛ-МАЙОР АВИАЦИИ ИВАН ПАВЛОВИЧ ЛАВЕЙКИН

Лавейкин Александр Иванович, 68 лет,
лётчик-космонавт СССР №61,
Герой Советского Союза,
полковник запаса,
заместитель директора Музея космонавтики,
г. Москва

И.П. Лавейкин

Пример отца

Мой отец, Герой Советского Союза генерал-майор авиации Иван Павлович Лавейкин, родился 2 августа 1921 года в Смоленске. Детство и юность были очень тяжёлыми. В возрасте трёх лет потерял отца, Павла Николаевича, который работал на железной дороге и трагически погиб, выполняя служебные обязанности. Чуть позже — маму, Ольгу Маркеловну. Переехал в Брянск.

Трудовую деятельность начал рано. Поступил грузчиком на Брянский Красный Артиллерийский механический завод. Там же освоил профессию фрезеровщика.

Мечтая с юношеского возраста о небе, начал учиться летать в Брянском аэроклубе.

В феврале 1938 года Иван Лавейкин добровольно вступил в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии и был направлен в Одесскую военную авиационную школу пилотов имени Полины Осипенко.

В декабре 1940 года, после окончания лётной школы и стажировки в запасном авиаполку, Иван Лавейкин был направлен служить в 33-й истребительный авиационный полк Западного особого военного округа на аэродром Пружаны, недалеко от Бреста. Здесь встретил Великую Отечественную войну.

Из воспоминаний И. П. Лавейкина

22 июня полк был поднят по тревоге. Вскоре над аэродромом появился фашистский разведчик — легкомоторный немецкий самолёт «Физелер-156 “Шторх” (“Аист”)» — и на высоте 60–90 метров проследовал в сторону Бреста. Звено старшего лейтенанта Фёдора Илларионовича Мочалова поднялось в воздух. После того как стрелок немецкого самолёта открыл огонь, наши лётчики уничтожили фашиста. Возможно, это был первый сбитый в войну немецкий самолёт.

После возвращения Фёдор Мочалов сказал:

— Брест горит. Похоже, война...

Вскоре начался массированный налёт на аэродром. Немецкие бомбардировщики Ю-88 и Хе-111 сбрасывали бомбы, а «мессершмитты» носились над лётным полем и сжигали наши «ишачки».

И всё же наши лётчики под непрерывным огнём сумели взлететь и сбить пять фашистских самолётов.

Заместитель командира эскадрильи старший лейтенант Степан Митрофанович Гудимов сбил немецкий бомбардировщик и, истратив боекомплект, пошёл на воздушный таран — может быть, первый в войну. После удара «Хейнкель-111» развалился на части. К сожалению, И-16 Степана Гудимова также получил повреждения и стал неуправляемым. Гудимов покинул его, но обломок вражеского самолёта погасил купол. Над местом гибели нашего пилота, покачиваясь на парашютах, снижались восемь фашистских лётчиков — два экипажа сбитых им бомбардировщиков противника. Это были первые гитлеровские пилоты, попавшие в плен в первый день войны.

Иван Павлович часто вспоминал воздушное сражение в ходе Ржевско-Сычёвской наступательной операции в районе посёлка Полунино недалеко от Ржева (5-й ГИАП[1] входил в состав 3-й воздушной армии) восьми наших истребителей ЛаГГ-3 против шестнадцати недавно появившихся на Восточном фронте новейших Ме-109F «Фридрих». Это было в день, когда ему исполнился 21 год, — 2 августа 1942 года.

Из воспоминаний И. П. Лавейкина

В этом бою среди гвардейцев были В.А. Зайцев, В.В. Ефремов, П.И. Песков, А.А. Кондратюк, Г.Д. Онуфриенко — пять Героев Советского Союза, был я — в то время заместитель командира эскадрильи 5-го Гв. ИАП, сержанты Евгений Быковский и Виталий Попков, недавно к нам прибывшие.

Сначала удача сопутствовала немцам, им удалось сбить два наших самолёта, тяжело ранены были Павел Ильич Песков и Женя Быковский, они вынуждены были покинуть неуправляемые машины. Но в ходе дальнейшего боя мы сбили шесть фашистских самолётов, причём одновременно с нашими товарищами, опускавшимися на парашютах с квадратными куполами, опускались четверо фашистов на круглых парашютах, затем ещё два парашютиста, покинувших немецкие самолёты. В этом бою мы показали гитлеровским асам, что гвардейцы способны вести бой, даже если они нас превышают по численности.

[1] ГИАП – гвардейский истребительный авиационный полк.

В этом бою гвардии капитан И. П. Лавейкин сбил фашистский самолёт Ме-109F немецкого аса Ричарда Лепплы, командира 3-й группы 51-й истребительной эскадры «Мёльдерс», имевшего пятый рейтинг в Люфтваффе. Кстати, именно Р. Леппла участвовал в налёте на аэродром Пружаны в первый день войны. Зайдя в хвост фашисту, отец открыл огонь. Леппла получил ранение в руку и в голову, потерял глаз. Смог выброситься на парашюте, но в войне уже не участвовал.

И.П. Лавейкин. 1941 год

В сентябре 1942 года Иван Павлович Лавейкин был назначен на должность командира 2-й эскадрильи 5-го гвардейского Берлинского Краснознамённого ордена Богдана Хмельницкого истребительного авиационного полка.

Это был прославленный, самый результативный по сбитым самолётам противника полк. С сентября 1942 года командовал полком дважды Герой Советского Союза Василий Александрович Зайцев.

20 июля 1943 года в ходе Изюм-Барвенковской наступательной операции (5-й ГИАП находился в составе 17-й воздушной армии), прикрывая переправу через реку Северский Донец и войска на плацдарме южнее посёлка Червонный Шахтёр, ведомые гвардии капитаном И. П. Лавейкиным 12 Ла-5 вступили в бой с 35-ю истребителями противника Ме-109F и ФВ-190, 12-ю бомбардировщиками Хе-111 и 18-ю Ю-87. Наши лётчики сбили семь самолётов, из которых два Ме-109F сбил ведущий.

15 августа 1943 года в ходе Донбасской наступательной операции в районе города Изюм девятка Ла-5 И. П. Лавейкина вступила в бой со 120-ю самолётами противника. В результате воздушного боя сбили шесть и подбили четыре самолёта врага.

14 октября 1943 года в ходе Запорожской операции, прикрывая войска в районе Запорожья, наша восьмёрка Ла-5ФН встретилась с 25-ю Ю-87, 13-ю Ю-88, четырьмя Фв-190 и двумя Ме-109G. Результат: сбито четыре самолёта противника, из них два бомбардировщика Ю-88 и Ю-87 сбил командир эскадрильи гвардии майор Иван Павлович Лавейкин.

Лётчики эскадрильи только за 8 месяцев 1943 года уничтожили в воздушных боях 129 фашистских самолётов, потеряв 10 своих машин и четырёх товарищей.

В 1943 году на участках фронта, где воевал 5-й ГИАП, с немецкой стороны в боевых действиях принимала участие 52-я истребительная эскадра «Флиглиге Шверт» («Летающий меч»), в состав которой входили такие известные асы, как Эрик Хартманн и Гюнтер Ралль, якобы сбившие несколько сотен наших самолётов каждый. Что-то не ладилось у немецких асов с системой регистрации и подтверждения побед, если только одна эскадрилья Ивана Лавейкина имела счёт 13:1.

Из книги Ильина Н. Г. и Рулина В. П. «Гвардейцы в воздухе»

Однажды в жаркий полдень на полевом аэродроме полка приземлился По-2 с тремя голубыми полосами на киле.

— Начальство прилетело, — доложил дежурный по КП старший лейтенант Николай Григорьев.

По-2 подрулил к командному пункту. Лётчик выключил мотор. Из самолёта вышел командующий 17-й воздушной армией генерал-лейтенант авиации В.А. Судец.

Командир и комиссар доложили ему о состоянии полка.

— Постройте полк, — коротко приказал генерал.

— Новое задание, товарищ командующий? — попытался Зайцев определить причину срочного сбора.

— Сейчас узнаете.

Через некоторое время командир полка уже отрапортовал:

— Товарищ генерал, личный состав по вашему приказанию построен.

— Слушай Указ Президиума Верховного Совета СССР, — громко оповестил начальник штаба полка.

— За мужество и отвагу, проявленные в боях с немецко-фашистскими захватчиками, — зазвучал голос генерала, — Указом Президиума Верховного Совета СССР от двадцать четвертого августа тысяча девятьсот сорок третьего года двум вашим лётчикам: командирам эскадрилий Лавейкину Ивану Павловичу и Дмитриеву Николаю Павловичу присвоены звания Героев Советского Союза.

— Служу Советскому Союзу! — чётко произнёс в ответ Лавейкин.

Мысленно он повторил эти слова и за Дмитриева. Далеко сейчас тот, в Москве, в госпитале после тяжёлого ранения в воздушном бою.

Дружное гвардейское «ура» прокатилось вдоль строя. Все ликовали.

— Командира полка, Героя Советского Союза гвардии подполковника Зайцева Василия Александровича, — продолжал генерал, — этим же Указом правительство наградило второй «Золотой Звездой» Героя Советского Союза.

И снова многоголосое «ура».

Тут же состоялся короткий митинг личного состава. Его открыл заместитель командира полка по политчасти гвардии майор Виктор Петрович Рулин.

— Мы переживаем сегодня, — сказал он, — огромную радость. Наш славный командир Василий Александрович Зайцев награждён второй медалью «Золотая Звезда», а лучшим нашим лётчикам — гвардии капитанам Ивану Лавейкину и Николаю Дмитриеву — присвоено звание Героя Советского Союза. Вместе с тем эта награда и для всех нас. Мы обещаем умножать славу гвардии нашей авиации.

1 мая 1945 года в 12 часов с аэродрома Альтено, рядом с немецким городом Луккау, по приказу командующего 2-й воздушной армией 1-го Украинского фронта генерал-полковника Степана Акимовича Красовского взлетели истребители и взяли курс на Берлин. Знамёна находились на самолётах Як-3 лётчиков 7-й гвардейской истребительной авиационной дивизии полковника Г. А. Лобова. Первое знамя размещалось на двухместном самолёте-спарке гвардии майора И. А. Малиновского, в задней кабине которого со знаменем сидел корреспондент армейской газеты капитан А. М. Хорунжий. Второе знамя размещалось под посадочными щитками самолёта старшего лейтенанта К. В. Новосёлова. Шестёрку Як-3 почётного эскорта пилотировали лётчики Главного управления боевой подготовки фронтовой авиации ВВС — дважды Герой Советского Союза А. В. Ворожейкин, Герои Советского Союза И. П. Лавейкин, П. И. Песков, П. В. Полоз, А. Г. Ткаченко и К. М. Трещёв.

«Яки» прошли над набережной Шпрее над колоннами танков 1-й гвардейской танковой армии. Танкисты сидели на броне и, размахивая своими шлемами, криками «Ура!» приветствовали парадный строй истребителей.

Недалеко от здания рейхстага горело бензохранилище. Сориентировавшись по направлению чёрного дыма, самолёты проследовали точно над зданием. В небе вспыхнули алым цветом два шестиметровых полотнища с надписями «Победа» и «Да здравствует 1 Мая!»

За годы Великой Отечественной войны И. П. Лавейкин совершил 498 боевых вылетов, провёл 106 воздушных боёв, лично сбил 24 самолёта противника и 15 в паре со своими ведомыми.

Участвовал в Смоленском сражении, обороне Москвы, Ржевско-Вяземской и Ржевско-Сычёвской операциях, Сталинградской битве, Ворошиловградской операции, Курской битве, Изюм-Барвенковской, Белгородско-Харьковской, Донбасской, Запорожской, Днепропетровской и Львовско-Сандомирской стратегических операциях, в Берлинской битве и освобождении Праги.

Кроме «Золотой Звезды» Героя Советского Союза (№ 1113) его грудь украсили четыре ордена Красного Знамени, два ордена Отечественной

войны I степени, два ордена Красной Звезды, орден «За службу Родине в Вооружённых Силах СССР», польский орден «За заслуги»; медали: «За боевые заслуги», «За оборону Москвы», «За оборону Сталинграда», «За взятие Берлина», «За освобождение Праги», «За победу над Германией» и другие.

В эскадрилье, которой командовал И. П. Лавейкин, двенадцати лётчикам было присвоено звание Героя Советского Союза.

Лавейкин И. П. в 1950 году окончил Военно-воздушную академию и был назначен на должность старшего инспектора-летчика Инспекторской группы ВВС. В июне 1953 г. полковник Лавейкин И. П. назначается на должность заместителя начальника отдела боевой подготовки Управления ВУЗов ВВС. В 1957 году оканчивает Военную академию Генерального штаба. Назначается на должность командира 29-й истребительной авиационной Амурской дивизии в Дальневосточном военном округе (остров Сахалин). 5 мая 1960 года И. П. Лавейкину было присвоено звание генерал-майор авиации.

С августа 1960 года по март 1963 года — командир 239-й истребительной авиационной Барановичской Краснознаменной дивизии в Северной группе войск (Польша). В этот период личный состав дивизии переучивался на новые сверхзвуковые истребители МиГ-21. Первым в дивизии освоил этот истребитель.

Всего за время летной работы освоил самолеты: По-2, Ут-1, Ут-2, Ути-4, И-5, И-15, И-16, ЛаГГ-3, Ла-5, Ла5-Ф, Ла5-ФН, Ла-7, Ла-9, Ла-11, Як-3, Як-7б, Як-9у, Як-11, Як-17, Ути МиГ-15, МиГ-15, МиГ-17, МиГ-21.

С 1964 года на преподавательской работе — старший преподаватель, а с 1975 г. начальник кафедры ВВС Военной академии имени М. В. Фрунзе.

В 1973 г. кинорежиссёр Леонид Быков на киностудии им. А. Довженко снял фильм «В бой идут одни старики», в основу которого положен боевой путь и события, происходившие во 2-й эскадрилье 5-го Гвардейского истребительного авиационного полка.

Именно после встречи с ветеранами эскадрильи Леониду Федоровичу пришла идея создать фильм о летчиках-истребителях и, что очень важно, ему удалось передать атмосферу фронтового братства, взаимовыручки, величайшего летного мастерства и тонкого юмора, царившую во 2-й эскадрилье и созданную во многом благодаря её командиру Ивану Павловичу Лавейкину.

Иван Павлович Лавейкин скончался 2 декабря 1986 года. Похоронен с воинскими почестями на Кунцевском мемориальном кладбище в Москве.

Три выхода в космос

Известие о полёте первого человека в космос застало меня в одном из военных городков. В 8 часов утра по местному времени я направлялся в школу, в свой 4-й класс. Проходил мимо собиравшейся на полёты группы лётчиков. В этот момент и прозвучал по гарнизонному репродуктору голос Левитана. Лётчики закричали «Ура!» и вместе с ними кричал и радовался я.

Повлиял ли полёт Юрия Гагарина на выбор профессии? В какой-то степени да. Но главным для меня всегда был и остаётся пример моего отца.

Космонавтика стремительно развивалась. В космос слетали Герман Титов, Андриян Николаев, Павел Попович, Валерий Быковский, Валентина Терешкова. В составе экипажей космических кораблей появились гражданские космонавты: Константин Феоктистов, Алексей Елисеев и Олег Макаров. Все они — выпускники Московского высшего технического училища имени Н. Э. Баумана.

Я поступил в это знаменитое высшее учебное заведение и сразу же записался в 3-й Московский городской аэроклуб ДОСААФ, стал заниматься парашютным спортом. Прыгал вместе со своей однокашницей Ириной Тивельковой, ставшей впоследствии Заслуженным мастером по парашютному спорту. Общественным же инструктором у нас с Ириной был выпускник МВТУ имени Н. Э. Баумана, впоследствии известный парашютист-испытатель Лисичкин Александр Степанович.

В 1973 году на комиссии по распределению выпускников я обратился с просьбой направить меня на преддипломную практику в Центральное конструкторское бюро экспериментального машиностроения (ЦКБЭМ). Прежде это было ОКБ-1, а в настоящее время — Ракетно-космическая корпорация «Энергия» имени С. П. Королёва.

Как и многие молодые специалисты, написал заявление с просьбой зачислить в отряд гражданских космонавтов Научно-производственного объединения «Энергия». Указал на большое количество парашютных прыжков, выполненных с намерением полететь в космос. Заявление рассмотрели, я получил направление в Институт медико-биологических проблем для прохождения медицинской комиссии.

В 1976 году Главной медицинской комиссией я был признан годным к подготовке к космическим полётам.

Из пятнадцати претендентов, имевших положительное медицинское заключение, после вступительных экзаменов по рейтингу экзаменационная комиссия предприятия отобрала семь человек. Это были: Виктор Савиных, Владимир Соловьёв, Муса Манаров, Александр Серебров, Александр Лавейкин, Александр Баландин и Александр Александров. В декабре 1978 года все были зачислены в отряд гражданских космонавтов-бортинженеров и все семеро слетали в космос в разное время и на разной космической технике.

В отряде началась интересная работа по созданию многоразовой космической системы «Буран». Я принял в ней участие в качестве будущего бортинженера экипажа.

В 1981 году Мусу Манарова, Александра Баландина и меня направили в Курский учебный авиационный центр для прохождения лётной подготовки по программе «Буран». После учебной вывозной программы с лётчиком-инструктором Егором Федотовичем Родионовым получил допуск к самостоятельным полётам, который предоставил начальник Центра полковник Виктор Фёдорович Афиногенов. Таким образом, сбылась давняя мечта: я стал самостоятельно летать на самолёте Л-29, а в военном билете появилась запись: «Лётчик истребительной авиации».

Ещё одна тема НПО «Энергия» — космическая станция «Мир» — шла полным ходом. С ноября 1984 по февраль 1985 года я проходил подготовку в составе группы для полёта на орбитальном комплексе «Мир». Тогда же был зачислен в дублирующий экипаж вместе с опытным и известным лётчиком-космонавтом СССР, дважды Героем Советского Союза Юрием Викторовичем Романенко. К тому времени он имел уже опыт длительного полёта вместе с Георгием Гречко на станции «Салют-6», был участником полёта с космонавтом Кубы Арнальдо Тамайо Мендесом на корабле «Союз-38». Дважды Герой Советского Союза, Герой Чехословацкой Республики, Герой Кубы, Герой Сирии. Я несколько смущался. Но Юрий Викторович сразу же попросил перейти на «ты».

Свою мечту — полёт в космос — я осуществил 6 февраля 1987 года в качестве бортинженера корабля «Союз ТМ-2» и орбитальной станции «Мир». Экипаж имел позывной «Таймыры».

Мы принимали большое количество беспилотных грузовых космических кораблей «Прогресс», которые привозили на станцию всё необходимое, открывали люки, снимали доставленное оборудование со стапелей и размещали за панелями станции на специально подготовленные элементы конструкции. Работали, не покладая рук, с утра и до вечера по московскому времени. Понятия «утро» и «вечер» в космосе относительные, поскольку за 16 витков вокруг Земли рассветов и закатов тоже 16 в сутки. Не забывали про ежедневные двухчасовые физические упражнения: час на бегущей дорожке и час на велоэргометре.

Ю.В. Романенко

Первое время работа напоминала труд слесаря, электрика, монтажника. Позже — экспериментатора, испытателя, учёного, ну и, конечно же, ремонтника. Карманы «ползунков» (так мы называли нижнюю часть полётных костюмов) были набиты болтами и гайками, а за «браслетами» (резиновыми манжетами на бёдрах для уменьшения прилива крови к голове) всегда торчали отвёртка, плоскогубцы и специальный, очень удобный накидной ключ. Космос не любит, когда его беспокоят — он наносит ущерб человеческому здоровью, выводит из строя технику. Бывали пожары, разгерметизация, но

экипажам всегда удавалось выйти с честью из всевозможных нештатных ситуаций.

«Таймыры» в скафандрах

Оборудования становилось всё больше, а для его работы, как известно, необходима электроэнергия, получить которую в космосе можно с помощью солнечных панелей. Две штатные панели уже находились на внешней стороне станции, предполагалась ещё одна — раздвижная. Для этого специалистами было запланировано два выхода в открытый космос. Но выходов оказалось три.

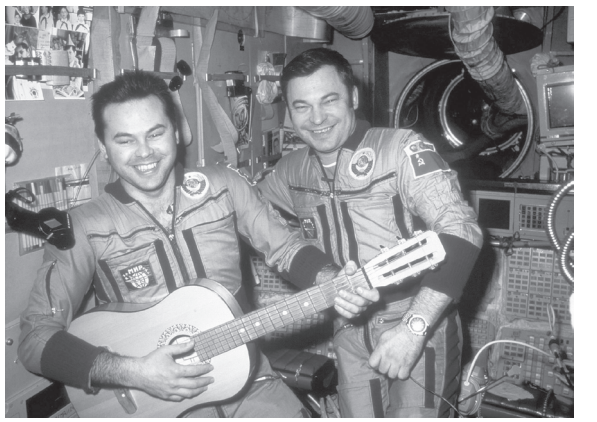
К станции «Мир» в период работы нашей экспедиции должен был пристыковаться в автоматическом режиме первый элемент космического комплекса — научный модуль «Квант-1», который имел в своём составе большое количество научной аппаратуры и новейших систем. «Квант-1» с функционально-грузовым блоком был запущен.

Мы быстро подготовили скафандры «Орлан» и 12 апреля 1987 года выполнили шлюзование в малюсеньком переходном отсеке. Через боковой стыковочный узел вышли в открытый космос.

Используя весь находившийся с нами инструмент: отвёртку, нож и ножницы для металла — удалось освободить узел.

Вернувшись на станцию, произвели шлюзование. Выбрались из скафандров, ну и, конечно, «сняли» психологическое напряжение.

Открыли переходные лю-ки в «Квант». Началась работа с научными системами и оборудованием модуля.


А.И. Лавейкин и Ю.В. Романенко в минуты отдыха

С помощью телескопа «Глазар» впервые были получены фотографии тёмной материи в ультрафиолетовом диапазоне в одной из карликовых галактик — Магеллановых Облаках, спутниках Млечного Пути.

Наступило время штатных выходов в открытый космос для установки дополнительных солнечных панелей (они находились в сложенном виде в модуле «Квант»).

А.И. Лавейкин

Работу в открытом космосе выполнили быстро и чётко. Наконец появилась возможность, не используя иллюминатор, спокойно посмотреть на нашу красавицу Землю с высоты 350 километров и при скорости 8 километров в секунду. Меня осенила мысль, что специалисты, изготавливающие школьные глобусы, детей не обманывают: именно так выглядят континенты, моря и океаны.

Следующий выход для установки второй половины солнечной панели не отличался от предыдущего. Станция обеспечила нас ярким светом и теплом, проблем с электроэнергией уже не существовало.

Вернулся я на Землю с советско-сирийским экипажем — Александром Викторенко и Мухаммедом Фарисом на корабле «Союз ТМ-2».

В процессе посадки мы испытали новые парашюты, обычные по площади — тысяча квадратных метров, но занимающие в спускаемом аппарате в сложенном виде в два раза меньше места, что позволяло взять со станции все результаты научной деятельности.

Во время полёта, который длился 174 суток 03 часа 25 минут 56 секунд, я трижды выходил в открытый космос. Общая продолжительность пребывания в безвоздушном пространстве составила 8 часов 48 минут.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 30 июля 1987 года. В нём говорилось, что за успешное выполнение многодневного космического полёта на орбитальном научно-исследовательском комплексе «Мир» — «Союз» и проявленные при этом мужество и героизм Лавейкину Александру Ивановичу присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» (№ 11556). Этим же указом мне было присвоено звание «Лётчик-космонавт СССР» (№ 61).

Музей космонавтики — молодежи и юношеству

Прошло время послеполётной реабилитации, пришла пора готовиться к следующему полёту.

Я очень хотел снова оказаться на «Бурановской» программе, тем более что беспилотный полёт этой многоразовой космической системы прошёл успешно, после чего началась подготовка экипажей. Многие часы проводил на пилотажно-динамическом стенде, тренируясь в посадке, продолжал изучение орбитальных и атмосферных систем корабля.

К величайшему сожалению всех принимавших участие в создании «Бурана», эта почти 20-летняя программа в 1993 году была закрыта.

В 2006 году лётчики-космонавты П.Р. Попович, А.А. Леонов, В.В. Терешкова, В.В. Горбатко, а также В.А. Джанибеков обратились

в Правительство Москвы с просьбой провести реконструкцию Музея космонавтики.

Директор музея Ю.М. Соломко предложил и мне принять участие в этом интересном деле. Поначалу я отказался, но, когда увидел объёмы реконструкции и количество бетона, заливаемого в землю, которое можно было сравнить со строительством стартовых позиций на Байконуре, понял, что создаётся действительно большое новое сооружение.

Перед сотрудниками музея стояла задача наряду с традиционной экспозицией разработать интерактивный вариант. В музее появилось множество новых экспонатов. Например, полноразмерный макет базового блока орбитальной станции «Мир», интерьер которого неотличим от настоящего, так что каждый раз, когда захожу в него, у меня кружится голова, слегка «мутит» и хочется перевернуться вниз головой — вспоминается длительный космический полёт.

Появился и свой собственный мини-центр управления полётами, имеющий прямую телевизионную и радиосвязь с настоящим ЦУП, который располагается в городе Королёве. На самой верхушке ракеты, венчающей монумент «Покорителям космоса», находится антенна радиолюбительской связи, благодаря которой появилась возможность переговоров с экипажем Международной космической станции по радиолюбительскому каналу.

Многие специалисты-музейщики и космонавты принимали участие в создании новой экспозиции. И теперь посетители могут увидеть подлинные спускаемые аппараты космических кораблей, побывавшие в космосе, и макеты модификаций космических кораблей.

В 2014 году в музей пришла новая молодая и энергичная команда во главе с директором — лауреатом Премии Правительства Москвы Натальей Витальевной Артюхиной. Появилась прекрасная возможность показать нашей молодежи великие достижения в покорении космического пространства, познакомить с представителями космической промышленности и космонавтами, рассказать, что, помимо прочих, существуют профессии лётчиков-истребителей, подводников, десантников, ракетчиков, а также учёных и специалистов в самых передовых областях техники и, конечно же, космонавтов.

Заходя в Музей порой с потухшим взглядом, ребята буквально оживают от увиденного, им становится бесконечно интересно. Во время нашего общения видишь засверкавшие глаза, на тебя обрушивается поток вопросов...

«ОТЕЦ ПРОЖИЛ ЖИЗНЬ В ЛЮБВИ К СВОЕМУ ОТЕЧЕСТВУ»

Рябухин Сергей Николаевич, 65 лет,
первый заместитель председателя Комитета по бюджету и финансовым рынкам Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, доктор экономических наук, член Совета Императорского Православного Палестинского общества, вице-президент Вольного экономического общества России, Почетный гражданин г. Мурома, г. Ульяновска, Ульяновской области. Награжден орденом Дружбы народов (2005), орденом Почета (2009), орденом «За заслуги перед Отечеством» IV степени (2014), орденом Александра Невского (2020), г. Москва

Николай Егорович Рябухин (19.12.1917–30.03.2001)

Родился и жил мой отец, Николай Егорович Рябухин, как и многие его предки, на берегу изумительной красоты великой реки Волги. В среднем ее течении, на территории Саратовской области, близ города Вольска. Появился на свет он 19 декабря 1917 года в семье потомственного рыбака Егора Филимоновича Рябухина (1896–1955) и его супруги Екатерины Ефимовны (1897–1979, в девичестве — Храмовой) в селе с самоговорящим названием Рыбное. Удивительно, что незадолго до его 100-летия, разбирая старые газеты и журналы в книжном шкафу, я наткнулся на увесистый сверток с письмами отца — их было около сотни, за несколько десятков лет. Это был знак. Нахлынули воспоминания...

Войну отец встретил уже не юнцом, ему было 24 года, и за плечами — немалый трудовой опыт и военная служба. Служил в 3-й запасной авиационной бригаде, 8-й запасный полк.

Он жестко придерживался общеизвестного суворовского золотого правила выживания на войне: «Тяжело в учении —легко в бою». Постоянно учился мастерству военного техника и оружейника. Перегрузки были запредельные. Бывало, по нескольку раз за ночь терял сознание от усталости и отравления ядовитыми парами при восстановительной и ремонтной пайке радиаторов авиационных двигателей, пробитых и полуразрушенных от разрывных снарядов.

Он был смышленым и находчивым, очень требовательным и к себе, и к другим. Это был коммуникабельный человек, быстро сходился

с людьми, просто и непринужденно общался с подчиненными и начальниками, ему легко удавалось превратить собеседника в единомышленника. Жизнерадостный, никогда не унывающий, умел взбодрить и поддержать товарища.

Окончил войну в должности сержанта.

После войны семья проживала в Шиханах-2, а в 1949 году переехала в Рыбное. Отец был очень энергичным и деловым. Возглавляя Рыбинское сельпо Вольского райпотребсоюза (с 1949 по 1955 г.), он выступил с инициативой, на которую сразу откликнулись сельчане-единомышленники. Заготовили строительные материалы, нарубленный в верховье лес плотом сплавили по Волге и построили два современных по тем временам магазина в центре Рыбного: промышленных и продовольственных товаров. Затем отец три года был председателем сельсовета (до 1958 г.).

В строительной индустрии отец проработал около 30 лет: на известковом заводе, был бригадиром треста «Волгоцемремонт», машинистом грейферного железнодорожного крана на цементном заводе «Красный Октябрь».

Вышел на пенсию, но сидеть без дела не мог. Старым друзьям не пришлось долго уговаривать его поработать в рамках потребительской кооперации на Волге. На протяжении многих лет отец и три его товарища ежемесячно доставляли горожанам по 2–3 тонны волжской рыбы. Эта бригада пенсионеров удивляла и радовала всех, кроме браконьеров, которым не доставалось хороших рыбных плавов и заводей.

Хорошо помню, как постепенно проходила в начале 60-х годов прошлого века электрификация нашего поселка.

Керосиновые лампы отец сначала заменил в доме на 12-вольтовые лампочки накаливания, которые подключались к стационарной сети электропроводки от танкового аккумулятора, емкости которого хватало на месяц до следующей подзарядки. Потом на общем собрании сельчане во главе с отцом решили обратиться к властям — и появилась линия электропередачи от дизеля известкового завода. И только в 1964 году в поселке установили три высоковольтные подстанции и фидеры до самого «низа» Рыбного.

В это время отец завел традицию: после работы, особенно зимой, когда быстро темнеет, при ярком электрическом свете читать не только газеты, но и любимые книги. Больше всего он любил Михаила Шолохова.

Удобно разместившись на диване или кровати, мы с нетерпением ждали, как нынче некоторые ждут очередную серию «мыльной оперы», что будет в следующей главе «Тихого Дона» или «Поднятой целины».

К этому долгожданному моменту я должен был выполнить стандартные ежедневные обязанности, вмененные мне отцом: по завершении короткого послешкольного хоккея на Волге вычистить коровник, вывезти со двора выпавший снег, быстро выполнить домашнее школьное задание. Отец не любил болтунов и бездельников, называл последних обид-

ным на Волге словом «шалберники»[1]. И конечно, чтобы не заслужить такую характеристику, трудиться приходилось быстро и на совесть.

Раньше редкий мальчишка в моем детстве не мечтал быть космонавтом или летчиком. Тем более Юрия Алексеевича Гагарина, первого космонавта Земли, мы воспринимали своим земляком не только потому, что он учился в Саратове, но и приземлился после своего исторического полета на Саратовской земле, за Волгой, недалеко от города Энгельса.

Поэтому мы с моим одноклассником Александром Пискуновым мечтали о том же и начали потихоньку готовить своих родителей и близких к этой мысли с «хилой» надеждой на понимание и поддержку.

Узнав о наших «космических» планах, отец несколько недель все тщательно обдумывал, осторожно уточнял детали, что-то обсуждал с бабушкой моего товарища и мамой. И, видимо, когда окончательно убедил себя в собственной правоте, жестко заявил: «Планы будут такие: заканчиваешь восьмилетнюю рыбнинскую школу, поступаешь в Вольский технологический техникум, получаешь перед призывом в Советскую армию специальность, а потом хоть в летчики, хоть в космонавты». Спорить было бесполезно, мы постепенно смирились.

У отца были поистине золотые руки и природная смекалка. В школьные годы, когда я учился в седьмом или восьмом классе, мне попался на глаза в гаражных автоприспособлениях и инструментах странный предмет, назначение которого я никак не мог понять, пока отец мне не объяснил.

Этот предмет представлял собой тонкий, армированный кордовой нитью резиновый шланг длиной около пяти метров, на одном конце которого была вмонтирована моторная свеча зажигания. Она имела сквозное отверстие вместо контактного стержня, для того чтобы свободно проходил воздух.

Оказывается, этот нехитрый прибор не раз спасал жизнь отцу в лютые зимние морозы, особенно на военных дорогах в годы Великой Отечественной войны. Принцип его действия следующий. Чтобы не замерзнуть на трассе при ремонте пробитого колеса, вместо насоса использовался горячий выхлопной воздух из головки цилиндра работающего на трех свечах двигателя. При этом свечу-наконечник этого приспособления ввертывали в четвертый цилиндр.

За такие необычные технические выдумки я называл отца «наш Кулибин». Отец всегда находился, как говорится, в поиске, что-то придумывал, мастерил. Вопрос экономии средств тоже был не последний. Без дела никогда не сидел и к любому занятию подходил основательно. У него неизменно вызывало интерес все новое, необычное, талантливое. Он, например, с восхищением и уважением относился к гениальному изобретателю легендарного автомата Михаилу Тимофеевичу Калашникову. Как военный оружейник, он сокрушался, что в годы Великой Отечественной войны людских потерь у нас было бы на порядок меньше, если бы изобретение этого гения появилось раньше.

[1] Шалберниками, шалобродами на Руси называли праздных шатунов и бездельников.

С М. Т. Калашниковым мы встретились в 1995 году на международной выставке вооружений в Абу-Даби. После успешных стрельб нашего зенитного пушечно-ракетного комплекса (ЗПРК) «Тунгуска» на полигоне среди песчаных барханов делегация Ульяновского механического завода во главе с В. А. Абаниным проводила очередной тур переговоров с руководством министерства обороны Индии о закупке этих ЗПРК. Конечно, у нас, членов делегации, вызывала интерес представленная на выставке иностранная военная техника. Мы отправились в павильон стрелкового оружия США, там я и увидел охваченного волнением Михаила Тимофеевича — познакомились мы с ним накануне в Ульяновском шале российского павильона. Он очень обрадовался знакомому лицу и рассказал, что его взволновал автомат американского производства, оснащенный оптическим устройством, отличавшийся от его «калаша» лишь наличием оптики. «Это же нечестно...» — возмущался знаменитый конструктор. Я порекомендовал ему обратиться в международный суд не только по этому поводу, но и по многочисленным фактам нелицензионного производства его автоматов в ряде стран.

Калашникову понравилась эта мысль. Позднее, в 2003 году (я в это время занимал должность аудитора Счетной палаты Российской Федерации) по делам службы мы с коллегами были в Удмуртии и заехали к нему в музей Ижевского оружейного завода (ныне концерн «Калашников»). С гордостью и радостью Михаил Тимофеевич не только показал коллекцию образцов, но и познакомил с сыном — продолжателем его дела. Отстаивать свои права в международном арбитраже он отказался: «Неудобно, ведь мои «калаши» изображены на флагах некоторых государств... Вот пишу новую книгу!» Как-то на вопрос журналистов, не сожалеет ли он, что не нажил богатства, Михаил Тимофеевич ответил: «Нельзя все мерить деньгами. Для меня самое дорогое, когда люди говорят: «Ваше оружие спасло мне жизнь».

Мой отец прожил жизнь в любви к своему Отечеству, был неутомимым тружеником, «не знал выходных — вся жизнь в работе», придерживался принципа «если хочешь, чтобы тебя уважали, с уважением и вниманием относись к просьбам, нуждам и мнению людей, тебя окружающих». Он терпеть не мог бездельников, трепачей и жуликов. Это было его жизненное кредо. Он неустанно учил внуков и внучек, которых очень любил, придерживаться таких же принципов и правил и нас, своих детей, воспитывал в том же духе.

Отец сыграл колоссальную роль в моей судьбе. Во многом благодаря отцу я стал тем, кто я сегодня есть. Именно он с малых лет учил меня без устали познавать новое, добросовестно трудиться и доводить до конца лю-

бое дело, за которое взялся. Отцовская мудрость до сих пор помогает мне преодолевать трудности на жизненном пути, сохранять оптимизм и доверие к людям. Перечитывая сегодня его письма вновь и вновь, восхищаюсь цельностью его характера, верностью идеалам, стойкостью в отстаивании своих убеждений. Мне хотелось быть похожим на отца. Но особенно остро я ощущаю это теперь, когда рядом со мной подрастают, внимательно прислушиваются и приглядываются ко мне мои внучки и внуки...

ИЗ ПИСЬМА ОТЦА ОТ 04.03.1988.

«...Продовольственный вопрос до сих пор в продовольственной программе не решим. Цены коопторга кусаются, так многие выражаются. Я не надеюсь дождаться обеспечения даже предвоенного периода. Посмотрел бы, какой травостой стоит на полигоне, а косить не косят. Таких условий ни в одной области нет, как в нашем районе. Это руководят так наши современные чиновники. Так и всюду, нет хозяйственных настоящих руководителей».

Еще одно «золотое» правило, которому отец неизменно следовал и которому меня всегда впоследствии наставлял, — прежде чем приступить к делу, посоветуйся с опытными и мудрыми стариками, а потом принимай решение. Говаривал: «Старикам совет дать — дело приятное, а тебе наука, почет и уважение!»

Чтение отцовских строк невольно возвращает меня мыслями к пережитым событиям и погружает в повседневную жизнь того времени.

ИЗ ПИСЬМА ОТЦА (БЕЗ ДАТЫ)

«В общем, у нас уже многих проводили на кладбище, приросту нет. Сейчас пришел с Волги, и Тая пошла прогуляться. Народу никакого не видно. Поселок пустеет. Скоро праздник Октября. Пожелаю всего хорошего. Хорошо хоть вы вместе с сватьями его проведете. Представляю, как положено, с собственными дарами. Будьте здоровы и счастливы. С приветом...»

Отец любил повторять: «Терпение и труд все перетрут!» Он никогда не стремился к материальному богатству, но был богат душою. Люди шли к нему за помощью. Для каждого у него находился добрый совет и для каждого был открыто отзывчивое сердце.

Он любил своих детей и внуков. Заботился о том, чтобы они росли здоровыми, умными и честными. Придерживался библейского правила: «Поступайте с людьми так, как ты хотел бы, чтобы поступали с тобой». Этому он учил окружающих.

Дух захватывает от осознания того, какой ценой людям его поколения удалось сохранить для нас язык, культуру, независимость, свободу, государственность. Они победили фашизм. В короткий срок после Великой Отечественной войны восстановили народное хозяйство и вывели Советский Союз в мировые лидеры.

Отец живет в моей памяти, в памяти всех, кто его знал. Я рад, что мне попались на глаза письма отца в преддверии его столетнего юбилея, и я на их основе сделал книгу [1].

Жизнь продолжается. Какой она будет, во многом зависит от нас самих. Будем же достойны наших отцов!

Прытков Иван Павлович (19.11.1911–17.05.1988)

В преддверии 75-летия Великой Победы хочется отдать дань памяти и другим представителям нашей семьи — участникам Великой Отечественной войны.

Из трех братьев мамы лишь один остался жив — это Прытков Иван Павлович (1911–1988), младший брат, вернувшийся с войны лейтенантом.

Старший брат Прытков Василий Павлович (1909–1942) погиб 1 августа 1942 года. Воевал в 128-й стрелковой дивизии, 374-м стрелковом полку. Был разведчиком. Рядовой. Призывался в с. Квасниковка Сталинградской области (ныне Волгоградская).

Средний родной брат мамы Прытков Сергей Павлович (1914–1942) до войны служил в милиции г. Иваново, оттуда был призван на фронт. Служил рядовым в 233-й стрелковой дивизии, 734-м стрелковом полку. Погиб 18 сентября 1942 года.

Прытков Сергей Павлович (1914–1942)

Все трое родились в селе Ключи Вольского района Саратовской области.

Моя тетя — родная сестра отца Борисевич (Рябухина) Зинаида Егоровна (1919–2007) — наряду с тысячами других таких же, как и она, молодых женщин рыла противотанковые рвы под Сталинградом, вместе с рыбаками ловила рыбу для фронта и вязала рыболовные сети.

Борисевич (Рябухина) Зинаида Егоровна (19.10.1919–14.09.2007)

Сегодня физический труд, инженерный труд, как и работа в реальном секторе экономики, не имеет того уважения и престижа в обществе, как это было в советское время. За годы постсоветских реформ произошла трансформация ценностной системы, которая затронула и труд как традиционную ценность. Однако в России труд испокон веков считался основой жизни, причем труд «праведный», честный, без лжи и обма-

на. Советская школа была трудовой, нацеленной на воспитание отношения к труду как к первой жизненной потребности. Труженик, человек труда был в почете; по трудовым успехам его оценивали в коллективе и продвигали по службе. Чтобы стать руководителем, нужно было пройти все этапы профессионального становления и роста. Естественно, служба в армии считалась непременной и почетной, вселяющей в молодых людей уверенность. Не был исключением и я. Вот ступеньки моей трудовой деятельности:

— электрослесарь в период учебы в Вольском технологическом техникуме (1968–1972);

— служба в Вооруженных Силах СССР (1973–1975);

— электромонтер КБ «Электроприбор», г. Саратов, и завода «Искра», г. Ульяновск (1976-1979), электромонтер, старший инженер-технолог, главный энергетик, секретарь парткома Ульяновского домостроительного комбината (1979–1990);

— заведующий общественно-политическим отделом Ульяновского ОК КПСС (1990-1991);

— начальник управления внешнеэкономической деятельности на правах заместителя главы администрации Ульяновской области (1992–1996);

— депутат, председатель Законодательного Собрания Ульяновской области (1996–2001);

— аудитор Счетной палаты Российской Федерации (2001–2013);

— член Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от Ульяновской области, председатель Комитета по бюджету и финансовым рынкам (2013–2019).

Без отрыва от производства окончил Ульяновский политехнический институт (1984), защитил кандидатскую диссертацию «Современные тенденции и механизмы повышения эффективности бюджетного финансирования и контроля целевых региональных программ» в Финансовой академии при Правительстве РФ (2003) и докторскую диссертацию «Методология аудита эффективности бюджетных средств и государственной собственности в современных условиях» — в Институте экономики РАН (2007).

Я благодарен судьбе и моим родителям, в первую очередь отцу, за те советы, благодаря которым смог пройти этот путь.

Мы с женой, Татьяной Николаевной, с большой радостью каждый год посещаем родные места, где я родился и вырос, трудился и мечтал. Чтобы подышать родным воздухом, сходить на кладбище к родителям и родственникам, поклониться им, повидаться с родными и друзьями...

Литература

1. *Рябухин С.Н.* «Здравствуйте, мои дорогие...». 2-е изд., доп. и испр. М.: Театралис, 2019. 204 с., илл.

ПОЛКОВНИКИ ТРЕХ ПОКОЛЕНИЙ: ОНИ СРАЖАЛИСЬ ЗА РОДИНУ

Пятенко Сергей Васильевич, 64 года,
образование:
МГУ им. М.В. Ломоносова, экономический факультет,
специальность: политическая экономия (1974–1979),
Институт Мировой экономики и международных отношений
Академии наук СССР, кандидат экономических наук (1984),
Университет Кеннеди-Вестерн, США,
Master of Business Administration (Marketing) (1995),
МГУ им. М.В. Ломоносова, экономический факультет,
доктор экономических наук (2001);
опыт работы:
Институт мировой экономики и международных
отношений АН СССР (1979–1992 — от м.н.с. до с.н.с.),
Агентство управленческих консультаций (1987–1990 —директор),
Агентство управленческих консультаций
СП «Внешконсульт» (1990–1991 — директор),
Ernst&Young Vneshcounsult (1991–1992 — зам. генерального
директора),
Deloitte Touche Tohmatsu International (1992–1996 —старший
менеджер),
Экономико-правовая школа «ФБК» (2001–2019 — ген. директор),
г. Москва

День сегодняшний есть следствие дня вчерашнего, а день грядущий формируется сегодня. Говорят, понедельник начинается в субботу. Нет, он начинается значительно раньше. На многое в нашей жизни заметный отпечаток накладывают мысли и поступки не только отцов и дедов, но и предков за многие поколения до нас.

Аналогично наши действия и чувства многое определяют в жизни не только детей, внуков, но и более отдаленных потомков. Поэтому на всех нас лежит великая ответственность, и тот, кто ее осознал, заслуживает всяческого уважения [2, с. 229].

Данный очерк — это попытка честного рассказа о представителях трех поколений, сражавшихся за свою Родину: моем отце, деде и прадедах. Все они были очень разные и зачастую весьма неоднозначно относились к общественной системе, их окружавшей. Имели и разнообразные проблемы в отношениях с властью.

Но любили свою страну и умели находить компромиссы. А когда уже надо было защищать Родину, то они делали это без малейших колеба-

ний. Сегодня, в условиях информационно-санкционной войны, этот опыт может быть особенно поучителен. Но обо всем по порядку.

В XX веке первым полковником в нашем роду был **мой прадед по материнской линии Петр Георгиевич Федоров.** На рубеже XIX–XX века он — казачий офицер русской армии. Служил в деревне Токмак в районе современного города Алма-Ата. Но это была и ссылка одновременно. Туда он был отправлен за нарушение гражданского царского закона. Он женился на дочери крещеного еврея, хотя, как офицер, не имел на это права. Тем не менее, он не оставил ни жену, ни военную службу.

А в годы Первой мировой войны попросился на фронт, успешно воевал, в звании полковника командовал батальоном стрелкового полка на Австрийском фронте. Погиб в июне 1916 г. Посмертно получил воинское звание генерала. Опасаясь репрессий в советские времена, в семье скрывали его чин. Об этом стали открыто говорить только в конце 1960-х годов.

Подлинно фантастической является жизнь его родного брата — моего **двоюродного прадеда Виктора Георгиевича Федорова.** Его биография была восстановлена на основе архивов в 1960–70-е годы. В 1905–1907 гг. он был участником революционного движения в Средней Азии. Сбежал из-под ареста и в 1908 г. эмигрировал в Европу. Там перебивался случайными заработками и продолжал революционную деятельность. В царских полицейских архивах сохранилось много материалов — донесения заграничной агентуры, отслеживающей перемещения, контакты и переписку В. Г. Федорова.

В Первую мировую В. Г. Федоров, несмотря на разногласия с самодержавием, сразу добровольцем вступил во французскую армию. Из его писем: «Россия превыше всего. Не за царя иду. Раз моя страна сражается с немцами, значит, и я должен быть со страной». До февраля 1915 г. воевал в пехоте. После ранения с помощью русского военного атташе добился перевода в авиацию. Был направлен в тыловую транспортную часть. Но несколько раз он обращался к командованию с просьбой отправить его на фронт.

В 1916 г., когда развернулись напряженные бои под Верденом, он добился перевода. Его направили в знаменитую эскадрилью «Аистов»[1]. «Воздушный казак» оказался в своей стихии. Все высшие военные награды французской армии были получены за пару недель! За три месяца (!) он стал одним из самых популярных авиаторов Франции. Все

[1] Эта птица была эмблемой французских летчиков-истребителей. Здесь история похожа на нашу крымскую. После франко-прусской войны 1870г. французские области Эльзас и Лотарингия отошли к Германии. А аисты стали символом освобождения Эльзаса и Лотарингии от немцев. У нас же в Крыму кошка стала символом освобождения и воссоединения с Россией. Но это другая история.

французские газеты публикуют его портреты[2]. Получив трехдневный отпуск и приехав в Париж, он ощутил всенародное признание: его узнают в кафе и на улицах [1, с. 257].

Но В. Г. Федоров, как истинный патриот, хотел бы вернуться в Россию. Однако прямой путь закрыт: провинности юности на Родине не забыты.

Французское командование предложило В. Г. Федорову поехать в составе военной миссии на румынский фронт. Летчик согласился. Там обратился к главе французской военной миссии в России с просьбой принять его в свое ведение. Тот организовал встречу В. Г. Федорова с братом русского царя Великим князем Александром, курировавшим авиацию. В результате В. Г. Федоров был причислен к французской военной миссии в России и с начала 1917 г. занимался подготовкой русских военных летчиков. Сначала в Одессе, потом в Севастополе и затем был откомандирован в Петроград.

В. Г. Федорову не хотелось покидать Россию. Но начавшееся в России состояние «ни войны, ни мира», сдача территорий и отступление перед немцами, нараставшая неразбериха и капитулянтство были мало понятны боевым офицерам «Аистам». Вместе с другими «франко-русскими» летчиками (в том числе П. В. Агеевым, приехавшим в Россию с боевым самолетом) В. Г. Федоров возвратился во Францию.

Во Франции война продолжается. В июле 1918 г. за боевые подвиги В. Г. Федоров награжден орденом Почетного легиона. 10 октября был ранен в бою с тремя немецкими истребителями. За четыре дня до окончания войны, 7 ноября 1918 г., случился последний воздушный бой В. Г. Федорова.

В этот день только что вернувшийся из госпиталя летчик патрулировал вдоль линии фронта. Вдруг он увидел немецкую воздушную армаду: несколько десятков бомбардировщиков, сопровождаемых истребителями. Федоров в воздухе один. Но, тем не менее, атаковал противника, дав время соратникам подняться в воздух. Легенды, сложенные об этом бое, утверждают, что прежде чем его самолет, объятый пламенем, рухнул на вражескую территорию, россиянин сбил четыре или даже шесть самолетов.

По документам в архивах России и Франции, публикациям в печати это был последний день жизни «воздушного казака Вердена». Но это не так. По воспоминаниям его родной сестры Анны Георгиевны летчик попал в плен. После долгого заточения его, тяжелобольного туберкулезом, вызволило французское правительство. К нему в Париж успел приехать из Сибири младший брат Константин. У него на руках В. Г. Федоров и умер.

[2] Во Франции очень уважали русских летчиков. Так, один из них, П. В. Агеев, изъявивший в 1916г. желание продолжить службу в России, получил от французского правительства ценный подарок — боевой самолет-истребитель с комплектом запчастей и мотором. С этим подарком П. В. Агеев и прибыл в Россию.

Следующее поколение полковников представлено моим **дедом Георгием Петровичем Федоровым.** Родился он там, где служил ссыльный отец — в 1899 г. в деревне Токмак (ныне около г. Алма-Ата). У Г. П. Федорова было две сестры и два брата. После смерти отца в 1916 г. все заботы о братьях, сестрах и матери легли на плечи Георгия Петровича. С 1916г. он, учась в гимназии, уже работал репетитором. Сам закончил учиться в 1919 г., но с 1917 по 1919 гг. уже учительствовал в вечерней школе для взрослых.

Вступил в комсомол и Красную Армию. Принимал активное участие в Гражданской войне. По окончании активной фазы боев, работал председателем бюро комсомола в г. Алма-Ате (тогда г. Верный). В 1919 г. вступил в партию большевиков. В 1920 г. был избран делегатом Всероссийского съезда комсомола и там общался с В. И. Лениным.

В 1920-е гг. стал человеком мирной профессии — медиком. В 1930-е годы был переведен в Москву. В 1934 г. зачислен в кадры Красной армии, где и служил практически до конца своих дней. В 1936 г. был переведен в Военно-санитарное управление Наркомата Обороны. Но к этому времени уже набирает обороты маховик репрессий 1930-х годов, надвигающийся и на деда.

Г. П. Федоров как человек культурный, по тем временам, несомненно находился «в зоне повышенного риска». В семейных архивах сохранились копии протоколов собраний, где, в том числе и деду, указывали на недостаток бдительности в деле выявления «врагов народа». Зачастую подобное было верным предвестником ареста.

Во второй половине 1930-х гг., осознав опасность жизни в Москве, Г. П. Федоров нашел шанс, возможно, оказавшийся единственно спасительным. Он «придумал» туберкулез (чахотку) своей жене и для ее лечения попросил временное назначение в г. Ялту, в Крым (тогда это была Россия). Его жена (моя бабушка) умерла от старости почти 45 лет спустя. Она доработала до пенсии врачом в ялтинском детском туберкулезном санатории.

Дома говорили, что «туберкулез» бабушки — предлог для отъезда «в глушь» от массовых арестов, ставших в 1930-е неотъемлемой частью московской реальности. Дома также говорили, что к концу жизни дед размышлял: «Когда в Гражданскую воевали, не думалось, что логическим следствием диктатуры пролетариата и строительства социализма будут репрессии и другие страшные события 1930-х гг.».

Но в первый же день Великой Отечественной войны полковник медицинской службы Г. П. Федоров подал рапорт о направлении на фронт. Воевал. Был начальником полевых эвакопунктов. Из его воспоминаний:

«Тяжко, когда раненых поток. И решения надо принимать быстрые и страшные. Никаких сложных операций. Пока будешь одного спасать

4–5 часов, 4–5 других солдат, более легкораненых, загнутся. Ампутация руки (ноги) полчаса, ее спасение — 4 часа. Вот и решай, и так день за днем». Страшная логика войны...

Под бомбежками получил травму позвоночника. В послевоенное время не захотел возвращаться в Москву. Снова был направлен в Ялту начальником эвакогоспиталя, на базе которого В. Г. Федоров разворачивал военный санаторий. Там он и проработал почти до самой смерти. После войны получил ученую степень кандидата медицинских наук. В диссертации им был обобщен опыт организации полевой медицины в условиях войны. Работы, написанные в г. Ялте, опубликованы в общесоюзном медицинском журнале в г. Москве.

Для детей, внуков и более отдаленных потомков Г. П. Федоров сделал ряд важных дел.

Первое. После войны забрал к себе осиротевших племянниц и племянника. Вместе с родной дочкой (моей мамой) в ялтинском домике росли еще трое детей. «Раз я живой, дети моих братьев и сестер в детдоме не будут». Все дети выросли вполне достойными людьми своего времени.

Второе. Сумел сохранить жене, а потом дочери и нам, внукам, московскую прописку. Те, кто помнит советское время, могут оценить это достижение.

Третье. По мере своих возможностей помогал смягчать последствия репрессий советской власти. В детстве я очень много болел. Мама ходила со мной по ялтинским врачам. Иногда кто-то из них (помню одного по имени Ханон Маркович) звонил коллеге, и я слышал чуть странную фразу: «У меня тут внук того самого Георгия, так ты их прими уж без записи/очереди». Пока был маленький, я не очень понимал, почему «того самого Георгия».

Лишь в конце 1960-х мама мне пояснила. В конце правления И. Сталина было громкое дело «евреев врачей-вредителей». Кто не знает, отсылаю к общедоступным источникам. Там это все подробно описано. В этот момент Г. П. Федоров получил указание от начальства: всех врачей еврейской нации из военных структур надлежит уволить. У военных, как известно, приказы принято исполнять. А в те времена особенно.

Что же делает Г. П. Федоров? Он отправляется к начальникам в соседние медучреждения. Город-то не велик и все заметные люди друг друга знают. Далее диалог такого типа: «Ты знаешь, у меня есть хороший рентгенолог[3]. Так мне надо его уволить — еврей. А у тебя тоже есть рентгенолог, но правильной нации. Давай меняться». Так и приказ выполнялся, и люди не страдали. Трудно точно сказать, сколько было таких случаев. Но тогда и за одно такое «художество» можно было отпра-

[3] Этот рентгенолог, С. С. Бигдай, работал потом в ялтинском военном санатории до 1970-х годов. Люди старшего поколения тогда еще многого побаивались, но он мне все-таки говорил о своей особой благодарности Г. П. Федорову.

виться в Магадан, и совсем не в качестве начальника санатория. (Тут уже неплохим вариантом для кандидата медицинских наук было бы место зонно-лагерного санитара).

Четвертое. Дед собрал приличную библиотеку. В ней были представлены как мировые, так и отечественные классики. Для внуков и внучек были сказки разных народов мира. Книги по медицине сочетались с историческими. Интересен их подбор. Так, ряд книг по истории были написаны еще профессорами царской школы. Другие книги были переводными, что в 1940–50-е годы для СССР было большой редкостью. Писатели были представлены в том числе и редко издаваемыми: Л. Фейхтвангер, Г. Манн, Г. Мопассан, Г. Флобер и др. Многое из этого мне посчастливилось прочитать в юные годы.

Пятое. Помогал студентам-однокурсникам дочки. Когда моя мама училась в институте в Москве, Георгий Петрович разрешал ее однокурсникам летом приезжать в Ялту, размещал в домике по соседству и подкармливал кашей с полевой кухни. В те голодные послевоенные годы это было существенно. Четырех из этих однокурсников я (внук Сергей) узнал уже в качестве 50-летних докторов наук. Работал с ними в системе Академии наук СССР. До глубокой старости они тепло вспоминали кашу с полевой кухни.

Впоследствии традиция была продолжена. Когда мама вышла на пенсию и вернулась в Ялту, я, будучи студентом, несколько раз приезжал туда с друзьями. Потом сам «подкармливал» в Ялте друзей из скалолазной команды моей дочки, а уже в 2019 г. довелось нам вместе с дочкой помогать с питанием скалолазной команде 10-летней внучки. Такая вот связь поколений.

Еще одним полковником, сражавшимся за Родину, был мой **отец Пятенко Василий Иванович.** Он родился в деревне в районе г. Изюм Харьковской области (Украина). Юношей окончил педагогический техникум. Имел диплом учителя начальных классов.

Пережил в украинской деревне голод 1930-х годов. Но говорить об этом следствии строительства социализма не любил. Лишь однажды приехал к нему в гости фронтовой друг, тоже родом из деревни в тех краях, и мы много чего страшного услышали, что потом начало публиковаться лишь лет двадцать спустя. Сейчас любой желающий легко найдет информацию об этом.

При этом отец с другом, эти два украинца, тогда и не думали искать в Голодоморе какой-то национальный подтекст. На Украине ли, в Поволжье и т.д. везде голодали похоже. Это уж лет 30 спустя «в самостийной Украине» много чего напридумывали.

В конце 1930-х гг. отец сумел прибавить себе год по документам, вырваться из деревни и поступить в военное училище. Заканчивать его должен был летом 1941 г. В июне находился на сборах на Западной Украине.

Курсантам досрочно присвоили звания лейтенантов и в бой. Закончил войну в мае 1945 г. на территории Германии подполковником, командиром 1199-го полка. А было ему к тому времени всего 24 года.

«Боевой путь В.И. Пятенко. После боев на Украине участвовал в обороне Москвы в составе 354 Стрелковой Дивизии 16 армии Западного фронта. Дивизия вступила в бой в районе Зеленограда 2 декабря 1941 г. Дальнейший боевой путь Пятенко В.И.: декабрь 1941 г. — июнь 1942 г. — бои под Москвой, под Гжатском. Июль 1942 г. — январь 1943 г. — бои под Ржевом в составе Западного фронта. Февраль 1943 г. — август 1943 г. — оборона Курского выступа в районе Севска. Сентябрь — декабрь 1943 г. — форсирование рек Десна, Сож, Днепр. Январь — июль 1944 г. — бои на территории Белоруссии (взятие Барановичей, Бобруйска и др.). Август 1944 г. — февраль 1945 г. — бои на территории Польши, форсирование рек Западный Буг, Нарев, Висла. Март — май 1945 г. — форсирование Одера, взятие Данцига, выход к Балтийскому морю»[4].

После войны закончил Военную академию в Москве. В 1950-е годы служил в Австрии и Венгрии. В 1954 г. в 33 года получил звание полковника. Закончил службу в конце 1960-х годов.

Про войну рассказывать он не любил. Дома об этом никогда не говорил. До конца своих дней. А умер он в 1995 г. За все наше многолетнее общение помню только несколько рассказов. При этом для меня и старшего брата беспроигрышным номером было приглашать отца в школу на патриотические уроки. Это бывало либо на 23 февраля, либо к 9 мая.

Отец приходил в военной форме. Бравый полковник, вся грудь в орденах. Садился и начинал рассказывать смешные байки про войну. Старший брат меня предупреждал: самое сложное — это делать вид, что ты это от отца уже слышал. На самом деле ничего подобного он дома не рассказывал. Дети и учителя угорали от хохота. 45 минут патриотического урока пролетали мгновенно. Учителя и дети всегда были в полном восторге. Видимо, не случайно у полковника был диплом учителя — еще юношей почуял свои способности и призвание.

В 1970-е гг. пару раз я помогал отцу на 9 мая с организацией встреч ветеранов в Москве. Из их разговоров понял: говорить всерьез на подобных мероприятиях им и не хотелось, да и детей жалели. Казенная же романтизация-героизация войны была фронтовикам сильно чужда.

Но необходимость патриотического воспитания поддерживали. Как-то сдуру я спросил у них: «А кто из писателей про войну хорошо написал?» Посмотрели недоуменно: ну что пацану скажешь? Буркнули что-то малоразборчивое, типа не разбираемся в литературе. Один потом

[4] Так написано в брошюре, созданной ветеранами 354-й стрелковой дивизии. Было это при активном участии моего отца. Одно время он был председателем Совета ветеранов дивизии.

втихаря сказал: «Про окопную жизнь Ремарка почитай, у нас так когда-нибудь тоже напишут».

Серьезно про войну отец говорил всего несколько раз. Так, однажды, во время размышлений о том, кто какие сны видит, он вдруг сказал: «А я вообще очень не люблю сны». Почему? «А мне за все годы НИКОГДА ничего кроме войны не приснилось. Так, танки, окопы, стрельба...» Замолчал и вышел. Было это в 1975 г., через 30 лет (тридцать!) после конца войны. Я и тогда в свои 20 лет похолодел, может быть, чуть-чуть почувствовав, что такое отпечаток войны в ощущениях пехотинца...

Еще рассказ. «1944 год, г. Бобруйск (Белоруссия). Уличные бои. Вбегаю в развалины. Вижу: стоит немец, уже автомат на меня направил. Понимаю, конец, дернуться не успеваю. Тут разрыв снаряда и немцу осколком голову сносит, ну я дальше побежал».

«А еще в этих же бобруйских боях при продвижении в центре города мне докладывают: «Комполка, продвинулись. А на фланге в пятиэтажном здании немецкий госпиталь». А у меня есть время разбираться? А если там немцы спрятались и сзади сотня бойцов нам с тылу вдарит? Так весь полк угробить можно. Послал отделение, бойцы пять этажей пробежали, всех, кого увидели, постреляли на месте и дальше пошли задачу выполнять». Такая вот она, война...

Другая история. 1945 год. Бои на территории Германии. Форсирование реки Одер. «Полк под обстрелом переправляется через реку. Разрыв снаряда, и только что полученное наше полковое орудие уходит под лед. Да еще вместе с лошадью, которая его тащила. Я в расстройстве: орудия нет, да еще и не отчитаться, ничего ж не осталось. А тут под руку, по рации докладывают: комполка, взяли пленного. Что делать? Сгоряча отвечаю: на хрен он нам нужен? Не отвлекайся, спусти его под лед и выполняй задачу дальше. К ночи в основном переправились. На плацдарме закрепились.

И тут приезжают ко мне в штаб полка особисты[5]. Ты, комполка, что в открытый эфир несешь? А я уже и забыл: за день форсирования Одера столько всякого произошло. Ну, напомнили. Ты, говорят, что, приказов о гуманном обращении с немцами не читал? А что ты в эфир несешь прямым текстом? Ну, оправдывался, как мог, горестью про орудие поделился. Ну, в общем, вошли в положение, сказали: «Как коммунисту объявляем выговор тебе по партийной линии». Правда, устный выговор объявили, без занесения в учетную карточку».

Похоронен Пятенко В. И., в соответствии с его желанием, там, где оборонял Москву — на Зеленоградском кладбище. Там же в Зеленоградском краеведческом музее хранятся его боевые ордена и медали, а в специальном музее 354-й стрелковой дивизии хранится и его военная форма. А один из однополчан в мемуарах ошибся просто по Фрейду, написав: «...в жизни полковник В. И. Пятенко был человек очень мирной профессии — учитель младших классов».

[5] Сотрудники особого отдела: контрразведка, борьба с правонарушениями и т.д.

Ряд традиций продолжались в семье и в следующих поколениях, например, преподавание и аналитическо-объективный взгляд на окружающее. Так, после окончания экономического факультета МГУ мне довелось работать в одном из институтов Академии наук СССР. Активно читал лекции по линии общества «Знание». Хотя времена были уже «вегетарианские» — расстреливать подозреваемых в инакомыслии уже перестали, но любую крамолу искоренять продолжали, а советские люди по-прежнему писали доносы.

По нынешним временам их содержание бывало смешное, например: «лектор ни разу не упомянул Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева». Но тогда любое отклонение от удушливого официоза «попахивало» отклонением от партийной линии. То есть любая культурно изложенная, да просто правдивая информация могла быть сочтена антисоветской пропагандой. А за это могли и от лекций отлучить, да и на работе проблемы появиться.

Например, один лектор в 1980 г., будучи в Татарской АССР, не подумав, с трибуны сказал всем известную вещь про нормы масла по «талонам» (так в те годы стыдливо называли продуктовые карточки). Коллега пошутил: «Вот сейчас в г. Набережные Челны 400 тыс. жителей, и норма 400 г масла на человека в месяц, г. Нижнекамск — 250 тыс. чел. и талон 200 г в месяц, а рядом г. Заинск — 75 тыс. чел. и норма 100 г. Так постарайтесь, сделайте еще 50 тыс. чел., и норма увеличится».

Нашлись бдительные граждане. Написали «телегу». Пришлось коллегам прилагать усилия по уменьшению неприятностей этого лектора. Тем, кто сейчас все подряд в России критикует, иногда полезно напомнить, что мы унаследовали от СССР не только передовые отрасли типа космической, но и экономику, где спустя 40 лет после войны был дефицит самого насущного, и большая часть населения многие товары приобретала по карточкам. А громадные очереди в магазинах были нормой жизни.

На меня доносы тоже писали. До сих пор храню пачку таких бумаг. (в некоторых местах разрешали снять копии, а кое-где удавалось выпросить и оригинал). Тогда уже понимал — «для потомков». Когда уже сам руководил обществом «Знание» в своем институте, то старался помочь людям, на которых писали доносы.

Но, как россиянин, уже в 1990-е годы в рамках аудиторского бизнеса я, например, был в рядах тех, кто без колебаний противостоял международным аудиторским компаниям «большой четверки» (в любой конфликтной ситуации работающих только в западных интересах), бившихся вместе с русскими коллаборационистами за разделение

«Газпрома» на мелкие кусочки. Здесь общими усилиями удалось отстоять интересы страны. Но в других сферах много чего подобного тогда Западу и удалось.

Затем я, весьма критичный к российским чиновникам и будучи человеком совершенно мирной профессии, зимой 2014 г. взял-таки отпуск и провел его в Крыму перед референдумом. «Ну, вежливый я от природы; как же «вежливые» люди в Крыму без меня?» — шучу.

Потом 9 мая 2014 года видел, как впервые в российском Севастополе праздновали День Победы. Казалось, весь 300-тысячный город высыпал на улицы. Везде радостно-восторженные просветленные лица. Несколько часов прогулки по ликующему городу оставляли незабываемое впечатление. Все были в эйфории[6].

Сохранение правдивых знаний о многогранной жизни своих предков — нужный камень в фундамент формирования традиций и всего будущего наших потомков [2, с. 250]. Как говорят на Востоке: «Тибет не отверг ни одной песчинки». А воспитание должно начинаться за сто лет до рождения.

Но все это, как и незабываемое празднование 9 мая в 2014 г. в Севастополе — это уже темы для будущих разговоров с детьми и внуками.

Главное — чтоб сохранялась традиция Родину защищать!

Литература и источники

1. *Гальперин Ю.М.* Воздушный казак Вердена: повесть-хроника. М.: Молодая Гвардия 1981. 336 с.

2. *Пятенко С.В.* Деловое образование в России. М.: Олимп-бизнес, 2018. 261с.

3. Документы из семейного архива.

[6] Украинизация во всем, ограничения на русский язык и реабилитация нацизма начали активно продвигаться на Украине вскоре после распада СССР. Уже с 1994 г. на Украине появились официально чтимые мемориальные памятники гитлеровской 114-й дивизии СС, в которой служили в основном украинцы. В Севастополе же всегда по-особому чтили свою героическую историю, в том числе и легендарную оборону от гитлеровских войск. Вот и представьте себе, как уход от украинского восхваления нацизма праздновался теми, кто защищал от фашистов Севастополь, а также их детьми и внуками.

БЫВШИЙ ВОЕННОПЛЕННЫЙ — ЧЕМПИОН РСФСР ПО БОРЬБЕ

Бугаян Илья Рубенович, 76 лет,
профессор Южно-российского института управления РАНХ и ГС,
доктор экономических наук,
г. Ростов-на-Дону

Рубен Егишеевич Бугаян

Мой отец, Бугаян Рубен Егишеевич, родился 14 сентября 1919 г. в селе Большие Салы Мясниковского района Ростовской области в многодетной крестьянской семье. Дед, Егише Акопович, и бабушка, Анна Сергеевна, были переселенцами из Крыма по Указу Екатерины II.

Глубоко порядочный, добрый, милосердный человек, мастер спорта, тренер — все это о Рубене Егишеевиче. В 22 года он был призван на фронт. Вскоре был ранен и попал в плен, сумел бежать. По льду через реку попал в украинскую деревню. Его нашли местные жители, ухаживали два месяца. Едва поправившись, он решил дойти до родного дома, но в районе Харькова опять попал в плен и оказался в немецком концлагере. Вместе с другими солдатами рыл окопы.

Как-то раз отец заметил, что немцы в конце лагеря соорудили сарай и туда завозили какие-то мешки; на удивление, там не было охраны. Под покровом ночи бесстрашный Рубен пробрался туда и распорол один из мешков. О чудо! Там был сахар. Отчаянный Бугаян, схватив мешок, поспешил к товарищам. Радости последних, конечно, не было предела. Недалеко от концлагеря находилась деревня, местные жители тайком подходили к лагерю и меняли сахар на другие продукты. А однажды в дождливую погоду на территории лагеря Рубен увидел босоногого мужчину, в котором почувствовал что-то родное. Подойдя к нему, он спросил по-армянски: «Армянин?» «Да», — ответил тот.

И выяснилось, что не просто армянин, а даже земляк из Чалтыря Саркис Даглдиян. Тогда Бугаян задал ему вопрос, который мог бы и не задавать в концлагере: «Кушать хочешь?» «Конечно», — ответил тот. Не раздумывая, Рубен отвёл его в свой барак, познакомил со своими товарищами. Земляку дали сухую одежду, немного еды и решили на некоторое время спрятать его здесь, пока тот не окрепнет.

А сам Рубен задумался о побеге из лагеря. Узнав, что в лагере есть подполье, он не мог упустить такую возможность. Через несколько

дней после встречи с земляком под покровом ночи Рубен с одним из товарищей (земляк пока еще был слаб) бежал из плена и обратился по данному подпольем адресу в Харькове, где его накормили и спрятали. А на следующий день дали фальшивый паспорт на немецком языке, сказав: «Иди к вокзалу, прыгай на любой поезд до Таганрога или Мариуполя, а там до Ростова рукой подать. Если попадёшь к полицаям, то можешь смело показывать паспорт — они немецкий не знают».

Гостеприимные хозяева попрощались с Бугаяном, дали немного еды, пожелали удачной дороги. По пути на вокзал он заметил еще одного беглеца. В момент, когда приближался поезд, их заметили полицаи и потребовали документы. Бугаян показал свой паспорт, а у второго, естественно, его не было. Заметив, что полицай держит «аусвайс» (удостоверение личности) вверх ногами, Рубен накричал на него: «Ты что, баран, не видишь что ли, что он на двух человек выписан?» Его смелый тон убедил полицаев, и они отстали, а Бугаян с попутчиком запрыгнули в предпоследний вагон тронувшегося поезда. Подъезжая к Таганрогу, они пожелали друг другу удачи, и каждый пошел своей дорогой.

Много жизней спас Бугаян своей смекалкой и храбростью, пройдя по суровым дорогам войны, и сам вернулся живым домой, приступив к своему любимому делу — борьбе. У него уже было два взрослых сына, когда однажды в дверь постучали. Вышел к гостям младший сын Мирон, у которого спросили: «Рубен Бугаян здесь живет?» «Да», — ответил Мирон. «Позови, пожалуйста, его», — попросили гости. И когда во дворе появился Рубен Егишеевич, седовласый гость посмотрел на него и спросил: «Рубен, узнаешь меня?» «Нет», — ответил хозяин дома. «А лагерь помнишь под Харьковом? Этот босоногий человек, к которому ты подошел и дал поесть — это я». И они обнялись и долго плакали. Потом гостей пригласили за стол, и Саркис Даглдиян сказал своему спутнику, сыну Асватуру: «Если бы не этот человек, то я бы там пропал. Расскажи об этом своим детям». А через неделю на 9 мая дорогих гостей из Нахичевани ждала большая семья Саркиса Даглдияна в Чалтыре.

Бугаян Рубен и его жена Сируник. 1947 г.

Эту историю, которую мы свято храним в семье, мой брат Мирон поведал журналисту Якову Чубарову, который в местной газете написал: «Рубену Бугаяну в этом году исполняется 100 лет. Много добрых дел сделал он в своей жизни в военное и мирное время. О нем и о некоторых других достойных людях, которые прославили нашу донскую землю, вы можете прочитать в моей книге «Славлю свой народ». Их мы должны чтить, помнить и гордиться ими» [1].

После войны отец посвятил себя спорту. Ветеран Великой Отечественной войны Рубен Агишеевич Бугаян — шестикратный чемпион РСФСР по вольной и классической борьбе, бронзовый призер первенства СССР, мастер спорта СССР, заслуженный тренер РСФСР, судья Всесоюзной категории.

Маршал Советского Союза Баграмян Иван Христофорович (в центре) на встрече с борцами, среди которых уроженцы Мясниковского района: внизу: 1-й справа — Арменак Ялтырян, 2-й слева — Георгий Термалаян; вверху: 1-й справа — Луспарон Хантимерян, 3-й — Мартирос Деремян, 6-й слева — Рубен Бугаян.
Первенство СССР по греко-римской борьбе. 1946 г.
Фото Историко-этнографического музея Мясниковского района, с. Чалтырь

Награжден орденом Отечественной войны II степени, медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «Ветеран труда».

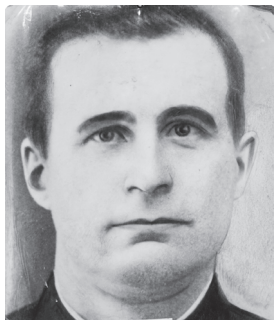
Благодаря отцу мы с братом до сих пор занимаемся спортом: я — борьбой, брат — футболом. Отец ценил товарищество — если б не было товарищей, он не выжил бы. Мы с братом тоже уважаем и любим друзей, ценим товарищескую взаимовыручку.

Литература

1. *Чубаров Я.* Гость из концлагеря // Общественно-политическая газета «Заря» Мясниковского района Ростовской области. 27 ноября 2019 г. № 91.

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ОТЦЕ

Ильюхов Александр Антонович, 74 года,
доктор исторических наук, профессор
Государственного университета управления,
г. Москва



Антон Осипович Ильюхов

Мой отец, Антон Осипович Ильюхов, родился в 1911 году в деревне Зимницкая Слобода Дубровского района Орловской (ныне Брянской) области в бедной крестьянской семье. Это было фактически пригородное (рядом с Дубровкой) село. Отец был средним ребёнком в семье. Старше его (лет на 10) была сестра и ещё младший брат Сергей, 1918 года рождения.

После окончания Дубровской школы-семилетки, примерно в 1927 году, отец трудился на рабочих должностях в пекарне, на спиртзаводе и, может быть, в других местах.

В качестве домашней легенды рассказывался случай, характеризующий мировоззрение молодого человека того времени из низов общества. Первые в жизни сапоги семья подарила моему отцу как награду за успешное окончание школы. Тогда семилетнее образование считалось вполне достаточным для деревенского парня. Так вот, к окончанию школы моему отцу подарили новые сапоги. Но, как ни странно, ему было так стыдно перед своими бедными товарищами иметь такие блестящие сапоги, что он вымазал их грязью.

Далее была служба в армии, кажется, шестилетняя. Об этом периоде жизни отца знаю лишь то, что ему приходилось таскать тяжёлый пулемёт. Навык пулемётчика пригодился отцу позже, в партизанском отряде.

После службы в армии отец возвращается в Дубровку, в то время уже районный центр Орловской области. Отслужившему в армии парню, да ещё имеющему достаточное по тому времени образование и подходящее социальное происхождение, предлагают работу в НКВД — оперуполномоченным. Эта страница жизни и работы отца мне, к сожалению, совсем неизвестна. Я только знаю, что где-то в начале 30-х годов он женился. В 1933 году в семье родилась дочь, а в 1937 году — сын.

А дальше была война. На основании директивы НКО от 29 июня 1941 года во всех районах, которые могут быть подвергнуты оккупации, велено было создавать партизанские отряды и подполье. В эти отряды в обязательном порядке включались работники НКВД, милиции и партийные активисты. Таков и был по своему составу первый Дубровский партизанский отряд.

Для будущих партизан в конце июня 1941 года делали секретные закладки (склады), в которых были некоторые продукты питания, боеприпасы и кое-что необходимое для жителей леса. О существовании такого партизанского «клада» я лично слышал от отца, когда мы с ним на телеге ехали на сенокос мимо небольшой рощи недалеко от Десны. Было это примерно в 1960 году. Отец сказал тогда, что здесь они потеряли свой «склад» и до сих пор не нашли (да и не искали потом, видимо).

Не знаю точно численность Дубровского партизанского отряда первого формирования, но, полагаю, едва ли в нём было более 30–50 человек. После прорыва фашистами нашей линии обороны на Десне в начале октября 1941 года и отступления советских войск на Рессету, где они были окончательно разбиты, отряд прекратил своё существование. Кто-то из партизан погиб, кто-то попал в плен, кто-то ушёл с отступающими армейскими частями, остальные разошлись по деревням и хуторам. Вновь отряд собрался на рубеже 1941–1942 гг. Его возглавил сотрудник НКВД П. М. Мартынов, сослуживец моего отца.

Позже Дубровский отряд вошёл в состав 3-й стрелковой партизанской дивизии, впоследствии преобразованной в Рогнединскую партизанскую бригаду.

Отец кое-что рассказывал мне о своей партизанской жизни. Помню, как он говорил, что во время одного из боёв очередями из своего пулемёта срезал дерево. Мелочь, ничего не значащий эпизод, на первый взгляд. А ведь он говорит и о плотности огня, и об упорстве боя, и о мужестве людей.

Рассказывал отец о том, как они сидели в плотной немецкой блокаде и сильно голодали. Даже когда удалось раздобыть картошку, легче не стало. Варить её было нельзя, немцы сразу бы заметили костёр, а сырой картофель никто не осилил.

С чувством вины отец рассказывал мне о трагическом эпизоде тех лет. В 1943 году немецкие каратели расстреляли его сестру Цебреву по стандартному обвинению: «за связь с партизанами». Отец регулярно приходил к ней в деревню (а скорее на хутор) Цебревка за продуктами. Сильно подозреваю, что её выдал кто-то из односельчан и рассказал карателям о ночных визитах её брата. У Цебревых был сын Анатолий, примерно 1930 года рождения, который после войны жил в нашей семье, его и женили мои родители. После сокращения из армии он работал на заводе в Брянске.

А вообще, по рассказам отца, партизаны не всегда получали добровольные пожертвования от селян. Иногда продукты питания приходилось реквизировать. Иначе в лесу было не выжить. А ведь надо было громить вражеские гарнизоны, совершать диверсии, вести разведку.

Помнится, что отец рассказывал о своём положении в отряде как политруке. Но что это значит на практике — мне неведомо. В партизанских отрядах должностные обязанности не совпадали с армейскими из-за особенностей их борьбы в тылу врага.

Но что самое ценное — отец вёл партизанский дневник (текущий архив) боевых действий, который я не просто видел, а уже в «читающем» возрасте внимательно читал и открывал для себя много нового в истории партизанского движения. Героизм и предательство, мужество и трусость. Там переплелось всё. Это было тем более интересно, что ещё были живы многие люди, о которых писалось в отцовском дневнике.

Но где-то в начале 50-х годов эта общая тетрадь исчезла. Отец передал её какой-то женщине из Брянска, которая, якобы, что-то писала о партизанах (возможно, диссертацию). С тех пор следы этого ценнейшего документа о партизанском движении на Брянщине затерялись. Видимо, навсегда. Отец не догадался тогда взять расписку с указанием, кому и на какой срок он передал свой партизанский дневник. А зря. Мне бы сейчас эту тетрадь, я бы, может быть, и книгу написал! Но тогда я был просто школьником, а не профессором истории, как теперь.

За участие в партизанском движении и храбрость отец был награждён орденом Отечественной воны II степени (№ 296720), медалями «Партизану Отечественной войны» I степени (май 1946 г., № 55646), «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (январь 1946 г.), «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (июнь 1945 г., № 347394), «Двадцать лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1965 г.). Причём в удостоверении к медали «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» записан его статус — «политрук».

Послевоенная встреча партизан Дубровского отряда в пос. Дубровка

В 1944 году от тифа или туберкулёза умерла первая жена моего отца. На его попечении осталась большая семья: двое своих детей 11 и 7 лет, племянник лет 13–14, и мать 1879 года рождения. Он женился второй раз на вдове своего погибшего в годы войны друга Елене Ивановне Алёшиной (по мужу).

Её первый муж М. А. Алёшин и мой отец вместе работали в НКВД, дружили семьями и имели одинаковых по возрасту детей. Алёшин был оставлен в тылу врага для организации подпольной работы. Но был выдан кем-то из местного населения и вместе с работником райкома партии Н. М. Гыренковым и сотрудником милиции Морозовым схвачен фашистами в деревне Заустье, отправлен в Брянскую тюрьму, где и погиб. Его жена, моя родная мать, Елена Ивановна, потеряла двоих детей во время эвакуации (они умерли от тифа). Это мои неведомые брат и сестра...

Парад партизан в Дубровке в честь Дня освобождения Брянщины от немецко-фашистской оккупации. 17 сентября 1968 г.

После освобождения Дубровского района в сентябре 1943 года в военные (до 9 мая 1945 года) и первые послевоенные годы вчерашние партизаны формировали все районные структуры управления. Отец последовательно занимал должности секретаря райкома партии по кадрам (в его обязанность входило собирать довоенные управленческие кадры), заместителя председателя райисполкома, директора МТС, директора «Заготзерно». Последняя должность была очень хлопотная. Задача директора заключалась в заготовке хлеба (в основном ржи) со всех колхозов района и его хранении. Тогда под руководством отца были построены огромные каменные склады для хранения зерна в центре посёлка Дубровка.

А дальше карьера отца пошла по нисходящей. Семиклассного образования уже было явно недостаточно, да и партизанский статус постепенно терял прежнее значение. Директор хлебокомбината, заместитель директора «Заготконторы», директор продовольственного магазина. Но это всё было уже не его. Торговать он не умел и не хотел, но партия давала ему именно эту работу.

Отец неожиданно умер 8 августа 1967 года. Я только что окончил институт, о чём он так мечтал...

КОГДА ГОРЕЛА ЗЕМЛЯ

Урюмцев Олег Григорьевич, 61 год,
журналист, режиссер, актер,
президент Международного фестиваля
военного кино им. Ю.Н. Озерова,
г. Москва

У мамы на руках

Поезд «Орел — Ливны» на разъезде шёл медленно. Он всегда здесь сбрасывает скорость, чтобы не останавливаться. Машинист знает, что кто-нибудь обязательно спрыгнет. До деревни рукой подать, а от станции — на попутках добираться. Ещё не всякая возьмёт. Вот и притормаживал по-свойски. Да и полотно лежало на чернозёме. Сколько не укрепляй, всё равно плывёт.

Как машинист думал, так и произошло: видел в зеркало, как на разъезде сошла женщина с мальчишкой. По обе стороны от рельсов раскинулось пшеничное поле. Ветер колыхал тяжёлые колосья, и по полю медленно прокатывались волны, затихая у дубовой рощи.

Женщина стояла у этого моря хлеба, вдыхая воздух, который не ощущала уже очень давно. Мальчик нетерпеливо поглядывал на неё, но вопросами отвлекать не решался. «Сколько же прошло, — думала Анна Васильевна. — Двадцать, двадцать пять? Вот и хлеба теперь богаче, и дубы совсем взрослыми стали».

Она вдруг вспомнила, как, наработавшись в поле, они, ребятишки, убегали в тень рощи, как отец доставал из самотканого платка хлеб, испеченный бабушкой Солошей. Мать умерла рано. Анна Васильевна её почти не помнила. Теперь вот она сама — мать. Но пшеница другая и дубы.

Перед самой войной отец уехал в Спасск-Дальний «давать стране цемент», как писал он домой. Оттуда в составе дивизии дальневосточников в 1941 году ушёл на фронт, и с той поры почтальон редко приносил послания от него. Когда тут писать, если только и знаешь, что «заряжать». Отдыха нет на войне солдату.

...Орудия готовили к бою, батарея спешно окапывалась. Влажная, податливая земля будто понадежней хотела укрыть своих защитников. Они стояли на танкоопасном направлении — между Орлом и Курском, в полосе обороны, чтобы «сдержать и измотать врага и создать условия

для успешного контрнаступления». До дома рукой подать. Если бы он знал, что это не просто танкоопасное, а стратегически важное направление для всего исхода войны! Это была задача фронта, батареи, каждого солдата.

Василий Квасов в начале войны

Василий сидел у орудия и курил самокрутку, разглядывая свои серые от пороха и табака, потрескавшиеся пальцы. Светало. Где-то далеко залились, застучали соловьиные трели. Он поглядел туда, на зелёную равнину, окруженную пёстрым лиственным лесом, снова вспомнил о доме. Отсюда до Русского Брода рукой подать, а там и родное Костромитино. Но поди ж ты, укуси локоть!.. Как там мои? Измучились, поди, без отца? Бабуся, наверное, встала уж, пошла скотину смотреть. Эх, кабы весточку какую, хоть сорока на хвосте, всё бы легче стало...

А кругом стояла тишина. И катились через поле на батарею короткие соловьиные трели. Природа вечна. Для неё не было войны. Война была для людей.

— Ух, холодно, — донеслось от соседнего орудия. — Скорей бы солнце вставало.

Василий даже не посмотрел в сторону голоса, вспомнив про себя Москву 1941 года, лютый мороз, снег, обледенелые окопы. И танки. И понесла память в подмосковные Клинцы, где оказался после первого ранения.

...Самокрутка обожгла пальцы.

— Скоро попрёт серая сволочь, — пробурчал он, поднимаясь с отрытого чернозёма. — Земля-то какая, аж штаны мокрые. Как у нас! Эх, не своим делом занимаемся.

— Что? — переспросил подошедший командир орудия.

— Не своим, говорю, делом занимаемся. Пахать надо, хлеб ростить, детей, а я тут ручки всякие кручу, стреляю, мать честная, во всякую мразь. Кто их сюда звал, нечисть поганую?

— Давай-давай, — одобрил командир. — Злость в бою пригодится.

Наступление началось с артподготовки. Била фашистская артиллерия. Выли, прорезая воздух, огненные головни снарядов, рвались впереди с глушащими ударами. Вспышки ослепляли, не давали смотреть в панораму прицела. При артподготовке туда лучше и не глядеть. Над батареей пронеслось: «Танки!» Сквозь грохот, вой и лязг все услышали этот крик. Танки ждали. Ждали давно каждым нервом, каждой клеткой, а как услышали — не поверили, надеясь, что кто-то ошибся, померещилось.

Но не померещилось. Василий увидел их: чёрные жуки ползли по полю, поплевывая солярной копотью. И чем ближе подползали они, тем страшней и противнее становилось на душе.

— Началось!

Самое трудное — наводить на танк, орудие которого уже смотрит на тебя. За три года войны Василий не смог смириться с этим: танк против пушки — равносильно расстрелу. Они там за толстенной броней, а ты тут, как Баба Яга на пороге своей избушки — чистая мишень. Выход один — не дать ему выстрелить первым. Не дать! Ни за что! Иначе...

Василий, как и большинство людей его возраста, любил поразмыслить. Однажды, сидя в окопе, задумался о неизвестном его чувстве — состоянии, от которого дрожь по телу и сыростью, вроде, веет. «Вот воюю я, бью сволочь эту, будь она проклята... Значит, живу. Ну, а тут как? Лежу, а меня, выходит, нет — не вижу, не слышу. Так, что ли? Этого же не может быть! Не может же всё вдруг раз — и исчезнуть?» Разлапистые дубы с густыми кронами, утренняя роса на клевере, колыхающиеся поля, опоясанные ветвистым орешником, речка, бегущая вдоль деревни, где в детстве руками ловил подкаменщиков — рыба такая мелкая и... не понял. Не понял, как же он, вдруг, может умереть?

И сейчас, на передовой, помня развороченную, ещё дымящуюся соседнюю пушку, столб смертоносного огня, разметавшего, как щепки, тела, он лишь мычал, жалея, но понять — опять не понял.

Василий наводил и стрелял. К концу дня гимнастёрка от пота стала похожа на мокрую салфетку, липла к телу, на зубах скрежетала земля. Никто не удивлялся, что их пушка ещё цела. На войне все верили в судьбу. «Сегодня мы счастливчики, завтра — другие». Но что такое судьба? Цепь обстоятельств, в центре которых ты сам...

Он лежал во ржи, раскинув руки. Пушистые колосья гладили лицо и полусонно шептали что-то тихое, далекое, похожее на колыбельную матери. Но странно пахло убежавшим молоком или гарью. Солнце палило огнём. Хлеб горит! Василий с трудом разомкнул веки. Горизонт плескался в алом зареве уходящего солнца. Где-то в стороне ещё лязгали танки и уже редко ударяли орудия. Василий пытался пошевелиться, но не смог — был в земле по самую шею. Ему показалось, что всё тело пропускают через гигантскую мясорубку, где ломаются кости, рвутся мышцы. Он отчаянно закричал и забылся. Кто мог его услышать? Нашли его без сознания ближе к ночи, когда обходили позиции.

Старший прапорщик Анна Васильевна

За этот бой рядовой артиллерист Василий Квасов был награжден грамотой командующего Центральным фронтом Константина Рокоссовского. А в июне 1945 года в Костромитино пришло письмо из Берлина. В конверт была вложена фотография, на которой бравый Василий Васильевич Квасов сидел на трофейном мотоцикле. На груди его, над

сверкающими на солнце медалями, две планки, что означали тяжелые ранения. Они-то и не дали Василию Васильевичу вдохнуть полной грудью воздух мирной жизни. В октябре победного года, после восстановления вражеского Берлина, он вернулся домой, но прожил недолго. Всё время болел, и никакие врачи его не спасли. Умер он 20 марта 1946 года, так и не приложив свои руки хлебопашца к родной земле.

Деревни Костромитино уже нет на карте. Только яблоневый сад, принадлежавший Квасовым, всё ещё плодоносит антоновкой и белым наливом.

Нет уже и Анны Васильевны, которая в детстве так любила эти плоды и раз в год приезжала на деревенское кладбище — почтить память отца, моего деда. Сядет, бывало, на границе кладбища, у обрыва и плачет. Могилки-то не сохранились — ни отца, ни матери.

По промыслительному стечению обстоятельств она прослужила во внутренних войсках больше 30 лет, была награждена правительственными наградами и превзошла своего отца по званию, дослужившись до старшего прапорщика.

Она и рассказала мне, что знала сама и что передал ей отец — Василий Васильевич Квасов — один из миллионов рядовых солдат, чьими руками день за днём вершилась Великая Победа, вершилась мировая история.

P.S.

Маленький мальчик теперь уже взрослый мужчина, ставший профессиональным журналистом, а затем и режиссером-постановщиком игрового и документального кино. Послевоенное поколение пятидесятых сплошь пронизано войной, рассказами о ней, книгами, стихами и песнями.

Международный фестиваль военного кино имени Ю. Н. Озерова — его творение, созданное 18 лет назад. Пять лет при поддержке губернатора Тульской области Алексея Дюмина он проходит в городе-герое Туле. На него съезжаются знаменитые актеры, режиссёры, продюсеры и показывают новое кино, свой взгляд на нашу героическую историю, историю Великой Отечественной и Первой мировой войн.

Зарубежные деятели искусства представляют свою историю — английскую, индийскую, китайскую, сербскую, египетскую, иранскую, даже немецкую... Ведь молодые немцы совсем иначе смотрят на мрачное прошлое нации, испепелённое пожаром мировой войны, развязанной их фюрером...

Каждый говорит с экранов о своих переживаниях, терзаниях, о наболевшем, и мир, глядя глаза в глаза, объединяется. А это дорогого стоит!

ПОЛКОВНИК МИЛИЦИИ Н. П. ЩУРОВ

Фетисова Нина Юрьевна, 75 лет,
экономист, пенсионерка,
преподаватель экономики Тульского
сельскохозяйственного техникума (1985–1991 гг.),
г. Тула

Я хочу рассказать о моем дедушке по материнской линии Щурове Николае Павловиче, 1897 г.р., и бабушке Марфе Николаевне, 1901 г.р.

Их дочь (моя мама Лидия Николаевна) когда-то поставила фотографии своих родителей на трюмо, и они до сих пор находятся там, в ее комнате, хотя мамы не стало в 2012 году.

На одной из них, пожелтевшей от времени, с обтрепанными краями, наклеенной для прочности на картонку — бравый полковник милиции в папахе и шинели. Черты лица трудно разобрать постороннему человеку, но я живо представляю волевой облик дедушки. Тем более, что рядом, на другой фотографии, он с бабушкой, они смотрят друг на друга, но взгляд — другой, мягкий, внимательный.

Николай Павлович и Марфа Николаевна Щуровы

Полковник милиции Н.П. Щуров

Дедушка в милиции — с 1922 года. Когда он пришел с фронта в числе возвратившихся солдат, в родной Туле застал последствия гражданской

войны: разруху, голод, запустение, кражи, грабежи, убийства. Беспризорные голодные мальчишки, блатные «молодцы» и спекулянты, желающие нажиться на горе и недостатках людей...

Эта безрадостная картина и побудила сменить простреленную шинель на обычную телогрейку и косоворотку — милиция тогда не имела собственной формы. И вот получены пистолет и патроны, поставлена новая цель — сделать все зависящее от него, чтобы граждане молодой Советской республики могли спокойно жить и трудиться в безопасности.

Сначала постовой на углу улицы Советской и теперешнего проспекта Ленина, затем работник Тульского Губрозыска, начальник уголовного розыска сначала в Калуге (с 1936 г.), потом в Туле — через три года после образования Тульской области в 1939 г.

По 16–18 часов в сутки приходилось работать молодому милиционеру, чтобы успеть, предупредить, пресечь преступление, раскрыть совершенное.

Одно из успешных дел Н. П. Щурова в тридцатые годы — дело яснополянских грабежей. По дороге между Косой Горой и Ясной Поляной вооруженные бандиты нападали на повозки проезжающих через лесной массив крестьян и отбирали силой вещи и деньги. Поиски местной милиции были безуспешными, бандиты быстро исчезали в лесу, словно растворяясь. И тогда дедушка предложил свой план.

В воскресенье, в базарный день, когда в Тулу со всей округи съезжалось множество людей (одни — купить, другие — продать), вечером в одной из больших телег ехала довольная шумная компания: две женщины в цветастых платьях и платках и два мужика в крестьянской одежде. Один из них взял на руки поросенка и стал крутить ему хвост. Бедное животное начало визжать, а компания — громко смеяться. Неожиданно выскочили бандиты, которых сотрудники, замаскированные под крестьян, задержали без единого выстрела.

Еще одно успешное дело — расследование за две недели трех краж личного имущества, совершенных заезжим гастролером с участием тульского картежника Фомы, который оказался и мошенником, и «монополистом» сбыта краденых вещей в городе.

После возвращения подполковника Щурова из Калуги в Тулу руководителем уголовного розыска город всколыхнуло зверское убийство в частном доме на улице Демонстрации, которое снова удалось раскрыть Николаю Павловичу.

В 1941 году, когда началась Великая Отечественная война, дедушка отправил бабушку с моей мамой в эвакуацию вместе с эшелонами туляков, а сам остался защищать Тулу. Вместе с начальником отдела милиции Свиридовым он возглавил батальон, или, как тогда говорили, отряд милиции, который в критические дни защищал город от атак врага. Позднее сотрудники из отряда милиции влились в Тульский рабочий полк, который прошел от Тулы до Кенигсберга. Свиридов и Щуров на-

меревались отправиться воевать со своими сослуживцами, но их обязали остаться на своих постах в тульской милиции.

В дни обороны Тулы Николай Павлович занимался поддержанием в городе «революционного порядка», поиском и выявлением диверсантов, «злостных распространителей ложных слухов», пресечением мародерства [1, с. 221]. Н. П. Щуров возглавил группу, которая несла патрульно-постовую службу возле складов материально-технического снабжения в Заречье. При ликвидации беспорядка на складе, расположенном в здании бывшей церкви в районе улиц Пузакова и Октябрьской (ныне восстановленный храм С. Радонежского), был тяжело ранен оперуполномоченный уголовного розыска Д. Д. Широков. Позднее убит из-за угла один из лучших сотрудников милиции, спортсмен-лыжник — участковый уполномоченный Чижов. Преступники-убийцы были позднее задержаны и расстреляны по приговору Военного трибунала.

Н. П. Щуров выполнял задания и разведывательного характера. Он возглавил группу в составе А. Д. Зверева, И. А. Химина, О. Н. Бабичева, которая в ноябре отправилась в район деревни Прудное с целью установления сил и расположения противника. Важные сведения были переданы командованию.

В 1943 году после образования Калужской области приказом по Министерству внутренних дел полковника милиции Щурова назначили заместителем начальника областного управления милиции. Но как только он вышел на пенсию, тут же вернулся в родную Тулу.

Теперь сферой его активной деятельности стала общественная работа. Его подпись наряду с подписями его соратников по службе стоит под Обращением Совета ветеранов Тульского УВД к сотрудникам тульской милиции: «...Мы, ветераны, пришли работать в органы в годы становления Советской власти и первых пятилеток, не имея ни опыта, ни достаточных знаний. Руководствуясь революционным самосознанием, вели беспощадную борьбу с контрреволюцией, саботажем и уголовной преступностью, отдавали все силы укреплению революционного порядка...

...Мы, ветераны, находясь на заслуженном отдыхе, по мере своих сил и возможностей принимаем участие в повседневной жизни нашей милиции, словом и делом помогаем молодым сотрудникам познавать трудный, многогранный и почетный труд работников органов внутренних дел...» [1, с. 222].

Дедушка в моей памяти остался хорошим мастеровым, который и дома, в редкие минуты отдыха, никогда не сидел без дела. Он хорошо знал плотницкое дело (у меня сохранилась сделанная его руками деревянная скамеечка), умел чинить обувь, хорошо готовил, в частности, польское блюдо «бураки» (типа нашего свекольника). Мы до сих пор пользуемся его рецептом приготовления этого вкусного блюда. Он хорошо играл на губной гармошке, приплясывая при этом.

Моя мама Лидия Николаевна, 1926 г.р., часто вспоминала те дни в эвакуации, куда ее с мамой отправил отец (я не помню точно — куда, кажется, на Урал). Их приютила сердечная женщина, жили трудно, но дружно. Но пятнадцатилетнюю Лиду Мария Николаевна каждый вечер посылала в соседнюю деревню слушать сводки Информбюро по радио. Лида шла несколько километров по опушке леса, выли волки, было страшно, темно... Но она была «вооружена заговором», которому ее научила хозяйка; она произносила его слова и благополучно добиралась каждый раз до дома.

Сегодня вызывает удивление и недоумение — почему бабушка ежедневно посылала своего ребенка узнавать новости с фронта и не боялась при этом за дочку? Так следили за новостями с фронта и болели всей душой люди за общее дело!

И еще я от нее узнала, что мой дед после войны участвовал в операции по борьбе с бандой «Черная кошка». Общеизвестный факт сегодня — покончить с бандитизмом в Одессе призваны были переодетые в штатское не только местные милиционеры, но и прикомандированные из других городов офицеры.

А мой отец Юрий Петрович Дорофеев, 1924 года рождения, вспоминал, как в 1941 году гасил фугаски на крыше своего и соседнего домов на улице Пушкинской в Туле. А бабушка с дедушкой рассказывали, что на Косой Горе жила женщина, блаженная, которая всем говорила: «Враг в Тулу не войдет — у меня ключи от города в кармане».

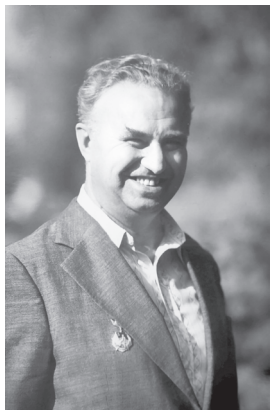
Враг в Тулу, действительно, не вошел. И в том есть заслуга моего дедушки, папы и многих других людей...

Литература

1. *Завьялова И.* Тридцать пять лет в строю // Всегда на посту: Рассказы о тульской милиции/ Сост. Б. А. Играев, А. С. Кузнецов. Тула: Приокское книжное издательство, 1987. С. 213–222.

«МОЯ ПАМЯТЬ ВСЕГО ЛИШЬ ПРОЯВЛЯЕТ ПЛЕНКУ...»

Вялкова Наталия Сергеевна, 60 лет,
кандидат технических наук,
доцент Тульского государственного университета,
г. Тула



Сергей Иванович Шмараков

И кажется, что только вчера мы сидели с папой на даче на лавочке под его любимой сиренью и вели бесконечные разговоры обо всем на свете...

Мой отец, Шмараков Сергей Иванович, родился 25 августа 1924 года в д. Мерлиновка Тульской области в многодетной дружной семье. Дедушка Иван Иванович работал на Тульском оружейном заводе, а бабушка Анастасия Ивановна занималась домом и детьми.

Два брата и четыре сестры — люди деятельные, активные, трудолюбивые — всю жизнь были опорой и поддержкой друг другу.

Закончив школу ФЗУ ТОЗ, Сергей Иванович работал фрезеровщиком на Тульском оружейном заводе, в годы Великой Отечественной войны ушел на фронт. В 1943 году закончил КУКС ОШШС. Воевал в составе 5-й гвардейской механизированной Волновахской Краснознаменной ордена Суворова бригаде (5 гв. мехбр), сформированной 22 октября 1942 года и успешно принимавшей участие в Ростовской операции, Донбасской наступательной операции, боях за Херсон и Берислав, Рацкерестура. А вот в Будапешт, Вену, Брно, Прагу бригада вошла без него, завершив свой боевой путь в районе города Пршибрам 11 мая 1945 года.

Война закончилась для моего отца в январе 1945 года, а напоминала о себе еще многие годы. Получив осколочное ранение с контузией спинного мозга, молодой лейтенант — помощник начальника штаба — попал в госпиталь и долгие полгода находился на излечении. А в более позднее время последовала инвалидность II группы.

Указом Верховного Совета СССР за личное мужество и отвагу в боях Сергей Иванович был награжден орденом Красной Звезды. Но о награде и присвоении звания капитана он узнал уже в Туле.

К сожалению, писем военной поры не сохранилось. И только открытка, отправленная из госпиталя в апреле 1945 года.

А на ней папиной рукой написано: «На память маме и сестре от сына и брата».

В 1950 году Сергей Иванович поступил в Тульский государственный педагогический институт и успешно окончил его в 1955 году по специальности «История». Начал свой трудовой путь в Тульском механическом институте (позднее в Тульском политехническом институте) в качестве старшего преподавателя на кафедре политэкономии. Серьезно занимался исследованиями по актуальным проблемам экономической теории.

На память маме и сестре от сына и брата. Сергей Ш. 30.4.45 г.

Под руководством Сергея Ивановича работа студента А. В. Иванова «Выравнивание уровня экономического развития стран — членов СЭВ» получила отличную оценку на Всесоюзном конкурсе студенческих работ по проблемам общественных наук, истории ВЛКСМ и международного движения и диплом на Международном конкурсе в Будапеште в 1977 году [1, с. 301].

«Все расписано на небесах. Что же остается человеку? Подробности!»

Что я вспоминаю прежде всего — его чуткость в отношениях с людьми, внимание, серьезное отношение к делу.

А в доме его всегда были рады гостям. Здесь часто собирались друзья военных и послевоенных лет, многочисленные родственники.

Все мы — дети, внуки, правнуки войны. И память о тех, кто приблизил Победу, всегда будет жить в наших сердцах.

С. И. Шмараков и А. В. Иванов перед поездкой на конкурсе

Литература и источники

1. Кузница инженерных кадров. — Тула: Приокское книжное издательство, 1980.

2. Документы из семейного архива.

ПРО ДЕДА-ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКА

Крюков Игорь Вячеславович, 41 год,
общественный деятель, меценат,
г. Тула

Г.С. Крюков

Моего деда я не застал в живых, но благодаря рассказам отца Вячеслава Георгиевича и я, и мои дети знаем о нем и гордимся его вкладом в Победу. Благодаря ему мы ощущаем причастность нашей семьи к истории Великой страны — Советского Союза.

Родился Крюков Георгий Сергеевич в 1913 году в городе Ефремове Тульской области в многодетной семье столяра. Рано потерял отца и как старшему из детей ему пришлось взять на себя ответственность за содержание семьи — с 14 лет он начал работать в депо слесарем. Конечно, огромная нагрузка легла на молодого парнишку, но он находил силы и время также учиться и саморазвиваться. Я не перестаю удивляться его организованности, позволившей успешно окончить еще и курсы машинистов.

Эта профессия сыграла огромную роль в его судьбе; благодаря ей он смог помочь Родине в тяжелые годы Великой Отечественной войны.

По достижении призывного возраста дед был призван в ряды Красной Армии. Военкоматом был учтен тот факт, что он работал в железнодорожном депо и отучился на курсах машинистов, направив служить его в железнодорожные войска. В армии отец проявил себя как отличный солдат, имел множество поощрений и благодарностей. Демобилизовался в звании старшего сержанта, что по тем временам было большой редкостью для обычного солдата срочной службы.

Вернувшись на гражданку, дед, обогативший свой опыт работы в депо службой в армии, конечно же, пошел работать на железную дорогу в родном городе Ефремове. Ему практически сразу доверили возить тяжеловесные составы. Как и все советские люди, он трудился, жил мирной жизнью. Являясь кормильцем своей мамы, младших братьев и сестер, думал о создании своей семьи, строил планы на будущее.

Но мирную жизнь нарушила война, и дед, как и тысячи других советских парней, пошел в военкомат с просьбой отправить его на передовую защищать Родину. Написал соответствующий рапорт, но ему отказали, объяснив, что он имеет редкую и востребованную специальность машиниста высокого класса. Дед был расстроен, что его не взяли на фронт, но работники военкомата разъяснили пользу, которую он может принести

фронту, народу и стране, работая по профессии, и вручили соответствующий приказ.

Всю войну дед водил поезда. Частенько сам работал за кочегара и грузчика, перевозил эвакуируемых людей и промышленные предприятия в тыл; доставлял живую силу, военную технику, боеприпасы к фронту.

Редко эти рейсы обходились без налетов фашистской авиации, а в первые годы войны это случалось практически в каждом рейсе. Чтобы спасти состав от вражеского налета, особенно когда он направлялся к линии фронта, поезда приходилось прогонять ночью в режиме маскировки, нарушая все правила техники безопасности. Порой расстояние между поездами было 200–250 метров, да еще в ночное время! И только голос кондуктора хвостового вагона переднего поезда позволял машинисту ориентироваться и не въехать в хвост.

Частенько вражеские налеты наносили серьезный урон поезду. И только умелые и хладнокровные действия бригады позволяли довозить эшелон до ближайшей станции или станции назначения без потерь людей и груза. Люди со слезами на глазах благодарили паровозную бригаду за спасение. Особо выражало признательность машинисту за уцелевший эшелон и груз командование, ведь несвоевременно поставленные техника и боеприпасы могли привести к поражению на фронте и огромным жертвам. Не зря в годы Великой Отечественной войны железнодорожников называли старшими братьями Красной Армии.

Дед не очень любил вспоминать о войне, но о нескольких эпизодах мы все-таки знаем. Так, он рассказал моему отцу, как пережил первый налет. Во время одного из рейсов налетели три фашистских самолета и стали кружиться над поездом, осыпая его пулями. Дед говорил: «Это было действительно очень страшно. В какой-то момент хотелось выскочить из поезда и убежать, но мы с бригадой продолжили им управлять. Немецкой авиации удалось повредить пулями котел, который мог взорваться в любую минуту. Но нам все же удалось доехать до ближайшей железнодорожной станции, в кратчайшее время восстановить поезд и продолжить путь».

Он рассказывал, что в первые годы войны фашисты господствовали в небе. Их летчики устраивали охоту даже за отдельными людьми, так произошло и с его молодым помощником. Во время стоянки тот попросил разрешения пособирать ягоды на находившемся поблизости поле. Дед разрешил, но недалеко от локомотива. Не прошло и десяти минут, как из-за леса на бреющем полете вылетел немецкий «мессершмитт». Не обращая внимания на состав, он стал гоняться за парнем, строча из пулемета. Люди, спрятавшиеся под паровозом, кричали ему, чтобы он бежал к лесу, но парень растерялся и залез под стог, стоявший в поле. Фашист это видел и во время очередного захода поджог стог зажигательными пулями. Выскочив из огня, молодой человек, петляя, все-таки побежал к лесу, а фашист, словно издеваясь, стал пикировать, ими-

тируя атаку, не стреляя, а потом вдруг развернулся и улетел обратно за лес. Горечь от бессилия захлестнула деда. Но он верил, что придет время и фашисты получат за все сполна. Победа будет за нами!

Еще один эпизод дед вспоминал со смехом. Однажды после выгрузки эшелона возвращались в тыл. С ними в порожних вагонах на побывку возвращались двое военных. Поезд пришлось остановить в чистом поле, так как впереди шел ремонт дороги; тут появился немецкий истребитель и начал обстреливать их из пулемета. Они лежали под паровозом и на чем свет кляли фашистов. А немецкий летчик так увлекся, что не заметил, как сверху его атаковали два наших истребителя. Он хотел дать деру, но было поздно — его подожгли. С криками «Ура!» железнодорожники выскочили из укрытия и увидели, как немец выбросился с парашютом неподалеку от них. Те двое военных, что ехали в поезде, бросились к месту приземления немца. Отец и бригада побежали за ними, схватив, кто что успел. С отцом бежал его долговязый кочегар с огромной совковой лопатой для подачи угля в топку. И тут им представилась такая картина: из оврага к военным навстречу шел немецкий летчик с поднятыми руками, но увидев кочегара с лопатой, вдруг дико закричал и бросился наутек. Когда они с военными его поймали и солдаты его обезоружили, он что-то лопотал по-своему и все время с ужасом смотрел на черного от угля верзилу кочегара. Фашиста красноармейцы сдали на ближайшей станции в комендатуру. А дед своего кочегара заставил помыться и почистить одежду.

И.В. Крюков с семьей перед шествием Бессмертного полка. Москва, 9 мая 2019 г.

После войны дед вернулся к гражданской жизни. Теперь уже было можно и нужно обзавестись своей семьей, что он и сделал. Вырастил троих сыновей, привил всем любовь к Родине, рассказывал о трудовых и боевых подвигах советского народа в лихие годы войны. Учил помнить и хорошее, и плохое (чтобы не делать ошибок), делать доброе и бороться со злым, несправедливым.

Эти заветы деда чтим и мы, его внуки, и передаем своим детям, уже его правнукам. За свою жизнь дед был награжден множеством грамот и медалями «За трудовую доблесть» и «За трудовое отличие».

Умер Георгий Сергеевич Крюков рано, прожив всего 53 года.

Мы гордимся нашим дедом и вместе с Бессмертным полком пройдем 9 мая со своими детьми, его правнуками, по улицам нашего родного города!

БОЦМАН СЕМЕН КУЗНЕЦОВ

Кузнецова Любовь Семеновна, 69 лет,
бухгалтер-экономист, пенсионерка,
Тульская область, г. Донской

Мой отец, Кузнецов Семен Леонтьевич, родился 5 декабря 1922 года в селе Дерябкино Беднодемьяновского района Пензенской области. О семье отца мне мало что известно, но хозяйство, по-видимому, было крепкое, так как дед Леонтий в годы коллективизации был раскулачен и сослан в Сибирь. Бабушке он успел сказать: «Уезжай, моя хорошая, из села, ибо жить тебе здесь не дадут. Береги детей». И отправилась наша бабуля с двумя малолетними сыновьями Семеном и Тихоном к старшей дочери Аксинье на Урал. Та была уже замужем и жила в городе Миасс Челябинской области. Ехали на повозке, запряженной лошадьми. Была глубокая осень. Путь дальний, дни летели. Холод, дождь, снег. Бабуля простудилась, заболела в дороге и умерла. Как ребята добрались до сестры, подробности неизвестны. Помню только, что тетка Аксинья говорила: «С Божьей помощью и благодаря хорошим людям». Детей приютила какая-то семья, а она их потом с большим трудом разыскала.

Так и воспитывался отец у сестры Аксиньи вместе с братом и ее двумя детьми. Горя хлебнул немало, жили непросто, но все они молчали, лишнего не говорили, так как были из кулацкой семьи.

Надпись на фото: «На память отцу Леонтию Никитовичу от сына Семена Леонтьевича. Вспоминай и жди меня, скоро встретимся». Подпись: «Ст. 1-й статьи. Кузнецов 7.03.1947 г.»

Когда началась Великая Отечественная война, отца призвали в армию в ноябре 1941 года. Его направили на Дальний Восток. Служил в морфлоте на торпедных катерах добросовестно, честно, отважно. С 9 августа 1945 года участвовал в войне против Японии. Был награжден медалью Нахимова. Очень приятно прочитать характеристику отца в наградном листе.

Внизу слева направо: Кирьянов Михаил, Смирнов Анатолий, Брянский. Вверху слева направо: Смирнов Борис, Кузнецов Семен, Егоров и Григорьев. 1 марта 1947 года.

«Катерный боцман старшина I статьи Кузнецов С. Л. дисциплинированный, инициативный, старательный боец». В одном месте он называется даже «образец катерного боцмана»!

«Во всех операциях материальная часть, заведываемая им, работала безукоризненно. Его познания своей специальности во многом решали исход операций и это подтверждается боевыми делами Кузнецова».

Служба была не из легких. Ходил в разведку, устанавливал за противником наблюдение. Участвовал в освобождении южной части острова Сахалин. При высадке десанта в Торо первым бросился в воду, увлекая тем самым десантников к выходу с катера на берег. На переходе в Хонто буксир попал в семибалльный шторм. Буксир не выдерживал такой нагрузки и два раза рвался. Отец с моряками«в трудных условиях штормовой погоды, подвергаясь опасности быть смытым волной за борт, сращивал буксир, проявляя тем самым мужество, хладнокровие и мастерство, благодаря чему поставленная задача была выполнена». За мужество и отвагу 7 сентября 1945 года мой отец Кузнецов Семен Леонтьевич удостоен правительственной награды — награжден медалью Нахимова. Срок службы его завершился только в 1948 году.

По окончании срока службы он приехал к отцу в наш город Донской, где в то время уже жил его отец, мой дедушка Леонтий. Дедушка всю свою оставшуюся жизнь жил в землянке, хотя руки у него были золотые; он краснодеревщик был, имел огромный опыт в столярных делах, чему и научил моего отца.

Отец женился вскоре после службы на нашей маме Александре Владимировне (в девичестве Бухаровой), родилось всего четверо детей, но старшая моя сестра умерла от скарлатины.

А мы росли, учились. Отец с дедом построили дом. Папа проработал всю свою жизнь на шахте в столярном цехе. Многим помогал строить дома и дворовые постройки, даже изготавливал мебель в послевоенное время. Его шкафы до сих пор у нас целы и им ничего не делается. Водил пчел. Я помогала ему ухаживать за ними вечерами один раз в неделю, надев маски, мы открывали ульи и чистили их, удаляли лишние матки и трутни. А днем с младшей сестрой Галиной наблюдали за ними: чтобы при роении пчел семья не улетела, опрыскивали их водой.

Улица наша, где мы жили, преображалась, росла. Всего на улице было 18 домов, в каждой семье — от 3 до 6 человек детей. Люди на нашей улице были дружные. Подростками мы любили играть в лапту, в прятки, третий лишний, волейбол, рыбки, футбол. Собирались все дружно, благоустраивали себе площадки для игр, покупали мячи и сетки для волейбола. А вечером устраивали танцы, наши ребята играли на гармони, баяне, гитаре.

Не было у нас ни интернета, ни компьютера или еще какой-либо техники, мы сами себе создавали праздничную, развлекательную атмосферу. Общались и развивались. С наступлением зимы лепили снеговиков, делали снежные горки, катались на лыжах. В наше время выпадало столько снега, что двухметровый забор заметало. Мы строили катакомбы снежные и крепости, а потом играли в снежки. А в школе работали кружки различные, хор организован был, драмкружок работал, оперы ставили. Я тоже участвовала в этом, и мы с оперой ездили в Москву, а с пьесками драмкружка выступали в городах нашей области. Драмкружком руководила учитель математики Анна Сергеевна Андреева, спортивными секциями — Анна Андреевна Михайлова, музыкальным руководителем была Нелли Дмитриевна Родина. Их нет уже в живых, но светлая память о них сохраняется в наших сердцах.

И за все это я благодарна своим родителям, а самое главное — папе, который воевал (и не только он один) за то, чтобы мы и наши дети, внуки и правнуки жили дружно, счастливо, в достатке и в здравии, чтобы не было войны.

Дорогие друзья, берегите память своих предков, которые боролись с врагом, стояли насмерть за нашу РОДИНУ, за нашу счастливую жизнь!

И может быть, кто-то не доволен сегодняшней жизнью, политикой нашего правительства, но наш президент Владимир Владимирович Путин делает все, чтобы на Земле был мир и никто не посмел нарушить наши границы. И как бы нашу страну ни бранили, она прекрасней всех!

Я обращаюсь к нашим детям и внукам, молодежи и будущим поколениям: «Берегите то, что есть, и не забывайте историю нашей родной, прекрасной и огромной Родины. Вечная и светлая память всем, кто ее защищал, кто вернулся и кто погиб, кто трудился на трудовом фронте в годы Великой Отечественной войны».

ПАМЯТИ НАШЕГО ДЕДА И ПРАДЕДА ФЕДОРА ИВАНОВИЧА ИЛЬИНА

Демиденко Светлана Юрьевна, 43 года,
отв. секретарь журнала «Социологические исследования»,
г. Москва

Ф.И. Ильин

Редкое для моего поколения имя Федор носит мой брат. Он родился в 1981 году, когда прадед Федор Иванович Ильин уже серьезно болел. Папа решил назвать сына в честь своего деда, воспитавшего его. Когда он сказал ему, что назвал сына Федором, тот улыбнулся. Думаю, прадеду было приятно. С этого события ему оставался год жизни.

Несмотря на свой юный возраст (он умер, когда мне было около 6 лет), я его хорошо запомнила. Особенно его голос, напоминавший Шаляпина. Красивый баритональный бас звучал на каждом застолье. Пел и репертуар Федора Шаляпина. У нас до сих пор хранятся пластинки с дарственной надписью прадеда. Он очень тонко передавал народные песни. Запомнилась «Эй, ухнем». Любил петь арии, элегию Массне. Как вспоминают его внуки, открывал окно и на всю улицу транслировал народные песни и классическую музыку. Улица была тупиковая, все друг друга знали и жили по-соседски дружно и весело.

Именно с музыкой и песнями он у меня ассоциируется до сих пор. Тот голубенький дом на два окна мне казался светлым, уютным и гостеприимным. Все праздники мы собирались здесь, приезжали все внуки. Прабабушка Нина накрывала стол, мы — дети — играли в саду, где было много вишен и яблонь. На 9 мая они расцветали, их аромат пьянил и дурманил. И в этом цветущем саду мы слышали многоголосье — пели песни, дед вел. Забегали в дом, как часто бывало, сидели под столом, хихикали, не вслушиваясь в беседы взрослых. Это время ушло. Как же редко теперь мы собираемся дома! И почти совсем не поем застольные песни. Да и песни у всех стали свои. Наше поколение связывают разве что только песни из детских фильмов и мультфильмов. Военные песни, народные мы помним с тех застолий. Слова позабыты и нет того чувства, что объединяло родню в те годы. А объединяла и война, как это ни страшно звучит. Но в семье не говорили о войне. Было не принято.

Я долго не знала, что прадед был на Великой Отечественной войне. Узнала, будучи уже подростком. Не вслушивалась, не интересовалась.

Жила своей жизнью. Только в 1990-е годы стала постепенно открывать для себя страницы семейной истории.

Прадед Федор Иванович Ильин родился 22 января 1906 г. в семье Ивана Николаевича в селе Воротынец Нижегородской губернии. Его дед из Костромской губернии, пимокат и плотогон. А отец деда перенял мастерство и стал купцом 2 гильдии, в Воротынце владел пимокатной мастерской (валяли обувь, шляпы). Продукцию увозили на Нижегородскую ярмарку. Шили обувь. Это знание передал и своему сыну. Умение валять валенки пригодилось прадеду позже, когда его сослали на Урал, и позже, когда он обосновался в г. Ижевске. И мне он скатал валенки, наверное, уже последние в его жизни. В этих валеночках я и делала свои первые шаги.

Семья прадеда жила в двухэтажном доме в с. Воротынец. Он стоит до сих пор. Крепкий, красивый, как многие дома в этом большом волжском селе: низ каменный, верх деревянный, достаточно большой, со стороны улицы в дом въезд для вывоза продукции, а мастерская располагалась рядом.

Федор Иванович получил хорошее образование по тем временам. Занимался в драматическом кружке. Вспоминал, что играл роль Любима Торцова.

В 1926 г. прадед женился на Киреевой Нине Ивановне. Прабабушка Нина надолго пережила своего мужа. Помню ее уже седовласой, с палкой. Я не могла сопоставить ее с портретом, который висел в доме. Там она молодая, красивая, с жемчужными бусами. А рядом портрет мужественного деда — похожего на моего брата.

В 1928 г. в семье родилась дочь Алевтина, в 1929 г. — дочь Надежда. Всю свою жизнь они прожили в любви. Как бы ни ругала бабушка Нина своего мужа (а под старость она стала ворчливой), всегда провожала его поцелуем и звала его Феденька, Федюля. Он звал ее ласково Нинок, Нинуся. Эту любовь и нежность друг к другу я помню до сих пор.

Во время коллективизации и борьбы с кулаками и зажиточными крестьянами в 1930 г. был сослан в ссылку отец Нины Ивановны Киреев, в Архангельские края на лесоповал. Федор Иванович был отправлен в лагеря Нижнего Тагила. Работал на строительстве Нижнетагильского металлургического завода. В Воротынце у семьи реквизировали дом, жили в бане. Как только стало возможно, прабабушка последовала за мужем на Урал, оставив старшую дочь с матерью. Добравшись в Нижний Тагил, она увидела истощенного, умирающего мужа. Откармливала его хлебом, сверху намазанным манной кашей. Выходила. Если бы тогда не сорвалась, он бы не выжил. Через год прабабушка вернулась и забрала семью в Нижний Тагил. Они выехали на пароходе, везли двух коз, которых пасли на стоянках.

В Нижнем Тагиле прадед окончил строительный техникум, специализировался на строительстве мостов. Как только ссылка кончилась,

семья перебралась в город Воткинск к родственникам. Жили рядом с домом Чайковского. Потом переехали в Чебоксары, поближе к родине.

В августе 1941 г. его призвали в Красную Армию и направили учиться в военное интендантское училище в Новосибирск. С марта 1942 г. Федор Иванович находился на формировании части в Гороховетских лагерях Нижегородской области. Затем был направлен на Северо-Западный фронт, его часть находилась в резерве Главнокомандующего. Их использовали только на прорывных операциях.

Подробности его пребывания на фронте я узнала только недавно. Он никогда не был на самой передовой. Был назначен в артиллерийский полк начальником вещевого отделения в должности лейтенанта. Своему внуку рассказывал, что пытались прорвать блокаду Ленинграда, но стояли в болотах и их 152-мм гаубицы после одного-двух залпов проваливались в болото так, что приходилось их вытаскивать вновь. Не получилось.

В 1943 г. часть перебросили на Курскую дугу. Был назначен заместителем командира полка по тылу. Дед обижался, когда ругали тыловиков и штабных. Мол, война все спишет, воровали и прочее. А должность была ответственная, нужно следить за питанием и обмундированием солдат. Каждая портянка была на учете. Ежедневно нужно было сдавать отчет — что прибыло, что убыло. Важно было организовать трехразовое питание. Когда шли в наступление, давали в обед сухой паек. Кормили в основном пшеном, концентратом, тушенкой. И все это надоедало солдатам и офицерам за зиму. Как только появилась зелень, дед организовывал сбор трав. Щавель, крапива — все шло в дело. Придумывал соусы из разных трав и овощей. Старался разнообразить питание. Не забывал и о рыбе. Попросил у крестьян бредень и наладил ловлю. Баловал солдат ухой, а иногда и жареной рыбой. Хвалил своих поваров — двух узбеков. Дали ему их, так как намучились с ними — русский понимали с трудом. Он вспоминал, что были они бронебойщиками до этого и рассказывали: «Ружья большой, командир злой, а котелок на двоих». Но повара из них вышли отличные. Такие, что из соседних полков приезжали офицеры пообедать у них в части.

Помимо обеда нужно организовать баню — один раз в 10 дней обязательно. И прожарку вещей устраивали, все делали, чтобы спастись от тифа и вшей. Так, например, прадед делал умывальники из железа с крыш и патронов. Казалось, в чем здесь подвиг? Рутина. Но такие невидимые подвиги делали нашу армию крепче. Его смекалка, порядочность и честность помогали другим. Пригодилось и полученное образование. Строили ложные артиллерийские батареи. Однажды так хорошо замаскировал, что ему даже нагоняй дали — с воздуха ничего не просматривалось. Пришлось базу делать более видимой.

Вспоминал, как попал однажды в переделку: столкнулся с немцем, стрелял в него из своего пистолета ТТ, попал, а он не падает, бежит — пуля прошла насквозь. Подоспели свои с автоматами.

Осенью 1943 г. Федор Иванович попал под минометный обстрел между ж/д станциями Смела и Шпора. Был ранен в левую руку. Поспешили санитары, оказали первую помощь. Он встал и почувствовал в сапоге хлюпанье — оказалось ранение в живот, но не столь серьезное, по касательной. Был направлен в прифронтовой госпиталь. Написал письмо жене. А она начала хлопотать о переводе. К тому времени его семья жила в Шатках Арзамасского района Нижегородской области. Работала тогда Нина Ивановна в госпитале станции Шатки парикмахером. Конечно, помогала и санитаркам при поступлении раненых. Вспоминала, как у них лечилась Таня Савичева. Они все ее очень жалели. Когда бабушка добилась документов о переводе мужа в Шатковский госпиталь, поехала его забирать.

Ранение в руку было тяжелым. Сняли гипс, а у него там свищ, гной. Хотели руку отнять, но опытная врач-хирург спасла. Как проходили тогда операции? Наркоза не хватало. Хирург сказала деду, что можно ругаться. Бабушка держала голову, а дед, не переставая, сыпал народным фольклором во время операции. Что было удивительно. Он был очень интеллигентным человеком и за всю свою жизнь никто из нас — ни дети, ни внуки, ни правнуки — не услышали от него ни единого бранного слова. Самые ругательные слова, которые он мог позволить себе, когда бабушка его серьезно чем-то доводила (а характер у нее был сильный): «Ах, ты чертова кука!» А тут! После операции хирург сказала: «Ну, вы, товарищ лейтенант, и дали. Я за всю свою жизнь столько не слышала оборотов!».

Особенно тяжелой выдалась, по рассказам прадеда родным, осень 1944 года. Ежедневное снабжение продукцией, обмундированием сочеталось с ожесточенными боями. Дед ездил на машине и говорил, что привязывал к боковому окну котелок с песком, чтобы при обстреле была некая защита. Приходилось и ходить пешком в распутицу до 60 км. Ответственный человек, он не допускал, чтобы его солдаты были голодными. Принцип — солдаты части всегда должны быть накормлены, обуты, одеты — соблюдался им неукоснительно.

Где закончил войну Федор Иванович, точно неизвестно, то ли в Восточной Пруссии, то ли в Берлине. Но еще больше полугода находился на территории Германии. Его оставили на службе в Германии до 1946 года, т.к. он давал дельные советы, как демонтировать взорванный мост и вывезти суда. Занимался репарационными поставками, в том числе руководил демонтажом завода по производству сахара.

Любил рассказывать прадед историю про квас. Пришел к нему водитель и просит сахарку. Мол, хочу бражку поставить. А что такое брага, дед и не знал тогда. Никто в семье не пил и в селе не принято было. Спросил, что такое брага? «Ну это что-то среднее между пивом и квасом». «Ну, квас — это хорошо. Ставь». Дал ему сахару, и тот поставил в двух немецких бутылях у него в кабинете бражку, шинелью прикрыл. Иногда приходил, наливал себе.

Фёдор Иванович Ильин после войны

А тут приезжает к Федору Ивановичу начальник штаба. Вошли в кабинет: «А это что такое?» «Это что-то типа кваса». Налил ему ковшик. Аромат стоит, солдат какие-то травки туда добавил. Выпил офицер: «Квас? Точно? Хорош квас!» Потом, вспоминал прадед, под руки его к машине пришлось вести. Рассказы пошли: «Ну и квас у Ильина!»

Там же был организован и армейский хор, прадед был солистом. Его голос настолько был сильным и необычным, что музыковед советовала пройти прослушивание в одном из московских музыкальных театров. Дед собирался (может и прошел), но когда увидел свою семью, как все бедны, раздеты и разуты, решил не менять сферу деятельности. Был знаком с генералом Горбатовым, который прислал после войны деду свою книгу воспоминаний.

После войны приехал в город Воткинск к семье. Однажды встретился с директором кирпичного завода, который пригласил его работать в Ижевск. Он сетовал, что имеются проблемы с пленными немцами, а дед имел строительную специальность и некоторое знание немецкого языка. Так моя семья оказалась в Ижевске. Прадед работал прорабом. Проезжая по улице Пушкинской, я всегда смотрела на два трехэтажных дома, которые он строил. Недалеко от них в апреле 1951 года семья построила свой дом. До этого они жили в бараке.

Несмотря на трудности, дед дал дочерям высшее образование. Старшая Алевтина закончила педагогический институт, Надежда — медицинский. С малых лет отец рос в семье деда. Часто вспоминает детские годы, как тепло относились друг к другу старшие, как приучали к труду с малых лет. Как заставлял его читать дед, сначала через силу, но приучил, отец не расставался с книгами и стал эрудированным и начитанным.

В маленьком домике у Федора Ивановича всегда было много народу. Жили мой отец с сестрой, приехали учиться в мединституте внуки Наташа и Петя, и всем хватало места, тепла и любви. И не слышали мы от деда с бабушкой никаких жалоб. А выпало им испытаний на судьбу немало.

Пишу эти строки по воспоминаниям семьи для своих детей, которым, надеюсь, не выпадет в жизни столько испытаний, не будет знакома война. Это жизнь не парадная, жизнь обычной семьи, каких миллионы. Но их преданность делу, трудолюбие, забота о ближних напоминают нам о народном подвиге, что совершила наша страна. О том, что мы сильны духом, сплоченностью и верой.

СПРОСИТЕ ОТЦА МОЕГО ПРО ВОЙНУ...

Ситников Александр Петрович, 72 года,
член Клуба православных писателей «Родник»,
лауреат литературных премий,
г. Тула

Мой отец Ситников Петр Сергеевич — 1925 года рождения. Участник Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Про войну никогда ничего не рассказывал.

До войны он работал на Тульском оружейном заводе (ТОЗ). Был мастер, каких называют «золотые руки» — владел многими рабочими специальностями, мог выполнить любое задание.

В 1942 году его призвали в армию и сначала послали учиться на курсы пулеметчиков. Из первого же боя вернулось всего два человека, в том числе он.

Прошел Курскую битву, форсировал Днепр, освобождал Молдавию и Румынию.

В 1944 году был ранен — рядом взорвалась мина, вся нога оказалась изрешечена осколками. Хотели отнимать ногу, но хирург пожалел молодого парня и рискнул, оставил. Целых восемь месяцев отец пролежал в госпитале. Состояние было тяжелое, не мог ничего есть. Стал весом 48 килограммов.

Женщины-санитарки очень жалели парнишку, кормили с ложечки, как ребенка, приносили из дома еды, чтобы он хоть что-то поел. Вот об этих сердечных женщинах отец рассказывал с великой благодарностью за то, что они его выходили, и вспоминал доктора, который спас ногу.

Остался инвалидом третьей группы.

После возвращения из госпиталя домой снова устроился на Тульский оружейный завод и проработал до пенсии. Куда же было еще идти? Здесь работал до войны и он, и вся родня: мать, отец, тетя, дядя — отцов брат, жена.

А в 1970-е годы отца стали «находить» боевые награды: орден Славы, орден Красного Знамени.

Я родился после войны, в 1947 году, в Туле. Первые стихи написал подростком. Отслужив в армии, поступил на Тульский оружейный завод. И тоже всю жизнь работаю на ТОЗе. Наладчик.

Участвовал в конкурсах художественной самодеятельности, читал свои стихи. Учился у тульских поэтов Валерия Ходулина и Сергея Галкина на литературных семинарах.

Живу активной творческой жизнью вместе с Клубом православных писателей «Родник». Главное, что мне необходимо — это своим творчеством служить Богу и людям. И, конечно, нашей России.

***

Спросите отца моего про войну,
Он вам ничего не расскажет…
Как будто бы,чувствуя в чем-то вину,
Он раны свои не покажет.

Не будет рассказов — про немцев, про бой,
Про пули поверх головы…
Когда — про войну — мой отец как немой,
Но все-таки слушайте вы!

И, может, услышите — в той немоте,
Как мира хотел он тогда,
Когда он стоял на последней черте,
Когда грохотала беда.

Рыбалку помянет хорошим словцом,
Расспросит меня про футбол.
А он бы и не был бы просто отцом,
Когда бы с войны не пришел.

Спросите отца моего про войну.
Он вам ничего не расскажет,
И ран своих давних он никому
И ни за что не покажет…

БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАВШИЕ…

Не бывает без вести пропавших,
Без вести, без времени и места.
Видите — тревожно дышит пашня,
То ростками павшие воскресли,
Видите, дрожит листва живая,
То поднялись мертвые из тлена.
Без вести пропавших не бывает:
Из седьмого восстают колена —
То зайдутся криками младенца,
То забьются птицами под крышей…
Без вести пропавшие нас слышат
И не покидают наше сердце.

С ДНЕМ ПОБЕДЫ!

ПЕРЕКЛИЧКА В ЧАТЕ СОКУРСНИКОВ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА 1979 ГОДА ВЫПУСКА 09.05.2019

Дина Катунина: С праздником! Ура-а-а! Спасибо деду за победу! Витин дед Илья — сибиряк. Я застала его в живых — Илью Ивановича Катунина. Удивительно мужественного человека. Когда после войны бандиты пришли грабить его дом, он встал с топором в дверях, один против четверых… и они ушли.

Илья Иванович родился в 1921 г. С первых дней войны был в пехоте. Попал в окружение раненым. Когда пленных везли по Польше, видимо, в концлагерь, они с товарищем разобрали пол в поезде, вылезли на рельсы и смогли таким образом бежать. Витиного деда выходила польская крестьянка, она потом приезжала в Россию. По выздоровлению он смог как-то пробраться к своим и встретил окончание войны уже на Эльбе. Вернулся живой с подаренным американцем мотоциклом. Продав его, спас семью от голода.

А мой отец Николай Гаврилович Борисов (1912 г.р.) старше, чем Витин дед, был в инженерных войсках. Погиб в автокатастрофе, когда мне было 10 лет… Я так мало знаю о нем! Он мало рассказывал, особенно о войне. Вспоминать войну не любил. И это молчание было свято — даже я, малая, понимала, когда забиралась на его колени слушать вместе с ним, как играла старшая сестра «На сопках Маньчжурии воины спят / И русских не слышат слёз…» Особенно этот вальс папа любил слушать. Старшая сестра всегда ему играла в этот день… Он начал войну на Халкин-Голе. Потом финская, потом Восточный фронт… Строил мосты и… взрывал при отступлении. Правая рука была покалечена.

Отец не дослужил до военной пенсии 4 месяца. Хрущевская реформа 1955 г. выкинула его в гражданскую жизнь майором. Он начал строить мосты и гидроэлектростанции. Был одним из руководителей строитель-

Илья Иванович Катунин

Николай Гаврилович и Екатерина Федоровна Борисовы

Пётр Иосифович Комбаров. 21.06.1941 г.

ства Куйбышевской, а потом Волжской ГЭС. Молчание эпохи Хрущева носило другой характер... Помню, как родители шепотом, думая, что дети спят, обсуждали расстрел людей в Новочеркасске. Как оба молчали, когда я им приносила из школы идеологические слоганы... Мы, дети, верили в то, что нам говорили наши любимые учителя. Позже научились двоемыслию... предтечи диалектики.

Мама рассказывала мне живую историю о своем поколении. Она пережила голод, сибирскую язву, тиф, войну, смерть сына, гибель мужа, безумие дочери. Вдовой подняла трех дочерей. Старшая закончила консерваторию, средняя — радиотехнический институт, училась на самом сложном факультете, я — МГУ. Самое главное образование, которое мама нам дала, — любить жизнь до последней возможности, любить людей, познавать мир. Удивительное поколение наших отцов и дедов!

Да, были люди в наше время, / не то, что нынешнее племя: / богатыри — не мы! / Плохая им досталась доля...

Но все смогли выдержать, сохранив нравственное здоровье и Родину...

Вечная память нашим отцам и дедам!

Наталья Комбарова: С праздником! Мой отец в войну был начальником санитарного поезда. Награжден орденом Красной Звезды и 13 медалями, в т.ч. «За боевые заслуги» и «За отвагу». А мама полтора года спала на телогрейке около станка, собирала на Сталинградском тракторном заводе танки. Было ей 19 лет. Потом ещё два года в действующей армии.

Константин Лауфер: Моя бабушка Полина Михайловна Лауфер (в дев. Москалева) воевала в 1941 году в легендарном 399 военном госпитале (https://geocaching.su/?pn=101&cid=17956). Она эвакуировала с тремя девушками-санитарками раненых советских бойцов прямо из занятого неприятелем Орла, когда, вернувшись из тыла, не нашла никого из начальства, а только брошенных красноармейцев. На полуторку погрузили столько человек, сколько смогли, за руль усадили двух раненых: у одного были

целы руки, у другого — ноги. По ее рассказу, выезжали из города параллельно с немецкими танками. Оставшийся персонал госпиталя и раненых в оккупированном городе немцы называли «Русской больницей», и они продержались до освобождения в 1943 году. С Днем Победы!

Полина Михайловна Лауфер, фото с сайта Память народа

Ирина Абанкина: С Днём Победы! Все помним. Спасибо за подвиг и на фронтах, и в тылу, за мужество и боль, за отвагу, за страдания ради Победы!

Ирина Тараканова: Спасибо, дорогие однокурсники! ВСЕХ с праздником! Новое поколение — наши внуки — понимают, что их прадеды отстояли честь и свободу Великой страны! Какие замечательные стихи и песни они подарили нам в нашем чате! Значит и мы не зря жили!

Юрий Васильевич Молотов

Любовь Кобзуненко: Мы — послевоенное поколение — всегда ощущали дыхание этой войны. Всегда помним и дорожим миром.

Светлана Фомина: С праздником Победы, дорогие сокурсники!!!

Константин Лауфер: Монголия была одним из важнейших факторов Победы!

Екатерина Михайловна Молотова (Худолеева)

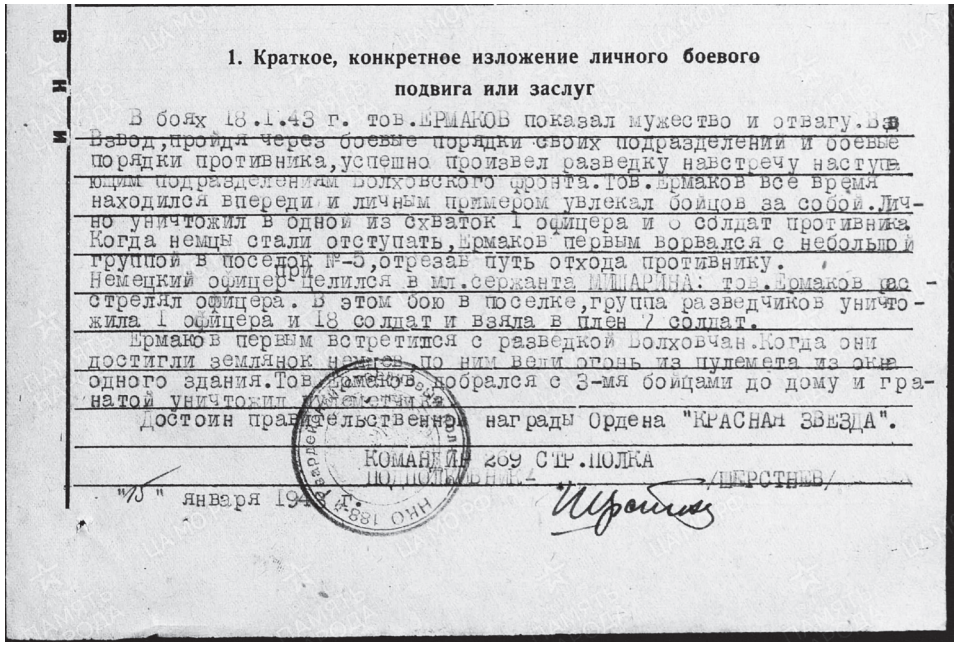
Замира Тожтоходжаева: С Днём Великой Победы! Вечная память Героям! Благодарность нашим родным и близким за сегодняшний день!

Константин Лауфер: У нашего поколения воевали родители, дедушки и бабушки. У следующего — прадедушки и прабабушки. Это и была жизнь. Главное, чтобы не снова — родители, а ведь у многих так. Мы последнее поколение, которое помнит родственников, прошедших войну.

Марина Бурченкова: Именно это и я хотела сказать, Костя! Я очень счастлива, что могла их видеть живых, так как их жизнь для меня навсегда — нравственный ориентир!

Ольга Молотова: Мои мама и папа воевали в одном полку — 26-й Оршанский ордена Александра Невского полк связи.

Владимир Ермаков: Это — наградной лист отца, Ивана Афанасьевича Ермакова, 1922 г.р., члена ВКПб, в Красной Армии — с 1939 г. Военное звание — младший политрук. Должность, часть — заместитель командира по политчасти взвода пешей разведки 269 стрелкового полка 136 стрелковой дивизии. Участвовал в боях с 9.09.1942 г. на Ленинградском фронте. Представляется к ордену «Красная Звезда».



1. Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг

В боях 18.1.43 г. тов.ЕРМАКОВ показал мужество и отвагу. Во Взвод, пройдя через боевые порядки своих подразделений и боевые порядки противника, успешно произвел разведку навстречу наступающим подразделениям Волховского фронта. Тов.Ермаков все время находился впереди и личным примером увлекал бойцов за собой. Лично уничтожил в одной из схваток 1 офицера и 5 солдат противника. Когда немцы стали отступать, Ермаков первым ворвался с небольшой группой в поселок №-5, отрезав путь отхода противнику. Немецкий офицер прицелился в мл.сержанта МИШАРИНА: тов.Ермаков расстрелял офицера. В этом бою в поселке, группа разведчиков уничтожила 1 офицера и 18 солдат и взяла в плен 7 солдат.

Ермаков первым встретится с разведкой Волховчан. Когда они достигли землянок немцев, по ним вели огонь из пулемета из окна одного здания. Тов.Ермаков, добрался с 3-мя бойцами до дому и гранатой уничтожил пулеметчика.

Достоин правительственной награды Ордена "КРАСНАЯ ЗВЕЗДА".

КОМАНДИР 269 СТР.ПОЛКА
ПОДПОЛКОВНИК /ПЕРСТНЕВ/

"15" января 1943 г.

Марина Бурченкова: Собирается Бессмертный полк родных студентов нашего курса.

Валерия Зеленкова: Лучше не скажешь! С праздником Победы, дорогие!

Ирина Тараканова: Мы все связаны нашим прошлым. Это же не пустые слова в каждой семье. Мы только лет пять назад узнали, что отец моей мамы погиб в Николаеве, а он числился в «без вести пропавших». И бабушка одна поднимала 5-х детей без всякой пенсии. Другой дед освобождал Болгарию и имел болгарские награды. Он воевал в Болгарии и в Первую мировую. Любил эту страну. И когда я вижу наших болгарских братушек сегодня как страну, а не отдельных людей, то становится очень больно!

Любовь Кобзуненко: Лерочка, за твоих родителей!

Валерия Зеленкова: За всех наших героических отцов и матерей, бабушек и дедушек! Они подарили нам гордость за свою Родину!

Григорий Дмитриевич Зеленков, гвардии старший лейтенант, 21-я гвардейская стрелковая дивизия. Награжден орденами Красной Звезды (23.05.1943) и Красного Знамени (25.08.1944)

Марина Бурченкова: Да. Именно так! И дали нам бесценный пример и жизненный стержень, который несомненно помог и в нашей жизни (это я по своему опыту говорю; но, уверена, многие меня поддержат). И хотя наша жизнь не была отмечена такими военными испытаниями, но безмятежной ее тоже никак не назовешь. Уж никак. Не стало страны, за которую воевали наши деды и отцы. Этого одного уже хватит.

Валерия Зеленкова: С русской удалью! Да, но осталось наследие. Историческая память, которая объединяет и дает нравственный базис. Сейчас идет возрождение этой памяти. Кич 70–80-х уже позади, переболели и «новое осмысление» своей истории 90-х тоже хорошо поддается лечению.

Елена Боева: С Великой Победой, дорогие сокурсники!!! Продолжаю перекличку: мой дед Трофим Филиппович Боев попал в окружение в первые дни войны, погиб в 1942 г., дед мужа Дмитрий Лазаревич Абрамов руководил Глуховским комбинатом текстильной промышленности, который работал на фронт. Имел медаль «За оборону Москвы». Вечная память и благодарность!

Абрам Федорович Квасов

Любовь Кобзуненко: К перекличке в честь нашей Победы. Оба деда погибли в боях. Мои родители росли без отцов в голодные военные годы. Их давно нет в живых. Осталась светлая память и чувство глубокой благодарности. Сохранилось фото деда Абрама Федоровича Квасова, умершего в госпитале от ранений.

Валентина Павина: Дорогие однокурсники! С Великим, Священным Праздником — Днем Победы!!! Это была Победа Света над силами тьмы. И даже время ее свершения символично: Господь послал Победу нашему народу в Светлые пасхальные дни. В 1945 году Пасха совершалась 6 мая — в День Великомученика Георгия Побе-

доносца!!! Вечная Слава и Вечная Память Победителям!!! Слава и благодарность Великому Советскому Народу!!!

Светлана Фомина: КРЕПЧЕ ЛЮБОЙ СТАЛИ. Мистика 9 мая состоит в том, что победил именно Дух, а не машины, финансы или технологии. СССР не должен был победить. Дотошные немцы перед началом войны просчитали всё. Педантично учли все человеческие, технические и стратегические факторы. Если бы перед началом войны все исходные данные заложили в супермощный компьютер, он бы выдал неутешительный для СССР результат — полгода, максимум год и нет страны, нет русской цивилизации. Немцы учли всё, что можно учесть, всё, кроме одного. Фашисты не учли Дух воинов, дух тех, кто работал по 24 часа на победу в тылу, дух великого народа. Дух не подлежит расчетам и исследованиям аналитиков. Дух дышит там, где хочет. Дух — нематериальное понятие, Дух невозможно купить, продать или уничтожить. Именно в этом ошибка всех полководцев, в этом главная ошибка Наполеона и ошибка Гитлера.

Главный урок той победы для нас должен заключаться в том, что если мы потеряем дух, потеряем веру, в том числе в себя, нас не будет. Духовно-мистический урок Великой Победы дает нам надежду. Мы сможем победить любого врага, если не угасим Духа. Враг это понял, главный удар сегодня наносится именно по духу, через культуру, образование, СМИ, пытаясь оболванить, развратить, лишить народ духовного стержня. Выдержим удар — будем жить. С праздником, друзья, с великой Победой!

Елена Яременко: У меня оба деда прошли всю войну и остались живы. Один — Анатолий Антонович Заяц был летчик, другой — Яременко Василий Иосифович— танкист. Конечно, с детства знала, что один спасался из горящего танка, другой из подбитого самолета. Но сильнее ужас войны я в детстве ощутила от рассказа мамы: над двором на бреющем полете пролетали немецкие бомбардировщики, так низко, что было видно лицо пилота, фашиста. Маме было 6 лет.

Алевтина Рубачева: Всем доброго дня! Сегодня я буду первый раз праздновать День Победы без папы, Рубачева Николая Николаевича. Он прошел всю войну с августа 41-го до сентября 45-го! 9 Мая был, конечно, его Праздник! С гостями, закусками и непременным хорошим коньячком. Каждый раз были рассказы о разных эпизодах военной жизни. Как смешные, так и страшные. Рассказы часто повторялись и поэтому уже надоедали. Как же их сегодня не хватает! Очень любил рассказывать о дне окончания войны, который он встретил под Брно. Как они впятером на его трофейном мотоцикле гоняли по городу, стреляли в воздух, сходили с ума от радости и предстоящего возвращения домой, но через

некоторое время их погрузили в вагоны и повезли… в Маньчжурию, на войну с Японией. Как в Москве была короткая встреча с его мамой, которая только успела его поцеловать и передать какой-то еды. Он не дождался сегодняшнего дня всего 2 месяца. И ему было 100 лет! Вечная память всем, кто защищал нашу Родину. И живым, и ушедшим!!!

Валерия Зеленкова: Это грандиоздно! Столько истории в одном человеке. Как бы сказал мой муж, «они» не понимают, с каким народом хотят связаться.

Ирина Тараканова: Спасибо. Какие трогательные в своей простоте воспоминания. Читаю и… плачу. Наша благодарность им, дедушкам и бабушкам, отцам и матерям, и память, а ещё и наших детей, сильных духом!

Надежда Родина: А мои родители — дети войны, на глазах которых сжигали односельчан, убивали женщин. У них друзья взрывались на фашистских минах, отец с матерью и сестрой стояли на расстреле… Но благодаря Победе они прожили достойную жизнь, не ожесточились.

Светлана Фомина: Алечка! Какая трогательная история про твоего папу. Да, гены у тебя, что надо!!!

Валерия Зеленкова: Надюша, передай глубокий поклон твоим родителям! Ожесточение делает людей неспособными на развитие, вся энергия уходит на ненависть.

Дина Катунина: Света, они [немцы] многого не учли. Например, говорили: «Русские нас обманули. Сказали, что у них плохие дороги, а у них дорог просто нет!» И скрепки нержавые они использовали в ложных паспортах! И под Сталинградом возмущались, что мы неправильно воюем. Жарко — они открывали люки на танках — а наши туда и забрасывали гранаты!

Светлана Фомина: Вот-вот! Так им и надо. И нечего лезть к нам! И ещё раз: Ура, Ура, Ура-а-а-а!!!

Алевтина Рубачева: За наших родных и любимых!

Анна Гальперина: Привет, дорогие! Всех с Праздником, с Днем Победы! Присоединяюсь к перекличке: отец, Роберт Соломонович Гальперин, в апреле 1942-го сразу из школы был направлен в артиллерийское зенитное училище, а в июле 43-го — в 19 лет — на фронт. 221-й отдельный зенитный бронепоезд. Западный фронт, потом Южный фронт ПВО. Ясско-Кишиневская операция, освобождение Одессы. Никогда, как и

Роберт Соломонович Гальперин (слева)

все, прошедшие фронт, про войну не говорил, в основном молчал. Рассказывал, а скорее уже в письмах для внучки написал кое-какие истории о войне. Обычно веселые эпизоды. На фото три товарища по бронепоезду, отец слева.

Светлана Фомина: История появления этой песни: в семье Газдановых из села Дзуарикау в Северной Осетии было семеро сыновей. Один погиб в 1941-м под Москвой. Еще двое – при обороне Севастополя в 1942-м. От третьей похоронки умерла мать. Следующие трое сыновей Газдановых пали в боях в Новороссийске, Киеве, Белоруссии. Сельский почтальон отказался нести похоронку на последнего, седьмого сына Газдановых, погибшего при взятии Берлина. И тогда старейшины села сами пошли в дом, где отец сидел на пороге с единственной внучкой на руках: он увидел их, и сердце его разорвалось...

В 1963 году в селе установили обелиск в виде скорбящей матери и семи улетающих птиц. Памятник посетил дагестанский поэт Расул Гамзатов. Под впечатлением от этой истории он написал стихотворение. На своем родном языке, по-аварски. И, к счастью, у этого стихотворения есть качественный перевод на русский. Его сделал Наум Гребнев, известный переводчик восточной поэзии. Он учился в Литинституте с Гамзатовым после войны и дружил с ним. Этот перевод всем вам знаком.

Мне кажется порою, что солдаты,
С кровавых не пришедшие полей,
Не в землю нашу полегли когда-то,
А превратились в белых журавлей.
Они до сей поры с времен тех дальних
Летят и подают нам голоса.
Не потому ль так часто и печально
Мы замолкаем, глядя в небеса?
Летит, летит по небу клин усталый —
Летит в тумане на исходе дня,
И в том строю есть промежуток малый —
Быть может, это место для меня!
Настанет день, и с журавлиной стаей
Я поплыву в такой же сизой мгле,
Из-под небес по-птичьи окликая
Всех вас, кого оставил на земле.

Стихотворение попалось на глаза Марку Бернесу, для которого война была глубоко личной темой. Он обратился к Яну Френкелю и попросил сочинить музыку для песни на эти строки. Но с музыкой у композитора дело пошло не сразу. Тут, чтобы снять пафос, нужно рассказать о некоторых курьезных моментах.

Во-первых, на обелиске в память о братьях Газдановых в качестве птиц были гуси. Расулу Гамзатову сложно было подобрать по-аварски рифму к слову «гуси», и он специально звонил в министерство культуры Северной Осетии с просьбой заменить «гусей» на «журавлей». И ему разрешили.

Во-вторых, в оригинальном тексте стихотворения и перевода было: «Мне кажется порою, что джигиты»... Это Бернес попросил заменить «джигитов» на «солдат», чтобы расширить адрес песни и придать ей общечеловеческое звучание.

И еще: в тексте, который Бернес подготовил для песни, была опущена познавательная лингвистическая строфа: «Они летят, свершают путь свой длинный, и выкликают чьи-то имена. Не потому ли с кличем журавлиным от века речь аварская сходна?!»

Как бы то ни было, для композитора Яна Френкеля война тоже была личной темой. В 1941–1942 годах он учился в зенитном училище, а позднее был тяжело ранен. Через два месяца после начала работы Френкель написал вступительный вокализ и тут же позвонил Бернесу. Тот приехал, послушал и расплакался. Френкель вспоминал, что Бернес не был человеком сентиментальным, но плакал, когда его что-то по-настоящему трогало. После этого работа над записью пошла быстрее. Но не только из-за вдохновения. Бернес был болен раком легких. После того, как он услышал музыку, он стал всех торопить. По словам Френкеля, Бернес чувствовал, что времени осталось мало, и хотел поставить точку в своей жизни именно этой песней. Он уже с трудом передвигался, но, тем не менее, 8 июля 1969 года сын отвез его в студию, где Бернес записал песню. С одного дубля.

Если вы послушаете эту песню в его исполнении, то многое почувствуете в голосе и интонациях Бернеса. Эта запись действительно стала последней в его жизни – Бернес умер через месяц, 16 августа. Через несколько лет после появления песни «Журавли» в местах боев 1941–1945 годов стали возводить стелы и памятники, центральным образом которых были летящие журавли. И мне лично кажется, что образ белых журавлей снова может стать нашим общим символом памяти о всех солдатах, погибших в Великую Отечественную войну. И не только солдатах. И не только в эту войну.

Анна Гальперина: Мой дед, Михаил Георгиевич Самойлович, мамин отец, прошел войну с первого дня по осень 1946 г. Не военный был, финансовый работник, однако в первый же день вручили повестку

Михаил Георгиевич Самойлович (1903–1988)

«явиться в 24 часа», иначе — трибунал. Дед был на охоте, и маме, чтобы его найти, пришлось переплывать Урал и добираться к знакомому председателю колхоза, чтобы его помогли разыскать. Освобождал Освенцим, дошел до Берлина… О войне вообще молчал.

Он родился в Архангельской области, жил, учился и работал в Ленинграде, в конце гражданской войны был отправлен на борьбу с басмачами в Среднюю Азию. С 1936 переехал с семьей в г. Оренбург, т.к. из-за приступов малярии ни Ташкент, ни Ленинград для его проживания стали непригодны. Работал бухгалтером, ст. экономистом. После краткосрочных курсов переподготовки был отправлен в действующую армию служить по интендантской линии. Дома осталась семья: жена и трое детей 12-ти, 5-ти и 3-х лет.

За обеспечение продфуражного снабжения 897-го отдельного автотранспортного батальона с 1943 по 1945 г. награжден орденом Красной Звезды, позднее — орденом Отечественной войны II степени, медалями «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»

Дед был честный, принципиальный и удивительно скромный человек. Его военные «трофеи»: приемник «Нора», которым наградило командование, и шмат сала, купленный в Польше при возвращении домой… Вплоть до пенсии работал по экономической специальности.

Это муж моей тети по отцу. Родом из г. Олонец Карельской АССР. С 1938 г. на военной службе в чине врача 3-го ранга в составе 224-й отд. медсб. 747-й сп 172 сд. Закончил службу капитаном мед. службы 05.03.1946 г.

Моя мама, Валентина Михайловна Гальперина (1929 г.р.), и Иван Иванович Пулин (1905–2000)

Награжден орденом Отечественной войны I степени, медалью «За боевые заслуги» и др. Всю свою жизнь посвятил медицине и делу спасения людей: был хирургом, военным врачом, преподавателем кафедры патофизиологии 1-го ММИ им. Я. Сеченова и научным работником.

Любовь Кобзуненко: Сегодня удивительный у нас день.

Такое доверительное общение дорогого стоит! Спасибо, дорогие однокашники!

Дина Катунина: «Не расцепить, не разъять памяти звенья! Лучшим из лучших не стать жертвой забвенья!»

Любовь Кобзуненко: Полк действительно бессмертный!

В.М. Гальперина с фото отца и брата

Анна Гальперина: В тылу приходилось лихо. Бабушка слегла надолго с плевритом и у мамы в 12 лет на руках остались 2 маленьких брата. Стирала портянки за кусочек мыла, стояла в очередях за хлебом, потом работала «секретарем-референтом» у директора Ленэнерго (эвакуировали в Оренбург), тогда хоть смогла получать рабочий паек…

Но так как, несмотря на трудности, молодость брала свое, то бегала в театр, в оперетту, в оперу — в эвакуации там был Кировский театр и другие питерские театры. И с артистами знались лично, и сами спектакли ставили. Вот этих-то рассказов, и со слезами, и со смехом — уже много…

На этом фото 9 мая 2018 г. мама в Праге. После «Бессмертного полка» на концерте детских коллективов для ветеранов. Мама с фотографией отца с младшим братом, сделанной в июне 1941 г. перед его уходом в армию.

Валерия Зеленкова: Моя мама тоже рассказывала фронтовые истории с юмором и смехом. А ее молодые подружки слушали и плакали.

Старший сержант Александра Михайловна Строганова. Дошла до Берлина. Мама Валерии Зеленковой

Анна Гальперина: Сегодня мы на Ольшанском кладбище в Праге. Там проходит официальное возложение венков от посольства, панихида на месте захоронения советских солдат, погибших в последние дни войны или уже после Дня Победы. Я с одним из наших ребят, бывший подводник. А за нами, на аллее, почетный караул чешской милиции, которая в этот день отмечает память погибших в 1938–1945 гг. своих сотрудников, примкнувших к рядам Сопротивления.

На памятнике — имена 70-ти человек! Только наша могучая кучка россиян всех национальностей, продолжающая рядом отмечать после официальных церемоний День Победы

песнями и тостами, к началу их церемонии смолкает и выстраивается вдоль аллеи, разделяя с ними этот торжественный момент. Никого из чехов, которые бы пришли почтить память этих героев, рядом нет…И думаю, что об этом большинство просто и не знает. Они празднуют 8 мая, в последние годы с акцентом на освобождение Пльзени американцами и помощь власовцев начавшемуся 5 мая Пражскому восстанию…

Дина Катунина: Ну а теперь, Аня, выходи в НАШЕ СЕГОДНЯ! То, что ты описала, я объясняю теорией зомбирования, хотя это всеми както отторгается. Еще не созрело, не выросло. Ведь мозги всегда «промывали». Но не в таких размерах и не такими технологиями…

Анна Гальперина: Да, 8-го мая мы прошли «Бессмертным полком» по улицам старого города. Запевал там наш Олег Коротков, бас, солист Национальной оперы, а потом был концерт детских коллективов. Обычно поют чешские детки и русский хор. В прошлом году — из Сибири, в этом — из Ульяновска. Наши поют все: и военные песни, и лиричные, и из репертуара «школьные годы»; прекрасная музыкальная подготовка. Чехи — детские песни для муз. коллективов, иногда что-то посерьезнее. У них нет ни военных песен, ни песен Сопротивления, ни песен военного времени! Просто отсутствуют как класс! И сообразить разучить хоть что-нибудь специально к этому дню или выбрать более серьезный репертуар, раз уж коллектив пригласили на шествие «Бессмертного полка» в честь празднования Дня Победы — не хватает ни такта, ни соображения. В этот раз чешский хор пел очень долго детские песенки, совершенно не вписываясь в настроение и в праздничный, но одновременно и грустный, и радостный настрой народа. Я не выдержала, пошла пообщаться по этому поводу с организаторами. Ни чешских песен нет, ни переводов наших песен нет… Решилась к следующему году подготовить хотя бы перевод текстов главных песен, а может, удастся привлечь дочь (она bilingual, и стихи пишет, и поет) или талантливый народ и что-то сделать прямо в песенном варианте.

Валерия Зеленкова: «Бессмертный полк» — это гениальная технологическая находка. Это просто бомба!

Ирина Тараканова: Лерочка, главная бомба — это мы — живые, которые воспитали детей, а теперь передаём эту боль, гордость и память нашим внукам.

Анна Гальперина: Шествие полка замыкает полиция, которая отсекает жидкий ручеек протестующих с огромными плакатами: «Сталин и Гитлер – виновники войны», «Власовцы – освободители Праги» и т.д.

В этом году практически не было укров с флагами, протестами и шипением… Но в какой-то момент вывесили украинский флаг на пражской ратуше и еще какие-то пакости написали. Убрали довольно быстро, но ведь разрешили же повесить…

Согласна, главное — это память народа и воспитание подрастающего поколения!

Валерия Зеленкова: Наверное, нужен был период отказа от героического прошлого и его поругания для его возрождения в новом поколении.

Алевтина Рубачева: Нас хотели лишить памяти, а получили «Бессмертный полк»!

Ирина Тараканова: Лерочка, а ведь из нас никто не отказывался.

Валерия Зеленкова: Ирочка, я тобой горжусь! Я застала конец 80-х в Союзе. Тогда постепенно отказывались от всего.

Ирина Тараканова: Лерочка, а мы сидели без света, газа, в блокаде в Армении и закутанным в одеяло детям читали книжки «Судьба человека», «Сын полка».

Алевтина Рубачева: Это заслуживает уважения!

Валерия Зеленкова: Вот тогда и родилось сопротивление!

Ирина Тараканова: Лерочка, ты абсолютно не изменилась. Это просто жизнь.

Валерия Зеленкова: Нет, я тоже прошла путь разочарования. Но судьба избавила меня от унизительного отрицания родины.

Ирина Тараканова: Ты — молодец!

Валерия Зеленкова: Мне повезло!

Светлана Фомина: «Бессмертный полк» по всему миру набирает обороты! И, главное, наши дети и внуки с нами! Нет! Это не зомбирование. Это НАШЕ! И ещё до сих пор я не понимаю, как мою дочь с ее русскостью пригласили в Венецианское биеннале? Жесть!

Анна Гальперина: Итальянцы это все же не голландцы или чехи… Света, вот мне только что Лариса Меньшикова (жена проф. Меньшико-

ва) написала из Амстердама: «Здесь вообще ничего не знают. По телевидению спрашивают: «Что мы празднуем?» Отвечают: «Мы построили самое демократическое государство». Вообще все считают, что война была для спасения евреев. Спасли американцы. Восточный фронт — один, не самый большой, который Сталин вёл с Гитлером, и вообще они друг друга стоили. Это вкратце (да и не вкратце) — так они себе представляют историю войны. Празднуют они 5 мая, поскольку тогда немцы подписали мир с голландцами. В войне мы уже виноваты.

Когда я им говорю, почему вы меня дискриминируете и не разрешаете маме называться «мамой», смотрят на меня тупо и говорят: «А может, кому-то это не нравится». Отвечаю: «Мне уже это не нравится и почему этот кто-то не интересуется моими чувствами...». У итальянцев хоть еще понятие семьи сохранилось...»

Нет, Володь! Меня не обижают. И меня не очень-то обидишь, найду, что ответить. Это «за державу обидно» — и за российскую, и за чешскую, которой в центре Европы не сладко жилось и которая выживания ради научилась прятать голову в карман и свое мнение держать при себе... Да, тут наши «волки» в прошлом году прорвались в Прагу...

Обижает только «короткая память» и мозги промытые. Вернее сказать, безмерно огорчает! Чем хорош пост президента в Чехии? Это единственный пост, на котором можешь говорить и делать, что думаешь! Пока они сидят в премьер-министрах — помалкивают или поют то, что от них требуется драгоценным партнерам в Европе и за океаном. А вот когда получают президентский пост, во многом номинальный, могут, наконец-то, и свою точку зрения высказать. И акция «Бессмертный полк» проходит под защитой президента страны.

Надежда Родина: Родители — 1931 и 1935 г.р. из Барятинского района Калужской обл. Родились они в многодетных семьях; по семейному преданию, прадеды были из старообрядцев. Авиабомбардировки Барятино начались в июле 1941 г., а 4 октября 1941 г. немецкие войска заняли Барятино. 2 года на этой территории шли тяжелые бои, в районе Зайцевой горы погибло от 70 до 100 тыс. воинов Красной Армии. Часть жителей, в основном женщин и детей, немцы отправили по этапу Барановичи — Рославль — Слоним, но их освободили партизаны. Папа окончил после войны Хотьковский электротехнический техникум, затем служил 5 лет на Балтийском флоте радистом и впоследствии занимался связью около 60 лет в институте атомной энергии им. И. В. Курчатова в Троицке (бывшем Академгородке, в котором было сосредоточено 11 физических научно-исследовательских институтов).

Алевтина Рубачева: Салют был очень красивый. Я на набережной смотрела. Прямо на тебя огненные шары падают...

Светлана Фомина: Из писем немецких солдат с Восточного фронта:

«Нет, отец, Бога не существует, или он есть лишь у вас, в ваших псалмах и молитвах, в проповедях священников и пасторов, в звоне колоколов, в запахе ладана, но в Сталинграде его нет. И вот сидишь ты в подвале, топишь чьей-то мебелью, тебе только двадцать шесть, и вроде голова на плечах, еще недавно радовался погонам и орал вместе с вами «Хайль Гитлер!», а теперь вот два пути: либо сдохнуть, либо в Сибирь»;

«Сталинград — хороший урок для немецкого народа, жаль только, что те, кто прошел обучение, вряд ли смогут использовать полученные ими знания в дальнейшей жизни»;

«Русские не похожи на людей, они сделаны из железа, они не знают усталости, не ведают страха. Матросы, на лютом морозе, идут в атаку в тельняшках. Физически и духовно один русский солдат сильнее целой нашей роты»;

«Русские снайперы и бронебойщики — несомненно ученики Бога. Они подстерегают нас и днем, и ночью, и не промахиваются. 58 дней мы штурмовали один-единственный дом. Напрасно штурмовали... Никто из нас не вернется в Германию, если только не произойдет чудо. А в чудеса я больше не верю. Время перешло на сторону русских»;

«Разговариваю с обер-вахмистром В. Он говорит, что борьба во Франции была более ожесточенной, чем здесь, но более честной. Французы капитулировали, когда поняли, что дальнейшее сопротивление стало бесполезным. Русские, даже если это безрезультатно, продолжают бороться... Во Франции или Польше они бы уже давно сдались, считает вахмистр Г., но здесь русские продолжают фанатически бороться»;

«Моя любимая Цилла. Это, право говоря, странное письмо, которое, конечно, никакая почта не пошлёт никуда, и я решил отправить его со своим раненым земляком, ты его знаешь — это Фриц Заубер... Каждый день приносит нам большие жертвы. Мы теряем наших братьев, а конца войны не видно и, наверное, не видеть мне его, я не знаю, что со мной будет завтра, я уже потерял все надежды возвратиться домой и остаться в живых. Я думаю, что каждый немецкий солдат найдёт себе здесь могилу. Эти снежные бури и необъятные поля, занесённые снегом, наводят на меня смертельный ужас. Русских победить невозможно...»;

«Я полагал, что война закончится к концу этого года, но, как видно, дело обстоит иначе... Я думаю, что в отношении русских мы просчитались»;

«Мы находимся в 90 км от Москвы, и это стоило нам много убитых. Русские оказывают ещё очень сильное сопротивление, обороняя Москву... Пока мы придём в Москву, будут ещё жестокие бои. Многие, кто об этом ещё и не думает, должны будут погибнуть... В этом походе многие жалели, что Россия — это не Польша и не Франция, и нет врага более сильного, чем русские. Если пройдёт ещё полгода — мы пропали...»;

«Мы находимся у автострады Москва — Смоленск, неподалёку от Москвы… Русские сражаются ожесточённо и яростно за каждый метр земли. Никогда ещё бои не были так жестоки и тяжелы, и многие из нас не увидят уже родных…»;

«Вот уже более трёх месяцев я нахожусь в России и многое уже пережил. Да, дорогой брат, иногда прямо душа уходит в пятки, когда находишься от проклятых русских в каких-нибудь ста метрах…»

Из дневника командующего 25-й армией генерала Гюнтера Блюментритта:

«Многие из наших руководителей сильно недооценили нового противника. Это произошло отчасти потому, что они не знали ни русского народа, ни тем более русского солдата. Некоторые наши военачальники в течение всей первой мировой войны находились на Западном фронте и никогда не воевали на Востоке, поэтому они не имели ни малейшего представления о географических условиях России и стойкости русского солдата, но в то же время игнорировали неоднократные предостережения видных военных специалистов по России… Поведение русских войск, даже в этом первом сражении (за Минск) поразительно отличалось от поведения поляков и войск западных союзников в условиях поражения. Даже будучи окруженными, русские не отступали со своих рубежей».

Ирина Тараканова: В Бишкеке акция «Бессмертный полк» собрала более 50 тысяч человек. К сожалению, я не могла принять участие: больная мама, которую одну мы не оставляем. Муж ходит с внучками. Мне хочется отметить, что и в детских садах, и в школах проводятся мероприятия, посвященные Дню Победы. Нашу младшую с детсадовской группой (4-х летние дети) возили к Вечному огню. Так что у нас в Бишкеке с исторической памятью всё нормально.

Замира Тожтоходжаева: Приветствую всех!!! Да, Ирина, так радостно и трогательно, что и у нас «Бессмертный полк» — одно из самых благодарных, любимых и сплачивающих поколения мероприятий, так по-доброму, по-человечески, тонко преградивших переписывание истории, манкуртизм, беспамятство!

Моему папе в 1941 году исполнилось 13 лет, и он вступил в совхоз выращивать пшеницу и свеклу для отправки на фронт. Мамин дядя Сайфулин Азиз погиб в 1941 под Черниговом. Мамина тетя Сайфулина Рая вернулась после войны раненой и прожила недолго. Папин дядя Ахметахунов Касым погиб в 1943 в боях за Воронеж.

Марина Ларионова: Мой дедушка Земляков Антон Егорович (1900–1967) и его брат Михаил, мой дядя, воевали в финскую. Дед был ранен и после ранения демобилизован и переведён в Свердловск с семьёй на

военный завод в качестве военного инженера, где проработал до конца войны, а по возвращении, уже в конце жизни, он работал на оборонном предприятии в г. Химки. Бабушка Екатерина Алексеевна Землякова (1902–1989) тоже всю войну проработала на оборонном заводе на Урале.

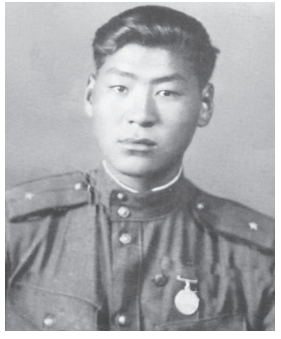
Антон Егорович и Екатерина Алексеевна Земляковы

Сергей Пятенко: Многое из событий 1941–45 гг. еще долго предстоит осмысливать. Потом будет эпоха необъявленных войн, когда Запад будет создавать нам проблемы везде, где сможет. Поэтому для настоящего и будущего весьма актуальны 7 уроков 1941–45 годов.

1. Исторический. Несколько столетий война приходит к нам с Запада. Европейская орда 1812 г. убила десятки тысяч россиян, затем англо-французское нашествие 1856 г. В 1941–1945 гг. снова европейская орда (Германия, Австрия, Италия, Испания, Румыния, Венгрия, Болгария, Финляндия — боевые части, Франция, Чехия, Польша — тыловые части) и вся промышленность Европы были на стороне фашизма. В XXI веке снова Запад пошел на нас войной информационно-санкционной.

2. Хозяйственный. Побеждать может и меньший потенциал. В 1941 г. ВВП у Европы был в разы больше советского. Еще половину экономики мы потеряли в первые месяцы войны. Но 1500 заводов и 10 млн чел. переместили и восстановили военное производство.

3. Роль руководства. Военно-хозяйственным механизмом надо умело управлять. Планировать военные операции с участием миллионов, организовывать взаимосвязанное производство на тысячах заводов. Сами европейцы считают важной причиной своего поражения свое менее эффективное руководство.



Матвей Васильевич Тарнуев в 1945 г., папа Валентины Тарнуевой. А мама работала в госпиталях, где лежали тяжелораненые бойцы: солдаты и офицеры

4. Роль духа и самоуважения. Они — важнейший фактор победы. Для их воспитания страна должна чтить свои успехи. На Западе всегда подчеркивают достижения, убирая «темное» из своей истории. В США не вспоминают истребление миллионов индейцев, во Франции нет критики Наполеона, в Англии «не помнят» жестокости подавления Ирландского восстания. И так везде и у всех. В белорусской деревне Хатынь фашисты уничтожили 149 человек, а США в 1968 г. во Вьетнаме в Сонгми убили 504 мирных жителя (в т.ч. 18 беременных, 175 детей). Но в США не каются. Думают — это

Михаил Иванович Михайлов (21.11.1925–20.05.2010) — родной дядя Виктории Тараненко. В армии с 1942 г. до конца войны

помешает воспитанию «правильных чувств» нации. На Западе считают: они имеют право гордиться всем и всегда, а остальные ничем и никогда. А не уважающие себя терпят поражения. В 1980–90-е гг. мы это проходили.

5. Значение единства. Путь к предательству извилист. В деревню приходят немцы и просят последить за порядком. И шаг за шагом. Порядок — полиция— выявление партизан — работа в интересах врага. Полицаи сильно помогали фашистам, например, затрудняя партизанскую войну. Сейчас снова война. И снова надо думать. Бывает также пошаговый путь. Например: проблемы в РФ — работа со всеми известными СМИ — поливание грязью всего российского — действия в интересах врага. Есть что-то общее в работе в немецкой полиции и в «Эхе Москвы» и т.п. Вот белоэмигранты, типа Деникин и К, никак не стали сотрудничать с фашистами. Хотя понятны были их претензии к той российской власти. Но Родина для них была дороже.

6. Мир возможен только, когда этого хотят все стороны. Для мира стране нужно иметь разнообразную силу, стойкость и готовность к отпору. Люди и нации мудры/сдержаны лишь после исчерпания всех других возможностей. Наполеон, Британия (владычица полмира), Гитлер веровали в свою исключительность. США — в однополярность. Но сильнее оказывается желание народов, осознавших свои интересы, жить самостоятельно, развиваться со своей культурой и традициями.

Александр Григорьевич Шумаев, гвардии сержант, награжден орденом Славы, медалью «За Отвагу» — отец Вячеслава Шумаева

7. Но врага нельзя недооценивать. В 1940-е гг. это было. Не стоит повторять ошибок. Ведущие сегодня против нас войну много раз справлялись с кризисами, грозящими им гражданской войной, и успешно провоцировали ее у других. Они делают отличные пропагандистские методички. Они не раз проигрывали «горячие» войны (Вьетнам, Корея, да и Ирак с Афганистаном явно не «победы»). Но они эффективны в информационно-экономической борьбе. Противники это умеют. Это надо учитывать.

Разумеется, список уроков не претендует на полноту. Но их извлекать полезно, ибо история никогда не кончается, она просто переходит одна в другую...

Вячеслав Шумаев: Мой отец, Шумаев Александр Григорьевич, призван в январе 1943 г. Участвовал в освобождении Будапешта и Вены. Закончил войну 12.05.1945 г. в Чехословакии. Был переброшен в Приморский край. Демобилизовался в 1952-м. Награды за то, что под обстрелом разминировал мост и проход танкам.

Это 1943 год. Три родные сестры и их мужья; родители Татьяны Шаталовой (справа)

Татьяна Шаталова: Очень стыдно, что не расспрашивала родителей при жизни, а они сами ничего не рассказывали особенно. Знаю, что отец, Борис Петрович Михайлин, учился в летной школе, был комсоргом полка, но по состоянию здоровья почти не летал, был механиком на аэродроме. Маму с 4-летним сыном война застала в Эстонии. Попали под бомбежку при эвакуации через реку Даугаву, чудом выжили.

Елена Тромлакова: Мой папа, Михаил Павлович Тромлаков, — военный переводчик. На фронт пришел после 8 класса. Окончил одногодичные курсы военных переводчиков с 9 сентября 1943 г. по 20 сентября 1944 г., получил звание «младший лейтенант» и был направлен в 6-й гвардейский танковый корпус 3-й танковой армии в разведотдел штаба корпуса. Прошел Чехословакию, Польшу, Германию. А о себе писал скупо: родился 7 ноября 1925 г. в г. Ртищево Саратовской обл. Атеист. До развала КПСС был ее членом с 1951 г. Ее сторонник (!). После в 1955 г. окончил 10 классов вечерней школы рабочей молодежи...

Удивительный человек.. другое поколение...победителей!

КТО ЕСТЬ КТО?

Абанкина Ирина Всеволодовна, кандидат экономических наук, профессор.

С 2001 г. работает в НИУ ВШЭ в должности заместителя директора, а затем директора Института развития образования.

Боева Елена Леонидовна (в замужестве Абрамова) родилась и проживает в Туле. После окончания факультета работала в Центральном

научно-исследовательском институте систем управления (1979–1991), затем в министерстве имущественных и земельных отношений Тульской области (1992–2013), Международной исследовательской компании «Кантар» (2013 — по н.вр.). Имеет региональные награды. Занималась горным туризмом, покоренная высота Главного Кавказского хребта — 4800 м. Имеет дочь и двух внучек.

Бурченкова Марина Львовна (в замужестве Ларионова) родилась 16.04 в 1956 г. в Москве. После окончания московской средней спецшколы № 38 им. А. Н. Островского с преподаванием ряда предметов на английском языке поступила на экономический факультет МГУ, который успешно окончила с рекомендацией в очную аспирантуру факультета по кафедре истории экономических учений под руководством академика Ф. Я. Полянского. В 1983 году защитила кандидатскую диссертацию по проблемам развития западно-европейской экономической интеграции. Работала в должности сначала ассистента, затем доцента кафедры политэкономии в Московском техническом университете связи и информатики 15 лет. Была направлена на обучение и последующую стажировку в Bailbrook College, UK по европейской программе TACIS, по завершении которой получила квалификацию специалиста по стратегическому международному маркетингу. После стажировки в Великобритании была рекомендована в качестве главного специалиста по развитию региональных продаж в России российско-ирландскому полиграфическому холдингу и далее продолжила работу в его филиалах в России. Закончила свою производственную деятельность в должности директора по маркетингу и продажам. Имеет сына Игоря Сергеевича Ларионова, 1985 г.р. Проживает в Москве.

Гальперина Анна Робертовна, родилась в Москве, дочь и внучка участников войны. Мама — труженица тыла. Живет в Праге (Чешская Республика).

Зеленкова Валерия Григорьевна, дочь фронтовика, кандидат экономических наук, работала преподавателем. Проживает в Федеративной Республике Германия, в настоящее время дизайнер.

Ермаков Владимир Иванович, кандидат экономических наук, доцент. Родился и живет в Москве.

Катунина Дина Николаевна (в девичестве Борисова), кандидат экономических наук. Родилась в г. Севастополь в семье военного инженера. Школу закончила в 1973 г. в г. Волгограде. После окончания экономического факультета МГУ работала до 1997 г. преподавателем политэкономии в Рязанском медицинском институте. В 1981 г. защитила кандидатскую диссертацию. В 1997 г. ушла с кафедры экономической теории

по идейным соображениям — из-за повсеместного внедрения в преподавание курса «Экономикс». До 2009 г. работала аналитиком коммерческого банка. После выхода на пенсию продолжает вести учебную и научную работу. Проживает в Москве.

Кобзуненко Любовь Петровна (в замужестве Марычева). Родилась в г. Апшеронске Краснодарского края. Проживает в г. Ярцево Смоленской области. Преподавала в филиале г. Ярцево Московского государственного индустриального университета. Награждена Почетной грамотой Министерства образования РФ. Ныне на заслуженном отдыхе.

Комбарова Наталия Петровна, окончила экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова по специальности «экономическая кибернетика». В 1996 г. окончила Московский государственный лингвистический университет, специальность «Переводчик английского языка». Менеджер Управления социальной сферы НИУ ВШЭ. Проживает в Москве.

Лауфер Константин Маркович, родился в г. Ленинграде, до службы в СА (гор. Ленинград) жил, учился и работал в г. Северодвинске. Канд. филос. наук, доцент, лауреат премии им. архитектора Алексея Гутнова. Работает на кафедре экономики и менеджмента Сеченовского университета, Москва. Живет в г. Сергиевом Посаде.

Молотова Ольга Юрьевна родилась в 1956 г. в Москве. В 1973 г. поступила на экономический факультет МГУ, по окончании которого была рекомендована в аспирантуру. В 1983 г. защитила кандидатскую диссертацию по кафедре экономики природопользования МГУ, после чего работала с.н.с. в Институте экономики минерального сырья Мингео СССР. Имеет двух детей: Елену (1986 г.р.) и Александра (1990 г.р.) Казанцевых. В «нехорошие перестроечные годы» работала в Чековом фонде «Геолинвестдобыча». После прекращения его существования получила бухгалтерское образование и работала главным бухгалтером в ЗАО «Корпорация ОЛТ». На пенсию вышла в должности Генерального директора ООО «ЦГИС». Проживает в г. Москва.

Родина Надежда Васильевна родилась в Московской обл., с. Красное, в 1957 г. После окончания ЭФ МГУ пришлось одной растить троих детей. В 1994 г. стала работать в ЦЭМИ РАН сначала ведущим инженером, затем научным сотрудником в отделе Е. Ю. Фаермана (до его отъезда в США в 2003 г.), а затем с С. Р. Хачатряном — до 2005 г. и с О. Б. Брагинским —до 2008 г.. Затем пришлось помогать дочери воспитывать внуков. В ЦЭМИ занималась в основном межотраслевым анализом, сценариями инвестиционной и структурной политики РФ в условиях переходного периода, анализом политики распределения доходов в РФ по де-

цильным группам, состояния строительной индустрии в региональном разрезе, пропорций развития муниципального и коммерческого жилья в г. Москве, государственно-частного партнерства в жилищно-строительной индустрии, возможностей развития ипотечного кредитования жилья, малого и среднего бизнеса в РФ и др.

Павина Валентина Павловна, кандидат экономических наук, доцент. Родилась в 1955 г. в Магаданской области. Работала во Владимирском политехническом институте (от ассистента до доцента), в лизинговой компании «ВТЗ-Финансы», Всесоюзном заочном финансово-экономическом институте, на кафедре макроэкономической политики и стратегического управления экономического факультета МГУ. Пенсионерка. Проживает в Москве.

Пятенко Сергей Васильевич, доктор экономических наук. Работал в Институте мировой экономики и международных отношений АН СССР (1979–1992 — от м.н.с. до с.н.с.), Агентстве управленческих консультаций (1987–1990 —директор), Агентстве управленческих консультаций СП «Внешконсульт» (1990–1991 — директор), Ernst&Young Vneshcounsult (1991–1992 — зам. генерального директора), Deloitte Touche Tohmatsu International (1992–1996 —старший менеджер), Экономико-правовой школе «ФБК» (2001–2019 — ген. директор). Живет в Москве.

Рубачева Алевтина Николаевна, год рождения —1956, место жительства — Москва. Работала в бизнесе (зам. директора риэлторской фирмы) и в науке. Последнее место работы — научный сотрудник института «Совет по изучению производительных сил» (СОПС) Минэкономразвития РФ. СОПС был основан В.И. Вернадским в 1915 г. и реорганизован в подразделение Академии внешней торговли в 2016 г. — прожил чуть более 100 лет (как и папа, о котором здесь рассказала!)

Тараканова Ирина Алексеевна (в замужестве Арамян). Аудитор, налоговый консультант. Директор ООО «БНК Аудит». Живет и работает в г. Бишкек, Кыргызская Республика.

Тарнуева Валентина Матвеевна, родилась в 1955 г. в Бурятии. До и после аспирантуры работала преподавателем кафедры политической экономии Восточно-Сибирского технологического института (г. Улан-Уде) и затем в системе Федеральной налоговой службы РФ. Проживает в Москве.

Товмасян Виктория Викторовна (в девичестве Тараненко), преподаватель политической экономии, пенсионерка, г. Сыктывкар, Республика Коми.

Тожтоходжаева Замира Розамовна. После окончания университета работала в Академии наук Киргизской ССР, с 1993 г. – в Министерстве

труда и соцзащиты Кыргызской Республики, а затем в Министерстве иностранных дел Кыргызской Республики. Проживает в г. Бишкеке.

Тромлакова Елена Михайловна. Закончила экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, одна из специальностей — военный переводчик. Работала в Германии. С 1998 г. по 2016 г. — коммерческий, административный директор рейтингового агентства «Эксперт РА». Проживает больше в Истре, где ее дедом создана целая улица (ныне Почтовая), чем в Химках.

Фомина Светлана Андреевна (в замужестве Смирнова) родилась в 1957 г. в Саратове. После окончания факультета работала в Мосгорплане. Потом стала матерью троих детей и вела домашнее хозяйство до смерти мужа. С начала 2000-х в строительном бизнесе, затем в ювелирном. Когда закончила с крупными строительными проектами, занялась ремонтом и реставрацией мебели.

Еще до кончины мужа пришла к Вере, пела в церковном хоре. Старшая дочь — художник, вторая — с двумя высшими образованиями ищет себя, сын после ВШЭ работает, 19-летний внук служит в армии. С февраля 2020 г. живет на даче в Оптиной Пустыни, помогает старшей дочери в реализации ее проектоводин из которых — художественная школа — работает уже два года.

Шаталова Татьяна Борисовна (в девичестве Михайлина) родилась в 1957 г. в Сергиевом Посаде. После окончания МГУ работала экономистом на малой родине, заместителем гл. бухгалтера в банке, бухгалтером в московском храме. Посвятила себя семье, вырастили с мужем двух дочерей и замечательный сад, построили дом. Проживает в Сергиевом Посаде.

Шумаев Вячеслав Александрович родился в 1957 г. в г. Карасук Новосибирской области. Работал в Министерстве газовой промышленности (инженер-программист, руководитель группы), ЗАО «ЭРМА-Интернешнл Трейд» (ген. директор, председатель совета директоров), Фонде содействия развитию экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова (президент). Проживает в Москве.

Яременко Елена Юрьевна (в замужестве Ветрова), кандидат экономических наук. Родилась и проживает в Москве. После окончания факультета работала в НИЭИ при Госплане СССР, а затем в Институте народнохозяйственного прогнозирования РАН. Проживает в Москве.

Глава 5. МНОГОНАЦИОНАЛЬНАЯ СЕМЬЯ ГЕРОЕВ

ФРОНТОВОЕ БРАТСТВО

Хубиев Кайсын Азретович, 72 года,
профессор экономического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова,
доктор экономических наук,
г. Москва

Азрет Бобаевич Хубиев

Тема Великой Отечественной войны многослойна и неисчерпаема. За физическими событиями, которыми наполнена фронтовая жизнь, был скрыт внутренний мир каждого участника — его мысли, переживания, мечты... Кто выжил в этой самой жертвенной войне, тот мог поделиться с теми, кто сопровождал их по жизни в послевоенные годы. А погибшие унесли в мир иной свой внутренний мир. И нам не хватило интереса и настойчивости побольше выведать у участников войны еще малоизвестные стороны их фронтовой жизни. Например, как они выживали зимой в окопных условиях, как преодолевали страх перед сражением и многое другое.

Здесь хочется затронуть тему фронтового братства, явления недостаточно еще освещенного, но достаточно распространённого в те годы. Более того, именно оно — фронтовое братство — помогло выжить и победить. К этой теме я хочу обратиться на примере моего отца Хубиева Азрета Добаевича, 1914 г. р.

Пройдя свой путь на войне, он не любил рассказывать о нем. Но, будучи человеком достаточно суровым, он буквально сиял и проникновенно рассказывал о своем земляке и фронтовом товарище Батчаеве Хаджи-Османе. Мне мало что запомнилось, к тому же рассказы были недолгими. Но с детства запомнилось это имя и та необыкновенная нежность, с которой отец произносил это имя.

Когда началась война, отец был председателем сельсовета в с. Архыз Зеленчукского района Карачаево-Черкесской автономной области Ставропольского края. Его угнетало то, что он отправлял воевать односельчан, родственников. У него была бронь, но он рвался на фронт, писал заявления с просьбой призвать в действующую армию. Подобный порыв был и у других обладателей брони. Они устраивали между собой спортивные соревнования, чтобы победитель мог оказаться в верхней части очередников для отправки на фронт. Отца призвали в декабре 1941 года в порядке поощрения за то, что он лучше других справился с мобилизационным планом, который включал заготовку продуктов питания, теплой одежды и др. После окончания ускоренных курсов кавалерийской школы в г. Моздок воевал на Украине сперва политруком, затем командиром конного разведывательного эскадрона.

С будущим своим фронтовым товарищем он встретился случайно, в окружении. Хорошее знание русского языка помогло ему через местных жителей попасть в партизанский отряд. После прохождения проверки отец стал командиром разведгруппы партизанского отряда «За родину». Там же оказался и его земляк Хаджи-Осман Батчаев. В этом отряде сложилась их дружба и братство. Мне мало что известно о партизанском периоде их войны. Но ясно то, что именно там происходили события, которые их сблизили настолько, что отец вспоминал о нем как о самом близком человеке.

Когда умер наш отец, на соболезнование приехали дочери Хаджи-Османа. Они поведали о некоторых фактах из партизанского периода их военного бытия. Мы впервые узнали о том, что они спасали жизни друг другу. Потомки Хаджи-Османа рассказали, например, что в очередной разведке их отец был ранен в живот и наш отец с другими участниками группы на плащ-палатке принесли его в отряд, где он был в полевых условиях прооперирован и остался жив. Было, видимо, много еще таких случаев, которые их сблизили. После смерти отца мы узнали, что он являлся почетным гражданином украинского города Нежин.

После прихода на Украину регулярных частей Красной Армии их фронтовые пути разошлись. Сошлись они уже только в 1957 году после возвращения из высылки в Среднюю Азию карачаевского народа. Высылка не сломила их закаленный дух и не озлобила. Они дожили до внуков и ушли из жизни достойными людьми. У них не возникали вопросы о том, за что они воевали, за что терпели лишения. Они при жизни были свидетелями того, как защищенное ими государство заботилось об их детях и внуках, предоставляя возможность учиться и работать, создавать свои семьи, имея уверенность в завтрашнем дне. В благополучии последующих поколений видели они высший смысл своего подвига.

АНТРАНИК ГЕВОРКОВИЧ МАЛХАСЯН: РАЗВЕДЧИК, УЧИТЕЛЬ, ПАТРИОТ

Бугаян Илья Рубенович, 76 лет,
профессор Южно-Российского института управления РАНХ и ГС,
доктор экономических наук,
г. Ростов-на-Дону

Хас-Малхас

Малхасян Антраник Геворкович (Хас-Малхас) и мой отец Бугаян Рубен Егишеевич были близкими родственниками; их мамы — сёстры, а отец Рубена — дядя Хаса. По окончании 20 июня 1941 г. Ростовского армянского педагогического техникума и краткосрочной спецподготовки он воевал на разных фронтах Великой Отечественной войны: под Старой Руссой, в Сталинградской битве, освобождал родное село (Большие Салы) и Ростов-на-Дону, штурмовал Сапун-гору и бился за Севастополь. Победу встретил на 1-м Прибалтийском фронте (командующий дважды Герой Советского Союза И. Х. Баграмян — с 1955 г. Маршал СССР).

После демобилизации Хас-Малхаса в ноябре 1945 г. его старшие братья-фронтовики Агоп и Рубен Бугаяны, Геворк Багян единодушно отмечали его выдающиеся гражданские качества солдата-освободителя, награждённого орденом Отечественной войны II степени, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За оборону Сталинграда», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», имеющего четыре благодарности Верховного Главнокомандующего. Это был патриот, преданный своим корням и родине, что особенно ярко проявилось и в мирное время.

Антраник Геворкович Малхасян

После окончания в 1949 г. Ростовского педагогического института А. Г. Малхасян был направлен инспектором школ Мясниковского района и одновременно преподавал историю в средних школах сёл Крым и Чалтырь Ростовской области. Заведовал районным отделом образования, открыл вечернюю школу для жителей. В 1952 г. был переведён начальником сектора детских домов отдела народного образования (ОНО) области, где проработал до 1957 г. Во всех районах и городах области организовал филиалы областной очно-заочной средней школы, директором которой был 30 лет.

Впервые в стране на Ростовском телевидении в 1960 г. он организовал еженедельную передачу «Школа на дому для тех, кто работает и учится». На основе опыта ростовчан такую же передачу стало вести Центральное телевидение — вплоть до конца 80-х годов XX века.

Легендарному Хас-Малхасу – 95 лет!

21 ноября ветерану Великой Отечественной войны, освобождавшему в феврале 1943 года город Ростов-на-Дону, Антранику Геворковичу Малхасяну исполнилось 95 лет.

Автор многочисленных пособий для учащихся и учителей, статей, опубликованных в журналах «Народное образование», «Советская педагогика». Его книга «Как самостоятельно учиться» (Москва, 1974) по своей значимости была зачтена как диссертация кандидата педагогических наук. Издал «Русско-армянский разговорник на литературном языке и диалекте донских армян». В 2008 г. вышло пятое издание его книги «Армянские личные имена на русском и армянском языках». Несколько раз переиздал «Букварь армянского языка» (2000, 2004, 2008), ставший экспонатом Всемирного музея Букварей ООН, включив в него и материал по истории донских армян. Он — единственный награжденный в Ростове и Ростовской области медалью «Маршал Баграмян».

Отличник народного образования РСФСР, отличник просвещения СССР, Заслуженный учитель РСФСР, усыновивший, воспитавший трёх сирот, давший им образование и ставший дедушкой их детям.

Это был скромнейший человек. О войне ничего не рассказывал. Много людей пришли проводить его в последний путь. Только тогда мы узнали, что он был разведчик.

«ТУВА — ФРОНТУ»

Харунова Марианна Монге-Байыровна, 46 лет,
начальник отдела науки Улан-Баторского филиала,
кандидат исторических наук
РЭУ им. Г.В. Плеханова,
г. Улан-Батор, Монголия

С.К. Шойгу представляет книгу «Тува — фронту». Фото с сайта Тува-онлайн

Празднование годовщины Великой Победы является священным для всех, кто бережно хранит память о героях, отдавших свои жизни в борьбе с ненавистным врагом — фашизмом. В своем очерке мне, тувинке, хотелось бы рассказать о книге «Тува — фронту», которая была издана пять лет назад, к 70-летию Великой Победы, по инициативе Министра обороны Российской Федерации, Героя России, генерала армии С.К. Шойгу. Мой народ вместе с другими народами бесстрашно встал на защиту будущего в той беспощадной войне. Мы должны помнить всех, кто сохранил нам мир, как помнят отца и мать. Мы всегда должны стремиться быть достойными их памяти, их мужества, их подвига.

«Тува — фронту» — научно-популярное источниковедческое издание, в котором собраны 88 документов Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ) и Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), хранящих исторические сведения об участии Тувы и тувинских добровольцев в борьбе с фашизмом.

В своем обращении к читателям, в отдельном вкладыше к книге, С.К. Шойгу пишет: «Признаваясь в любви к родной земле, я признаюсь в любви и к людям, ее населяющим, — своим предкам и землякам — современникам. <...> Тувинцы <...> смогли сохранить и развить собственную культуру и духовность, лучшие черты национального характера — умение жить в гармонии с окружающим миром, стойкость в любых испытаниях, рождены ли они природой или злой человеческой волей, справедливость, неброскую, но оттого не менее надежную любовь к родной земле и не рассуждающую готовность всегда встать на ее защиту. Все эти лучшие качества — как в фокусе — сошлись, проявились в годы Великой Отечественной войны. <...> ...тувинцы, как наверное, все народы Советского Союза, отдавали во имя Победы все и даже больше».

Обложка книги

«Вероломное нападение фашистской Германии на Советский Союз граждане Тувинской Народной Республики восприняли так, как если бы враг напал на их собственную родину» [3, с. 10]. В годы Второй мировой войны Тувинская Народная Республика поддержала СССР, оказала материальную и моральную помощь братскому советскому народу. А в октябре 1944 года ТНР вошла в состав Советского Союза.

«Все для фронта, все для победы!»

Рассмотрим некоторые страницы книги, освещающие героические страницы борьбы народов СССР и Тувы с фашизмом. Архивные документы, вошедшие в книгу, свидетельствуют о большой организационной работе, осуществлявшейся Правительством Тувинской Народной Республики по выполнению военных заказов, оказанию материальной помощи СССР в борьбе с гитлеровской Германией, и широком охвате населения республики, привлекавшемся партийными, ревсомольскими, профсоюзными и другими общественными организациями на предприятиях, госхозах, тожземах, в армии, учреждениях, школах, больницах, среди аратов.

«Главным фронтом с первых дней войны стал фронт трудовой. Власти республики (по примеру советского правительства) начали перестройку экономики на военный лад. Промышленность переводилась на преимущественное производство военной продукции или предметов двойного назначения — лыж, кавалерийского снаряжения, воинского обмундирования. С этой целью были расширены производственные мощности на лесообрабатывающем, кожевенно-пимокатном, ремонтно-механическом заводах, а на предприятиях, ранее выпускавших мирную продукцию, открыли цеха для выполнения военных заказов. <...> В республике наращивалась добыча золота, угля, соли и строительных материалов. Лозунг «Все для фронта, все для победы!», как и в СССР, стал нормой повседневной жизни» [2, с. 11].

Ударники перевыполняли производственный план, например, по изготовлению лыж на 267 %, 250 %, 200 %.

За организацию материальной помощи частям Красной Армии 4 мая 1942 года С.К. Тока, генеральный секретарь ТРНП, награжден Орденом

Ленина. В свою очередь 27 мая 1942 года газета «Шын» (по тувински — «Правда») опубликовала список 20 человек государственных деятелей, командиров и комиссаров, награжденных Орденом Тувинской Народной Республики, в их числе военачальники Жуков Г. К., Макаров В. И., Хохлов И. С., Соколовский и др.

В числе документов имеется акт от 16 марта 1943 г., составленный в г. Москве на аэродроме «Н» генеральным секретарем Народной революционной партии С. К. Тока и представителем ВВС Красной Армии — командиром авиационного истребительного полка № 133 майором Т. Ф. Амельченко, о передаче 10 боевых самолетов Як-7б, построенных на средства граждан Тувы. А также приказ закрепления самолетов по экипажам. Именной самолет Танды хошуна (Тандинского района) командир ИАП майор Т. Ф. Амельченко закрепил за собой. 8 августа 1943 года И. В. Сталин написал письмо благодарности жителям Тувы за средства, собранные на строительство авиаэскадрильи.

Всего по сведениям официальной статистики за годы войны Тува на нужды фронта передала: весь золотой запас ТНР и добычу золота военных лет на общую сумму более 10 млн акша или 35 млн руб., 5 эшелонов подарков на сумму 8 452 500 акша, около шестисот тысяч голов скота, три эскадрильи истребителей, 52 тыс. пар лыж, 10 тыс. полушубков, 19 тыс. пар рукавиц, 16 тыс. пар валенок, 67 т шерсти, сотни тонн мяса, топленого масла, муки, сухарей, кондитерских изделий, облепихи и другой сельхозпродукции [3, с. 379]. Тува поставляла фронту лошадей наряду с такими странами, как Монголия, Синьцзян, Иран, всего на фронтах воевали 50 тыс. боевых коней из Тувы.

В конце августа 1943 года жители Хонделенсумона (самая маленькая административная единица в Туве) и араты Шекпээрсумона Барун-Хемчикского хошуна (район) выдвинули предложение о разведении в каждом хозяйстве по одной голове скота для освобожденных от фашистской оккупации колхозов Киевской области Украины. Этот почин был одобрен Политбюро и рекомендован районным комитетам ТНРП для широкого распространения. По предварительным подсчетам, страна должна была дать Киевской области 17 628 голов скота в 1944 году. Была развернута работа под лозунгом «Вырастим к лету 1944 года 17 тыс. голов скота для Киевщины!» В каждом хозяйстве заботливо разводились телята, жеребята, ягнята и козлята, у которых на шее была красная ленточка. Осенью 1944 года в Советский Союз было отправлено 26 572 головы скота [2, с. 224]. Общая сумма материальной помощи Тувы фронту составила свыше 19 млн акша или 66,5 млн руб.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 11 августа 1944 года за заслуги в деле организации в ТНР материальной помощи Красной Армии орденами и медалями СССР награждены 55 человек, в числе которых араты-скотоводы и руководящие работники республики.

Презрение к смерти и высокий патриотизм

В годы войны в Туве проживало 12 тыс. советских граждан, которые одновременно являлись и гражданами ТНР. Из их числа более 3,5 тыс. воинов, в том числе до 900 добровольцев, ушли на фронт. Во многих русских поселках остались только старики, женщины, дети. Кроме советских граждан, более 200 граждан ТНР — тувинцев-добровольцев — воевали против фашистов. 20 мая 1943 года на фронт ушли тувинские танкисты (воевали с марта 1944 по май 1945 г). 1 сентября 1943 года — кавалерийский эскадрон из 206 воинов, в том числе 10 девушек-санинструкторов, из них Кыргыс Санаа, Ховалыг Бичен, Ооржак Байлак, Монгуш Амаа награждены орденами Отечественной войны I степени. Кавалеристы воевали с декабря 1943 по апрель 1945 г.

Приведем фрагмент документа из «Описания боевых действий первого добровольческого отряда Тувинской Народной Республики», входящего в состав 31-го гвардейского кавполка 8-й гвар. кав. Ровенской дивизии имени Морозова 6-го гв. кавкорпуса: «Отряд прибыл 30 ноября 1943 года, в количестве 200 чел., из них офицерского состава — 8 чел., сержантского состава — 23 чел., рядового состава — 169 чел. В составе кавполка тувинцы совершили 1000 км марш за 45 суток по бездорожью, в исключительно трудных условиях погоды. За время марша тувинцы не имели никаких потерь в людском и конском составе. Конники тувинцы показали себя выносливыми в походе» [5, с. 34].

«29 января 1944 года тувинские конники приняли боевое крещение в бою за м. Деразьне <...> 4-й эскадрон, стремительно продвигаясь вперед, ломая сопротивление противника, в 2 часа ночи 30.01.1944 г. в числе первых ворвался в м. Деразьне. Противник оставил на поле боя до 70 трупов немецких солдат и офицеров, при этом захвачено 3 склада с военным имуществом, 7 легковых и 14 грузовых автомашин. Это был первый счет 4-го тувинского эскадрона в боях в 1944 году. <...> Эта первая значительная победа окрылила бойцов и офицеров-тувинцев. В боях за Деразьне смертью героя погиб командир взвода — гвардии старший лейтенант Сат. Сат первый поднял свой взвод в атаку, личным примером увлекая за собой взвод. Сам Сат был ранен в этом бою, но продолжал наступать, вторая вражья пуля сразила храброго офицера, и он погиб смертью храбрых» [5, с. 35].

Далее в документе описываются бои за города Ровно (01.02.1944 года) и Дубно: «...тувинский эскадрон в числе первых ворвался на сев-зап. окраины города Ровно, громя в беспорядке отходящих немцев. Удар был настолько стремительным, что противник не успел взорвать ни мостов, ни ж/д станции и др. объектов. <...> Гвардии старшина Чуллы, гвардии сержант Палчар, рядовые Чунтурук, Туменей шли впереди своего подразделения, в упор расстреливая противника, своим примером воодушевляли бойцов взвода. <...> Парторг эскадрона гвардии старший лейтенант Байсклан бесстрашно вел свой взвод в атаку и личным геро-

измом увлекал за собой членов партии. <...> Санитарка Сана, будучи сама ранена в бою, отказалась пойти в санчасть и продолжала выполнять свои обязанности.

<...> За мужество и отвагу в боях с немецкими захватчиками *награждено* (курсив — наш) 39 чел.: орденом Красного Знамени — 1 чел., орденом Красной Звезды — 2 чел., орденом Слава III степени — 18 чел., медалью «За отвагу» — 18 чел.

Представлено (курсив — наш) к званию «Героя Советского Союза» — 4 чел.:

1. Кечил-оол Тулуш Балданович — командир эскадрона, гвардии капитан,

2. Кызыл Ховалыг Тульченей — наводчик станкового пулемета, гвардии старший сержант,

3. Туметей Оюн Легтугу — пулеметчик, гвардии красноармеец,

4. Бурзекей Сат Сураг — командир пулеметного взвода, гвардии старший лейтенант.

К ордену Ленина *представлен* (курсив — наш) 1 чел., ордену Красного Знамени — 3 чел., ордену Отечественной войны I степени — 26 чел., ордену Отечественной войны II степени — 1 чел. Итого — 35 чел...» [5, с. 36–37].

В качестве обобщения командир 8-й гвардейской кавалерийской Ровенской дивизии имени Морозова гвардии генерал-майор Павлов написал следующие слова:

«...Первый добровольческий отряд конников Тувинской Народной Республики обладает исключительным упорством в обороне и исключительным порывом в наступлении. ***Презрением к смерти и высоким патриотизмом***» [выделено — мною] [5, с. 35]. Такая высокая оценка командира дана нашим землякам за их героизм, мужество и верность воинскому долгу.

Список безвозвратных потерь военнослужащих в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов, уроженцев, проживавших или призванных с территории ТНР, по данным учета Управления по учету безвозвратных потерь Красной Армии состоит из 497 имен.

Звание Героя Советского Союза присвоено Н. Н. Макаренко, М. А. Бухтуеву (посмертно), Х. Н. Чургуй-оолу, Т. Б. Кечил-оолу (посмертно).

Исторические свидетельства архивных документов со страниц книги «Тува — фронту» рассказывают нам, каким самоотверженным трудом в тылу, героизмом на полях сражений была завоевана победа над фашизмом.

Мой Неизвестный Солдат

Мне посчастливилось родиться в то время, когда еще были живы ветераны Великой Отечественной войны. Они ради нас, школьников, приходили на классные часы, концерты, торжественные линейки. Они, люди почтенного возраста, терпеливо отвечали на наши детские вопросы, скромно умалчивая о себе. И так же тихо, с достоинством, ветераны войны и герои тыла всегда принимали участие в парадах Победы на центральной площади города. Но среди них не было одного человека... — моего Неизвестного Солдата.

Среди двухсот тувинских добровольцев, прошедших жесткий отбор и удостоившихся права выступить на стороне Советского Союза в борьбе с фашистской Германией, был наш дядя — Сенгии Оюн Чымчакоглу. Он родился в 1908 г. в п. Ээрбек. В 1929–1931 гг. проходил службу в рядах Тувинской народно-революционной армии. Окончил курсы всеобщей воинской подготовки. Он участвовал в боях за Деражно, Ровно, Дубно. В числе трех тувинских добровольцев наряду со ст. лейтенантом Байыскланом М. Т., капитаном Кечил-оола Т. Б. рядовой Сенгии Оюн награжден орденом Красного Знамени [1, с. 295], который вручался «за особую храбрость, самоотверженность и мужество, проявленные при защите социалистического Отечества», а также самой высокой государственной наградой Тувы — Орденом Тувинской Народной Республики. Командир 29-го кавполка В. Ф. Симбуховский представил Сенгии Оюна к званию Героя Советского Союза [4, с. 182]. Есть обрывочные сведения, что Сенгии Оюн дошел до Берлина, принимал участие в войне против милитаристской Японии и пропал без вести...

Среди бойцов-добровольцев, фотографии которых хранятся в Национальном музее Республики Тыва, к сожалению, нет личной фотографии Сенгии Оюна. Возможно, он есть на фотографиях в строю среди своих боевых товарищей... Хочется увидеть, каким он был, этот мужественный человек. Может быть, кто-то из наших родственников похож на него? Где его могила? Хочется поклониться ему, чтобы он знал, что мы всегда будем помнить его светлое имя.

Литература

1. *Аранчын Ю. Л.* Тувинцы-кавалеристы в боях за социалистическое отечество // Ученые записки. Вып. 14. — Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1970. — С. 276–301.

2. *Аранчын Ю. Л.* Участие тувинского народа в Великой Отечественной войне // Трудящиеся Сибири — фронту. К XXX-летию Победы в Великой Отечественной войне. — Новосибирск, 1975. — С. 224.

3. История Тувы: В 3 т. — Т. II / Под общ. ред. В. А. Ламина. — Новосибирск: Наука, 2007. — 430 с.

4. *Сундуй М. Б.* Экитурачыаттыг эскадрон. — Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1989. — 280 с.

5. Тува — фронту. Вклад Тувы в борьбу с фашистскими захватчиками в период Великой Отечественной войны / Под ред. Шойгу С. К. — М.: ОАО «Красная звезда», 2014. — 199 с.

САНИНСТРУКТОР ТУВИНСКОГО КАВАЛЕРИЙСКОГО ЭСКАДРОНА

Монгуш Надежда Васильевна, 19 лет,
студентка 3 курса экономического факультета
Кемеровского института (филиал) РЭУ имени Г.В. Плеханова
Научный руководитель — Девяткин Геннадий Тимофеевич,
канд. ист. наук, доцент,
г. Кемерово

Санинструктор Вера

Что такое Великая Отечественная война? Это страх, ужас, горе, несчастье, которые вошли в каждую семью. Моя родная Тува внесла свой вклад в историческую победу. Прошло уже 75 лет с того победного дня; мы с гордостью вспоминаем о тувинцах-героях грозной эпохи, исполненной высоких подвигов и будничного героизма.

Когда началась Великая Отечественная война, Тува была независимой республикой, в состав СССР она вошла в 1944 г. Она стала первым официальным союзником СССР, отреагировав на нападение фашистской Германии на Советский Союз. 22 июня 1941 г. Политбюро ЦК Тувинской народно-революционной партии постановило срочно начать работу Великого Хурала. Решением съезда республика заявила: «Тувинский народ во главе со всей революционной партией и правительством, не щадя жизни, готов всеми силами и средствами участвовать в борьбе Советского Союза против фашистского агрессора до окончательной победы над ним» [1].

Мне хотелось бы рассказать об одном из участников Великой Отечественной войны из республики Тува — Байлак Вере Чульдумовне, которая добровольцем ушла воевать и стала последним воином тувинского кавалерийского эскадрона. После войны работала чабаном в совхозе имени XX съезда КПСС до самой пенсии, активно занималась общественной работой, была председателем женсовета, после распада СССР организовала фермерское хозяйство — лучшее в Туве.

Вера Чульдумовна Байлак

Родилась она 15 декабря 1924 г. (так записано в паспорте).

Отец ее Ооржак Хопуй Чульдум-оглу и мать Ооржак Кахбанак Байдановна жили в Дзун-Хем-

чикском кожууне, в сумоне Хайыракан, в местечке Элезинниг-Даг, занимались скотоводством, были аратами. В семье Ооржаков было семеро детей: четыре мальчика и три девочки. Вера Чульдумовна Байлак была четвертым ребенком в семье, с самого детства была смелой, трудолюбивой и послушной. Школу окончила на отлично. Стала работать в г. Чадаане пионервожатой, затем воспитательницей.

В первые же дни войны по всей Туве стали проводить митинги, после которых молодежь записывалась на фронт. Друзья Байлак Ооржак написали заявления раньше, чем она: Амаа Монгуш, Часкал Сарыглар, Ортун-оол Монгуш, Судер-оол Монгуш, Севил Ооржак, Семис-оол Куулар. Её братья Данзы-Белек, Комбуй, Канчыр-оол, служившие в армии, тоже записались в добровольцы. Чтоб не отставать от друзей и братьев, Байлак Ооржак тоже отправила своё заявление.

В городе Чадаане были организованы ополченские военные курсы, где учили обращаться с оружием, оказывать первую помощь пострадавшим солдатам, и Байлак Ооржак стала учиться. Одновременно она работала учителем в школе, организовывала добровольную помощь для Советского Союза. Тувинские араты на фронт отправляли лошадей, продукты питания, валенки и рукавицы, полушубки. Первые годы войны прошли незаметно.

В 1942 году произошли изменения: Байлак Ооржак стала молодой мамой, она рано вышла замуж. Ее супруга, Хапылака Сарыглара, почти сразу после свадьбы отправили на учебу в Москву в Коммунистический университет трудящихся Востока.

Мало кто знает, что перед отправкой на фронт в сумоне Чадаан Байлак Ооржак сходила к ламе Доржу Сат. Тот ей сказал, что она — хорошая семьянинка, храбрая, с чистой душой, будет очень богатой, а жизнь будет светлой. Дорога будет длинной, трудной, не без проблем и опасностей, но она должна всё пережить, потерпеть. Предрек возвращение домой без трудностей, здоровой и невредимой. Лама Доржу Сат пожелал ей доброго пути и здоровья. После услышанного Байлак Ооржак очень обрадовалась, что её поставленная цель обязательно сбудется.

Вот как она сама вспоминала свой путь в эскадрон:

«Тогда в Тувинской Народной Республике везде агитация была: все для фронта, все для победы. Все — и женщины, и дети, и старики — только об этом и думали. Везде только и разговоров было, что о войне. Кто-то заговорил о том, что надо идти на фронт, на войну. И мы написали заявления. Помню, принимал их Часкан Сарыглар.

Нас, трех подружек, начали проверять: что умеем делать. А мы как дети бедных аратов, умели все, работали исправно. И учились хорошо. Наши заявления отправили в правительство.

Летом пришел ответ — положительный. А мы что? Мы начали готовиться. Сообщили родителям, что едем на фронт, что будем бить этих

фашистов, гадов, а то они и на нашу Туву нападут. Нас приехали провожать на конях, повозках. Много народу было. Родители наказывали, чтобы мы хорошо воевали. Провели ламаистский и шаманский обряды, родственники лучших коней для нас отобрали, окурили артышем и нас, и даже коней, горевали, плакали. Мы от лица тувинского народа приняли клятву».

1 сентября 1943 г. тувинский добровольческий кавалерийский эскадрон численностью в две сотни человек отправился на фронт и в его составе — санинструктор Байлак Ооржак. Ребенок остался с бабушкой и дедушкой.

Затем был Абакан, учебный пункт в городе Коврове, Смоленская область, откуда — конный марш-бросок на Украину. «Мы в первую очередь за лошадями ухаживали, — вспоминала Вера Чульдумовна. — Пока не накормишь лошадь, самой кусок в горло не лезет. Мы их так любили!»

В составе 8-й гвардейской дивизии добровольческий эскадрон в январе-феврале 1944 г. участвовал в Ровно-Луцкой наступательной операции по освобождению Украины.

Сражались храбро, но с большими потерями. В 1944 г. было решено вернуть эскадрон на родину.

В 1945 г. Вера Байлак, возвратившись со своими боевыми товарищами и подругами домой, вернулась к исконному родовому занятию — скотоводству, до пенсии трудилась чабаном в совхозе имени XX съезда КПСС. Потом организовала свое фермерское хозяйство, которое вышло в число лучших в Туве — с численностью скота свыше тысячи голов. Мать-героиня вырастила и воспитала десятерых детей: семерых дочерей и троих сыновей.

Вспоминая о матери, одна из дочерей характеризовала ее как очень скромную, культурную, приятную в общении, храбрую, строгую, но ласковую, дисциплинированную, нелюбящую ленивых людей. Очень требовательная, воспитывала своих детей и внуков, внучек, правнуков патриотами своей страны. Воспитывала детей в строгости: каждое утро будила в 4 часа, так как у каждого были свои обязанности, а работа всегда находилась. Если дети просили рассказать сказку, то Вера Чульдумовна обычно говорила о войне, о работе в тылу, о колхозе и совхозе, работе в женсовете.

Чабан Вера Байлак

Интересовалась фильмами про войну, когда их смотрела, то нередко плакала, но старалась никому не показывать своих чувств.

Внуки и правнуки также с теплотой, любовью и неизменной гордостью отзывались о Вере Чульдумовне: «Бабушка была очень открытым человеком, я с ней мог говорить о чем угодно, она знала ответ на любой вопрос».

Веру Байлак очень уважали в Туве. Именно ей была доверена почетная миссия передачи флага ТНР музею на Поклонной горе в Москве.

12 июля 2013 года Вера Байлак умерла в Кызыле. Судьба отмерила этой хрупкой женщине с твердым характером большую жизнь — 88 лет. До последних дней она сохраняла бодрость и ясность ума. 15 июля ее проводили в последний путь как солдата Великой Отечественной войны — с воинскими почестями. Гражданская панихида состоялась в Национальном музее Республики Тыва; впервые со дня его открытия здесь проводилась подобная церемония, и это — особая дань уважения женщине, ставшей символом истории дружбы России и Тувы.

В 2015 году Хурал представителей Дзун-Хемчикского района принял решение об увековечении памяти знаменитой землячки и присвоении её имени школе №4 Чадана [2]. Школа удостоена этой чести за отличные показатели в обучении и воспитании учащихся. В Чадане 15 декабря 2018 г. состоялась торжественная церемония установки памятника Вере Чульдумовне Байлак — тувинскому добровольцу Великой Отечественной войны.

Литература и источники

1. *Горюнов О.* «Черная смерть»: почему гитлеровцы до смерти боялись воинов из Тувы. URL: https://tvzvezda.ru/news/forces/content/201508041212-jvoy.htm (дата обращения: 25.10.2020)

2. В Туве установлен памятник тувинскому добровольцу Вере Байлак. URL: https://rvio.histrf.ru/soobshestvo/post-10569 (дата обращения: 10.05.2020)

ДОБЛЕСТНЫЙ ТРУД ВО ИМЯ ПОБЕДЫ И МЕЧТЫ ОБ МГУ

Тараненко Олег Викторович, 53 года,
системный администратор муниципального казенного учреждения МО Узловский район «Объединенный муниципальный архив», системный администратор МУ «КСО» в финансовом управлении администрации МО Узловский район, Тульская область, г. Узловая

Товмасян (Тараненко) Виктория Викторовна, 63 года,
экономист, преподаватель политической экономии, пенсионерка, Ветеран труда Российской Федерации, Республика Коми, г. Сыктывкар

Мы, авторы этого рассказа о своих родителях — детях войны и о дедушке с бабушкой со стороны отца, родились и окончили среднюю школу в государстве СССР, в селе Константиновка Вишневского района Целиноградской области. Ныне Целиноград — это столица Казахстана Нур-Султан. Константиновка — это малая родина нашего отца и место, где прошла вся трудовая жизнь нашей матери, куда вернулся с войны с Победой наш дедушка и где его ждала и трудилась на благо Победы наша бабушка.

Удостоверение от 5 мая 1957 г. о награждении Тараненко Виктора Андреевича медалью «За освоение целинных земель» [1]

Олег Викторович: Как-то в детстве дома мне в руки попала медаль «За освоение целинных земель», которая лежала в коробочке с документами о присвоении награды. Отцу было 28 лет на момент вручения медали. Мне стало интересно, как отец, еще молодой человек на тот момент, получил официальную трудовую награду.

Я пристал к отцу с расспросами. Оказалось, что мой отец родился не в Казахстане, где мы тогда жили. История переезда несколько трагична. Отец родился в 1929 году в Курской области на границе с Украиной. Голод 1932–1933 годов. Рано умерла мать, оставив своему мужу, Тараненко Андрею Васильевичу, в 1933 году трех малолетних сыновей.

Виктория Викторовна: Отец часто рассказывал, как тяжело им жилось с неродной матерью. Первая мачеха заботилась в основном о муже

и о родном сыне, а про пасынков вспоминала в последнюю очередь. Наш отец очень радовался, когда под влиянием его «бабушки Тараненчихи» Андрей Васильевич всё-таки отправил такую «мать» восвояси, и вскоре женился на другой женщине, Ковалёвой Лидии Михайловне, которая по-настоящему заменила нашему отцу родную мать.

В 1934 году новая семья переехала в Казахстан, в далекое село Константиновка. 1935–1940 года отец вспоминал как светлое время детства, ему было тогда 6–11 лет. Семья была немаленькая: отец, Андрей Васильевич, мачеха, Лидия Михайловна, ее дочь от первого брака, три брата-погодка от первого брака Андрея Васильевича. Позднее, в 1941 году, родился общий сын от этого брака — Андрей.

Лидия Михайловна стала работать в Константиновке учительницей начальных классов. Добрейшей души человек, умеющий правильно воспитывать детей. В нашем детстве мы ее нежно называли «бабуся».

Коллектив учителей Константиновской средней школы. Крайние слева во втором ряду — Виктор Андреевич и Лидия Ивановна Тараненко. Лидия Михайловна Ковалёва — в центре. Ее сын (брат нашего отца) — высокий парень в третьем ряду, работавший до армии лаборантом в школе. 07.11.1959 [1]

Помню, отец рассказывал такой эпизод из своего детства. Он как-то повадился таскать мелочь из карманов взрослых и собирать в коробочку. Однажды, когда он пересчитывал свое «богатство», в комнату неожиданно вошла Лидия Михайловна, увидела его за этим занятием и все поняла. Она ничего ему не сказала, посмотрела на него все понимающим, сожалеющим взглядом и вышла. Отец рассказывал, что если бы в тот момент она начала его ругать, афишировать перед всеми его проступок, то он, наверно, стал

бы вором. Ведь первая мачеха ругала и била мальчишек за малейший проступок, и отец находил свои детские способы отомстить ей за это. Поведение Лидии Михайловны оказалось для него неожиданным. Он был очень благодарен своей второй матери за то, что она не стала его позорить, и, конечно, не стал вором, а всю жизнь добросовестно трудился.

Учителя с душой обучали и воспитывали своих учеников. В селе, соответственно, очень уважительно относились к учителям, к их знаниям и труду. Нашим родителям долгие годы приходили открытки от их бывших воспитанников. Показательно, что на вышеприведенном фото коллектива учителей двое ребятишек около 4 лет. Девочка — это я. Мальчик — мой будущий одноклассник, у которого родители тоже были учителями. Мы пришли вместе с родителями и сиротливо стояли в сторонке, ожидая, когда они освободятся. В последний момент перед фотографированием одна из учительниц, сидевшая с краю, обхватила нас и поставила рядом с собой.

Лидия Михайловна находится в центре фото по многим причинам: она была старше своих коллег по возрасту (1904 года рождения), с 17 декабря 1950 года была депутатом Акмолинского областного Совета депутатов трудящихся. На левой стороне груди у нее медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», которая была ей вручена 2 ноября 1946 г., и орден Трудового Красного Знамени, которым она была награждена в 1949 г. На правой стороне груди — значок «Отличник народного просвещения». По скромности своей и из уважения к коллегам она не все медали пристегнула. Например, медаль «За освоение целинных земель», которой она тоже была награждена 5 мая 1957 г., принято было хранить дома. Позднее, в марте 1970 г., она была награждена медалью «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина».

Олег Викторович: Настал 1941 год. Деда призвали на фронт. Шла война. Постоянно голодали. Поэтому дети работали вместе со взрослыми с 12 лет. С 1942 г. отец стал работать в колхозе за трудодни. По его словам, в тот период он пас скот. Полол свеклу и картофель в поле, где грядки казались бесконечными, а солнце палящим. Работал на *жнейке (лобогрейке)*[1] — косил сено, по осени, на сборе урожая, косил пшеницу. Ухаживал на ферме за коровами. На заработанные трудодни давали продукты; рабочих в колхозе на полевых работах кормили. Еда была

[1] Лобогрейка — простейшая жатвенная машина, применявшаяся для уборки основных зерновых культур (ржи, пшеницы, овса, ячменя), а также для косьбы трав после небольшого её переоборудования. Лобогрейка производит срезание стеблей убираемой культуры и укладывание их на платформу. Сбрасывание срезанного хлеба с платформы производится вручную, что требует большого физического напряжения от рабочего, выполняющего эту операцию, отчего машина получила своё название — «лобогрейка».

скудная, но и это было подмогой, так как дома неработающим членам семьи доставалось больше еды.

С поля категорически ничего нельзя было брать. За унесенный с поля колосок можно было сесть в тюрьму. После сбора урожая школьники собирали колоски в поле и сдавали приемщику. Иногда, пока никто не видел, ребята растирали в ладошках колосок и зернышки клали в рот и долго сосали как леденец и втихаря съедали. Скорее всего, взрослые на это закрывали глаза. По рассказам отца, постоянно хотелось спать и есть. Есть хотелось до потемнения в глазах, живот просто сводило спазмами. Уставал физически. Молодой организм рос и требовал отдыха и питания. Летом выручали ягоды и грибы в небольших березовых рощах, которые собирали младшие дети. А также ловили рыбёшку из местных озер и речушек.

В военные годы подростки работали наравне со взрослыми от зари до зари в поле и на ферме. Только работа была немного легче, чем у взрослых. По рассказам отца, работа на жнейке (лобогрейке) была тяжелой для подростков тем, что надо было постоянно следить, чтобы жнейка не забивалась и не ломалась от наезда на камень. За простой ругали. За поломку жнейки могли лишить трудодня или отдать под суд как саботажника. А еще жнейка была открытой солнцу, дождям и ветрам. Был риск заснуть от усталости и свалиться под ножи. Таскали жнейку быки. Лошадей давали только взрослым. Уход за животными тоже входил в обязанности управляющего жнейкой.

Несмотря на тяжелую работу в колхозе, обучение в школе никто не отменял. Утром учились, а после обеда работали. Осенью шли на ток ворошить зерно. Весной занимались посевными работами, ухаживали за скотом. Зимой ездили на санях за сеном в поле и отвозили на ферму. Работа была всегда.

Казахстан — это степи, и дров было мало. В сельской местности люди жили в *саманных домах*[2] и топили печи *кизяком*[3]. Были холодные зимы и в таких жилищах было холодно.

Несмотря на все эти тяготы, всегда очень ждали вестей с фронта и радовались каждой фронтовой победе. А еще читали много книг, иногда смотрели кино в клубе и ходили на танцы.

[2] Сама́н (тюркск. букв. — мелко истертая солома) — кирпич-сырец из глинистого грунта с добавлением соломы или других волокнистых растительных материалов. Используется для возведения стен и заборов в сухом климате. Во влажном состоянии саман мягкий и легко укладывается в опалубку или внавал в виде глиняных лепёшек, валиков. Часто используется в виде параллелепипедов стандартных размеров, высушенных заранее.

[3] Кизя́к — высушенный или переработанный навоз, используемый в качестве топлива (например, для сжигания в печи для обогрева или приготовления пищи). Например, по свидетельству этнографа и географа М. Песселя, в Гималаях в домашних печах «обычное топливо — ячий кизяк, причём, сгорая, он даёт удивительно приятный дым, отдалённо напоминающий ладан».

1945 год — ПОБЕДА!!! Чувства неописуемые, как говорил отец, хотелось горы свернуть. Ему было 16 лет, но военное поколение рано взрослело. Впереди было много насущных задач. Главная — избавить семью от голода. Он завел хозяйство — несколько овец и поросенка. Коза и куры были еще с войны.

Отец много читал, учился. Хотел поступить в МГУ имени М. В. Ломоносова в Москве. В начале 1946 года вернулся домой сержантом наш дедушка Андрей Васильевич Тараненко. За участие в Великой Отечественной войне он был награжден медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»

Благодаря возвращению с войны главы семейства наш отец смог уехать из села в райцентр и там в 1947 г. закончить без троек 10-й класс.

Пришел вызов из МГУ, но денег на учебу не было. Дедушка сказал, что семья большая и надо работать...

В армию отца не взяли по зрению. В том 1947 году отец женился и уехал с молодой женой в Новочеркасск, где жили ее родственники и поступил в пединститут. На выбор ВУЗа, наверно, повлияла профессия Лидии Михайловны. Кстати, старший брат тоже стал учителем, потом был директором школы и депутатом села Круглоозерное в Уральской области.

В 1948 году у отца родилась дочь. К сожалению, брак распался, и в 1950 году отец вернулся в Казахстан один. Он исправно платил алименты и даже хотел (когда появились дети во втором браке), чтобы все его дети общались. Виктория помнит, как под руководством отца написала письмо своей старшей сестре в Новочеркасск. Но ответа не последовало.

Проработав год в сельской школе, отец решил, что он должен отдать долг Родине. Сам поехал в военкомат и пошел служить в 1951 году в 22 года рядовым. В те времена считалось позорным не служить в армии. Попал он на Дальний Восток в артиллерийские войска. Пригодились знания математики и физики.

Офицеры 12621-й воинской части, 1953 г. Отец — второй справа в нижнем ряду [1]

Виктория Викторовна: За время службы отец закончил партийную школу. В 1953 году демобилизовался в звании младшего лейтенанта и партийным. Он опять вернулся в Казахстан и продолжил работу в школе... В дальнейшем он повысил статус своего высшего образования, окончив заочно в 1966 году Уральский государственный педагогический институт имени А. С. Пушкина, чтобы иметь право преподавать во всех классах средней школы, а не только в первых семи классах в соответствии с первым дипломом.

В 1955 году отец женился на своей коллеге, нашей матери, Лидии Ивановне Михайловой, которая родилась в 1930 году и выросла в городе Уральску. После окончания педагогического вуза в 1953 году она сразу приехала на целину, в далекое казахстанское село. И хотя мама успела проработать на целине не так долго (более двух лет), этого оказалось достаточно для награждения медалью «За освоение целинных земель». По рассказам мамы, она в военные годы тоже была участницей трудового фронта. До глубокой осени они детьми помогали собирать урожай в колхозах Уральской области.

В дальнейшем мама проработала всю жизнь по своей профессии и заработала высокую пенсию по тем временам. По данным её пенсионного удостоверения, с 15.10.1985 г. ей была назначена пенсия в общей сумме 131 рубль 42 коп. Но она продолжала работать еще 5 лет, чтобы выйти на пенсию вместе с нашим отцом. Следует заметить, что в те времена нельзя было получать одновременно и пенсию, и зарплату.

Отец умер в 1994 г. в Константиновке. Мама умерла в 2005 году гражданкой России. С развалом СССР разрушились межхозяйственные связи, высокие пенсии родителей обесценились. Без нашей поддержки им опять пришлось бы голодать, несмотря на то, что они с детства всю жизнь работали, имели высшее образование и заработали максимальные пенсии. Люди, наделенные властью, должны быть более ответственны за то, чтобы человек труда был достойно вознагражден не только медалями и званиями, но, прежде всего, достойной зарплатой и пенсией. За это тоже сражались наши деды.

Я помню, что благодаря маминым усилиям в селе Константиновка еще в 70-х годах появился первый памятник павшим воинам в Великой Отечественной войне.

Олег Викторович: Помню, в школьные годы мы гуляли в этом парке с ребятами и играли на стройке детского сада неподалеку. Иногда подходили к памятнику, смотрели на воина, на фамилии тех людей, кто сложил свои головы за Родину, искали среди них знакомые и думали — кто же они, те люди, которые могли бы быть рядом с нами, быть похожими на кого-то из нас? Там был незримый Дух Мужества, там была Память. 9 мая у памятника собирались ветераны, администрация совхоза, учителя и школьники, проходил торжественный митинг в честь Дня Победы.

Виктория Викторовна: Мама тщательно собирала данные и средства на это благородное дело. Ведь до этого в селе стоял только памятник В. И. Ленину.

Памятник Ленину на протяжении десятилетий выполнял роль значимого места, на фоне которого константиновцы проводили не только торжественные общественные мероприятия, но и запечатлевали личные события и личные отношения.

Памятник павшим воинам, установлен возле администрации с. Константиновка. Фото современное [3]

Памятник В.И. Ленину в с. Константиновка и сельская молодежь в период оттепели [3]

После 1991 года с развалом СССР памятник убрали. В настоящее время в селе есть только памятник павшим воинам в Великой Отечественной войне. На наш взгляд, сносить и переносить памятники — это такое же дело, как переписывать и искажать историю, какая бы она ни была. Поэтому так важно хранить подлинные документы, фотографии, видео и артефакты.

Олег Викторович: Сотни и тысячи памятников ушедшей эпохи в ближнем зарубежье и в нашей стране держатся исключительно за счёт энтузиастов и ветеранов войны, которые тратят на это часть своей пенсии. А чиновники и бизнесмены не останавливаются перед уничтожением «лишних» памятников, если они мешают им в постройке нового объекта, либо просто, давно не ремонтируемые, «мозолят глаза», и оправдывают снос отсутствием средств. Да и кому возмущаться: люди, которые старались оставить память потомкам, ушли и уходят в прошлое, как и сама страна СССР.

К сожалению, не все документы у нас сохранились, но те, что есть, показывают, что наши родители, дети военного времени, вынесли все

трудности и военного лихолетья, и послевоенного времени, не сломались, мечтали о счастливом будущем, учились и трудились для этого.

Отец часто говорил: «У меня есть мечта — чтобы мои дети учились в МГУ! Но для этого вы должны учиться хорошо в школе, а когда поступите, я вам помогу материально». И мы старались, все трое окончили школу с золотой медалью. Таких многодетных семей, я думаю, было немного в СССР, и мы гордимся этим!

Мечты сбываются! Мы, Тараненко Виктория Викторовна и Олег Викторович, после обучения в средней школе в небольшом казахстанском селе поступили на общих основаниях в Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова и успешно окончили самый престижный вуз нашей страны. А Анатолий, средний наш брат, тоже учился в Москве, в институте нефтехимической и газовой промышленности им. И. М. Губкина, и стал геологом. Бесплатное высшее образование в СССР давало хороший старт в жизни молодому поколению. Спасибо нашим родителям!

Виктория Викторовна: Наши дедушка и бабушка, о которых мы рассказали, были трудолюбивые, начитанные, добрые, культурные в общении люди. В нашей семье любили и уважали книги, науку, искусство (настолько, насколько это доступно было для сельских жителей). Все стремились получить или повысить своё образование не ради корочки, а ради профессионализма. Нас воспитывал не только образ жизни близких людей, родителей, но и их рассказы о военном детстве, о послевоенных годах. Некоторые истории и фото оставили неизгладимое впечатление на всю жизнь и определили наше отношение к жизни, учебе и к труду. Мы благодарны нашим родителям, дедушке и бабушке, с которыми мы прожили рядом до 18 лет. А казахстанская Константиновка навсегда останется в нашем сердце малой родиной.

Молодое поколение в XXI веке должно знать, в какой стране трудились и какую жизнь прожили их прадеды, какие ошибки совершали и каких побед добились!

Литература и источники

1. Документы из семейного архива Тараненко О. В.
2. Документы из семейного архива Тараненко Ю. А.
3. Опубликованные в социальных сетях документы из семейных архивов членов группы «Константиновцы».

СЕРЖАНТ ШЛЁМА БЕДРИК: ИМЯ НА ПАМЯТНИКЕ

Бонкс Зелик Аронович, 97 лет,
инвалид Великой Отечественной войны,
председатель Бней-айшского отделения Союза инвалидов Второй мировой войны — борцов с нацизмом,
Почётный житель г. Бней-Айша,
бывший директор Орловской областной детской экскурсионно-туристской станции,
заслуженный работник культуры РСФСР,
Израиль, г. Бней-Айш

Шлёма Менделевич Бедрик (1908–1943)

«...И только через 68 лет мы узнали, каким героем войны был наш дедушка...», — с волнением говорила в Музее боевой славы Бней-Айша ответственный секретарь администрации дома «Микбацейдиюр» Мария Шамис. Мария показала нам газету, где напечатан очерк о еврейских воинах из городка Хмельник Винницкой области, участниках Великой Отечественной войны, погибших на фронтах. В память о них в центре Хмельника сооружён памятник, где высечены имена героев. «Есть там и имя нашего дедушки Шлёмы Бедрика», — с гордостью заметила Мария.

В газетном очерке сказано, что Шлёма Менделевич (Эммануилович) Бедрик родился в селе Новая Сенявка бывшей Каменец-Подольской области, эвакуировался в 1941 году в Узбекистан, там был призван в действующую армию и воевал с 1942 года на Брянском и Центральном фронтах. Младший сержант Бедрик отличился на Курской дуге летом 1943 года.

В алфавитном учёте погибших в боях за Родину Центрального Архива Министерства Обороны Российской Федерации значится: «Сержант Бедрик Шлёма Эммануилович, 1908 года рождения, еврей, член ВКП(б), 120-й стрелковый полк, 69-й стрелковой дивизии, дата смерти 28.08.1943, район захоронения Севский, место захоронения село Княгинино, местное кладбище. Призывался Учь-Курганским РВК, Намангандской области.

Родственники: жена — Бедрик Клара Иосифовна, Учь-Курганский район, совхоз Нарын».

Память о Шлёме Бедрике всегда была жива в семье. Вот что рассказала Мария. В один из вечеров последних дней июня 1941 года к родным Марии, тоже Бедрикам, прибежал Шлёма. Волнуясь, он сказал,

что гитлеровцы вот-вот могут захватить Хмельник. Шлёма убедил родных немедленно собраться и уехать на восток. Последним эшелоном все Бедрики уехали в Узбекистан. Так и спаслись.

Буквально на следующий день гитлеровские головорезы оккупировали Хмельник, где жили сотни еврейских семей, трудились и украшали землю. Не все успели эвакуироваться на восток... Наступили чёрные дни фашистской тирании, грабежи и расстрелы.

На фронт ушли более 450 человек еврейского населения. В годы Великой Отечественной войны более половины погибли в боях с германскими войсками. И наш народ хранит благословенную память о своих братьях-героях, отдавших свою жизнь за Победу, за свободу и счастье всего человечества.

Внимательно читаем выписки, архивные справки огненных лет войны... В первые дни войны из Хмельника ушли на фронт Хаим Варшавский и Хаим Шлягер, оба сапожники, токарь Кузнецкий, мыловар Чечштейн, юрист Диммeнштейн, зав. райфо И. Блюм <...> еврейские имена — Семён, Исаак, Давид...

Только за период с июня по декабрь 1941 года в боях с врагом погибли 69 человек, в том числе военврач 3-го ранга Яков Рабинович, Ефим Трахтенберг. Оба воевали в Подмосковье. Капитан Мильзен погиб в Богдановке Смоленской области. Сыновья Куперминов Абрам и Исаак сложили свои головы под Киевом, в Севастополе были убиты матрос Мачник и юрист Диммeнштейн.

На Мамаевом кургане в музейном комплексе «Сталинградская битва» спят вечным сном защитники города-героя Сталинграда, уроженцы Хмельника Евсей Городецкий, Янкель Бусихис, Соломон Бугий, сержант Кульчицкий, лейтенант Слободзинский.

В 1942 году погибло 56 хмельничан, а 1943 год унёс 46 жизней. Мы решили подробнее узнать о военной судьбе и боевом пути заслуженного воина Шлёмы Бедрика.

Во-первых, нам удалось быстро выяснить, что Севский район сейчас в Брянской области. Во-вторых, в очерке шла речь не о Курской дуге, а о Черниговско-Припятской наступательной операции, освобождении Севска. Нам очень помогли севские краеведы, которые в течение двух недель по электронной почте прислали важнейшие документы о сержанте Бедрике.

В начале 1943 года Бедрик воевал на Центральном фронте в составе 69-й стрелковой дивизии, в 120-м стрелковом полку, в роте автоматчиков оборонял расположение наших войск в районе Покровки — Тросно на Орловщине. Спецрота автоматчиков, в которой воевал сержант Шлёма Эммануилович Бедрик, комплектовалась из наиболее отважных и опытных бойцов. Автоматчики непосредственно вступали в бой с врагом, рукопашные схватки — это тактический маневр этих смелых

ребят. Они были на особом счету командования. Где трудно, где нужно «зачистить бой», добить и взять врага, туда направляли подразделение автоматчиков.

К середине августа 1943 года Центральный фронт после разгрома гитлеровских войск под Орлом переместился севернее и вышел на рубежи Кромы — Дмитровск. Начинались бои за освобождение Брянской земли от оккупантов. Но основной стратегической задачей Центрального фронта Ставка Верховного Главнокомандования считала Черниговско-Припятскую наступательную операцию. Она началась 26 августа 1943 года. Фронт наносил удар из района Севска ныне Брянской области, где наступали 65-я армия генерала П. И. Батова и 2-я танковая армия генерала В. М. Буданова при поддержке 16-й воздушной армии генерала С. И. Руденко. На флангах фронта действовали войска 48-й армии генерала Романенко и 60-й армии генерала Черняховского.

Вспоминает бывший командир 69-й стрелковой дивизии 18-й стрелкового корпуса 65-й армии генерал-полковник, Герой Советского Союза И. А. Кузовков: «В середине августа 69-й стрелковой дивизии было приказано скрытно в течение двух суток совершить марш из района Покровское — Тросно на Орловщине и занять рубежи севернее Севска, сменить части 193-й дивизии. 65-я армия должна была не только освобождать Брянщину от оккупантов, но и прорвать оборону врага в районе Севска, ввести в прорыв 2-ю танковую армию и выйти на рубежи Десны, форсировать её и развивать наступление на Днепр. Это означало освобождение Белоруссии и Украины!»

69-я стрелковая дивизия имела направление главного удара в обход Севска с севера. Это было связано с тем, что гитлеровцы за время оккупации превратили Севск, старинный русский город, в мощный узел обороны. Подступы к Севску преграждали река Сев и её трёхкилометровая пойма. Канавы. Протоки, болота поймы были сплошь заминированы, простреливались артиллерийским и миномётным огнём. Гитлеровцы денно и нощно вели наблюдение за поймой Сева, за всеми подходами к городу. На высоких колокольнях Успенского собора и Преображенского монастыря вкруговую наблюдали гитлеровские разведчики.

Надо заметить, что командование советских войск к 1943–1944 гг. накопило опыт фланговых операций, маневренности, но без лобовых атак обойтись не всегда было можно. Именно 69-й стрелковой дивизии предстояло преодолеть пойму Сева, форсировать её, взять Стрелецкую слободу и освободить Севск. Восемь суток 69-я дивизия готовилась к этим боям, по ночам бойцы сооружали плавсредства, изучали подходы к пойме и возможные маневры форсирования Сева.

На штабном совещании командир 18-го стрелкового корпуса генерал И. И. Иванов назвал пойму реки Сев «долиной смерти». Брать её поручалось 69-й стрелковой дивизии. Самый ответственный участок — бросок на высокий берег Сева — 120-му стрелковому полку. Командир 120-го полка — подполковник И. А. Бахметьев, начальник штаба — майор Ю. И. Новицкий.

Наступление 65-й армии, в том числе 69-й дивизии, было назначено на 26 августа. Перед наступлением наши артиллеристы в течение часа обрушили на позиции врага сотни тонн смертоносного огня. 120-й стрелковый полк сквозь шквал фашистского огня уже в середине дня преодолел оборону немцев и поднялся на берег Сева. 303-й полк был рядом. Фашисты оборонялись жёстко, но части 69-й стрелковой дивизии при поддержке 137-й дивизии 3-го артиллерийского корпуса и 103-го механизированного корпуса устремились в прорыв, а к концу дня 27 августа Севск был освобождён. Среди первых освободителей была рота автоматчиков во главе с капитаном Ф. Х. Фокиным. Одним из первых на высокий берег Сева сумел пробиться сквозь шквал огня сержант Бедрик. Он погиб как герой.

Всего бои за Севский край длились до 3 сентября. Гитлеровцы несколько раз большими силами бросались в контратаки, но успеха не имели. Это были дни и ночи непрерывных атак и рукопашных схваток. 22 тысячи жизней советских воинов легли на алтарь Победы.

Во время одной из атак в Княгинино 28 августа автоматчик сержант Ш. Э. Бедрик был убит. Хоронили в этот день в селе Княгинино более 300 бойцов. Тогда на братской могиле зам. командира 120-го стрелкового полка по политчасти подполковник А. В. Сидоров назвал воинов героями Курской битвы и Черниговско-Припятской операции освобождения Белоруссии и Украины.

Скорбно прощались местные крестьяне с погибшими героями. До сих пор живы те, кто предавал их тела русской земле навечно. И сегодня это братское захоронение — символ памяти о героях-воинах, место святой благодарности борцам за свободу.

31 августа 1943 года в Москве был дан праздничный салют из 124 орудий 12 артиллерийскими залпами в честь освобождения Севска. Наиболее отличившимся воинским частям было присвоено почётное наименование «Севских». Весь личный состав 69-й стрелковой дивизии был удостоен этого звания и особой благодарности Верховного Главнокомандующего.

Боевой путь 69-й стрелковой дивизии до полной победы был увенчан почётным наименованием «Севской», и всегда, на всех построениях, назывались имена героев, павших в боях за Севск.

В бою за Родину, верный присяге, проявив мужество и героизм, погиб и сержант-автоматчик Бедрик Шлёма...

Мы разделяем гордость потомков Шлёмы Бедрика, понимаем их волнение и рады, что ещё одно еврейское имя будет вечно сиять на знамени Победы.

ОН РАСПИСАЛСЯ НА РЕЙХСТАГЕ. О ЯРКОМ БОЕВОМ И ЖИЗНЕННОМ ПУТИ ВЛАДИМИРА ЗИНОВЬЕВИЧА ГАМБУРГА (25.12.1924–20.06.2010)

Кириленко Юрий Павлович, 68 лет,
писатель и журналист,
член Союза журналистов СССР (1979–1991)
и России,
член Международного Литфонда,
г. Тула

Орденоносец В.З. Гамбург

До войны интеллигентная еврейская семья Гамбург жила в селе Широком Днепропетровской области. Отец Володи был инженером, мама учительницей. Счастливую жизнь перечеркнуло 22 июня 1941 года.

...Пятнадцатилетним мальчишкой стоял он вместе с родителями у той самой шахты, где до войны работал его отец. Гитлеровцы целились прямо в них, особо не церемонясь — люди падали в угольное жерло штольни с застывшим криком, на их место ставили следующих. Казалось, этому не будет конца...

Мать прижала его к себе, отец в бессилии застыл рядом. Володя не слышал выстрелов, он, обняв мать, упал на дно штольни, на еще теплые тела...

Очнувшись, услышал крик: «Есть кто живой?!» Голос был знакомый. Это кричал Александр Иванович Леонидов, тоже работавший на отцовской шахте. Володя не ответил, а захрипел — от ужаса отнялся голос.

Александр Иванович случайно увидел колонну людей, которую фашисты вели к шахте и в которой в основном были евреи, местные коммунисты. И в ней — знакомую семью Гамбург.

Александр Иванович помог выбраться Володе, а потом прятал его в погребе до прихода наших войск, вместе со своими тремя детьми.

Когда пришла Красная Армия, Володя Гамбург сразу попросился на фронт, прибавив себе «для солидности» пару лет к возрасту. Было это весной 1943 года.

Обучение военному делу было недолгим, и вот уже он — боец стрелковой дивизии 5-й ударной армии. Фронт располагался в районе Донбасса, который наши войска начали освобождать от врага. Попал служить во фронтовую разведку — помогло отличное знание немецкого:

именно этот предмет преподавала до войны мама, а Володя был отличником. Был он отличником и в разведке. Добывал он не просто «языков», а с большими погонами и важными сведениями.

После того, как советские войска вернули Донбасс, было форсирование Днепра и освобождение Правобережной Украины, а в начале 1944 года дивизия, в которой служил Гамбург, вошла в Молдавию. Ещё несколько месяцев боёв — и в апреле 1944 года войска подошли к государственной границе с Румынией.

Измотанная в непрерывных боях дивизия была отозвана на пополнение и перегруппировку сил. А Владимир Гамбург попал в учебный батальон младшего командного состава.

В разведроту запасного полка, расквартированного в Днепродзержинске, он прибыл уже сержантом. Предстояло освобождение Польши. Дивизия была включена в состав 1-го Белорусского фронта. 5-й ударной армией командовал генерал-лейтенант Н. Берзарин, который вошёл в историю как первый военный комендант Берлина.

А тогда, в августе 1944 года, в результате наступления наших войск на территории Польши была форсирована Висла. Батальон, в котором воевал Гамбург, преодолел первую линию глубоко эшелонированной обороны фашистов, а затем захватил и вторую оборонительную линию. Преодолев яростную оборону врага, занял позиции — на третьем укреплённом участке. Успех пехоты закрепило и наступление советских танков — в бой пошли знаменитые Т-34.

Правда, для батальона то сражение оказалось одним из самых тяжёлых и кровопролитных — в живых осталось 30 человек. Памятью об этом бое у Владимира Гамбурга стал орден Славы.

Тяжёлые бои вели наши войска южнее польской столицы. Немцы сопротивлялись отчаянно, бросая всё новые резервы. Владимир Гамбург участвовал в операциях разведки, в результате которых удалось добыть наиболее ценных пленников. Молодой сержант был удостоен высокой награды — ордена Отечественной войны II степени и медали «За освобождение Варшавы».

Впереди был Берлин. В кровопролитных боях участвовала и 31-я стрелковая дивизия 5-й ударной армии. Отвоёвывали у фашистов каждый дом. Владимир Зиновьевич вспоминал, как выходили из подвалов с поднятыми руками немецкие солдаты и складывали оружие.

Владимир Зиновьевич Гамбург на пенсии

За участие в боях на улицах Берлина Гамбург награждён орденом Отечественной войны I степени и медалью «За взятие Берлина».

2 мая 1945 года, когда Берлин пал, в разведроту, где служил Владимир, располагавшуюся у Бранденбургских ворот, подъехал «виллис» генерала Берзарина. На всю жизнь запомнились Гамбургу те слова, что, улыбаясь, сказал он тогда молодым солдатам:

— Ну, ребята, война для вас закончилась. Поздравляю с Победой!

А потом был рейхстаг — огромный, полуразрушенный символ поверженного фашизма, который вместе с другими бойцами штурмовал Владимир Гамбург. Напоследок Владимир куском бетона оставил автограф на искорёженной стене. Оттуда он прислал письмо с фотографией тем, кто спас его, — Анне Ивановне и Александру Ивановичу Леонидовым.

Ещё несколько месяцев их дивизия находилась в Берлине, наводили порядок в разрушенном городе. Потом были Потсдам и Магдебург, встреча с американскими солдатами.

...Только в 1947 году Владимир Зиновьевич вернулся к мирной жизни. Встретил Марию Дмитриевну — свою судьбу. Вместе они делили заботы и радости больше шести десятилетий. Он был одним из тех, кто создавал своими руками будущий «Щёкиноазот», знаменитый гигант химической индустрии.

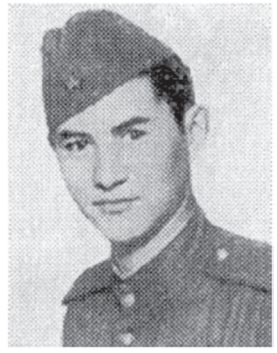
На этом предприятии работал главным экономистом его внук — Александр Сергеевич Гамбург. Он помнит своего деда и гордится им. В 2017 г. Александр Гамбург был назначен заместителем главы администрации Щекинского района Тульской области, а в апреле 2019-го депутаты районного Собрания представителей избрали его главой администрации муниципального образования Щекинский район.

Второй внук Владимира Гамбурга — Евгений — по профессии тоже экономист, живет и работает в Туле.

Записано со слов родственников

ПОЛНЫЙ КАВАЛЕР ОРДЕНА СЛАВЫ ИЗ КАЗАХСТАНА АЛЬМУКАН СЕМБИНОВ

Шарипов Саит Равильевич, 21 год,
студент 3 курса факультета ВМК МГУ имени М.В. Ломоносова,
научный руководитель — Муратова Наталья Константиновна,
кандидат экономических наук, доцент,
г. Москва



Альмукан Оспанович Сембинов (1924–1972)

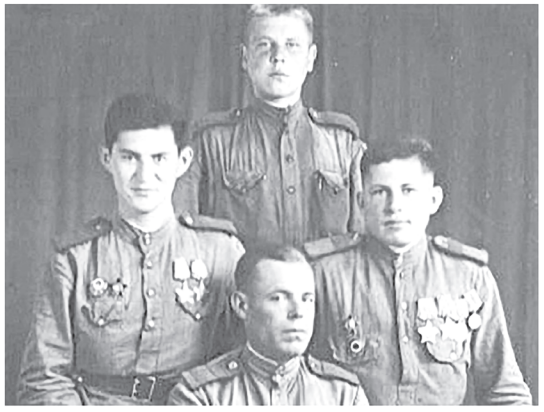
Великая Отечественная война оставила глубочайший след в душе каждого человека нашей огромной страны и досталась большой ценой. Своей жизнью мы обязаны нашим дедам и прадедам, которые не испугались войны и сражались до последнего вздоха, доказывая свой патриотизм стране. Миллионы людей погибли за Родину, оставив свои семьи. А ведь были чьими-то мужьями, женами, детьми, родителями. Именно их мы должны благодарить и постоянно помнить за подаренную нам жизнь.

В моей семье воевал двоюродный дедушка, Альмукан Оспанович Сембинов, брат моей бабушки по линии отца. Родился он 21 апреля 1924 года в селе Жана Берлик Акмолинского района Акмолинской области Республики Казахстан в крестьянской семье.

В нашей семье он является примером для подражания. Нам с сестрой всегда ставили в пример его храбрость. У нас в семье принято самых значимых и уважаемых членов звать по-особенному. Так, мою прабабушку все называли «Большая Мама», отдавая дань уважения её преклонным годам и мудрости, а Альмукана Оспановича ещё при жизни в семье стали называть «Дедушкой», несмотря на его возраст. Вот такая странность нашей семьи, а в большинстве случаев дедушка — самый мудрый и уважаемый человек в семье.

В детстве Альмукан отличался озорным нравом и лидерскими качествами. У него было очень много любящих друзей и товарищей. В селе Жана Берлик каждый знал, что может обратиться к Альмукану за помощью, и тот бескорыстно поможет. Мальчик очень любил спорт и отдых на природе.

Рассказывают, что юный Альмукан мечтал стать преподавателем, считая это занятие благородным и важным. Ему очень нравилась литература и он думал о том, чтобы связать с ней свою жизнь. Окончил 10 классов.



Сембинов Альмукан (слева)

Но 22 июня 1941 г. началась Великая Отечественная война...

На тот момент Альмукану лишь исполнилось 17 лет. Тогда было обычным делом, что многие подростки прибавляли себе год-два и уходили на фронт. Сембинов Альмукан не стал исключением. Записавшись добровольцем, он тем же летом отправился на фронт.

Разведчик взвода пешей разведки 1210-го стрелкового полка красноармеец Альмукан Сембинов 27–28 июня 1944 года в числе первых на подручных средствах преодолел реку Днепр у населённого пункта Старая Травна-Прибор, расположенного в 8 километрах юго-западнее города Быхов Могилёвской области Белоруссии, и с ходу вместе с другими разведчиками ворвался в Быхов. В завязавшемся бою красноармеец Сембинов сразил несколько противников. За мужество и отвагу, проявленные в боях, 15 августа 1944 года красноармеец Сембинов Альмукан Оспанович награждён орденом Славы 3-й степени.

29 августа 1944 года разведчик Альмукан Сембинов, находясь в группе захвата, в районе населённого пункта Кулеше, расположенного в 45Мкилометрах северо-восточнее польского города Ломжа, ворвался в траншею противника, уничтожил из автомата двух солдат и одного захватил в плен. Прикрывая отход разведчиков с пленным, красноармеец Сембинов уничтожил около десяти вражеских автоматчиков. За мужество и отвагу, проявленные в боях, 3 сентября 1944 года Альмукан Оспанович награждён орденом Славы II степени.

Красноармеец Альмукан Сембинов вместе с другими разведчиками 17 апреля 1945 года ворвались в населённый пункт Мюльрозе, расположенный в 12 километрах юго-западнее города Франкфурт-на-Одере, захватили в плен девятерых солдат. В схватке с неприятелем красноармеец Сембинов был ранен, но продолжал руководить отделением. 22 апреля 1945 года красноармеец Альмукан Сембинов с вверенным ему отделением, находясь в тылу противника, устроил засаду на левом берегу реки Одер у населённого пункта Бернис-Бухолс, расположенного западнее города Мюльрозе. Внезапно напав на штабную машину, разведчики сразили двух противников, одного взяли в плен. 26 апреля 1945 года отделение под командованием Альмукана Сембинова, находясь в засаде у населённого пункта Шеспцинг, подбило бронетранспортёр и пленило троих вражеских солдат.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 мая 1945 года за образцовое выполнение заданий командования в боях с немецко-вражескими захватчиками красноармеец Альмукан Оспанович Сембинов награждён орденом Славы I степени, став полным кавалером ордена Славы.

В 1945 году старшина А. О. Сембинов демобилизован. Жил в городе Целиноград. В 1951 году окончил педагогический институт. Работал директором учебного комбината.

Являлся основателем и руководителем Целиноградского сельскохозяйственного института — ныне это крупнейший аграрный вуз Центрального и Северного Казахстана, первое высшее учебное заведение города Нур-Султан.

Мечта юного Альмукана связать свою жизнь с преподаванием сбылась.

Также Сембинов Альмукан Оспанович был вторым секретарём городского комитета КПСС.

Награждён орденами Трудового Красного Знамени, Красной Звезды, юбилейными медалями. Удостоен звания «Почётный гражданин города Целинограда».

При жизни Альмукан Оспанович регулярно участвовал в различных мероприятиях, приуроченных к Великой Отечественной войне. Он очень чтил память своих товарищей, не вернувшихся с фронта.

После войны женился. В браке родились три дочери, две из которых живы и по сей день. Среди увлечений ветерана были охота и рыбалка.

Скончался 10 февраля 1972 года в возрасте 47 лет. Вероятно, это связано с ухудшением здоровья на фоне перенесенных ранений на войне.

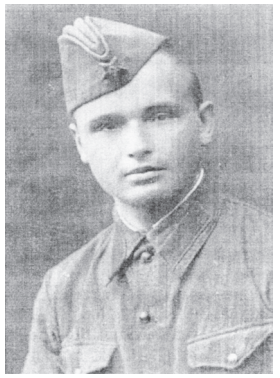
Именем полного кавалера ордена Славы Альмукана Сембинова названа одна из центральных улиц Нур-Султана, столицы Казахстана. Несмотря на то, что с того времени город переименовывали 4 раза, улица, названая в честь этого Героя, сохранила своё имя.

Человек может сделать очень много. Мальчишкам, которые пошли на фронт, иногда хватало одного сражения, одного часа, чтобы войти в историю. Они погибали, но на один час победа становилась ближе. Сколько бы ни прошло лет после окончания Великой Отечественной войны, мы будем помнить имена наших героев.

Когда-то Альмукан Оспанович был тем самым мальчишкой, не жалевшим себя и приближавшим Победу. Ему посчастливилось остаться в живых и после войны успешно решать задачи мирного времени. О его жизни ради других и добрых делах напоминает в Нур-султане, столице Казахстана, центральная улица — улица Сембинова. Я очень горжусь моим дедушкой и рад, что о подвигах героя помнят и за пределами нашей семьи.

ВОЕННЫЙ ВОДИТЕЛЬ ВАСИЛИЙ ДРОЗД

Чесноков Даниил, 19 лет,
курсант Филиала Военной академии Ракетных войск стратегического назначения имени Петра Великого в г. Серпухове, Московская область, г. Серпухов



Василий Андреевич Дрозд

Мой прадед Василий Андреевич Дрозд родился в 1921 году в деревне Сосновке в Украине. Он окончил 4 класса сельской школы и ушёл работать на шахту, добывать каменный угль. Тяжёлый, но очень уважаемый в СССР труд. Шахтёр Дрозд был в числе передовиков производства — стахановцев. Но мирный труд страны прервала Великая Отечественная война.

В первые же дни войны мой прадед был призван на фронт. Он участвовал в обороне Москвы в самое трудное для столицы время октября 1941 года. 278-й мотострелковый полк находился на Можайской линии обороны. Это был основной оборонительный рубеж на западных подступах к Москве, он состоял из четырёх УР (укрепрайонов). К 10 октября, когда фашисты вышли к линии обороны, сооружение укреплений было закончено лишь наполовину.

По воспоминаниям прадеда, в их распоряжении находились два противотанковых орудия и пулемёт. Были большие проблемы с доставкой боеприпасов, приходилось беречь каждый снаряд. Но бойцы стояли насмерть. После отражения нескольких атак противника полк был совершенно обескровлен и получил приказ отступить.

Во время обороны столицы Василий Дрозд подбил два танка, но получил ранение и контузию и был отправлен в госпиталь. За оборону Москвы он был награждён двумя медалями: «За боевые заслуги» и «За оборону Москвы».

После излечения в госпитале Василий Андреевич был направлен на службу в тыловую часть, но уже летом 1942 года оказался под Сталинградом. На сей раз он стал военным водителем и получил грузовик ЗИС-5В, на котором проехал трудными военными дорогами от Волги до Вислы.

Фронтовыми артериями называли автомобильные дороги, по которым вели свои машины военные водители. Их пульс в годы войны ощущался повсюду, начиная с фронтового тыла и заканчивая передовой. Путь фронтовых водителей пролегал по пыльным просёлкам, по шоссе с огромными,

наспех заделанными воронками, по горным перевалам, по льду и речным бродам. В ливень и пургу, жарким днём и тёмной ночью свято выполняли свой долг перед Родиной военные водители, которые перевезли за четыре года войны миллионы тонн грузов. Не было ни одного боя, ни одного сражения, которые бы проходили без участия военных шофёров. Какую бы работу ни выполняли армейские водители, они не щадили своей жизни ради победы над врагом.

В период боёв за Сталинград работа водителей затруднялась дальностью автомобильных перевозок, плохими грунтовыми дорогами, распутицей и снежными заносами. Но самые большие трудности, конечно, создавала организация переправ через Волгу.

По воспоминаниям прадеда, в день ему приходилось совершать до пяти выездов на большое расстояние. Перевозил людей, боеприпасы, обмундирование, медикаменты, топливо, воду, продовольствие, а однажды (уже после Сталинграда) тянул на своей машине ЗИС-5В 57-миллиметровую пушку ЗИС-2.

Несколько слов о фронтовой машине моего прадеда. ЗИС-5В — это модель советского грузовика (буква «В» означала «военный»), которые делали на заводах в Москве, Ульяновске, Миассе. За время войны было выпущено 84 100 таких грузовиков. Грузоподъёмность машины — 3 тонны (её ещё называли «трёхтонка»), объём бака — 60 литров бензина, максимальная мощность — 73 лошадиных силы. В 1942 году стали делать облегчённый вариант этой машины: кабина — из фанеры и «вагонки» (доски крепились гвоздями), крыша — из деревянных реек, поверх которых натягивался дерматин, крылья были сделаны методом простой гибки из обычного листового проката. Тормоза оставили только на задних колёсах, откидной борт один — задний, фара одна — левая, обод рулевого колеса из дерева.

После успешного завершения Сталинградской битвы прадед был награждён медалью «За оборону Сталинграда» и продолжил службу водителем. Успешно развивая наступление, наши войска освободили от врага свою территорию и начали победоносное шествие по Европе.

Памятник военным водителям под Брянском

На зарубежной территории у военных автомобилистов возникли новые трудности. В тылу наших наступающих войск оставались разрозненные группы противника, в отдельных

районах Польши зверствовали банды антисоветских националистов. Водителям, в том числе и моему прадеду, с риском для жизни приходилось участвовать в их уничтожении. За участие в изгнании фашистов с польской земли В. А. Дрозд был награждён медалью «За освобождение Варшавы».

Следует сказать, что за героические подвиги и самоотверженный труд более 21 тысячи автомобилистов были награждены орденами и медалями, а 11-ти присвоено звание Героя Советского Союза.

В честь подвига воинов-водителей установлено несколько памятников: под Брянском, Саратовом, Киевом. Наш памятник, что стоит на выезде из Брянска в сторону Орла, близ посёлка Осиновая Горка, в 6 км от областного центра, был первым в Советском Союзе. Он открыт 50 лет назад, 12 сентября 1968 года, накануне 25-летия освобождения Брянщины от врага. Авторы памятника, скульптор П. Ф. Мовчун и архитектор А. А. Гойдученя, создали впечатляющее произведение: у подножия тридцатиметрового пилона фигура солдата-шофёра. Он стоит на подножке вздыбленного автомобиля. Правая рука воина лежит на руле, взгляд устремлён вперёд, на дорогу. До сих пор все водители, проезжая этот участок дороги, дают сигнал в память о героях минувшей войны. Я всегда вспоминаю моего прадеда, когда еду мимо этого величественного памятника. В 2019 году памятник был отремонтирован и реконструирован.

В Польше Василий Андреевич Дрозд прослужил до конца войны. А после победы был награждён медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», демобилизовался и вернулся в родную деревню. Там он встретил свою будущую жену. После свадьбы семья моего прадеда уехала жить во Львов. Жили счастливо, много работали, но и отдыхать умели. В 1985 году в честь 40-летия Великой Победы ветеран был награждён орденом Отечественной войны I степени.

Жизнь Василия Андреевича Дрозда оборвалась в 1992 году, ему было 70 лет.

Когда 9 мая я вижу по телевизору, как львовские националисты, выкрикивая фашистские лозунги, срывают ордена, медали и георгиевские ленты с ветеранов, устраивают потасовки, а полиция не позволяет фронтовикам посетить Марсово Поле, Холм и Мемориал Славы, взяв эти святыни в плотное оцепление, я думаю, что мой прадед вовремя ушёл в мир иной. Наверное, доживи он до наших дней, не смог бы старый солдат понять и простить того, что сегодня делается на Львовщине, да и в Украине вообще.

Спи спокойно, дед. Твой подвиг Победителя мы, твои внуки и правнуки, будем помнить вечно.

ГДЕ ЖИВЕТ ПАМЯТЬ?

Хачатурян Марат Арменович,
ученик 9 класса МБОУ «СОШ №11»,
учитель — Рыжикова Светлана Павловна,
Тульская область, г. Алексин

Мемориальные доски, хранящие Память о героях прошлого и героях настоящего у стен школы, в которой я учусь

От яркого света слепит глаза, весело щебечут задиры-воробьи, солнечный зайчик крадется по буквам, выбитым на мемориальной доске, установленной на стене школы, в которой я учусь. «В этом здании с 1 февраля 1941 года по декабрь 1945 года находился эвакогоспиталь № 5384, который возвратил фронту более 1500 солдат и офицеров Красной Армии», — гласят скупые строки, они читаются торжественно и величаво, напоминая о чем-то очень важном. Не здесь ли здесь живет Память?

Школа, в которой я учусь, уникальна. Ее стены хранят дух сурового военного времени, напоминающего о себе выбоинами от немецких снарядов, которые можно увидеть, если идти к школе с правой стороны. Первый директор школы, Авдеев Андрей Васильевич, вместе с выпускниками тысяча девятьсот сорок первого года ушел на фронт и погиб. Об этом знает даже первоклассник. По традиции два раза в год (зимой и весной) мы вспоминаем о тех, кто не жалел себя в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны.

Я с гордостью всегда рассказываю о своем прапрадеде — Хачатуре Тевосовиче Аванесяне. Родившийся в 1903 году в селе Снах, что в Нагорном Карабахе, дедушка с 20 лет руководил колхозом. В грозном 1941 году вместе с другими красноармейцами-сельчанами отправился на фронт защищать родную землю. Ему довелось участвовать в 56 боях! В одной из ожесточенных схваток на берегу реки Днепр моему прапрадеду нанесли ножевое ранение в живот. Истекающего кровью, его вместе с другими ранеными бойцами доставили в госпиталь № 110 МСБ, находившийся в селе Иванки, что на территории Беларуси. Из-за большой потери крови 2 октября 1943 года мой прапрадедушка скончался. Его похоронили в Братской могиле города Гомеля. Время отдалило те

страшные, трагические события, отдалилось и место захоронения, ведь оно теперь находится в другом государстве. Но Память имеет удивительное свойство: делать далекое близким! Уж не в сердце ли живет Память?

Мой прапрадед — Хачатур Тевосович Аванесян

Братская могила в городе Гомеле (здесь захоронен мой прапрадед)

Помимо воспоминаний о родственниках, погибших на фронтах Великой Отечественной, мы из года в год поем песни о войне под звуки духового оркестра, шагаем в строю на смотре строя и песни, читаем стихи в стихотворном кольце Памяти у мемориальной доски... Делаем все это искренне, от души, стараясь быть достойными Памяти героев времени прошлого.

Наверняка такой же интересной и насыщенной была школьная жизнь у выпускника нашей школы 1989 года, Александра Качалина, трагически погибшего в Шатойском районе Чечни и посмертно награжденного орденом Мужества. Память о нем хранит еще одна мемориальная доска на здании школы. Буквы на ней так и переливаются на солнце, начиная свой рассказ...

Он рос обычным парнем, светловолосым, задиристым. Любил рыбалку, играл в войнушку. С 1990 по 1992 гг. Александр Качалин служил в Вооруженных Силах СССР в автомобильных войсках в Коврове и Коломне. После службы работал на заводе железобетонных изделий. В октябре 1995 года Александр поступил на военную службу по контракту в должности старшего водителя и уехал в Чечню...

16 апреля 1996 года в 14.30 в районе, находящемся южнее 1,5 километра населенного пункта Ярыш-Марды, тыловая колонна 245-го мотострелкового гвардейского полка, которая везла молодое пополнение и материально-технические средства, подверглась нападению отряда боевиков. Боевики организовали засаду на западной окраине села. На участке дороги, проходившей по западной окраине Ярыш-Марды, ими заблаговременно был установлен фугас большой мощности с дистанционным управлением, которым и был подорван головной танк колонны. Затем из

гранатометов была уничтожена машина управления и связи БМП-1КШМ, где находились старший колонны (заместитель командира полка по вооружению), авианаводчик и связист. На частоте УКВ в радиосети федеральных войск ставилась активная помеха, что позволило боевикам полностью лишить колонну связи со своим командованием. Ударом с высот по обе стороны дороги, с заранее подготовленных позиций боевики блокировали колонну полка, кинжальным огнем в течение полутора часов вывели из строя почти всю технику и расстреляли личный состав. В результате боя погибло 73 военнослужащих, еще 52 получили ранения. Из 30 единиц техники 21 уничтожена. В этой «операции» принимали участие два отряда и четыре боевые группы общей численностью до 150 боевиков. Среди погибших оказался и Александр Качалин...

Александр Качалин

Там, в Чечне, он нес боевую вахту, как и другие молодые парни. И где бы каждый из них ни находился — обезвреживал ли какое-либо зарядное устройство, выполнял ли важное задание, стоял ли на посту — солдаты обязаны были достойно выполнить свой воинский долг, как и подобает настоящему мужчине. Генерал Г. Н. Трошев так писал об этих событиях: «...А если оценивать моральную сторону дела, то тут и слов подходящих не подберешь. Потому что в Чечне боец был чумазым только сверху, зато внутри чистым. Он осознавал себя защитником единства и достоинства Родины, его враги боялись, он их бил под Шатоем, под Бамутом, под Шали, в Грозном...»

Необычным свойством все-таки обладает Память: не имея временных границ, она сближает героев прошлого с героями настоящего. Именно потому люди, о которых мы помним, всегда незримо рядом с нами, как живые!!!

Почему все не так? Вроде все, как всегда:
То же небо — опять голубое,
Тот же лес, тот же воздух и та же вода,
Только он не вернулся из боя.

Наши мертвые нас не оставят в беде,
Наши павшие — как часовые.
Отражается небо в лесу, как в воде,
И деревья стоят голубые...

(В. С. Высоцкий)

СТРАНИЦЫ СЕМЕЙНОГО АЛЬБОМА

Багрицевич Екатерина Сергеевна, 16 лет,
ученица 10 класса МБОУ «Сещинская СОШ имени К.Я. Поварова»,
учитель — Исакова Людмила Григорьевна,
Брянская область, п. Сеща

Суббота. Мы с мамой идём в небольшой домик на окраине Сещи. Мама очень любит это место, ведь здесь, в доме моего прадедушки Алексея Николаевича Расстрыгина, прошла большая часть её детства. Мы часто бываем тут и всегда окунаемся в воспоминания. А они везде: вот буфет, какой можно увидеть только в военных фильмах, круглый дубовый стол, за которым собирались многочисленные родственники. Но самое интересное — альбом со старыми фотографиями. В них как бы замерла история. Сохранилось много военных снимков, есть даже документы тех лет. Смотришь на лица этих людей, большинства из которых уже нет в живых, и думаешь, как они смогли выдержать все тяготы и лишения, как смогли выстоять в этой страшной войне!?

Фотографии героя Великой Отечественной войны Ивана Афанасьевича Корниенкова из альбома семьи Багрицевич

Фотографии и документы Алексея Николаевича Расстрыгина— свидетельства боевого пути ветерана Великой Отечественной войны

Вот с фотографии смотрит на меня седовласый полковник в орденах, широкоплечий и могучий. Это брат моего прапрадедушки Иван Афанасьевич Корниенков, уроженец деревни Большая Островня. В 1934 году он окончил Роганьское авиационное училище штурманов, а в 1941 году, уже в звании майора, воевал на Карельском фронте. Иван Афанасьевич прошёл всю войну и награждён орденом Ленина, орденом Боевого Красного Знамени, орденом Красной Звезды, двумя орденами Отечественной войны и другими орденами и медалями. Является почётным гражданином города Кандалакша. Войну мой прапрадед закончил командиром авиационного корпуса.

А вот мой прадедушка, Алексей Николаевич Расстрыгин, тоже прошёл войну, и хотя был рядовым, у него нет орденов, только медали, он честно выполнял свой воинский долг. Мой прадед проходил срочную службу с 1939 по 1941 гг. на границе с Румынией, где и застала его война. Алексей Николаевич участвовал в Великой Отечественной войне в составе 74-й Таманской дивизии 360-го стрелкового полка. Освобождал Бессарабию и Западную Буковину. Был в плену, бежал...

Но не всем суждено было вернуться с войны... Ещё один мой прадед, уроженец деревни Кутец Павел Тимофеевич Стёпин, по словам родственников, попал на фронт в 18 лет и погиб в начале войны в Могилёвской области, где и похоронен. Имя Павла Тимофеевича увековечено наряду с именами других погибших односельчан на обелиске Мемориала Славы посёлка Сеща.

«Летела с фронта похоронка на молодого пацана, а он живой лежал в воронке, ах, как безжалостна война...» — часто вспоминаются мне эти строки стихотворения «Похоронка». Ещё будучи пятиклассницей, я участвовала в конкурсе чтецов, который был приурочен к семидесятилетию Победы в Великой Отечественной войне. Тогда я выбрала стихотворение Степана Кадашникова «Похоронка», даже не подозревая, что эти строки станут мне так близки, что они о моём прадеде Павле Тимофеевиче Стёпине. Так случилось, что эта история получила продолжение...

Бабушка рассказала, что в семейном архиве хранилась похоронка на П. Т. Стёпина, мы с мамой заинтересовались и захотели просто хотя бы посмотреть, как выглядит настоящий документ военных лет. Стали искать, но безрезультатно. Наконец выяснилось, что пару лет назад кто-то из родственников передал документ в Сещинский музей интернационального подполья в надежде, что там он сохранится лучше и обретёт достойное место.

«Раз «похоронка» тут рядом в Сеще, мы должны её увидеть,» — решили мы с мамой и пошли в музей. Оказалось, что в хранилище музея много подобных документов и их не так легко отыскать. Хорошо, что есть отзывчивые сотрудники музея, которые помогли нам найти документ и даже сделали ксерокопию.

С трепетом открываем конверт и видим: от когда-то сложенного вчетверо листка бумаги остались три пожелтевших обрывка, оторван край с фамилией командира части, но всё же текст можно прочесть. На угло-

вом штампе читаем: «Рота ранцевых огнемётов...и далее текст: «Ваш сын геройски погиб...» На глаза наворачиваются слёзы. Фотографируем похоронку — в таком виде у неё больше шансов сохраниться и дойти до следующих поколений.

У мамы в памяти осталась старенькая бабушка, что нянчила её в раннем детстве, Устинья Афанасьевна Стёпина, мать погибшего П. Т. Стёпина. Как часто она вспоминала и оплакивала своего единственного сына, не вернувшегося с войны. На семейном совете мы решили, что наш долг продолжить поиски и найти место захоронения погибшего прадедушки.

Информации у нас не так много (неизвестен даже год рождения). С чего же начать поиск? На помощь нам приходит интернет, в некоторых случаях он просто незаменим! Пробуем сначала найти информацию в военном архиве Министерства Обороны: удаётся узнать, что П. Т. Стёпин 1925 года рождения, уроженец деревни Кутец Бешенского с/с (Сещенского с/с, ошибка по вине переписчика), исключён из списков части 30 октября 1943 года. Вероятно, это дата его гибели. Больше никаких сведений.

Мы не отчаиваемся и продолжаем поиск. В «похоронке» указано место гибели прадеда: Могилёвская обл., Пропойский р-н, д. Узгор..., дальше текст отсутствует, остаётся только догадываться — Узгорье или Узгорск? Да здравствует интернет! На карте Могилёвской области находим деревню с похожим названием, правда, район из Пропойского переименован в Славгородский.

Братская могила в деревне Лопатичи, Славгородский (бывший Пропойский) район, Могилёвская область. Республика Беларусь

Имя моего прадеда Стёпина Павла Тимофеевича увековечено на белорусской земле (девятый снизу)

Наши поиски в интернете продолжались несколько дней, пока не вышли на сайт поискового клуба «Надежда» Славгородского района. Оказалось, в Беларуси много неравнодушных людей, которые собирают информацию, содержат в порядке воинские захоронения и братские могилы, чтят память погибших. Огромное спасибо им за это. Я знаю, что Беларусь сильно пострадала во время войны, там шли ожесточённые бои. На карте воинских захоронений только в Могилёвской области обнаруживаем их более 30, в том числе близ деревни Узгорск есть три захоронения. Мы уже близки к цели, но как удостовериться, что наш Павел Тимофеевич похоронен именно там? И вот он, волнительный момент: в поисковую строку вводим данные нашего родственника и с замиранием сердца ждём ответ. На этот раз мы у цели: знаем номер захоронения, где 380 неизвестных солдат и 150 известных, среди которых мой прадед.

Не секрет, что деревни нынче «умирают» и в России, и в Беларуси. Вот и деревня Узгорск, место гибели моего прадеда, прекратила своё существование, и близлежащие захоронения перенесли в деревню Лопатичи. Туда и направляемся всей семьёй. По дороге любуемся красотой здешней природы. Даже не верится, что когда-то здесь творилось страшное и земля «стонала» от горя. Чем ближе к Могилёвщине, тем чаще то тут, то там встречаются и братские могилы, и одинокие обелиски. Выплывают они из придорожных сумерек, как напоминание о страшной той войне. Хочется крикнуть: «Люди! Будьте благоразумны, не повторяйте роковых ошибок». После недолгой дороги (всего километров 250 от Сещи) оказываемся в деревне Лопатичи, местные жители указывают нам дорогу к Мемориалу. Перед нами открытое место, рядом берёзовая роща, школа. Мемориал ухожен, в этом, вероятно, заслуга школьников. Нас охватывает непередаваемое волнение, когда подходим к памятнику и возлагаем цветы... Спасибо тебе, мой прадед-герой, за мирное небо, цена только очень высока — твоя жизнь и жизни других, кто не щадил себя! Привезли мы тебе, Павел Тимофеевич, поклон от односельчан с родной Брянской земли и исполнили мечту бабушки Устиньи, которой так хотелось побывать на могиле сына.

Все мои родственники, прошедшие войну, для меня — герои. Они сражались за мир, за нашу свободу. Каждый из них приближал победу СССР над фашистской Германией. Тогда, по воспоминаниям моей бабушки, мы были единым народом: русские и белорусы, украинцы и грузины, евреи и армяне... Это единство станет одной из причин нашей Великой Победы. Я горжусь своими предками и благодарна им за их великий подвиг. На долю поколения победителей выпали тяжёлые испытания. Несмотря на это, они остались добрыми, отзывчивыми людьми, работали, растили детей и внуков, восстанавливали страну, дружили и помогали друг другу и всему миру. Война — это страшно, мы должны помнить об этом и не допускать новых войн!

И альбом со старыми военными фотографиями стал нашей семейной реликвией. Я буду его бережно хранить и открывать новые страницы истории моей семьи.

ТРИ ПРАДЕДА — ЗАЩИТНИКА РОДИНЫ: УКРАИНЕЦ, БЕЛОРУС, РУССКИЙ

Широковская Ева Романовна, 7 лет,
Ученица 2 «А» класса МБОУ «Гимназия №18»,
учитель — Агафонова Нина Владимировна,
Тульская область, г. Алексин

Сергей Иванович Зубенко с женой Елизаветой

В нашей семье сохранились воспоминания о трех прадедах, которые участвовали в Великой Отечественной войне. Они сражались, защищая нашу Родину, и никто из них не вернулся домой.

Первый мой прадед, Сергей Иванович Зубенко, украинец, 1901 года рождения, родом из Полтавской области, погиб 14 декабря 1941 года возле села Новоселовка Ростовской области. Он был красноармейцем-стрелком. До отправления на фронт прадед проходил обучение в Полтаве, и его жена Елизавета три раза пешком ходила его проведывать. А до Полтавы было 120 километров. До войны мой прадед Сергей работал в колхозе и был лучшим гармонистом в селе. Дома у него осталось двое маленьких сыновей.

Алексей Кузьмич Стасенко с женой Марией и дочкой

Второй мой прадед, Стасенко Алексей Кузьмич, белорус, 1905 года рождения, родом из Витебской области, пропал без вести в январе 1944 года. Он был простым рядовым. До войны работал в милиции. Дома у него остались четыре дочери. Младшей был всего один годик.

Третий прадед, Илларион Спиридонович Широковский, русский, 1906 года рождения, родом из Алексина Тульской области, погиб 10 мая 1942 года возле деревни Полуяново Смоленской области. Он тоже был простым красноармейцем. До войны командовал пожарной частью, на фронт ушел добровольцем. У него остались двое сыновей.

Все мои прадеды были простыми солдатами. Не офицерами, не полководцами, а просто рядовыми. Но они любили свой дом, свою землю и как могли, как умели, защищали ее от врагов. И отдали жизни свои в боях за Родину.

В годы Великой Отечественной войны на защиту своей страны встал весь советский народ. Дружба, единство и братство людей разных национальностей помогли одержать победу. И в красной полоске нашего флага есть и частичка крови моих прадедов — русского, украинца и белоруса. Они — настоящие герои. Я горжусь ими и постараюсь вырасти достойной их славы.

Вся наша семья чтит память о погибших. Недавно мы отыскали место захоронения Иллариона Спиридоновича Широковского. Это братская могила в городе Демидов Смоленской области. А 9 мая 2019 года я впервые принимала участие в шествии «Бессмертного полка» в Москве. Это было огромное количество людей, которые шли по центральным улицам Москвы. И в руках у каждого были штендеры с портретами, фамилиями и именами их родственников, погибших в годы войны.

Мы знаем и всегда будем помнить, какой ценой досталась Великая Победа.

Семья Широковских на шествии «Бессмертного полка». Москва, 9 мая 2019 г.

Глава 6. ИЗ ПИСЕМ, ДНЕВНИКОВ, ВОСПОМИНАНИЙ

АКАДЕМИК А. А. НИКОНОВ: НАЧАЛО ЖИЗНЕННОГО ПУТИ

Предлагаемые автобиографические материалы знакомят читателя с довоенными и военными годами жизни академика Александра Александровича Никонова (19 августа 1918 г. — 5 октября 1995 г.) — выдающегося аграрника-экономиста, последнего президента Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина, основателя Аграрного института (ныне Всероссийский институт аграрных проблем и информатики имени А. А. Никонова).

Материалы подготовлены к печати кандидатом экономических наук, профессором Рудольфом Эдуардовичем Праустом (2 января 1936 г. — 2 сентября 2018 г.) и членом Союза краеведов России Николаем Анатольевичем Цветковым. Р. Э. Прауст был долгие годы знаком и сотрудничал с А. А. Никоновым, когда в 1980-е годы работал в руководящих партийных и советских органах Ленинградской области, а с 1987 г. по инициативе А. А. Никонова возглавил Пыталовскую лабораторию Аграрного института. Лаборатория была создана А. А. Никоновым на своей родине, в Пыталовском районе Псковской области, для апробации новых форм организации сельского хозяйства (арендного, мелкогруппового и арендного подряда и др.) и мониторинга земельной и аграрной реформы. Н. А. Цветков долгие годы был директором Пыталовского краеведческого музея и встречался с А. А. Никоновым во время его приездов в родной край.

Основу публикации составляет автобиография А. А. Никонова, написанная им в 1994 г. (опубликована в книге «Теоретическое наследие аграрников-экономистов 50–80-х годов и современная реформа в сельском хозяйстве». М., 2000, с. 213–214), а также выступления А. А. Никонова на встречах со своими земляками на пыталовской земле.

Петриков Александр Васильевич,
академик РАН, доктор экономических наук,
руководитель Всероссийского института аграрных проблем и информатики имени А.А. Никонова — филиала Федерального научного центра аграрной экономики и социального развития сельских территорий

«Мой дед по отцу был старый балтийский моряк, очень религиозный человек, дружил с приходским чиновником. Отец до революции жил в Петербурге. После раздела дедовского хозяйства у отца было 12,5 га земли, включая пашню, луга, пастбища, лес. Там на хуторе я жил 15 лет. С семилетнего возраста пас скот, с двенадцати лет участвовал во всех полевых и других работах (косил, пахал, заготовлял дрова и др.). Зимой учился. Угодья отца были мелиорированы, посеяны травосмеси, созданы культурные луга и пастбища. Посажен плодово-ягодный сад. Хозяйство состояло в двух сельскохозяйственных товариществах: мелиоративном и кредитном, а также в потребительском кооперативе по совместному использованию техники. Деньги в хозяйстве получали от продажи льна, молока и картофеля, поставлявшегося на местный спиртзавод, и реализации беконных свиней на экспорт. Часть свинины коптили и перерабатывали на колбасу в ближайшей колбасной, с оплатой натурой в необременительных размерах. На белье использовали льняное домотканое полотно. В хозяйстве всегда был десяток овец, поэтому полушубки, варежки, носки, свитера были также своего изготовления. Шерсть по почте отправляли на ткацкую фабрику с указанием артикулов (кусочек ткани соответствующего образца имелся в каждой сельской лавке потребительской кооперации и у частных торговцев) и через пару недель по почте получали заказанную шерстяную ткань для костюма, соответствующего качеству посланной шерсти. В оплату также входило оставление на фабрике определенного количества присланной шерсти. В нашем доме было много книг, а отец и его братья были музыкальны и занимались ремеслами.

Когда я поступил в гимназию, в Пыталове проживало не более тысячи человек. Это были семьи железнодорожников, несколько семей эмигрантов, которые не хотели далеко уезжать от России и надеялись на перемены в ней. Кроме того, в городе стали селиться семьи разбогатевших крестьян, появились многочисленные семьи купцов и ремесленников.

Первое время город рос медленно, застройка была очень затратная, велась на болотистой местности. Во все времена года повсюду была грязь. Изменения наступили после 1933 года, когда поселение получило статус города, а в застройке города стало принимать участие правительство и органы местного самоуправления.

Появились тротуары, горожане сами стали следить за порядком в городе. Не сразу, но понемногу стала исчезать грязь. Гимназисты принимали участие в благоустройстве города, сажали вдоль улиц деревья и кусты. Помню, что на мою долю выпала обязанность посадить три липы на одной из улиц в центре города. Напротив железнодорожного вокзала стоял длинный сарай. В нем разместился кинотеатр «Андрекарла». Свое необычное название он получил по именам своих владельцев неких Андрея и Карла.

Фактическим центром культурной жизни города был Народный дом (Дом айзсаргов[1]). В его зале проходило много различных культурно-массовых мероприятий: выступали сельские хоры, местные и приезжие артисты, в том числе Рижского русского театра. Массовым и грандиозным было торжество, посвященное переименованию Яунлатгале в город Абрене. Значительными не только в городе, но и во всем районе стали мероприятия в связи со 100-летием гибели А. С Пушкина. Но больше всего мне запомнились выступления артиста Юрьевского и Юрия Ильича Митавского-Долина, впоследствии моего однополчанина по Латышской дивизии.

Мне довелось учиться у первого состава преподавателей гимназии и у второго, которые комплектовались из выпускников Юрьевского (Тартуского), Петербургского, Латвийского и Геттингенского университетов. Многие из них имели степень магистра наук.

Преподаватели были не только хорошими учителями, но и нашими защитниками. Они оберегали нас от поступков, которые могли бы свидетельствовать о наших «вольных» настроениях и откровенно положительном отношении к Советской России. В 1936 году состав преподавателей, либерально настроенных к нашим демократическим взглядам, был расформирован. Пришли другие преподаватели, пытавшиеся привить нам уже иные, антироссийские взгляды. Но эти попытки оказались не очень успешными. По разным каналам к нам просачивалась литература из СССР (не считая радио). Кроме того, нам было доступно все, что выпускалось на Западе. Мы проглатывали Достоевского и Ромена Роллана, Шолохова и Тагора, Райниса и Лациса, штудировали Маркса и Каутского, Ленина и Бухарина, Чупрова и Туган-Барановского. Ныне печально известный «Краткий курс партии» переходил из рук в руки в виде фотографий размером с почтовую открытку на страницу, читать который приходилось с лупой.

В своем большинстве мы хорошо учились, да и не могло быть иначе, ведь кроме прирожденного крестьянского трудолюбия ничего не имели. Учение было платное. Рассчитывать надо было на стипендию, но она давалась только при хороших оценках. Плохо учиться означало немедленно распрощаться с гимназией, а мы, деревенские парни, стремились к знаниям, к новой светлой жизни.

[1] Айзсарги (латыш. Aizsargi — «защитники») — военизированное формирование в Латвии в 1919–1940 гг.), члены которого выполняли функции вспомогательных сил полиции, в приграничных районах несли вспомогательную пограничную службу. После ввода советских войск в Латвию организация айзсаргов была распущена. После уточнения списков лиц, которые могут представлять угрозу при военном конфликте с фашистской Германией, ряд руководителей айзсаргов были высланы в тыловые районы СССР вместе с членами семей в ходе депортации 14 июня 1941 года. С начала Великой Отечественной войны многие айзсарги нападали на приверженцев советской власти, советских активистов, госслужащих, отступающие части РККА; во время оккупации стали пособниками немецких оккупационных властей (см. https://ru.wikipedia.org/wiki/Айзсарги). — *Прим. ред.*

А.А. Никонов среди сотрудников ВАСХНИЛ — ветеранов Великой Отечественной войны (1990)

Очень шумным в моей жизни стал 1940 год. Латвия вошла в состав СССР.

17 июня вступили части Красной Армии. Этому предшествовали инциденты на границе. Город Абрене переполнился красноармейцами-гармонистами. Нередко можно было видеть такую картину: солдат играет на гармони, а вокруг стоит народ и слушает. Шесть восточных пыталовских волостей встретили советскую власть с неподдельным энтузиазмом. Газет в уезде практически не читали, но зато слушали радио, а по нему с востока шла одна информация, а с запада — совсем обратная. И хотя в головах у многих все путалось, прихода Красной Армии ждали. Город ожил, забурлил. Несколько месяцев (до сентября — октября) занял период становления народно-демократической власти. В этот период органы власти остались прежние, но люди пришли в них работать новые. Мне тогда не было двадцати двух лет, а меня назначили уездным старшиной. Мой предшественник Антон Кимерал передал мне знак власти — цепь с жетоном, ее носили на шее. Аппарат управления уезда состоял всего из девяти человек: двое мужчин и семь женщин. Секретарь-делопроизводитель был самый опытный служащий. Он на этой должности проработал больше двадцати лет, начинал службу еще при царе Николае II. Помню, я его невольно обидел, когда после заступления на должность вдруг принялся читать документ, принесенный мне на подпись. Оказывается, в обязанности секретаря-делопроизводителя входила перед подписанием той или иной бумаги тщательная проверка любого текста на соответствие его действующим законам и правилам. В честности и добросовестности секретаря-делопроизводителя у прежних уездных старшин не могло быть сомнения. На таком высоком доверии были построены в те годы отношения между чиновниками в органах местного самоуправления. При передаче дел мне предоставили водителя «форда» — в аппарате имелась машина. При этом тот же Антон Кимерал сделал мне напутствие: каждую поездку и расход бензина записывай

в специальную книгу, зря топливо не жги, выезжай в уезд только по делам, а в Ригу машину не гоняй; есть поезд — он дешевле.

Не успел я принять дела, как был захлестнут волной митингов и собраний, проходивших повсеместно. Но аппарат местного самоуправления работал без меня слаженно, настолько грамотно был налажен механизм управления, что каждый не только знал, но и хорошо и четко выполнял свои функции, вел свое дело. Тем более что в круг вопросов, решаемых старшиной, входили лишь дела, связанные с самоуправлением, а финансовыми проблемами он не занимался и вообще в них не лез. Для решения всех прочих дел существовали: уездный агроном, финансовый инспектор, главный врач и другие специалисты.

Конечно, в самоуправлении произошли определенные изменения. Первым городским головой мы назначили Черняева, его отец содержал маленький магазинчик. На должность главного врача был приглашен Борис Михайлович Переплетник. Родом из Одессы, он с отличием закончил Новороссийский университет и повысил свою квалификацию у Пастера.

В ноябре 1940 года была сформирована избирательная комиссия Абренского избирательного округа № 688 из 11 членов. Абренская уездная организация Компартии Латвии выдвинула меня ее председателем. В ноябре-декабре 1940 г. нужно было ликвидировать уездные и волостные органы местного самоуправления и на их месте образовать временные исполнительные комитеты. В процессе этой работы из уездного старшины меня перевели в заведующего отделом агитации уездного комитета партии. Характер работы изменился. Теперь пришлось много выступать на митингах и собраниях, организовывать и проводить встречи с молодежью и активистами уезда. Например, 25 июня 1940 года в Абрене был организован массовый митинг не только городских жителей, но крестьян из окрестных волостей. Митинг состоялся в Народном доме (бывшем Доме Айзсаргов). Мне как представителю райкома партии поручили открыть его и выступить перед собравшимися об очередных задачах социалистического строительства в районе.

А. А. Никонов (справа) — старшина Абренского уезда Латвии. 1940 г.

В июле 1940 года мы создали инициативную группу из русских учителей Абренской (Пыталовской) основной школы, которая от своего имени предложила провести районное учительское собрание. Мне поручили выступить о новых задачах пыталовского учительства и проблемах коммунистического воспитания молодежи. Тогда в работе учительского собрания приняло участие 167 педагогов.

В 1940–1941 гг. много приходилось работать в связи с организацией в волостях товариществ по совместной обработке земли и созданием первых колхозов. В этой работе я пытался научить людей понимать суть происходящих событий, старался активно привлекать к этой работе молодежь. Планов было много, но грянула война.

Для меня война началась 23 июня 1941 года вступлением в уездный истребительный батальон по борьбе с просочившимися группами фашистских парашютистов. В первые дни войны при нашем отступлении в глубь страны у нас были частые стычки с ними и диверсантами. Истребительный батальон формировался в одном из зданий средней школы. Ныне это здание Дома детского творчества.

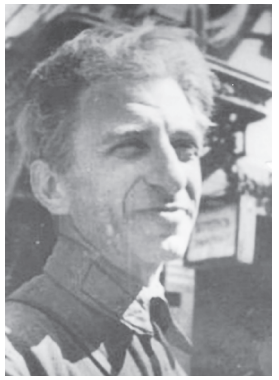
В августе — октябре 1941 г. я прошел обучение в составе 201-й латышской дивизии. Батальон, в котором я служил, был направлен под Москву, поначалу в 1-ю ударную, затем в 33-ю армию. Участвовал в боях под Москвой. В очень тяжелом прорыве фронта противника под Наро-Фоминском в декабре 1941 г. после трехсуточных боев из 450 бойцов батальона в живых осталось лишь 30, в том числе трое были моими земляками-пыталовцами. В этом бою я получил сначала ранение в руку, потом — контузию и, наконец, тяжелое ранение с прострелом навылет правого легкого. Потребовалось госпитальное лечение в течение 11 месяцев, которое я получил в Апрелевке, Москве, Архангельском, Владимире и Кирове. Здесь я познакомился со своей второй женой Анной, с которой прожил всю жизнь.

Затем была полугодовая служба в запасном латышском полку 3-й Ивановской учебной бригады, после чего — шестимесячные курсы переподготовки политсостава Московского военного округа в Алешинских казармах.

До декабря я был инструктором пропаганды полка, а в боях при прорыве обороны противника исполнял обязанности комиссара батальона. В декабре 1943 г. меня вызвали в Главное политическое управление Министерства обороны и предложили готовиться к работе на территории оккупированной немцами Латвии. Но переправку через линию фронта неожиданно отложили и я был направлен в оперативную группу при политуправлении 2-го Прибалтийского фронта. В 1944 г. меня утвердили первым секретарем Абренского (Пыталовского) уездного комитета Компартии Латвии и в июле я приступил к исполнению этих обязанностей. Было мне тогда 26 лет».

ЛЕНИНГРАДСКИЕ ВОЕННЫЕ ЗАМЕТКИ МОЕГО ОТЦА ЖУРНАЛИСТА Л. Г. КОКОТОВА

Кокотов Борис Липманович, 81 год,
ветеран труда,
Германия, г. Берлин



Липман Гиршевич (Леонид Григорьевич) Кокотов

Мой отец, Липман Гиршевич Кокотов (Леонид Григорьевич), родился 16 июля 1903 года на станции Унеча Полесской железной дороги Черниговской губернии в семье меламеда (учителя еврейского языка). Он учился в Гродненском высше-начальном училище, в гимназии в Стародубе, в школе второй ступени в Унече, в Институте народного хозяйства в Москве, в Московском и Ленинградском университетах. Но официального диплома так и не получил. Однако был он человеком высокообразованным — самообразование. Через десятки лет, когда моя сестра Ина стала учить французский язык в школе, он ей помогал. Я, уже окончив энергетический техникум, в беседах с ним чувствовал, что он что-то в энергетике понимает лучше меня.

С нами, детьми, он занимался очень много. Я никогда не был в музеях Ленинграда ни с одной официальной экскурсией. В детстве нас всюду водил папа. Я и сейчас помню, как он рассказывал о картинах, скульптурах в Эрмитаже, Русском музее...

Судьба Липмана Кокотова делала подчас такие зигзаги, что трудно даже и представить. В годы Гражданской войны он служил в ВОХРе, затем был бойцом отряда по борьбе с бандитизмом и дезертирством. В период учёбы в Москве и Ленинграде работал в разных местах, добывая деньги на хлеб насущный. В 1928 году вступил в партию и стал журналистом. Работал в газете «Ленинградская правда», в газете Октябрьской железной дороги.

Когда стали вербовать кадры для вновь образованного Красноярского края, Кокотова пригласили на работу заместителем редактора краевой газеты «Красноярский рабочий». Здесь отец попал в жернова сталинских репрессий. Вместе с двумя десятками других известных горожан он был арестован по обвинению в организации Красноярского запасного подпольного центра (тогда в борьбе с «врагами народа» «раскрыли» очередной «заговор» — Московский подпольный центр. Ну, и по стране запасные). Это был первый и главный пункт обвинения. Всего этих пунктов было 11. Из 25 человек только двое не подписали никаких показаний. Один из них — мой отец Липман Кокотов. Два года его продержали в тюрьме, требуя признать себя виновным и оговорить товарищей. Безуспешно, он ничего не подписал. Остальным выдержать оказалось не по силам, и они ушли в лагеря, из которых, как правило, уже никто живым не возвращался. А два человека оставались в тюрьме. После ареста Ежова стали пересматривать дела о «врагах народа», и некоторым повезло. Отца выпустили из тюрьмы, он вернулся в Ленинград. Здесь произошло его первое знакомство со мной, сыном Борей, родившемся в его отсутствие, когда жена Люба в 1938 году вернулась в Ленинград.

Потом был ещё 1948 год. Незаконное увольнение с работы в связи с так называемым «ленинградским делом» и начавшейся борьбой с космополитизмом. Известному, уже немолодому журналисту, участнику войны пришлось идти на производство, в цех, в ученики, учиться на помощника мастера... Отвернулись многие. Поддерживала только семья.

Семью папа очень любил, гордился успехами нашей мамы, которая с ребёнком на руках получила высшее образование, и очень ревниво относился к достижениям или их отсутствию у своих детей.

Липман Кокотов и Любовь Шахнович. Нам по 80 лет! 1983 год

Супруги Кокотовы прожили вместе 62 года. Когда жены не стало 18 октября 1987 года, отец совсем потерялся, и оставшиеся ему три года уже просто ждал смерти, хотя был чрезвычайно жизнелюбив и в эти годы. И боролся за жизнь, и ждал конца. Он умер 27 апреля 1990 года.

Отец оставил рукописную книгу воспоминаний для детей, внуков и правнуков. Военные страницы воспоминаний моего отца вызывают большой интерес и, как мне представляется, могут быть весьма полезны для исследователей истории Ленинградской битвы.

Итак, ленинградские военные заметки Л. Г. Кокотова.

Ленинградское ополчение

Идут горестные вести. Немцы наступают. Сегодня пал один город, завтра — второй. И, наконец, самое страшное — враг на пороге твоего города. В Ленинграде формируется добровольная армия народного ополчения. Конечно, для меня в первые же дни был решён вопрос: я сторонним наблюдателем в войне не буду!

И когда я объявил Любаньке, что записался добровольцем, то не услышал никакого возражения. Я понимал, как ей тяжело со мной расставаться. Ведь совсем недавно она пережила одиночество из-за моего дикого, ничем не оправданного ареста, мы ещё не оправились от старой беды. Но что может сравниться с постигшей страну бедой?

Не знаю почему, но момент записи мне особенно запомнился. Произошло это в помещении Института железнодорожной связи на Петроградской стороне. Длинные очереди. Терпеливо ждут. Кого только здесь не было: и пожилые люди, и зелёная молодежь, женщины, рабочие, служащие, учёные. Лица строгие, сосредоточенные. У меня одно ощущение — поднялся народ, и я с ним. Имя, отчество, фамилия, адрес, служил ли в армии, воинское звание. И никаких документов. У меня их, по крайней мере, не спрашивали.

И вот я в военной форме, в непривычных тяжеленных кирзовых сапогах, которые я натянул на неумело заправленные портянки. Стою в строю, ноги, как в огне. Началась скоропалительная военная подготовка. Учимся по учебной винтовке, бросаем деревянные болванки, именуемые гранатами, откапываем окопы. И всё это какое-то ненастоящее. Ненастоящее оружие, ненастоящие гранаты. Мы ещё тогда не знали, что просто настоящего ничего не было. Винтовки были получены в момент отправки на фронт, и то не всем они достались.

Но что было настоящим, это готовность людей умереть, готовность жертвовать собой для защиты Отечества. Армия народного ополчения была сформирована в короткие сроки. Смело скажу, что в неё вошли лучшие люди, цвет нашего города. Каждый район сформировал свою дивизию. Крупные предприятия сформировали свои полки, дивизии.

В газете «На защиту Ленинграда»

При политотделе армии была организована газета, которую назвали «На защиту Ленинграда». Меня отозвали из полка и зачислили в штат газеты.

Газета эта была весьма своеобразна. В ней кроме редактора не было ни одного военного человека, ни один журналист не имел опыта работы в военной газете. Все мы были сугубо гражданские люди, но, как теперь говорят, наша адаптация в новых условиях прошла довольно безболезненно...

В общем, в редакции господствовал дух товарищества, доброжелательства. Все работали много, сновали, как челноки, между редакцией и фронтом. Ведь фронт-то скоро оказался у самого порога дома.

Мои первые редакционные задания были в пределах города. При первых налётах на город появились ракетчики, которые наводили вражеские самолёты на цель. Мне пришлось беседовать с людьми или ловившими ракетчиков, или видевшими сигналы. Безусловно, какое-то количество вражеских лазутчиков орудовало в городе. Но это вызвало своеобразный психоз — люди видели ракетчиков и сигнализацию там, где не было ни ракетчиков, ни сигналов. Какой резон был сигналить с какого-нибудь пустыря или глухого двора, где какого-нибудь значительного объекта не было ни в ближнем, ни в дальнем окружении? Но

людей можно было понять, это была преувеличенная, но естественная настороженность...

Липа (слева) и Абрам Кокотовы в блокадном Ленинграде. 1941 г.

Первое время мне поручали также обходить госпитали, беседовать с ранеными и записывать боевые эпизоды. И опять помню я свой первый поход в госпиталь, развернувшийся в больнице им. Мечникова. Не знаю, почему я оказался не у главного входа, а у задних корпусов, там, где вблизи проходит железнодорожная ветка. Больничный корпус был битком набит. Палаты заполнены ранеными, они лежали в вестибюле, в коридорах. Стоны, искажённые страданием лица. Болью и страданием был насыщен сам воздух. От жалости сжималось сердце. Страшно! Не могу дышать. Я ушёл, так ни с кем не побеседовав. Ещё долго в ушах звучали стоны, а перед глазами стояли страдающие измученные лица. За свою долгую газетную практику это был первый случай, когда задание мною не было выполнено.

Впечатление, произведённое первым посещением госпиталя, может только сравниться с тем, когда я на поле боя впервые увидел убитых. Как-то не вмещалось в сознании — как это могло случиться? Вот я только видел человека живым, улыбающимся, разговаривающим, и вдруг неподвижный труп, который волочат по подзамёрзшей, присыпанной первым снежком земле.

Потом ко всему этому я привык. Нет, не привык. Привыкнуть к этому невозможно. Но острота чувств отупела, нервы были зажаты в клещи. Вероятно, это была защитная реакция человеческой психики. Иначе всё это нельзя было бы перенести...

Боевое крещение

А немцы нажимали, фронт всё ближе и ближе. Чтобы попасть на передовую линию, далеко ездить не надо было. Из каждой такой поездки возвращался с разбитым сердцем. Я видел подлинную самоотверженность людей. Но, увы, к сожалению, эта самоотверженность чаще всего обращалась в самопожертвование. У фашистов была и выучка, и техника, а у нас, у народоополченцев, — ни того, ни другого. Только в воле к победе, в готовности лечь костьми, а врага не пропустить, была наша сила.

Памятен один эпизод, приведший меня в отчаяние. Меня вместе с Майским (бывшим собкором «Известий») направили за Красное Село. Здесь, у деревни Русско-Высоцкое, в лесу, были замаскированы

артиллерийские позиции, частью которых командовал бывший участник челюскинской эпопеи (к сожалению, не могу вспомнить его фамилию). Батареи обслуживались ополченцами завода им. Марти, как тогда назывался Адмиралтейский завод, и Института железнодорожного транспорта. Народ подобрался боевой, проходивший раньше службу в артиллерийских частях. Несколько дней фашисты атаковали наши позиции. Атаки повторялись беспрерывно. Наши артиллеристы били прямой наводкой. С большими потерями откатывались фашисты назад. Я помню, как командир отчаянно ругался:

— Где же наша пехота, почему же она нас не поддерживает?!

Так продолжалось до тех пор, пока фашисты не засекли все наши орудия. Наши огневые точки одна за другой выходили из строя. Немцы повели наступление. В лесу не было и метра, не простреливаемого немцами, — разрывы снарядов, пулемётный огонь. Ясно стало, что долго наших позиций не удержать. Командир приказал мне и Майскому любым путём выбраться и доложить в штабе Красносельского укрепрайона о положении дел.

Выбраться, но как? Головы не поднять. Мы ползли, ползли долго, до изнеможения. Оборванные, грязные мы добралась до КП.

Возвращаемся в Ленинград. Горько, тревожно на душе. Приближаемся к городу. О, ужас! Всё небо над Ленинградом покрыто чёрным дымом. Дым зловеще клубился, извивался, покрывая всё большее пространство. Казалось, что весь город горит. Потом мы узнали, что горели Бадаевские склады, огонь уничтожал продовольственные запасы города...

Теперь, когда я думаю о ленинградских ополченцах, то не могу не восхищаться их воинским подвигом. Это они сдержали первый натиск врага на наш город, они своими телами преградили ему путь. Их подвиг тем более велик, что это же не были регулярные, обученные воинские части. Это были сугубо гражданские люди, рабочие, инженеры, учителя, учёные, зелёная молодёжь и пожилые люди. Они были плохо вооружены и неумелы. Перед ним стоял лютый грозный враг, но они не дрогнули.

Помню, в один из дней, когда наши ополченческие подразделения терпели особенно большие потери, меня назначили дежурным по штабу армии. Штаб располагался тогда в Мариинском дворце. Я сидел в вестибюле штаба. Чередой приходили один за другим ополченцы разбитых частей. Ленинградцы, у которых были в городе свои семьи, свои квартиры, не шли к себе домой, а прямо с позиций приходили в штаб. Они, не остывшие от боя, снова отдавали себя в распоряжение командования. Здесь же, во дворе штаба, формировали новые части и с ходу отправляли на фронт.

Я горд, что был вместе с ними в эти трудные для Ленинграда, для Родины дни. Я горжусь памятным знаком, на котором начертано — «Ленинградское ополчение».

Армия, героическая армия ополченцев выполнила свой долг перед Родиной, перед городом Ленина. Остатки армии влились в регулярные части. Вместе со штабом была упразднена и газета. Всех сотрудников откомандировали в армейские газеты регулярных частей. Большинство перебрались в 53-ю армию.

Работа в Ленинградском отделении ТАСС

В моей судьбе был прочерчен очередной зигзаг. Случилось так, что в высших инстанциях было решено военизировать ленинградское отделение ТАСС. Начальником этого отделения (Политотдел Ленинградского фронта) назначили редактора ополченческой газеты полковника Коновалова, а начальником группы военных корреспондентов — старшего политрука Кокотова, то есть меня.

Это было время, когда население города начало основательно голодать. Штат сотрудников ТАСС состоял из лиц гражданских и военных. Мы, военные, имели продовольственные аттестаты, получали больше хлеба, пользовались военными столовыми. Я, например, одно время кормился в столовой Дома офицеров. В худшем положении оказались гражданские сотрудники...

Люди умирали. Смерть настигала их как бы мгновенно. Так мгновенно умер фоторепортёр, если память не изменяет мне, фамилия его была Хаютин. Он работал до последней минуты, до последнего мгновения. Он вернулся с задания, присел и умер.

Голод донял и меня. Я всячески боролся с ним. Свой 300-граммовый паёк хлеба я делил строго на три части и съедал его в 3 раза — утром, днём и вечером. Подкрепляла нас «дуранда» (жмых). Твёрдые, как камень, пласты (доски) жмыха доставал для нас ловкий, жуликоватый зам. начальника ТАССа Арсентьев. На эти «доски» набрасывались голодные и грызли их сухими, ломая зубы. Я терпеливо ждал, пока они разварятся или просто разогреются на печурке, тогда дуранда становилась более удобоваримой. В промёрзшей комнате я ежедневно раздевался до пояса и умывался ледяной водой. Несколько раз мне удалось вымыться под горячим душем на электростанции на Фонтанке, где брат нашего сотрудника Зельманова был главным инженером. Это мытьё превращалось в подлинный праздник.

Всё же вскоре у меня распухли ноги и ослабло зрение. Ноги были такие, точно под кожу вложили вату. Ступать было тяжело и противно. Донимали бомбёжки и обстрелы...

Работать пришлось очень много. Материал, поступавший от военных корреспондентов с фронтов, от корреспондентов по городу, надо было обработать. Мы составляли бюллетени, которые рассылали городским, военным газетам, ежедневно передавали материал в Москву для печати страны и Информбюро, для заграницы. Кроме того, Политотдел фронта

почему-то взвалил на нас выпуск листовок, брошюр, в частности с выступлениями Сталина. А в редакции нас работало только два человека: я — по военной части и другой редактор, Шур, — по гражданской.

Район, где помещался ТАСС, почему-то стал предметом особого внимания немецкой авиации и артиллерии. Нас бомбили, обстреливали. Бомбы и снаряды попадали в соседние дома. У нас не осталось ни одного целого стекла. Нас переселили в подвал. Здесь мы работали, здесь и жили. Кстати, работали мы при коптилках. Света не было...

Трагические будни блокадного Ленинграда

А смерть косила беспощадно. Ей было легко справляться с голодными обессилившими людьми. «Мумии», завёрнутые в старые одеяла, в простыни, нагруженные на саночки, которые тащили на себе не люди, а живые тени. Вот-вот тень упадёт и ляжет рядом с мертвецом. Эта обычная будничная уличная картина тех дней.

Но то, что я видел на сборном пункте, куда свозили мёртвых, никогда не забудешь. У моей знакомой умерла тётушка, и она попросила меня помочь её отвезти на сборный пункт. Это была ранняя весна. Как отвезти труп? В старье на чердаке я нашёл детскую коляску с плетёной корзиной (такие детские коляски были в старину). Пришлось снять корзину, приладить гладильную доску, к которой привязал труп, и через весь Невский отправились в Александро-Невскую лавру. В одной из церквей был тот пункт, куда свозили покойников.

Если я скажу, что то, что я увидел, было страшно, это вовсе не выразит то чувство, которое охватило меня, когда я вошёл в церковь. Мертвецы лежали штабелями, между которыми были узкие проходы. Сколько насильно прерванных человеческих жизней, сколько прерванных человеческих счастливых судеб! Сколько горя их смерть принесла! Вернутся воины с фронта, вернутся дети из эвакуации. Они будут искать своих родителей, жён, отцов, матерей, братьев, сестёр и не найдут. Не найдут даже их могил. Ведь они будут похоронены безымянными в бесконечных траншеях, вырытых в замерзшей, многострадальной ленинградской земле.

Я внёс труп в церковь. Меня заставили забросить его наверх штабеля. Для того, чтобы справиться с этим нелёгким делом, мне пришлось упираться коленями, ступнями ног в тех, кто совсем недавно был живыми людьми, которых любили и которые любили, которые думали, творили. А теперь...

Нет, это не забыть и не простить творивших это зло! Трудно было ленинградцам. Они страдали, но они показали и величие духа...

В ТАССе мы каждый день получали корреспонденции о трудовых подвигах людей. Да и сами корреспонденты совершали подвиг. Разве не подвиг совершал Баннов, пешком добиравшийся от завода «Большевик», чтобы сдать корреспонденцию, или Питерский, проделывавший свои вояжи от Кировского завода? Питерский отморозил ноги и в результате гангрены умер. Они несли свои корреспонденции, мы их передавали на всю страну, на весь мир, говоря: знайте, голодающий, холодающий Ленинград жив, он трудится, борется, не сдается врагу!..

На Волховском фронте

Редакторская работа занимала много времени и требовала большого труда. Но всё же, время от времени, я выезжал на фронт, тем более что он был здесь же, сразу за ленинградскими заставами.

В середине зимы мне стало совсем худо. Ноги меня плохо держали, временами я вовсе терял зрение. Было решено переправить меня через Ладогу на Волховский фронт. Вместе со мной отправились военкоры Аркадий Виноградов и Павел Лукницкий. Лукницкий, изрядно изголодавшийся, по приезде в штаб армии, которой командовал Федюнинский, так набросился на еду, что пришлось его отправить в госпиталь. Меня с Аркадием предупредили о том, чтобы после ленинградского голодания не очень усердствовали с едой. Сдерживаться было трудно, пришлось держать себя в руках. Но, уходя из штабной столовой, я всё-таки набивал карманы хлебом. Как вкусен был хлеб!

Через несколько дней мы начали входить в курс боевых операций. Не собираюсь здесь рассказывать о них. Единственно скажу, что бои здесь велись тяжёлые, в труднейших условиях, с большими потерями. До сих пор перед глазами стоит высокая железнодорожная насыпь у станции Погосты. Сотни и сотни наших людей полегли у этой насыпи. Мне пришлось быть здесь во время одной атаки, когда наша часть собиралась одолеть эту неприступную насыпь. С наступлением темноты в часть прибыло подкрепление, если память мне не изменяет, около трёхсот человек. На рассвете их кинули в атаку. Немногие из них вернулись из боя. Миномётный огонь немцев был настолько плотный, что прямое попадание мин было случаем нередким.

Об одном из таких случаев была напечатана моя корреспонденция в центральных газетах. Мина попала в нашего бойца, но не разорвалась, а застряла, зажатая бицепсом у стабилизатора, кость была раздроблена. С большим трудом удалось эвакуировать с поля боя раненого. Врач, рискуя жизнью, надрезал мышцу и извлек мину, вынес её в безопасное место, где она и взорвалась. Раненый был спасен.

На Волховский фронт я стал выезжать часто. Через Ладогу, по «Дороге жизни», я перебирался и по зимнику, и на пароходах, неоднократно выезжал на передовые позиции. Смерть была рядом. Тогда я об этом не думал. Я был солдат, а солдату о смерти думать нельзя было...

В партизанской столице Хвойной

Я снова иду по «Дороге жизни». На сей раз не по льду и не по воде, а по воздуху. Опасность была не меньшая. Ведь небо постоянно бороздили фашистские стервятники. Но погода нам благоприятствовала, летели мы в сплошном молоке, видимость была ничтожная, следовательно, и опасность наткнуться на немца меньшая.

Собственно говоря, почему меня везут в Хвойную, было мне не совсем понятно. Ведь в военное время нельзя было задавать лишних вопросов.

Вот я в Хвойной — маленький городишко Новгородской области. Кругом лес, а в лесу, невдалеке от города, землянки. Здесь основная база штаба партизанского движения Ленинградской области. Здесь своеобразный перевалочный пункт. Отсюда направляются люди в немецкий тыл, сюда из тыла перебрасывают раненых. В Хвойной госпиталь, в котором их лечат. Отсюда партизанская эскадрилья перебрасывает боеприпасы, вооружение, продовольствие. Здесь штаб.

Газета «Ленинградский партизан»

Среди разных служб большое место занимает партизанское издательство. Издательская деятельность состоит в выпуске двух газет: «Ленинградский партизан» — для партизанских бригад, действующих в немецком тылу, и «За Родину» — для населения оккупированных районов. Была и ещё одна область деятельности издательства —выпуск листовок. Газеты и листовки перебрасывались на самолётах...

Каждая из двух газет должна была иметь редактора. Газету «За Родину» редактировал И. Виноградов, а место редактора «Ленинградского партизана» было вакантно. Вот его и предназначили для меня. Мне сразу это предложение пришлось не по вкусу. Сидеть в Хвойной, в землянке и писать о партизанах, для партизан, не видя ни партизан, ни партизанской войны, явно мне не улыбалось...

Хотя я редакторства не принял и, кажется, подпись под газетой не ставил, но вся работа в ней легла на мои плечи. Не скажу, что работа меня не увлекла. Работы было много, и часто она захватывала меня. Особенно меня захватывало написание листовок. Я писал, прямо скажу, кровью сердца своего. И сам материал, который брался в основу листовки, и сознание, что говоришь непосредственно с теми, кто стоит лицом к лицу с врагом, не могли не волновать меня...

В тылу врага. Третья Ленинградская партизанская бригада

Наконец я получил командировку в Третью партизанскую бригаду. Эта бригада была особенная. Она действовала не на территории Ленинградской области, а в Псковской. Командовал ею, в отличие от других, профессиональный военный Герман — ленинградец. Окончил военное общеармейское училище, учился в Академии Генерального штаба. Не знаю точно, как он

попал в немецкий тыл, но так или иначе, именно Герман был организатором первой небольшой боевой группы. Сперва в ней было несколько десятков человек. За короткое время она выросла в бригаду, насчитывающую более 2000 бойцов. Сам Герман стал на Псковщине человеком-легендой.

О его героизме складывали легенды. Популярность его была огромна, можно смело сказать, что по всей оккупированной Псковской области не было ни взрослого, ни ребёнка, кто не знал бы Германа. Подавляющее число партизан Третьей бригады были местные жители — псковитяне. Среди партизан были и старики, и зелёная молодёжь. Я был свидетелем, когда матери приводили своих сыновней, мальчиков 14–16 лет, и упрашивали взять их в отряд.

— Лучше пусть они будут с вами, чем их угонят в неметчину, в неволю, — со слезами говорили матери.

Бригада Германа наводила на немцев страх. В этом я убедился с первых же часов моего появления в бригаде. Вот картина партизанской жизни, которая меня поразила в первые дни пребывания в бригаде.

Ночь. Темнота непроницаема. Рядом с тобой стоят люди, но ты их не видишь. Слышно только напряжённое дыхание. Вдруг там где-то вдали, сверху раздался шум приближающихся самолётов. Вспыхнули условные костры. Один за другим садятся У-2. Быстро идёт выгрузка. Одновременно тяжёлые «Дугласы» сбрасывают груз на парашютах.

А где же немцы? Они здесь, рядом, в 2–3 километрах, а то и ближе. Кругом начинается переполох. Из окружающих деревень, где имеются немецкие гарнизоны, взвиваются в небо осветительные ракеты — одна, другая, третья. На аэродроме становится светло. Слышна беспорядочная стрельба. Партизаны не спешат, они спокойно делают своё дело. Партизаны хорошо знают, что немцы не посмеют приблизиться к нашему расположению.

Немцы, конечно, беспокоили нашу бригаду. Но в каждом случае они для этого собирали вдвое-втрое большую силу, чем располагали партизаны...

Бригада жила беспокойной, напряжённой жизнью. Командование направляло боевые группы для диверсионной работы на железной дороге и для налётов на гарнизоны, снаряжало своих людей в дальнюю разведку.

Герман придерживался особой тактики. Бригада не пряталась в лесу, не имела лесных баз. Её боевые успехи и, в известной мере, безопасность были в её подвижности. Бригада была всё время в движении, всё время в походе. Мы появлялись неожиданно для врага то в одном районе, то в другом. Для немцев с их методичностью мы были неуловимы. Но от партизан эта тактика требовала выносливости, умения преодолевать быстрые скрытные переходы, часто под самым носом у врага. Переходы совершались обязательно ночью, часто по азимуту, минуя дороги, населённые пункты. Почему-то запомнился один переход.

Осень. Нудный осенний дождь. Промок до костей, в сапогах хлюпает вода. Мы идём партизанской колонной. Это значит вереницей, один за другим, один за другим. Дорога идёт по какой-то лесной тропинке, а может быть, и без всякой тропинки. Идёшь час, второй, третий. Автомат, сумка, пистолет, ящик типографского шрифта висят на мне гирей, тянут к земле. А здесь ещё сон, мучительный сон, которого не побороть. Спишь. Спишь и продолжаешь идти. Идёшь во сне, потому что надо идти. Надо! Осознанные чувства необходимости могут творить чудеса, они делают из обыкновенного человека героя, богатыря.

Наш народ столкнулся с необычным врагом. Вероятно, история ещё не знала такого звероподобного врага, каким были фашисты. Зверство, лютость, беспощадность фашистов не имели меры. Немцы вызвали к себе в нашем народе чувство лютой ненависти. Чувство это было правомерным, справедливым.

Но в бригаде мы имели случай убедиться, что немец и фашист далеко не одно и то же. Не один поход я проделал рядом с партизаном — немцем Шмидтом. Этот молодой человек, перешедший к нам чуть ли не в первые месяцы войны, был убеждённый антифашист. У него в бригаде были разнообразные обязанности. Шмидт переводил наши листовки, сводки Информбюро на немецкий язык, сам их перепечатывал на машинке с немецким шрифтом и сам распространял в немецких гарнизонах. Часто он исчезал.

— Где ты был?

Молчок. Мы догадывались, что он выполнял задание разведки. Товарищ он был очень хороший и был влюблен в Нюру, наборщицу нашей партизанской газеты.

Но это Шмидт. Человек с твёрдыми убеждениями. Но у нас было ещё два немца. Этих захватили в плен наши партизаны. Если мне память не изменяет, их оставили в бригаде по просьбе Шмидта. Они участвовали в боях с немцами вместе с нами, один из них был ранен. Партизанский врач Гилев говорил мне, что этот немец ухаживал за нашими тяжелоранеными так, как ни одна сестра не будет ухаживать. Кстати, все три немца пришли в Ленинград в колонне нашей бригады. Потом они были помещены в специальный лагерь пленных антифашистов.

Попутно хочется рассказать и о таком эпизоде. Как-то начальник особого отдела бригады позвал меня к себе в избу.

— Хочешь, я тебя познакомлю с «красавцами», которых захватили на рассвете?

— Давай, показывай!

Оказывается, наша засада рано утром обстреляла и захватила в плен группу кавказцев. Немцы формировали из пленных кавказцев воинские подразделения, подобно власовским.

Из подпола был извлечён кавказец в немецкой форме. Едва услышав его первые слова, что он был директором МТС, значит членом партии, мною завладел неукротимый слепой гнев. Я совладать с собой не сумел. Сжатый кулак со всей доступной мне силой врезался в его ненавистную мне морду.

Кавказец плакал. Конечно, не от боли. Он, всхлипывая, гортанно кричал:

— Убей меня, товарищ!

Отпустили кавказцев. Дали слово, что весь отряд к партизанам приведут. Рассказывали, что по возвращении в свою часть они повели работу по переходу к нашим, но немцы унюхали об этом и расстреляли их.

В бригаде я сблизился с начальником политотдела Вознесенским. Это был мягкий, добродушный человек. С ним рядом было всегда как-то очень спокойно, тепло. Хотя в бригаде, как представитель газеты штаба партизанского движения, я пользовался полной автономией и был независим, Вознесенский сразу включил меня в свою орбиту.

В моей обязанности было проведение бесед с местным населением. Бывало, как появимся в каком-нибудь населённом пункте, сразу собираю жителей. Более внимательных, более заинтересованных слушателей у меня никогда не было. Они не слушали, а буквально поглощали каждое слово. Конечно, тема бесед была одна — война. Я сообщал им о положении дел на фронте, о блокаде Ленинграда, о трудовых подвигах советских людей. Особенно интересовала их судьба Ленинграда.

Бывало, меня снаряжали в соседние деревни. В этом случае мы отправлялись группой. Постоянным моим сопровождающим был порученец Венька, весёлый, остроумный парнишка, влюблённый в ту же Нюру, что и немец Шмидт, о котором я писал выше. Не всегда такие экспедиции кончались благополучно. Были случаи, когда приходилось спешно ретироваться, так как в деревне появлялись немцы. Неоднократно нам приходилось отстреливаться. Однажды спасли нас густые, высокие поросли камыша у реки, через которую нам удалось перебраться.

Второй моей обязанностью было помогать в выпуске бригадной газеты. Это был печатный орган, имевший постоянного редактора и свою типографию. Газета была размером тетрадной странички. Нюра набирала текст с рукописи и верстала полосы. Затем их тискали на крошечном тискальном станочке. Каждый экземпляр нужно было два раза пропустить через станок — с одной стороны и другой. Выпустить такой номер не представляло большого труда, но таскать в бесконечных походах ящик со шрифтом, тискальный станок, запас бумаги, краску было нелегко.

Наша бригада для немцев была, как бельмо на глазу. Они постоянно преследовали нас. Небольшие бои с тем или иным полком бригады завязывались почти ежедневно. Немцы действовали, как правило, по одному и тому же шаблону. Ранним утром над расположением бригады появлялся в небе немецкий разведчик, так называемая «рама». Это был

удивительный самолёт. Он шёл так медленно, что казалось, будто он висит неподвижно над головой. Повисит над одной деревней, где расположились наши партизаны, потом этот воздушный соглядатай двинется к другой деревне и там повисит, потом к третьей.

Через несколько часов уже можно наверняка ждать артобстрела. Конечно, партизаны молчат, у нас нечем ответить. Тяжёлого оружия у нас нет. Другое дело, когда завяжется ближний бой, вот тогда наши «скобцане» покажут себя. Смелый, боевой народ. Потерь в таких боях у нас было не так много.

Тяжело мне было видеть наших раненых. Врачебная помощь у нас была слабая. Один хирург. Отличный хирург, но один. Госпиталя не было. Да какой мог быть госпиталь, когда мы всё время в походе. Были случаи, когда мы вынуждены были уходить в поход с ранеными сразу после перенесённой тяжёлой операции, когда для них так важен был покой. Мне пришлось видеть, как хирург оперировал партизана в тяжелейшем состоянии, ему пришлось произвести резекцию ребер, чтобы удалить осколок из лёгкого. Операцию проводили на дворе, под открытым небом. В тот же день, вернее ночью, мы двинулись в дальний поход. Всю дорогу раненого несли на носилках.

Но какой огромный запас сил у человека! Через несколько дней раненого удалось эвакуировать самолётом в Хвойную, где я его через несколько месяцев встретил выздоровевшим.

Воинский труд партизан требовал не только огромной затраты физических сил, но и нервных. В регулярных частях после тяжких боёв, после огромных потерь всё же бывали передышки. Часть отводили на переформирование, на пополнение. У партизан не было второй линии, они всегда были во вражеском окружении, у них не было тыла, фронт всюду. Это вызывало постоянное нервное напряжение.

Для меня, как журналиста, были особенно интересны люди. В регулярных частях, как мне тогда казалось, не было такого разнообразия в типаже. Шинель и устав как бы нивелировали людей. Другое дело партизаны. Это был народ во всём своём многообразии, взявший оружие в руки. Я уже писал, что в бригаде были и старики, и юноши —почти дети, женщины. Близость партизан или, вернее, кровная связь с народом у нас была особенно заметна, потому что это были местные люди. Партизаны часто посещали свои дома, свои семьи, а члены семей были нередкими гостями у своих отцов, братьев, сынов в отрядах.

Когда мы приходили в деревню, староста тут же указывал, кто должен зарезать овцу, свинью, а то и корову, чтобы накормить партизан. Всё, что было взято у колхозников, оформлялось расписками.

Несколько слов о старостах. Немцы неизменно требовали, чтобы в каждой деревне был староста. Старосту немцы наделяли некой административной властью. Но быть представителем немецкой власти было

позором. Никто не хотел быть старостой. Но немцы требовали. Образовался некий институт временных старост, устанавливали очередность — одну неделю старостой считался один, а вторую — другой. Такие старосты служили нам, партизанам, а не немцам. Правда, это имело место не в самом начале оккупации, когда немцы ещё могли найти какое-то число настоящих предателей, служивших им верой и правдой.

Последний год войны, когда судьба фашистских захватчиков была предрешена, стала разваливаться так называемая власовская армия. Все, кто попал в эту армию (а это главным образом военнопленные) под влиянием страха, пыток, голода, стали отпадать. Эти люди понимали, что им придётся держать ответ перед Родиной, они поняли, что обязаны искупить свою вину перед ней. В нашу бригаду власовцы начали приходить целыми группами, из них формировали новые отряды, которые, не щадя жизни, дрались с фашистскими захватчиками.

Партизанский комбриг Александр Герман

Мои воспоминания о партизанском отрезке моей жизни подходят к концу, а я ещё не рассказал о человеке, который меня восхищал и оставил глубокий след в моей душе, о командире бригады Александре Викторовиче Германе. Этого человека я по-настоящему полюбил. С первых же дней моего пребывания в бригаде мы близко сошлись. Я уже не помню, как произошла наша первая встреча, но помню очень хорошо, что не было почти ни одного дня, чтобы мы не встретились. В дни же затишья мы вели длительные беседы. Это были беседы на различные темы. Здесь разговоры о войне, о литературе, о будущей судьбе страны и народов мира.

Запомнился один разговор. Помню, что я очень горячился, волновался, а Герман сохранял полное спокойствие, говорил он, как всегда, тихим ровным голосом.

А речь шла о немцах. Признаться, для меня немец был равен фашисту, а фашист немцу. Раны, нанесённые немецкими фашистами нашему народу, нашей Родине, ещё зияли, боль была непереносимая. Зверства немцев были для меня не отвлеченным понятием. Я их видел. Отсюда моя горячая ненависть к немцам. Я утверждал, что после войны, после нашей победы всю неметчину надо поднять на воздух, в порошок стереть.

Герман, слегка улыбаясь:

— Ну, зачем же так жестоко? И Шмидта вы тоже хотите в порошок стереть?

— Но шмидты — одиночки, а немцы, породившие Гитлера, фашизм, должны исчезнуть с лица земли, — горячусь я.

— Но, Леонид Григорьевич, вспомните Карла Маркса, Энгельса, наконец, Гёте, Гейне, а вы мне сами говорили, что Гейне ваш любимый писатель. Их тоже дал немецкий народ.

Я продолжаю горячиться:

— Знаете, Гитлера и фашизм всё равно им простить нельзя!

— Помяните мое слово, — тем же спокойным голосом продолжает Герман, — кончится война, фашизм будет уничтожен, а Германия, её народ останется. Немецкую культуру уничтожить нельзя, и это было бы преступно.

Я и тогда хорошо понимал, что Герман прав. Но во мне ещё бушевала ненависть к фашистам, ещё звучали в ушах показания немецких пленных, наглая самоуверенность и презрительное отношение к нашему народу. Это у пленных! Я видел отобранные у них фотографии, где они снимались рядом с растерзанными ими нашими людьми. Ведь эти фотографии они посылали своим семьям, а там гордились своими сыновьями, мужьями-палачами.

Но Герман, этот славный воин, мог стать выше этих преходящих эмоций. Так же, как он мог переступить через свои симпатии к немцам, к немецкой культуре (ведь в его жилах текла немецкая кровь) и вести беспощадную войну с немецкими фашистами.

Александр Викторович был общим любимцем и партизан, и населения Псковщины. Трудно мне сказать, чем он завоевал эту любовь. Он был обаятелен. Улыбка была покоряющей. Герман не был ни многословным, тем более — ни велеречивым. Я не помню случая, чтобы он на кого-нибудь кричал. Приказания он отдавал спокойно, лаконично.

Мне пришлось видеть его на штабном совещании за несколько часов до его гибели. Это было в самые тяжёлые для бригады дни. Немцы решили ликвидировать партизанскую бригаду. Для этого они собрали мощный кулак из двух полков СС и местных гарнизонов.

Всего в карательной экспедиции, предпринятой немцами, участвовало около 10000 человек. Около недели экспедиция преследовала бригаду. И всю неделю, проделывая многокилометровые переходы, нам удавалось ускользать от преследователей. Немцам всё же удалось окружить бригаду плотным кольцом. Бой был неизбежен. Надо было прорывать кольцо. Вечером и состоялось совещание штаба, решавшее вопрос, в каком направлении пробиваться бригаде. Герман был болен, чувствовал он себя плохо, он полулежал. Самым дотошным образом он допрашивал начальника разведки Панчесного, где сосредоточены главные силы карателей, где, по мнению начальника разведки, будет легче пробиться.

Герман слушал и Панчесного, и начальника штаба Крылова и, наконец, обычным спокойным тоном, указав место на карте, произнес:

— Будем прорываться здесь.

Это «здесь» было у деревни Житницы. Место это избрано потому, что по данным разведки, здесь были у противника небольшие силы. С наступлением темноты наша партизанская колонна потянулась в сторону Житниц. Подход к деревне оказался крайне невыгодным для нас. Мы оказались втянутыми на узкую дорогу, пролегающую между двумя

возвышенностями. Фашисты повели шквальный огонь. Партизаны залегли. Штурмовой отряд не мог пробиться. Тем временем немцы усилили обстрел бригады.

Я лежал на земле, и мне казалось, что никакая сила меня не заставит подняться. Но это первые минуты страха, когда инстинкт самосохранения берёт верх над сознанием, над чувством долга. И вот я уже поднимаю голову. Светло, как днём, немцы навесили десятки осветительных ракет, трассирующие пули летят, как пчёлки, и кажется, что каждая летит к тебе, в тебя. На фоне освещённого неба возвышается фигура Германа. Он стоит бесстрашный. Мне он показался вдвое выросшим. Мне стало стыдно своего страха. Я поднялся с земли.

Судьбу бригады решали минуты. Прижатых к земле людей было бы просто уничтожить. Герман принимает решение возглавить штабной отряд, повести его на прорыв. Я был со штабным отрядом. Мы ворвались в горящую деревню. Вслед за отрядом прорвалась вся бригада.

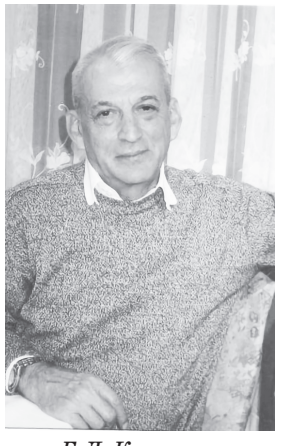
Бригада была спасена, но дорого за это заплатила. Мы потеряли около двухсот человек и своего командира Александра Викторовича Германа.

Вскоре после этого боя мне пришлось лететь в наш советский тыл. Мне поручили доставить в штаб партизанского движения фуражку Германа, пробитую пулей. Я потом видел эту дорогую для каждого партизана, для каждого, знающего Германа, реликвию в партизанском отделе Музея защиты Ленинграда. Был такой музей, к сожалению, его ликвидировали. Где эта фуражка сейчас? Не знаю.

О последних днях жизни Германа, о бое, в котором он погиб, я подробно писал в газете «Ленинградский партизан». Материал занимал 5–6 газетных страниц и печатался в нескольких номерах...

Л.Г. Кокотов в молодости

Л.Г. Кокотов в зрелые годы



Б.Л. Кокотов, сын Липмана Гиршевича. Берлин

ОНИ ВЗРОСЛЕЛИ НЕ ПО ДНЯМ, А ПО ЧАСАМ

Калистратова Инесса Вячеславовна, 59 лет,
учитель начальных классов МБОУ СШ № 11,
Тульская область, г. Щекино

Они взрослели не по дням, а по часам. / За ними смерть шагала по пятам, / Морила голодом, пугала громом пушек. / Им было не до сказок и игрушек. / Но не озлобились они и не сломались, / Лишь навсегда «детьми войны» остались.

Эти строки мне навеяли воспоминания моей мамы Веры Михайловны Горбуновой, в девичестве Ефимовой (19.08.1938–07.12.2018). Привожу их почти дословно, за небольшими сокращениями.

«В 1941 году немцы захватили Орёл. Они вошли в город без всяких боёв. Наши войска отступали быстро. Улица Половца широкая и мне запомнилось море солдат. Шли, шли, шли…

Нам пришлось жить «под немцем» два года. Тогда мы (бабушка, мама, я, моя крёстная Шура и её дочь Таисия) жили на улице Прядильной в доме 4а. Всё это время двери в дома не закрывались. Воровство исключалось.

Помню, как фашисты свободно входили в дом по ночам и заставляли мыть им голову. Мама с крёстной ставили на табурет тазик, лили немцам воду на голову. Нас с Таей сразу будили, мы начинали плакать, и немцы быстро убирались. Я потом поняла эту «тактику».

Иногда немцы показывали нам с Таей фокусы. Таю любили, давали ей конфетки, а меня — нет: я смотрела на них строго. А было-то нам четыре и три года соответственно.

Мама и крёстная работали на аэродроме. Немцы, охранявшие аэродром, сначала по-русски не понимали. Женщины их ругали, употребляя даже нецензурные выражения. Но потом стали разбираться в русской речи и грозили убить: «Пук-пук!» Немцы не стеснялись при женщинах справлять нужду, вели себя развязно и нагло. Каждый день мама и крёстная уходили на аэродром, меня оставляли у тёти Тоси в деревне Лужки, а бабушка с Таей уходили в деревню Половец, где жила тётя Дина. Так продолжалось два года.

Однажды после ночной бомбёжки мы обнаружили новые воронки от бомб около дома. У соседей через дом бомба упала рядом с землянкой, в которой они прятались, и все, кто там был, человек десять, погибли. Это были наши дорогие соседи, и для меня это стало большим потрясением. И сейчас вижу разбитую дверь в землянку и трупы. С тех пор я очень боялась мёртвых и долгое время спала только со светом.

Ещё одно страшное воспоминание. Мы с мамой пошли в центр города. Проходя мимо сквера (сейчас Сквер танкистов), увидели на двух рядом стоящих деревьях повешенных мужчину и парня. Мама сказала, что на табличках, висевших у них на груди, написано «партизан» и что так будет со всеми партизанами. Страшно было видеть вывалившиеся языки у погибших. Это и взрослый не каждый выдержит, а что говорить о ребёнке!

Бомбёжки усиливались, и однажды возле дома упало пять бомб, снесло крышу, а бабушку ранило в руку. Поэтому мы всей семьёй перебрались в деревню Лужки, что в пяти километрах от нашего дома.

На окраине города было потише, бомбили, в основном, по ночам. В Лужках, по берегам Оки, были огромные каменоломни, в которых добывали известняк. Почти весь город прятался там во время бомбёжек. И немцы прятались в каменоломнях.

И вот немцы почувствовали, что скоро их выбьют из Орла. Они объявили, что в Лужках партизаны (может, они и были, не знаю), деревню решили сжечь, а жителей отправить в Германию. Рано утром (мама ещё не ушла на работу) поставили часовых, чтобы никто не вышел. Мама схватила меня и пыталась уговорить охранника, чтобы нас пропустили на Половец. Тот пригрозил прикладом и не пустил. Пришлось вернуться к тёте Тосе, которая жила со свекровью и пятью детьми.

Немцы стали ходить по домам, подгонять со сборами. Мама и тётя запрягли корову в телегу, положили хлеб, только что из печи, такой красивый, кое-что из одежды. Взяли в плетушке любимую рябенькую курочку. Всех жителей Лужков собрали за деревней и погнали в плен. Мне было 5 лет, а всё происшедшее ярко сохранилось в памяти. Мама опасалась, что я не смогу самостоятельно идти, но я её тянула за руку, боялась, что немцы будут нас бить, как подгоняли и били женщину с двумя детьми. Дети были у неё на руках, такие маленькие, их крики и сейчас я слышу.

Колонну сопровождали немцы верхом на лошадях и с собаками. Корова недолго тащила наш воз, её вскоре отобрали. Откуда-то взялась тележка на двух колёсиках, на неё сложили то, что вошло. Но и тележка сломалась. Мама взяла подушку и меня, с этим и остались.

Так шли, не останавливаясь, целый день. Спешили немцы. Гнали нас вдоль Оки. К вечеру в толпе появились молодые парни (потом люди говорили, что это были комсомольцы, партизаны). Они посоветовали маме и тёте Тосе, как станет темнеть, прижиматься к кустам, а потом и уходить в заросли, так как немцы боялись отходить от дороги. Нам, детям, сказали об этом и все поняли с полуслова, что надо делать…

Утром увидели, что рядом много спасшихся людей.

Жалко было курицу, но пришлось её зарезать. Сварили бульон. День просидели. А как стемнело, начали наши войска с другого берега палить. Так под перекрёстным огнём (немцы тоже стреляли) провели бессонную ночь. Рассвело. Оказалось, на виске у мамы ожог и кровь на волосах, она чудом осталась жива. Рядом были убитые, раненые.

Немцев оттеснили, опять появились молодые люди и сказали, чтобы мы из кустов пробирались параллельно берегу на поле. Там были противотанковые рвы, землянки. Мы оказались в глубокой-глубокой яме. Наступила ещё ночь. Страшная. Гудели самолёты, били орудия. Наши выбивали немцев из Орла, а мы оказались на передовой. Всю ночь молились Богу и малые, и старые. К утру стало тихо, послышалась русская речь. Старший сын тёти Тоси Петя выглянул из ямы и сказал, что наши пришли. Тогда мама и тётя вылезли из укрытия и встретили солдат, которые сказали им перебраться в землянку, где было теплее. А мы холода и не чувствовали! Перебрались в землянку, солдаты дали нам сухарей. Пробыли до утра, когда офицеры посоветовали продвигаться в сторону Орла, так как следующая ночь может стать ещё опаснее. Рядом была деревня. Там из убитого жеребёнка сварили суп, обещали всех накормить, но мы отказались и решили уходить. Военный дал совет идти по дороге навстречу войскам, отклоняться нельзя — заминировано. Мы начали двигаться. До сих пор вижу: мы идём, а по обе стороны убитые лошади, люди. Особенно ярко помню: мёртвая девушка в белом и над ней плачет женщина, наверное, мать.

Передвигались медленно. По пути встретили полевую кухню, нас накормили кашей, потом ещё одну, опять покормили. Идём-идём дальше, а полевой кухни нет, есть хочется, ничего нет. Мама с тётей пошли побираться по деревне. Подали. Сил прибавилось, да и дом уже ближе. Потом ещё шли-шли…

Нас встретили жители соседней деревни Половец, с ними были бабушка, тётя Дина, крестная Шура, Тая. А деревню Лужки не сожгли. Немцы так спешили, что, к счастью, не успели чиркнуть спичкой. Всё было облито керосином и разложена солома. В доме тёти Тоси дверь, окна открыты, внутри нет ничего, только ветер гуляет. Лишь на стенах иконы (свекровь тети верующая была) и, что удивительно, на полу маленький мяч и моё свидетельство о рождении. Остальные документы немцы забрали.

Война очень сблизила всех родных и знакомых, все поддерживали друг друга, чем могли».

После войны Вера Михайловна жила в посёлке Суземка Брянской области, где закончила среднюю школу. Потом поступила в Орловский железнодорожный техникум. В 1958–59-х годах участвовала в освоении целины. С 1959 по 1969 гг. работала на станции Щёкино Тульского отделения Московской железной дороги дежурным по станции, а с 1969 по 1996 гг. — заместителем начальника этой же станции. Закончила Всесоюзный заочный институт инженеров транспорта в Москве. Но военные годы не прошли бесследно. Отразились они на здоровье: мама жила с постоянными болями в сердце, но никогда не жаловалась на судьбу и редко ходила к врачам. Воспоминания о голодном детстве выработали привычку повкуснее накормить гостей и знакомых. Мама до последних дней жизни готовила пироги и булочки, которыми угощала соседей и друзей.

ВОЙНА ГЛАЗАМИ РЕБЕНКА. ПО МАТЕРИАЛАМ ВОСПОМИНАНИЙ ЗИНАИДЫ СЕРГЕЕВНЫ КОРЕНЕВОЙ (1933–2017)

Калиничев Руслан Александрович, 41 год,
преподаватель высшей квалификационной категории
Брянского филиала РЭУ им. Г.В. Плеханова,
г. Брянск

От войны больше всего страдают дети. Зинаида (в жизни её звали Зоя) Сергеевна Коренева родилась в 1933 г., по словам взрослых, в год голода и разрухи [1, л. 7]. Проживала она вместе с мамой Евдокией Егоровной Кузовковой в г. Бежица. В 1936 г. город Бежицу переименовали в город Орджоникидзеград, но в народе город называли по-прежнему, в 1943 г. было возвращено старое наименование [2, с. 126]. В 1956 г. город Бежица был присоединён к городу Брянску, превратившись в его Бежицкий район [2, с. 323].

В 1941 г. Зое надо было идти в школу, но началась война. Это было страшное время — немцы, бомбы, голод. Рядом бродила смерть — люди гибли от бомбёжек, от голода [1, л. 4 об.]. 26 июня немецкие самолеты совершили первый налет на Брянск, затем многократно бомбили город, в первую очередь — станцию Брянск-1, через которую проходил основной поток и боевых перевозок для фронта, и эвакуируемых на восток предприятий [2, с. 246].

Зоя вместе с мамой жила в комнате, находившейся в коммунальном доме на ул. Брянской (ныне — ул. Медведева). В соседней комнате проживала семья из трёх человек — тётя Моря и её девочки. Тётя Моря работала поваром в детском саду, который посещала Зоя. Когда немцы подходили к Брянску и Бежице, детский сад было решено эвакуировать в тыл. Тётя Моря предупредила об этом маму Зои, Евдокию, и та в день эвакуации не повела дочку в сад, что, по всей вероятности, спасло дочери жизнь. Эшелон с детьми был разбомблен под Сельцо, многие дети погибли либо пропали без вести, погибла и подружка Зои из детского сада Нина Новикова [1, л. 9, 9 об.].

Евдокию, как оставшуюся одну (думали, что Зоя погибла), отправили под Бежицу рыть окопы. Она взяла дочку с собой, и там их впервые обстрелял немецкий самолёт. Это было только начало страшных дней. 6 октября 1941 г. Брянск, а 8 октября 1941 г. — Орджоникидзеград (Бежица) были оккупированы [2, с. 255].

Однажды Евдокия и Зоя шли из Бежицы в Брянск, и возле столовой аэродрома днём началась сильная бомбёжка. 40 самолётов спикировали

Зинаида Сергеевна Коренева, 1954 г.

над аэродромом и принялись наносить удар за ударом. Евдокия, Зоя и ещё одна женщина легли в кювет. По окончании бомбёжки не осталось ничего и почти никого. Постепенно люди стали привыкать к налётам. Когда темнело, Зоя от страха начинала сильно кричать, пока она и мама не прятались в бомбоубежище. Каждый раз после налётов погибал кто-то из соседей, друзей или знакомых. Евдокия и Зоя жили возле военного городка, и бомбы сыпались на них, точно горох. Зоя научилась различать по звуку двигателя, нагружен бомбардировщик бомбами или уже летит пустой, могла определить, куда летит бомба. Девочка долго боялась этих звуков. Она одинаково ненавидела как немецкие, так и советские бомбёжки, так как гибель мирного населения при авиаударах никого не волновала [1, л. 19 об.].

Как-то вечером к Евдокии и Зое пришёл молодой мужчина в лаптях, с большой бородой и попросился переночевать. Евдокия очень испугалась, но разрешила. У него были ранены ноги, и дядя Ваня (так он представился) остался на неделю, чтобы затянулись раны на ногах. Днём он сидел в погребе, а ночью колол дрова. Остался последний день, ночью мужчина собирался уходить. Но этот день оказался роковым. Вечером немцы устроили облаву и пришли с проверкой, в том числе к Евдокии. Дядя Ваня спрятался в погреб. Зоя понимала, что их ждёт, если его найдут, и от страха начала кричать. Немцы очень удивились и поинтересовались у Евдокии: «Матка, отчего она так кричит?» Евдокия ответила, что дочь больна, бомбёжки сделали её такой. Немцы удовлетворились ответом и ушли. Дядя Ваня поблагодарил Зою и сказал, что даже он не мог без слёз слушать её крик. Мужчина задержался ещё на один день, чтобы всё успокоилось, а затем ушёл [1, л. 18, 18 об.].

Шло лето 1943 года. Однажды вечером Евдокия где-то задержалась, а Зоя увидела, как кто-то с земли ракетницей подавал сигналы, где надо бомбить. Её охватил страх, и она с диким криком побежала по улице. Улица была пуста, так как все уже попрятались в ожидании бомбёжки, и Зоя в отчаянии забежала в большое немецкое бетонное бомбоубежище, немцы построили его посреди улицы. Немцы, хоть и не грубо, но выгнали Зою — «Kind, нельзя, weg, weg!» Зоя увидела на улице соседку, и та помогла ей спрятаться. Вообще, самые страшные бомбёжки осуществлялись, когда шло немецкое наступление в 1941 г., а затем — когда шло советское в 1943 г. [1, л. 19].

Помимо бомбёжек война принесла и иные тяготы. Так, постоянно хотелось есть, не было нормальной одежды. Детям приходилось питаться травой, ели всё подряд. Вскоре после оккупации немцы открыли

в Бежице школу, одну на весь город. Она находилась в районе современного Бежицкого рынка. Со своей улицы Зоя ходила в школу одна, но в целом класс набирался полный. Утром детям давали стакан молока и кусочек настоящего хлеба (примерно 50 г). Это был очень лакомый завтрак для голодных детей, но вскоре всё кончилось — школу закрыли, а в её здании был размещён немецкий военный госпиталь [1, л. 19 об., 20].

«Голод!» — такое восклицание проходит красной чертой по дневнику Зои в части, посвящённой военному времени. Дети ели грибы, траву, особым лакомством был липовый лист после дождя. Рядом с домом Зои разместилась немецкая походная кухня, и немцы разрешили мальчикам подносить воду и картошку, а девочкам — чистить её. За это они давали детям по котелку супа. Дети его тут же съедали. Однако длилось это недолго. Через месяц кухня уехала, и опять вернулось голодное существование [1, л. 20].

Однажды к Евдокии и Зое пришла жить женщина, тётя Оля. Девочка ей очень понравилась. Тётя Оля работала санитаркой в немецком военном госпитале. Она иногда позволяла себе украсть у немцев кусочек белого хлеба, да не пустого, а с добавкой (получался своеобразный бутерброд), и приносила его Зое. Такой поступок немцы карали смертью. Однажды тётя Оля не пришла, и больше о ней никто ничего не слышал [1, л. 20 об., 21].

Несмотря ни на что, люди стремились помогать друг другу. Так, Зоя дружила с девочками с соседней улицы. В той семье было 9 детей. Самой маленькой девочке было 6 месяцев. Однажды днём мама кормила свою дочку грудью, и тут начался налёт. Осколком бомбы мать была убита, а девочка уцелела. Дети из этой семьи иногда приходили к Евдокии за хлебом, если его можно так назвать, так как пекли этот «хлеб» из картофельных очистков, с добавлением клевера и лебеды (вообще лебеда была спасением от голодной смерти, хотя и вызывала сильную диарею). Этот чёрный кусочек являлся лакомством для голодных детей, в том числе и по той причине, что был солёный. Соль стоила очень дорого. У Зои была меховая шубка, и Евдокия отдала её за стакан соли [1, л. 21 об., 22].

Шёл 1942 год. После 20.00 наступал комендантский час. Однажды Зоя пошла к подружке и заигралась, домой ей пришлось возвращаться ползком. Были и более страшные события. Так как еды не хватало, Евдокия вместе с соседями отправилась за хлебом в г. Карачев, расположенный в 58 км от Бежицы. Зоя находилась дома, из еды мама оставила ей муку из картофельных очистков. Евдокия предполагала, что вернётся быстро. Однако в лесу они наткнулись на немецкий карательный отряд. Обычно в таких случаях немцы сразу расстреливали пойманных. В этот раз, на счастье Евдокии, всё сложилось иначе. Командир отряда не был лишён человечности и решил разобраться. Евдокию и её соседей продержали 5–6 месяцев в Брянской тюрьме, а затем отпустили [1, л. 10 об.].

Зоя поняла, что такое сиротство. Она пекла себе чёрные лепёшки из картофельной муки на сковороде, смазанной лампадным маслом, которое ей

дала её бабушка Анна (мать отца, отец Сергей ещё до войны был призван в армию в г. Дзержинск Минской области и бросил свою семью). Со временем мука закончилась, шла зима, есть было нечего, и Зое угрожала голодная смерть. Но девочке повезло, её взяла к себе их соседка тётя Тася, муж которой был полицаем. Соседка думала, что Евдокия скоро вернётся, однако шло время, а её всё не было, и тогда решили, что она погибла. Бабушка от Зои отказалась, и тётя Тася решила сдать девочку в немецкий детский дом. Зоя сильно плакала, так как не хотела туда, но все документы уже были оформлены, и тут Евдокия вернулась домой и забрала дочку [1, л. 11].

После случая с тюрьмой Евдокия больше никогда не оставляла дочку одну и ездила за хлебом вместе с ней. Они ходили от деревни к деревне, проходя по 40 км за день. Однажды Евдокия, её знакомая и Зоя в очередной раз шли за хлебом. И вдруг раздался выстрел. Путники оглянулись и увидели, что на них несётся бричка, запряжённая двумя лошадьми, а в ней немецкий офицер с девицей, который в них стреляет. Женщины и ребёнок скорее легли на землю, а офицер с хохотом пронёсся мимо. Когда они добрались до деревни, то им рассказали, что этот офицер в пьяном угаре застрелил уже не одного человека. Утром Зоя постучалась в один из домов, чтобы попросить хлебушка на дорогу, и сама открыла дверь. В доме в обнимку с девицей стоял тот самый офицер. Он рявкнул, и Зою как ветром сдуло. Она догнала маму и знакомую, которые уже были за околицей деревни, и сильно их напугала. По словам Евдокии, у Зои в тот момент было бледное перекошенное лицо, девочка от испуга не могла вымолвить ни слова [1, л. 26, 26 об., 27].

И вот пришло долгожданное освобождение. В упорном ночном бою с вечера 16 до утра 17 сентября 1943 г. воины 273-й стрелковой дивизии полковника А. И. Валюгина и других соединений 25-го стрелкового корпуса генерал-майора П. В. Перервы освободили г. Бежицу, а через 2–3 часа 323-я и 197-я стрелковые дивизии полковника С. Ф. Украинца и подполковника Ф. Ф. Абашева при содействии переправившихся через реку Десну около Свенского монастыря частей 217-й стрелковой дивизии 11-й гвардейской армии под командованием полковника Н. П. Массонова овладели городом Брянском [2, с. 294]. В эту ночь Евдокия и Зоя сидели в убежище, ведь шёл сильный бой. Рано утром радио заговорило на русском языке. День выдался очень солнечный и тёплый. На улицы вышли люди, они смеялись, плакали, обнимали друг друга. Один из солдат сказал Евдокии, что у реки Десны много раненых, им надо помочь. Евдокия и Зоя схватили тележку, положили туда тряпки и помчались помогать раненым [1, л. 21, 21 об.].

Литература и источники

1. Коренева З. С. Жизнь. Воспоминания // Из личного архива.
2. История Брянского края. XX век. / Горбачев О. В., Колосов Ю. Б., Крашенинников В. В. и др. Клинцы, 2003. 450 с.

«СУДИТЕ САМИ…»[1]

Михайлов Александр Владимирович, 69 лет,
доцент ФГБОУ ВПО «Тульский государственный университет»,
кандидат технических наук,
г. Тула

Мой отец, Владимир Евгеньевич Михайлов, в 1941 г. после школы был направлен в числе 64-х туляков в Челябинскую военную авиационную школу. Но после окончания авиационной школы воевать им пришлось не в авиации, а в пехоте.

После войны остались в живых и вернулись в Тулу далеко не все.

По жизни они шли разными, но нелегкими путями. Однако друг друга не забывали до самой смерти.

Из воспоминаний В. А. Пузырева — однополчанина В. Е. Михайлова

«Нас (вернувшихся) было семеро: Добросердов Валера, Замудряков Леша, Истратов Коля, Михайлов Володя, Цепляев Володя, Щеглов Вася и я. Все вместе мы собирались один раз в год, накануне дня Победы. Организатором обычно был Володя Михайлов. Мы вспоминали преподавателей авиашколы, наиболее яркие эпизоды, происходившие с нами в период учебы, наше отступление из укрепрайона, и сожалели, что не стали летчиками. А наговорившись, друзья предлагали мне запеть, как было когда-то, строевую (В. Пузырев был запевалой в курсантской эскадрилье). Потом пел Володя Цепляев неаполитанские песни на итальянском языке, которому научился, будучи в Сопротивлении (В. Цепляев у нас «отсидел» несколько лет, несмотря на то, что воевал в итальянском партизанском отряде имени Гарибальди)».

Со временем их становилось все меньше. Первым в 1983 г. умер В. Цепляев. Предпоследним умер в 2004 г. мой отец. Последним в 2019 г. В. Пузырев.

Мой отец В. Е. Михайлов в конце жизни издал сборник своих стихов под названием «Судите сами…» В нем есть и стихотворение, посвященное ушедшим однополчанам.

[1] Продолжение. См.: *Михайлов А.В.* «Плен испортил биографию»//Мы помним… Книга воспоминаний и размышлений поколений. Ч.2 / Под ред. Ю. М. Осипова, Л. И. Ростовцевой. Тула: Аквариус, 2015. С.122–131; *Михайлов А.В., Васильева И.А.* «Будет голова на плечах — буду учиться, работать…» // Мы помним… Книга воспоминаний и размышлений поколений. Сразу после войны /Под ред. Ю. М. Осипова, Л. И. Ростовцевой. Тула: Аквариус, 2017. С. 327–330.

Несостоявшимся стрелкам-бомбардирам

Посвящается третьей эскадрилье,
штурманы которой были отправлены
под Харьков, где немцы прорвали фронт.
Сержанты, но уже в пехоте 73 УР
погибли почти все...

«Пропеллер, громче песню пой...» —
Так пела третья эскадрилья.
Шла подготовка — в воздух, в бой,
Страна готовила нам крылья.
Но вал войны уже идет,
Сказали: «Хватит вам учиться.
Курсант с пехотой поползет,
Не полетит в стальной он птице».
Пехота — вот был наш удел,
Укрепрайон стал нашим домом —
Он после боя поредел...
Остались избранные Богом.
«Пропеллер, громче песню пой...» —
Поют остатки эскадрильи —
Мы помним тот наш первый бой
И как сломали наши крылья...

В. Е. Михайлов имел огромный производственный опыт. После окончания Тульского механического института он прошел все ступени организатора и руководителя производства. Начинал бригадиром в литейном цехе, был мастером и старшим мастером, технологом, главным технологом и главным инженером завода, главным технологом проектного института. На пенсию вышел с должности главного инженера производственного объединения, состоящего из трех машиностроительных заводов.

Поэтому он переживал за страну и прекрасно понимал, к чему ведут изменения, происходившие в 1980-х–1990-х годах. И относился к государственным деятелям, стоящим у власти в эти годы, весьма критически.

Это отношение отражено в его стихотворном сборнике в виде басен и эпиграмм.

С кем вы, сенаторы?
(на импичмент президента)

Проснулся Лев и всех спросил:
«Кому я все-таки не мил?»
Скоты все хвостики поджали,
Сей оборот как будто ждали.
И курский Соловей тогда пропел:
«Я вашу кашу, собственно, поел...»
Московский Ослик вслух сказал:
«Не раз свободу с вами воспевал
На сходках полевых и заседаньях
И супротив не говорил на тех собраньях!»
И красноярский Барс с лицом лисицы
Ни слова не сказал, что Вы тупицы,
Что Льва должны мы поменять,
Но где другого лучше взять?
И только наш Медведь-туляк
От львиного вопроса не размяк,
А по-звериному ответил на вопрос:
«Коль тухнет голова, при чем тут нос...»

(При поименном голосовании за отставку Президента проголосовал только тульский губернатор Стародубцев).

Эпиграмма на Черномырдина

Где, кто и что сказал,
Он это все прекрасно знал,
Но как все в дело превратить,
Чтоб людям было легче жить?
«Старался сделать лучше — да,
А получилось — как всегда...»

НАДЕЖДА УМИРАЕТ ПОСЛЕДНЕЙ

Иванова Дарья Евгеньевна, 27 лет,
старший преподаватель Южно-Российского института управления РАНХиГС при Президенте РФ, г. Ростов-на-Дону

Ищу могилу своего отца,
Читаю имена на обелисках
Подолгу, от начала до конца.
И не встречаю ни в одном из списков...

Л. Терехин

Пётр Егорович Иванов

Автор этих воспоминаний — мой дедушка Пётр Егорович Иванов (1937–2018). Отличник просвещения Казахской ССР, учитель истории, человек, награжденный медалями «За освоение целинных земель», «50 лет Целины», ветеран труда, труженик тыла, он немного не дожил до 75-летия Победы в Великой Отечественной войне. Но он готовился к этому Великому празднику и писал заметки, письма, искал своих близких. К сожалению, его нет больше с нами. Однако поиск могилы его отца и брата продолжаю я, его внучка.

«Приближается 75-я годовщина Победы советского народа в Великой Отечественной войне. За минувшие годы ушли из жизни маршалы, генералы, солдаты, на которых пришелся первый удар. Даже тем, кто завершал разгром агрессоров, уже за 90. О кровавой войне сняты фильмы, изданы книги воспоминаний, написаны песни. В канун 9 мая оставшихся в живых фронтовиков будут чествовать, награждать, оказывать всяческое внимание и благодарить за их ратный подвиг. И это абсолютно правильно, так и должно быть всегда.

Однако в своей заметке хотел бы коснуться темы, которая была и остается моей неизбывной болью и о которой известный поэт писал так: «Переправа, переправа — кому орден, кому слава, кому мутная вода...»

По мере приближения праздника Дня Победы эта боль вновь реанимируется и, думаю, не у меня одного, так как только из Щучинского района погибли, пропали без вести около четырех тысяч человек, одних Ивановых — 30 человек.

Так вот, одним из тех, кому выпала «мутная вода», оказался и мой отец Егор Григорьевич Иванов, 1902 года рождения. Был призван на фронт в декабре 1941 года и воевал в составе 375-й стрелковой дивизии 1241-го стрелкового полка, второго батальона, второй роты, предположительно на Калининском фронте. После второго ранения находился на излечении в г. Юрьев-Польский Ивановской области. По выздоровлении вновь был направлен на фронт. Последнее письмо от него было в сентябре 1942 года именно из этого госпиталя.

Согласно извещению Молотовского (ныне Сандыктавского) РВК Акмолинской области № 2125 от 25 октября 1947 года «рядовой Иванов Егор Григорьевич, находясь на фронте, пропал без вести в феврале 1943 года». То есть 5 лет потребовалось компетентным органам, чтобы выслать документ, дающий право хлопотать пенсию на малолетних детей. Возможно, не торопились, потому что тогда существовал закон, по которому семье погибшего на фронте выплачивали компенсацию и полагались льготы. Семья же пропавшего без вести лишалась не только льгот, но и пособия на детей. Как выжили дети пропавших без вести, как говорится, «будем знать только мы с тобой». На пропавших без вести родное государство (СССР) сэкономило более 20 млрд долларов. (В. Кириллов. Аргументы и факты. № 18. 2006 г. С. 15)

«Мутная вода» имеет продолжение и в послевоенное время. Если Молотовский РВК извещал, что «Иванов Е. Г. пропал вез вести в феврале 1943 г.», то согласно архивной справке из Подольского архива МО № 9-12703 от 3 февраля 2005 г. следует, что «рядовой Иванов Е. Г., 1902 года рождения, уроженец Акмолинской области Молотовского района с. Острогорка пропал без вести в августе 1944 г.». Почему такая неоднозначная информация, мы так и не поняли. Где уж тут найти могилу, и есть ли она вообще.

Николай Егорович и Егор Григорьевич Ивановы

В народе говорят, что беда одна не ходит. Аналогичная судьба постигла и моего старшего брата Николая Егоровича Иванова, 1923 года рождения, призванного тем же самым Молотовским РВК в сентябре 1941 года. Пытаясь хоть что-то узнать о судьбе брата в бывшем Молотовском РВК, в журнале нашел запись: «Сержант Иванов Николай Егорович, 1923 года рождения, погиб в мае 1943 г.» И все. В послевоенные годы и в настоящее время, когда были еще живы члены семьи, постоянно пи-

сали запросы с целью хотя бы узнать место гибели и захоронения. Все тщетно. Подольский архив МО отвечает: «Из частей сведений не поступало». Единственный документ, сохранившийся от брата, это его последнее письмо от 5 января 1943 года, отправленное со станции Гагры Грузинской ССР (в то время), где он с присущим ему оптимизмом сообщил, что «проехал много городов, многое увидел, жив буду, приеду, расскажу. Кругом зелень, тепло, жить хочется. Однако выдали теплое обмундирование, везут на фронт, через пару дней будем на месте».

Но не суждено ему было вернуться ни живым, ни мертвым. И только выбитые имена отца и сына на обелиске в с. Острогорка Сандыктавского района напомнят прохожему, что односельчане ушли навсегда.

Как известно, на алтарь Победы и освобождения мира от коричневой чумы мы положили 27 миллионов лучших сынов и дочерей. В 1945 году стране досталось более 19 миллионов детей с одним родителем, как правило, с матерью, либо вообще без родителей. Одним из таких был и автор этих строк. Умом понимаю, что в той страшной мясорубке, когда погибали целые армии, всё не так просто. И с подобной судьбой миллионы соотечественников. Но не утихает боль. «Пропал без вести» — за этими словами есть надежда и всегда в этих словах кроется непостижимая тайна. Тяжело терять близких людей на войне, но не легче переносить сообщение «пропал без вести». Всю жизнь не терял надежды, что отец или брат откликнется, что хоть один остался живой.

Теперь уже ясно, что этой призрачной надежде не суждено сбыться. В настоящее время, когда из нашей некогда большой семьи я остался один, я по-прежнему пытаюсь найти могилу своего отца и брата. Хотелось бы, как говорится, перед «последним парадом» поклониться их праху.

Теплится последняя надежда, что может хоть один человек остался в живых из 1241-го стрелкового полка 375-й стрелковой дивизии и откликнется, сообщит место, где погибли солдаты. И коль фортуна оказалась такой жестокой, пусть эта публикация будет моей данью и памятью моему отцу и брату, а также всем тем, кто не вернулся с этой кровавой войны».

А жизнь продолжается. И вновь приближается День Победы. Думаю, что как внучка и правнучка погибших фронтовиков имею право от имени таких же, как я, сердечно поздравить всех фронтовиков и тружеников тыла с этим всенародным праздником, хотя и со слезами на глазах. С Днем Победы!

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ЛЕЙТЕНАНТА САМОРУКОВА

Безгин Михаил Николаевич, 52 года,
учитель истории, руководитель школьного музея
МКОУ «Архангельская СОШ»,
Тульская область, Чернский район

2020 год будет годом Памяти и Славы в ознаменование 75-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Победа навечно останется символом мужества, самоотверженности и героизма нашего народа. Отношение к ветеранам войны, особенно фронтовикам, всегда было ясным и понятным: солдат-освободитель, защитник, спаситель. Правда, не все знают, что почти двадцать лет, с 1947 по 1965 год, 9 мая был рабочим днем. День праздничный, но рабочий. Ветераны не всегда могли должным образом его отпраздновать. Организовать встречу с однополчанами, съездить на места боевой славы. Это и понятно, страна должна была восстановить свою экономику, построить разрушенные заводы, фабрики, поднять сельское хозяйство. Но есть и другие точки зрения по этому поводу, не всегда поддающиеся логическому объяснению. С конца пятидесятых годов к руководству страны были неоднократные предложения сделать День Победы выходным, и только при Брежневе в 1965 году было принято это важное решение.

Конечно же, хочется рассказать о ветеранах-фронтовиках, об их послевоенной жизни. Но на чьей судьбе остановиться подробнее, про кого из прошедших всю войну героев, с кем удалось встретиться и пообщаться, рассказать?

Иван Антонович Леонов, бывший летчик-истребитель, Герой России и Советского Союза — человек из легенды. Это единственный летчик в мире, летавший на боевом самолете с одной рукой. Его подвиг занесен в книгу рекордов Гиннеса. Иван Антонович, человек с активной жизненной позицией, вел большую патриотическую работу с молодежью. Нам с ребятами посчастливилось с ним пообщаться на одной из таких встреч.

И.А. Леонов и Катя Гололобова

Бронислав Николаевич Зажицкий, капитан, командир разведки полка. С семнадцати лет рвался на фронт. И лишь после непосредственного обращения к наркому обороны СССР С.К. Тимошенко его призвали в войска.

Встреча учащихся Архангельской школы с Б.Н. Зажицким

Несмотря на многочисленные награды, в том числе орден Александра Невского, самой ценной своей наградой он считал медаль «За отвагу». Эту награду лейтенант Зажицкий получил за бои в Тульской области и за освобождение Черни в составе 350-й стрелковой дивизии в декабре 1941 года. Вел огромную работу с подрастающим поколением.

Петр Михайлович Калмыков, сержант-танкист, не один раз горел в танке. На подступах к Берлину его танк был подбит. Из экипажа он один остался в живых: весь обгорелый, израненный. Многие не верили, что ему удастся выжить. Уже в почтенном возрасте не мог сдержать слез, рассказывая про свой последний бой и показывая железные осколки, четко прощупывающиеся на руках.

Владимир Владимирович Саморуков, лейтенант 116-й отдельной морской стрелковой бригады, полковник милиции в отставке. Подробнее хочу остановиться на судьбе именно этого скромного, ответственного, добросовестного, дисциплинированного, тактичного человека.

Впервые я услышал о моряках с Тихого океана, воевавших у слияния Зуши и Оки, от моего отца Николая Ивановича Безгина. Позже встретилась статья Николая Старченко «Бескозырка на снегу». Вначале информации про бригаду было мало, пришлось обратиться к Интернету, и, к счастью, нашли сведения об одном из еще оставшихся в живых ветеранов 116 ОМСБ — Владимире Владимировиче Саморукове (24.04.1923 г.р., уроженце Тульской области, проживающем в г. Богородицке).

Встреча учащихся 7 класса с П.М. Калмыковым

За полтора года переписки мы получили шесть долгожданных писем от Владимира Владимировича, который

рассказал о своей жизни с самого начала войны. Самым объемным и интересным было первое. Мы его получили в июле 2006 года. Вот некоторые фрагменты этого письма.

«Я получил Ваше письмо и в меру своих возможностей рад оказать Вам помощь в Вашем благородном деле. Считаю это своим долгом, делом чести для меня. К сожалению, мое сравнительно короткое пребывание в 116-й ОМСБ на фронте и довольно скромное должностное положение командира взвода и роты противотанковых ружей (ПТР) существенным образом ограничивали эти возможности. Я был с матросами-солдатами круглые сутки и, естественно, не мог знать ничего, кроме выполнения приказа и кроме своей задачи. Тем не менее, я повторяю, что с радостью сообщу Вам определенные обстоятельства, имеющие самое непосредственное отношение к 116-й ОМСБ.

25 сентября 1942 года я окончил Второе Московское военно-пехотное училище, и мне было присвоено звание лейтенанта с направлением в действующую армию на должность командира взвода. Был направлен в г. Калугу в 116-ю ОМСБ, где получил назначение командира взвода ПТР в 3-й отдельный батальон бригады.

Молодые, физически сильные, смелые, достаточно подготовленные идеологически, большинство комсомольцы, моряки горели желанием быстрее встретиться с врагом и дать ему по-матросски.

Все люди были молодые, только полковник Судаков (командир бригады) был немного старше. Не знаю, насколько верно, но говорили, что он был участником еще Первой мировой войны и якобы был офицером.

Бригаду моряков с Тихого океана одели в обычную сухопутную форму, только на левом плече был пришит шеврон с якорем. Многие оставили у себя тельняшки, флотские ремни с якорем.

В декабре — январе 1942 года бригада была передвинута ближе к фронту, под Плавск. Размещались в лесу, шли туда своим ходом по ночам, так как днем легко могли быть обнаружены противником и подвергнуты бомбежке. Спали по-всякому. Обычно в брошенных избах в деревнях на полу. Хорошо, если была солома. Конечно, полностью одетые. Спали и на снегу, если можно у костра, если костер развести нельзя, то на ветках деревьев.

Затем нас направили на передовую, в район слияния реки Зуши и Оки. Впереди было село Городище и город Орел. Позиции немцев, противостоящих нам, были прекрасно оборудованы в военном отношении. Немцы там были около полутора лет. Подступы заминированы, проволочные заграждения, землянки, как дома, окопы полного профиля, ходы сообщения.

До нас взять село Городище пыталась 5-я стрелковая дивизия, в основном состоящая из жителей Средней Азии, но сделать этого не могли.

Хорошо помню свой первый бой. Сапёры разминировали перед атакой только узкие проходы в минных полях, стоит сделать шаг в сторо-

Лейтенант В. Саморуков, 1942 г.

ну — взрыв мины со всеми последствиями. Очень нас беспокоили немецкие снайперы.

Бой был ночью и очень жестокий. Мы пошли в лобовую атаку на передние позиции немцев, которые были буквально смяты огнем наступающих. ПТРовцы в основном били по огневым точкам врага. Фашисты отвечали всеми огневыми средствами, шквальный пулеметный и минометный огонь «косил» наших солдат. К немцам подоспело подкрепление, и наша атака «захлебнулась».

На моих глазах погиб мой замком взвода Рагулин, погиб боец Ромашкин, который ночью во время боя полз рядом со мной. Командир отделения — старшина 2-й статьи Тихонов был тяжело ранен...

Случилось так, что я и командир отделения моего взвода Игнатов со своим ПТР подошли довольно близко к оборонительной линии противника. Кончились патроны. Мы оказались только вдвоем у немецких позиций. Чтобы не быть убитыми, прыгнули в воронку от разорвавшегося артиллерийского снаряда. Вскоре наступил рассвет, выйти из воронки было равносильно смерти. Решили дождаться темноты. День тянулся невыносимо долго, но дождавшись сумерек, мы выползли из своего спасительного убежища и стали пробираться к своим. Наши товарищи были рады, что мы невредимые вернулись из боя. У меня во взводе выбыла из строя третья часть бойцов. Наутро нас сняли с позиций и отвели в соседнюю деревню на отдых.

Через четыре дня нас вновь направили на передовую, где мы делали то, что положено на войне. Немецкая авиация неоднократно бомбила наши позиции, мы отражали немецкие атаки одну за другой, в том числе и танковые.

Одна из последних фотографий В.В. Саморукова

Жаль, бесконечно жаль тех ребят, какие остались на поле боя навсегда, жаль их родственников. Я считаю, что такие соединения, как наша бригада, были лучшими в составе Красной Армии. Я, конечно, человек маленький, многого не знаю, но полагаю, что нашу бригаду можно было бы использовать более эффективно, с большей результативностью. Это всего лишь мое мнение. Прежде чем посылать людей в наступление, по правилам военной науки должна быть проделана определенная работа, которая облегчила бы выполнение боевой задачи — прежде всего артиллерийская подготовка. Во время наступления пехота должна поддерживаться танками. Всего этого было сделано очень

немного, что и повлекло такие большие потери. Бригады фактически не стало.

Я хорошо помню участие трех наших танков в наступлении на Городище. Мы им очень обрадовались и дружно пошли за ними, но их быстро подбили. Танки загорелись, и одному из экипажей мы помогали вылезти, тушили на них снегом горевшую одежду, пропитанную маслом и топливом.

В 20-х числах февраля 1943 года бои достигли высшего напряжения, а ваш покорный слуга был тяжело ранен осколком прилетевшей мины во время очередной перебежки во время наступления...»

Во всех подробностях тот день, 21 февраля, описан многими ветеранами. Ко всему можно только добавить, что часа в четыре дня их бомбили 26 «Хейнкелей-111», имевших на борту по шесть стокилограммовых бомб. Ну а результат бомбового удара легко себе представить. На плацдарм длиной в полтора километра и глубиной 250 метров только самолетами было сброшено более пятнадцати тонн взрывчатки. После всего увиденного и пережитого за несколько дней живые завидовали мертвым, становились злее и беспощаднее.

Во время боев за Городище, то есть с 14 по 26 февраля, 116-я ОМСБр потеряла более половины численного состава — 3183 человека. После таких кровопролитных боев бригада была вынуждена оставить свои позиции, передав их 12-й гв. стрелковой дивизии.

Более суток лейтенант Саморуков лежал на снегу, истекая кровью, уже не надеясь на спасение. Совершенно случайно на умирающего лейтенанта наткнулся боец из взвода пулеметчиков и дотащил его до медсанбата.

Недаром говорят, что командир стрелкового взвода, участвующий в боях, живет три дня, а вернее, две-три атаки, а далее — либо смерть, либо ранение. Так было и у лейтенанта Саморукова. Две атаки и ранение. Ранение было в верхнюю треть правого бедра и оказалось тяжелым, с повреждением кости и седалищного нерва. Начались хождения по госпиталям г. Серпухова и г. Уфы. Только через восемь месяцев он был выписан из госпиталя с предоставлением 3-х месячного отпуска. По истечении отпуска ему удалось обмануть врачей. Он заверил их, что полностью здоров. Будучи признанным ограниченно годным, служил в частях, где готовили маршевые роты для фронта.

В 1944–1945 гг. работал военруком в Богородицкой средней школе № 1. В 1945 году поступил учиться в Ростовскую юридическую школу, которую закончил в 1947 году с отличием и получил назначение в прокуратуру Тульской области, а затем был направлен в прокуратуру Плавского района. Из Плавска, спустя год, Владимир Владимирович был переведен на аналогичную должность в Богородицкую межрайонную прокуратуру. Был заместителем, исполнял обязанности прокурора района. Назначению на эту должность мешало действовавшее тогда указание

не назначать на должность прокурора местного жителя. Переехать в другой район Владимир Владимирович отказался из-за болезни матери.

В 1956 году окончил Всесоюзный юридический заочный институт (ВЮЗИ) в городе Москве — получил диплом юриста высшей квалификации. В дальнейшем, после почти 20-летней службы в прокуратуре, по решению парторганов (обкома КПСС) был направлен на укрепление кадров в созданный в системе МВД СССР следственный аппарат. Служил начальником следственных подразделений и уволился в 60 лет. Дослужился до звания полковника.

Владимир Владимирович Саморуков всю свою послевоенную жизнь отдал борьбе с преступностью. Иногда бывали моменты, когда думалось: на фронте было проще. Там, по крайней мере, противник был известен, и было понятно, как с ним драться.

Отдельные эпизоды службы Владимира Владимировича стали хрестоматийными примерами для истории тульской милиции. В середине семидесятых годов ему довелось этапировать в районный суд семь подследственных, однако водитель автозака перед рейсом где-то напился и начал выписывать по дороге зигзаги. От страха даже подсудимые вышли из машины и пешком побрели в суд — испугались, что их угробят по дороге. Саморуков конвоировал их в одиночку.

Одно из громких дел, исключительно грамотно расследованных Саморуковым, — столкновение поезда с автобусом, во время которого погибли 17 человек.

Были и другие случаи из его милицейской службы. Так, он однажды, что называется, голыми руками обезвредил вооруженного топором преступника.

Владимир Владимирович пишет, что доволен своей судьбой. Воевал, служил Родине честно, отдавая себя без остатка. Боевые эпизоды были разные. В атаки ходил как все и со всеми. Свои скромные офицерские обязанности выполнял добросовестно и военную службу любил. В его последнем письме есть такие строки:

«...Немецких захватчиков ненавидел, они причинили столько горя нашей семье: убили трех дядей, братьев отца и матери, двоюродного брата, сожгли дом и лишили всего имущества — хотелось мстить. Исковеркали всю жизнь, через войну я стал инвалидом, а теперь вновь сломал ногу только потому, что ослаблен ранением. Передвигаюсь с помощью двух костылей. Постоянные сильные боли в области перелома не дают покоя ни днем, ни ночью. Извините, разоткровенничался...

Я рассказал не сказку, а самую настоящую быль. Так было, люди шли на смерть за свою горячо любимую Родину. Нисколько не сомневаюсь, что подобные события, происходящие с нашей бригадой, имели место и на других фронтах. Ничего не поделаешь — война есть война, и она, к величайшему сожалению, без жертв не обходится. Прошу не

взыскивать с меня по полной программе, я знаете, в солидном возрасте — 84 года, хотя помню все события, как будто это было вчера».

Удивительная память. В своих письмах Владимир Владимирович вспоминает многих своих сослуживцев по 116 ОМСБр: их фамилии, имена, внешность, откуда родом, чем занимались до службы.

Командир бригады — полковник Иван Иванович Судаков, командир батальона — капитан-лейтенант Пастухов, начальник штаба — Николай Тетекин, зам. командира батальона — старший лейтенант Швец, начальник тыла — Штейн, командир роты ПТР — Николай Смекалов, зам. командира роты по строевой части был мл. лейтенант Алексей Истомин, зам. командира роты по политической части — Иван Кожемяко, командиром первого взвода роты ПТР — Василий Соловьев, старшина роты ПТР — Андрей Колесов, командиры отделений — Тихонов, Насибулин, Игнатов. Вспомнил Владимир Владимирович и некоторых своих рядовых бойцов: Баталова, Крылова, Маракулина, Королева, Александрова, Хруща...

Владимир Владимирович в своих письмах пишет, что никогда не вел записей о том, что касалось войны. И теперь сильно переживал, когда писал письма, вспоминая своих боевых товарищей по 116 ОМСБр. Несмотря на то, что он часто болел, ему хотелось написать, ответить нам. Иногда размышлял о тяжелых 90-х, современной молодежи и отношении к ветеранам войны. Часто повторялся, но это даже было лучше, потому что он дополнял старое новыми именами и фактами. В одном из писем он так и пишет: «Потянуло написать».

Владимир Владимирович положил начало династии следователей Саморуковых-Мусаевых. Его зять Гашам Хыдырович Мусаев — подполковник юстиции, внуки, Рагим и Владимир, тоже пошли по стопам деда. Их династия следователей — единственная в России. В музее Следственного комитета при МВД России есть целая экспозиция, посвященная этой семье.

В 2007 скончался П. М. Калмыков, в 2008 не стало В. В Саморукова, в 2018 году ушел из жизни И. А. Леонов и совсем недавно, 19 октября 2019 года, умер Б. Н. Зажицкий. Это были настоящие солдаты. Мужество и твердость характера проявились не только на войне, но и в мирное время. Будем помнить о них, об их подвиге, передавая память следующим поколениям.

Литература

1. *Щекотихин Е. Е.* Моряки-тихоокеанцы в кровавых сражениях Орловской битвы. Орёл; АПЛИТ, 2015.

«МОЙ ДОРОГОЙ БРАТОК...»

Ходулин Валерий Георгиевич, 82 года,
поэт, оружейник, член Союза писателей СССР (с 1972 г.),
выпускник Школы оружейного мастерства (1955),
выпускник Литературного института имени А.М. Горького (1965),
лауреат Международного фестиваля
«Славянские традиции» в Крыму (2018),
Лауреат премий имени Л. Н. Толстого (дважды)
и имени С.Н. Мосина,
срочную службу проходил на легендарном крейсере «Аврора»,
трижды выступал в «горячих точках» перед воинами,
г. Тула

Ходулин Василий Степанович. Фото довоенных лет

У меня в руках пожелтевшие от времени листки. Несколько лет тому назад, незадолго до своей смерти, их передала мне моя мама.

Это оказались письма с фронта, которые писал брат отца, мой дядя, мой крёстный Василий Степанович Ходулин.

Я его помню очень смутно. Когда началась война, мне было всего три года и десять месяцев. Но его имя часто повторялось в нашей семье.

Мама говорила, что он был очень добрым (это ощущается по тону его фронтовых писем). Своих детей у него не было, и он очень любил меня.

Говорили также, что я очень похож на него.

Он погиб, освобождая землю братской Украины, похоронен в братской могиле в одном из сёл Черниговщины.

До войны дядя Вася работал продавцом в магазине, звёзд с неба не хватал, но сквозь строчки фронтовых писем светится его душа патриота и гражданина, человека, искренне любящего Родину, своих близких, верящего в нашу победу.

Вот отрывки из нескольких его писем. Первое датировано 01.07.1942, адресовано в Тулу, Учётный пер., д. 1, кв. 6, сестре Акулине Степановне Ходулиной. Это в самом центре Тулы. Переулок сейчас почти незаметен, он выходит на пр. Ленина между домами № 22 и 24. Судя по штемпелю полевой почты 1720, письмо было отправлено с фронта 02.07.1942, в Тулу пришло 15.07.1942. Мне было уже почти пять лет.

Акулина Степановна — моя крёстная. Всю войну проработала в Туле на мясокомбинате, который в то время располагался недалеко от Мос-

ковского вокзала, там, где сейчас трамвайное кольцо. Во многом благодаря ей наша семья спасалась от голода. Сама она ни разу не была замужем. Всю свою любовь отдавала нам, своим племянникам.

Вот что писал ей Василий с фронта

«Здравствуй, моя самая дорогая и золотая сестрица Лина. От души желаю всего хорошего, быть здоровой, и скорей бы нам с тобой увидеться и поговорить хоть один часок, хоть за несколько метров. Я был бы доволен, моё дорогое солнышко...

Лина, я пока жив, здоров. Здоровье пока хорошее, самое настоящее, фронтовое. Обо мне не беспокойся, я призван для того, чтобы защищать вас и свою родную Тулу вместе с Родиной; для того, чтобы злой враг не мог посягнуть на ваш мирный труд, и уничтожать его на каждом шагу...

Пока ты работаешь, ты всем нужна, хотя твоя работа и трудная и мокрая».

Есть в этом письме и несколько строчек обо мне:

«Целую... самого дорогого Валю (так в детстве звали меня в семье), которому привезу с фронта пушку, револьвер, винтовку, аэроплан и миномёт и будем ходить в Гостеевский лес на охоту. Целую. Ваш Вася».

Вот ещё письмо. Оно написано через год брату, Георгию Степановичу, моему отцу, который также был призван на фронт, служил в так называемом «обозе».

Он был отменным слесарем, медником, лудильщиком — ремонтировал пробитые осколками походные кухни.

Но когда стало туго под Москвой, благодаря своим «металлическим» специальностям он был отозван с фронта в столицу, работал на заводе «Красный пролетарий» — ремонтировал танки, изготавливал новые походные кухни. Жил в заводском общежитии, в Сиротском переулке, в Замоскворечье.

Туда и полетели письма с фронта.

«Здравствуй, мой дорогой браток Георгий Степанович. Шлю я тебе свой братский привет и желаю тебе всего хорошего в твоей жизни, а главное — быть здоровым.

Милый мой браток, открытку твою я получил, которую ты писал 16.VII.43 г., за что я очень доволен, дорогой мой браток.

Я пока на 24.VII.43 г. жив, здоров, нахожусь на фронте, как и все мои товарищи. У всех у нас общая ненависть к врагу, которого мы и утром, и вечером, и в любое время бьём из своего оружия, которое нам доверила партия, народ и правительство. Ну, это теперь, я думаю, каждый знает.

Вот, мой милый, родной и дорогой, уже третий год пошёл, как я с тобой не вижусь. Как будто вчера, время прошло быстро, а начнёшь вспоминать всё прошлое: как жили, как ходили работать, как ты заходил с Поповым ко мне, как работали в Ясной Поляне, как я приходил к вам, и всегда ты, мой родной, из последнего старался как-то угостить.

Да, мой дорогой, неужели мы с тобой не встретимся и не увидим друг друга? Ну, может, будем счастливы, заживём обратно, как и жили раньше.

Милый браток, из дому получаю письма и от ребят, Васи и Верочки. Но плохо тем, что нет бумаги. Будешь писать пиши не открытку, а на бумаге, чтобы можно было написать ответ. А так прямо беда — нет бумаги, а письма приходится писать часто.

Ну, мой родной, остаюся, целую.

Твой брат В. Ходулин. Жду ответ и бумаги.

Полевая почта 02970 «Ч». Ходулину Василию Степановичу».

И штамп: «Просмотрено военной цензурой 03061».

К сожалению, это было последнее письмо. Не дождался артиллерист Василий Ходулин от своего брата Георгия ни ответа, ни бумаги. Прижали немцы нашу батарею на берегу Десны под Черниговом. Отступать было некуда — позади отвесный берег, пушку не затащишь. Да и бросать орудия долг не велит. Так и полегли все.

Об этом лет двадцать спустя после войны узнали вдова солдата Мария Васильевна, сестра Акулина Степановна и племянник Василий, когда отыскали их красные следопыты Черниговщины и пригласили на братскую могилу. Всем селом встречали, а сёла на Черниговщине не малые. Впереди — пионеры, в галстуках и с цветами. В каждый дом зазывали, как родных. Так было.

И вот о чём я думаю. Не мог отступать мой крёстный, потому что за два года войны был накрепко спаян фронтовой дружбой с бойцами своего расчёта, что были они не просто расчётом боевым, а чем-то другим, единым целым. Вот что писал он племяннику Васе, который учился в педагогическом институте, был 1923 года рождения, но по состоянию здоровья на фронт не попал. В дни обороны Тулы работал в милиции.

«Я пока жив, здоров, здоровье хорошее. Участвовал в ожесточённом бою, начиная с 5 июля по 10 июля, в котором я остался жив и здоров, как и товарищи моего расчёта.

Дорогой Вася, тебе бы на них посмотреть, и есть на что полюбоваться. Все товарищи с твоего года и того же образования, все командирами, как средними, так и старшими.

Вася, наша артиллерия била сутки, ничего не было слышно рядом».

5 июля 1943 года — это начало Курской битвы. В письмах с фронта расположение частей было запрещено указывать, названия городов, сёл, направлений затушёвывались военной цензурой. Но судя по времени, по числам — это так. Значит, дядя Вася был участником грандиозного сражения на Орловско-Курской дуге.

Так вот и писались солдатские письма: после боёв, где-нибудь на снарядном ящике…

Из письма племяннице Вере:

«Вера, письмо я твоё получил, за что очень целую и жду твою фотокарточку.

Вера, мы только что прогнали фрица из одной вершины, установили своё орудие и ждём приказания. Я в это время отвечаю на твоё письмо.

Вера, болит голова, соображать мало соображаю.

Будьте здоровы. Всем привет и пожелания. Маню поцелуй. В. Ходулин.

Сейчас будет завтрак — каша и колбаса, а покурить нету».

Вот он — фронтовой быт. О чём тужит солдат? Не о теплом одеяле, не о деликатесах — о табаке, как в письме к брату тужил о том, что нет бумаги.

Василий Степанович Ходулин — один из миллионов рядовых тружеников войны, один из туляков, честно исполнивших свой долг и геройски павших за Родину, за нас с вами.

КОГДА УЙДЕТ ПОСЛЕДНИЙ ФРОНТОВИК

Когда уйдёт последний фронтовик
Под вздох друзей
и под стенанье близких,
Замрёт планета на короткий миг,
И, вздрогнув, покачнутся обелиски.

И там, где нет ни ночи и ни дня,
Где ветра нет и нет травы зелёной,
Там ветерана встретят, как родня,
Все тридцать павших
в битве миллионов.

И ангелы, ведущие учёт,
В свой скорбный список
его впишут вскоре.
И, визу ставя, Бог произнесёт:
«Теперь уж точно
вся команда в сборе».

У Леты на холодном берегу
В потустороннем тусклом полумраке,
Он встретит тех,
с кем замерзал в снегу,
С кем отступал и с кем ходил в атаки.

— За Родину! За Сталина! Ура! —
Они кричали, в бой себя бросая.
И вдруг пред ним
возникнет медсестра,
Что жизнь отдала,
его спасая.

И в сердце хлынет тёплая волна.
И тело, как при жизни, встрепенётся.
И неизбывной нежности полна,
Его душа к её душе рванётся.

Не поглотит забвения вода
Героя, что принёс свободу людям.
Ему не будет страшного суда,
Поскольку победителей не судят.

Фронтовику путёвку в рай дадут,
Где много райских птиц
и райских звуков.
И в гости к нему первыми придут
Товарищ Сталин
И товарищ Жуков.

НАРОДНЫЕ МСТИТЕЛИ.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ МИХАИЛА СЕМЕНОВИЧА ДАНЧЕНКОВА (1930–2016)

22 июня 1941 года фашистская Германия вероломно напала на нашу страну. На борьбу с врагом поднялся весь народ. На оккупированной территории стали формироваться партизанские отряды. В северной части Клетнянских лесов первым был создан отряд под командованием Иосифа Толочина (Силыча). Он составил впоследствии ядро 2-й Клетнянской партизанской бригады. Южнее начал действовать отряд Глебова.

Отряды, образовавшие в октябре 1942 года 1-ю Клетнянскую бригаду, создавались в течение первых военных осени и зимы и вели активные боевые действия в Дубровском и Клетнянском районах на Брянщине и в Рославльском и Ершичском районах на Смоленщине.

Полковник Фёдор Семёнович Данченков, командир 1-й Клетнянской партизанской бригады

Мой старший брат, капитан-артиллерист Фёдор Семёнович Данченков, в результате ранения остался за линией фронта. Деревня Жуково Дубровского района стала местом формирования отряда, который он возглавил. В числе первых партизан и разведчиков были Алексей Сергутин, Матвей Денисов, Андрей Митракович, Пётр Мартынов, Михаил Буравилин и многие другие.

В декабре 41-го мы стали принимать сводки Советского информбюро. Местный житель Матвей Денисов собрал небольшой двухламповый радиоприемник. На чердаке нашего дома в деревне Жуково натянули антенну, и поздно вечером в сельской избе зазвучал голос Левитана. Так подпольщики и жители окрестных сёл узнали о разгроме немецких войск под Москвой.

Фашисты назначили Митраковича волостным старостой, он же рекомендовал на должности сельских старост преданных Родине людей. Его родственник С. И. Мишин был начальником полиции в селе Алешня. Ф. С. Данченков смог устроиться в Дубровской управе переводчиком. У него был пропуск, который давал право перемещаться по району. В Дубровскую управу были внедрены Сергутин, Грабарь, Хапуженков и другие подпольщики. Подпольная организация действовала до апреля 1943 года.

Подпольщики предупреждали граждан о предстоящих отправках в Германию, готовящихся арестах, содействовали их укрытию от фа-

шистов. Позже, когда были созданы партизанские отряды, они передавали сведения о передвижении фашистских войск, о намечавшихся карательных экспедициях против партизан.

Ф. С. Данченков и его товарищи создавали отряд с нуля: не было оружия, продовольствия, боеприпасов.

В первую очередь необходимо было достать оружие. После отступления наших войск осталось много оружия. Бывший учитель Пётр Мартынов вместе с учениками собрал более 200 винтовок, несколько пулемётов и миномётов, а также нашёл две пушки сорокапятки и ящики со снарядами. Активно участвовала в сборе оружия и семья Ивана Игнатьевича Гаруськина. Собранных Гаруськиными винтовок и пулемётов хватило, чтобы вооружить целую роту.

Старший сын Иван Гаруськин погиб в 1942 году. Он был проводником группы подрывников. Партизаны шли к железной дороге, попали в засаду. В перестрелке Ивана ранили в руку, он попал в плен. Его пытали: немцы требовали выдать подпольщиков, семьи партизан, назвать явочные квартиры. Но он им ничего не сказал. Патриот был казнён.

В феврале 1942 года подпольные группы действовали почти во всех населённых пунктах района.

В Сеще находилась авиабаза армии «Центр» 2-го воздушного флота фашистской Германии. На подступах к Сеще — укреплённые доты, вооружённые посты. Подполье в Сеще возглавил офицер Красной Армии Константин Поваров, а после его трагической смерти — разведчица Анна Морозова. В 1965 году ей было присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). О действиях этой подпольной организации рассказано в повести Овидия Горчакова «Вызываем огонь на себя», создан одноимённый телевизионный фильм Сергея Колосова. В подпольную организацию входили чехи и поляки из батальона аэродромного обслуживания.

Подпольщики не только передавали сведения о расположении складов с авиабомбами, зенитных установок, ложных аэродромов, но и устраивали диверсии. Они взрывали немецкие бомбардировщики с помощью магнитных мин. Самолёты взрывались в воздухе. Всего было уничтожено 22 бомбардировщика.

По данным сещинской агентурной разведки, в десяти километрах от авиабазы, в деревне Сергеевке, фашисты организовали санаторий. Лётчики после полётов приезжали сюда отдыхать. Партизаны приняли решение совершить нападение на санаторий. Отряд к тому времени насчитывал пятьсот бойцов. Разведчики установили место расположения охраны, огневых точек и т. д. Ночью 18 июня 1942 года после тщательной подготовки начался штурм. Гарнизон был разгромлен в течение получаса. Немцы потеряли убитыми и ранеными более двухсот человек, сожжено около сорока автомашин.

Партизаны после этого поверили в свои силы; из окрестных сёл в отряд приходили новые добровольцы. Фашисты же почувствовали, что хозяева на оккупированной территории не они и что у них земля горит под ногами.

1 сентября 1943 года на станции Любашевка на железной дороге Рославль — Кричев партизаны взорвали три эшелона одновременно. Магнитные мины заложил член подпольной группы Комарова Михаил Бороненков. Таких примеров мужества и отваги наших людей можно привести множество.

М.С. Данченков принимает поздравления с 70-летием Великой Победы. г. Орёл, май 2015 года

Михаил Семёнович Данченков (15.02.1930–06.06.2016)

За два года боевых действий партизанами бригады было убито более 33 тысяч гитлеровцев, пущено под откос 125 воинских эшелонов, уничтожено 582 машины и 85 мотоциклов, разгромлено 27 вражеских гарнизонов, взорван 31 мост на железной и шоссейных дорогах, 33,7 километра железнодорожных рельсов…

P.S.

В 1949 году Михаил Семёнович Данченков окончил Дубровскую среднюю школу, в 1954 году — юридический факультет Киевского государственного университета имени Т.Г. Шевченко.

В органах внутренних дел он прослужил более 35 лет. Прошёл путь от дознавателя отдела дознания Управления внутренних дел по Орловской области до старшего преподавателя Орловской специальной средней школы милиции МВД СССР (ныне — Орловский юридический институт МВД России). 19 марта 1990 года в звании полковника вышел в отставку, но продолжал заниматься юридической практикой до 2005 года. До последних дней активно занимался патриотическим воспитанием молодежи. За год до смерти он написал эти воспоминания.

Жукова Татьяна Григорьевна, учитель истории,
Брянская область, п. Дубровка

УВИДЕТЬ ВОЙНУ ГЛАЗАМИ ДЕДА

Попова Ирина Петровна,
кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник,
Института социологии
Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук,
г. Москва

Попов Константин Петрович,
ведущий инженер ООО «РН-Морской терминал Туапсе»,
Краснодарский край, г. Туапсе

Петр Анатольевич Попов, 1901 г.р.

Нам досталась удивительная, редкая возможность увидеть Великую Отечественную войну глазами нашего деда — через страницы дневника, который он вел всю войну. Дед, Попов Петр Анатольевич, родился в 1901 г. на Дону — на хуторе Камышин Луганского уезда Донецкой губернии (Область Войска Донского), в семье православного священника — протоиерея Анатолия Николаевича Попова. Потом жил и учился в Новочеркасске — сначала в гимназии, потом в Донском ветеринарном институте, который был перебазирован в Новочеркасск в 1916 г. из Варшавы. Призван на фронт 23 июня 1941 г. в качестве военного ветеринарного врача 2-го ранга дивизионного ветеринарного лазарета Брянского фронта. Он прошел всю войну и закончил ее в звании гвардии майора вет. службы, начальником армейского ветеринарного лазарета 48-й армии 2-го Белорусского фронта, был награжден медалями «За боевые заслуги», «За оборону Москвы», орденом Красной Звезды, представлен к награждению орденом Отечественной войны II степени[1]. Вернулся в Азов к жене и сыну в октябре 1945 г. смертельно больным. Это короткое последнее свидание с родными и сохранило его дневники — несколько тонких книжечек, которые всегда хранились в нашей семье поистине с благоговением. Наш отец создал целый мемориал из его вещей —фронтовых реликвий, которые остались ему в наследство. Котелок, ложка с вилкой, ремень, награды, письмо француза, написанное на французском языке, с благодарностью за спасение из плена в Восточной Пруссии…

[1] Благодарим создателей сайта «Память народа. 1941–1945», где данные о воевавших можно найти в открытом доступе.

И дневники. Некоторые из них, заполненные в конце войны, были в твердых тонких записных книжках с немецкими записями на первых страницах. Дед, как правило, писал простым карандашом, твердым ясным почерком. Некоторые его записи разобрать было очень сложно. Но почти все тексты постепенно превратились в компьютерные файлы. Теперь у нас сохранены эти свидетельства мгновений жизни в невероятно трудное и важное время — когда решалась судьба независимости страны, и наш родной человек, которого нам не пришлось увидеть, был частичкой этой борьбы. И оставил нам свой взгляд на очерченное его личной судьбой пространство этого времени, свое переживание повседневности войны.

Чтение этих дневников — довольно сложное дело в эмоциональном плане. Они, конечно, ждут более глубокого исследования. Здесь мы хотели бы остановиться на некоторых их отрывках, создающих картину различных сторон жизни во время войны.

Вот первая дошедшая до нас запись, когда боевой путь продолжался немногим более полугода.

«15 декабря 1941 г. Зима уже давно. Вот уже месяц, как мы возвращались из своего невольного «кругосветного» путешествия. Чернь — Плавск — Тула — Дедилово — Богородицк — Епифань — Скопин — Ряжск — Троекурово — Данков — Воскресенское — Шилово. За это время наш КВЛ превратился в ДВЛ. <...> Наши части двинулись вперед, а за ними и мы, ветлазарет. Как-то «разорвались»: МСБ в Шилове, а мы здесь. Очевидно завтра уйдем отсюда вперед. Вчера заходили бойцы-зенитчики. Рассказывали — в Ефремове разбито много домов, жителей осталось оч. мало, гестаповцы-финны расправлялись с населением, у дома видели труп парнишки лет 20, задушенного, с веревкой на шее. На площади стояли виселицы. Наши зенитки прямой наводкой сбивали, вернее сметали немецкие минометные батареи. Взяли в плен рослого раненого в голову немца. В пилотке, мундире и хромовых сапогах, брюки сняты с нашего бойца очевидно. Замерз, а сам злобится — «се равно рус капут». Посмеялись над ним».

Вот первые тыловые записи, в которых сквозит тоска и тревога о семье.

«Я забавляюсь с хозяйкиными ребятами. Курносые, вихрастые и хорошие. Обнимешь такого, гладишь его взъерошенную голову и на сердце становится теплее. Милые ребята — вам улыбнется жизнь, за это счастливое будущее отдают жизнь наши бойцы. Жизнь — самое дорогое, что есть у человека. Только вы уж, ребята, не забывайте об этом никогда. Милый мой родной мальчик, где ты сейчас, о чем думаешь? Помнишь ли твоего батьку? Как мы с Ниной радовались, что из нашего парнишки уже вырастает настоящий человек. Радовались, что наши надежды, наши труды не пропали. А что теперь с ними? Вот уж 3 месяца как нет писем. Где они — прямо не придумаю. Зимой, в непосредственной близости к фронту и наверное не было возможности куда либо уехать. Удрали толстопузые, а нашим труженикам — как хочешь. Неужели после войны не выжгут каленым железом весь отвратительный блат, кумовство, подхалимство, рвачество, склоку, хамское отношение к людям? Сколько всего этого пришлось видеть за свою жизнь и к сожалению, здесь — когда идем по тылу. Вот когда все эти язвы особенно бросаются в глаза» (27.12.41).

Встречаются обрывки рассказов о тыловой жизни в стране, в том числе о событиях октября 1941 г. в Москве.

«Ночью рассказывал один инженер, ехавший в Москву на свой оборонный завод, как и что делалось в Москве 16 октября. Многое он рассказал об этом и о том, как живут в Саратове. Как видно человек рассказывал правду, но от этой правды захотелось заткнуть уши и не слышать ничего о тыловой жизни».

А вот строчки о вешнем пробуждении, которые чем-то напомнили нам Шолохова, которого дед любил:

«...Вот и окончилась зима. Стоим на отдыхе. Второй день настоящий весенний. Кажется, как будто проснулся после долгого утомительного сна. Ясный, весенний, теплый денек. Над соснами в парке грачиный шум. Внизу речной разлив. Вода как зеркало. На том берегу в воде отражаются еще голые деревья. В полях уже сошел снег, чернеет пахоть, бурые квадраты стерни, по балочкам белеют полоски снега. Воздух удивительно чистый. Набежит ветерок и так пахнет талой землей и как будто даже хмелем. Тишина как в праздник. Но вот за разливом реки слышится походная песня — идут с учебы бойцы. В Иноземке, напротив, заиграл полковой оркестр. За ближним бугром гулко застрочил пулемет, послышались взрывы ручных гранат — и все эти звуки такие ясные в весенней тишине. Из города доносятся гудки паровозов. Как будто зовут с собой далеко-далеко на юг, в наши родные места, к морю. Где и весна милей и солнце ярче. Туда, где живут самые любимые люди.

Совхозные ребята скачут как воробьи. Они как будто опьянели от весеннего солнца. Всю зиму ведь просидели на печке» (20.04.42).

Некоторые эпизоды описаны довольно подробно, и ты словно видишь жизнь небольшого тылового города.

«Ночью переезжали славный Тихий Дон и под утро приехали в Липецк. Фронт остался вдали. Как странно было не видеть пиратов, не слышать орудийных залпов, не наблюдать ракет и проч. фронтовых мелочей жизни. Липецк — приятный городок. Красиво расположен. Частью на горе, частью внизу. Спуститься вниз и под горой курорт-

ный парк, здания санаториев. Сейчас госпитали. Тут же центр города. Много военных, почти все тыловики фронта. Наверное, от нечего делать приветствуют исправно. В магазинах пусто. В столовой при входе дают чайные ложечки хлебать щи. Десятки за полторы можно еще пообедать. Не утерпел — побывал в парикмахерской. Так же как и до войны. Только без одеколона. Потом представился нач-ку фронт. лаборатории. Занятия уже заканчивались. Осталось дня 3–4. Собралось на сбор 22 врача. Большинство моложе меня. Большие комнаты бывш. ДКА. <...> Ночь спал в общежитии. Холодно. Не оборудовано. На другой день оч. быстро нашел квартиру в городе у управдомами. И зажил тыловой жизнью. Днем на занятия, вечером в театр. Видели — «Сады цветут» и «Парень из нашего города». Первая понравилась. Вторая нет — на каждом шагу тыкает автор нас грешных моралью как касторкой. В жизни-то не бывает так, как видишь на сцене. Артисты не плохие. Театр маленький — курортный. В фойе отчаянные танцы под радиолу. Сколько же девушек! Нашего брата прямо не хватает. Даже на половину танцующих» (7.1.42).

На страницах — глубоко гражданский человек, выполняющий свой долг на войне и переживающий о семье, мечтающий о мирной жизни.

«Ни черта у меня нет пристрастия к военной службе. Если выпадет счастье выйти живым из войны, то с каким наслаждением сниму обмундирование и оружие! А пока этого нет — выполняй свой долг перед Родиной до конца.

Чехов, Чехов — очаровал меня он снова. Перед отъездом из совхоза я просидел до 2-х ночи. <...> Читал не отрываясь, не куря. Встал как опьяненный. Как будто и войны нет. Берет он всю душу. Мастер слова чудесный...» (27.12.41).

Много страниц — о профессиональных подробностях военной ветеринарной службы. Дед любил свое дело, страдал, если не удавалось спасти «друга коня», стремился добросовестно наладить службу.

«Весь апрель я пробыл в Плоском. Жил с Шубиным на квартире у пред. колхоза. Дни шли за днями. И каждый день то на мойке, то на газокамерах, то в конюшнях. Смотришь на своих лошадей и сердце сжимается — когда же их можно будет выгнать на пастбище? Почти каждый вечер совещания, недолгие, деловые, о порядке следующего дня. Много пришлось сидеть распутывать книжный беспорядок, уточнять записи, оформлять документацию. Но самое тоскливое, самое неприятное — это бывало вскрытие трупов павших. Все от истощения. Ведь к нам шло все самое истощенное, до предела обессиленное, и это в такое время, когда мы с большим трудом доставали корма! Наконец-то числа с 10 апр. стали мы гонять на пастбища наших коней. Хоть и не было еще молодой травы, но кони ели с охотой прошлогоднюю. Часто мы с Шубиным, обходя конюшни, бывая на пастбищах говорили, что еще 3–4 недели и будет прожито самое тяжелое время. В наших мечтах представлялись земные луга, пасущиеся сытые кони и вообще все то, что могло радовать ветеринара. Мололи овес, давали овсянку. Делали все что можно, лишь бы спасти, сохранить друга коня. Уже со второй половины апреля падеж резко сократился. Стало немного легче. Приезжали раза два арм. эпизоотолог и нач. лазарета. «Шерстили» нас, но за дело. Без этого не обойдешься. Как ни ругали Шубина, а он, по-моему, неплохо работал и работает. По-хозяйски ведет дело, заботится о каждой мелочи. Да и как человек хороший и простой. За это время его достаточно изучил. Единственный его недостаток, как и мой, недостаточное освоение командирских навыков. Вот это никак мы еще до конца не изживем. Вот уж почти два года на войне, а еще живучи гражданские привычки. Но нужно сказать, что и не у всякого есть командирский талант. Вот у Карнеевича совсем другое дело. Он уже давно стал настоящим командиром».

«Взялись за научно-практические работы <...> Взялись нас подтягивать вовсю. Завтра созываем внутри лазаретную научно-практич. конференцию. Дело хорошее. А наш замполит — ст. политрук вот уже 10-й день сидит на экзаменах в Кр. Заре — проходит аттестацию» (май 43-го).

Смерть на войне становится привычным явлением, и Петру, хоть он и не был на передовой фронта, конечно, приходилось хоронить своих товарищей или слышать об их гибели. Иногда он с болью отмечает это в своих записях:

«Сегодня похоронили нашего товарища Чупринина Т.Я. Похоронили в парке, на поляне между голубых сосен. Он погиб вчера. Поехали за сеном. На обратном пути, уже под вечер на них налетели 3 вражеских самолета и обстреляли. Убили его, Проценко ранили в ногу. Убили 3-х лошадей. Похоронили мы Чупринина со всеми воинскими почестями. А в Сальской степи остались его жена и пять ребят малых» (23.12.41).

«Узнал в В.О. печальную новость — в боях убит Гайда. А я его знал с марта 42-го, когда он был у нас в ДВЛ нач. э. отд. Не дождался парень освобождения своей Полтавы sittibiterralevis! Убит он при артобстреле дивизиона немцами. Грустно на сердце, как услышишь такие вести. Проснешься утром и думаешь – ведь на всем необъятном нашем фронте идет жестокая борьба с врагом. Сколько горя, слез там, где есть убитые, пропавшие» (март 43).

Но смерть не может стать привычной, и ценность человеческой жизни, памяти о ней остается очень важной, — важны уважение, почести, достойные могилы погибших защитников страны. Об этом довольно много записей.

«Видели немецкое кладбище. Оно на красивом месте, обнесено каменной оградой в виде отдельных стен. Могилы в ряды, кресты спилены, каски разбойничьи выброшены. Видно, немало мы их здесь уложили. Но вот чему бы нам надо поучиться — это заботе о погребении погибших наших бойцов <...> Не могу оправдать это безобразие» (20.4.43).

Он пишет о наградах, и его гордость — это и наша, его внуков, гордость[2]:

«Вспомнился мне теплый, тихий августовский вечер. Солнце садилось за садами. Я вошел в избу. У стола стоял подполковник. На столе белела медаль на красной ленточке. Сердце забилось, стало вдруг жарко. Подполковник поздравил меня от имени Военного Совета, стоявший рядом майор прорезал ножичком гимнастерку и подполковник прикрепил медаль. Это было так неожиданно, хотя я давно ждал этого дня, что я сначала растерялся, а потом поблагодарил от всего сердца Правительство, и подполковник улыбаясь сказал, что я первый ветврач в нашей армии, получивший награду. Я вышел на улицу и мне показался таким праздничным этот вечер. Смотрел на медаль и думал — если бы жинка и Петрусь видели все это!» (07.11.42).

Интересно было ощутить непосредственную реакцию на события, которые стали частью учебников по истории, основой книг, фильмов.

Вот о военных действиях союзников — от искренней радости до некоторого разочарования:

«21.11.42. Когда прочел о высадке союзников в С. Африке, о разгроме пиратов в Ливии — как будто праздник встретил. Все мы с нетерпением ждем газет, читаем и обсуждаем. Особенно ответы т. Сталина. Смысл их понятен. Наконец-то создание второго фронта начинает принимать реальные формы. Читал речь Черчилля. Сказано прекрасно во всех отношениях. А главное — по-деловому, правдиво. Так значит я и другие были правы считая, что несмотря на соглашение, второго фронта в этом году не будет. Это был полезный обман. Согласен — это можно простить, лишь бы скорее начать разгром людоедской орды».

«Сегодня достали «Орловскую правду». <...> Отзывы прессы союзников о наших победах. Лестные, правда, но и только. Вот уж месяц как они разъехались из Касабланки, а читаем одно и то же — действия английских патрулей в С. Африке. Что-то мало. А ведь именно сейчас-то и действовать» (22.2.43).

[2] Вот выписка из наградного листа о представлении к награде орденом Отечественной войны 2-й степени: «Тов. Попов в частях 48-й Армии с начала ее организации. Будучи начальником лечебного отделения ДВЛ 6-й гв. стр. дивизии поставил работу на первое место, за что был награжден медалью «За боевые заслуги» и выдвинут на должность начальника лечебного отделения 956 АВЛ, где работает с июля 1943 г. по апрель 1944 г. За это время тов. Попов пропустил через свои отделения 7053 лошади, из которых 4378 возвращены в строй, а остальные 2675 [благодаря] квалифицированной хирургической помощи, без единой потери эвакуированы во фронтовые лазареты. За это время под руководством тов. Попова сделаны и сданы в печать две научно-практические работы. За время Бобруйской операции тов. Попов принял и подобрал в болотах 437 трофейных лошадей. За самоотверженную систематически добросовестную работу тов. Попов выдвинут на должность начальника лазарета. Тов. Попов достоин награждения орденом Отечественной войны II степени. (Начальник ветотдела 48-й армии полковник в/с Пархоменко).

А вот записи об освобождении родных мест:

«25.11.42. Ну, вот и на нашей улице праздник — победы наших войск под Сталинградом! Когда Р-в передал нам сводку о разгроме немцев — с какой радостью все дружно аплодировали этой радостной вести. Обсуждаем на все лады, строим всякие предположения, и все как будто повеселели, работать стали дружней. Может ли быть большая радость на фронте чем весть о нашей победе! Сразу веселей и легче на сердце стало. Скорее бы шли дни, скорей бы дождаться освобождения нашего Ростова и старого милого Азова от этой нечисти. Даже идешь в пилотке и кажется что уж и не холодно. Утром проснешься. Еще темно. Ляжешь и вспомнишь о доме, о тех, кто дороже жизни. И так ярко и тепло это вспомнится — как будто вот сейчас только вышел из дома. Вспомнилось сегодня, как я купал всегда моего мальчика, моего любимого, моего единственного сыночка <...> Нет, все равно не напишешь так как чувствуешь. Вспомнилось мне все это былое счастье и до того стало горько — хоть плачь. Но слезы не к месту сейчас. Вспомнишь о нашем фронте, на тысячи километров, и может быть в эту минуту прощается с жизнью не один наш боец. Сколько лучших из лучших людей отдали жизнь за нашу Родину! Прав Эренбург — заводы мы восстановим, а наших любимых, лучших, прекрасных людей не вернем к жизни. Это и есть наши невозвратимые потери. И не у одного меня такое горе, и миллионы наших людей скрепя сердце все силы, всю жизнь отдают за то, чтобы наше счастье вернулось к нам. Но не надо много писать о том, что так близко, так неотъемлемо, как жизнь у каждого, кто горячо, искренне любит нашу родную Родину, наш великий народ, нашу милую землю».

Наконец, радость от вести об освобождении родного Азова:

«Какие дни, какие события! Десятки городов наших родных очищено от фашистских мерзавцев, людоедов. 8.2. утром прихожу в штаб, а капитан и говорит — ну, с вас причитается — Я думаю неужели Азов? — Азов — говорит он — освобожден. Я почти растерялся. Днем хожу как пьяный от радости. Вечером написал письмо моей родной жинке, моему милому мальчику. Теперь жду ответа и кажется мне, что время тянется как на волах. 15.2. освобожден наш Ростов. Позавчера, нет, вчера узнал <...> об освобождении Харькова и Новороссий-

ска. Нет слов передать, с каким чувством гордости, радости слышишь о этих победах. Вот когда и «на нашей улице великий праздник». Тяжкие испытания, черные дни прожиты, перенесены с мужеством достойным нашего великого народа. Вера в мою могучую родину никогда не покидала меня. Тяжко нам было в октябре — ноябре 41 г., но и тогда я не представлял себе, чтобы немцы победили, покорили бы нас. Только тогда тоска щемила сердце. Все думалось — когда же это наконец будет. Хоть бы дожить до этого счастливого часа. Ну, а теперь все все мы и радуемся и живем нашими победами» (18.02.43).

Размышления о силе наших побед, которые, возможно, покажутся сейчас хрестоматийными — но это жизнь, это действительно часть общего контекста искренней веры в нашу непобедимость:

«Завтра исполняется 25-летний юбилей Красной Армии. Да, этот юбилей наша Армия встречает такими победами, о которых говорит весь мир. <...> Я много думал и думаю о том, что в истории человеческого общества еще не было примера такого могучего единства всего народа, как в этой Отечественной войне. Впервые в мировой истории народ сражается за свою жизнь и свободу как единое целое, без классовых противоречий, без национальных раздоров. А это единство дает неисчерпаемые силы, мужество и веру в нашу победу над псами фашистскими. Как бы ни было тяжело нам, но победа наша, наша и только наша. Освобожден Харьков, освобожден наш Ростов, Таганрог и Мариуполь. Есть вести об освобождении Орла и Карачева. Наша армия по всей видимости уже в Мало-Архангельске. Таким образом наша армия сдвинута южнее того места, которое она занимала в обороне» (22.02.43).

Все эти размышления, вызванные победами, постоянно переплетаются с мыслями о родном доме:

«...Упорные бои под Краматорском. Здесь решается окончательный успех нашего наступления на юге. Не очистив Донбасса, мы не можем двигаться на юг Украины. А до весны нам надо очистить все левобережье, закупорить Крым. Жду с нетерпением П-ва или начальника. Они уж наверное привезут хорошие известия, а то ведь слухи неточны и неясны. Все бы хорошо, но из дому пока нет ничего. Да если и написали, то долго-долго еще придется ковылять письмецу с родной стороны по нашим почтовым дебрям, да еще и «дяди» из В.Ц. прочтут его – нет ли дескать там каких-либо военных тайн. Все-таки унизительное это дело. Как будто подглядывают да подслушивают семейную жизнь. Конечно, все это оправдывается войной, но ведь чувство-то это не выбросишь» (март 43).

Наконец, 1945 год, записи, сделанные в Восточной Пруссии. И здесь постепенно происходит удивительная метаморфоза в отношении тех,

кого дед презрительно называл в своих записках не иначе как людоедами, зверями, и которые справедливо несли теперь свое наказание, — к ощущению справедливости в попытке их защиты перед последствиями передела их земель.

«...И общее мнение наших людей, что немцы очень дельный народ, трудолюбивый <...> Недавно уходили наши демобилизованные солдаты. Так немцы все вышли на дорогу, фрау прохаживались с бойцами, киндеры (как и все киндеры вообще) бежали за нашими солдатами. Эти люди поняли (я говорю о деревенских), что наши солдаты пришли сюда не как гитлеровцы к нам, что расплата расплатой, а люди остаются людьми. И немало фрау и киндеров кормились от нас за свою работу. Получали хоть и немного, но честно заработанные. Относились мы к ним по-честному, как и должен относиться наш советский человек. И теперь немцы уже воют, что мы уходим. Они знают, что эта часть Пруссии отходит полякам, а от них добра ждать нечего» (31.07.45).

Это удивительно противоречивые ощущения справедливости возмездия и стремления оставаться по-человечески справедливым к будущему немецкого народа — отделяя тех, кого во всех своих записях дед не мог заставить себя считать людьми, — от их детей.

«А есть чудесные немецкие дети. Вчера одну такую прелестную девчушку видел — ну просто цветок необыкновенный. Сидит у дороги и играет. Голубоглазая, белокурая, щечки персики, рученьки в пыли. Спрашиваю, как зовут — Моника! Рассказала, где живет. Крошка, дитя. Немецкий народ отвечает и ответит — это справедливость. Но такие дети, малыши не виноваты, и их надо вырастить и совсем по-другому воспитывать. Это тоже будет справедливо» (07.08.45, Мюльхаузен).

Тепло сострадания обращено ко всем детям вообще, ставшим жертвами жестокой схватки, — оно сквозит и в этих его более поздних записях о наших осиротевших малышах:

«Мальцы бродят под вагонами, просят кусочек хлеба. Грязные, худые, босые. Но это наши дети и мы даем им все, что можем. Почти все они сироты. Многие едут и сами не знают зачем. Вот самая главная задача — всех их надо собрать, обеспечить им теплую и сытую жизнь и учить, учить. Нельзя, нетерпимо остаться равнодушными к ним, к нашим малышам» (20.09.45, Молодечно).

И, наконец, страницы, на которых радость новостей об окончательно наступившем мире:

«19.8.45. Радостная весть по радио: самураи упали на колени и война с Японией кончена! Наша полная победа <...> Снова мир. И на этот раз уже во всем мире. Сегодня по радио слушали уже о новом 5-летнем плане по восстановлению нашего хозяйства и жел. дорог и даже с превышени-

ем довоенного уровня. Вот это великое и прекрасное дело. Вернуться бы поскорее домой и снова за мирную, восстановительную работу».

Последние записи сделаны 26 сентября 1945 г. в Москве. По рассказам отца, дед приехал больным, заразившись тифом где-то в долгой дороге к дому. Как жаль, что не сбылись пронизывающие все дневники мечты о мирной жизни в родном городе, с любимыми родными, бесконечно жаль, что для нас, его внуков, он остался только на фотографиях и в этих записях.

«Кончится война, и мы встретимся. Встретимся, чтобы уж никогда не расставаться до конца своих дней. Пусть все будет разорено разбойниками, пусть мы останемся в пустом доме, все сделаем сами своими руками, но только бы снова встретиться, снова быть вместе, снова работать вместе, какая бы трудная жизнь ни ждала нас. Не будет этого — не будет и жизни» (23.08.43).

Но закончить, пожалуй, следует мыслью, записанной на последних страницах, — такой актуальной сегодня, ведь интерпретация, а скорее просто защита живой памяти о великой войне теперь в наших руках и на нашей совести:

«Думы разные — и о семье, и о дальнейшей жизни, и о жизни, и о том, что еще может быть и наверное будет. О том, что многое изменилось в войну, что нам, живым участникам величайших событий, очень трудно их оглядеть, оценить. Сделают это позже нас, но уж им не пережить и не почувствовать все, все то, чем мы жили во время войны» (07.08.45).

Источники

1. Дневники Петра Анатольевича Попова, 1941–1945, семейный архив.
2. Память народа. 1941–1945. Интернет-портал Министерства обороны Российской Федерации. URL: https://pamyat-naroda.ru/(дата обращения: 19 апреля 2020 года).

СТРАНИЦЫ ИЗ ДНЕВНИКА

Пузакова Людмила Александровна, 58 лет,
преподаватель математики ГПОУ ТО
«Болоховский машиностроительный техникум»,
Тульская область, г. Липки

«Помним и гордимся» — слова, которые чаще всего можно услышать в преддверии великого Дня Победы 9 Мая. Слезы на глазах и комок в горле, когда проходит Бессмертный полк. И хочется вспомнить своих дедов, участников этой страшной войны, рассказать о причастности твоей семьи к этому великому празднику. Уходит время, а вместе с ним родные люди, которые знали войну, что-то помнили или что-то слышали о ней. Моей мамы, Камышниковой Татьяны Ивановны, уже нет. Из ее воспоминаний я слышала о своем деде, Козлове Иване Андреевиче, и о его братьях. В этих рассказах было все: и безграничная любовь, уважение, и боль. Мой дед ушел из жизни в 1962 году, когда мне был год, поэтому я его знаю только по фотографиям и рассказам. Козлова Павла Андреевича, родного брата моего дедушки, я видела несколько раз. Высокий, за два метра ростом, гордый, рассудительный, немногословный, на груди колодочка орденов. Вызывал к себе уважение и почтение. И о двух других братьях своего деда я тоже слышала, как о добрых и порядочных людях.

Корни моего рода в Тамбовской области, а я родилась и живу в Тульской. Поэтому все, кто мог бы мне рассказать о моих предках, жили вдали от меня. Мои бабушки и дедушка рано ушли из жизни, когда я была ребенком. Из нашей семьи двоюродная сестра моей мамы, Буленкова Инна Александровна, помнит рассказы своих родных. И я обратилась к ней. Через некоторое время она передала мне тетрадь-дневник со своими записями. Открыв ее, я была удивлена тем, что начала она свои записи-воспоминания этой линии моей семьи с моего прапрапрадеда с 1840 года. В ее воспоминаниях любовь, уважение, доброе слово о каждом, за что я ей безмерно благодарна.

Мой прадед, Козлов Андрей Алексеевич, родился в 1867 году, а умер в 1942. У него было двенадцать детей: девять из них выжили, среди них и мой дед, Козлов Иван Андреевич, 1908 года рождения. Он и еще три его брата: Козлов Виктор Андреевич, 1914 года рождения, Козлов Павел Андреевич, 1922 года рождения, и Козлов Николай Андреевич, 1923 года рождения — все участники Великой Отечественной войны. У каждого из них своя судьба.

Фото с фронта, И.А. Козлов слева

Козлов Иван Андреевич

Из дневника Инны Александровны Буленковой:

«Есть у меня фото послевоенное, где в числе колхозников села сидит на корточках председатель Иван Андрев. Так уважительно звали его всю жизнь жители деревни Александровка Глазковского района Тамбовской области. А какую жизнь он прожил? Трудную, голодную, военную, трудовую жизнь. На войну ушел с ее начала и воевал до конца. Пришел больным человеком, не разговорчивым по пустякам. После председательства работал в том же колхозе плотником, столяром, жестянщиком, трактористом.

Скупые слова о нем, а это жизнь, да еще какая трудная. Во время войны был удивительный случай.

При заправке танков на него накричал боец заправляемой машины: «Что мешкаешь, я опаздываю, дурачина!» Боец обругал его, вскочил на танк, мелькнул в люке. «Пашка, брат! Рядом были и не обнялись, ну ладно, живой, слава Богу!» С войны вернулись и Иван Андрев, и Павел Андрев».

И.А. Козлов, послевоенное фото

Мама рассказывала, что когда мой дед вернулся с войны, у него была медаль и они, дети, с ней играли. Многие тогда были отмечены за свою службу, но не многие относились к своим наградам, как к чему-то выдающемуся. Мой дед был как раз из этого числа людей и о войне рассказывал мало.

Козлов Виктор Андреевич

Из дневника Инны Александровны Буленковой:

«Я немного знаю об этом удивительном человеке. Непьющий, некурящий, обстоятельный, выше среднего роста, но не как братья, у которых рост за два метра. Война. При окружении в 1941 году попал в плен. Концлагерь. Выжил в плену, потому что не курил, был культурным человеком, его выделяли иностранцы, с ним в бараке сидели французы, итальянцы, им полагалось получать посылки, и они его иногда подкармливали. При освобождении немцы устроили во дворах домов застольные кормежки. Его хозяин-немец передал ему его пайку, предупредил: «Вот, съешь и уходи». Это спасло ему жизнь — многие переевшие не выжили.

А еще был случай. Глубокой осенью пленным разрешили пройти по полю, может быть посчастливится найти что-нибудь съестное, например, мерзлую грязную брюкву. Ничего не было. И вдруг глаза от земли

медленно поднимаются по ослепительно белой одежде. Голова мутится от голода, опускает взор в землю — лежит кусок соли. Поднимает взгляд, а женщины нет. Всю жизнь он считал, что это Матерь Божья пришла его спасти».

В 1946 году Виктор Андреевич вернулся в Тамбов. Работал до 1982 года, его не стало 14 февраля 1989 года.

Козлов Павел Андреевич

Из дневника Инны Александровны Буленковой:

«Павел Андреевич в 1941 году был призван в армию. Начал службу на Халхин-Голе. Жара, пески, обезвоживание. Началась война. Эшелоны с востока в спешке переправляли на запад. В вагонах солома, жара, из еды — соленая красная рыба в бочках. Потом он ее всю жизнь ненавидел. Наелся. Распределили в танковую бригаду. Все родственники удивлялись, как он с таким ростом помещался в танке (рост за два метра). Был контужен. В Белой Церкви в госпитале немного разминулся с младшим братом Николаем. Николая подлечили и на фронт, а Павел только поступил на лечение в госпиталь и в ту же палату.

Фото с фронта, П.А. Козлов — справа

П.А. Козлов

Сосед по койке сказал: «Ну вот, Николай Козлов ушел, а Павел Козлов пришел». Подлечившись в госпитале, опять в танковую бригаду и на Курскую дугу. Закончил войну, возможно, в Праге. У него был друг, чех, они переписывались.

В конце 1945 года вернулся с фронта в Тамбов. Всю жизнь работал в военном училище комендантом. Павел Андреевич ушел из жизни в 2006 году, у него было много наград, среди которых орден Отечественной войны II степени».

В моей памяти это мудрый, гордый человек, знающий цену слову, настоящий мужчина, общение с ним приносило радость.

Фото с фронта, Н.А. Козлов

Козлов Николай Андреевич

Из дневника Инны Александровны Буленковой:

«В семье его звали Коля Чёренький, любимец всех. Высокий, красивый, обаятельный, очень любил читать книги, мечтал о море. А вода-то была только в колодце да в маленькой речке Польнóй Ворóнеж. Брал за ручку младшую сестру и приказывал: «Греби, Маня, не бойся — матросом будешь». Это его нареченная судьба — море. Война. Все ушли на фронт, нет вестей от Виктора. Отец Андрей Алексеевич переживал уход сыновей на фронт. В феврале 1942 года он умер. Коля и его двоюродный брат Володя — одногодки — похоронили отца и дядю и ушли на фронт. Володя погиб 25 апреля 1945 года в боях за Потсдам, похоронен там же в братской могиле. И всего-то его жизни было 22 года, не было ни семьи, ни любви.

Николай шел в жизни по судьбе. Закончилась война. Эшелоны с воинами теперь шли с запада на восток: Дальний Восток, Приморье, Сахалин, Курильские острова. Море. Может и устал от войны, но долг и судьба вели его. В 24 года его не стало, газеты писали о его подвиге. Шторм, бедственное положение на корабле, эвакуировали с корабля женщин, детей на шлюпках. Доплыли до берега острова Кунашир (Курильские острова). Николай замерз в шлюпке. Похоронен с почестями как герой».

Хромов Иван Александрович

Двоюродный брат моего деда, в 1941 году ушел на войну.

Из дневника Инны Александровны Буленковой:

«Иван Александрович пришел после госпиталя без ноги, а отец его, Александр Иванович Хромов, с ампутированными пальцами обеих ног — отморозил. Я была ребенком и видела, как он мучился зимой. Грел свои маленькие ножки в воде на травах, растирал, а они так болели. А Ваня искусно играл на гармошке и пел всегда одну частушку:

Хорошо тому живется,
У кого одна нога,
Сапог не надо много
И порточина одна.

А еще он был удивительный резчик по дереву. Талант. Бюст любимой красавицы-жены Любы, зверей, дом — терем резной».

Такой народ невозможно было победить! Я горжусь ими всеми. Что касается линии моего отца, Камышникова Александра Федоровича, я знаю по информации Книги Памяти по Тамбовской области. Мой дед, старшина Камышников Федор Иванович, 1903 года рождения, пропал без вести в августе 1942 года. А спросить о его жизни и его службе сейчас уже не у кого. Но и его жизнь — вклад в общую победу народа над фашизмом. И я им также горжусь.

«Нет в России семьи такой, где б не памятен был свой герой». Дед моего мужа, Салабуто Стефан Егорович, 1904 года рождения, уроженец Климовического района Могилевской области республики Белоруссии. Столкнулись фашисты на Климовщине с ожесточенным сопротивлением. На территории района действовало комсомольско-молодежное подполье и партизанские отряды. Вот и Стефан Егорович во время войны ушел в партизаны. Моя свекровь рассказывала, что он иногда приходил домой, а однажды следом за ним пришли и немцы. Стали стрелять. Стефан Егорович вышел: дома были три дочери, самой маленькой четыре года, и жена Христина Власьевна. Его увезли. Христина Власьевна потом говорила, что был предатель, который донес на ее мужа, говорила, что догадывалась, кто этот человек, и что он даже полушубок ее мужа носил. Через какое-то время к ней пришли и сказали, что ее мужа расстреляли и чтобы она забрала его тело похоронить. Было страшно. Несчастная женщина взяла телегу и поехала, но в это время разыгралась буря, лошадь встала, а дома маленькие дети, она заплакала и вернулась. Так его и похоронили в братской могиле в городе Климовичи. Салабуто Стефан Егорович числится в списке расстрелянных и замученных граждан Склиминского сельского совета. Я считаю своим долгом вспомнить рассказ о человеке, которого я не знала, но он всегда был в памяти семьи, в которую я вошла почти сорок лет назад. Это прадед моих двух сыновей.

История страны — это люди со своими семьями, со своей судьбой. Сейчас многие стали интересоваться родословной своей семьи, своими предками. Это очень хорошо и важно для нас, для наших детей и, я надеюсь, будет важно для внуков. Недаром на Руси самым обидным прозвищем считалось «Иван, не помнящий родства» для тех, кто не знал своего рода.

В семейных альбомах еще хранится множество фотографий. Узнавайте о своих родственниках как можно больше. Пока живы те, кто может вам рассказать о них: позже будет некого спросить.

ДНЕВНИКИ НИКОЛАЯ ЮДОЧКИНА. ПЕРВАЯ НЕДЕЛЯ ВОЙНЫ

Христич Антон Викторович, 30 лет,
выпускник Тульского филиала РЭУ им. Г.В. Плеханова,
аналитик в рекламной отрасли,
Тульская область, г. Узловая

После смерти моей бабушки, Надежды Ивановны Старцевой, в 2005 году при разборе ее вещей родители мне передали для изучения дневники моего родственника, ее родного брата, которого звали Николай Юдочкин. Осталось мало информации о нем и о том, как они жили. Знаю, что жилось очень трудно. В семье было десять детей, последний из которых родился в 1941 году и умер в младенчестве. Отец семейства попал на фронт в первые дни войны и, насколько мне известно, оказался почти сразу в плену в Чехословакии.

Среди обычных школьных 12-листовых тетрадок с личными дневниковыми записями я нашел школьный дневник, как значилось на обложке, «ученика 8-го класса «А» Дубенской школы, г. Дубна, Юдочкина Николая на 1939/1940 учебный год».

Все годовые оценки в нем — «отлично», хотя в четвертях иногда «проскальзывают» по отдельным предметам «хорошо». Как полагается, на первой странице — перечень предметов и ФИО учителей.

Литература — Павел Васильевич Дмитриев.
Алгебра — Лидия Александровна Кузнецова.
Геометрия — Лидия Александровна Кузнецова.
Анатомия и физиология человека — Ольга Ивановна Стрелкова.
История — Валентина Николаевна Ряузова.
География — Иван Иванович Рыбаков.
Физика — Аркадий Иванович Басюбин.
Химия — Владимир Захарович Хотюшкин.
Немецкий язык — Ольга Александровна Рыбакова.
Черчение — Николай Иванович.
Алгебра и геометрия — Николай Петрович.

Фамилия учителя черчения Николая Ивановича не указана, как и математика Николая Петровича — видимо, учитель алгебры и геометрии сменился в течение года.

Среди тетрадок личного дневника выбираю ту за 1941 год, в которой описывается начало войны. Надо заметить, что все записи сделаны грамотно, без ошибок; день и месяц выделяются размером и красивым начертанием, раскрашенным цветным карандашом.

Предлагаем вниманию читателей записи за первую неделю войны — с 22 по 28 июня. В них не только отмечается погода, перечисляются личные и семейные дела, но и приводится информация о положении на фронте, полученная благодаря радио.

Особо отмечу два момента:

1) первая реакция Николая на известие о начале войны: «Вот она — наша гибель» (Николай словно чувствует свою участь — он погибнет в 1943 г. под Ленинградом), но тут же, через пару фраз, и уверенность с самого начала в нашу общую победу: «Фашисты получат хороший урок! Отечественная война началась!» Красная цифра 22, обозначающая день в июне, обведена черным карандашом, словно в траурной рамке;

2) удивительно точные слова использует юноша для характеристики противника — «звери», «фашисты», «дьяволы», «разбойники».

*«**22 июня**. День был пасмурный, но без дождя, лишь не прекращалась мгла. С утра до обеда папа, Мишка и Катя вместе с Щукиными сажали картофель на усадьбе Брусовской казармы. С обеда и до позднего вечера мама и папа занимались обновлением квартиры, а также борьбой против клопов. Папа замазывал наибольшие щели и белил все стены, мама же мыла мебель и полы. Когда после всей этой процедуры моя комната была чиста, я установил радио и что же услышал: «Фашистская Германия напала на С.С.С.Р. Президиум Верховного Совета С.С.С.Р. издал указ о мобилизации 1905–1918 г., а также об военном положении. Вот она — наша гибель. Сколько лет о ней говорили с презрением, но теперь она наяву. Но прямо скажу: мы не почивали на лаврах. Фашисты получат хороший урок! Отечественная война началась!*

Наша задача состоит в том, чтобы крепить железную дисциплину в тылу, всячески помогать своим братьям и отцам, борющимся за социалистическое отечество — отечество рабочих и крестьян.

***23 июня**. День был солнечный, лишь после обеда с севера стали наплывать белые одинокие облачка. Самочувствие посредственное. Мы засадили оставшуюся часть огорода огурцами и картофелем. Папа ездил на Бродский завод за блоком. Как сообщает радио, советские войска по всей линии фронта от Черного до Балтийского морей выровняли фронт и выбросили фашистов за госграницу. Получили открытку от С.Н.В. от 21/VI. Пишет, что пока жизнь идет по-старому.*

***24 июня**. День был пасмурный, холодный с северным ветром. Самочувствие посредственное. Папа ездил третий день на Броды и только сегодня привез блок. Немцы за вчерашний день немного потеснили наши части и заняли г. Брест, Ломжу и Кольно. Наша армия наносит врагу сильные удары.*

***25 июня**. День пасмурно-солнечный, но в общем холодный. Папа работал в заводе. Дед добровольно ушел в свою деревню. Противник ока-*

зывает сильный нажим на наши войска, обороняющие Каунас, Вильно и Гродно. Папа после работы окончательно добелил квартиру. Чинил было я свои часы (они у нас ночью встали — удавились). Но пустить в ход никак не пришлось — отломилось коленце у распределителя. Самочувствие посредственное.

26 июня. *Погода сегодня не важная, с холодком, заставляющим вздрагивать. У меня понос и сильно болит живот. Папа работал в заводе <...> Больше ничего существенного не произошло. Фашистские танки прорвали оборонительную линию около Вильно. На остальных направлениях звери получают вкусные подарки.*

27 июня. *День был пасмурный с неоднократным дождем. Самочувствие неважное, особенно болит живот. Папа, как обычно, работает в заводе. По сообщению Совинфрмбюро по радио, производятся бои с просочившимися танками противника на Минском направлении, на остальных направлениях наши войска отбивают дьяволов. Радиоприемник у меня работает хорошо, но один наушник вышел из строя вследствие размагничивания. На двух грядках вышли огурцы, горох имеет 10 см в высоту.*

28 июня. *День был точь-в-точь по климату, как вчерашний. У меня шла кровь из носа, плевал кровяными клоками. Наша доблестная Красная Армия стойко отбивает танковые атаки разбойников. Миша, мама и Катя кололи чурки, так как завод пошел и в две смены пилят чурку. Хлеб вот уже две недели черный, нам его хватает — терпимо. Я сплю дома, Миша — в спальне».*

Еще есть в документах фото, но плохого качества, зато надпись четкая:

«На долгую добрую память дорогим незабвенным родным от Коли с Ленинградского фронта.

Дорогие родные! Пусть образ мой и моих товарищей по службе сохраняет ваши благородные сердца: мы всегда в любую минуту готовы выступить против заклятого врага.

Я в заднем ряду стою слева первый!

Глядите и помните обо мне.

Ваш Николай Иванович Юдочкин.

26/II.1943 г.

г. Ленинград».

Какие необычные слова, если вдуматься! Они как духовное завещание.

В них чувствуется предрешенность (пусть «образ мой и моих товарищей по службе сохраняет...») и любовь к родным, готовность к борьбе с врагом, самопожертвованию, надежда на сохранение родственниками «благородных сердец». Только «помните обо мне» — просит солдат.

Мы должны помнить и сохранить себя!

Глава 7. СЕМЬЯ В ВОЙНУ И ПОСЛЕ

НАШИ ДОРОГИЕ

Дитце Ирина Павловна, 48 лет,
менеджер ЗАО «М-Трэвел», кандидат экономических наук,
г. Москва
Недзвецкая Наталия Павловна, 53 года,
сотрудник экономического факультета МГУ
имени М.В. Ломоносова, кандидат экономических наук,
г. Москва

Нашим дорогим, близким, родным
посвящается

75 лет прошло с момента окончания Великой Отечественной войны, но мы помним тех мужественных и доблестных людей, кто защищал нашу Родину на полях сражений или работал в тылу на благо фронта. Каждая семья в нашей стране знает своих героев, отдавших жизнь за Отчизну, и тех, кому посчастливилось вернуться домой. Мы попытались описать совершенно разные судьбы наших родственников, многие из которых до сих пор помнят те страшные времена, хотя были совсем детьми. Всех очевидцев нашей истории объединяет чувство беззаветной любви к Родине и готовность к самопожертвованию ради ее благополучия.

На фронтах войны. Осенью 1941 г. под Харьковом погиб и был похоронен в братской могиле наш дед Никанор Тимофеевич Шпилько. Он служил в кавалерийском корпусе, который был брошен в бой против фашистских танков.

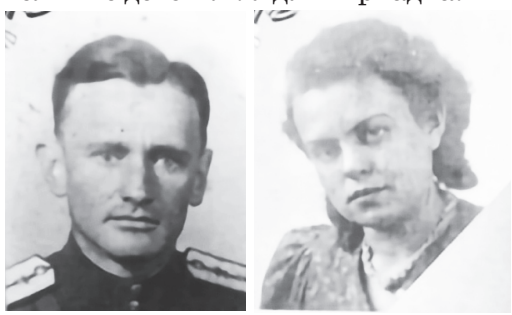
Павел Никанорович Шпилько

Наш папа, Павел Никанорович Шпилько, почти мальчиком — ему было только 17 лет, попытался в самом начале войны бежать на фронт, но в Штейнгардском РВК Краснодарского края в декабре 1941 г. его определили на ускоренные курсы в артиллерийское училище, после чего он офицером попал на фронт. Папа прошел всю войну, в которой был дважды ранен. На фотографии мы видим портрет молодого, красивого человека 20 лет, нашего папы. Вдумчивые, добрые глаза, открытое, ещё

юношеское лицо, а за плечами — суровые дороги войны. Фотография сделана в Венгрии в 1945 году. Папа был уже гвардии лейтенантом, командиром огневого взвода 5-й мин. батареи 182-й гв. амп. 11-й гвардейской Донской казачьей кавалерийской Волновахской Краснознаменной, ордена Богдана Хмельницкого дивизии 5-го гвардейского Донского казачьего кавалерийского Краснознаменного корпуса 3-го Украинского фронта (данные из военных архивов, рассекреченных в 2007 г.). За проявленные мужество и героизм в ожесточенных боях за освобождение Будапешта от немецко-фашистских захватчиков в битве за станцию Саар 25.12.1944 и поселок Кериье 30.12.1944 Павел Никанорович Шпилько 12 января 1945 г. был награжден орденом Красной Звезды.

После войны Павел Никанорович закончил Военно-юридическую академию в Москве и всю жизнь проработал в системе МВД. Он всегда был предан делу служения Отечеству и с большим уважением относился к людям. Был избран депутатом Ленинского района г. Москвы (ныне район Хамовники). Папа много лет работал проректором Высшей инженерной пожарно-технической школы МВД СССР (ныне Академия государственной противопожарной службы МЧС России) в звании полковника. Папу неоднократно приглашали в Венгрию на мероприятия, связанные с освобождением страны от фашизма.

Наша любимая родственница Шверин Ядвига Ольгердовна была студенткой Московского инженерно-строительного института, когда началась война. Сказав родственникам, что объявлена всеобщая мобилизация, весь курс Ядвиги Ольгердовны добровольцами вступили в Красную Армию на борьбу с фашизмом. После войны домой вернулась только треть ребят! За годы войны наша бесстрашная тетя Ядя побывала на многих фронтах: на Западном, Брянском, Сталинградском, Воронежском и Центральном. На одном их них она встретила своего будущего супруга, Леона Антоновича Войцеховского, который тоже служил в инженерных войсках в звании капитана. Ядвига Ольгердовна и Леон Антонович полюбили друг друга и поженились в военное время. В результате на свет появились две очаровательные девочки: Ядя и Ариадна.



Леон Антонович Войцеховский и Ядвига Ольгердовна Шверин-Войцеховская

Служба в инженерных войсках была очень сложной. При наступлении фашистской армии вглубь советских территорий надо было в срочном порядке взрывать, разрушать и выводить из строя мосты, транспортные коммуникации, различные объекты стратегического назначения. А когда наступил великий перелом в войне, в кратчайшие сроки требовалось восстановление этих же объектов. За самоотверженную службу Леон Антонович неоднократно получал благодарности правительства СССР. На фронте в инженерных войсках технику и людей перевозили большие колонны машин, которые хорошо были видны вражеским летчикам. Поэтому авианалеты противника были частые и страшные. Люди бросались прятаться в кусты, канавы, какие-то укрытия. А главный водитель колонны никуда не убегал во время налетов. Он садился на ступеньку своей машины и курил. Так он вел себя всю войну и остался жив.

ПРИКАЗ

ПОЧЕТНАЯ ГРАМОТА

Ценные документы

Ядвига Ольгердовна после войны работала в «почтовом ящике», т. е. в закрытом учреждении под названием «Радиозавод». Леон Антонович был очень опытным инженером. До войны он трудился на строительстве Магнитки, а после войны поехал на стройку в Тюмень. Вернувшись в Москву, Леон Антонович много лет работал инженером в Главмосстрое и участвовал в сооружении прекрасных архитектурных комплексов в Москве.

Дети войны под оккупацией. В самом начале 1941 г. фашисты заняли станицу Красная Кущевского района Краснодарского края, где жила семья нашего папы: его бабушка Устинья, мама — Феодора Филипповна, брат Григорий и две сестры — Вера и Людмила. Согласно воспоминаниям нашей дорогой тети, Людмилы Никаноровны Шпилько (в замужестве Петровой), которая тогда была еще маленькой девочкой Люсенькой, — немцам понравился дом наших родственников и их быстро выгнали на улицу, а в доме расположился фашистский штаб. Наши родственники вырыли землянку, где пережили весь период вражеской оккупации. Большое счастье, что все остались живы, потому что фашисты жутко бесчинствовали.

В первый же день оккупации всему населению станицы было приказано явиться к определенному часу на центральную площадь. А в Красной на тот момент оставались только старики, женщины и дети. Обнаружив человека из местного населения, который хорошо говорил по-немецки, нацисты предложили ему сотрудничество, и тот сразу перешел на сторону врага. Вместе с предателем фашисты обходили ряды собравшихся и получали от него характеристики на односельчан. Всех молодых женщин сразу же забирали на работы в Германию. Нашу бабушку, Феодору Филипповну, от подобной участи спасло только то, что она еще в довоенные годы всегда нравилась этому предателю, и он даже пытался за ней ухаживать. Когда группа фашистов в сопровождении этого подле-

ца поравнялась с Феодорой Филипповной, он сказал, что эта женщина тяжело больна и скоро умрет, и фашисты оставили ее в покое. А предатель решил и дальше оказывать знаки внимания нашей будущей бабушке. Однажды, когда он подходил к землянке, навстречу выскочила Люсенька и закричала: «Мама, «русский немец» идет!». Услышав это, предатель выхватил пистолет и прицелился в девочку. Услышав крик, Феодора Филипповна выскочила и заслонила собой дочурку. Тогда мерзавец сжалился и опустил оружие.

При этом все родные очень опасались за старшую Люсину сестру — Веру, которой было в тот момент семнадцать лет. Чтобы она не привлекала внимание фашистов, на протяжении всей немецкой оккупации она притворялась психически больной, точнее сумасшедшей. Ей сшили из старых мешков длинное бесформенное одеяние, в котором она только изредка появлялась на улице, бормоча какие-то странные монологи. А большую часть времени Вера пряталась в самом дальнем углу землянки. Эти предосторожности спасли ее от возможного насилия, надругательства, отправки в Германию.

После войны наш папа привез свою младшую сестренку Люсеньку в Москву, где она закончила школу и пошла работать лаборантом в НИИ по переработке нефти и газа, где в итоге проработала 37 лет. Одновременно с работой Людмила Никаноровна училась и закончила Московский нефтяной институт имени И.М. Губкина. Впоследствии, будучи уже кандидатом химических наук и возглавляя лабораторию, Людмила Никаноровна за разработку уникального твердого смазочного покрытия для космического корабля «Буран» была награждена орденом Дружбы народов.

Муж Людмилы Никаноровны, всемирно известный художник Аркадий Петров, был маленьким мальчиком, когда началась война. Он жил в городе Горловка на Донбассе, центре угольной промышленности. Когда стало понятно, что фашисты рвутся захватить этот богатый углем регион, то добыча стратегических ресурсов остановилась и все шахты были затоплены. Первыми в Горловку вошли итальянские подразделения, которые сражались на стороне фашистской Германии. По словам Аркадия, итальянцы вели себя как мародёры. Они врывались в дома, обыскивали все помещения, забирали практически все, что могли найти. Из дома Аркадия они унесли даже чугунок с едой, который мама, Екатерина Андреевна, спрятала в печке.

Людмила Никаноровна Петрова

Затем в город вошли немецкие танки. Папу Аркадия, шахтера Петрова Ивана Васильевича, которого не взяли в Красную Армию из-за инвалидности, вызванной поврежденной рукой, фашисты схватили и сразу же отправили на работы в Германию. Когда он вернулся домой в 1946 г., его никто не мог узнать: это был не человек, а живой скелет.

Однако рабский труд, ужасные условия жизни, еда в виде брюквы на воде, все испытания, которые перенес Иван Васильевич, не сломили его силу духа и радость жизни. После войны он организовал в Горловке хор и сам руководил им.

Аркадий Петров

Когда фашисты оккупировали Горловку, Аркадий жил с мамой, бабушкой, сестренкой в так называемой «казарме». Это была одноэтажная многоквартирная постройка из больших валунов. Семья Аркадия занимала две комнаты. Три немецких танкиста поселились в одной из комнат семьи Петровых, а саму семью поместили в соседнюю комнату. Танк фашисты поставили прямо в саду перед входом. Так Аркадий и его близкие прожили два года буквально бок о бок с оккупантами, пока Красная Армия не перешла в наступление.

После войны Аркадий Петров закончил школу и подал документы на конкурс в Художественное училище имени 1905 года. Успешно закончив училище, Аркадий поступил в Московский художественный институт имени В. И. Сурикова. Став известным художником, Аркадий написал картину «Горловка», символизирующую счастливый период жизни родного города. Теперь эта картина выставлена в постоянной экспозиции Музея современного искусства Жоржа Помпиду в Париже. А сейчас, когда в Горловке идет опять война — гражданская, родилась новая картина «Горловка», но на сей раз мрачная, темная, грустная.

Родные в эвакуации. Если перенестись в Псков 1941 г., то мы увидим летним утром 10-летнюю девочку Галочку, впоследствии ставшую нашей мамой — Галину Антоновну Недзвецкую. Она беззаботно шла в булочную за хлебом, когда на улице из громкоговорителя услышала страшные слова: «враг вероломно напал на нашу Родину...», перевернувшие тогда всем людям жизнь. Практически через несколько часов Псков уже бомбили. Во время бомбежек все убегали в бомбоубежище, и только мамина старшая сестра — Лариса Михайловна Курбатова — Лялечка, как её называли в семье, ничего не боялась и оставалась дома. Фашистские войска стремительно надвигались на Псков и в городе было оставаться опасно. Прабабушке, Ядвиге Иосифовне Шверин, дали направление на эвакуацию. Второго июля 1941 г. наши прабабушка и бабушка с двумя девочками шли по заминированному мосту через реку Великая к вокзалу с маленьким чемоданчиком, в котором было только самое необходимое.

С вокзала отправлялись последние поезда, где железнодорожники перевозили провода, оборудование. Двух женщин и девочек взяли в один такой поезд, но он долго стоял около перрона. Кто-то из сотрудников вок-

Ядвига Иосифовна Шверин

зала, проходя мимо, стал уговаривать их пересесть в другой поезд, который уходил раньше. Но прабабушка приняла решение остаться там, где они уже удобно расположились на скрученных катушках каких-то проводов и коммуникаций. Это мудрое решение спасло им жизнь, так как вскоре, отъехав от Пскова, на станции Дно они снова увидели тот состав, который ушёл чуть раньше. Перед ними стояли сгоревшие и изрешеченные пулями вагоны, попавшие под налёт фашистской авиации.

В течение двадцати дней поезд шёл на восток. В это время нашей будущей маме исполнилось 11 лет. А ее старшей сестре Лялечке было 15 лет. Периодически поезд останавливался в чистом поле, стоял какое-то время, а потом внезапно трогался в путь. В такие моменты наша бесстрашная и удивительная Лялечка спрыгивала с поезда, чтобы нарвать букет свежих полевых цветов.

Людей, которые ехали в эвакуацию, кормили на станциях и иногда даже водили в баню, то есть государство и местные власти заботились об эвакуированных. За Новосибирском, через 80 км в посёлке Ояш, нашим близким дали в распоряжение маленький деревянный домик, где наши прабабушка и бабушка с двумя девочками пережили очень тяжелые четыре года эвакуации. Больше всего девочек мучил голод. Они залезали в погреб, и не было предела их счастью, когда они находили оставшуюся от прошлого урожая полусгнившую луковицу, которую можно было поджарить на огне. Детям давали пить бычью кровь, чтобы обезопасить их от цынги. Кололи дрова сами. В избе был зимой такой холод, что стены покрывались слоем льда внутри дома и согреться можно было только на русской печке. Пока доносили воду из колодца до дома, она превращалась в лёд.

Галина Львовна Недзвецкая

Однажды наша бабушка пошла за похлёбкой и на площади её закрутил буран, она упала и стала замерзать. В больницу её привезли с отмороженной ногой. Молодой врач пошёл на риск, ампутировав только ступню, а не всю ногу ниже колена. Операция прошла благополучно, но Галина Львовна в возрасте 37 лет потеряла способность ходить без костылей и осталась инвалидом на всю жизнь.

Даже в эти страшные военные годы государство заботилось о детях. Каждое лето детей организованно отправляли в лагерь, который располагался на берегу Оби. Однажды наша будущая мама возвращалась в пионерский лагерь и её не могли довести до самого лагеря на лошади. Тогда ей пришлось бежать 10 км одной через тайгу. Было очень страшно: вокруг были только деревья и манящая своим запахом земляника. Вдруг, услышав в отдалении звук горна к отбою, девочка поняла, что лагерь уже недалеко и ей не придется ночевать одной в тайге.

Галина Антоновна Шпилько

В школе, несмотря на голод и холод, мама училась очень хорошо. Когда однажды директор школы спросил маму, почему она не снимает пальто в школе, то не получил внятный ответ. Но директор был чутким человеком и понял сам причину маминого стеснения. Через несколько дней директор школы вручил маме талон на получение нового платья.

Но дети не только учились, но и работали. Школьники собирали ягоды, молотили лен и вязали теплые вещи, а затем собирали посылки на фронт. Каждый день все слушали по радио передачу «Огонь по врагу» и радовались продвижению наших войск на запад.

Ближе к концу войны по достижении совершеннолетия старшая сестра Лялечка закончила курсы гидрологов. Ее трудовая биография началась в 1944 году в должности техника-гидролога в Великолукском районе, где она со своей коллегой осуществляла измерения уровня воды, необходимые для решения дальнейших военных и гражданских задач. Две молоденькие девушки шли практически за линией Западного фронта через пустынные местности в районе Ржева, Великие Луки, неся на себе тяжёлые приборы для измерения. Это было непросто и небезопасно, но они ничего не боялись и повсеместно встречали поддержку наших солдат: где-то им предоставляли тёплое место, чтобы выспаться и поесть, где-то устраивали баню в блиндаже.

Однажды весной 1945 к нашим близким, которые продолжали еще находиться в Сибири в эвакуации, в окно постучал сосед из блокадного Ленинграда, призывая выйти на площадь. Все побежали туда и узнали, что война окончилась. И тогда прабабушка стала хлопотать о возвращении в Псков, как и все эвакуированные этого района. И такой день настал. Всех посадили в поезд бесплатно. Ехали долго. По мере продвижения к Пскову все чаще встречали немецких военнопленных и заминированные поля. Но все были счастливы, что ехали домой.

Лариса Михайловна Курбатова

Подъезжали к Пскову. Было ранее очень солнечное утро. Наконец пассажиры увидели Псков. Издали город казался прекрасным: возвышались различные здания, собор. Но вскоре раздались стоны, и у многих на глазах появились слезы, потому что

при ближайшем рассмотрении оказалось, что это были не здания, а разрушенные коробки от них. Псков был почти весь разрушен. Ни о каком прежнем имуществе, доме не могла идти речь, но зато наши родственники были живы. Годы эвакуации стали периодом тяжелейших испытаний для наших родственников. Но благодаря поддержке государства по организации жизни эвакуированных, а также собственному мужеству и стойкости они смогли выжить.

Всех людей, прибывших из эвакуации, местные власти расселяли в малочисленные, чудом сохранившиеся после немецких бомбардировок помещения. Ядвигу Иосифовну, Галину Львовну, Лялечку и Галочку привезли в старое здание кадетского корпуса, где в актовом зале разместили около семидесяти человек. Постепенно жизнь стала налаживаться. Людям стали предлагать работу в разных местах, особенно в сельской местности. Но семья Ядвиги Иосифовны осталась в Пскове. Прабабушку пригласили работать бухгалтером в общество слепых. Благодаря этой должности родственники вскоре получили угол в большой комнате общежития для слепых, где за перегородкой жили незрячие люди. Там наша будущая мама по вечерам вслух читала больным книги о героях войны: Лизе Чайкиной, Зое Космодемьянской и других известных защитниках Отчизны.

После войны Лариса Курбатова 57 лет работала в библиотеке Псковского государственного педагогического института, из них 43 года — руководителем этого подразделения. Благодаря Ларисе Михайловне был создан основной фонд библиотеки. Результаты трудовой биографии Ларисы Курбатовой по достоинству оценены правительственными наградами: медалями «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.», «За трудовое отличие», Почётными грамотами и другими наградами. Всю жизнь она работала на благо российского образования, воспитала много поколений студентов, оставаясь верным патриотом своей страны.

А ее младшая сестра, Галочка Недзвецкая (в замужестве — Шпилько), получив высшее образование в Пскове и будучи во время учебы сталинской стипендиаткой, затем поступила в аспирантуру МГУ имени М.В. Ломоносова. Защитив кандидатскую диссертацию, Галина Антоновна была откомандирована в распоряжение Научно-исследовательского экономического института Госплана СССР (ныне Институт макроэкономических исследований Минэкономразвития России), где она проработала 55 лет. Прошла путь от младшего научного сотрудника до заведующего отделом института. Доктор экономических наук Галина Антоновна Шпилько является крупным специалистом в области использования зарубежного опыта интенсификации производства и тенденций НТП, а также теории и практики регулирования капиталистического хозяйства, его структурной перестройки, международных

сопоставлений. За заслуги перед Родиной Галина Антоновна в 1977 г. была занесена на доску Почета Фрунзенского района Москвы.

Павел Никанорович Шпилько

Вместо заключения. Папа редко говорил нам, когда мы были детьми, об ужасах войны или о проявленном мужестве. Только праздник 9 Мая, День Победы, был для него лично и остается для всей нашей семьи особенным. Папа надевал парадную форму, все ордена и медали и шёл в Парк культуры и отдыха имени М. Горького, где встречались его однополчане, а их становилось с каждым годом всё меньше. И мы без громких слов знали, что вёл он себя на войне как герой, и только благодаря этому и подвигам миллионов других людей мы имели счастливое, безоблачное детство и мирную жизнь.

Мы преклоняемся перед ветеранами Великой Отечественной войны, перед детьми периода войны, перед тем поколением СССР, которое героически выстояло в невыносимых условиях оккупации, разрухи, голода и победоносно уничтожило фашизм, страшное зло, покорившее многие европейские страны, но не победившее советский народ! Битвой за победу было охвачено все население Советского Союза: воины и добровольцы на фронтах, гражданское население на оккупированных территориях и в тылу, эвакуированные из захваченных или опасных регионов граждане всех возрастов. Во время войны работали даже дети, осуществляя подчас совершенно взрослые функции на заводах, госпиталях, различных предприятиях.

Выполняя свой священный гражданский долг перед Родиной по освобождению ее собственных территорий и интернациональный долг по уничтожению фашизма в Европе, не все вернулись в родные дома. Мы, современное и будущие поколения, должны всегда помнить тех, кто спас от фашистской диктатуры наш народ. Каждый человек, сражавшийся на фронте или трудившийся в тылу на благо великой Победы, был настоящим патриотом нашей Отчизны и Героем с большой буквы. На наш взгляд, главная задача прогрессивных людей сегодня — не допускать пересмотра исторических фактов Второй мировой войны и Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., не разрешать минимизировать роль Советского Союза в яростной схватке с фашизмом, всегда помнить подвиг нашего народа в борьбе за мир и прививать чувство благодарности за это нашим детям и внукам. Вечная слава Героям Великой Победы!

Благодарим нашего брата, Шпилько Сергея Павловича, за найденную информацию о папе времен Великой Отечественной войны, а также наших близких за предоставленные материалы из личных архивов и воспоминания, которые явились основанием для написания данной статьи.

РОДИТЕЛИ ВОЕВАЛИ В ОДНОМ ПОЛКУ

Чиджавадзе Владимир Корнелович, 74 года,
капитан 2-го ранга,
член Региональной общественной организации
«Тульское морское собрание»,
г. Тула

Корнел Павлович Чиджавадзе

Боевой путь моего отца

Чиджавадзе Корнел Павлович родился 20 марта 1917 года в простой семье: дед Павел работал на стекольном заводе в Боржоми, а бабушка Лида работала уборщицей на станции города Самтредиа. А мой прадед, Чиджавадзе Дмитрий Дмитриевич, участвовал в Русско-турецкой войне 1878–1879 гг., за участие в боевых действиях на Шипке (Болгария) был награждён солдатским Георгиевским крестом, в боях под Плевной был ранен.

В 1925 г. отец поступил в начальную школу в селе Табаниэре, где окончил 4 класса. А так как в селе была только начальная школа, то он продолжил учёбу в железнодорожной школе № 1 города Самтредиа. Был принят в комсомол в 1932 г., 7 классов закончил в 1933 г. В сентябре 1933 года стал студентом Самтредского железнодорожного техникума. В мае 1937 г. отлично защитил курсовой проект и был направлен по комсомольской путёвке на электротяговую подстанцию Подстепное Запорожской области, сначала в качестве электромонтёра, а затем электромеханика. В 1939 г. был призван в армию, через год направлен в Рязанское артиллерийское училище в качестве курсанта, а в 41-м — в 826-й артиллерийский полк 282-й стрелковой дивизии на должность командира батареи.

В июле 1941-го его дивизия вступила в первый бой с немцами западнее города Трубчевска Брянской области. Вот как отец описывает это сражение: «Первые месяцы прошли в ожесточённых боях. Хорошо помню, мы только успели занять наблюдательный пункт для открытия и корректировки огня, как из-за бугра появились немецкие танки и с воздуха — немецкие самолёты. Танки прошли мой наблюдательный пункт, но я успел подать команду на огневые позиции, чтобы встретить танки и вести огонь прямой наводкой. Одна только 4-хорудийная батарея, которой я командовал, уничтожила 10 немецких танков. Недалеко от моего наблюдательного пункта разорвалась бомба и меня засыпало землёй. Меня вытащили, я был слегка контужен, но вся голова покрылась сединой, а мне было тогда всего 24 года. Вечером наши части отошли в небольшой лес, где мы заняли круговую оборону. Немцы нас обнаружили и открыли огонь. Но атака немцев была отбита с большими потерями для них, да и для нас тоже».

В августе и сентябре 1941 г. дивизия вела ожесточённые бои против дивизий Гудериана, которые рвались к Москве. В результате 282-я стрелковая дивизия под командованием полковника Грачёва перешла к обороне по реке Судость вблизи населённых пунктов Карбовка и Чеховка, в ожесточённых боях сдерживая продвижение немецких войск. Но немцы обошли нашу оборону и заняли Орёл и Брянск. Дивизия оказалась в окружении и всю первую половину октября вела бои и двигалась в направлении г. Ельца.

В начале 1942 г. дивизия вошла в состав Брянского фронта в 3-ю армию. Тогда же отцу было присвоено очередное воинское звание — старший лейтенант, а в марте он был назначен начальником артиллерии 868-го стрелкового полка. В этой должности и в этом полку он воевал до конца войны. Вот отрывок из воспоминаний отца об этом периоде: «Личный состав нашего полка хоть и занимал невыгодный рубеж обороны (не было господствующих высот над противником), с февраля 1942 года тщательно усовершенствовал линию обороны по рекам Зуша и Неручь, искусно расположив на огневых позициях артиллерию, миномёты, минные поля и проволочные заграждения. Артиллеристы и миномётчики полка вели активную борьбу с противником. Выделенная так называемая «кочующая» 76-мм пушка под командованием ст. сержанта Колпакова П. В. имела заранее подготовленные открытые и закрытые позиции для ведения огня. Применяя «кочующее» орудие, мы не давали возможности открытого хождения немцев и ведения огня по нашим боевым позициям».

В 1943 г. дивизия перебрасывается на другой участок фронта — Залегощинский район Орловской области и держит оборону по левому берегу р. Неручь. 12 июля дивизия перешла в наступление севернее г. Мценска, деревня Орловка, прорвала сильно укреплённую оборону немцев. Вот как отец описывает это: «Вся местность на скате высоты 248,0 была вспахана воронками от разрывов снарядов и бомб. Доты, бронеколпаки и другие укрепления оказались практически полностью разрушены. Живая сила и огневые средства немцев в подавляющем большинстве оказались уничтоженными и разбитыми. Оставшиеся в живых немцы забились в щели, многих из них приходилось вытаскивать из траншей за ноги». В этом бою отец был ранен второй раз — сквозное осколочное ранение в правую голень. Несколько дней пролежал в медсанбате и, до конца не долечившись, выписался по собственному желанию в часть.

Приказом командующего 63-й армии № 01491 от 19 июля 1943 г. капитан Корнел Павлович Чиджавадзе был награждён орденом Красной Звезды. Вот выписка из наградного листа: «Тов. Чиджавадзе, готовясь

к решающему бою на прорыв обороны противника в районе отм. 248,0 д. Орловка Залегощинского района Орловской обл. как начальник артиллерии полка, заранее подготовил личный состав артиллерийских и миномётных подразделений к бою, увязал действия пехотных и артиллерийских командиров, организовав боевые порядки артиллерии с выдвижением последней на прямую наводку в боевые порядки пехоты, где подготовил специальные укрытия как для матчасти, так и для личного состава. Благодаря правильной организации боевых порядков и взаимодействия пехоты с артиллерией под руководством тов. Чиджавадзе во время боя 12.07.43 г., понеся ничтожные собственные потери, нанёс обороне противника сокрушительный удар, уничтожив почти все огневые точки противника в полосе наступления полка. Оборона противника была прорвана. Тов. Чиджавадзе, будучи ранен в период подготовки к бою, оставался в строю до тех пор, пока не убедился, что подготовка к бою закончена и только тогда отправился в медсанбат. Тов. Чиджавадзе достоин награждения орденом Красной Звезды».

12 августа, освободив районный центр Шаблыкино, полк с ходу форсировал р. Навля и вышел на территорию Брянской области. Осенью Брянский фронт начал Гомельско-Реченскую наступательную операцию. В ноябре был освобождён Гомель. Отбив все контратаки и нанеся огромные потери немцам, полки дивизии сломили сопротивление врага, прорвали оборону и продвинулись вперёд до 80 км, освободив при этом 46 населённых пунктов Гомельской области.

10 декабря дивизию передали в подчинение 1-го Украинского фронта. С Киевского плацдарма 1-й Украинский готовился на 24 декабря начать Житомирско-Бердичевскую операцию. Немцы продолжали отступать, и дивизия, переданная в состав 13-й армии, вступила на территорию Украины. В конце декабря 868-й стрелковый полк в составе 287-й стрелковой дивизии, наступая в сложных условиях зимы и сильного сопротивления немцев, уверенно продвигался вперёд с целью овладения городом Новоград-Волынский. Для фашистов город был прикрытием важного стратегического железнодорожного узла Ровно-Здолбунов. Немцы с отчаянностью обречённых отстаивали этот рубеж, пытаясь преградить путь нашим войскам в освобождении населения Западной Украины.

За два дня до наступления на город по приказу командира дивизии генерала И. Н. Панкратова была организована специальная штурмовая группа, усиленная артиллерией и миномётами. Командовать этой группой было приказано отцу.

Вот его воспоминания: «Штурмовая группа в ночь на 3 января 1944 года, преодолевая упорное сопротивление немцев, подошла вплотную к городу с востока. Предстояла переправа через мост над рекой Случь. Ко мне подбежал мальчик лет 13–14 и сообщил, что видел, как немцы минировали мост. Я послал в разведку отделение автоматчиков, трёх сапёров и радиста для связи. Разведка подтвердила донесение мальчика. Мост через реку недалеко от пивоваренного завода действительно был заминирован. К этому времени недалеко от наших боевых порядков в лесу уже сосредоточились наши танки. Нужно было срочно принимать меры для разминирования моста. Разминировать мост взялся лично полковой инженер капитан Евсиков с двумя сапёрами. К двум часам ночи мост был разминирован. В 4 часа штурмовая группа вместе с танками ворвалась в город и закрепилась на западной окраине города. В первой половине дня 3 января немцы дважды переходили в контрнаступление, но все попытки врага вытеснить наши войска из города были безуспешными».

Старший лейтенант К. Чаджавадзе — крайний слева

3 января 1944 года Новоград-Волынский был полностью очищен от немцев. Пал крупный узел обороны, узел железнодорожных и шоссейных дорог, ведущих в оперативную глубину обороны противника. Москва встретила освобождение города артиллерийским салютом, а 287-я стрелковая дивизия получила почётное наименование Новоград-Волынской. Отец за участие в освобождении города Новоград-Волынский и проявленные при этом мужество и героизм был награждён орденом Отечественной войны II степени.

26 января 1944 г. 868-й стрелковый полк с марша, в трудных условиях зимы, форсировал р. Горынь и занял оборону северо-западнее дер. Хорув. В ходе наступления украинскими националистами-бандеровцами были зверски убиты зам. командира полка по политчасти подполковник П. Е. Рябенко, командир 3-го батальона капитан Ф. Кирилов и его заместитель капитан Ефремов. «За гибель наших боевых товарищей, — писал отец в своих воспоминаниях, — мы отомстили немцам. 29 января освободили д. Чешский Гай, 3 февраля штурмом взяли город и железнодорожную станцию Здолбунов. Наши боевые товарищи, погибшие от рук бандеровцев, были похоронены в Здолбунове около железнодорожного моста». За овладение городом Здолбунов 868-й стрелковый полк указом Президиума Верховного Совета СССР был награждён орденом Богдана Хмельницкого II степени. Более 400 солдат и офицеров были награждены орденами и медалями.

26 февраля началась Корсунь-Шевченковская наступательная операция. Войска 1-го Украинского фронта продолжали вести упорные на-

ступательные бои за освобождение Западной Украины. Перед 13-й армией генерала Пухова, которая наступала по правому флангу фронта, была поставлена задача овладеть населёнными пунктами по реке Стир, районным центром Броды. Оборона немцев была хорошо подготовлена в инженерном отношении. Гитлеровцы использовали природные укрепления гор Кременецкого кряжа. По реке Виля были оборудованы мощные укреплённые позиции, все мосты были заминированы, в населённых пунктах все дома были превращены в укреплённые огневые точки.

Из воспоминаний отца: «22 февраля 1944 года было отмечено большое скопление немцев в населённых пунктах Малые Садки, Старая Гута, Польская Гута и Русская Гута. 23 февраля разведчики капитана Попова В. А. взяли в плен немецкого солдата, который рассказал, что они получили приказ не допустить прорыва русских к Кременцу. 24 февраля командир полка подполковник Тарасов А. В. поставил задачу штурмовым группам Падричева М. С. и Бабанова Д. В. провести разведку боем в направлении г. Шумска, а мне, как начальнику артиллерии полка, обеспечить их артиллерийским огнём на всю глубину наступления. Штурмовые группы у села Обич нанесли значительные потери немцам. 25 февраля тяжёлые бои продолжались. С утра фашисты сменили свои позиции, подтянули танки, самоходные орудия, бронетранспортёры. В небе появилась немецкая авиация и начала бомбить наши боевые порядки. Артиллеристы и миномётчики капитанов Минулина, Ефремова и Галька нанесли мощный удар по позициям, в результате которого немцы понесли большие потери в живой силе и технике. В одной из контратак в расположение огневых позиций батареи капитана Ефремова прорвались немецкие танки. Но артиллеристы, выкатив орудия на прямую наводку, в упор расстреливали танки. Три танка загорелись от прямых попаданий, а оставшиеся два танка повернули назад.

26 февраля, преодолевая упорное сопротивление немцев, наш полк вплотную подошёл к районному центру Шумск. Партизаны сообщили, что его прикрывает батальон пехоты с танками и бронетранспортёрами. 27 февраля завязался бой на подступах к Шумску. Немцы ожесточённо сопротивлялись. На огневую позицию батареи 76-мм орудий немцы повели интенсивное контрнаступление при поддержке танков. Наши артиллеристы были готовы встретить врага. Прямым попаданием снаряда был подбит немецкий танк, затем второй. Продвижение танков было остановлено».

(28 февраля 1969 г. в дни празднования 25-й годовщины освобождения города Шумска, на который были приглашены ветераны дивизии, отцу решением районного Совета депутатов присвоено звание «Почётный гражданин г. Шумска».)

После успешного освобождения более 40 населённых пунктов, отразив многочисленные попытки немцев вернуть утраченные позиции, дивизия продолжала наступление на Кременец, который был превращён немцами в неприступную крепость. На подступах к городу,чтобы парализовать контрнаступление противника, лишить его возможности ввести в бой свежие силы, 15 марта дивизия перешла в решительное наступление на Кременец.

Со слезами радости встречали в тот памятный день жители Кременца своих освободителей. Долгих 990 дней и ночей продолжалась оккупация. Страшные страдания пережили жители во время фашистской неволи. Немцами в Кременце был установлен жестокий оккупационный режим. За время оккупации было расстреляно 13 тысяч кременчан — почти половина жителей города, сотни детей и подростков вывезены в Германию.

К концу июля части дивизии вышли к границе Польши. 25 июля была форсирована р. Сан и с ходу был освобождён город Радымно. На пути продвижения дивизии стоял сильно укреплённый немцами город-крепость Перемышль. В результате ожесточённых боёв 27 июля город был освобождён. В боях за Перемышль отец лично из 76-мм пушки подбил 3 немецких танка. За мужество, проявленное при освобождении города, отец был награждён орденом Боевого Красного Знамени.

4 августа 1944 года дивизия форсировала реку Висла и до 15 октября вела ожесточённые бои по закреплению и расширению Сандомирского плацдарма. В январе 1945 года дивизия вошла в состав 3-й гвардейской армии 76-го стрелкового корпуса. На границе Польши и Германии немцы создали мощные оборонительные укрепления, в результате части дивизии вынуждены были приостановить наступление и перейти к обороне. 12 января 1945 года войска 1-го Украинского фронта приступили к проведению Висло-Одерской наступательной операции. Главный удар наносился с Сандомирского плацдарма, который заранее был заполнен, можно сказать, забит нашими войсками. Глубина прорыва до 500 км от Вислы до Одера. Противник подготовил на этом направлении семь оборонительных полос. За спиной врага был Берлин, выбора уже не оставалось.

В результате прорыва и дальнейшего наступления дивизии был взят г. Раков, а 16 января — г. Кельце. 28 января дивизия вышла к реке Одер. 30 января полки дивизии переправились через р. Одер и захватили ряд важных плацдармов. За форсирование Одера отцу была объявлена благодарность Верховного Главнокомандующего, а всего за время войны ему 10 раз объявлялась благодарность от Верховного Главнокомандующего.

22 февраля дивизия, ведя тяжёлые бои и отражая контратаки немцев, вышла к реке Нейсе. В марте-апреле дивизия закрепилась на берегу р. Нейсе по фронту 22 км. Держала оборону и приводила себя в порядок после тяжёлых наступательных боёв. 5 марта командир 868-го стрелкового Краснознамённого полка полковник Тарасов подписал наградной лист на отца: «Тов. Чиджавадзе в наступательных боях против немецких захватчиков проявил смелость и отвагу. Преследуя отступаю-

щего противника, в боях с 12 по 18 января 1945 года артиллерия полка во главе с тов. Чиджавадзе нанесла противнику большой урон в живой силе и технике — подбито свыше 200 автомашин, уничтожено 800 вражеских солдат и офицеров. 19.01.1945 г. враг неожиданно в районе Вуйшин (Польша) перешёл в яростную контратаку при поддержке танков, самоходных орудий и бронетранспортёров. Тов. Чиджавадзе, выбрав момент, стремительно и внезапно нанёс контратакующему противнику тяжёлые потери. Подбито 2 танка, 2 самоходных орудия и 6 бронетранспортёров. Контратака противника была успешно отражена.

В боях по расширению плацдарма на западном берегу реки Одер тов. Чиджавадзе 1–6 февраля 1945 года сумел чётко организовать взаимодействие полковой артиллерии с пехотой, благодаря чему артиллерийские и миномётные точки противника были подавлены и полк успешно выполнил поставленную командованием задачу. Тов. Чиджавадзе достоин правительственной награды — ордена Александра Невского».

Наградной лист был подписан и вышестоящими командирами, но по непонятным причинам эта награда до отца так и не дошла.

Битва за Берлин

С 24 февраля и до 16 апреля, начала Берлинской операции, наступила пауза. В Германии апрельские дни были очень тёплыми. Наши войска и все, кто их обеспечивал, укрывались в обширных лесных массивах восточнее р. Нейсе. Дивизия готовилась к завершающим сражениям. 16 апреля в 6.15 мощный гул потряс утреннюю тишину. 40 минут длилась мощная артиллерийская подготовка. Войска вновь перешли в наступление. Форсировали р. Нейсе и делали прорывы в первой, второй и третьей линии обороны противника. Перед полосой наступления дивизии стоял город Форст. Гарнизон города добровольную сдачу города отклонил. Ночью комдив получил приказ — мощной артподготовкой при содействии авиации уничтожить город. Разбитый город был взят.

Более подробно в своих воспоминаниях отец рассказал о боевых действиях дивизии и полка непосредственно при взятии Берлина: «В конце апреля 1945 года стремительное наступление наших частей на логово фашистской Германии поставило в крайне тяжёлые условия крупные силы немецких войск, которые действовали в лесах в районе Вендиш-Бухгольц, Тойнитц-Лукенвальде.

В результате успешных действий наших войск большая группировка немцев, состоявшая из основных сил 9-й и остатков частей 4-й танковой армии численностью примерно 20 тысяч человек, оказалась в «котле». Немцы не хотели сдаваться в плен нашим войскам, поэтому они старались любой ценой прорваться к союзным тогда нам войскам — американцам и англичанам.

Наша 287-я с.д. к утру 26 апреля совершила длительный переход, форсировала реку Шпрее у населённого пункта Аль-Шадов и вышла в район Ной-Люббенау-Шлепинг. 868-й стрелковый полк имел задачу овладеть г. Берут, перекрыть железную дорогу Берлин — Посен — Берут и к исходу дня 2 мая достичь крупного города Лукенвальде.

28 апреля в населённом пункте Краусник захватили немецкий госпиталь окружённой нами 36-й пехотной дивизии СС, в котором было много раненых. 29 апреля, продолжая наступление на город Вендиш-Бухгольц, мы встречали колонны немцев без оружия, которые под командованием немецких офицеров направлялись на сборный пункт военнопленных.

30 апреля мы овладели населёнными пунктами Одерцы, Штаков, Берут. 1 мая дивизии ставится задача «оседлать» шоссе Лукенвальде — Лёвендорф — Треббин. Шоссе второстепенное, но очень важное в стратегическом отношении. Именно по этому шоссе возможен был прорыв Берлинской и Дрезденской группировок немцев. 1 мая нас посадили на машины и поставили задачу не допустить прорыва окружённых немецких войск из города Лукенвальде на север к Берлину. 2 мая наша дивизия овладела Лукенвальде и вышла на северную окраину города. Наш 268-й полк занял оборону в населённом пункте Рулсдорф, что севернее Лукенвальде.

В момент занятия нами района обороны немцы сумели прорваться из района Виркхорст в район отметки 43,5. С выходом немцев восточнее и севернее окраины дер. Лурсдорф, где размещался штаб нашего полка, в бой вступил резерв командира полка, рота автоматчиков, батарея 45-мм пушек, комендантский взвод и все штабные офицеры. В результате боя немцы, понеся большие потери, вынуждены были остановиться. Однако значительной группе немцев удалось просочиться в лес севернее Рулсдорфа.

Часть просочившейся группы во главе с командиром зенитно-артиллерийской бригады на бронетранспортёрах, пройдя через боевые порядки батальона нашего полка, оказались на огневых позициях 76-мм и 45-мм батарей, которые стояли на развилке дороги севернее Рулсдорф. Создалась весьма серьёзная обстановка, но артиллеристы не дрогнули. Мы открыли огонь по атакующим бронетранспортёрам с очень близкого расстояния. У батареи 45-мм пушек дело дошло до рукопашной схватки (командир батареи капитан Кудряшёв). Мужественно сражались расчёты взвода под командованием лейтенанта Шомникова, командир орудия старшина Володин — кавалер всех трёх степеней орденов Славы, старшие сержанты Московчук и Терновой.

В результате этой схватки были подбиты три немецких бронетранспортера, в одном из них оказался командир зенитно-артиллерийской бригады немцев, которого мы взяли в плен. Вместе с полковником в бронетранспортёре оказались шесть автоматчиков и одна санитарка. Причём полковник оказался без одной ноги (на протезе)».

Командира зенитно-артиллерийской бригады отец лично разоружил, отобрал пистолет, автомат, кортик, флягу со спиртом, карту района боевых действий, курвиметр и часы. (Курвиметр — прибор для измерения расстояния по карте). Кстати, кортик и курвиметр долгие годы находились в нашей семье, отец часто показывал мне их. А в 60-е годы отец передал кортик и ещё ряд предметов в школьный музей, кажется, в д. Спасское-Лутовиново.

Всё же небольшой группе автоматчиков немцев удалось просочиться вглубь леса и обстрелять наш штаб полка, который находился в дер. Рулсдорф. В бой вступили разведчики, связисты, артиллеристы, офицеры штаба полка — Ф.Г. Соколов, В.А. Попов, А.П. Полевода, И.П. Пейкрешвили, Дронов и другие. В этой схватке погиб зам. командира полка майор Дронов. Был легко ранен и отец, получив осколочное ранение в область лица. Осколок прошёл буквально в нескольких мм от виска, и уже на второй день своего рождения я мог остаться без отца.

Смерть любимого молодого зам. командира полка у гвардейцев 868-го полка вызвала желание отомстить немцам и разгромить группировку немцев. И к концу дня 2 мая они взяли в плен до 500 солдат и офицеров, уничтожили более 300 гитлеровцев, 8 бронетранспортёров, прорвавшихся на огневые позиции 76-мм и 45-мм батарей.

2 мая немцы объявили о капитуляции. А в Праге началось восстание, и дивизия к концу 2 мая получила приказ совершить марш-бросок на юг, на Прагу, чтобы помочь восставшим пражанам и уничтожить пражскую группировку немцев. Овладение Прагой планировалось в самые сжатые сроки. За 7 суток дивизия прошла маршрут в 311 км. 9 мая Прага была освобождена.

Моя мать Балабина Анна Михайловна

Родилась 24 декабря 1921 г. в городе Дно Псковской области, который был крупным железнодорожным узлом. Мой дед Михаил Балабин работал на железной дороге на различных должностях. В 1925 г., работая мастером в Дновском депо, он тяжело заболел и умер в возрасте 42 лет. Моя бабушка Александра Семёновна осталась одна с 9 детьми на руках: старшему было 16 лет, младшему только исполнился год.

Детство у мамы было трудное, часто голодали, но бабушка Саша делала всё, чтобы поставить детей на ноги. После окончания 8 классов в феврале 1938 г. мать стала слушательницей курсов телеграфистов. В июне 1941 г. началась война, фронт очень быстро приближался к городу. В этой ситуации мама вместе с сестрой Ниной эвакуировались в посёлок Ново-Тарьял Марийской АССР, где они проработали в колхозе «Новый путь» до мая 1942 г. Затем они переехали в Сибирь, в Алтайский край, в село Тюменцево Тюменцевского района, где находилась в эвакуации их родная сестра Клава.

25 августа мама в добровольном порядке была призвана в ряды Красной Армии Барнаульским райвоенкоматом и направлена в Воронежскую школу радиосвязи в г. Новосибирск, а затем стала курсантом школы телеграфистов в Красноярске. В январе 1943 г. направлена на фронт на должность радиотелеграфистки отдельного батальона связи 35-го стрелкового корпуса 63-й армии Брянского фронта. В апреле 1943 г. направлена на должность телефонистки в батарею 76-мм пушек 868-го Краснознамённого стрелкового полка, где начальником артиллерии полка был мой будущий отец.

Анна Михайловна принимала активное участие в боевых действиях у г. Мценска, в освобождении Орловской, Брянской, Гомельской, Житомирской, Ровенской, Тернопольской, Волынской, Львовской областей. В боях на Сандомирском плацдарме была контужена.

Из характеристики председателя Совета ветеранов 287-й Новоград-Волынской стрелковой дивизии полковника В. Якунина:

«Коммунист Балабина в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками проявила замечательные качества советского воина — любовь к Родине, жгучую ненависть к врагу, мужество и отвагу, за что имеет ряд благодарностей Верховного Главнокомандующего, награждена орденом Отечественной войны II степени, многочисленными медалями».

А вот что писала газета «Каспиец» о матери в статье «Бесстрашная связистка» от 9 мая 1982 года:

«Огромную выдержку, закалку, бесстрашие проявила в боях с фашистскими захватчиками ефрейтор Анна Балабина (Чиджавадзе). Вместе с другими воинами её ещё в школе связистов научили прокладывать телефонно-кабельные линии, устранять повреждения, дежурить у телефона. Наука эта нехитрая, но, как оказалось впоследствии, важная для успеха боя.

Балабина отдавала все свои силы обеспечению связи. Она была способна сутками сидеть у аппарата без смены, выходить на линию, какой бы огонь ни бушевал вокруг. Особенно тяжёлой была обстановка в июле — августе 1943 года на Орловско-Курской дуге. В те дни на расположение полка несколько раз в день налетали фашистские бомбардировщики и штурмовики, вела огонь артиллерия, вражеские атаки следовали одна за другой.

Как ни была укрыта телефонная линия, проложенная от штаба полка к артиллерийской батарее, она часто повреждалась, так как огонь врага был очень плотен. В то тяжёлое время Анна показала пример образцового выполнения воинского долга. По нескольку раз в день, невзирая на рвавшиеся вокруг снаряды и мины, она выходила на линию, чтобы устранить повреждение. И связь продолжала чётко работать.

После особенно сильного огневого налёта линия всё же вышла из строя. Балабина стала пешим связным. Доставляя в штаб полка очередное донесение, она неожиданно столкнулась с двумя фашистскими ав-

томатчиками. Скрываться было поздно, и отважная связистка решила огнём проложить себе путь. Анна применила оружие раньше немцев и добилась успеха. Важное донесение было доставлено в срок.

Вместе со своими боевыми товарищами Балабина не раз форсировала водные преграды и обеспечивала телефонную связь. В победах полка была и доля ратного труда связистки Анны Михайловны Чиджавадзе».

Отец рассказывал, что однажды во время сильного огневого налёта немцев под ним была убита лошадь, и он оказался придавленным под ней. Рядом оказалась Анна Балабина, которая смогла под огнём вытащить контуженного отца и оттащить его в укрытие. После этого случая он обратил внимание на Анну, они полюбили друг друга. Так они и воевали вместе, пока в октябре 1944 года мать не была демобилизована.

Она вернулась в Дно, уже освобождённый от немцев, в родной дом к матери. Сразу устроилась заведующей столовой районного партактива. Вскоре ушла в декретный отпуск, а 1 мая 1945 г. родила мальчика. Это был я.

Война закончилась

В сентябре 1945 г. отец приехал в отпуск в Дно, забрал меня с матерью. В Вене, куда перевели отца, началась, наконец, нормальная семейная жизнь у моих родителей. Мы жили в пригороде Вены, где проживали все офицерские семьи. Весной 1948 года Австрию по договору покинули войска союзников, и отца перевели в Тулу. Началась наша жизнь в Туле.

Война наложила отпечаток на всю послевоенную жизнь отца. Он принимал самое активное участие в Совете ветеранов 287-й гвардейской стрелковой дивизии, в написании боевого пути дивизии в годы войны. Вместе с однополчанами он совершил много поездок по местам боев дивизии, участвовал в многочисленных встречах с местными жителями городов, населенных пунктов, которые им пришлось освобождать от немецко-фашистских захватчиков. Отец вел огромную переписку со своими боевыми товарищами-однополчанами. Я помню, как почтальон приносил иногда, особенно перед Днем Победы и 23 февраля, десятки писем от однополчан, пионерских организаций и трудовых коллективов, где ему приходилось выступать. В 1965 году, в год 20-летия победы над фашистской Германией, отец получил письмо от своего однополчанина, бывшего заместителя командира полка майора запаса Ф. Я. Кисельникова, в котором рассказывалось о подвигах однополчан. Письмо было специально написано для заводской газеты «Кировец», где работал отец. Вот некоторые отрывки из этого письма, которые касаются лично отца:

«Незабываемы суровые фронтовые дни и жестокие бои. Наша память никогда не забудет боевых друзей — живых и мёртвых. Нельзя забыть того, что пережито нами и всем нашим народом.

Корнел Павлович Чиджавадзе начал службу в нашем полку лейтенантом (он был назначен командиром огневого взвода) и закончил её в должности начальника артиллерии полка. Вместе со своими боевыми друзьями он прошёл дорогами войны тяжёлый путь. На него легли суровые испытания 1941 года, когда дивизия вела бои в окружении врага в брянских лесах. Батарейцы прорвались сквозь огненное кольцо и вышли из окружения.

В артиллерии подвиг одного — редкое явление. В артиллерии подвиг совершает весь расчёт, взвод или батарея. Сплочённость артиллеристов — эта грозная сила советского войска. Поэтому боевые дела и подвиги офицера Чиджавадзе К. П. неотделимы от его боевых товарищей.

Мужество и хладнокровие проявили батарейцы Чиджавадзе в день прорыва вражеской обороны у села Орловка в июле 1943 года. Мастерство и находчивость показали его подчинённые по завоеванию плацдармов по реке Сож. Они в упор стреляли картечью по наступавшим немцам. И когда из строя выходили артиллерийские расчёты, сами командиры подразделений вели огонь, подносили снаряды.

Будучи командиром, Чиджавадзе не только требовал, но и учил своих подчинённых. Он умел доходчиво передать свой боевой опыт. И за это они были благодарны своему командиру. Его воспитанники: капитан Минулин А. С., старшие лейтенанты Кудряшов и Ефремов, лейтенант Довгал и другие — всегда с любовью относились к своему старшему товарищу. Их фронтовая дружба не мешала безупречной службе» (газета «Кировец» от 1 апреля 1965 года).

После окончания войны в июне 1945 года 287-я стрелковая дивизия, с которой отец прошёл всю войну, была расформирована и отца назначили заместителем командира полка по артиллерии 44-го гвардейского механизированного полка 13-й гвардейской механизированной дивизии, которая дислоцировалась в Вене (Австрия) в составе Центральной группы войск. В августе 1945 года отец был назначен командиром батальона этого же полка.

После того, как в 1948 году из Австрии по договорённости с союзниками — США, Великобританией и Францией были выведены все оккупационные войска, отец в марте 1948 года был назначен командиром дивизиона 205-го гвардейского артиллерийско-десантного полка 106-й гвардейской дивизии ВДВ, которая дислоцировалась в Туле. 15 ноября 1950 года отец был награждён медалью «За боевые заслуги». 12 октября ему было присвоено очередное воинское звание подполковник.

Отцу было трудно перестроиться после войны, ведь он начал войну совсем молодым, училище перед войной закончил ускоренно. Поэтому не обладал в полной мере методическими способностями уже в мирное время в проведении занятий по специальности, методикой обучения и воспитания личного состава. А должность командира дивизиона требовала этих навыков.

В феврале 1954 года в связи с большим сокращением Вооружённых Сил отец в возрасте 37 лет попал под сокращение и был уволен в запас,

не дослужив полтора года до полной пенсии (25 лет). Он пошёл работать на Тульский патронный завод сменным инженером-энергетиком в отдел Главного энергетика завода. На этом заводе на различных должностях отец проработал 35 лет, до 1989 года, пока тяжёлая болезнь не приковала его к постели. В 1977 года он стал персональным пенсионером республиканского значения, неоднократно становился лауреатом заводских премий за большую работу по военно-патриотическому воспитанию молодёжи. В 1990 году отец умер в возрасте 73 лет.

P.S.

Военная династия Чиджавадзе продолжается

Тула на долгие годы стала моим родным городом. В 1962 году я окончил 11 среднюю школу (на ул. Менделеевской), в этом же году поступил в Тульский политехнический институт. В 1971 г. я был призван в Военно-Морской флот. Начиналась служба в Хабаровске на Краснознамённой Амурской флотилии, где я экстерном окончил военно-морское училище, а в 1974 году был переведён на Камчатку, на Камчатскую военную флотилию, где прослужил 7 лет. После окончания в 1980 г. Военно-политической академии был назначен преподавателем в Баку в Высшее военно-морское училище. В 1984 году был переведён в Москву в части центрального подчинения ВМФ и в 1991 году был уволен в запас. После увольнения почти 15 лет работал в школе учителем истории и обществоведения в Москве и Туле. Принимаю активное участие в работе «Тульского Морского собрания», постоянно выступаю перед молодёжью в школах и других учебных заведениях.

В 2000 году по моей просьбе после окончания колледжа на военную службу был призван мой сын в 106-ю Воздушно-десантную дивизию, 51-й полк, туда, где служил его дед. Через полгода его первый батальон был направлен в Чечню. Полковая группа дислоцировалась в Аргунском ущелье. В течение 8 месяцев сын Алексей принимал участие в боевых действиях в Чечне. После окончания службы он окончил Тульский государственный университет, женился и в настоящее время живёт и работает в Москве, участник боевых действий. Подрастает внук Вадим, которому недавно исполнилось 16 лет. Я думаю, что он тоже продолжит нашу военную династию, когда придёт срок службы.

Владимир Корнелович Чиджавадзе (справа)

РОДОМ С УРАЛА

Голованова Ирина Федоровна, 64 года,
к.п.н., учитель истории ГБОУ гимназии имени Б.Б. Голицына ,
г. Санкт-Петербург

Памяти моих родителей
Федора и Евдокии Головановых
посвящается

Икона Табынской Божьей Матери

Родилась я на Южном Урале восьмым ребенком в большой семье Федора Абрамовича и Евдокии Васильевны Головановых, спустя 10 лет после войны. Энергетика этих мест потрясающая: ведь именно здесь, по уральскому хребту, проходит встреча Европы с Азией. Здесь, как указывают библейские предания, расселились в древности иафетяне. Эти места прославлены четырежды явлением чудотворной иконы Табынской Божьей Матери — покровительницы уральских казаков. На местах Её явления открылись 16 целебных ключей. Называлась местность издавна Богоявленскою, но в советское время была переименована в Красноусольскую. В 5 км от Табынска, в деревне Старый Утереш, жил герой пугачевского восстания 1773–1775 годов Салават Юлаев. А.С. Пушкин упоминает Табынск в повести «Капитанская дочка» как место, где никто не пошел за смутьянами. Хотя есть и другие данные. Здесь веруют, что местночтимая икона Табынской Божьей Матери спасет человечество [5].

Корни. Семейная история стала занимать меня особо, когда один за другим стали уходить в мир иной сначала папа (1912–1999), потом старший брат Владик (1938–2009), а следом за ними — мама (1917–2009). В нашей семье было рождено 10 детей, а выжили из них только половина, пятеро. Четыре братика и одна сестричка умерли в младенческом возрасте. Мама всю жизнь оплакивала их, не переживших инфекционных болезней, тяжелых родов и плохих условий жизни. Что и говорить, жизнь была трудная, и выжить было непросто!

В семейном архиве [2] помимо фотографий, свидетельств ЗАГСа, дипломов, трудовых книжек хранятся 12 уникальных рукописных справок, заверенных серьезными печатями. Документы характеризуют суровое бдительное время освидетельствований личности без применения печатных машинок, и тем более компьютера и электронного документооборота.

Наша семья с детьми Владиком, Колей и Ларисой в 1950 году в Каменск-Уральске

Родина маминой семьи (Антоновых — Сухановых) — легендарное село Табынск (с 2006 года Табынское), основанное как крепость еще в 1574 году при Иоанне Грозном в ходе взятия Казанского ханства [3, 1]. Село-крепость испокон веков служило форпостом охраны российских имперских интересов. В 1689 году Петр Первый сослал туда 200 участников стрелецкого бунта [3]. Три месяца пеший конвой вел их из Москвы. Позже потомки опальных стрельцов влились в уральское (оренбургское) казачество.

В ревизских сказках фамилия Антоновых не упоминается, что может означать некрепостническое, вольное состояние рода. Мамин отец, Василий Григорьевич Антонов (1880–1943), принадлежал, предположительно, к ветви обедневшего служилого казачества, образованного из потомков ссыльных стрельцов. Казаки с 1835 года были переведены служить в Павлодарскую область, а оставшиеся в Табынске, под влиянием реформ Александра Второго, расслоились на крестьянскую бедноту и батраков. Народ красивый, горделивый, знающий себе цену, не просто выжил в чуждой среде, а прямо-таки слился с могучей природой, впитал ее в себя, уважая русскую традицию. А традиция — в преданиях, что все они — люди московские, государству полезные, живут честной службою, былинные богатыри.

Мятежный дух казачьей вольницы сохранила местная речь. Чистейший русский язык — образный, емкий составил основу культуры местности за пару столетий. В нем встречались сильные архетипичные русские глаголы: «сказывать», «волтузить», «скукожиться», «костерить», «кручиниться», «скуерочиться», «растелешиться», «хохлиться», «кочевряжиться», «ухандокать»... Грубоватые, устрашающие властные поговорки типа: «Молчать! Пока зубы торчат» или «Видал пуд (кулак)?! Намочу — два будет!». Отцов называли тятями. Повеселиться, однако, любили,

Мама в 1954 году с родней. Справа налево, нижний ряд: Паня — старшая сестра мамы, Саша — сын тети Пани; верхний ряд: Коля (мл. сын Пани) с женой Нюрой, Дуся (мама), Игнат Лысюк (муж Пани)

почти все мужики играли на гармошке, плясали. В каждой семье было по 10–12 детей [4, 3].

Мария Михайловна, в девичестве Суханова (1880-1955)

К началу двадцатого века в Табынском проживало около пяти тысяч народу, преимущественно женщин. Было четыре школы, стоял храм Вознесения Господня, где служил певчим наш дед Василий. Работал он в Табынске столяром-плотником, лесником и бакенщиком. Строил и продавал лодки-долбленки. Всего в маминой семье было 11 детей. Память и гордость о своей былой особенной роли в государстве, ответственность за дела Отечества прочно вошли в сознание табынского потомства. Жена деда Василия — бабушка Маша имела по матери (бабке-повитухе) мордовские корни. Росла без отца, который рано умер. За добрый нрав ее прозвали сироткой-смиренницей. Бабушка Маша была замечательной матерью своим детям и хорошей бабушкой внукам, любила всех и всем угождала.

Пуще всякой беды опасался Василий Григорьевич людей нерусских вообще и особенно евреев и немцев, с их совершенно непонятым дедом неправославием, выражавшимся, по его мнению, в бездушном, безжалостном отношении к русским солдатам на фронте Первой мировой, которую до последнего звонка отслужил дед. Там он едва не остался без ноги и не получил водянку во время сидения в пинских болотах по милости врача и командира с нерусскими фамилиями. «Душенька, — говорил он любимой младшей дочке, моей маме, — остерегайся чужого народа-нехристей, потому как есть в них нечистый дух и вражья сила».

Папина семья тоже была русского роду-племени, издавна поселившегося в Башкирии. И хотя звали нашего деда Абрам (1899–1935), но за его предками стояли Артемий, Семен, Иван, а сам он работал кузнецом. Его жена — бабушка Хрестя (1898–1976) — была православной христианкой-молитвенницей, и до сего дня сохранились ее иконы от семнадцатого века. Папину семью называли кулугурами — так православные «обзывали» староверов (а заодно протестантов, жидовствующих) [5]. Деревня Саратовка Стерлитамакского уезда, из которой папа был родом, была построена на землях, купленных немецкими колонистами в 1867 году в местах вотчинного башкирского землевладения. После отмены крепостного права государство разрешало их дешево продавать — всего по 3 рубля за гектар [1, с. 26].

Тяга к знаниям и городской жизни определила судьбу рода.

В многочисленном потомстве Христины и Абрама почти все мальчики — инженеры, девочки — учителя.

Папа и мама прошли через комсомол, рабфак, самообразование. Родители были убежденными советскими людьми: социально активными

тружениками, приспособленными к любым жизненным условиям. Закончив всего 6 классов 3-й Табынской школы в 1934 году, мама участвовала в движении ликвидации неграмотности среди домохозяек и бойцов с 01.10.1937 по 15.01.1938 год [2]. Рано научилась шить и вязать, ловко собирала и заготавливала природные дары, работала до глубокой старости цветоводом. Папа учился всю жизнь, имел 14 специальностей: шофер-таксист, электрик, слесарь, плотник, работал всю войну авиамотористом (свидетельство об окончании курсов младших авиаспециалистов и младшего комсостава) на Уральском авиационном заводе, был награжден орденом [2]. Мама в войну работала воспитателем уральской Детской трудовой воспитательной колонии [2].

Война. Война вошла в нашу семью в 1939 году. Мамин брат Александр Васильевич Антонов (1914 г.р.) был призван Красноусольским райвоенкоматом на войну с белофиннами. О его боевой биографии сохранились строки в «Книге памяти» за 1940 год [6].

Петр и Иван, мамины братья, тоже воевали. О Петре Васильевиче Антонове (1907–1972) сохранились сведения, что он служил красноармейцем 601-го мотострелкового полка 82-й мотострелковой дивизии.

Из маминых рассказов знаю, что брат Иван Васильевич Антонов (1912–?) всю войну служил солдатом, после демобилизации чудом нашел родную деревню. Не узнавал родных, мычал в ответ на расспросы. Но быстро вылечился, стал совершенно вменяемым и здоровым, проспав две недели крепким сном.

Гибель на войне 19-летнего юного Ленечки, талантливого гармониста, умевшего мастерить гармони, так и не вместилась в сознание его матери Прасковьи Васильевны (тети Пани, родной маминой сестры). Она подходила после войны к каждому молодому солдатику, мобилизованному с фронта, называя его Ленечкой, звала в избу покушать. «Я ведь знаю, Дуся, что это Ленька», — с радостной улыбкой говорила она моей маме. Мама, вспоминая это, безутешно плакала.

Воевали два папиных брата: Николай (1917 г.р.) и Евсей.

Справа налево: Федор (мой отец) и Евсей, братья, в 1938 году

Голованов Николай Абрамович — мл. политрук, служил в городе Гродно (Белоруссия). Был ранен 10 августа 1941 г. С 18 августа по 11 октября 1941 г. «находился на лечении в эвакогоспитале 1860 города Рязани по поводу сквозного пулевого ранения правого предплечья и колотого ранения бедра» (данные справки Стерлитамакского райвоенкомата. Семейный

архив). Выписан годным к строевой службе 11 октября 41 г. Погиб 12 октября 1941 г. (по данным Приказа НКО СССР ном. 220 Луховицкого райвоенкомата, нач. 1 части Ратников). В мае 1941 года родился его сын Станислав, который носит фамилию матери — Горенков. Сведения эти собраны его родной сестрой, моей тетей Агриппиной Абрамовной Байдаковой, учителем-краеведом. Справка ЦАМО: «Голованов Н. А. 1917 г.р., политический руководитель роты 59 СП, 85 СД. погиб 21.10.41. Член ВКПБ, в РККА с 1938 г. Родственники: Горенкова Ольга Ивановна г. Челябинск». Дядя Коля погиб в 24 года.

Николай Абрамович Голованов

Дядя Евсей, родной брат моего отца и Николая, погибшего на войне, был призван в РККА 22 октября 1941 года в звании старшего сержанта в кавалерийские войска, потом в пехоту. Под Великими Луками был ранен в глаза осколком мины. Полгода лежал в госпитале в Тбилиси. На него пришла похоронка. Вернулся домой инвалидом первой группы в июне 1944 года. В 1962 году после операции на глазу стал видеть. Награжден медалью «За отвагу» и орденом Великой Отечественной войны I степени.

Из подробностей военного времени в тылу. Всю войну и до 1955 года наша семья прожила в поселке Чкаловском Каменск-Уральского района Свердловской области. Мама родила во время войны двух сыновей — Стасика (1941), Славика (1942) и еще одну девочку (1944), которая умерла в родах, даже не успев получить имени. Мои братья Владик, Стасик и Славик были названы польскими именами потому, что наша семья дружила с поляками, эвакуированными на Урал как перемещенные лица в процессе перехода Западной Украины в состав СССР.

С болью вспоминала мама, как умерли один за другим ее красивые мальчики, заболевшие крупозным воспалением легких. Антибиотиков тогда не было. Нужда ощущалась во всем. Люди были очень бедно одеты и испытывали сильную нужду в теплых вещах и обуви. Мама рассказывала,что в 1941–1943 годах присылали с фронта одежду и обувь, снятую с убитых солдат, которую распределяли среди рабочих и домохозяек. Женщины отстирывали, штопали одежду и использовали для дальнейшей носки. Наша красавица мама вынуждена была носить в то тяжкое время вместо пальто бушлат, толстовку и кирзовые сапоги. Работала она тогда воспитателем детской колонии. Однажды услышала, как сотрудник в спину назвал ее презрительно «стройбатом». Это заставило маму пересмотреть свой гардероб. Она с большим напрягом купила хорошие «отрезы» и сама сшила себе скромное красивое платье и двубортное пальто.

Брат Владик вспоминал о посылках оборудования, получаемых по ленд-лизу. Американские станки и оборудование были просалены от ржавения «лярдом» — топленым салом. На этом сале уральцы жарили картошку.

Именно там, в Каменск-Уральском, родились мои сестры Лариса (1945 г.р.) и Таня (1952 г.р.), брат Николай (1947 г.р.), названный именем погибшего на фронте дяди Коли.

Я родилась в 1955 уже на станции Белое Озеро, в 12 км от Табынска, куда наша семья переехала в 1954 году, прожив там всего 4 года.

В 1959 году под влиянием переселенческой политики партии наша семья, как и многие русские семьи, переехала из Башкирии в казахстанский город — новостройку Рудный, прожив там почти 30 лет. Этот период для нашей семьи можно назвать познавательным. Здесь папа закончил индустриальный техникум, получив инженерный диплом в 45 лет. Книги и газеты в то время занимали в нашем доме почетное место. Высшей ценностью оставались учеба, спорт, музыка, творчество. Мы любили авторскую песню, походы, посещали спортивные секции по гимнастике, баскетболу, футболу. Парни отслужили в армии. «Мои лучшие годы прошли на флоте», — говорил старший брат Владик, отслуживший 4 года на Черном море.

Старшие братья и сестры научили меня всему: чистить зубы утром и вечером, уже в четыре года я бегло читала не только по-русски, но и по-английски. Лариса знакомила меня с произведениями раннего Горького, а Таня — с немецкими стихами... Одевали и обували меня тоже сестры. С одеждой в те времена было туго.

Все мы получили высшее образование. Мальчики выучились на инженеров, Лариса — на библиотекаря, Татьяна — учитель русского языка и литературы, Ирина — историк, а в 2005 году получила ученую кандидатскую степень по специальности «педагогика». Почти полвека все мы живем в Санкт-Петербурге, осуществив мамину мечту, — именно здесь учился в военно-морском училище им. М. В. Фрунзе, жил и умер ее старший брат Петр.

Семья, 1961 г. Внизу (справа налево): Евдокия Васильевна, Таня, Федор Абрамович, Владик, Лариса, Ирина, Николай. г. Рудный Кустанайской обл.

Потомство наших родителей насчитывает 10 внуков, 10 правнуков, 5 праправнуков. Большое семейство рассеялось: основная часть его проживает в Санкт-Петербурге и Москве, а половина живет в Казахстане, США, Израиле.

Как не вспомнить деда Василия, который завещал сберечь свой род для России и предостерегал дочку Дусю от иноплеменных связей?!

И все же, надо отметить, что наше потомство продолжает сеять «разумное, доброе, вечное» и среди других народов. Моя дочь Соня работает тьютором по сопровождению лиц с расстройством аутистического спектра в Тель-Авиве, а племянница Юлиана преподает в русской школе города Бельмонт (США, Сан-Франциско) русский язык по своей собственной методике, сочетая его с рисованием, коллажированием и другими видами творчества. Имеет добрую славу хорошего учителя, автора художественных произведений, имеющих выставочный успех. В русской школе учатся ее дети Даниил, Вика и Настя. Там же, в Сан-Франциско, ныне находится прославленная чудесами Табынская икона Богоматери.

Все наши дети и внуки сохранили российское гражданство и, конечно же, возвратятся домой, обогащенные зарубежным опытом, употребляя его во благо России, как бы этого и желал дедушка Василий.

Сегодня в селе Табынском проживает всего 200 человек. Но, говорят, табынцы все те же: работящие, патриотичные, любящие песни и пляски. Все женщины — красавицы, мужики — боевые и домовитые. Возрожден Храм Вознесения Господня, в котором служил на клиросе дедушка Василий. Река Белая (Агидель) с песчаными обрывистыми берегами все еще богата рыбой. Там водится даже стерлядка, так любимая нашей мамой...

Литература и источники:

1. *Ремезов Н. В.* Очерки из жизни дикой Башкирии. Быль в сказочной стране. — Москва, 1889.

2. Семейный архив Головановых и Байдаковых. Справки, документы, фотографии.

3. История деревни Табынск. URL: https://nailtimler.com/bashkortostan/gafuriyskiy_rayon/gafuriyskiy_rayon_tabynskoe.html (дата обращения 10.05.2020).

4. *Голованова И.Ф.* Русская башкирка из села Табынское // Петербург национальный. 2007. Выпуск посвящен 450-летию вхождения Башкирии в состав Российского государства.

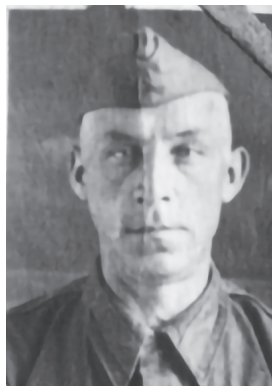
5. Вехи истории. Кто такие кулугуры и почему их на Руси недолюбливали. URL: https://zen.yandex.ru/media/biografia/kto-takie-kulugury-i-pochemu-ih-na-rusi-nedoliublivali-5d820607c49f2900ad7467f8 (дата обращения 10.05.2020)

6. Книга Памяти 1939–1940 гг. URL: http://www.patriot-izdat.ru/memory/?page=211&letter=0

7. Саратовка. Генеалогия и архивы. URL: http://ufagen.ru/places/sterlitamakskiy/saratovka.html (дата обращения: 10.05.2020).

СВЕТ ПАМЯТИ

Самарцева Елена Игоревна, 58 лет,
доктор исторических наук, профессор, академик РАЕ,
ученый секретарь ФГБУК
«Тульский государственный музей оружия»,
г. Тула



Тихон Демьянович Самарцев

На этой маленькой фотографии, переснятой из старого альбома, мой дед — Тихон Демьянович Самарцев (1898–10.11.1942). До войны он жил в уютном, затерявшемся в вятских лесах городке Уржуме. Дорожил супругой Лидией и двумя сынишками: старшим — Игорем и младшим — Сергеем. Был увлечен своей работой лесовода. Однажды нашел в лесу двух погибающих новорожденных медвежат, принёс домой. Выходили. Медвежата росли вместе с детьми, а старшее поколение считали родителями. Через несколько месяцев зверюшки стали баловаться, даже печную трубу на крыше дома разобрали. Что ж, в далеком от Уржума цирке их приняли с радостью.

«Воскресным днём 22 июня 1941 г., — вспоминал Игорь Тихонович Самарцев, — мы с отцом баловались, возились на полу, как вдруг по радио объявили о войне...» Тихон Демьянович стал гвардии младшим сержантом 103-го мин. полка. Через полтора года на обороте его другой, гражданской фотографии, старший сын написал: «Мой милый папа умер в 2 ч.д. 9 ноября». Детям предстояло расти без отца.

Война чуть не догнала Игоря в далеком от фронта Уржуме. Не подлежащей ремонту техники хватало в окрестных лесах. Девятилетний мальчишка залез в танк и три дня не мог открыть крышку люка. Чудом его отыскал товарищ отца.

Игорю 13 лет, Сереже 6 лет. 7/IX/46 г. Уржум

Бои близ Сталинграда в 1942-м были страшные, место захоронения Тихона Демьяновича долгое время оставалось неизвестным. Информацию о том, что погиб в бою и похоронен на хуторе Бобровском Волгоградской области, сумела разыскать одна из его правнучек — Мария, работающая ныне в Тульском военно-историческом музее.

Свою находку она сделала в 2016 году, незадолго до смерти Сергея Тихоновича Самарцева (12.08.1940–30.04.2016).

Он был очень признателен племяннице за известие об отце. Разговор о профессиональном пути Сергея Тихоновича, инженера, покорявшего вечную мерзлоту, — отдельная тема.

Сергей Тихонович Самарцев

Что же касается Игоря Тихоновича, то благодаря ему маленькая военная фотография отца объехала полмира. «Хочу, чтобы отец всегда был со мной, видел все те места, где я побывал», — говорил старший сын.

Кстати, день 22 июня ещё раз судьбоносно отразился в жизни И. Т. Самарцева. Обучаясь в Свердловском горном институте (ныне — г. Екатеринбург), Игорь сделал предложение студентке института иностранных языков — Раечке (или Ясе — Ясному Солнышку). В своём письме он утверждал, что её возможный отказ стать супругой будет равносилен для него трагедии потери отца. Расписались 22 июня 1957 г. Так получилось, шли они по летнему Свердловску, зашли в ЗАГС. «Там служительница вытащила амбарную книгу, — смеялась мама. — Меня записали в «приход», а Игоря — в «расход». Молодые и не знали, какой день на дворе. «Счастливые часов не наблюдают». Свадьбу сыграли позже, у родителей Раечки, в г. Каменск-Уральский. Её отец фронтовик — Максим Михайлович Челдышев (12.08.1908–10.07.1970) был чрезвычайно доволен выбором дочери. Позже внучки приставали к дедушке с расспросами о войне. Он только говорил, что был поваром. Отшучивался и, вообще, был очень мягким и добрым человеком. О том, как спасал товарищей, как под обстрелами возил на грузовике продукты по «Дороге жизни» в Ленинград, о его наградах, мы узнали много позже.

Игорь Тихонович Самарцев

А у Раисы Максимовны (10.10.1934–16.12.2019) и Игоря Тихоновича (19.02.1933–08.02.2020) были более 60 лет совместной жизни. Недавно ушли в мир иной друг за другом.

Но вернемся к маленькой фотографии, свет которой во многом стал путеводной звездой для детей, внуков, правнуков Тихона Демьяновича. Его сыновей уже нет в живых, но память сберегается другими поколениями. К доброй памяти о Тихоне присоединяются не менее добрые воспоминания об

Максим Михайлович Челдышев

Игоре и Сергее. О каждом из них можно рассказать много значимого, интересного, но в данном контексте ограничусь небольшим припоминанием о 80-летнем юбилее И. Т. Самарцева. Друзья-геологи присылали поздравления, в которых как раз и отражена его жизнь. Жизнь, которую он прошел, не расставаясь с военной фотографией отца.

Итак, из поздравления:

«Дружище! **Дорогой ты наш Игорь Тихонович Самарцев!**

«Разведчики, геологи,
Романтики Земли —
Пути скитаний долгие
По всей стране прошли!»

С Юбилеем, Первооткрыватель! С восьмидесятилетием! Ты помнишь:

«В горах и в пустыне, у жерла вулкана,
В тайге или в тундре (подальше от трасс),
В глубоком забое, на дне океана
И в космосе есть работёнка для нас!»

Привет и наилучшие пожелания — с Камчатки, Земли Франца-Иосифа, Чукотки, Байкала, Абакана, с берегов моря Аральского и моря Баренцева, из Узбекистана и Казахстана, от Уральских «глубоких горизонтов» и — таёжных «полевых сезонов»! Счастья тебе, радости, благополучия! И ещё:

«Путь к рассветам и закатам
По горам и перекатам,
Где себе не надо лгать,
Очень труден, очень долог,
Но на то ты и геолог,
Чтобы каждый день шагать.
Наши судьбы — те же тропки,
Что положе — то для робких,
А для дерзких — хаос скал.
Время выветрило грёзы!
Путь к поэзии от прозы
Прочих во сто крат трудней,
Он тернист и очень долог,
Но иди, коль ты геолог,
Не считая вёрст и дней»

Друзья, коллеги, ученики»

Р. М. и И. Т. Самарцевы

И ещё любопытный момент. Пожалуй, отличительной чертой (без оценки «хорошо-плохо») Самарцевых была личная скромность. По итогам защиты диссертации Игорю Тихоновичу решили сразу присудить ученую степень доктора геолого-минералогических наук, а он отказался. Сказал, что мол, вполне достаточно быть кандидатом. А из своих наград предпочитал не ордена и медали, а серебряный памятный знак «300 лет горно-геологической службе России». Впрочем, строка удостоверения перед его фамилией весьма красноречива: «Первооткрывателю месторождений...»

Спасибо вам, мои родные, что прожили достойную жизнь, что свет семейной памяти по-настоящему согревает ныне живущих. И пусть НИКОГДА больше не будет войн и послевоенных тягот! Ведь об этом мечтали все, кто защищали страну в 40-е, недоедали в 50-е; самоотверженно трудились в 60-е, растили детей в 70-е; дружили и верили в лучшее в 80-е.

Первомайская демонстрация 1967 г. в Туле. Колонна Центрального научно-исследовательского геолого-разведочного института (ЦНИГРИ). А я — в шляпе!

МОИ ГЕРОИЧЕСКИЕ РОДИТЕЛИ

Береговой Владимир Васильевич, 66 лет,
главный специалист технологического отдела программного оборудования АО «АК Туламашзавод», инженер,
член Попечительского совета
Тульского государственного машиностроительного колледжа имени Никиты Демидова,
ветеран труда,
г. Тула

В.С. Береговой. 1941 г.

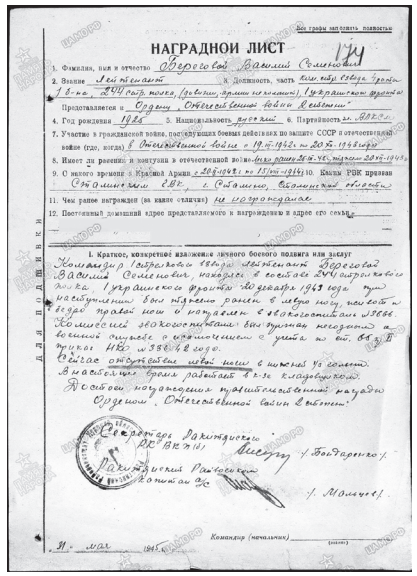
Мой отец, Береговой Василий Семенович, родился 21 мая 1925 года в с. Васильевка Ракитянского района Курской области. С 1939 по 1941 год после 7 лет обучения в средней школе учился в школе ФЗУ Краматорского комбината (ныне это машиностроительный техникум). В 1941 году школа была эвакуирована в Сталинск (Новокузнецк) Кемеровской области. Всего в Кемеровскую область было эвакуировано 5 школ ФЗУ и около 70 заводов и промышленных предприятий. На одном из металлургических заводов Василий работал бригадиром штамповщиков.

В феврале 1942 года в возрасте семнадцати с половиной лет Василий был призван в армию Сталинским ГВК г. Сталино (Донецк) Сталинской области. Так записано в его наградных документах. Вероятно, произошла ошибка — Сталинский ГВК был не Сталинской (ныне Донецкой), а Кемеровской области. И вообще города с именем Сталина в судьбе отца сыграли очень важную роль: в Сталинске он начал свой трудовой путь, в Сталиногорске (Новомосковске) работал, Сталинград защищала его будущая жена…

Боевую подготовку юноша проходил в полковой школе Омского военного округа, по окончании которой был направлен на фронт. В составе 244-й стрелковой дивизии Юго-Западного фронта в мае 1942 года участвовал в Харьковской наступательной операции, в августе-сентябре 1943 г. — в Донбасской стратегической операции, в результате которой был освобожден Донбасс, в октябре — в Запорожской операции.

20 октября 1943 г. на основании директивы Ставки ВГК от 16 октября 1943 г. Юго-Западный фронт был переименован в 3-й Украинский. С октября по декабрь 1943 года в историографии войны выделяют второй период битвы за Днепр. Первой задачей наших войск было максимально ликвидировать все укрепления, выстроенные фашистами. В одном из

наступлений при форсировании Днепра 20.12.1943 г. мой отец был тяжело ранен в левую ногу, живот и бедро правой ноги. Был направлен в эвакогоспиталь № 3666 в г. Ташкент. Через некоторое время началась гангрена левой ноги и ее ампутировали. Около года отец кочевал по госпиталям, признан негодным к военной службе и комиссован. Многочисленные осколки оставались до конца дней в теле отца…



НАГРАДНОЙ ЛИСТ

1. Фамилия, имя и отчество Береговой Василий Семенович
2. Звание Рядовой
3. Должность, часть
4. Год рождения 1925
5. Национальность
6. Партийность
7. Участие в гражданской войне, перечислить боевые действия по защите СССР и отечественной войне (где, когда)
8. Имеет ли ранения и контузии в отечественной войне
9. С какого времени в Красной Армии
10. Когда РВК призван
11. Чем ранее награжден (за какие отличия)
12. Постоянный домашний адрес представляемого к награждению и адрес его семьи

I. Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг

Командир

Наградной лист Берегового В.С.

В июле 1946 г. В.С. Береговой был награжден медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» В августе 1946 г. был представлен к ордену Отечественной войны II степени. В 1985 г. награжден орденом Отечественной войны I степени.

Вернулся домой. Всего 20 лет. Без ноги. Надо было учиться жить по-новому. Не сдался. Не сломался. Сначала работал в колхозе, потом переехал в г. Сталиногорск (Новомосковск), закончил профтехшколу инвалидов. С 1950 по 1956 гг. работал председателем правления клуба шахты 22, потом заведующим клубом поселка Брусянский, директором кинотеатра «Спутник», воспитателем в пионерской комнате поселка Горняцкий. Параллельно учился в школе рабочей молодежи. В 1962 г. поступил, а в 1966 г. закончил Тульское культурно-просветительное училище по специальности «организатор и методист клубной работы».

В 1965 г. Василий Семенович назначен директором Дома культуры поселка Партизан Узловского района. Здесь особенно проявились его организаторские способности. Дом культуры зажил новой жизнью, став центром массовой работы в поселке. Днем шли занятия в кружках детского сектора, по вечерам приходили взрослые: шахтеры, строители, рабочие, представители интеллигенции, домохозяйки. Здесь каждый находил себе отдых по душе. Можно было послушать лекцию, посмотреть фильм или концерт. Некоторые предпочитали активную форму отдыха: участвовали в кружках художественной самодеятельности. Хор, танцевальный коллектив, агитбригада, ансамбль баянистов, оркестр духовой музыки — вот далеко не полный перечень музыкальных коллективов, созданных в клубе и хорошо известных в районе. Самодеятельные артисты неоднократно побеждали в местных и зональных конкурсах.

В мае 1971 г. коллективу Дома культуры были вручены Красное знамя и денежная премия. Душой всех дел и начинаний являлся В. С. Береговой. Он старался всем помочь, успокоить, зажечь новой идеей, подбод-

рить, вселить уверенность в успехе дела. Был наставником и учителем молодых культпросветработников.

Отец старался приобщить к культуре как можно больше жителей поселка. Я был маленьким мальчиком, но хорошо помню, как с концертами в наш небольшой шахтерский поселок приезжали Майя Кристалинская, Клавдия Шульженко, Георгий Вицин, Юрий Никулин, Евгений Моргунов и многие другие замечательные артисты. А сколько было проведено огоньков, концертов, тематических вечеров: «Славные дочери России», «Свободный народ не даст себя победить» и множество других. Красиво оформленный зал, взволнованные слова ветеранов, тружениц тыла, слезы в глазах гостей. И долго звучали любимые песни в исполнении самодеятельных артистов...

В.С. Береговой, 1985 г.

В.С. Береговой В.С., 1989 г.

В Доме культуры поселка Партизан В.С. Береговой проработал 26 лет. Я удивлялся, откуда мой отец берет силы: с раннего утра и до позднего вечера он на работе — с улыбкой, хорошим настроением, планами на будущее. И только мы с мамой видели гримасу боли, когда он после работы стаскивал с себя протез, который я, уже взрослый, с трудом поднимал двумя руками.

За безупречную и плодотворную работу В.С. Береговой удостоен звания «Заслуженный работник культуры Российской Федерации» (Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 03.09.1975) и был награжден орденом Трудового Красного Знамени (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 04.06.81). Министром культуры СССР Е.А. Фурсовой отцу был вручен значок «Отличник культурного шефства над селом».

Умер отец после тяжелой непродолжительной болезни 12 ноября 2001 г. В нашей памяти он навсегда остался добрым, талантливым, светлым человеком, с мужественным характером и твердой силой духа.

Моя мама, Береговая (Скрылева) Анастасия Ивановна, родилась 7 января 1921 года в селе Верхний Ломовец Курской области. Война застала

ее в Сталинграде, где она работала лаборанткой в хлебопекарне № 5 треста Росглавхлеб. К началу бомбежек из 400 тысяч жителей города были эвакуированы около 100 тысяч. Мама осталась. И до конца войны продолжала работать сначала в должности зав. лабораторией, а затем зав. производством пекарни, помогая выпекать хлеб для бойцов Красной Армии и жителей города. Большинство оставшихся в городе взрослых и детей были задействованы в фортификационных работах — возводили баррикады, рыли траншеи и противотанковые рвы, маскировали стратегически важные объекты. Героическая оборона Сталинграда продолжалась более полугода.

Молодая девушка 20 лет. Что заставило ее остаться в городе, который за несколько месяцев был практически уничтожен неистовыми бомбардировками фашистов? «Горели даже камни»...

Молодая семья Береговых. 1953 г.

А.И. Береговая, 1986 г.

А.И. Скрылева (Береговая) 19.07.1943 Указом ПВС СССР от 22.12.1942 была награждена медалью «За оборону Сталинграда» (№ 13777), 26.01.1946 Указом ПВС СССР от 06.06.1945 награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне в 1941–1945 гг.»

После войны мама вернулась на родину, работала лаборантом в тресте Красноармейскуголь. В 1953 году вышла замуж, в 1954 году родился я. В послевоенные годы жили трудно. Были месяцы, когда у отца не было работы. Но его желание жить, служить людям помогало справиться с любыми трудностями. Он был настоящий герой до последней минуты жизни! И мама была героиней!

К сожалению, мама в 1960 году попала в автоаварию, долго лежала в больнице, к трудовой деятельности не смогла вернуться. Она была мудрой, умной, справедливой женщиной и являлась хорошей матерью для меня и надежным другом для своего мужа.

Умерла мама 22.07.2000.

Чему могли научить такие люди? Ответственности за порученное дело, честности, порядочности, верности своему слову и делу.

Поклон им до земли. И вечная память...

МОИ РОДИТЕЛИ

Юдин Сергей Владимирович, 66 лет,
профессор Тульского филиала РЭУ им. Г.В. Плеханова,
доктор технических наук,
член-корреспондент Академии проблем качества,
Заслуженный деятель науки и образования,
г. Тула

Ольга Сергеевна и Владимир Александрович Юдины. 1985 год

Мои родители, Ольга Сергеевна (до замужества Завалишина) и Владимир Александрович Юдины, являются участниками Великой Отечественной войны, хотя и в разных ролях.

Начнем с матери.

Она родилась в Орле 09.05.1921. В 1939 году вышла замуж за лейтенанта Советской Армии Сергея Завалишина и переехала вместе с ним в г. Брест-Литовск Белорусской ССР. 29.09.1940 у них родился сын Юрий.

22 июня 1941 года началась война. Бомбёжки, артобстрелы, гибель мужа.

До осени 1943 года скиталась по разным квартирам, пока её с сыном не захватили во время одной из облав и не отправили на работы в Германию, где она работала сначала у фермера до зимы 1944 года, а затем — на заводе «Саламандра», где и жили в трудовом лагере.

Условия жизни, учитывая маленького сына, были очень тяжелыми: голод, холод. Тем не менее, они выжили.

В апреле 1945 года их освободили американские войска и осенью этого же года они вернулись в Орёл.

Из-за тяжелых условий жизни она не смогла продолжить своё музыкальное образование. Она не стала поступать в какой-либо институт, поскольку нужно было кормить ребенка.

В Орле она жила до знакомства с моим отцом.

Владимир Александрович Юдин родился в Орловской области, Малоархангельский район, д. Юдино, 19.09.1924.

Осенью 1942 года он вместе со старшим братом Андреем пошел на фронт. Боевую деятельность начал под Сталинградом, где был награжден медалями «За отвагу» и «За оборону Сталинграда».

Затем начался длинный путь к Победе, который закончился в Калининграде (Кёнигсберге). Дослужился до старшины разведроты, был награждён орденом Славы III степени, рядом медалей, в числе которых медали «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Был также представлен к ордену Славы II степени, но документы в архивах мною обнаружены не были.

Осенью 1945 года участвовал в боевых действиях с Квантунской армией в качестве командира моторизованного разведывательного взвода. Награждён медалью «За победу над Японией».

За всё время боевых действий он ни разу не был ранен. Это не только везение, но и показатель высокого профессионализма, поскольку он многократно участвовал в боестолкновениях с противником.

По окончании военных действий был направлен в спецгруппу по борьбе с бандитами на Западной Украине и Прибалтике, где прослужил до 1952 года.

По его рассказам, которые приходилось собирать кусками (очень он не любил рассказывать о войне и борьбе с бандитами), никогда он не видел таких зверств, какие наблюдал в это время. То, что творили бандеровцы на Украине и «лесные братья» в Прибалтике с мирными жителями, вызывало омерзение к этим нелюдям.

В 1952 году он был демобилизован и приехал в г. Орёл, где и познакомился с моей матерью. Они поженились и переехали в Тульскую область.

Мои родители прожили насыщенную и длинную жизнь. Не имея особой квалификации и больших зарплат, вырастили трёх сыновей, дали нам хорошее образование.

Мы жили небогато. Отец — слесарь-сантехник, мать — оператор газовой котельной. Тем не менее, родители всячески поддерживали стремление детей к образованию, по мере возможностей создавали все необходимые условия, несмотря на тяжелые жилищные условия (комната в коммунальной квартире — однокомнатная квартира — двухкомнатная квартира). Нас не баловали, но все необходимое у нас было.

Старший брат, Юрий, всю жизнь проработал на железной дороге.

Младший, Анатолий, решил не заканчивать высшее образование и стал работать на металлообрабатывающих станках, получив наивысший в СССР разряд — седьмой.

Автор окончил Московский физико-технический институт и стал доктором технических наук, профессором. Кандидатская диссертация защищена на тему управления качеством производства патронов стрелкового оружия. Докторская диссертация — «Информационно-статистические методы управления качеством продукции массового производства».

ДЕТИ ДОЛЖНЫ ЗНАТЬ ИСТОРИЮ СЕМЬИ И РОДА

Мирошниченко Ольга Николаевна, 57 лет,
учитель русского языка и литературы МБОУ ЦО № 49,
г. Тула

Егор Иванович Якушин(1899–1961)

В нашем поселке Рождественский к 30-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне был торжественно открыт обелиск.

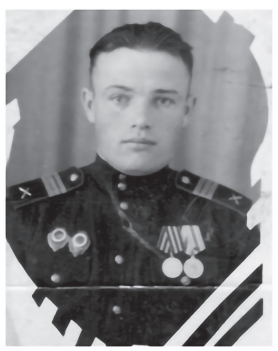
Я помню, как подошла тогда, в 1975 году, к своему дяде Якушину Павлу Егоровичу и вручила ему цветы. Я поздравляла его каждый год, потом подросла моя дочь. Будучи ученицей нашей школы, она с гордостью стала поздравлять его.

В 2019 году на митинг, посвященный Великой Победе, пришел только один ветеран.

Да, в нашей школе есть музей «Край Рождественский», в котором собран богатый материал о защитниках Родины, проживавших в нашей местности. Но живое слово семьи для детей важнее. У меня растут внуки, и я, расспросив свою маму, Якушину Валентину Ивановну 1930 года рождения, хочу оставить им память об их предках.

Своего деда по отцовской линии, Якушина Егора Ивановича (1899–1961), я не знала, родилась через год после его смерти, но много хороших слов слышала о нем от жителей деревни Некрасово Ленинского района Тульской области, в которой он всю жизнь прожил. Он работал конюхом в колхозе, трудился на земле, вырастил троих сыновей.

На сайте «Подвиг народа» я узнала, что на фронт он был призван в 1941 году, был стрелком 257-й стрелковой бригады. После взятия Белёва он первым ворвался в населенный пункт и гранатой уничтожил вражеский пулемет в подвале крайнего дома, убив двух немцев. В этот же день он был ранен. Указом Президиума Верховного Совета № 223/93 от 06.11.1947 года мой дед награжден медалью «За боевые заслуги».



Павел Егорович Якушин (1926–2004)

Его сын, Якушин Павел Егорович 1926 года рождения, был призван на службу в конце войны, служил на Дальнем Востоке, награжден медалью «За победу над Японией».

Мой дед по материнской линии Ерофеев Иван Захарович (1903–1962) был призван на фронт

в июне 1942 года Ленинским РВК Тульской области Ленинского района. 12 апреля 1945 года под обстрелом противника при повреждении линии связи вызвался ее исправить и в короткий срок устранил повреждение, восстановив связь командира дивизиона со стрелковым подразделением. Двадцать девятого июня 1945 года он был награжден медалью «За боевые заслуги».

В 1947 году Ерофеев И.З. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 мая 1945 года был награжден медалью «За взятие Будапешта».

После войны дедушка вернулся в родную деревню и стал работать председателем колхоза. Целыми днями Иван Захарович проводил в полях, чтобы не упустить посевную, вовремя убрать урожай. А еще надо было успеть зайти на скотный двор, проверить работу доярок, скотниц, проследить за подрастающим молодняком. Надо было все успеть, все вовремя сделать. Стране был нужен хлеб, молоко. По словам мамы, его редко видели дома: он жил работой и на работе.

Его сын, мой дядя, Ерофеев Петр Иванович (1923–1969), был призван на фронт 26 мая 1942 года. Сержант, командир расчета 2-й минроты, Ерофеев П.И. в наступательных боях в августе и сентябре 1943 года проявил себя смелым и отважным минометчиком. 7 августа 1943 года при прорыве обороны противника у деревни Климушково Ярцевского района Смоленской области его расчет обеспечил своим огнем успешное продвижение нашей пехоты и уничтожил более 10 немецких солдат. 14 сентября при прорыве обороны противника массированным огнем расчет Ерофеева П.И. подавил ряд огневых точек противника и уничтожил до 10 немецких солдат. В 1943 году Петр Иванович награжден медалью «За отвагу».

Однажды с фронта он написал о том, что его жизнь резко изменилась, а почему, не уточнил. Петр Иванович получил осколочное ранение в левый глаз и левую руку. Только после демобилизации при возвращении домой родные увидели, что вернулся он без руки. Работать в совхозе и выполнять тяжелую работу он уже не мог. Фронтовика с хорошими организаторскими способностями сначала направили на учебу в Высшую партийную школу, а затем пригласили на партийную работу. Всю оставшуюся жизнь Петр Иванович трудился инструктором в Ленинском райкоме партии, ему приходилось обеспечивать жизнедеятельность и налаживать работу в разных сферах жизни военной и послевоенной поры в деревнях, поселках, совхозах и колхозах Ленинского района Тульской области.

Справа: Иван Захарович Ерофеев (1903-1962)

Партийные работники отвечали партбилетом и должностью за невозможность что-то наладить

Петр Иванович Ерофеев (1923–1969)

или устранить. Петр Иванович успешно справлялся со всеми поручениями партии, но однажды сердце не выдержало. После тяжелого инфаркта в 1969 году его не стало. Ему было всего 46 лет.

Отличился на фронте брат моего деда Ерофеев Алексей Захарович. Вот его я помню: седой старик с очень добрыми глазами. Мы с бабушкой ходили к нему в гости, а он угощал меня орехами.

На фронте Алексей Захарович с 1941 года. В 1943 году гвардии красноармеец Ерофеев А. З. награжден медалью «За отвагу». Был ранен.

К 1944 году Ерофеев А. З. в совершенстве овладел мастерством сапера. Каждую ночь он участвовал в разминировании проходов как в наших, так и во вражеских полях. С 26 сентября по 4 ноября 1944 года им лично снято 273 противопехотных и 42 противотанковых мин противника, а поставлено 360 противопехотных мин. За это он получил свой первый орден Славы III степени.

Из наградного листа 1945 года я узнала, что красноармеец Ерофеев А. З. проявил исключительные образцы храбрости, мужества и бесстрашия. При следовании части он обезвредил в минных полях противника 375 противотанковых и противопехотных мин. Помимо этого он принимал активное участие в уничтожении оставшихся в тылу наших войск фашистских группировок. Им уничтожено четыре немецких солдата и двое взято в плен. За это он был награжден орденом Отечественной войны II степени.

В начале 1945 года с фронта семья получила извещение о смерти Ерофеева А. З. Его отправили на боевое задание доставить «языка», а он вовремя не смог вернуться. Задание он выполнил, но только спустя неделю. Семья отказывалась верить в непоправимое... К счастью, извещение оказалось страшной ошибкой.

Домой Алексей Захарович вернулся уже после победных залпов салюта, и сразу же за работу. Дома его ждали жена, три дочери и два сына. Домашнее хозяйство было в плачевном состоянии, семья бедствовала. Он всю жизнь трудился дома на земле и в колхозе за трудодни. Его дети выросли трудолюбивыми, честными, порядочными людьми.

Мои предки не совершили громких подвигов, но, по моему мнению, каждый, кто был на войне, кто остановил вместе со всей страной шествие фашизма, герой. Мы не должны их забывать, должны знать и помнить свои корни. Без этого мы не сможем говорить о воспитании подрастающего поколения. Дети должны знать историю своей семьи, своего рода.

ТРУДОВАЯ ДИНАСТИЯ

Бибикова Александра Михайловна, 12 лет,
обучающаяся ГБОУ «Брянский городской лицей № 1 имени А.С. Пушкина», г. Брянск

История моей семьи тесно связана с железной дорогой. Мой папа Михаил Рачков, бабушка Людмила и дедушка Анатолий Рачковы, прабабушка Елизавета Никитична Горелова и другие члены семьи — железнодорожники из города Унеча на Брянщине.

Сегодня Унеча — вторая по величине железнодорожная станция в области после Брянска. А в конце XIX века здесь стоял непроходимый лес, перемежавшийся топкими болотами. В сентябре 1885 года на трассе от Брянска до Гомеля начались работы по строительству железной дороги. Из разных мест сюда потянулись люди, в основном крестьяне, не так давно получившие «вольную». Среди них был и мой прапрапрадед — Автушенко Федос Григорьевич. По окончании строительства в родную деревню он не вернулся, а начал трудиться путевым обходчиком на станции Коробоничи. Его жена — Автушенко Анастасия Ивановна (моя прапрапрабабушка) — работала сторожем на переезде.

Они были первыми в железнодорожной династии Автушенко — Гореловых — Рачковых, насчитывающей 24 человека, общий стаж работы которых на стальных магистралях Родины составляет 510 лет!

Моя прабабушка Елизавета Никитична Горелова говорила мне о том, что сама помнила из рассказов своего деда Федоса. Поначалу жители Унечи ходили, как на праздник, встречать и провожать поезда, которые состояли из трёх-четырёх словно игрушечных вагончиков и двигались очень медленно. Тащил их такой же маленький паровозик. На остановках поезд стоял очень долго.

Во время Первой мировой войны и революции 1917 года на станциях появились раненые, эвакуированные, возвращавшиеся из Германии и Австрии пленные. Это было страшное зрелище. А ещё хлынули «мешочники» с сахаром, мукой, ландрином. Процветали спекуляция, бандитизм...

Федос Автушенко со всей семьёй до 1918 года жил в железнодорожной будке недалеко от станции Коробоничи, и дети за несколько километров пешком ходили в школу в Павловку. Федос и его сыновья были работящими и экономными, что позволило накопить денег на строительство дома в Рассухе. Дом у Автушенко был хороший, просторный. Рядом с домом — гумно, овин, где сушили зерно. В хозяйстве были лошадь, корова, овцы, птица, пчёлы, голуби. Не пустовал ни один, даже

самый маленький кусочек земли. Работали все от зари до зари. И нашлись завистники. Жаль, что это были люди, которым Федос доверял. Он сдавал комнату рабочим завода, который существовал в Рассухе ещё с дореволюционных времён. Заводчане, жившие беднее, чем работники железной дороги, нажаловались властям — кулак, мол, наш хозяин. И раскулачили Федоса: забрали лошадь, корову, зерно. Многие были возмущены: «Какой же ты кулак?! Работаешь не покладая рук! Людям помогаешь! Надо жаловаться!» Земляки уважали Автушенко за грамотность, рассудительность, трудолюбие, доброту. И поехал он в волость, в Клинцы. Там разобрались, и семье вернули корову, лошадь и зерно, остальное уже было растащено.

У Федоса Григорьевича Автушенко было шесть сыновей и дочь Евдокия Федосеевна Автушенко (по мужу Коношенко). Все они и зять работали на железной дороге.

Автушенко Иван Федосеевич в 1913 году окончил Гомельское железнодорожное училище. Начал работать на железнодорожном транспорте в качестве техника дистанции пути с 11 апреля 1918 года. Трудился в Унече, Сураже, Брянске.

В годы Великой Отечественной войны он был начальником путевой колонны «ГАРЕМ 15», которая занималась восстановлением железных дорог после налётов вражеской авиации. Ему было присвоено звание инженер-лейтенанта пути и строительства. Был награждён медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», нагрудными знаками «Отличный восстановитель», «Отличный строитель». После войны он вернулся в Унечу на прежнее место работы, а перед пенсией работал мастером на станции Рассуха. В 1951 году он был удостоен высшей награды Родины — ордена Ленина.

Автушенко Михаил Федосеевич по окончании гимназии работал на разных должностях. В 1917 году был телеграфистом и принимал телеграммы, в том числе от вождя революции В. И. Ленина. Потом был дежурным по станции, начальником станции. Моя прабабушка Лиза часто вспоминала, как ребёнком бегала на станцию к своему дяде-дежурному, смотрела, как тот поднимал то красный, то жёлтый флажки, отдавал различные распоряжения. Как медленно опускалось крыло семафора... А она мечтала так же стоять и смотреть вслед убегающему поезду.

В 1937 году Михаил Автушенко был репрессирован, но после ареста Ежова его реабилитировали. В годы Великой Отечественной войны он служил начальником подъездной ветки в Архангельске.

Другие сыновья Федоса Автушенко, основателя династии, тоже занимали ответственные должности: Пётр Федосеевич работал маневровым диспетчером, Алексей Федосеевич — дежурным по станции. Григорий Федосеевич в юности тоже работал на железной дороге, но потом стал кадровым офицером. Ушёл в отставку в звании полковника.

Прабабушка Лиза рассказывала: «Конечно, главная заслуга в том, что я связала свою жизнь с железной дорогой, принадлежит моему отцу — Автушенко Никите Федосеевичу. Папа родился в 1901 году. Работать начал рано — в 13 лет, а ушёл на пенсию в 1961 году. Без малого полвека он проработал в Унече! Для него вся Вселенная заключалась в родном городе, на родной «железке».

Папа женился в 1923 году. Вместе с женой жил в железнодорожной будке, в которой когда-то жил и его отец. В этом маленьком, не приспособленном для жизни помещении родились все мы, дети Никиты Автушенко: Фёдор, 1925 г., я, Елизавета, 1926 г., Павел, 1928 г. и Анастасия, 1929 г. В 1929 году семья переехала на станцию Коробоничи, где отец наконец построил дом, а потом в Рассуху, куда дом перенесли, чтобы мы могли ходить в школу в Павловку».

За добросовестный, самоотверженный труд у Никиты Автушенко было много разных наград, но особо он гордился именными часами, вручёнными ему лично наркомом путей сообщения Л. М. Кагановичем. В 1937 году Никита Федосеевич работал составителем поездов. Он перегонял маневровый паровоз и увидел, как пассажирский поезд принимают на занятый путь. Он на ходу соскочил со своего паровоза и чудом успел перевести ручные стрелки, предотвратив крушение. За это он и был премирован именными наркомовскими часами и деньгами в размере 300 рублей — очень приличная сумма по тем временам!

Когда началась война, Никита Федосеевич по-прежнему работал составителем поездов. После вражеских бомбёжек дорогу быстро восстанавливали и отправляли поезда на станцию Брянск. Работали днём и ночью. Но вскоре путь на Брянск был отрезан. Последний поезд перед приходом захватчиков формировал Никита Автушенко, но отправили его уже не на Брянск, а на станцию Хутор-Михайловский. Сам он уехать не успел и остался в оккупации.

С августа 1941 года по сентябрь 1943 года наша родная Брянщина находилась в оккупации. Н. Ф. Автушенко работал на пути от станции Рассуха до станции Жудилово. Там был густой лес, который немцы, боясь партизан, вырезали, но всё равно почти каждый день были взрывы на железной дороге. Фашисты жёстко контролировали работу путейцев, водили их на работу под конвоем, ночевали на сенобазе в Унече. Но взрывы на железной дороге продолжались...

Рассказывает прабабушка Лиза: «Я хорошо помню весь ужас «немецкого порядка». До войны я окончила 7 классов. Никогда не забуду, как нас, 15-летних девчонок, схватили прямо на улице полицаи и заперли в каком-то тёмном помещении без окон. Мы просидели всю ночь, а утром нас повели на допрос. Но у нас был хороший староста, он нас выручил, что едва не стоило жизни ему самому. После этого мы практически не выходили из дома.

Мы жили рядом со станцией и видели, как наших военнопленных зимой возили на открытых платформах в лагеря Польши и Германии. Много солдат погибало в пути, их тела на ходу сбрасывали с платформ. Несмотря на голод, мы часто бросали пленным хлеб на платформы прямо на ходу, а сами прятались под откос.

Наш дом был крайним в посёлке. С одной стороны — железная дорога, с другой — болото. К нам часто заходили и знакомые, и незнакомые люди, мы знали, что делается в округе. Приходили к нам и партизаны. Мои братья рассказывали им все новости. Немцы очень боялись партизан, и каждый день проверяли железнодорожное полотно. Часто немцы заходили к нам в дом отдохнуть и дождаться другой бригады. Партизаны знали об этом, и в то время, когда немцы были в доме, подкладывали мины под рельсы.

На станции Рассуха было пять путей, на каждом стояли немецкие эшелоны. Наши самолёты регулярно их бомбили. 18 апреля 1943 года во время очередной бомбёжки бомба попала в наш дом, и всё сгорело. Правда, корова-кормилица спаслась. Остался погреб, в котором мы и жили, часто ночевали в деревне Водвинка. По одному бревну возили из леса для строительства дома. Было очень тяжело...

Приближался фронт и наше освобождение. Отступая, немцы подожгли завод, взорвали все рельсы железнодорожного пути, сожгли станцию и жилые дома. Мы ушли в лес.

Когда советские войска освободили станцию Рассуха, наша семья вернулась домой. Станция встретила нас трупами и пожарищами. Стояли обугленные трубы, убитые горем люди бродили по пепелищу...»

Все пошли работать на восстановление разрушенного. Моя прабабушка, тогда совсем молоденькая девчушка, работала на расчистке завода. Часто, по просьбе военных, помогала грузить снаряды в вагоны, ни разу не отказалась, хотя было тяжело и опасно. В феврале 1945 года она устроилась весовщицей на железную дорогу, где проработала в разных должностях до выхода на пенсию в 1986 году.

Из рассказа Елизаветы Никитичны Гореловой: «После войны жили трудно и бедно, но железная дорога не оставила нас в беде: по талонам стали давать одежду, появился материал: крепдешин, маркиз и другие. Мы стали шить красивые платья. В 1947 году был большой голод, и мы выжили только благодаря карточкам на хлеб, которые нам выдавала железная дорога.

В 1954 году я поехала в Киев учиться на дежурного по станции. Это было самое хорошее время в моей жизни. Мы учились, ходили в театр, кино, музеи, гуляли по Крещатику, ездили работать в колхоз.

После учёбы я вернулась на станцию Унеча. Коллектив встретил радушно. Люди у нас замечательные — добрые, отзывчивые, трудолюбивые, добросовестные. Стала дежурной по станции. Возможно, и до выхода на пенсию трудилась бы в этой должности, но производственная необходимость заставила временно перейти на операторскую работу, да так и осталась я на операторском месте».

41 год проработала моя прабабушка на железной дороге, была наставником молодёжи. Старалась работать хорошо. Была передовиком производства, ударником коммунистического труда, победителем соцсоревнования, отличником соцсоревнования на железной дороге, имеет более 50 благодарностей, нагрудный знак «Отличный движенец», награждена медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина», «Ветеран труда». Товарищи по работе оказывали ей доверие, не раз избирая депутатом Унечского горсовета.

Братья прабабушки Лизы, Автушенко Фёдор Никитич, Автушенко Павел Никитич, сестра Автушенко (Мищенко) Анастасия Никитична, её муж, Мищенко Григорий Васильевич, тоже связали свои судьбы с железной дорогой.

Мой прадедушка, Горелов Михаил Лукич, трудился на железной дороге ровно полвека — с 1944 года по 1994 год. Будучи слесарем-ремонтником, неоднократно премировался за рационализаторские предложения, первые места в соцсоревновании. Награждён медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и «Ветеран труда».

Надо ли говорить, что вопроса с выбором профессии у дочерей супругов Гореловых не было никогда. Моя бабушка, Рачкова (ур. Горелова) Людмила Михайловна, окончив железнодорожный техникум в Брянске, вернулась в родную Унечу, где работала дежурной по станции с 1981 года по 1998 год, а потом — до выхода на пенсию — в техконторе. Долгие годы она возглавляла профсоюзный комитет станции Унеча. Мой дедушка, Рачков Анатолий Николаевич, работал помощником машиниста.

Сестра бабушки, Горелова Анна Михайловна, окончила институт железнодорожного транспорта и работает в городе Воронеже.

Мой папа, Рачков Михаил Анатольевич, получив высшее образование в Московском институте инженеров транспорта, работает инженером путевой станции № 025.

А его сестра, Рачкова (Матушайтис) Анастасия Анатольевна, по окончании Московского института инженеров транспорта работает инженером по обучению кадров ПЧ-51 Брянской дистанции пути. Её муж, Матушайтис Дмитрий Александрович, трудится вместе с ней.

У нас в семье все очень гордятся своими железнодорожными профессиями и стараются не уронить чести семейной династии Автушенко — Гореловых —Рачковых. Очень высокая ответственность — быть представителем такой РАБОЧЕЙ ДИНАСТИИ!

НАША СЕМЬЯ
(1940–1950-е гг.)

Прошина Татьяна Валерьевна, 67 лет,
менеджер по проектам,
победитель международного конкурса «Пушкин в Британии — 2019»
в номинации «Лучшее конкурсное стихотворение»,
Канада, г. Оттава

Мама и папа

Мои родители, Михайлов Валерий Николаевич и Михайлова (Беляева) Нина Ивановна — оба были военными. В нашей семье по линии отца тоже в основном все были профессиональными военными.

Дядя моего отца — генерал-лейтенант авиации Иванов Василий Иванович, зам. начальника Военно-воздушной инженерной академии имени Н. Е. Жуковского — во время Великой Отечественной войны руководил управлением военных учебных заведений ВВС. Под его руководством работа всех авиационных училищ и школ была быстро перестроена на военный лад. Двоюродные братья моего отца (родных братьев у него не было) тоже были военными: Юрий дослужился до чина полковника, а Олег закончил службу генералом.

В Великую Отечественную войну воевали все мужчины нашей семьи. Оба деда — Николай Михайлович Михайлов и Иван Михайлович Беляев, в начале войны были призваны в действующую армию и оба погибли. Один — под Сталинградом, другой — при обороне Ленинграда.

Мама пошла на войну добровольцем в 1943 году, прибавив себе год к своим 17. Она служила при штабе артиллерии на Ленинградском фронте 33-й армии на охране стратегически важных объектов. Их учили различать пролетающие самолеты по звуку мотора. Она легко могла отличить наш самолет от немецкого и японского. Девушкам было особенно тяжело на фронте из-за отсутствия бытовых условий. Их все время донимала сырость и невозможность просушить белье и мокрые сапоги. Курить на войне она так и не научилась. Махорку она либо просто раздавала, либо меняла на сухари. Все время вспоминает ходившие тогда среди солдат частушки:

Сухари, вы сухари, / Близите победу. / Ржаные сухари / К чаю и к обеду.

Закончила войну на Дальнем Востоке. Имеет правительственные награды, в том числе орден Великой Отечественной войны, медаль «За

победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и медаль «За взятие Берлина».

Мама познакомилась с отцом уже после войны. В 1943 году отцу исполнилось 18 лет и он уехал из Москвы в Омское артиллерийское училище, а по его окончании был отправлен на фронт, где воевал в составе 68-й гв сп 23-й гвардейской Дновско-Берлинской Краснознаменной дивизии 3-й ударной армии.

Фронтовой путь моего отца проходил по территории Эстонии, Латвии, Литвы, Польши, Германии. Летом 1944 года 23-я дивизия участвовала в Псковско-Островской, Тартусской, Рижской наступательных операциях и освобождении Риги.

Осенью 1944 года вела бои по разгрому Курляндской группировки противника. С декабря 1944 года в составе 12-го гвардейского стрелкового корпуса 3-й ударной армии 1-го Белорусского фронта дивизия участвовала в Варшавско-Познанской, Восточно-Померанской и Берлинской наступательных операциях. Отец участвовал в овладении городами Бельгард, Грайфенберг, Каммин, Голлнов. В марте 1945 года во время Восточно-Померанской операции, овладев городом Голлнов, дивизия заняла оборону по восточному берегу реки Одер. Немцы, ожидая нового удара советских войск на берлинском направлении, сосредоточили здесь максимум сил и средств для обороны Берлина.

Командование фронта большое внимание уделяло подготовке плацдармов на западном берегу Одера, откуда войска должны были нанести свой удар по Берлину. Борьба наших войск за захват и расширение плацдармов на западном берегу Одера, длившаяся в течение февраля и марта 1945 года, проходила в очень тяжёлых условиях. Контратаки немцев большими группами танков и массированными ударами авиации следовали непрерывно одна за другой. Части 23-й гв. стр. дивизии, в том числе взвод под командованием моего отца, заняли позиции на Кюстринском плацдарме в 70 км от Берлина на левом берегу реки Одер. Против Кюстринского плацдарма оборонялось 14 немецких дивизий.

Рано утром еще до рассвета 16 апреля началась Берлинская наступательная операция. На участке главного удара 1-го Белорусского фронта пехота и танки с целью деморализации противника двинулись в атаку в полосе, освещенной 143 мощными прожекторами. Их ослепительный свет ошеломлял противника и в то же время освещал дорогу наступающим подразделениям. Этот момент наступления хорошо показан в фильме Юрия Озерова «Освобождение». Бои были очень тяжелыми.

В самом начале Берлинской операции 16 апреля в боях за населенный пункт Вернойхен, где располагался аэродром противника, во время атаки отец был ранен. За свой подвиг он получил орден Красной Звезды. В наградном листе имеется следующая запись:

«Гв. мл. лейтенант 68 гв. стр. полка тов. МИХАЙЛОВ Валерий Николаевич 16 апреля 1945 года на подступах к Берлину, в бою при овладении сильным опорным пунктом немцев в районе населенного пункта Вернойхен под ураганным заградительным арт. минометным огнем противника поднял свой взвод в атаку и пренебрегая личной опасностью ворвался в траншеи противника, где был тяжело ранен (сквозное пулевое ранение переднего отдела нижней челюсти с повреждением кости)».

Отец мне рассказывал, что он попал под снайпера. Пуля прошла сквозь рот, раздробила челюсть и застряла в шее. Из-за снайперского огня солдаты взвода не могли вытащить своего командира. Были попытки, но они закончились неудачно, и он пролежал на земле, истекая кровью, до самой темноты. Его смогли эвакуировать только вечером. Кроме сквозного ранения у него началось сильное воспаление легких – дала знать о себе ночь, проведенная на холодной весенней земле. Почти год отец пролежал в госпитале, где ему было сделано несколько операций. Врачи совершили чудо — он вернулся в строй таким же красивым, как до войны, а со временем шрамов на лице вообще не стало видно.

Отец очень мало рассказывал о войне, да и я плохо помню. Его истории как-то слились в одно целое с фильмами и книгами о войне, которых в годы моего детства и юности было очень много. Больше всего, по его рассказам, им досаждали снайперы. Когда я спросила, какой момент был для него самым страшным, то он ответил, что не атаки и не схватки лицом к лицу с противником, а снайперы — когда ты вынужден неподвижно лежать под прицелом и каждую секунду напряженно ждать смерти. Он вспоминал, что в один из таких моментов, когда они прятались от снайпера, раздались выстрелы и два солдата по обе стороны моего отца были убиты выстрелом в голову.

Отец попал в госпиталь за две недели до окончания войны. В это время моя бабушка, Мария Федоровна Михайлова, уже вернулась в Москву из эвакуации. Ее частный дом на Вятской улице оказался заселенным вернувшимися в Москву беженцами. Кое-как ей освободили комнату, она собрала кое-какую свою мебель и в это время ей сообщили о тяжелом ранении единственного 20-летнего сына, а до этого она получила похоронку на мужа. Бабушка была музыкантшей, совершенно не приспособленной к жизни, и ее психика просто не выдержала такого напряжения — несколько месяцев она провела в больнице с нервным срывом. Сказались также и голодные годы в Москве до эвакуации. Ей, выпускнице Гнесинки, чтобы не умереть с голоду, пришлось даже продать свой инструмент — белый с посеребренными струнами рояль, подарок родителей на свадьбу.

После госпиталя отец вернулся на службу. Война закончилась и начались работы по восстановлению разрушенного хозяйства и новое строительство. Отец и его часть были направлены на строительство Московского университета. Впоследствии он поступил в этот университет и закончил исторический факультет. В мирное время он продолжил службу в Москве, сначала в военкомате, а после окончания университета — в военно-дипломатической академии под началом сына знаменитого разведчика Кузнецова.

Нина Ивановна с правнуком Ваней. Перед шествием Бессмертного полка, г. Оттава, 2017 г.

В 1984 году мы попрощались с отцом. Сердце 59-летнего ветерана не выдержало третьего инфаркта. Он похоронен в Москве на Митинском кладбище, недалеко от чернобыльцев. На прощальной церемонии прозвучал троекратный салют в честь трудной и героической жизни гвардии полковника Михайлова Валерия Николаевича.

Мама после войны тоже сначала продолжила службу, но после моего рождения оставила ее и уволилась в запас. Сейчас ей 93 года, она обожает смотреть военные парады и марши Бессмертного полка. В этом году она гостила у своей внучки в Канаде и в коляске проехала весь путь Бессмертного полка с портретом своего мужа — моего отца, а трехлетний правнук сопровождал ее на этом пути.

Вся наша семья в четырех поколениях хранит память о своих предках.

50-е годы двадцатого века

Когда родители поженились в 1949 году, им дали комнату в общежитии где-то около университета. Из вещей — только железная кровать, матрас, солдатское одеяло и чемодан, в котором я спала, когда меня принесли из роддома. К году мне взяли няньку из деревни, но она меня поколачивала, и маме пришлось уволиться со службы и сидеть дома.

Через несколько лет на станции Рабочий Посёлок рядом с Кунцево в ближнем Подмосковье построили два дома для военных, где нам дали 17-метровую комнату в коммунальной квартире.

Мои родители были очень красивыми. Оба черноволосые, яркие. Папа — высокий, подтянутый, с лицом киноактёра. Он даже снимался в эпизоде в роли боярина в фильме «Огонь, вода и медные трубы». Мама была небольшого роста, с идеальной фигурой, чёрными бровями и густыми роскошными волосами, которые она по моде завивала. Она ходила на каблуках, шила себе удивительные жоржетовые и крепдешиновые платья, и её тоже часто принимали за киноактрису. Папа был вспыльчивый, но отходчивый, с добрым характером. Мама имела железный характер, как та самая железная рука в мягкой перчатке. Она окружила отца непроницаемой стеной своей заботы и внимания, и ни-

какие другие женщины не могли туда проникнуть. К тому же она очень хорошо готовила. И хотя денег у нас было мало, зато было все необходимое — пельмени, грибочки, варенья, соленья, пироги, пирожки всех мастей — с капустой, рыбой, рисом, гречкой, печёнкой, ягодами...

Первые детские воспоминания — я сижу на руках у папы, а какая-то дамочка, пытаясь с ним кокетничать, спрашивает меня: «Ты кого больше любишь — папу или маму?». Меня поражает этот вопрос, я задумываюсь и не нахожу ответа. Я помню, что точно так же в песочнице маленькие мальчики и девочки спрашивали друг друга: «Ты кого больше любишь — Ленина или Сталина?». В этом вопросе отразился весь дух 50-х. Вождей было положено любить, и мы их любили, как символ нашего счастливого детства.

50-е годы двадцатого века были трудными. Трудно было с жильём, с едой, одеждой, зарплаты были нищенскими, не говоря уже о пенсиях. Бабушка получала очень маленькую пенсию за погибшего деда. Приходилось ей помогать. Но — люди начинали приходить в себя после войны. Все трудились много и тяжело, восстанавливая разрушенное хозяйство. Был только один выходной, остальные шесть дней — трудовые будни.

Надо сказать, что несмотря на реальные трудности, так ярко отражённые в кинематографе, наше детство было счастливым. Родителям, конечно, было очень тяжело, но мы, дети, этих трудностей не замечали и считали их нормой — раз все так живут, значит так и надо. Дети всё превращают в забаву и развлечение. В комнате холодно — значит будем закаляться. На улице скользко — значит будем кататься по льду. Подарят конфетку — счастливы, Новый год — счастье, каникулы — тоже. Сейчас я точно могу сказать, что это было самое счастливое время моей жизни.

В магазинах на прилавках всегда была дорогая копчёная рыба, икра чёрная и красная, но купить это все мало кому было по средствам. Хорошие конфеты, как «Мишка косолапый» или «Красная Шапочка», купить можно было только в двух-трёх центральных гастрономах Москвы, и то не больше килограмма. Нам, как и всем детям, хотелось сладкого, и моими любимыми конфетами были «Кавказские» — соевые конфеты, покрытые так называемым «шоколадом», которые продавались на развес без фантиков в кулёчке из коричневой бумаги. Я обычно покупала 100 г, которые стоили сначала 1 р. 50 коп., а после деноминации 15 копеек, и тут же съедала их по дороге домой. В этой же булочной был выставлен в витрине торт. На нем были шоколадные мишки и деревья из глазури и шоколада — ничего подобного в округе не было. По-моему, его даже не продавали, а просто выставили для красоты.

Сейчас самодельных петушков мало где увидишь. А тогда этот яркий леденец в целлофановой обёртке был самым вкусным и желанным для любого ребенка. Варили их из сахарного сиропа и добавляли лимонную кислоту. Продавали их частники везде — у магазинов, на станциях, на рынках.

На столе у нас были, как правило, супы и каши, жареная картошка, недорогая рыба, котлеты. Котлеты были на столе почти каждый день. Их готовили из обрезков мяса и добавляли много хлеба и лука. А если еще добавить туда немного масла, то пальчики оближешь. Из небольшого кусочка мяса можно было наготовить кучу котлет на всю семью. Но если мяса не было, тогда готовились котлеты из картофеля, из моркови, капусты, варёного риса и даже из манки. Наша мама была специалистом по этой части. Но я предпочитала магазинные котлеты в сухарях, которые она не покупала. Поэтому я любила гостить у бабушки, которая не очень любила готовить и покупала магазинные котлеты. Вообще, общепит был неплохим и дешёвым. Если мы ездили в город за покупками, то я ставила условие, что поеду, если мы сходим в столовую.

Отдельно надо рассказать об авоськах — небольших плетёных сетках с ручками. Маленькую авоську всегда носили с собой. Авось где-нибудь что-нибудь «выбросят». В неё грузили всё подряд — бутылки с кефиром, молоком, хлеб, минералку, рыбу, картошку. Выдерживала она неимоверное количество груза. Зимой авоськи вывешивали за окно для заморозки мяса, рыбы и пельменей. Домашних холодильников тогда не было.

Взрослые и дети ходили по округе и собирали бутылки, и это не считалось зазорным. За одну сданную бутылку можно было купить мороженое. Самое дешёвое мороженое, фруктовое, стоило 7 коп. (после деноминации 1961 года), но оно было водянистое и не очень вкусное. А вот за 9 или эскимо за 11 копеек были просто отличными.

Рано утром по дворам ходил сборщик мусора — тряпичник с тележкой и покупал за копейки или менял на самодельные игрушки старые тряпки и одежду. В обмен он предлагал или свистульки или шарики уди-уди на длинной резинке, которые можно было дёргать вверх и вниз. Ходили по дворам торговцы и продавали воблу в мешках. Много было безногих солдатиков в медалях на низких тележках. Передвигались они на руках, отталкиваясь валиками, и часто просили милостыню. А однажды к нам забрёл шарманщик, так все дети сбежались на него посмотреть.

Это волшебное слово «коммуналка»

В новом доме жили не только военные, но и вольнонаёмные служащие. В нашей коммуналке было три комнаты. В самой маленькой жили только одинокие женщины. Сначала молодая дородная и разбитная Наташка, к которой часто захаживали ухажёры. Если я выходила на кухню, они пытались напоить меня водкой. Потом в эту комнату вселилась немолодая (тогда мне все взрослые казались чуть ли не стариками), тихая и очень добрая бухгалтерша Зоя. В самой большой комнате, метров 20, жила большая семья — родители, двое детей постарше и древняя бабушка. Чтобы всех разместить, они сколотили двухэтажные кровати.

Жили они, по-видимому, очень бедно, потому что их бабулька периодически вылавливала мясо из нашего супа на общей кухне. Мама несколько раз заставала её за этим занятием.

В коридоре висел график уборки, мытья и стирки. Пользование удобствами было ограничено по времени. Не дай бог засидеться там больше положенного, особенно утром, когда все спешили на работу. Туалетной бумаги не было, и на гвоздике была нанизана нарезанная или порванная на кусочки газета.

Общая кухня была, как сейчас говорят, «узким горлышком» всей коммунальной жизни. Самое неприятное воспоминание — это мытье жирной посуды холодной водой с хозяйственным мылом. У каждого на плите была одна конфорка, поэтому еду часто готовили в комнате на плитке. Два раза для меня, непоседы, это заканчивалось неприятностями. Первый раз меня обварили кипящим киселём, и я попала в больницу. Второй раз на меня сверху опрокинулась кастрюля щей, но все обошлось волдырями на спине. Продукты хранили зимой в сетке за окном, а потом у нас появился малюсенький холодильник «Саратов».

Наша комната была заставлена мебелью. Ее перегородили шкафом, и получились две секции — родительская спальня и мой уголок. Сначала я спала на диване, но в нем водились клопы, а я их панически боялась и не могла спать, да и диван был очень громоздкий и старый. Его просто выкинули на помойку, а мне поставили раскладушку. Места не хватало, и мебель всё время передвигали, но от этого комната не становилась просторней.

При такой тесноте полы мыли по два раза в день, а к выходным вылизывали комнату до блеска, так как телефонов не было, и гости всегда приходили без предупреждения. Дамоклов меч я представляла себе в виде огромного лезвия, на котором написано слово «уборка».

Несмотря на отсутствие места, у нас всегда водилась живность — кролик, ёж, черепаха, ворона Клара, которых потом сдавали в «живой уголок» при школе, где дети за ними ухаживали. Постоянной была только кошка Муська. Она прожила с нами 17 лет. В одно время у нас появился совсем маленький щенок. У Муськи в это время были котята, и она заодно выкормила и щенка, который вырос в огромную овчарку Альфу. Её тоже пришлось отдать, потому что в комнате она не помещалась. Расставание было очень грустным.

Кошка наводила порядок по всей округе. Однажды к нам в 5 утра прибежала тётя Зоя. Наше окно было закрыто, и Муська решила постучать к соседям. Тётя Зоя от испуга чуть не бросилась вызывать милицию. Кошка была очень сообразительной. Когда меня собирали в садик, она тихонько забиралась к маме в сумку. Обнаруживали её только по дороге — сумка была непривычно тяжёлой. Кормили кошку, в основном, рыбой камбалой. Нежнейшая камбала стоила копейки и у нас считалась кошачьей рыбой. Рыбы в магазинах было навалом, а мясо — дефицитом. Как ни странно, но я никогда не слышала от соседей замечаний по поводу нашей кошки, собаки или вороны, летающей по всей квартире.

В доме все друг друга знали. В подвальном этаже жила с родителями парализованная после полиомиелита Надя, девушка лет 15, и стиляга по кличке Серж в клетчатых узких штанах. В соседней с нами квартире была семья с пьющим отцом. Их сын Вовка был чуть старше и всё время меня задирал. Однажды я расхрабрилась и дала ему в глаз. Домой я пришла с разбитым носом, но гордая, что дала отпор. Мы тогда умели за себя постоять. В другой квартире, тоже отдельной, жила моя подружка Таня, которая много болела. У неё почему-то часто шла горлом кровь. А на последнем 4-м этаже — другая моя подружка Наташа, красивая с чуть раскосыми глазами, наполовину татарка. Все друг друга знали и были всегда на виду. Вечером всё живое содержимое дома дружной толпой выливалось в круглый, закрытый с четырёх сторон невысокими домами уютный двор. И начиналась настоящая, как её показывают в фильмах, дворовая жизнь.

Двор и клуб

Двор заполнялся пёстрой толпой. Вывозили на коляске парализованную Надю, выносили на раскладушке раковую больную, доживавшую последние дни, старушки судачили на лавочках, молодые мамаши сидели с детьми, доминошники... На дворовой площадке для детей были только песочница и горка. Всё остальное мы придумывали сами. Играли с мячом в вышибалы, штандр, казаки-разбойники, чижик, бояре, а мы к вам пришли, цвета, ножички, прыгалки, классики. Летом девочки делали секретики. В тайном месте выкапывалась ямка, на дно выкладывались цветы, фольга, фантики. Всё это накрывалось стеклом и засыпалось землёй. Время от времени девчонки раскапывали эту красоту и любовались ею вместе с подружками.

Зимой пропадали на катке, ходили на лыжах, катались с горки. Заливка катка была целым событием. На улицу протягивали длинный шланг из кухни и наливали воду на ровную широкую площадку. Заливали по два-три раза, чтобы сгладить все неровности. Кататься приходила вся округа. Горка во дворе была деревянная, и залить ее было просто. Да и самодельных горок на сугробах было полно. Катались в основном на куске фанеры или просто сидя, иногда на четвереньках или лёжа; цеплялись в паровозики друг за другом. К концу дня были похожи на снеговиков – насквозь мокрые и облепленные снегом. Соскрести это было невозможно. Приходили домой усталые, мокрые и голодные, но счастливые. Родители, конечно, по привычке ворчали и всё развешивали на батарее.

Зимой батареи почему-то частенько были чуть тёплыми, и в квартире было прохладно. В окнах посвистывал ветер через огромные щели. Их на зиму заклеивали длинной лентой или газетами, а между двойными рамами для утепления клали вату. Иногда на вату клали новогодние игрушки, и казалось, что игрушки лежат на белом снегу.

Морозы в пятидесятые были довольно сильными. Окна сначала зарастали инеем, а потом покрывались льдом от тёплого воздуха батареи. На окнах появлялись красивые узоры, а в комнате устанавливался таинственный полумрак, мерцала шарами ёлка, пахли мандарины, которые доставали к Новому году. По комнате были развешены гирлянды, сделанные собственными руками, а на ёлке — домики с ватной крышей, петрушки из яичной скорлупы, конфеты и мандарины. Ночью я долго не засыпала и, лёжа в постели, смотрела на светящиеся фосфорные звёздочки на огромных синих шарах. Запах ёлки и мандаринов — это на всю жизнь. В детском саду все девочки наряжались снежинками, а мальчики — зайчиками или мишками и водили хороводы вокруг ёлки. Весной пускали бумажные кораблики, а в летние дожди босиком носились по потокам воды, несущейся вдоль тротуаров, — дренажи не работали. Мы вопили от счастья и неслись наперекор водопадам. Ноги были все в царапинах и порезаны стеклом, а руки — в цыпках.

Двор был безопасным аквариумом. Походы за пределы двора были настоящим приключением и проходили без спроса родителей. За нашими домами был продуктовый магазин, а за ним — огромное поле и пустыри, которые доходили до кремлёвской больницы в Кунцево. На поле предприимчивые горожане сажали картошку. Мы выкапывали по несколько картофелин и пекли их на костре. Там часто находили неразорвавшиеся снаряды. Были даже увечья, когда мальчишки пытались их взрывать. А ещё была танцплощадка, куда мы, маленькие, бегали потусоваться и покривляться.

Жизнь била ключом до самой темноты, пока родители не загоняли нас домой. Коммунальная жизнь у детей была вольная, нас мало ограничивали и при каждом удобном случае старались выгнать на улицу погулять, чтобы не сидеть в душной тесной комнате.

Нельзя сказать, что мы воспитывались только на улице. Недалеко от дома был районный клуб — прообраз дома пионеров. Сейчас это Москва, район метро «Молодежная», а тогда было Подмосковье, и домов пионеров там не строили. По стилю того времени это культурное учреждение представляло собой массивное жёлто-бежевое здание с колоннами. Там проходила вся культурная жизнь района. В нем располагались музыкальная студия, художественная студия, авиамоторный кружок, кружок юного биолога с «живым уголком» и т.д., а на втором этаже вечерами крутили фильмы. В актовом зале проходили концерты. Мы тогда были ближе к коммунизму, чем сейчас — все было бесплатно, кроме фильмов, конечно, но и билет в кино был очень доступным. Как-то для совсем маленьких детей организовали концерт, и я первый раз увидела клоунов. Это был полный восторг. Никогда в жизни я так не хохотала — до коликов в животе! Не помню, почему было так смешно, может быть просто от

ярких на фоне серо-коричневой жизни клоунов с красными носами, но мы все падали со стульев от смеха, глядя на их незамысловатые трюки.

В 1957 году, когда мне уже исполнилось 6 лет, меня записали в музыкальную студию при клубе. Со слухом у меня было не очень, но я спела песню «Голубые санки» и прошла в класс фортепьяно. Мне купили пианино «Заря» и втиснули его между окном и малюсеньким телевизором. Бабушка была музыкантшей, и папа очень хотел, чтобы я играла на пианино. Практически все дети того времени прошли через шпицрутен музыкального образования, независимо от слуха и желания. С музыкой конкурировал только спорт. Если у тебя был хороший слух, то ты автоматически попадал на скрипку. Если так себе — то на фортепьяно, а при полном отсутствии слуха — в класс ударных или народных инструментов. Меня потом родители даже пытались воткнуть в ЦМШ при консерватории, куда я с треском провалилась, но любовь к музыке осталась на всю жизнь.

А перед этим произошло еще одно знаменательное событие моего раннего детства — день рождения. Мне исполнилось 6 лет, и я получила исключительно ценные подарки. В детстве вообще все — самое, самое, но это было нечто самое невероятное. Я получила в подарок большую куклу из папье-маше с закрывающимися глазами, в розовой шляпке на волосах цвета соломы, в прозрачном розовом платье из жоржета, в носочках и белых туфельках. На ней были белые подштанники и беленькая с кружавчиками батистовая рубашечка. Сзади была веревочка с пуговкой на конце и, если за неё потянуть, кукла говорила «ма-ма». Вместе с куклой мне подарили пластиковую сумочку с огромным бантом невероятного, волшебного лимонного цвета. Это был восторг на всю оставшуюся жизнь. Кстати, кукла у меня сохранилась до сих пор. Только один раз тогда я видела куклу лучше моей, когда девочка из соседнего дома, где тоже жили военные, вынесла во двор большую шагающую куклу. Папа у нее служил в Германии и привез ей такой подарок. Сбежался весь двор посмотреть на это чудо. Но это было нечто запредельное, поэтому я не расстроилась. Игрушек в то время было мало. Кроме новой куклы у меня был еще плюшевый мишка, пластмассовый голыш и пластмассовая обезьянка. Но недостаток игрушек компенсировался играми на улице и книгами.

Читать я научилась рано и к 6 годам сама читала сказки. Даже могла прочесть газету мелким шрифтом. Сказки я очень любила и воображала себя принцессой. Я так вжилась в этот придуманный мною образ, что стёрлась грань реальности, и однажды я закатила маме истерику «хочу быть принцессой!». Слезы текли ручьем. Мне казалось, что всемогущая мама выйдет на улицу и объявит всем о моём назначении. Она меня уговаривала, а мне это казалось предательством. Часто, вместо того, чтобы играть гаммы, я просто сидела за пианино и придумывала различные сказочные сюжеты. Сказки не переставала читать никогда. Во взрослом

возрасте перечитывала мудрые, неторопливые сказки Бажова. Потом читала сказки своим детям, а сейчас читаю их своему маленькому внуку. Кстати, никогда не любила братьев Гримм за их жестокосердие.

VI Международный фестиваль молодёжи и студентов и начало космической эры

Вообще, 1957 год был полон событий не только для меня, но и для всей страны. С середины 50-х началась хрущевская «оттепель», длившаяся более 10 лет. 1957 год особенно знаменателен проведением VI Международного фестиваля молодёжи и студентов, проходившего летом в Москве. Я, конечно, по малолетству на самом фестивале не была, зато по телевизору столько о нём передавали! Приоткрыли «железный занавес», и в Москву приехали 34 тысячи юношей и девушек из 131 страны мира. Эмблемой фестиваля был цветок с пятью разноцветными лепестками, которые символизировали континенты, а символом — Голубь мира, который придумал Пабло Пикассо.

Советские люди впервые увидели живых иностранцев, с ними можно было даже разговаривать. Это было событие невиданного масштаба. Москва буквально гудела. Родителям рекомендовали даже вывезти детей из Москвы. По воспоминаниям взрослых, молодёжь общалась, пела песни, слушала джаз, дискутировала на запрещённые темы. Пропаганда воспитывала неприятие всего иностранного, и вдруг — такое. Для москвичей это было настоящим шоком. Сейчас многие живут и учатся за границей, и бесполезно объяснять людям, что тогда крылось за словом «иностранец». Посмотрите современный фильм «Стиляги» и вы поймете, что это были существа с другой планеты, особенно темнокожие, ведь их видели только в кино. Советское общество, где «не было секса», вдруг стало свидетелем таких событий, которых не ожидал никто.

Позднее, в юношеском возрасте, у меня был друг, который учился в Университете дружбы народов имени Патриса Лумумбы, где большинство студентов были иностранцы. Он рассказывал, что когда темнело, толпы девиц пробирались к общежитиям, где они жили. Отряды дружинников с ножницами и парикмахерскими машинками отлавливали любительниц ночных приключений и выстригали часть волос. Днем их легко можно было отличить — они повязывали голову платками. Так этот приятель и рассказал мне, что такая практика борьбы с девушками «с пониженной социальной ответственностью», как выразился наш президент, началась во время международного фестиваля. Около общежитий и гостиниц, где во время фестиваля проживали иностранные делегации, дежурили дружинники и отлавливали этих девиц. Тогда образ целомудренной скромной русской девушки упал ниже плинтуса. Для этих девчонок, по-видимому, интимное общение с иностранцем в то время было единственной возможностью непосредственно соприкоснуться

с мистическим миром Запада, своеобразным приключением и вызовом всевозможным запретам.

А весной следующего года в Москве появились «дети фестиваля» — в столичных роддомах рождались темнокожие младенцы. Я позже была знакома с парочкой таких фестивальных детей. Кстати, они были очень одарёнными и оба выступали на эстраде. Они мне рассказывали, как трудно было расти в советском обществе, когда ты был «чёрной вороной». Да и не удивительно. Представьте себе чернокожего ребенка, который вдруг начинает говорить с тобой на чистом русском языке или даже окать с каким-нибудь волжским акцентом. Тогда же появились первые фарцовщики и стиляги. Термин «фарцовщик» произошел от английского слова for sale. Дети впервые узнали о жевательной резинке.

Но, пожалуй, самым главным достижением фестиваля были наши песни. На фестивальном конкурсе прозвучала песня «Подмосковные вечера», которую исполнил Владимир Трошин. Мелодия потом стала позывными «Маяка», а сама песня — голосом СССР. Даже знаменитый пианист Ван Клиберн в одни из своих гастролей в СССР исполнил на бис своё фортепианное изложение «Подмосковных вечеров».

Но вернемся в 1957 год. В жизни СССР, да и всего мира, произошло ещё одно знаковое событие — запуск первого искусственного спутника Земли. 4-е октября 1957 года стало началом космической эры. Все слушали первые позывные нашего искусственного спутника по радио. Русское слово «спутник» сразу стало международным. Мы, дети, поднимали глаза кверху и на чёрном небе искали движущуюся звездочку. Жаль, что тогда не придумали слово «космоснаш», по примеру «крымнаш».

А в ноябре на околоземную орбиту был выведен «Спутник-2» с собакой Лайкой на борту. Цель запуска — возможность нахождения живых существ в космосе в условиях невесомости. Лайка не вернулась домой — умерла в пути от полученного стресса и чрезмерного перегрева. Но своей преданной собачьей жизнью доказала — можно человеку лететь в космос. Человек по-своему отблагодарил её и назвал в её честь сигареты «Лайка», которые были весьма популярны в 1960-х годах.

Много чего произошло в этот главный год хрущёвской оттепели. Вот хроника того года. Ввели в эксплуатацию ледокол «Ленин» — и покорили Арктику. В Антарктиде открыли научную станцию «Восток». В Дубне ввели в действие первый отечественный синхрофазотрон. Выпустили свой первый корабль на подводных крыльях «Ракета». Открыли в Болгарии памятник советским солдатам — знаменитый Алёша. Впервые в СССР провели чемпионат мира по хоккею с шайбой. Это по праву был год лучших фильмов СССР: «Тихий Дон» Герасимова — лидер проката. Выпустили фильм «Высота» — и разлетелся по свету «Марш монтажников»: «Не кочегары мы, не плотники...» А фильм «Летят журавли» вообще завоевал «Золотую пальмовую ветвь» на Каннском кинофести-

вале. В Москве построили высотное здание гостиницы «Украина». Открыли станцию метро «Спортивная». Открыли магазин «Детский мир». На улицах столицы появились первые серийные «Волги». В СССР окончательно отменили крепостное право — были выданы паспорта людям, проживающим в сёлах и колхозах. Просто дух захватывает от таких достижений. Никита Сергеевич знал, о чем говорил в 1959 году, обещая показать им «кузькину мать».

Начальная школа

Закончился 1957 год, и на следующий год я пошла в школу. Никаких особенных перемен в моей жизни не произошло. Всю начальную школу, то есть первые пять лет, мы проучились с одним преподавателем, которая вела все дисциплины. Это была милая добрая старушка, которая любила и жалела всех нас, маленьких детей. Даже звали ее наподобие Марь-Иванны.

В ноябре того же года, в канун годовщины Великой Октябрьской революции, нас, первоклашек, приняли в октябрята. На грудь прикололи рубиновую звёздочку с изображением В. И. Ленина. Октябрят объединяли в «звёздочки» по пять человек, как в пятиконечной звезде. Каждый октябрёнок занимал одну из «должностей» — командир, цветовод, санитар, библиотекарь, физкультурник. Основной задачей октябрёнка было хорошо учиться, помогать старшим, защищать младших. Октябрята следили за чистотой рук в своей звёздочке, дежурили и помогали убирать класс, поливать цветы. Я в своей звёздочке была санитаром. У меня даже была матерчатая сумка через плечо с красным крестом. По утрам перед уроком я проверяла руки всех членов своей звёздочки. Это было первой настоящей ответственностью перед старшими и перед всем классом. Поэтому мы подходили ко всем заданиям с полной серьёзностью. «Мы активные ребята, потому что — октябрята. Октябренок, не забудь — в пионеры держишь путь!»

Класс у нас был неоднородный, как и семьи, которые жили в округе. Был у нас один красивый мальчик по фамилии, кажется, Барановский, высокий, стройный, с красивой чёрной шевелюрой. Он был прирождённым лидером, и на него засматривались все девчонки. Но всё же мы мальчиков тогда воспринимали, как товарищей, и на переменах вместе с ними носились по партам. Бегали везде, где только можно. В нас было столько энергии, что сейчас нам наверняка поставили бы диагноз гиперактивность.

Но был в классе один мальчик, который никогда не бегал. Он был особенный. У него были проблемы с опорно-двигательным аппаратом и он ходил, как на ходулях, к тому же заикался. Он был упитанным, но его никто никогда не дразнил. Хотя в то время не то что толстым, даже пухленьким нельзя было быть — просто задразнили бы в школе. Когда

этого мальчика вызывали к доске, а случалось это очень редко, мы все замирали и ожидали чего-то необычного. Как-то нам задали выучить наизусть два четверостишия из какой-то очень длинной поэмы. Были праздники, и никто не выучил. Тогда вызвали его. Он читал нараспев, чтобы не заикаться, и прочитал всю длиннющую поэму от начала до конца наизусть. Он был необычный и гениальный и вызывал у нас чувство восхищения. Жаль, что с ним никто не дружил. Слишком много усилий надо было прилагать, чтобы с ним общаться. Нам, непоседам, это было не под силу. Так он и был всегда один.

В третьем классе нас принимали в пионеры. Вступали в ряды пионеров практически все ученики. Но были и формальные ограничения — успеваемость и поведение. Могли и не принять, если ты был заядлым двоечником и хулиганом, но это случалось очень редко. Утверждалась кандидатура в пионеры на Совете школьной дружины. Как правило, пионерские галстуки повязывали 22 апреля, в день рождения Ленина, на торжественной линейке где-нибудь в большом зале. Новоиспечённые пионеры салютовали рукой, поднятой по диагонали над головой в пилотке и на призыв «Будь готов!» отвечали «Всегда готов!»

В обязанности пионеров, помимо хорошей учёбы, входило дежурство по классу, уборка, участие в субботниках, сбор макулатуры и металлолома, помощь отстающим в учёбе, выпуск стенгазеты. В нашей школе каждый год классы соревновались, кто больше соберёт бумаги и металлолома. Мы без конца бегали по квартирам, собирая макулатуру, ходили по дворам и пустырям, подбирая железки, ржавые кровати и всю металлическую рухлядь. Некоторые жильцы специально выставляли пачки старых газет и книг на лестничную площадку, зная, что пионеры всё заберут. Кроме того, пионер обязательно должен был заниматься в спортивных секциях и разных кружках. Проводились соревнования футбольных и хоккейных дворовых команд. Все мальчишки летом играли в футбол, а зимой — в хоккей. Почти в каждом дворе была своя хоккейная коробка или просто каток. Не забывали также выписывать пионерские журналы и газеты. Для меня родители выписывали «Пионерскую правду».

Пионеры в будни носили обычную школьную форму вместе с пионерской символикой в виде значка и красного галстука. Для пионерских сборов была предусмотрена парадная форма — красные пилотки, галстуки и значки, форменные белые рубашки, синие брюки у мальчиков и того же цвета юбки у девочек.

Для всех школьников тогда была единая форма, и все советские дети выглядели одинаково. Мальчики носили серые брюки с гимнастеркой и подпоясывались ремнем с массивной металлической пряжкой. Был также обязательный головной убор — фуражка с кокардой. В дальнейшем гимнастерку сменил пиджак, тоже серого мышиного цвета.

У девочек были платья коричневого цвета с чёрным фартуком, который в праздники заменялся белым. На платья пришивали белые воротнички и манжеты. У меня было два белых фартука — один простой, а другой батистовый с плиссированной отделкой для более торжественных случаев. Манжеты и воротнички мне вышивала мама. Она была мастерицей по ручной вышивке на машинке. Сейчас уже нет такой вышивки, вся вышивка автоматизирована. А тогда на пяльцы натягивали материал, вставляли в швейную машину шёлковые нитки и стежок за стежком вкалывали иголку в натянутую материю, двигая пяльцы по миллиметру и медленно качая педаль на ножной швейной машинке. Это очень трудоёмкий и кропотливый процесс, но красота необыкновенная. Я щеголяла в белых вышитых воротничках и манжетах, как первая модница.

Но, несмотря на то, что вся школа была одной серо-коричневой массой, школьная форма — это, пожалуй, самое лучшее, что было в советской школе. Добротный тёплый шерстяной материал, удобный и красивый покрой, никакой зависти, никакого соревнования, у кого шмотки лучше (воротнички не в счет). Смартфонов тогда еще не было, и выделиться можно было только учёбой или спортивными достижениями. И за то и за другое уважали. Перегибы, конечно, были. Причёска тоже должна была соответствовать стандарту. Мальчикам была обязательна короткая стрижка, а девочкам — косы. У меня были длинные волосы, но даже в старших классах мне не разрешали носить хвост. Либо пучок, либо косу. И никакой краски, ни на лице, ни на волосах, даже в старших классах. Капроновые чулки тоже не приветствовались — считались вызывающими и не подходящими для скромных школьниц.

С учебой первые пять лет я особенно не заморачивалась и, не напрягаясь, получала одни пятёрки. Мама помогала мне клеить коробочки по труду, а папа — решать задачки по арифметике. Он меня научил одному гениальному приёму, который безотказно действовал и здорово помогал мне в дальнейшей учёбе. «Если что-то не понимаешь, — говорил он, — прочитай ещё раз. Не поняла — читай снова. И так — до бесконечности, пока не поймёшь». Сначала я думала, ну что за ерунда! Чтобы было понятно, нужно чтобы кто-то объяснил. Но, вы знаете, срабатывало! Когда 20 раз прочитаешь одно и то же, даже самое непонятное, то вдруг наступает озарение. Испытано на себе.

Был у меня один большой пробел в учёбе. Когда проходили устный счет, я болела и все пропустила. До сих пор паникую, когда в магазине нужно посчитать сдачу в уме. В больницу меня тогда положили вырезать гланды, а нашли в горле что-то еще, из-за чего задержали на обследование. После операции мне прописали жидкий диетический «стол» и давали безвкусную протертую зелёно-коричневую бурду. Страшно хотелось есть, а передачи не разрешали. Одной девочке уже приносили передачи, и ей где-то родители достали ананас. Я никогда его до этого не

видела и не пробовала. Я потом маме рассказывала, что эта девочка разрешила мне понюхать дольку ананаса. «Ну и как?» — спросила мама. «Очень вкусно. Я его взяла и откусила. В следующий раз не будет совать мне под нос», — ответила я.

Многие продукты были, конечно, в дефиците или непозволительно дороги. В 10 лет мне впервые на день рождения разрешили пригласить 5–6 человек гостей, больше просто не поместилось бы в нашей маленькой коммунальной комнате. Мама где-то достала дефицитные, отменного качества сосиски и сделала картофельное пюре. Помню, кто-то попросил добавку сосисок, но получил отказ. То ли их было ровно по счету, то ли мама решила сэкономить, но ее отказ меня неприятно поразил и немного испортил праздник. По-человечески я её понимаю, но мой первый и единственный детский день рождения я представляла себе, как в сказке — пир горой с лебедями и фазанами. Мама потом пекла пирожные в виде лебедей и ставила их на зеркальное желатиновое озеро, но уже не для меня, а для своих внуков. А к сосискам я не равнодушна до сих пор. Правда, качество сейчас уже не то.

На дни рождения тогда всем дарили книги. Бытовал расхожий лозунг «Книга — лучший подарок». Прочитав, их снова передаривали. С тех пор я книги стараюсь не подписывать, потому что их тогда нельзя никому передарить или сдать в библиотеку. На прилавках книжных магазинов лежали одни и те же книги, поэтому все советские дети были воспитаны на одной и той же литературе. Но это была добротная, увлекательная подростковая классика. В 10–11 лет я начала осваивать Библиотеку приключений — «Остров сокровищ», «Робинзон Крузо», «Земля Санникова», «Кортик», «Тайна двух океанов», «Путешествия Гулливера», «Лунный камень», «Том Сойер». Затем пришел Майн Рид с его «Всадником без головы». Позднее — основоположник научной фантастики Жюль Верн с моим любимым романом и фильмом «Таинственный остров», далее Конан Дойль с «Записками о Шерлоке Холмсе», которые я перечитывала снова и снова. Невероятное впечатление произвел на меня таинственный, обогнавший свое время Александр Беляев.

Был у меня и любимый роман — «Два капитана» Вениамина Каверина, за который он был удостоен Сталинской премии. Книга была дважды экранизирована (в 1955 и в 1976 гг.).

Клятва «Бороться и искать, найти и не сдаваться», данная в детстве Саней Григорьевым, помогла ему отыскать следы пропавшей арктической экспедиции. Он осуществил заветную мечту — стал полярным лётчиком и вернул потерянную за годы войны любовь. «Два капитана» — один из самых любимых романов советских подростков. Герои романа Саня Григорьев и Катя Татаринова были моим идеалом. Мне хотелось стать такой же, какими были они — отважными, искренними, чистыми и любящими.

ОЖИДАНИЕ

Филатова Ольга Ивановна, 65 лет,
педагог, пианист,
член Союза краеведов г. Тулы

Память равна воскрешению.
Помни!

Роберт Рождественский

Иван Иванович и Тамара Ивановна Филатовы

Нет иллюзии давности эпохальных потрясений.

Есть точка невозврата, когда уже поздно.

И у Памяти, тем паче — Вечной Памяти Победы…

Будучи в осеннем чешском парке, мама Тамара Ивановна Филатова (1927–2011), когда мы залюбовались аллеей вековых деревьев, вдруг заплакала: вернулись живые ощущения детства и щемящая горесть утраты.

Мой дедушка Иван Петрович Балыбердин, инвалид гражданской войны, умер в холодной больнице на койке у окна, всё вырываясь домой, от воспаления лёгких в жестокие уральские морозы 1941 года, в январе.

Осталась безутешная вдова, а моя мама стала главой семьи, таскала воду, месила кизяк, топила печурку, начала шить; ей было 13 лет, брату Володе — 8 и братику Юрику — 2,5 годика.

А летом грянула война…

В их городе Троицке Челябинской области было семь эвакогоспиталей. Дети на сорокаградусном уральском морозе пилили, «валили» неохватные вековые деревья для отапливания помещений с ранеными. А ещё девочки готовили программы творческих выступлений перед выздоравливающими бойцами: читали стихи, пели. Регулярно помогали в сельской местности, выезжая за 70 км, где председателем колхоза был избран единственный оставшийся мужчина деревни — серьёзный отрок 9 лет, который засмущался перед девочками, ибо одежонка да обувка его были явно не по возрасту.

Один из младших братьев маминой мамы (бабушки Ольги) — мой двоюродный дедушка — участник советско-финской войны, ушедший на фронт через месяц после начала Великой Отечественной войны 22 июля 1941 года, сгинул там без следа ещё ровно через месяц. В последнем его

письме было: «Утром идём в бой». Антон Иосифович Низелко, дядя Антоша… Мы всегда помним тебя.

Имя другого брата матери — Михаила Иосифовича Низелко — есть в челябинской Книге Памяти.

Мой папа — Филатов Иван Иванович (1923–1989) — рядовой Великой Отечественной, умер от открывшихся фронтовых ран и похоронен как солдат. Он воевал с октября 1941 г. до мая 1944 г. на Северо-Западном, Брянском и 1-м Украинском фронтах; с июня 1943 г.— коммунист. Родителей своих — Ивана и Екатерину — больше не увидел, они умерли от голода и болезней в деревне Заря села Истобное Скороднянского района Курской (Белгородской) области. От многодетной семьи остались сёстры и младший брат.

Войну папа начинал пехотинцем; пройдя краткосрочную подготовку в военной лесной школе, стал командиром знаменитой «сорокапятки» — стрелкового противотанкового орудия 45-мм калибра.

Дважды ранен в лёгкие (1 мая 1942 г. и 19 июля 1943 г.).

Воевал под Старой Руссой, под Новым Рамышево. Стал пулемётчиком в армейской разведке, вёл разведку боем, вызывая огонь на себя – выдвигаясь на нейтральную полосу, необходимо было обнаружить себя, чтобы засечь огневые точки противника, нанося их на карту. Однажды ночью товарищи дотащили его на плащ-палатке до своих.

После первого дня танкового сражения под Прохоровкой на Орловско-Курской дуге был вывезен первым воздушным бортом ночью — в числе первых двенадцати тяжелораненых в грудь и в голову.

Награждён орденом Красной Звезды (1943), медалями «За отвагу» (1942 и 1943), «За боевые заслуги», «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»; боевые награды дважды находили его и в мирное время, вручение проводилось Министром обороны в Москве, в Кремле.

На долечивание и учёбу папа был послан в уральский Троицк в ТВАШМ, где и встретился с мамой. После сдачи экзаменов за среднюю школу экстерном в Потсдаме поступил и окончил в Риге инженерный факультет РКВИАУ им. К. Е. Ворошилова. Служил инженером в рядах Вооружённых Сил СССР.

Инженер-майор запаса, инвалид I группы, будучи в военном санатории, он написал так:

Бессонные ночи в промёрзших окопах
А то и на голом снегу,
Теперь в медицинских удобных хоромах
Никак позабыть не могу.

Важной деятельностью послевоенной жизни папы — по зову сердца, по долгу Памяти — стала его поисковая и архивная работа: установление истории подразделений Красной Армии, в которых воевал на фрон-

тах Великой Отечественной, окопной правды сражений, списков ветеранов, судеб однополчан.

В мирное время занимался военной мемуаристикой, восстанавливая боевой путь противотанковой батареи орудий 45-миллиметрового калибра 446-го стрелкового полка 397-й стрелковой (Сарненской ордена Красного Знамени, ордена Кутузова II степени) дивизии, увековечивая имена фронтовых товарищей. Тому свидетельством, например, стал документальный очерк, посвящённый своему комбату Василию Степановичу Дякуну, восстанавливающий и описывающий бои 1942 года, опубликованные прессой в 1965 году: см. газеты «Рыбинская правда» №№ 37–39, а также — на родине героя, на украинском языке — «Черкаська правда» № 272 (3615).

В документальном очерке И. И. Филатова «Батарея Дякуна» описан только один бой осени 1942 года на Северо-Западном фронте с вражьими танками на болоте — южнее линии Козлово-Залучье в урочище Андрюшин Угол.

Быстрый рассвет вынуждал нетривиальные решения: «На соседний участок батарея шла на передках, через окопы пехотинцев и дальше на нейтральную полосу орудия везли на себе. Доска, по которой через окоп шло правое колесо второго орудия, заскрипела и начала гнуться. Стоявшие в окопе пехотинцы из спин создали подпору, и мост из двух досок выполнил своё дело. Из всех слов, сказанных обрадовавшимися пехотинцами, мне особенно запомнилась фраза: “Впервые вижу, чтобы сорокапятки шли в атаку впереди матушки-пехоты, да ещё в такую темь!”

<…> Василий Степанович сам выбирал позицию каждого орудия. Расчёты работали так, будто снят с предохранителя сильный и точный механизм. Десятки людей, не старше двадцати лет, выполняли замысел комбата, готовились стоять здесь насмерть.

<…> Замысел Дякуна оправдывался. Скрывая от нас волнение, он старался говорить не о бое. Прежде Василий Степанович, этот двадцатипятилетний капитан, прошедший со своей батареей от границы до Днепра и участвовавший во многих боях с фашистами, рассказывал нам о тяжёлом отступлении, о том, что те времена лёгких побед для фашистов прошли и теперь за каждого солдата нашего расплата будет полной. Сейчас он больше говорил о своей деревне Петропавловке на Киевщине (указанная деревня позже отнесена к Корсунь-Шевченковскому району Черкасской области — О. Ф.), о том, как пошёл в Харьковское артучилище, каким для молодого комбата был на западной границе первый день войны.

<…> Для штаба командующего 16-й немецкой армией генерала фон Буша разгром ударной группы стал ошеломляющей неожиданностью. <…> Два дня на узком участке непрерывно работали авиация и артиллерия, сброшены тысячи бомб, перепахана их взрывами оборона русских на большую глубину. Прекрасно задуманный вариант прорыва

обороны нашей 1-й ударной армии позорно провалился. <…> В этот бой Василий Степанович Дякун вложил всю силу своих больших военных знаний, боевого опыта, всю силу лютой ненависти к кровавому фашизму, под пятой которого всё ещё стонала Родина.

Может быть, поэтому батарея Дякуна в тот бой и не имела ни одного даже раненого».

За короткую ночь, наскоро и совершенно неожидаемо для противника вкопавшись в чистую поляну у дороги, комбат Василий Степанович Дякун сумел провести бой без потерь личного состава! В очерке упоминаются командиры орудий коммунисты Иван Курлов, Трифонов, Никитин из Орехово-Зуева, сержант Иван Арманов, молодой боец Захаров, старшина Каширский, замполит Пискунов, заместитель комбата старший лейтенант Ларин.

«Над Валдаем поднималась ясная полоска рассвета. Минул ещё один день, день тяжкого, кровавого солдатского труда.

<…> Скоро придёт время, и после таких коротких боёв мы будем двигаться не на прежние позиции, а вперёд — на запад, и не на конях, а на машинах, пока не сбудутся слова журналиста, напечатанные в нашей фронтовой газете, — «…когда отгремит последний залп гаубиц и свалится в могилу последний убитый фриц, тогда наступит тишина величественная, торжественная тишина победы».

<…> Пожалуй, из всех нас только он понимал, какое большое поражение нанесено врагу. Этим боем был положен конец попыткам немцев перейти в наступление на Северо-Западном фронте осенью 1942 года.

Мой долг был сказать друзьям Василия Степановича, родственникам, односельчанам д. Петропавловка на Киевщине, каким большим человеком был для нас, восемнадцатилетних, наш комбат, каким могучим богатырём стоял он на пути врагов нашей Родины.

В разгар боёв по разгрому Демянской группировки немцев начальник артиллерии стрелкового полка Дякун Василий Степанович 14 января 1943 года был тяжело ранен. Разрывная пуля попала в плечо. На единственно возможном в тех условиях транспорте — лодчонке-волокуше доставил я его в ближайший санитарный шалаш. <…>

В архивах нашей дивизии В. С. Дякун считается раненым. А на последней странице личного дела капитана Дякуна сделана запись: «Погиб 14.1.1943 года». Разные города, записи в документах тоже разные, исключающие одна другую.

Принятые к печати папины материалы в газету «Новгородская правда» способствовали установлению и места захоронения комбата (ГУК МО СССР, № 173/4/А-87549, К-160): д. Рытово бывшего Залучского р-на Новгородской области (впоследствии — Шубинского сельсовета Старорусского р-на). Переписка с архивами, военкоматами, редакциями, отрядом красных следопытов восьмилетней школы № 1 города

Осташков Калининской обл. (Советский пер., 15, директор — Галахов Александр Александрович), ведущих альбом воспоминаний участников войны — родителей учеников, устанавливала подробности кровопролитных сражений за освобождение.

На папин запрос Главное Управление кадров МО СССР сообщало: «Дякун В.С. в рядах Советской Армии находился с октября 1937 г. В ноябре 1942 г. был награждён орденом Красной Звезды. Его родители Степан Алексеевич и Ольга Алексеевна».

Собранные материалы папа переслал на родину комбата. Родителей Дякуна, сестры, брата Павлуши уже не было в живых (три братика умерли крохами), брат Миша на Великой Отечественной пропал без вести, а отвечала младшая сестра Марфа Степановна и её муж Григорий Савович Мазур.

Она писала: «Приіхати я неможу тому що я болію серцем <...>, а це як побачу могилу то буде дуже плохо. Приіжайте до нас будимо встрічать як рідного» .

Папа начал получать письма и от других земляков. Люди спрашивали, не встречал ли он где на фронте, на передовой или в госпитале, или в архивных бумагах их родных и близких.

«А мне так хочется “услышать” хоть написанное слово тех людей, которые в те жаркие дни вместе с нашими близкими отстаивали каждую пядь нашей священной земли и не дожили до победы, о которой так мечтали, за что и жизнь отдали в свои 21 год. Я Вас очень прошу, если что удастся узнать о Топольницком Иване Фёдоровиче, 1920 г. рождения, уроженец ст. Зима Иркутской обл., окончил в 1941 году Тамбовское артучилище с отличием <...>, будучи начальником артснабжения 3 отдельного стрелкового батальона 133-й отдельной стрелковой бригады, погиб 19.7.1942 <...>, о месте похорон сведений нет, тогда как в извещении было сказано, что похоронен 800 м сев.-вост. д. Никольское Деменского р-на Ленинградской обл. (это по тем адм. делениям). У меня невольно возникает мысль, а может быть он в одном из спец. госпиталей, поэтому они так сообщают. Помогите мне в этом что-либо узнать поподробней, я Вас очень прошу. <...>

Вы знаете, в наши годы бывает просто удовольствие поговорить с таким человеком, который поймёт, как нашу юность растоптала война. И несмотря на то, что уже после войны неплохо сложилась семейная жизнь, у меня муж и 2 детей, всё же поговорить с человеком, который испытал на себе тяжесть войны, просто необходимо. <...>

Его родные сейчас проживают на ст. Бердяуш Челябинской области. Старушка-мать и сёстры с братом, школа, в которой он учился (бывшая Железнодорожная № 26), организовала на средства учащихся обелиск с высеченными именами тех, кто учился и кто погиб в годы Отечественной войны.

Каждое Ваше сообщение о тех событиях я буду воспринимать с большой благодарностью, если это конечно Вас не затруднит и не отнимет много часу.

<...> С уважением, София Терентьевна». |

Вот так. Мои родители были оба музыкальны от Бога, но из-за войны получали другое высшее образование: мама стала ветеринарным врачом, папа — военным инженером.

Мама научилась фортепианной игре, красиво пела, писала стихи, любила изучать языки, рисовала, имела артистическое дарование и прекрасный художественный вкус, занималась рукоделием, золотошвейка, вышивала ковры. В Рыбинске Ярославской области недолго преподавала английский в школе, организовала группу вышивальщиц при Доме моды, в Туле вдохновляла женщин-мастериц, собирала выставки, хор ветеранов ДК профсоюзов, музыкальный салон, была принята в Клуб тульских народных умельцев «Левша».

Папа до встречи с мамой по слуху играл на всех русских народных инструментах (балалайка, домра, гармошка), после их встречи освоил музыкальную грамоту и баян, аккордеон, скрипку, фортепиано, любил сочинять юмористические стихи и афоризмы.

При Верхне-Волжском отделении Союза композиторов РСФСР папа организовал и возглавлял Рыбинскую группу композиторов и поэтов-песенников, участники которой занимались теорией музыки и творчеством, устраивали отчётные концерты, выступали на фестивалях («Поёт Волга» и др.). Папины песни неоднократно печатались Ярославским отделением Всероссийского хорового общества, в периодике Прибалтики и России (газеты «За Родину», «На страже Родины», «Советская молодёжь», «Рыбинская правда», «Вперёд» и др.). Основное внимание уделял патриотической и лирической тематике.

С 1974 года наша дружная творческая семья проживала в Туле: папа, инвалид Великой Отечественной войны I группы, мама, ветеран трудового фронта, и я — их дочь, ставшая профессиональным музыкантом. Сегодня я с большим удовольствием исполняю на фортепиано произведения моих родителей. Особенно мне дорога баллада «В Трептов-парке белые березы...» (муз. И. Филатова, сл. Н. Агеева):

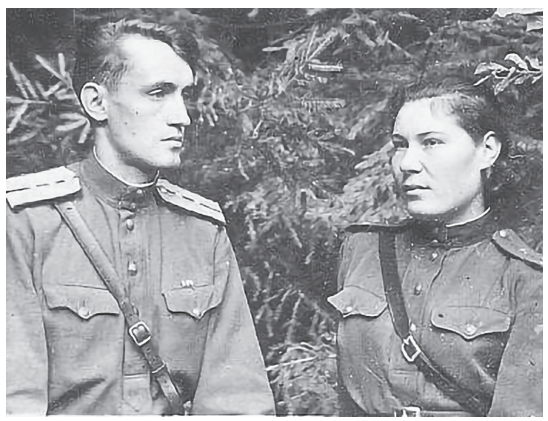
В Трептов-парке белые берёзы, / Словно вдовы русские, стоят / И роняют слёзы, а не росы / На могилы братские солдат...

Песня «Ожидание» (музыка папы на мамины стихи) — лирическая, но мне она напоминает, что люди, прошедшие нечеловеческие испытания в той войне, совершенно по-иному относятся к жизни, свято памятуя фронтовое братство, бесконечно ценя мир, труд, любовь.

Над рекой запели соловьи,
Опустился розовый туман.
Уронила косы до земли
Наклонила ива гибкий стан.

В ОДНОМ ПОЛКУ

Молотова Ольга Юрьевна, 63 года,
кандидат экономических наук,
кандидат в мастера спорта СССР по легкой атлетике,
г. Москва



Мои мама Екатерина Михайловна и папа Юрий Васильевич Молотовы. 1945 г.

Моя мама Екатерина Михайловна Худолеева (в замужестве Молотова) родилась 15 октября 1922 г. в деревне Проровино Оршанского района Витебской области. 22 июня 1941 г. была мобилизована в Советскую Армию и по сентябрь 1945 г. служила в 36-м Отдельном Оршанском Краснознаменном ордена Александра Невского полку связи в должности техника кросса.

Папа Юрий Васильевич Молотов служил в том же полку. Он родился 28 августа 1920 г. в г. Бежецке. До Великой Отечественной войны он участвовал в финской и польской кампаниях. До призыва в Советскую Армию учился в Киевском индустриальном институте, а мама до войны окончила ФЗУ связи в Белоруссии, в г. Орша. Оба дошли до Кенигсберга. Имели медали «За оборону Москвы», «За взятие Кенигсберга», «За победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Папа был награжден еще медалями «За отвагу», «За боевые заслуги» и орденом Красной Звезды, причем, как было написано в орденской книжке, с присвоением трофейного велосипеда (на котором я потом училась кататься).

Из маминых воспоминаний помню, что утром 22 июня она, как всегда, шла на работу на Центральный телеграф, ей было 19 лет. В это же время к телеграфу подъехал грузовик с солдатами, объявили, что началась война и тут же всех сотрудниц посадили в грузовик, погрузили оборудование и отправили в неизвестном направлении. Здание телеграфа взорвали. Никого не отпустили домой, чтобы сообщить родным. Мама говорила, что плакала, но ни ей, ни другим не позволили отлучиться. Родные потом приходили к развалинам телеграфа искать останки...

Мама рассказывала, что с отступающей армией она шла пешком до Смоленска босиком, так как туфли разорвались, и во время переправы

через Днепр наступила на гвоздь, проколола стопу насквозь. Её несли на руках, а след от того злополучного гвоздя остался у нее на всю жизнь.

В Смоленске им выдали обмундирование и сапоги, сфотографировали на документы на фоне плаката Ленина и Сталина. Позже, когда разворачивалось партизанское движение в Белоруссии и радисток отправляли в партизанские отряды, мама попросила знакомую передать домой весточку, что жива.

Однажды мама узнала, что в соседнем полку есть военнослужащий с такой же фамилией, как у нее, — Худолеев. Отпросилась во время передышки, чтобы съездить туда; ей дали грузовик. Приехала, представилась командиру, грудь ее была в медалях. Оказалось, что это ее родной брат, который попал в штрафбат. При отступлении армии в начале 1941 г. в одном из боев он спасся из подбитого танка и вернулся в деревню, уже занятую немцами. А после освобождения деревни его отправили в штрафной батальон. После этого он уже не ходил в рукопашную, а его поставили подвозить снаряды.

Папа не любил вспоминать о войне. Но запомнились два его рассказа. Первый, как он тянул катушку связи в траншее и, подняв глаза, увидел над собой немца с автоматом. Но так как папа до войны занимался спортом (вольной борьбой, боксом), был чемпионом Киева по парусному спорту, то не растерялся, кинулся к немцу, дернул его на себя за ноги, как в вольной борьбе, и заколол его ножом.

Ещё у нас сохранилось письмо, полученное отцом из Киева, где семья жила до войны. Отец его друга написал, что сын при отступлении из Киева попал в окружение и минометным огнем ему выжгло глаза. Его как пленного привезли в Киев и он жил во время оккупации с отцом. При отступлении фашистов пришли гестаповцы и расстреляли сына. Столько горя в этом письме... Я храню это письмо, как и другие.

Дед мой, Молотов Василий Михайлович, перед войной работал в Москве в Комитете стандартов при Госплане СССР. В июле 1941 г. добровольно вступил в действующую армию и воевал на Западном фронте. В октябре 1941 г. в боях под г. Ельня Смоленской области пропал без вести. Бабушка Молотова Анна Михайловна работала медицинской сестрой в военном госпитале г. Барнаула Алтайского края.

После войны папа учился в Военной Краснознаменной Инженерной Академии связи в г. Ленинграде, которую окончил с отличием по специальности «военный инженер-радиотехник». Всю жизнь проработал в одном месте — в Центральном научном институте радиотехнической информации (ЦНИРТИ).

Имеет правительственные награды, полученные в мирное время.

ИСТОРИЯ ОДНОГО СЕМЕЙНОГО ПРАЗДНИКА

Щербинина Наталия Ивановна, 45 лет,
учитель русского языка и литературы
МОУ «Грицовский центр образования»,
пос. Грицовский Венёвского района
Тульской области

Иван Иванович Богомазов, мой дед

История эта началась в небольшом селе Иваньково Кимовского района Тульской области. В начале семидесятых в совхоз приехала по распределению после окончания Богородицкого сельхозтехникума молодая агрономша Валентина. Красавица с толстой русой косой до пояса, конечно же, привлекла внимание всех деревенских женихов. По вечерам в деревенском клубе собиралась молодёжь отдохнуть после работы. Танцевали, играли в шашки. Приходила туда и Валентина. Многие хотели проводить вечером девушку до дома, даже пытались обыграть её в шашки — такое условие поставила красавица. Долго никому не удавалось добиться её расположения. Чем привлёк её тракторист Иван? Густой чёрной шевелюрой или модным в то время болоньевым плащом — неизвестно. Но очень скоро местные ухажёры оставили девушку в покое, тем более все знали, что с Иваном шутки плохи. Рано оставшийся без матери, парень отличался вспыльчивым характером, чуть что, кидался в драку. Это был младший сын Богомазова Ивана Ивановича, бывшего фронтовика, прошедшего всю войну.

Богомазов Иван Иванович родился в марте 1923 года, а в июне сорок первого ему было восемнадцать лет. Призыв в армию, годичные медицинские курсы — так началась война для моего деда.

Двадцатидвухлетний лейтенант медицинской службы, награждённый орденом Красной Звезды, медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», вернулся домой в сорок шестом. За плечами — наступление на Берлин, прорыв сильной глубоко эшелонированной обороны противника на западном берегу Вислы, пересечение германской границы и вторжение в пределы Бранденбургской провинции. В семейном архиве хранятся полуистлевшие документы тех лет — благодарности за отличные боевые действия в названных военных операциях.

Дома его уже ждала любимая Аннушка, тоже лейтенант медицинской службы. Она вернулась чуть раньше, в феврале сорок пятого, и привезла с собой не только ордена, медали и благодарности, но и новую жизнь под сердцем. В июне сорок пятого, через месяц после Дня Победы, у Ивана и Анны родилась старшая дочь Галина, а после войны уже в мирное время появились два сына — Николай и Иван.

Анна Ивановна Родионова, моя бабушка

Послевоенное время было непростым для молодой семьи. Работа в совхозе, на шахте, пожар, во время которого сгорели многие военные документы и награды наших фронтовиков.

Аннушка, моя бабушка, умерла совсем молодой. Её младшему сыну Ивану, моему отцу, родившемуся в 1954 году, было семь лет. Он плохо помнит мать, но до сих пор вспоминает, как тяжело ему было без неё.

Но, видно, для любви и война не преграда: жизнь, зародившаяся там, на войне, в окопе ли, в землянке ли, после боя или перед ним, неизвестно, продолжалась. Годы шли, сыновья и дочь Ивана и Анны повзрослели и создали свои семьи, появились дети, потом внуки.

Я родилась в семье младшего сына Ивана и Анны. Мой папа — полный тёзка своего отца: Иван Иванович. Только фамилию носит материнскую — Родионов.

Когда пришло время мне идти в школу, наша семья уехала из деревни в шахтёрский посёлок Грицовский. Папа пошёл работать шахтёром. Так как агрономы в посёлке городского типа были не нужны, мама устроилась в детский сад нянечкой. Мирная жизнь шла своим чередом. Посёлок строился, отцу дали трёхкомнатную квартиру в новом доме. Мама уже работала воспитателем в детском саду, а мы с младшим братом ходили в школу.

Это было, как сейчас принято говорить, советское время. Самым распространённым массовым мероприятием в то время были демонстрации, участие в которых было обязательным, в том числе и для школьников. Но дома отец говорил: «На Победу мы едем в деревню к деду». Никому не приходило в голову возмущаться и спорить.

Каждый год 9 мая мы собирались в дедовом доме. Все: и дети, и внуки. Дед жил один. Всё начиналось с наведения порядка. Обязательно готовился праздничный обед. Старый чёрно-белый телевизор работал с самого утра: ждали парад. Главный виновник торжества — наш дед — сиял от удовольствия и гордости. Сияли на груди и дедовы фронтовые награды, те, что уцелели после пожара. Потом все вместе мы отправлялись на братскую могилу, где в этот день собиралась вся деревня. Кто-то приходил один, кто-то с друзьями, с соседями. Наш дедушка всегда был в окружении семьи. Дома за праздничным столом обязательно пели песни. Дедова любимая — «Майскими короткими ночами, отгремев, за-

кончились бои». Строчка «За победу мы б по полной осушили, за друзей добавили б ещё», конечно же, воспринималась как тост.

Деревня Иваньково, Кимовский р-н, Тульская область. Митинг на братской могиле

Деревенский митинг на братской могиле, мой дедушка с друзьями-фронтовиками, семейный обед за большим круглым столом в дедовом доме с обязательным тостом «За Победу!» Казалось, ничто не могло нарушить этой традиции. В мае 1996 года мы по традиции собирались в деревню к деду на Победу. Я уже была студенткой Тульского пединститута, брат служил в армии в Солнечногорске в разведроте. Всё было, как обычно: цвела черёмуха, в огороде распустились тюльпаны и нарциссы, полный дом детей и внуков. В этот День Победы мы провожали деда в последний путь. Он умер 6 мая, а похороны назначили на наш любимый семейный праздник. Было очень жарко в этот день, светило солнце. На солнце сияли дедовы награды. Их несли его правнуки. Среди наград была юбилейная медаль «50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», которую деду вручили за год до его смерти в 1995 году. Дед мечтал дожить до 50-летия Победы. Его мечта исполнилась.

В детстве я думала, что мой дедушка — самый главный ветеран и герой, а День Победы — это праздник нашей семьи Богомазовых-Родионовых. Повзрослев, я поняла, что в этом нет ничего удивительного: детское восприятие родины ограничивается пределами родной деревни; вырастаем мы, и безграничной, беспредельной становится родная земля. Так и праздник из детского семейного превращается во всенародный.

В оформлении используются фотографии и документы из семейного архива

Глава 8. ГЕРОИ РЯДОМ

НА СЛУЖБЕ ОТЕЧЕСТВУ. КАПИТАН 1 РАНГА ВАЛЕРИЙ ИВАНОВИЧ ВАСИЛЬЕВ

Ермишина Анна Викторовна,
кандидат исторических наук,
руководитель историко-просветительского проекта «Адмиралтейский храм и его выдающиеся прихожане»,
г. Москва

Вся жизнь капитана 1 ранга Валерия Ивановича Васильева была связана с водными просторами. Родился 17 апреля 1937 года в Астрахани и уже 20-дневным «был определен» на теплоход «Чичерин» Волжского пароходства, где мама, Фаина Сергеевна, была судовым врачом. Каюта стала колыбелью, первые шаги были сделаны по палубе, и тельняшка сразу же полюбилась юному моряку.

Отец, Иван Филиппович, был старшим штурманом того же теплохода. С началом войны экипажу было поручено подготовить теплоход к эвакуации сотрудников Наркомата Военно-Морского флота в г. Ульяновск. После выполнения задания и окончания навигации теплоход был поставлен в затон в г. Чистополь (река Кама). В ноябре 1941 года Иван Филиппович был отправлен на защиту Москвы, в лыжный отряд разведки, который был сформирован из мобилизованных моряков. Затем воевал на Северном флоте в бригаде морской пехоты под командованием В. В. Рассохина, участвовал в обороне Советского Заполярья. В 1943 году был ранен. Закончил войну офицером Дунайской флотилии — освобождал Будапешт, Вену. В 1947 году, в связи с выводом советских войск из Венгрии в г. Измаил, продолжил службу в управлении Дунайской флотилии.

После школы Валерий Иванович решил пойти по стопам отца — учиться штурманскому делу. В 1955 году поступил в Каспийское высшее военно-морское училище имени С. М. Кирова (г. Баку). Через три года произошла реформа военного образования, и штурманский факультет перевели в Калининград, в Балтийское высшее военно-морское училище.

Службу морского офицера начал в 1959 году на эскадренном миноносце «Бдительный» в 118-й бригаде охраны водного района Одесской военно-морской базы Черноморского флота. Был командиром электронавига-

В.И. Васильев возглавляет торжественный парад экипажа корабля МПК-19. г. Поти. Грузинская ССР. 7 ноября 1968 г.

ционной группы. Опыт молодым передавали офицеры-фронтовики, которых отличала особая стойкость и мужество.

С 1960 по 1969 годы Валерий Иванович служил на малых противолодочных кораблях Черноморского флота. В дальнейшем командовал сторожевым кораблем «Ягуар», эскадренными миноносцами «Совершенный» и «Оживленный».

Ответственный период службы связан с командованием кораблем в составе Средиземноморской эскадры (ноябрь 1970 г. — май 1971 г. — СКР «Ягуар»; март 1972 г. — май 1973 г. — эсминец «Оживленный»). 5-я эскадра кораблей ВМФ была развернута в Средиземном море в 1967 году как специальное оперативное соединение. Оно имело постоянное командование и меняющийся состав кораблей, которые обеспечивали сохранение военного паритета. Считается, что создание 5-й оперативной эскадры стало «сдерживающим фактором для любых недружественных акций против СССР и его союзников на Средиземном море». Боевая служба советских кораблей в регионе проходила в эпицентре постоянно возникающих локальных конфликтов. Как отмечал капитан 1 ранга В. В. Заборский, начальник отдела Оперативного управления Главного штаба ВМФ, «5-я эскадра ВМФ стала практической школой высочайшего уровня оперативной подготовки командиров кораблей и соединений, морской выучки экипажей в условиях длительных плаваний на боевой службе».

Нести боевую службу приходилось в условиях отсутствия в Средиземном море советских военно-морских баз. Существовали специальные «точки» — якорные стоянки, которые были разбросаны по всему Средиземному морю, вне территориальных вод. Приходилось решать проблемы, связанные с пополнением запасов воды и провизии, с защитой от штормов. Валерию Ивановичу памятен сильный разгул стихии в конце 1970 года, когда стояли у о. Китира («точка 5»). После совещания командиров сторожевых кораблей «Ягуар», «Куница» и «Ворон» поисково-ударной группе (ПУГ) была дана команда прислать шлюпки за командирами. Но шторм был такой, что выполнение приказа пришлось отложить на 3 дня. Совещание продолжилось...

Интересен случай, который произошел на стоянке в заливе Саллум (Египет). Однажды на рассвете (это было летом 1972 года) вахтенный офицер доложил, что наблюдает в перископ подводную лодку. Была сыграна боевая тревога, заняты боевые посты. Вскоре стало понятно,

что всех ввела в заблуждение гигантская черепаха. Был дан отбой. Через несколько дней ситуация повторилась. Матросы стали просить разрешения поймать экзотическую рептилию. Спустили шлюпку, и вскоре 50-килограммовая черепаха очутилась на корабле. Она была помещена в специальную емкость, которая предназначалась для дезинфекции овощей и фруктов. У одного из членов экипажа была фотокамера — и все с удовольствием фотографировались на память. Потом прошел слух, что из черепахи могут сварить суп, и тогда матросы пришли к командиру с просьбой ее отпустить. Так и сделали. Личному составу была дана команда построиться на правом шкафуте, чтобы торжественно проводить обитательницу морских глубин.

Командир эсминца «Оживленный» В.И. Васильев (в центре) с гигантской черепахой. Средиземное море. Залив Саллум. Лето 1972 г.

В отношении животных Валерий Иванович вспоминает и другие случаи. К примеру, как во время учений у берегов Мальты (июль 1978 года) на одном из кораблей ему пришлось познакомиться со смышленым, но немного своенравным псом. Пес часто «подставлял» команду, прибегая в момент учебной тревоги первым на боевой пост. Это вызывало нарекания начальства: «Как же у вас организовано несение дежурства, когда пес раньше матросов реагирует?» Но пса любили — он умел забавлять команду.

Вообще, многие командиры понимали важность хорошего настроения, эмоциональной сплоченности коллектива, особенно в дальних походах. Особо внимательны были к тем, кто проходил первые месяцы боевой службы. Стремились поздравить матросов в дни рождений, по громкой связи зачитывали письма родных. Морякам радостно было услышать родные слова вдали от дома, и это придавало силы.

В 1975 году Валерий Иванович окончил Военно-морскую академию и был назначен командиром бригады противолодочных кораблей Крымской военно-морской базы. 17-ю бригаду называли «рабочей лошадкой» — приходилось выполнять большую часть ответственных заданий. Ежеквартально два-три из 12 кораблей бригады находились в Средиземном море.

Важный период жизни Валерия Ивановича связан с работой в Главном штабе Военно-Морского флота (с 1981 года).

С 2012 года, после выхода в отставку, Валерий Иванович продолжил активно трудиться — уже в Совете ветеранов войны и военной службы

В.И. Васильев, командир эскадренного миноносца «Оживленный». 1972 г.

Краснознаменного Черноморского флота в Москве. Это одна из старейших ветеранских организаций страны (создана в 1971 году). У ее истоков стояли герои Великой Отечественной войны: вице-адмирал И. И. Азаров, генерал-лейтенант П. А. Моргунов, вице-адмирал В. А. Лизарский. Петр Алексеевич Моргунов долгое время был ее руководителем. Это человек-легенда, начальник береговой обороны Черноморского флота в период Великой Отечественной войны, первый в СССР кавалер ордена Нахимова I степени. Он оставался в Севастополе весь период обороны города.

По инициативе П. А. Моргунова был создан музей истории Черноморского флота. Торжественное открытие музея в здании Дома пионеров и школьников «Севастополец» произошло 8 мая 1985 года. В 2015 году этому замечательному морскому музею исполнилось 30 лет. Для ветеранов флота Дом пионеров и школьников «Севастополец» и музей — это непотопляемый линкор, который важно сохранить для Москвы.

Коллектив Совета ветеранов очень дружный и крепкий. В него входят удивительные люди, среди которых: А. Л. Егоров, В. В. Гришин, В. А. Авдеева, И. И. Трушин, В. П. Кузнецов, В. Е. Разумков, Ю. П. Павлов, К. Н. Парфенов, В. А. Додонов, Е. Е. Следь, В. Н. Следь, В. П. Харьков, Н. Ю. Харькова, А. Д. Комаров, А. А. Мартынова и другие. В особом почете — участники Великой Отечественной войны. Старший матрос морской пехоты Г. И. Анисимова и мичман П. А. Бзовский принимали участие в освобождении Новороссийска, Северного Кавказа и других территорий. Нерушимость флотских традиций хранят Соловецкие юнги — Б. В. Давыдов, А. Т. Ковалев.

Этих замечательных людей отличает высокое чувство верности и любви к Родине. Они талантливы во многих областях: в научном и литературном творчестве, в музыке и фотоискусстве, в созидании семьи, хозяйства и в широком смысле — в домостроительстве. Одно из главных качеств — талант дружбы и взаимовыручки, уважительного и искреннего отношения друг к другу. Теплым юмором проникнуты стихи, которые сочиняются по случаю юбилеев и торжеств. Так, на 80-летний юбилей Валерия Ивановича Виктор Анисимович Филипенков написал вот такие строки:

Город Астрахань стоит,
Он рыбалкой знаменит.
Наш Валерий здесь родился.
Капитан, его отец,
Умным мальчиком гордился:

«Будет славным молодец»...
Вы — Почетный гражданин.
Чтобы флот вновь возродился,
Вы трудились до седин.
И друзья об этом скажут,
Скажут в прозе и в стихах.
Вам не раз еще доверят
Поднимать Российский флаг.

Ветераны КЧФ поддерживают крепкие контакты с ветеранами 5-й Средиземноморской эскадры кораблей ВМФ, эскадры Черноморского флота, крейсеров «Дзержинский» и «Михаил Кутузов». Моряки гордятся дружбой с великим путешественником о. Федором Конюховым, с представителями русского духовенства, игуменом Кириллом (Коровиным), настоятелем храма Живоначальной Троицы в Листах. В этом храме, который еще при Петре Великом получил статус Адмиралтейского, организуются «Чириковские встречи», направленные на сохранение исторической памяти, понимание духовно-нравственных начал, изучение традиций воспитания выдающихся мореплавателей XVIII века и других эпох. Моряки активно участвуют в этих встречах, также проводят «Уроки мужества» в воскресных школах, кадетских классах.

По словам Валерия Ивановича, «молодая смена должна учиться быть творцом своей жизни, чтобы в трудный час постоять за своё родное Отечество. Для этого надо знать и помнить, как жили и служили деды и прадеды, которые по-настоящему любили Родину и были патриотами России. Российский Военно-Морской флот переживал не раз сложные времена и всегда возрождался на более высоком уровне за счёт человеческого фактора. Русские моряки верно несут Андреевский флаг на всех морях и океанах!»

В настоящее время капитан 1 ранга В. И. Васильев — Председатель Объединенного Совета ветеранов Военно-Морского флота Московского комитета ветеранов войны (с 2019 года), до этого он был председателем региональной Общественной организации ветеранов войны и военной службы Краснознаменного Черноморского флота в г. Москве (2012–2019 гг., в 2019 году председателем стал капитан 1 ранга А. Л. Егоров). первый вице-президент межрегионального Совета ветеранов («Во славу Родины»), член Севастопольского и Крымского землячеств, «Фонда памяти адмирала Флота Советского Союза Н. Г. Кузнецова», Общероссийской организации «Офицеры России». Награжден орденами Красной Звезды, «За службу Родине в Вооруженных силах» III степени, медалью «За боевые заслуги» и другими наградами...

2019 г.

ДИРЕКТОР ШКОЛЫ НИКОЛАЙ ГРИГОРЬЕВИЧ ПОПОВ[1]

Мурашова Татьяна Николаевна, 58 лет,
учитель русского языка и литературы,
руководитель музейной комнаты краеведения
МБОУ Мучкапской средней общеобразовательной школы,
Тамбовская область, Мучкапский район

Мы, в стремленье едины,
Долг исполнили свой.
Мы дошли до Берлина,
Расквитались с войной.

Петрусь Бровка

Знакомство первоклассников с историей школы начинается с экскурсии в музейную комнату краеведения, где одна из экспозиций посвящена директору школы, ветерану Великой Отечественной войны, Почётному гражданину Мучкапского района Николаю Григорьевичу Попову. Родился он 8 августа 1923 года в с. Коростелёво Мучкапского района Тамбовской области. В июне 1941 г. страшная война ворвалась в жизнь выпускников яростным воем пикирующих самолётов, грохотом взрывов, кровью и смертью людской. О том, как воевал наш земляк, рассказывалось в книге поколений «Мы помним…» в 2015 г.

Закончилась война. В 1947 году после увольнения в запас капитан Н. Г. Попов вернулся домой, в Мучкапский район. И жизнь свою посвятил работе с детьми. Сначала был назначен председателем районного комитета по физической культуре и спорту, потом 2,5 года (с 21 января 1951 г. по 15 июля 1953 г.) — директор Мучкапского детского дома имени С. М. Кирова, закончил исторический факультет Тамбовского государственного педагогического института. В 1953 году Кировская семилетняя школа была преобразована в Кировскую среднюю школу и с августа этого года трудовая деятельность Николая Григорьевича тесно связана с нашей школой: учитель истории, завуч, а с апреля 1956 по 1 сентября 1985 г. — директор. До самой смерти (22 сентября 2007 г.) вёл активную работу по патриотическому воспитанию подрастающего поколения. С 1985 г. по 1992 год возглавлял районную организацию «Совет Ветеранов».

Для воспитанников детского дома Николай Григорьевич был мудрым наставником, о чём говорят многочисленные встречи после расформирования детского дома. Но главное его детище — Кировская средняя школа. Занятия в две смены проходили в двух зданиях, которые назывались «маленькая школа», «большая школа». В «маленькой» учились с 1-го по 6-й класс, в «большой» — с 7-го по 10-й. Николай Григорьевич создал большой, грамотный и творческий коллектив педагогов-единомышленников со строгой дисциплиной. Почти тысяча учащихся, и каждого директор знал в лицо, для каждого у него находилось доброе слово. Негласный девиз коллектива с подачи директора: «Не пищать!». Но никаких поблажек на трудное послевоенное время не было. Листаю книгу приказов школы и отмечаю: ежегодно дети за неуспеваемость оставались «на осень», на второй год. Знания здесь давали прочные. Среди выпускников — врачи, учителя, механизаторы, работники ФСБ и МВД, военные, работники культуры и бизнесмены, высококвалифицированные рабочие; 92 ученика окончили школу с золотой медалью. Собираясь на традиционных встречах выпускников и юбилеях школы, выпускники благодарят педагогов за полученные знания.

С.А. Неустроев с женой в Мучкапе у Н.Г. Попова

Заниматься в двух корпусах было неудобно, и Николай Григорьевич добивался строительства новой школы. В 1976 году на месте стадиона закончилось строительство нового здания Кировской средней школы по типовому проекту: трехэтажное, с актовым залом, спортзалом, столовой. С какой любовью ученики и педагоги школы обустраивались на новом месте: сажали деревья, разбили фруктовый сад, приусадебный участок! Учитель рисования Владимир Фёдорович Жернак красиво расписал стены в столовой и на каждом этаже, оформлял кабинеты. Жизнь в школе кипела: пионерская и комсомольская работа всегда была на уровне, без заорганизованности; всевозможные тематические вечера, соревнования, праздничные демонстрации, ежегодно проходил смотр художественной самодеятельности, спортивный праздник. В посёлке была ещё одна средняя школа — Мучкапская — и здоровый дух соревнования всегда присутствовал. За каждой школой было закреплено хозяйство, прополка и уборка сахарной свёклы, сбор яблок имели большое значение в трудовом воспитании детей. Школьные годы в душе каждого ученика на всю жизнь оставались самым лучшим временем.

Одно из ярких впечатлений: старшеклассники школы идут в кинотеатр «Луч» на просмотр кинофильма «Освобождение. Битва за Берлин». Эпизод водружения знамени Победы над Рейхстагом и легендарные участники Берлинской операции на экране: Герой Советского Союза капитан Степан Андреевич Неустроев, Герой Советского Союза полковник

[1] Продолжение. См.: *Мурашова Т.Н.* Воспоминания майора Попова Н. Г. о штурме Рейхстага // Мы помним… Книга воспоминаний и размышлений поколений. Часть 2. Тула: Аквариус, 2015. С.77–91.

Ф.М. Зинченко (в центре), Н.Г. Попов (слева) в Мучкапе с партактивом

Фёдор Матвеевич Зинченко, политрук младший лейтенант Алексей Прокопьевич Берест, Герой Советского Союза младший сержант Мелитон Варламович Кантария, Герой Советского Союза сержант Михаил Алексеевич Егоров. А мы сидим, переполненные гордостью, ведь все они — однополчане нашего любимого директора школы, мы знаем о них из первых уст. Ф. М. Зинченко, первый советский комендант Рейхстага, был в Мучкапе в гостях у однополчанина Н. Г. Попова в 1970 году, встречался со школьниками и жителями района. С. А. Неустроев выступал на открытии стадиона «Салют», а второй раз приезжал вместе с женой и внуком Андреем, много рассказывал о параде Победы, где он был ассистентом у Знамени Победы. Очень многие мальчишки нашей школы стали военными, в том числе и сын директора школы Сергей, примерявший форму гостей-героев.

Николая Григорьевича связывала крепкая дружба с земляками-мучкапцами: академиком Академии медицинских наук Героем Социалистического труда, ветераном Великой Отечественной войны М. И. Кузиным, заместителем Генерального прокурора СССР (с 1977 по 1981 гг.) В. В. Найдёновым, председателем колхоза «Страна Советов» М. Я. Осиповым, который был прислан в 1965 году в район для подъёма колхозного производства. И наш директор старался обязательно устроить их встречу со школьниками, чтобы видели — вот они, известные на всю страну люди, которые, как и вы, бегали по этим же улицам, купались в той же реке Вороне, но благодаря знаниям, трудолюбию, упорству достигли вот таких высот в своей жизни.

Н. Г. Попов оформил альбом 756-го стрелкового Краснознамённого полка 150-й Идрицко-Берлинской дивизиии, постоянно его пополнял. Сейчас это реликвия. Есть здесь и открытки из Прибалтики. До 1990 года Николай Григорьевич к каждому празднику Победы получал благодарность от жителей города Себежа и Добельского района Латвии за участие в освобождении края от немецких захватчиков. «17 июля у себежан и участников боёв на нашей родной земле большой и радостный праздник — день освобождения города Себежа и района от немецко-фашистских захватчиков... В этот день мы низко склоняем свои головы перед светлой памятью тех, кто пал смертью храбрых на поле брани и свято чтим память о героях Великой Отечественной войны...»

Трудно представить, что люди помнили и вдруг забыли, судя по событиям последних десятилетий в Прибалтике. Осквернение памятников советским солдатам, восхваление фашистов, попытка выставить счёт России за годы оккупации, выделение средств правительства Латвии на сооружение памятника гестаповцам — кошмарный сон? России впору предъявить свой счёт за погибших и раненых солдат Красной Армии при освобождении её народа от фашистов.

Однажды я прочитала в газете такие строки: «Немцы одержали поражение, а русские потерпели победу в Великой Отечественной войне». Да, есть попытки переписать историю, принизить подвиг моего Народа. Не получится. Знаете, почему? В одной из передач к 9 мая увидела встречу Татьяны Степановны Неустроевой с внуком Мелитона Кантария и дочерью Алексея Егорова. А Юлия Арутюнянц из Узбекистана, праправнучка Ф. М. Зинченко, пишет конкурсную работу. Вот она, «веков связующая нить», которая не позволит переписать Историю.

И это подтверждают ежегодные «Встречи поколений» в нашем школьном музее, гостем которого всегда бывает дочь Н. Г. Попова Надежда Николаевна Новикова.

Встреча однополчан 150-й Идрицко-Берлинской дивизии в музее Вооруженных Сил, 1985 г.
Внизу сидят (слева направо): Н.Г. Попов, Ф.М. Зинченко, И.А. Крымов. Стоят (слева направо): И.В. Юшков (секретарь РК КПСС), Н.И. Писклов (секретарь РК КПСС), Я.В. Бабичев (военком), А.А. Калугин (секретарь РК КПСС)

ЛЕВ АЛЕКСАНДРОВИЧ ВОЗНЕСЕНСКИЙ. БЕГЛЫЙ ОЧЕРК ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА

Белянова Антонина Михайловна, 86 лет,
кандидат экономических наук, доцент кафедры политической экономии Экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва

Новорожденный 26 апреля 1926 года первенец в семье Александра Алексеевича Вознесенского и Анны Васильевны Судаковой долгое время оставался без имени: отец хотел, чтобы в имени сына сочетались три понятия: революция, интеллект и марксизм. К счастью для ребенка, ничего благозвучного из этих попыток не получилось, и в конце концов по предложению бабушки ее внука назвали просто Левушкой. Но это не помешало первоначальной идее «материализоваться» в более чем двухстах печатных работах, бесчисленных телевизионных и радиовыступлениях, в научных докладах и публичных лекциях в отечественных и зарубежных аудиториях, аналитических записках руководству партии и государства о коренной перестройке всей жизни советского общества и прочих форм активной, если так можно сказать, жизнедеятельности Льва Александровича.

Впрочем, все это было потом, уже после Великой Отечественной войны, которую он встретил в родном Ленинграде, откуда последним эшелоном перед тем, как немецкая армия замкнула кольцо вокруг города, был вывезен в Галич Ярославской области, где находился в детском доме, а позднее переправлен в Свердловск. Там после окончания 9 класса в 1943 году Лев настоял в военкомате на том, чтобы быть призванным в армию (боялся, что война кончится без него и ему будет стыдно за это смотреть своим детям в глаза), и оказался в эвакуированном на Урал Одесском артиллерийском училище, выпуск из которого должен был состояться уже через полгода. Но надежда быстро попасть на фронт рухнула, когда пришел приказ продлить срок обучения, а позднее другой — возвратить училище со всей техникой и курсантами на место прежней дислокации, в Одессу. И только в 1945 году, опять-таки по его настоянию, он все же оказался в действующей армии, в 624-м Отдельном разведывательном артиллерийском дивизионе, на Первом Украинском фронте. Известие о Победе застало его в Дрездене, за ночь дивизион вместе с другими армейскими частями совершил марш-бросок через Карпаты, утром 9 мая вошел в Прагу и с ходу был направлен на юг Чехословакии, где гитлеровцы сопротивлялись еще несколько дней. После завершения боевых действий нашей армии Лев служил в Центральной группе войск.

Демобилизовавшись летом 1946 года и получив в Комитете по делам высшей школы официальное разрешение, он стал учиться одновременно в 10 классе вечерней школы рабочей молодежи (окончил, как обещал, с медалью) и на 1 курсе политико-экономического факультета Ленинградского университета, а в конце 47 года вместе с отцом переехал в Москву, куда тот был переведен на новую работу. Так Лев оказался студентом экономического факультета МГУ, откуда, уже с 5 курса, осенью 1950 года был «изъят» как член семьи Вознесенских, уничтоженных по печально знаменитому «ленинградскому делу», заочно «осужден» пресловутым Особым совещанием по статье, не имевшей к нему, как и к другим его родственникам, даже формально никакого отношения, и отправлен в Особый (ранее — каторжный) лагерь на 8 лет, но с напутствием: «Живым ты от нас не выйдешь!». Там он встретился с тезкой — Л.Н. Гумилевым, тесная дружба с которым сохранилась у них на десятки лет, до самой кончины Льва Николаевича.

Весть об освобождении пришла ко Льву, по иронии судьбы, 21 декабря 1953 года, и в начале следующего года он вновь появился на факультете, однако теперь на 4 курсе, т.к. за годы его отсутствия программа обучения была изменена, и за оставшееся до выпускных экзаменов время ликвидировать это вынужденное отставание было невозможно. Был он тогда худющим — до роста ему не хватало 18 килограммов, с букетом тяжелых хронических заболеваний, с еще остриженной наголо головой, но все равно красивым, обаятельным, деликатным. Конечно, тогда, да и потом, пожалуй, мы плохо представляли себе, что довелось ему пережить за те три с лишним года, пока мы радовались жизни, безмятежно учились, влюблялись и были уверены в своем светлом будущем. Но в 2004 году вышла его большая книга «Истины ради...», в одном из приложений к которой он воспроизвел основные фрагменты воспоминаний арестованного почти одновременно с ним своего младшего брата Эрнеста. Страшно и горько читать рассказанное ими о том, что и как происходило незримо для большинства людей в нашем государстве, в том числе в тюрьмах и лагерях, и вместе с тем не перестаешь поражаться тому, как смогли они оба вынести все и вернуться к жизни «неисправимыми» оптимистами, страстными поборниками Добра и Справедливости.

Лев органично, естественно влился в наш коллектив. Не было ни малейшего ощущения, что он старше и чем-то, хотя бы невольно приобретенным опытом, отличается от нас. Возникшая в то время дружба сохраняется и поныне. При обширнейшем круге людей, с которыми общался и общается Лев, он в течение более чем полувека не забывает поздравить с праздником, с днем рождения, просто справиться о здоровье, сказать добрые, от души идущие и с каждым прожитым годом все более дорогие теплые слова...

Ну, а тогда, после завершения учебы (его дипломная работа получила университетскую премию и была опубликована в виде двух статей) он

поступил в аспирантуру, по окончании которой стал работать на кафедре политической экономии нашего факультета и тогда же стал и.о. доцента в одном из московских вузов. Приходилось подрабатывать, тем более, что родился сын — мой будущий ученик. Казалось бы, судьба уготовила Льву Александровичу традиционный и вполне благополучный путь преподавателя высшей школы: лекции и семинарские занятия со студентами, научная работа, в перспективе докторская степень и профессорство. Но, так сказать, гражданская сторона его души, человека, все отчетливее представлявшего себе глубокий разрыв между теорией социализма и практикой жизни, стремилась к более активным формам деятельности, направленной на преодоление этого диссонанса. Поэтому он без долгих колебаний, даже не завершив работу над диссертацией, в 1960 году принял предложение главного журнала страны «Коммунист» перейти в его редакцию в качестве консультанта Экономического отдела.

Действительно, здесь перед ним открылись намного большие возможности работать на стыке идей и реальности. Журналу он отдал шесть лет и, кстати, попутно, под дружеским давлением прежних коллег по кафедре, из 60 к тому времени своих публикаций тематически объединил два десятка, написал соответствующий доклад и получил степень кандидата экономических наук по совокупности этих работ. Именно те годы, по словам Льва, были самыми светлыми за всю более чем полувековую трудовую часть его жизни. Вместе со своими коллегами по отделу и редакции он внес немалый вклад в продвижение новых взглядов по вопросам совершенствования хозяйственного механизма, использования товарно-денежных отношений, движения общества к реальной социальной справедливости, очищения диалектико-материалистической методологии от примитивных, вульгаризаторских наслоений и искажений и т.д., и т.п. И все это было далеко не просто: многие публикации состоялись не только благодаря высокой творческой квалификации авторов и редакторов, но и в результате их принципиальности и мужества в отстаивании идей, которые они считали правильными и прогрессивными, а значит необходимыми обществу.

Именно работа в таком комплексном по его проблематике журнале чрезвычайно расширила круг научных интересов Льва Александровича и позволила ему приобрести весьма профессиональные знания практически в каждом из основных направлений жизни общества. Политическая экономия и научные основы экономической политики, история экономической мысли и социальные отношения, развитие гласности, демократии и других процессов, направленных на коренное преобразование общества на подлинно социалистических началах, — такова наиболее обобщенная тематика печатных работ Л. А. Вознесенского. Они публиковались — за подписью, под псевдонимами и вообще без оных — в «Правде» и «Коммунисте» (позднее — «Свободной мысли»),

«Вопросах экономики» и «Экономических науках», «Плановом хозяйстве» и «Политическом самообразовании», «Экономической газете» и «Науке и жизни», во множестве других изданий, в том числе зарубежных. Ряд работ выполнен им в соавторстве с такими известными экономистами, как Л. И. Абалкин, Ф. М. Волков, Б. Г. Владимиров.

Характерным для публикаций Льва Александровича (первая относится к 1957 году) является непременный компонент новизны, без чего он не считал для себя возможным выступать перед читателями и слушателями. И это не оставалось не замеченным ими. Так, ряд публикаций, судя по откликам, поступавшим в редакции, обсуждался на десятках кафедр в вузах страны. После выхода в свет его книги «Художественная литература в преподавании политической экономии» (1959 и 1961 гг.), поиск материала для которой занял шесть лет, аналогичные работы появились и в других обществоведческих дисциплинах. Статья «Политическая экономия и формирование коммунистического мировоззрения» («Коммунист», 1963 г. и ее продолжение под тем же названием — «Экономические науки», 1964 г.) содержит такую логически развивающуюся характеристику диалектико-материалистической методологии, которая позволила ему уже в то время публично заявить об актуальности научного, критического анализа не только капиталистического, но и социалистического общества. В неоднократно издававшемся (1979–1983 гг.) учебном пособии «Экономическая политика КПСС» он предложил триединый критерий («трудовой — коллективистский — гуманистический»), отличающий социалистическое общество от любого другого в истории человечества. В большой статье «Динамизм советского общества» («Правда», 1977 г.) ввел в научный оборот понятие «социальный оптимизм» как неотъемлемую черту социалистического образа жизни и заявил о необходимости использования социальных факторов, включая реальное участие трудящихся в управлении производством и обществом, как обязательного условия обеспечения экономического роста и всестороннего развития страны. В книге «Истины ради...» (2004 г.) показал, что, хотя строительство нового общества прервано, социалистические идеалы не исчерпали свой потенциал, они живут в сердцах огромных масс людей и в конце концов сыграют свою историческую роль, в той или иной форме преобразовав жизнь в действительно человеческую. В брошюре «Социальная справедливость — миф или путеводная звезда?» (2007 г.) он доказывает, что она и только она — социальная справедливость — может и должна стать национальной идеей, способной в современных условиях объединить и вывести из глубочайшего кризиса нашу страну...

В 1966 году Лев был приглашен в Отдел информации ЦК КПСС, где курировал нашу пропагандистскую работу в Японии и США в связи с предстоявшим 50-летием Октябрьской революции, а затем перешел в Отдел пропаганды в качестве лектора, а потом — консультанта. Здесь он при-

нимал непосредственное участие в подготовке программных докладов Генерального секретаря на пленумах ЦК и съездах партии, выступлениях других ее лидеров, основополагающих документов по самому широкому кругу вопросов, в том числе таких в высшей степени актуальных, как, например, создание условий, говоря языком того времени, для внедрения в экономику научно-технического прогресса, совершенствования аграрной политики, развития всей социальной сферы. Это была напряженная творческая работа, к которой кроме сотрудников партийного аппарата нередко привлекали и лучших специалистов-ученых.

В 1974 году — еще один поворот в жизни Л. А. Вознесенского. Ему всегда были интересны новые формы деятельности, и он обратился к руководству с просьбой отпустить его на Центральное телевидение, чтобы стать первым и еще довольно долго единственным политическим обозревателем по вопросам внутренней жизни СССР. Состоялось решение ЦК — и Лев проработал в этом качестве следующие очень непростые семнадцать лет. Тогда, в середине 70-х, обстановка в стране стала быстро ухудшаться, все отчетливее нарастала социальная напряженность, и уже одно это, с его точки зрения, требовало принципиально иного, чем было принято в то время, уровня и характера общения с теми, кто находился по ту сторону экрана. Долгое время чуть ли не каждый шаг давался с боя, острой, иногда даже публичной, в том числе в печати, борьбы, как он сам говорил, «за право выполнять свои обязанности». Ведь он пришел на ЦТ для научной, аналитической работы, что всегда имело для него решающее значение, ради серьезного, честного разговора с людьми по наиболее сложным и острым проблемам их бытия. Но именно это прямо противоречило устоявшейся практике замалчивания реальных трудностей, выдаче желаемого за сущее, ухода от действительно злободневных вопросов. Поэтому уже первые передачи вызвали живой интерес у огромной телевизионной аудитории. Именно эта массовая поддержка, а также в целом благожелательное отношение в ЦК партии к его деятельности позволили ему не без существенных потерь, но все же внести немало нового в работу советского телевидения, а вместе с тем и в жизнь общества. К слову, различные, как теперь говорят, СМИ, оценив содержательность передач Льва Александровича, стали публиковать подготовленные им для печати эти выступления в виде статей и брошюр. (Например, «К экономическим методам управления. Беседы политического обозревателя Центрального телевидения по вопросам внутренней жизни СССР Льва Александровича Вознесенского с руководителями министерств и ведомств, учеными-экономистами». М.: Политиздат, 1989.)

Особенно заметную роль в духовном раскрепощении и возрождении реальной социально-политической активности широких кругов населения сыграли его прямые передачи с обратной связью со зрителями. Однако родилась эта форма работы лишь в результате шестилетней и весьма драматичной для Льва настоящей политической борьбы. Началось все с того, что вскоре после его появления на отечественном телеэкране он стал получать предложения от руководителей телевидения разных стран привлечь крупных хозяйственников, выдающихся ученых, известных артистов, космонавтов, спортсменов и др. для выступлений вместе с ними в прямых передачах с ответами на поступающие в студию по телефонам вопросы о происходящем в различных сферах жизни СССР. Это была очень интересная, эмоциональная и высокоэффективная форма информационно-пропагандистской работы в зарубежных аудиториях, задававших вопросы с такой интенсивностью, что порой заклинивало телефонные станции. Но на советском телевидении прямая, бесцензурная да еще и обратная связь со зрителями не допускалась категорически, и понадобилось шесть лет, чтобы первая в нашей истории такая передача состоялась 25 декабря 1980 года. И еще в течение пяти лет эти его прямые передачи («Проблемы — поиски — решения»), охватывавшие всю страну, собиравшие у экранов десятки миллионов человек, а затем бывшие предметом неформальных обсуждений в трудовых коллективах и в быту, оставались единственными. Конечно, их авторитет у населения был связан еще и с тем, что на обсуждение ставились наиболее крупные и сложные вопросы жизни страны, а в студию приглашались первые лица, ответственные за их решение, — заместители Председателя Совета министров СССР, министры, руководители партийных, профсоюзных и других общественных организаций, а также академики, директора научно-исследовательских институтов и другие известные ученые. Не менее важно было и то, что после эфира все заданные вопросы передавались в ЦК КПСС, Совет министров, в министерства для изучения, принятия конкретных мер и письменных ответов телезрителям. Признанием общегосударственной значимости таких программ явилось, в частности, присуждение их автору и ведущему звания лауреата премии Союза журналистов СССР и избрание его членом Бюро Президиума Правления этой авторитетной в то время организации.

Вся эта работа была продолжена и приобрела еще больший размах с лета 1988 года, когда Лев Александрович принял предложение Н. И. Рыжкова создать и возглавить Отдел информации Совета министров СССР (при сохранении им за собой и прежних своих функций на ЦТ). И это тоже был первый в стране опыт работы такой структуры, главную задачу которой ее заведующий видел в том, чтобы «сделать прозрачной, причем в обе стороны, Кремлевскую стену», дабы общество видело и понимало, ради чего, над чем и как работает дотоле по существу совершенно закрытый высший орган исполнительной власти — Совет министров СССР, а его руководители и аппарат глубже и острее ощущали реальные нужды людей и оперативнее принимали свои решения. Так вместе с телекамерами в зал заседаний Правительства страны впервые вошел весь народ, увидевший в подробных полуторачасовых репорта-

жах, кто и как выражает и защищает его интересы. Не имея возможности (да, наверное, в этом нет необходимости) даже просто перечислить все, совершенное в те годы возглавлявшимся им Отделом, отмечу лишь, что Лев с помощью своих коллег и при поддержке руководства Совмина создал новую газету «Правительственный Вестник» и вначале был ее главным редактором. Таким образом, тогда у него было сразу три официальные работы. Впрочем, это было не внове: он всю жизнь работал одновременно в науке и пропаганде, внутри страны и за рубежом, письменно и устно, в открытых и закрытых формах. Об этих последних не могу не сказать хотя бы несколько слов.

Даже умения Льва сказать в открытой печати или в эфире то и о том, что явно или подспудно было табуировано, по многим вопросам и темам нередко оказывалось недостаточно, и тогда он прибегал к уже упомянутым мной аналитическим запискам руководству партии и государства. Конечно, немало людей, обеспокоенных положением дел в стране, обращались в ЦК и Совмин со своими предложениями о том, как избежать кризиса общества. Но, как известно, нет пророков в своем отечестве. И все же, помня об этом, Лев за четверть века подготовил несколько десятков таких работ, хотя за некоторые из этих, особенно инициативные, по тем временам можно было, как говорится, поплатиться если не головой, то уж, по крайней мере, членством в партии и потерей работы. Вот только некоторые мотивы этих документов: 1966 г. — историческая правда как важнейший фактор преодоления тяжелейшего наследия прошлого в идеологии и управлении государством и обществом: «Если мы не сделаем этого, за нас это сделают другие, враждебные нам люди, но тогда наша собственная история будет работать против нас»; 1968 г. — тезисы для Конституционной комиссии (комплексная программа коренной, подлинно демократической перестройки всей советской системы); 1970–1984 гг. — о необходимости создания организационного механизма реализации этих идей — Отдела социально-экономической политики ЦК КПСС; 1971 г. — о спасении озера Байкал; 1972 г. — о причинах негативных настроений в стране; 1976 г. — анализ степени и характера отставания нашей страны в развитии электронно-вычислительной техники; 1979 г. — о реализации положений Конституции СССР о свободе прессы; 1980 г. — об изменении системы цен в стране; 1983 г. — состояние и перспективы Тюменского нефтегазового комплекса; 1985 г. — перестройка в СССР и актуальные проблемы управления; о положении инвалидов с детства; поправки в проект новой редакции Программы КПСС; 1990 г. — неотложные меры по выходу из сложившейся ситуации в стране. По ряду таких документов принимались партийно-государственные решения. Например, из названных — по Байкалу, ЭВМ, Тюмени, инвалидам. Но в целом... Знакомясь с этими и многими другими документами подобного рода, я наткнулась на своеобразный эпиграф к ним, в котором чувствуются разочарование и тревога автора: «Общество жаждет Правды, Справедливости и Порядка, и или оно в конце концов получит их «сверху», или возьмет «снизу» — со всеми вытекающими отсюда последствиями (см. печальный опыт братских стран), и чем позднее произойдет первое или второе, тем тяжелее будут они, эти последствия, для партии, государства и народа. Осень 1980 г.». Нужно ли что-нибудь добавить к этим словам?

Весной 1991 года Льву Александровичу исполнилось 65 лет, и в день своего рождения он подал заявления об уходе одновременно с работы как в Совете министров, так и на телевидении, поскольку понял, что его деятельность, направленная не на разрушение лучшего из достигнутого нашим обществом, а на развитие в нем подлинно социалистических начал, на ускорение движения в сторону социальной справедливости, в сложившейся тогда ситуации в Правительстве В. С. Павлова и в стране становится бессмысленной и никому не нужной.

Еще одна сторона жизни Льва, начатая в 1954 году, — работа в архивах, участие в организации научных конференций, посвященных памяти трагически погибших его родственников, издании их трудов, многочисленных публикаций о них и т.д. Эта разнообразная деятельность всегда находилась для него на первом месте, даже в ущерб его собственным делам и планам. Собранным им семейным архивом пользуются исследователи и издатели, музеи и другие организации. И, конечно, в последние годы много времени уходит на разбор его личного огромного массива рабочих документов, из которого по предложению Российского государственного архива политической истории (РГАСПИ) формируется персональный фонд Л. А. Вознесенского (№ 660, опись 9).

Работая над этим очерком, я просматривала многочисленные печатные (а только их намного более двухсот) работы и другие материалы Льва, а также сторонние публикации о нем, в том числе размещенные в Интернете, где, в частности, сказано: «Государственный и общественный деятель СССР...» Ну, а научный работник и преподаватель? — подумала я и спросила его:

— Почему с таким творческим багажом и широким общественным признанием ты не удосужился ни защитить докторскую, ни получить, при почти тридцатилетнем педагогическом стаже, звание профессора?

— Ты знаешь, — ответил он, — мне всегда было не до того: одна работа постоянно подгоняла другую. Даже к выступлениям за рубежом я зачастую готовился в поезде или самолете. Нередко, особенно на телевидении, вся моя группа работала буквально сутки, а то и полтора-два дня напролет. А кроме того, отсутствие этих степеней и званий никогда не лимитировало меня ни в чем. И сожалею я не об упущенных регалиях, а о том, что, как мне теперь кажется, мог и должен был сделать больше и лучше. Увы, наверстать упущенное теперь не удастся: и страна другая, и силы уже не те...

Впрочем, силы-то, судя по статьям и другим его выступлениям последнего времени, еще не исчерпаны. Так, упомянутая выше фундаментальная книга «Истины ради...», на сбор материала для которой (в том числе уникального из архивов) и собственно написание ее ушло более восьми лет, посвященная «Советскому народу — величайшему в истории герою и страстотерпцу», заставляет вновь и вновь задуматься над подлинной природой строя, при котором мы жили, над прошлым, настоящим и будущим нашего Отечества. И я присоединяюсь к авторам многочисленных рецензий на эту книгу, настоятельно рекомендовавших ее самому широкому кругу читателей и в первую очередь молодежи. Все творчество Л. А. Вознесенского свидетельствует о незыблемой, основанной на знаниях, вере в историческую победу очищенных от конъюнктурных искажений и извращений истинно социалистических идеалов — самых гуманистических, в наибольшей мере соответствующих коллективистской стороне самой природы человека.

У всех, кому посчастливилось общаться со Львом Александровичем, вызывают восхищение его широкая эрудиция и феноменальная память. До сих пор к нему можно обратиться за консультацией по практически любому вопросу и получить исчерпывающий ответ, включая факты, фамилии и такие подробности, которые не найдешь ни в одном справочнике. Любой телефонный звонок превращается в интереснейший разговор по проблемам истории, нынешнего состояния и перспектив развития страны. И каждый раз при этом получаешь мощный заряд оптимизма и человеческой теплоты, благодаря которым жизнь начинает казаться немного светлее. Он — один из редкостных настоящих русских интеллигентов, которых всегда отличали толерантность, великодушие, добропорядочность, искренне уважительное отношение к людям. Но при этом он всегда оставался непримиримым к любой несправедливости, лжи, предательству. Он сохранил и достойно продолжил лучшие традиции предыдущего поколения семьи Вознесенских, так много сделавших для своей страны, для ее народа.

Некоторые из публикаций Л. А. Вознесенского:

Художественная литература в преподавании политической экономии. — М.:Соцэкгиз, 1959; изд. второе, дополненное — 1961.

Политическая экономия и формирование коммунистического мировоззрения. — «Коммунист», № 16, 1963; продолжение под тем же названием. — «Экономические науки», № 3, 1964.

Основа основ социалистического строя. — «Экономическая газета». № 26. 29.06.1963.

Дело Маркса переживет века. — В кн.: «50 лет Октября — торжество марксизма-ленинизма». М.: Политиздат, 1967.

Ленинское учение о социалистической экономике и его воплощение в СССР. — В кн. «Lenin Centenarium». — Szombathely, 1970.

Как коммунисты относятся к личной собственности? — В кн.: «Коммунизм: вопросы и ответы». М.: «Прогресс», 1974.

Динамизм советского общества. — «Правда». № 161. 10.06.1977.

Советский образ жизни. — «Наука и жизнь». №№ 6 и 7. 1977.

Высшая цель экономической стратегии КПСС на современном этапе. Экономическая стратегия и тактика, их взаимосвязь и единство. Рост народного благосостояния и дальнейшее развитие социалистического образа жизни. Аграрная политика партии. Экономическая политика партии и творчество масс. — Главы в кн. «Экономическая политика КПСС». Учебное пособие. М.: Политиздат, 1979, 1980, 1981, 1982, 1983 гг.

Прямой разговор о прямых передачах. — «Советская культура». № 46. 17.04.1984.

Концепция ускорения: экономический аспект. — «Политическое самообразование». № 2. 1986.

Говорить на языке правды. — «Советская культура». № 20. 15.02.1986.

Речь на VI съезде Союза журналистов СССР. — Стенографический отчет. 14–16 марта 1987 года. М.: Изд. «Правда», 1987.

Перестраивая управление экономикой. — М.: Изд. АПН, 1987.

К экономическим методам управления. По следам телепередач «Перестройка: проблемы и решения». — М.: Политиздат, 1989.

Wohinfuhrt die Wirtschaftsreform in der Sowjetunion? В кн.: GesprachsforumBundesrepublik Deutschland — UdSSR. Bonn, 5–7 Marz 1989. — Bonn, November 1989.

Perestroika: Problems and Perspectives. Вкн.: The Challenge of an Open World. Essays Dedicated to Niels Bohr. — Munhsgaard, Copenhagen, 1989.

1988-й. — Ежегодник Большой Советской Энциклопедии. М.: «Советская Энциклопедия», 1989.

La major politica para nosotros. — Вкн. «La perestroika». Изд. Pablo Iglesias, Madrid, 1989.

Страну объединит только социальная справедливость // «Век». № 40. 9–15.10.1998.

Истины ради... М.: «Республика», 2004.

Социальная справедливость — миф или путеводная звезда? М.: «Машиностроение», 2007.

Социальная справедливость как национальная идея. (Сокращенный и доработанный вариант брошюры) // «Свободная мысль». № 4. 2008.

«Ленинградское дело» // Большая Российская энциклопедия. Т. 17. М., 2010.

Цели и средства // «Свободная мысль». № 12. 2011. (В широком авторском варианте — «К вопросу о взаимодействии цели и средств ее достижения в историческом процессе»).

ДВА ГЕРОЯ ИЗ ГОРОДА ЛИПКИ: ОТЕЦ-ШАХТЕР И ВОИН-СЫН

Медведева Нина Викторовна, 66 лет,
преподаватель русского языка и литературы
ГПОУ ТО «Болоховский машиностроительный техникум»,
Тульская область, г. Липки

Родина подобна огромному дереву, на котором не сосчитать листьев, и которое имеет корни, связывающие его с землёй. Корни — это то, чем жили люди вчера, годы, десятилетия или века назад. Это наша история. Это наши деды и прадеды, их дела, молчаливо живущие рядом с нами.

Липки, город в северной части Среднерусской возвышенности, находится в 23 километрах от железнодорожной станции Щёкино, в 38 километрах к югу от Тулы. Упоминается в летописи с XVII века как деревня Липки. В связи с разработкой Подмосковного угольного бассейна в 1949 году деревня получила статус рабочего посёлка Липковский, в 1955 году поселок стал городом и ему было возвращено прежнее наименование. «Липки» — «селение с липами» — распространено в топонимии России.

У нашего города есть гимн, автором которого является Анатолий Игнатьевич Семёнов, председатель Совета ветеранов, полковник в отставке, житель города Липки.

Он возник после бурь и ненастья,
После грозной суровой войны.
Веря в жизнь, веря в новое счастье,
Его строили дети страны.

Припев: Город наш, может, с виду неброский,
Но в нём люди с открытой душой.
Город Липки наш — город шахтёрский,
Город Липки — наш город родной.

В нём живут задушевные люди:
Ветераны войны и труда.
Путь по жизни у них очень труден,
Но не плачут они никогда.

Припев

Терриконы стоят, терриконы.
Память юных промчавшихся лет,

И цветами покрытые склоны
Ранним утром встречают рассвет.

Родина — это очень многое. Это и тропинка с бродом через ручей, и птицы, летящие на север над нашим домом. Это имена людей. Это мой отец. Это мы. С нашим миром чувств, с нашими радостями и заботами, мечтами о будущем. История родных мест дорога и близка сердцу каждого человека. Она вокруг нас: в памятниках, обелисках, наконец, в людях.

В нашем музее «Боевой, трудовой славы и истории техникума» собран материал о трудовой деятельности уважаемого не только в нашем городе, но и за его пределами человека. Он не раз выступал перед учащимися нашего техникума, я знакома с его семьей. Поэтому мне хотелось бы рассказать о необычной судьбе этого человека и его сына, вся сознательная трудовая деятельность которых тесно связана с городом Липки.

Василий Егорович Перекатенков

Василий Перекатенков, бригада Перекатенкова. Эта фамилия была знаковой для всего Подмосковного угольного бассейна. Василий Егорович Перекатенков был одним из самых знаменитых горняков Подмосковья. Его судьба является примером для многих людей. Когда он был мальчишкой, у него были свои кумиры — люди труда. Всё самое лучшее Василий перенял у них.

Есть на Калужской земле деревня Селилово. Вокруг расположились вечнозелёные хвойные леса. Здесь и родился Василий Егорович Перекатенков 13 декабря 1930 года. В деревне Селилово прошло босоногое детство мальчика, полное горя и печали. В 12 лет он потерял отца, погибшего в самом начале войны. Василий пережил все тяготы фашистской оккупации. Как только калужскую землю освободили от врага, он пошёл учиться в ФЗУ, где и получил навыки горняцкой профессии.

Его трудовая деятельность началась в 1955 году. Она прошла на шахтах Болоховского, Дедиловского, Киреевского районов. Василий Егорович первым в отрасли совершил проходку штрека по завалу на угольном комбайне в шахте «Смирновская», первым применил для крепи горных выработок металлические кольца.

В четвёртой и пятой пятилетках Подмосковный угольный бассейн напоминал собой сплошную строительную площадку. На огромных просторах от города Скопино Рязанской области до города Немидова Калининской области поднимались в небо металлические копры новых современных шахт, рассчитанных на длительный срок службы.

За 1948–1955 годы в Подмосковном бассейне было построено свыше 150 шахт. В конце 1954 года В. Е. Перекатенков вместе с коллективом

переходит работать на шахту № 6, только что построенную на Липковском угольном месторождении. Шахта поразила молодых парней своим величием. Большой шахтный двор был полностью заасфальтирован. По откаточным штрекам курсировали электровозы. Но уже первые месяцы работы показали, что шахтёрам придётся немало поработать, чтобы достигнуть проектной мощности 1500 тонн угля в сутки. Дело в том, что по своим горно-геологическим условиям шахта оказалась трудной. Василий Егорович принимает решение стать проходчиком. Его назначают бригадиром.

В книге «Живая память» Василий Скачков пишет: «Подобрались в его бригаде хорошие ребята, стремились перенять все приёмы проходческого мастерства. Их неутомимый девиз был: «Вперёд на грудь забоя!». Не один раз они, словно подземные исполины, подставляли свои груди гремучей силе горной породы. Плавуны, обрушения от сверхмощного давления кровли и неимоверная обводнённость — всё они преодолевали, иногда стоя по пояс в ледяной мутной воде... Вода изматывала, валила с ног, но Василий Перекатенков успокаивал ребят: «Всё, хлопцы, вот последний хлюп, и вода выдохнется, тогда мы и рванём снова вперёд!» [1, с. 20].

Бригада Перекатенкова трудилась на самых сложных участках, выполняла самые ответственные поручения. Горнопроходчики шахт «Приупская» и «Дедиловская» помнят то время, когда из-за чрезвычайно сложных горно-геологических условий они вынуждены были приостановить проходку главных откаточных штреков. И тогда по распоряжению комбината «Тулауголь» туда была брошена бригада В. Е. Перекатенкова. Работу шахтёры выполнили в срок и в полном объёме.

В забое, на самой передовой шахтёрской линии, Василий Егорович проработал 54 года. Бригада, товарищи по работе — это было для него святым. О нём ходили легенды. Если руководство шахты, мягко говоря, принимало сомнительное решение, Василий Егорович прямо из забоя мог позвонить по телефону генеральному директору «Тулаугля», а то и министру. Его побаивались, но и уважали за профессионализм и справедливость.

Люди рвались в его бригаду. И не только из-за высоких заработков, славы и наград, но ещё и потому, что там о них заботились, там они чувствовали локоть товарища. В. Е. Перекатенков, хоть и ставил ошеломительные рекорды, всевозможные эксперименты, но и очень берёг своих ребят. В бригаду набирал, как правило, парней прямо с улицы. Его коллектив был своего рода школой шахтёрских кадров. Он перевоспитал маленькую армию «трудной» молодёжи. За все годы бригадирства не допустил гибели ни одного человека. А шахтёры знали, что такое скоростная проходка на тульских шахтах с хлипкой породой. Своё первое звание — «Почётный шахтёр» — Василий Егорович получил в 1961 году. Звезда Героя Социалистического Труда засверкала на его груди у одного из первых в районе — в 1966 году.

Он отмечен многими правительственными, отраслевыми наградами, удостоен высокого звания «Заслуженный шахтёр РСФСР» в 1971 году. В. Е. Перекатенков помогал поднимать горное дело в Болгарии, Чехословакии, Вьетнаме. Правительства этих стран удостоили его трудовых орденов, в том числе и высшей награды Вьетнама — ордена Хо Ши Мина. В 2001 году за заслуги в развитии горнодобывающей промышленности района, активное участие в общественной жизни ему присвоено звание «Почётный гражданин» МО Киреевский район.

Выйдя на пенсию, Василий Егорович продолжал оставаться в «гуще» дел, стремился передать свой опыт молодым. До последних дней он оставался тем Перекатенковым, о котором слагали легенды.

Трудолюбие, ответственность, добросовестность — эти качества В. Е. Перекатенков передал своему сыну Сергею. Он тоже не избегал трудностей. По призыву ушёл служить в армию, по состоянию здоровья был комиссован. И всего добился сам — с августа 1990 года вся его жизнь была связана с работой в Липковском отделении милиции. Сергей пришёл в ОВД рядовым и дослужился до звания майора, был назначен начальником городского отделения внутренних дел. Коллеги говорят, что Сергей Васильевич был незаурядным человеком, настоящим сотрудником милиции по призванию, его не страшили трудности, на него всегда можно было положиться в нестандартной ситуации. Все знали, что Сергей Васильевич не подведёт, не предаст. За проявленное мужество при раскрытии тяжкого преступления был награждён знаком «За отличную службу в МВД». Его отец, именитый шахтёр, учил: «Кем бы ты ни работал, работай на полную катушку, выкладывайся до конца». Так он и поступал.

30 июня 2000 года Сергей Перекатенков, находившийся по контракту в Чечне, погиб при выполнении боевого задания в районе Аргунского ущелья. 26 сентября 2000 года Президент России В. В. Путин подписал Указ о награждении Сергея Перекатенкова орденом Мужества (посмертно).

С. В. Перекатенков

В семье Перекатенковых стало два героя: мирного труда и ратной службы. Отец и сын. Их имена теперь навсегда будут неразрывны не только в памяти родных и близких, но и в галерее славных горожан, которыми по праву гордятся Липки.

Литература и источники

1. *Скачков В. Г.* Живая память. Тула, 2006.
2. Документы из семейного архива В. Е. Перекатенкова.

ВОЙНОЙ ОБОРВАННОЕ ДЕТСТВО

Гавриленко Надежда Ильинична, 62 года,
учитель Дубровской СОШ №2,
заслуженный учитель Российской Федерации,
Брянская область, р.п. Дубровка

Отец моего мужа, Гавриленко Пётр Дмитриевич, родился 8 марта 1936 года в деревне Рожны Клинцовского района ныне Брянской области в семье Христины Никифоровны и Дмитрия Ивлиевича Гавриленко, потомков запорожских казаков. Но в Советской России этот день уже значится как Международный женский. И в семье решили, что негоже мальчику отмечать свой день рождения вместе со всеми женщинами планеты (он же мужчина!). И записали в свидетельство дату рождения — 7 марта.

Пётр Дмитриевич относится к поколению детей войны. А это поколение без детства. Они все повзрослели разом — 22 июня 1941 года. Отцы ушли на фронт, а матери день и ночь в поле, чтобы накормить и одеть армию. А с ними рядом дети: в поле, на лугу, на скотном дворе... Не до игр.

Пётр Дмитриевич Гавриленко вспоминает: «Когда началась война, мне было 6 лет, но чистая детская память сохранила много эпизодов этих лет и дней, да и война делала детей более взрослыми и серьёзными.

Я помню начало войны. В тот тёплый воскресный солнечный день мои родители были приглашены к одним из своих друзей на какое-то торжество. Взяли они и меня с собой. Там было много детей, мы играли на лугу. Торжество шло по-деревенски шумно и весело, народу было много. И вот где-то во второй половине дня прибежала женщина с растрёпанными волосами, с платком в руке, со слезами на глазах и закричала: мол, вы здесь гуляете, а уже льётся людская кровушка. Оказывается, приехал в сельсовет представитель из Клинцов и сообщил, что началась война. Моментально это сообщение произвело отрезвляющее действие, все сникли и стали потихоньку расходиться по домам.

Через три дня мы провожали отца на фронт (к счастью, хотя раненый и контуженный, отец вернулся домой в начале 1946 года). С тех пор пошли мрачные и тревожные дни. По ночам раздавались топот и ржание лошадей, мычание коров — скот угоняли на восток страны.

У нашего села со стороны Клинцов находилась солидная возвышенность, а внизу наша речушка, от которой и начиналось село. На этой возвышенности начали рыть окопы. Потом пошли отступающие войска, и вскоре наступило тревожное затишье — надвигался приход незваных гостей.

Мы жили рядом с сельсоветом, правлением колхоза, в центре села. Вскоре сюда подкатили три мотоцикла с коляской, по три фашиста на

каждом. У каждого из них на шее были автоматы и на колясках пулемёты. Это были, по-видимому, разведчики. Все жители боялись к ним подходить и наблюдали каждый из своих домов. Затем потихоньку стали выходить детишки, а за ними и старушки. Немцы в это время уже начали пить из фляжек кофе, переговариваясь на чужом для нас языке, и вскоре уехали, никого и ничего не тронув. Но уже к обеду в село вошла воинская часть — вот здесь всё и началось...

Село наше довольно большое — свыше 300 домов — так по всему селу слышалась стрельба, визг свиней, истошный крик кур. «Гости» готовили себе сытный обед. Недалеко от нашего дома находилась колхозная пасека. Фрицы уже хозяйничали и там: разбивали ульи, поджигали их и вытаскивали рамки с мёдом, орали и визжали от укусов пчёл, и через некоторое время от пасеки остались разбитые и обгорелые ульи и растревоженные рои пчёл.

От всего этого люди оцепенели, боялись показываться на глаза этой разъярённой фашистской орде завоевателей. Наша семья в этот день лишилась около десятка кур. Насладившись едой и разбоем, немцы через некоторое время двинулись дальше, а для нас начались тревожные и опасные дни фашистской оккупации.

Через какое-то время в село приехал карательный отряд, забрали старых советских работников, которые не подлежали призыву. Девятерых вывезли за село и расстреляли. Эти события ещё больше навлекли страх на всех жителей, они боялись выходить на улицу.

Чуть-чуть люди повеселели, когда в ближайших лесах появились партизаны. Стали узнавать новости (хоть и скудные) о положении на фронтах, ведь немецкая пропаганда только и твердила: «Москва капут, Сталин капут».

За время оккупации пришлось испытать и голод, и холод, и унижение, и оскорбление от фашистских захватчиков и их холуев-полицаев.

Вспоминается такой случай. Уже почти перед освобождением от фашистов немцы и полицаи ходили по домам и выгоняли всех в центр села. Предлагали брать с собой еду и вещи. Жители, улицы которых примыкали к лесу, успели скрыться. Остальным — старикам, женщинам, детям — приказали двигаться в сторону Клинцов. Между нашим селом и соседней деревней Ольховкой был огромный ров, широкий и длинный. В этом рву заставили всех остановиться. Немцы и полицаи верхом на лошадях ездили взад-вперёд и стреляли, чтобы никто не убегал. Потом все увидели, как на взгорье рядом с толпой появились немцы с пулемётами. Все почуяли неладное, женщины плакали. Так продолжалось до вечера. Затем, к радости всех, поступил приказ возвращаться домой и ждать команды до утра. Нескольких женщин, пытавшихся ночью уйти в лес, расстреляли. Все со страхом ждали приближения утра.

Утром всё началось сначала. Опять разъезды немцев и полицаев на лошадях. Так прошёл ещё один день. А к вечеру неожиданно исчезли и полицаи, и немцы. Люди потихоньку начали разбегаться: кто в лес, кто на болото. Мама, сестра и я тоже побежали на торфяное болото. К нашей радости, там мы встретили многих соседей, других жителей. Мы ещё не знали, что подходили к концу месяцы фашистского ига на Брянщине.

Особенно тревожными были последние сутки. Шли немецкие факельщики и поджигали дома. Село горело. Вот факельщики повернули на нашу улицу. И здесь не выдержала моя мама, бросилась к ним наперерез. Мы видели, как она жестами пыталась что-то объяснить фашистам, бесстрашно бросалась защищать свой дом (я позже понял, что в этот момент мы могли остаться сиротами). И что-то подействовало на них, и на нашей улице не подожгли ни одного дома.

Хорошо помню утро 25 сентября 1943 года. Вот на взгорье со стороны Клинцов показались на лошадях два всадника. Это были наши разведчики. Какая это была радость! В тот же день вошли регулярные войска. Мы освободились из немецкого плена. И пошла другая жизнь.

Было много тревог. Особенно тревожными были моменты возвращения почтальона из Клинцов. Что она принесёт: письмо с фронта от дорогого человека или извещение-похоронку? Когда приходила похоронка, на селе раздавались душераздирающие крики, вопли, слёзы — ещё одна семья лишилась дорогого человека, а дети стали сиротами. Только в нашем селе не вернулись с войны около 200 человек. У нас погиб брат отца, четыре мои родные тёти лишились своих мужей, а 14 детей — отцов.

Вспоминается и другое, что пришлось пережить в оккупацию. Дети во все времена остаются детьми со своими наклонностями и увлечениями. Некоторые занимались коллекционированием спичечных коробков, катушек из-под ниток, сбором почтовых марок, конвертов с рисунками, фантиков из-под конфет и других вещей. Мы — дети войны — собирали и коллекционировали патроны всех видов. За время оккупации я собрал два больших ящика гильз. Здесь были и русские, и немецкие, и итальянские гильзы для пистолетов, автоматов, винтовок, пулемётов, ПТР. У меня был даже снаряд для миномёта. После освобождения от немцев и возобновления работы заготовительного ларька всё это богатство я бесплатно сдал туда.

Коллекционировать патроны мне помогало то, что мы жили рядом с деревенским клубом, а чуть ниже находилась постройка, где до войны располагался сельсовет, правление колхоза со своими службами. В обоих этих зданиях постоянно были немцы и полицаи. Наш дом и усадьба забора не имели, а вокруг была изгородь в две жерди, поэтому из окна нашего дома всё было видно: кто приходит и уходит. Зачастую немцы или полицаи выходили на улицу, постреляют вверх, а я тут как тут. При безопасной обстановке хватал гильзы и убегал. Поэтому всегда опережал своих пацанов.

А однажды такой сбор чуть не окончился для меня трагично. Проходил я мимо клуба, и в это время вышел немецкий офицер с автоматом, пострелял вверх и ушёл, а я схватил гильзы и успел отбежать. Снова вышел офицер и сразу обратил внимание на то, что гильз нет. Увидел меня, грозно помахал палкой. Зная, что он меня не догонит, я стоял и ехидно улыбался. Затем он направил свою палку на меня, имитируя стрельбу. Я повернулся к нему спиной, а когда опять посмотрел на него, то увидел страшное, звериное лицо. Немец резко повернулся и ушёл в помещение клуба.

И здесь страшная мысль ударила мне в голову — там же овчарка! Я побежал к дому со скоростью олимпийского чемпиона. Во время бега думал, что в дом не успею — ключ лежит далеко, и единственное спасение — клён, растущий перед нашим домом. Я часто на него забирался, но с большим трудом.

Оглянулся и увидел, как огромная овчарка прыжками мчится ко мне. Как я взлетел на клён, даже сейчас не могу вспомнить, но успел вовремя. Овчарка одной лапой успела задеть мою ногу. Я залез повыше и кричал от страха, потому что овчарка грозно рычала и бросалась на дерево. Переведя взгляд, я увидел офицера с автоматом, приближающегося ко мне. «Это конец», — успел подумать я. Немец начал стрелять. Срубленные ветки, листья сыпались на меня. Пули свистели рядом. Я кричал ещё сильнее, но это не действовало на фашиста. Расстреляв весь диск, немец с овчаркой медленно удалились.

Соседские ребята всё это видели через щели своего забора, но подходить боялись. Спустя какое-то время, осмелев, они подошли ко мне и предложили спуститься вниз. Я этого сделать не мог. Тогда старший мальчик залез ко мне и еле оторвал мои ручонки от сука, за который я держался. Потом все вместе они спустили меня вниз. Я ни на что не реагировал. Один сбегал в поле за моей мамой, всё ей рассказал.

С неделю я ни на что не реагировал, не разговаривал, а только мычал. Больница в селе не работала, и мама таскала меня к старушкам или, как у нас говорили, к «бабкам», которые меня лечили своими молитвами и заговорами. Соседские женщины говорили матери, что пропадёт малец... Дней через десять, сильно заикаясь, я заговорил. А полностью заикание прошло только через полгода. Но даже сейчас, спустя столько лет, когда я чем-то сильно взволнован, замечаю за собой несильное заикание...

Ещё одна яркая картинка. С южной стороны нашего двора располагался небольшой колхозный сад. Затем проходила полоса луга, где размещалась колхозная пасека. Потом протекал небольшой ручей, за которым начиналось торфяное болото. Болото шириной около километра заросло ольхой, лозой, крушиной, осиной и местами берёзой. По границе болота была сделана, я не знаю кем и когда, земляная насыпь. С этой насыпи видно было всё вокруг. Бока насыпи заросли травой и лесной земляникой. И вот как-то в начале лета я пошёл проверить, нет ли зрелых ягод.

Нашёл около десятка, нанизал на травинку и собрался возвращаться домой. Но здесь моё внимание привлёк летящий немецкий самолёт. Летел он очень низко, хорошо было видно лицо лётчика. Я стал подпрыгивать, пританцовывать, делать какие-то фигуры пальцами рук. Самолёт вдруг развернулся и полетел на меня. Раздались выстрелы. Какая-то неведомая сила толкнула меня с насыпи, и я залез в густой лозовый куст. И опять те же звуки: та-та-та-та. Полуживой от страха, я сидел часа два. Больше самолёт не возвращался. Позже я рассказывал об этом отцу и другим фронтовикам. Они сошлись во мнении, что фашистский лётчик просто решил потренироваться в стрельбе по живой мишени.

Однажды в зимний солнечный день ко мне пришёл соседский мальчик Коля и предложил сходить к его тёте за солью в соседнюю деревню Воловку. Я согласился, так как и у нас не было соли. Дороги вокруг я знал все. Мой отец до войны работал бригадиром полеводческой бригады в колхозе и, отправляясь по полям, часто брал меня с собой.

Визит наш оказался неудачным: ни тёти, ни дяди дома не было, а их малолетние дети ничего не знали. Немного обогревшись, мы тронулись в обратный путь. Обратно решили идти не дорогой, а лугом вдоль речки. Снег был плотный, и мы свободно передвигались. Местами на лугу встречались островки зарослей кустарников. Проходя мимо одного из них, мы увидели какие-то красные бумажки. Стали собирать их, набрали каждый десятка по два. Коля стал читать. Но с грамотой он был не в ладу. С трудом прочитал и сказал: «Якаясь лыстовка».

Мы пошли дальше. По пути отдали несколько этих листовок встретившимся женщинам и старикам, которые ехали на санях за хворостом. У полицейского участка Коля отдал мне свои листовки и сказал, чтобы я отнёс их в участок. Я так и сделал. Мы уже отошли, как услышали грозный окрик: «Пацаны, подойдите сюда». Обернулись и увидели на крыльце какого-то полицейского начальника. «Кто вам дал эти бумажки?» — грозно спросил полицай. Мы ответили, что нашли. Он посмотрел на нас подозрительно и грозно сказал: «Если я узнаю, что соврали, получите от меня», — и, выхватив плетку, стеганул меня несколько раз.

Позже я узнал, что эти листовки были сброшены с самолёта, и там сообщалось о победе наших войск под Сталинградом.

Были у меня и другие эпизоды, как у каждого пацана — и комичные, и трагичные. Но я остался жив, а около десятка таких же пацанов или погибли, или остались на всю жизнь глубокими калеками, разряжая или взрывая мины, гранаты, снаряды — «добра» этого хватало в селе. Поэтому не дай Бог ни взрослым, ни детям испытать те страдания и ужасы, которые приносит война».

Пётр Дмитриевич Гавриленко в школу пошёл переростком, стеснялся, особенно когда не получалось. Но учиться любил. И эта любовь к познанию, целеустремленность дала деревенскому пареньку возможность получить

высшее образование, он окончил Московский кооперативный институт.

Пётр Дмитриевич Гавриленко с женой Лилей Марковной

В 1957 году Гавриленко приехал в Дубровский район и остался здесь навсегда, стал уважаемым в посёлке человеком. Долгие годы проработал он в системе потребительской кооперации, начиная учеником-счетоводом и заканчивая председателем правления Дубровского райпотребсоюза. Пётр Дмитриевич — заслуженный работник торговли.

В Дубровке Гавриленко женился на красавице Лиле Марковне, вместе вырастили двоих прекрасных сыновей — Владимира и Сергея, помогали поднимать внуков, сейчас с удовольствием общаются с правнуками.

«Это человек труда, он никогда не жалел себя и своего здоровья для общего дела, — с теплотой говорит о Петре Дмитриевиче Т. З. Сёмкина, долгие годы работавшая под его руководством. — А дело нелёгкое — обеспечение населения района нужными товарами. Думаю, в нашем районе его знали все покупатели. Не было ни одного магазина, где бы он ни побывал, ни встретился с коллективом торговых работников, покупателями. Понимание жизни, личная дисциплинированность, скромность в быту и на работе, глубокое знание своего дела снискали ему всеобщее уважение».

«Пётр Дмитриевич Гавриленко — строгий руководитель, чуткий и отзывчивый старший товарищ, терпеливый наставник и просто хороший, скромный, душевный человек», — так говорят о нём все, с кем он работал.

На заслуженном отдыхе Пётр Дмитриевич много читает, интересуется русской историей, пробует писать. Читателям дубровской районной газеты «Знамя труда» знакомы его заметки о зарождении кооперации, воспоминания о военном детстве, зарисовки о природе. От весны и до поздней осени много времени проводит в саду.

И ещё одно увлечение Петра Дмитриевича — русская гармонь. В праздники, когда собирается в дом вся большая семья, гармонист-самоучка радует своих близких прекрасной народной музыкой.

ГЕРОИ МИЛОЙ МОЕЙ ДЕРЕВНИ...

Мачехина Лидия Николаевна, 82 года,
(урожденная Прошкина), ветеран труда,
г. Москва

Лидия Николаевна Мачехина на своей малой родине

Я родилась 25 июня 1938 года в деревне Гремучке Дубровского района Орловской области, ныне Брянской. Деревня наша появилась в 20-е годы прошлого века. Она состояла из трёх десятков дворов. Крестьяне много работали и жили зажиточно. В 1928 году здесь образовался колхоз «Путь Сталина». Первым председателем был Николай Тишин.

В этот период в Гремучку стали переселяться люди из других сёл и деревень: Трофимовы, Гапоновы, Ёжиковы, Гарусины, Катоновы —из Немери; Тишины, Козловы, Прошкины, Лопатченковы, Дерюгины, Чуевы — из Чекалино; Земченковы, Кузнецовы — из Должанской Слободы, Русаковы — из Яблони Рогнединского района...

В колхозе было 260 гектаров земельных угодий. Колхозники занимались растениеводством: выращивали лён, зерновые, картофель, свёклу. Молоть зерно возили на водяную мельницу в деревню Сещу. Всю работу люди выполняли вручную или с помощью мускульной силы животных. В хозяйстве были лошади, волы, быки, коровы, овцы, свиньи, птица, пчёлы. Занимались селяне и кустарным производством, особенно славились «ночвы» (деревянные корыта), сделанные руками мастеров-умельцев. В поисках высоких заработков некоторые семьи уезжали на работу в города, чаще — на шахты Донбасса. В начале 30-х годов, когда в Украине разразился страшный голод, многие из них вернулись обратно в Гремучку.

Работали крестьяне за трудодни. Трудодень оплачивался от 50 до 250 граммов зерна (ржи). За отбивку косы, к примеру, начисляли 1/10 трудодня. Отбил 30 кос — получил 3 трудодня (это был хороший заработок). Средняя выработка на человека составляла 120 трудодней в год.

Гремучанская земля плодородная была, родила хорошо. Люди работали старательно, ответственно, с душой, с полной отдачей, помогали друг другу, поэтому жили гораздо лучше, чем соседи: и урожайность зерновых, и продуктивность животноводства были выше, чем в ближайших колхозах. В летний период трудились в колхозе и дети, начиная с 3-го класса.

Коренные гремучанцы даже матом не ругались! Помню частушку:

Над Гремучкой тучки-тучки,
В Чекалино — облака.
В Гремучке девки лучше,
В Чекалино — шантрапа.

В самой Гремучке была только начальная школа — три класса, всего один учитель. Бумаги не было, мы писали в старых книжках, между строк. Не было чернил, приходилось тереть свёклу, писали соком. Света электрического тоже ещё не было, пользовались керосиновыми лампами. В четвёртый класс мы ходили уже в Немерь, что в трех километрах от нас, там учились до седьмого класса включительно, а после заканчивали обучение в Дубровке. Не было карт, учительница объясняла нам, где Москва, а где мы, что называется, «на глазок». Среднее образование с 1940-го по 1956 год было платным: 150 рублей (в городе — 200 рублей, плата за высшее образование составляла уже 300 рублей, а в Москве и Ленинграде — 400 рублей). От платы освобождались дети, чьи родители погибли на фронте или в партизанских отрядах.

В 1930-е годы в Дубровском районе, как и по всей стране, прошла волна сталинских репрессий. С особой беспощадностью репрессивная машина ломала жизни священников, их приговоры, как правило, были «расстрельными». В антисоветской агитации были обвинены четверо священников Дубровского района, из них отец Леонид Гаврилов из села Рябчи и отец Пётр Берёзкин из села Давыдчичи получили высшую меру наказания, а ещё двое — по 10 лет лагерей. В последние месяцы 1937 года к высшей мере наказания был приговорен отец Иоанн Никольский из села Нарадовка.

13 колхозников Дубровского и Клетнянского районов (четверо из них приговорены к высшей мере наказания, остальные — к 10-летнему лагерному сроку) проходили по делам религиозного характера, связанным с баптистами-антивоенниками. Среди них был и мой дед Павел Прошкин, который получил срок в 10 лет. Назад дед не вернулся, так и сгинул где-то... Конечно, впоследствии он и другие незаконно осуждённые были реабилитированы.

Родители Л.Н. Мачехиной

Началась Великая Отечественная война. Дубровский военкомат объявил мобилизацию. Многие мужчины ушли на фронт, другие были мобилизованы уже после освобождения района от врага в 1943 году. Большинство из них назад не вернулось. Погибли Иван Козлов, Васи-

Супруги Мачехины с сыном

лий Кузнецов, Пётр Сергеевич и его сын Пётр Петрович Трофимовы, Андрей Тишин, Иван Гуков...

Мне было три года, когда отца, Николая Павловича Прошкина, призвали в армию. Его брат Иван Павлович вступил в РККА ещё раньше, в 1938 году. Он получил звание капитана, участвовал в боях под Ленинградом, был пять раз ранен, потерял ногу, награждён орденом Отечественной войны I степени. На фронте он встретил девушку, женился на ней, в Гремучку больше не вернулся.

Ещё один брат отца, Матвей Павлович, был убит при защите тракторного завода в Сталинграде. А его семья погибла на пароходе при эвакуации: в него попала вражеская бомба.

9 августа 1941 года со стороны деревни Фёдоровки в Гремучку без боя вошли фашисты. Постоянного гарнизона немцев в Гремучке не было. Фашисты периодически наведывались сюда из Дубровки и Сещи в основном с целью пограбить и собрать дань. Немцы и их пособники отбирали у крестьян скотину и птицу, была разграблена колхозная пасека. Колхозникам удалось спрятать немножко солонины, зерна, других продуктов, закопав это в ямы в садах и на огородах. Это помогло им выжить в первую оккупационную зиму. Иногда временно в домах крестьян квартировали идущие на фронт немецкие подразделения. Тогда людей выгоняли из их домов, и они жили в сараях, банях, на сеновалах, в погребах, копали землянки. Нас тоже выселили из дома. Наша семья жила в бане, потом выкопали землянку.

До конца 1941 года люди работали сообща в колхозе, потом колхоз ликвидировали, и крестьяне стали вести единоличное мелкое хозяйство и платить налоги оккупационной власти.

В деревнях и сёлах стали назначать старост. В Гремучке народ избрал старостой Бориса Никаноровича Гапонова. Семью Гапоновых уважали. По имени жены Бориса Никаноровича даже называли лог —Алёнин. Гапонов активно сотрудничал с партизанами, всячески помогал односельчанам, защищая их интересы перед оккупантами.

Соседство аэродрома в Сеще очень осложняло нашу жизнь. Советская авиация, летавшая бомбить аэродром, иногда ошибалась и сбрасывала бомбы не туда. Мы всегда прятались в подвалы и погреба, когда были налёты. Иногда в небе сталкивались в бою наши и немецкие самолёты. Однажды наш самолёт был подбит, загорелся и упал на гремучанское поле. Лётчик сильно обгорел и разбился насмерть.

Гремучанцы помогали партизанам продуктами, одеждой, укрывали связных, делились информацией. Партизаны приходили к нам часто. Забирали простыни и тёплую одежду. Просили также сахар и соль. Однако иногда под видом партизан из леса приходили незнакомцы и грабили и без того трудно живущих под игом оккупации людей.

Супруги Мачехины в Токио

Перед отступлением в сентябре 1943 года фашисты согнали жителей деревни, не позволив ничего с собой взять, погрузили на подводы и повезли в Рославль в лагерь. Женщин и детей оставили в деревне Островне за Сещей, а мужчин погнали дальше. Ночью в деревню вошли бойцы Красной Армии, освободили пленных и велели возвращаться домой. А вернувшись, люди увидели, что на месте многих хат пепелище. Нам повезло: наш дом остался цел.

Мой отец вернулся с войны в сентябре 1945 года, он дошёл до Берлина. В тот момент я была в школе. Мне сказали: возле вашего дома ходит какой-то военный. Оказалось, что когда отец пришёл, мама с братом были в лесу, дом стоял закрытый. Я пришла, у нашего дома уже собрался народ — соседи. У меня попросили ключ от дома, но я отказала, так как отца не узнала.

Во время войны с отцом случилась необычная история. Его часть остановилась в одном селении. Неожиданно какая-то местная жительница подошла к нему и сказала: «Будете укрываться от немецкой бомбардировки, ни в коем случае не останавливайся под одиночным деревом у дороги». И вот случилась бомбардировка, солдаты стали прятаться от фашистских самолётов. Многие побежали к огромному дереву, одиноко стоящему недалеко от дороги, а отец, вспомнив совет странной женщины, бросился в ближайший лесок. И остался жив. А в то дерево попала бомба.

Некоторое время после освобождения наш колхоз возглавляла моя мама Матрёна Тихоновна Прошкина. Трудно было восстанавливать всё. Тяжело жили, голодно, работали много. Тяжело было с дровами, не разрешали вырезать деревья, так как немцы вырубили много леса — таким образом они вели борьбу с партизанами. Так что мы ходили выкорчёвывать старые пни. Очень тяжёлая это была работа. Есть поначалу тоже было особо нечего, мы собирали гнилую картошку и делали из неё оладьи, называлось у нас такое блюдо «тошнотиками».

Да и после войны люди ещё гибли. В нашем гремучанском озере лежала бомба. Однажды её вытащили. Ребята бегали вокруг, играли, кто-то ударил по ней камнем и бомба взорвалась. Мой брат и соседский мальчишка погибли на месте. Ещё один парнишка подорвался на мине в лесу.

До 1946 года был военный налог, который платили люди. А после войны какие большие налоги установило государство для крестьян! Каждый колхозный двор должен был сдавать определённое количество

мяса, молока, шкур животных, яиц — и это независимо от наличия в хозяйстве скота и кур. Были переписаны все плодовые деревья, за них полагался денежный налог, крестьяне начали вырубать сады...

Ещё один мощный удар нанёс по деревне Хрущёв, когда взял курс на ликвидацию «неперспективных» деревень. Так вот и стали умирать деревни России... Так вот и наша Гремучка исчезла... В 1964 году она была исключена из учётных списков. Последним жителем Гремучки была Козлова Евдокия Трофимовна...

Многие уроженцы посёлка Гремучка достигли высоких профессиональных вершин. Алексей Павлович Козлов стал военным разведчиком, 20 лет проработавшим в разных странах. Выйдя в отставку, полковник Козлов начал писать стихи, выпустил шесть поэтических сборников.

Надежда Прошкина стала мастером спорта по лыжам.

Леонид Борисович Гапонов много лет прослужил в Советской Армии, ушёл в отставку в звании полковника, жил в Виннице. Его брат, Егор Борисович Гапонов, был командиром корабля на Тихоокеанском флоте. Другой брат, Дмитрий Борисович Гапонов, преподавал в Харьковском авиационном институте.

...Мы из Гремучки переехали в Дубровку в 1951 году, так как отец работал там бригадиром тракторной бригады, и ездить каждый день ему в конце концов надоело.

Я по окончании Дубровской средней школы в 1956 году уехала из родных мест навсегда. Вышла замуж за человека, жизнь которого была насыщена геройскими поступками [1]. По долгу службы моего мужа, Александра Егоровича Мачехина, профессионального военного разведчика, журналиста, мне довелось повидать много разных стран и городов, красивых, ярких, богатых, но я всегда скучала по моей малой родине, тихой и незаметной, по милой сердцу Гремучке, где прошло моё трудное и одновременно счастливое детство, куда меня постоянно тянуло. Увы, приезжать в родные края часто мы не могли, а вот теперь, когда такая возможность появилась, я каждый год на несколько дней обязательно возвращаюсь в своё детство.

Бываю на месте родной деревни, на родных могилах. Так тяжело смотреть на всё... Какие были у нас сады! Какие были яблоки, груши — объеденье! Уничтожили их давно. Провели мелиорацию, пару лет пахали землю, а потом забросили, заросло всё травой, подлеском... На месте наших дворов сначала скот пасли, тимофеевку сеяли, сенокос был, а теперь заросло всё густой травой, не пройти даже... Как побуду на родине, сердце болеть начинает... Правда, недавно поле разработали, гречиху посеяли, горох. Обрадовало это меня, может, возродится моя деревня...

Литература

1. Жизнь в поисках смысла. Сборник аналитических статей А. Е. Мачехина, воспоминаний его родных, близких, друзей, учеников и соратников /Сост. Н.И. Алексеенков и др. М.: ИнформБюро, 2013.

ТРУДОВОЙ И ГРАЖДАНСКИЙ ПОДВИГ СТЕПАНА ВАСИЛЬЕВИЧА САДОВСКОГО

Дмитриева Татьяна Владимировна, 43 года,
преподаватель общественных дисциплин ГПОУ «Училище (колледж) олимпийского резерва Тульской области»
Тульская область, г. Новомосковск

Совесть, Благородство и Достоинство — вот оно,
святое наше воинство...

Булат Окуджава

XX век — это время осмысления роли и места человека: в жизни, природе, обществе. А также это время героев. Как бы громко ни звучали эти слова, на сегодняшний день вопрос героя очень актуален. Не так давно в одной из телепередач показывали социологический опрос, всем прохожим задавали один и тот же вопрос: «Назовите имя героя XX века». Среди респондентов были люди разных возрастных групп. Люди старшего поколения называли имена Ю. А. Гагарина, С. П. Королева, Г. К. Жукова. Молодежь затруднялась с ответами, в лучшем случае называли Бэтмена, Гарри Поттера и других героев блокбастеров. Печально, когда огромная страна не знает своих героев. А ведь в XX веке их было немало. Их именами называли города и улицы.

Одна из центральных улиц Новомосковска, которому в 2020 г. исполняется 90 лет, названа именем Степана Васильевича Садовского. Он не был уроженцем Новомосковска, но волей судьбы большая часть его жизни прошла именно в этом городе. Жизнь С. В. Садовского была трудовым и гражданским подвигом. Он внес весомый вклад в развитие химической промышленности страны (поднимая химические заводы на Урале, Украине, в Узбекистане). Награжден орденом «Знак Почета», двумя орденами Ленина, орденом Трудового Красного Знамени и многими медалями, в том числе Золотой и Серебряной медалями ВДНХ. С особой ответственностью относился он ко всему: будь то производство, партийное поручение, прием людей, любая жалоба трудящихся. Строгий и даже суровый на работе, Садовский был одновременно сердобольным человеком. Он «болел душой» не только за дело, которому служил преданно и беззаветно, но и за людей, работающих

С. В. Садовский — проректор Одесского химико-технологического института

С.В. Садовский (первый справа) — начальник Главкома «Азот» Народного Комиссариата химической промышленности

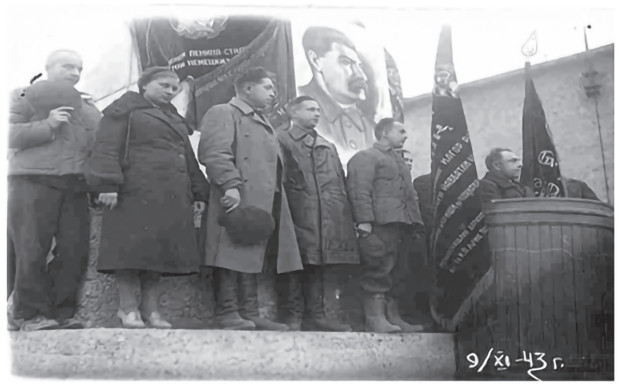
на предприятии. Ветераны химкомбината вспоминают своего бывшего директора самыми тёплыми, самыми добрыми словами.

Работая над материалом эссе, я опиралась не только на необходимую литературу, найденную по каталогам библиотеки, периодическую печать, архивные документы семьи Садовских; большая часть информации получена в ходе беседы с внучкой этого выдающегося человека, Надеждой Владимировной Садовской.

Профессионализм

Строительство в 30-х годах XX века Бобриковского энергохимического комбината дало жизнь нашему городу — Новомосковску, название которого менялось трижды. Химический комбинат прославил имена многих людей. Одним из них является Степан Васильевич Садовский. Он родился в 1902 году в селе Пушково Одесской области. С детства стремился к знаниям, окончил Одесский химико-технологический институт, там же работал проректором, учился в аспирантуре. Многие прочили ему научную карьеру, но начавшийся на Украине голод вынудил Садовского переехать с семьей в Бобрики и устроиться сменным инженером в цехе № 11. Молодой специалист быстро продвигался по карьерной лестнице благодаря своему профессионализму: его назначили начальником цеха, в 1938 году его направили директором только что построенного на Урале химического завода в Березники наладить новое производство и ввести его в эксплуатацию. С поставленной задачей он справился блестяще, за что в 1939 году был награжден орденом «Знак Почета». Затем Степана Васильевича назначили начальником Главкома «Азот» Народного Комиссариата химической промышленности в Москве, он курировал работу по строительству химзаводов, в частности Чирчикского. В 1940 году Степан Васильевич направлен на работу в Сталиногорск (Новомосковск с 1961 г.) в качестве директора химкомбината. Под его руководством в годы Великой Отечественной войны производился демонтаж и эвакуация оборудования комбината в разные районы страны. С. В. Садовского направили в Чирчик. За выполнение правительственного задания по выпуску военно-оборонной продукции в 1943 году Степан Васильевич награжден своим первым Орденом Ленина.

Из интервью с Надеждой Владимировной Садовской, внучкой Степана Васильевича: «Мне рассказывала бабушка, Надежда Игнатьевна, что в Чирчике Степан Васильевич неделями пропадал на заводе, и она даже не знала, когда он там спал, когда ел... Домой он приходил молча, черный от усталости, и хоть на несколько часов проваливался в глубокий сон».



В 1943 году Степан Васильевич награжден своим первым орденом Ленина (на трибуне С.В. Садовский)

«Несмотря на трудности военного времени коллектив Чирчиковского завода добился больших успехов», — так писалось в газете «Сталинское знамя» от 14.07.1943 года.

В 1944 Садовского вызвали в Москву в Кремль и отправили с группой ведущих специалистов страны в загранкомандировку в США для закупки химоборудования. Эта командировка до сих пор остается белым пятном в биографии Садовского. Сам Степан Васильевич никогда не рассказывал об этой поездке. Но иногда можно было услышать по ошибке произнесённое: «Курчатов, протон, уран...»

Из истории известно, что 12 апреля 1943 г. вице-президентом АН СССР академиком А. А. Байковым было подписано распоряжение о создании Лаборатории № 2 АН СССР, которая в дальнейшем была преобразована в Курчатовский институт. Начальником Лаборатории был назначен И. В. Курчатов, основная задача лаборатории — овладение ядерной энергией, а также создание в сжатые сроки ядерного щита Родины. Для работы над этой проблемой были задействованы виднейшие ученые того времени: Л. Д. Ландау, П. Л. Капица и многие другие.

Возможно, в их числе был и Степан Васильевич? Данный факт нуждается в исследовании и работе с архивными документами, а многие из них остаются еще засекреченными. Между тем, Владимир Степанович Садовский, старший сын Степана Васильевича, вспоминает, что День Победы они встречали без отца, так как он был в загранкомандировке [1].

После Победы (с августа 1945 года) Степан Васильевич работал директором на строящемся химическом заводе на Украине. Однако судьба вновь привела Садовского на Сталиногорский химический завод в1946 году, и уже в следующем году завод занял 1 место и завоевал переходящее Красное Знамя Совета Министров СССР.

В 1957 году Новомосковский химический завод начал работу по переводу предприятия с дорогостоящего в то время кокса на природный газ. Считалось невозможным это сделать на работающем, не остановленном, взрывоопасном предприятии, но недаром Садовского называли директором-новатором. Таким образом во второй половине 50-х годов предприятие превратилось в экспериментальную площадку по переводу на газ своих основных производств. Точно в назначенный день — 20 октября 1958 года — над комбинатом зажглась традиционная «свеча» (1 факел) в знак того, что природный газ подан. Закончили полную газификацию химкомбината уже к началу лета 1959 года.

В этот период особенно ярко проявились инженерные и организаторские способности С. В. Садовского, его решимость и талант, помноженные на большой кадровый потенциал завода (который Степаном Васильевичем же и воспитывался, ведь только по-настоящему талантливые люди могут собрать вокруг себя профессионалов). Так был осуществлен самый дерзкий и самый грандиозный в масштабах отрасли технический проект 50-х: перевод производства на природный газ. Химкомбинат вступил в новую эру своей жизни. Был сделан огромный шаг вперед всей химической отраслью страны. За достигнутые результаты предприятие удостоено ордена Трудового Красного Знамени, который вручал коллективу лично Никита Хрущев, специально приехавший на торжества по случаю исторического события. С. В. Садовский второй раз был награжден орденом Ленина. «Во время митинга, проходившего на производственной площадке, запомнился момент, когда, обращаясь к его участникам, Никита Сергеевич из уважения к трудящимся снял папаху, а ведь был февраль. Говорил горячо, благодарил химиков, строителей, монтажников, а потом провел рукой по голове и выразился добродушно: растительность не велика, форсить не будем — и надел папаху. Это народом было принято близко к сердцу...» [2]

Завод превратился в большой химический комбинат, который был громко назван на всю страну «флагманом отечественной промышленности»...

Сегодня Новомосковский химический комбинат — компания Еврохим — удерживает свои позиции не только в России, но и в мире среди родственных предприятий.

Благородство души

С. В. Садовский, будучи руководителем градообразующего комбината, никогда не забывал о людях. За годы его директорства в городе построено большое количество жилья. При С. В. Садовском начали действовать профилакторий, Дом спорта, турбаза «Осетр». Тогда же была создана хорошо оснащенная медсанчасть, которую почти сорок лет возглавлял заслуженный врач России И. П. Барский. Многие только благодаря помощи Садовского получили квартиры.

Н.С. Хрущев (третий слева) на вручении химкомбинату ордена Трудового Красного Знамени, рядом с ним (четвертый) — С.В. Садовский

При этом сам Садовский оставался очень скромным человеком. Вот как писал о нем близко знавший его Г. Лившиц: «Неподдельная скромность директора самого крупного предприятия города чувствовалась во всем. Зайдя как-то на квартиру к нему, заметил, что Степан Васильевич не в духе, расстроен. Тут же узнал причину этого. Оказывается, сыну инженеру, уже несколько лет работавшему на комбинате, имевшему свою семью, на законном основании выделили квартиру. Садовский ходил из угла в угол, спрашивая себя, правильно ли поступили. Я сказал свое мнение, о том же ему говорили десятки друзей, товарищей, что нет никаких нарушений. Имеет же право директор жить отдельно от сыновей, надо поработать, отдохнуть, встретиться с людьми. Он часто звонит ночью по телефону, и ему не дают спать спокойно тревожные звонки»... [3]

Благополучно сложилась у Степана Васильевича личная жизнь: жена, Надежда Игнатьевна, была его ангелом-хранителем. Жизнь ее была непростой. Еще живя в голодной Одессе, ей пришлось пережить страх за потерю первенца. Сейчас мало кто знает, что такое голод, а тогда, чтобы прокормить сына, пришлось приехать с ним к родственникам. Ему дали хлеб — ребенок подержал его в руках и начал им играть... — он просто не знал, что это едят.

На плечи супруги ложились все трудности переездов, ведь Степана Васильевича направляли в разные места работы, и всегда его сопровождала надежная опора — любящая жена. Надежда Игнатьевна занималась и организацией быта, и воспитанием детей тогда, когда муж самоотверженно трудился. Только благодаря такой женщине мог проявить свои лучшие качества мужчина. После смерти Степана Васильевича Н. И. Садовская 30 лет бережно хранила память о нем, сохраняя фотографии, документальные материалы.

Подать руку помощи в 30–50 годы XX века было порой не меньшим героизмом, чем с криком «ура» идти в атаку. О благородстве семьи Са-

Директор химкомбината С.В. Садовский с женой Надеждой Игнатьевной и внуком

довских рассказал доктор технических наук Роберт Силин. Когда у них случилась беда и мама поехала в Москву ходатайствовать за отца, ее догнала машина. Надежда Игнатьевна посадила маму в машину и довезла до Москвы. По тем временам это был очень опасный поступок. А в конце войны, когда Роберт лежал больной и не было еды, кроме каши из горелого маклецкого зерна, Надежда Игнатьевна принесла целую коробку продуктов, хотя прекрасно знала о последствиях за общение с семьей «врага народа».

Вспоминает Надежда Владимировна Садовская: «Однажды к нам домой пришел высокий, красивый, седовласый мужчина. Увидев бабушку, он встал на колено и поцеловал ей руку»... Это был Роберт Силин. — «Тогда я подумала: какой необычный жест вежливости, как в кино. И только со временем стало ясно, что преклоненное колено — не только знак благородства, но и выражение благодарности за то, что в тяжёлые, страшные времена была оказана поддержка».

Сам Степан Васильевич по счастливой случайности избежал репрессий. Уезжая из Одессы и оставляя научную деятельность, он и не подозревал, что вскоре там прокатится волна репрессий, что будут арестованы и объявлены «врагами народа» его соратники и друзья. Когда в мае 1937 года волна репрессий дошла до Сталиногорского химического комбината и были арестованы директор Петр Георгиевич Арутюнянц, заместитель директора Л. А. Янов, инженеры Карцев, Пригожин, Косогов и многие другие, Степан Васильевич работал в химическом техникуме заведующим дневным отделением. А в 1938 он направляется в Березники директором химкомбината. Нельзя сказать, что в те далекие годы жизнь у Садовских была спокойной, трудно было сохранять хладнокровие, когда арестовывали близких людей [4].

В 1947–1953 годах на Садовского начали собирать компрометирующий материал. Даже была готова формулировка — «засиделся в директорах», кому-то не давали покоя успехи Степана Васильевича. В 1953 году в связи со смертью Сталина дело было прекращено. Сам Садовский, зная всю мерзость предательства, видевший жесточайшие репрессии, нередко «уходил в себя».

Тем не менее спустя несколько лет после смерти Степана Васильевича Надежда Игнатьевна, беседуя с Г. Лившицем, говорила, что сохраняя

внешнее спокойствие, он, как любой человек, в душе очень переживал несправедливость. Именно в Кисловодске, за день или два до сердечного приступа, Степан Васильевич узнал некоторые подробности травли, готовящейся в очередной раз обкомом. Возможно, это и спровоцировало инфаркт, именно так считает внучка С. В. Садовского — Н. В. Садовская.

18 августа 1965 года С. В. Садовского не стало. Прощаясь с коллегами незадолго до своей кончины, директор наказывал: «Берегите аммиак. Берегите кадры. Будьте мягче и добрее с людьми».

Его хоронил весь город, ведь в Новомосковске большая часть населения связана с химкомбинатом. В день похорон Степана Васильевича по решению исполкома Новомосковского горсовета Парковая улица была переименована в улицу С. В. Садовского. На доме № 30/29 по этой улице установлена памятная доска.

Перешагнув в новое тысячелетие, живя в XXI веке, по-другому оцениваешь прошлое. Поражаешься тому, что довелось пережить ровесникам бурного, трагического и вместе с тем героического XX века: две мировые войны и лихолетье гражданской, а между ними — восстановление разрушенного хозяйства в стране, а потом — развитие, созидание... и все это на пределе человеческих сил и возможностей...

Исследуя биографию и деятельность Степана Васильевича, я пришла к выводу, что он легендарная личность, вся жизнь его была трудовым подвигом служения народу, Родине. Куда бы ни назначали Садовского, он всегда шел впереди. Модернизируя производство, он улучшал условия труда рабочих, переоборудуя, реконструируя старые цеха с повышенным коэффициентом вредности, заботился о здоровье трудящихся. Пережив страшные, тяжелые времена, он сохранил в себе человечность, а это самое главное.

Работая над биографией Садовского, я невольно вспоминала стихотворение Булата Окуджавы: «Совесть, Благородство и Достоинство...», слова из которого и стали эпиграфом к данной работе. Возвращаясь к вопросу о том, кто же творит историю, можно с уверенностью сказать: «История делает людей, но и люди создают историю».

Литература

1. *Садовская Н.В.* Садовский Степан Васильевич. // Новомосковск сегодня, № 2 апрель 2003.

2. Флагман большой химии. Сост. А. П. Панин, Г. Е. Лившиц. — Тула, Приокское изд-во, 1983.

3. *Лившиц Г.* Школа Садовского. //Новомосковский химик, 25 мая, 1984.

4. *Петрова Е.* Под именем Садовского. //Новомосковская правда, 21 апреля, 1977.

ИВАН ФЁДОРОВИЧ КУСАКИН. СЛУЖЕНИЕ ЛЮДЯМ

Румакина Юлия Вячеславовна, 46 лет,
учитель истории и обществознания МБОУ «СОШ № 8»,
г. Новомосковск, Тульская область

И. Ф. Кусакин. 2006 г.

Я хочу рассказать об Иване Фёдоровиче Кусакине, уважаемом жителе Новомосковска, при непосредственном участии которого росло и развивалось градообразующее предприятие — химический комбинат НПО «Азот» (сейчас — составная часть холдинга «Еврохим») . Про этого удивительного человека мне рассказывал мой отец, Королёв Вячеслав Владимирович, ветеран труда, сорок лет посвятивший химическому гиганту.

Отец родился в августе 1946 года в прибалтийском военном городке, где в авиационной части служил мой дед (его отец) — военный лётчик. Мой папа говорит о себе: «Я — дитя Победы!». И, по его мнению, все «счастливцы», родившиеся после мая сорок пятого, включая нынешние юные поколения, могут называть себя так. Мы живём благодаря дедам и прадедам, победившим в той страшной войне. Мы — дети и внуки Победы.

Тем, кто живёт в Новомосковске не один десяток лет, хорошо знакомо имя Ивана Фёдоровича Кусакина (1927–2012). Люди, подобные ему, — «золотой фонд» нашего города, нашего народа.

Иван Фёдорович родился 20 января 1927 г. в деревне Татарники Венёвского района Тульской области в крестьянской семье. В 1941 г. окончил семилетнюю Карниковскую школу и поступил в Тульское ремесленное училище № 1. С декабря 1942 г. работал на Новомосковском химкомбинате сначала слесарем, затем генераторщиком. В годы военного лихолетья пятнадцатилетним пареньком пришёл он на предприятие. Трудовую деятельность начинал слесарем на коксоподаче в генераторном цехе — ведущем на химкомбинате. «Никогда не забыть, — вспоминал Иван Федорович, — как в ночь на 1 января 1943 года мы дали первую продукцию! Радости было столько — не передать...»

Добросовестным отношением к труду он снискал заслуженный авторитет среди своих товарищей и кадровых рабочих. Был избран секретарём комсомольской организации цеха.

В члены ВЛКСМ вступил в 1943 г., в КПСС — в августе 1948 г. В 1947 г. окончил Московскую комсомольскую школу. В 1955 г. окончил среднюю школу рабочей молодёжи г. Новомосковска. Учился, трудился. С юношеского возраста проявились его организаторские способности, умение сплачивать молодёжь. На первом плане у Ивана Фёдоровича уже тогда стояла забота о людях. В ноябре 1947 г. Кусакин был избран секретарём комитета ВЛКСМ химкомбината и на этом высоком посту линия его авторитета неуклонно шла вверх. Самые насущные вопросы решались комитетом комсомола благодаря союзу с администрацией химкомбината, возглавляемой Степаном Васильевичем Садовским.

В ноябре 1950 г. И. Ф. Кусакин избран первым секретарём Новомосковского горкома ВЛКСМ. Вскоре его заметили в Москве как сильного и волевого комсомольского вожака (тогда наш город входил в Московскую область). В мае 1954 г. Иван Фёдорович утверждён в должности заведующего отделом партийных, профсоюзных и комсомольских организаций Новомосковского горкома КПСС.

Однажды его вызвали в ЦК ВЛКСМ и предложили применить свои полезные и необходимые качества на острове Шпицберген, обширном полярном архипелаге, расположенном в Северном Ледовитом океане. И полетел Иван Кусакин на этот самый остров, чтобы послужить несколько лет порученному делу. А дело было не только ответственное, но и небезопасное — жить и работать приходилось с заключёнными. Справился Кусакин и здесь — в августе 1956 г. он был избран секретарём комитета ВЛКСМ советских угольных рудников на Шпицбергене, где проработал до сентября 1959 года. Свое пребывание на этом острове он сравнивал с потрясающе интересной, но, увы, неизданной книгой. Это были годы не только испытаний, но и открытий человеческих судеб, в которых тесно переплетались добро и зло. Живая, многогранная и суровая диалектика жизни.

В 1954 г. Ивана Фёдоровича избрали делегатом XII съезда ВЛКСМ, в 1966 г. — делегатом XXIII съезда КПСС.

В октябре 1959 г., вернувшись домой, он был избран председателем заводского комитета профсоюзов Новомосковского химкомбината, где и работал до мая 1962 г., потом стал секретарём парткома — на целых два десятка лет. Приобрёл огромный опыт, что помогало решать даже трудновыполнимые вопросы, понимать обстановку и перспективы развития предприятия. На любой работе Иван Фёдорович умело организовывал людей на выполнение самых разных задач.

На его глазах и при непосредственном участии складывалась практически вся история комбината: война, послевоенное восстановление, перевод производства на природный газ, рождение новых цехов, строительство крупнотоннажных комплексов и годы современного развития.

Членом Тульского обкома КПСС И. Ф. Кусакин являлся с 1962 по 1981 год, членом Новомосковского горкома КПСС и депутатом городского Совета — с 1948 по 1983 год. Поле деятельности депутата было огромно, но и велика была ответственность перед избирателями, перед собственной совестью.

С 1982 г. Кусакин работал на «Азоте» начальником цеха и заместителем главного инженера.

Ивана Фёдоровича интересовали не только производственные показатели химкомбината. Много внимания он уделял досугу тружеников, всегда был близок к коллективу, со многими рабочими и инженерами был знаком лично; знал, как живут их семьи, и все знали его. Его, беседующего с рабочими, можно было видеть и ранним утром, и поздним вечером в цехах предприятия. Он относился к людям труда с уважением и любовью, умел внимательно выслушать, понять их нужды, запросы, интересы, настроение.

Не была безразлична Ивану Фёдоровичу и судьба города. Очевидцы вспоминают, как однажды у него состоялся задушевный разговор с управляющим трестом «Мосбассшахтострой» Дмитрием Григорьевичем Оникой о строительстве Дворца пионеров (ныне Дворец детского и юношеского творчества).

За короткий срок — около двух лет — Дворец был построен (в 1957 г.). Не без участия этого замечательного человека-энтузиаста появилась Детская железная дорога, Детская музыкальная школа (1970 г.), средняя школа № 12 со спортивно-оздоровительным комплексом (1989 г.), пионерский лагерь в Карниках, турбаза на р. Осётр, профилакторий, сквер имени 30-летия комсомола...

А сколько сил было вложено Кусакиным в дело шефской помощи селу! Здесь проявилась мудрость неравнодушного ко всякому делу руководителя, к тому же выходца из деревни. Многие молодые люди из села после службы в армии шли в поисках работы на химкомбинат. Администрация завода по настоянию Кусакина принимала их с условием, что они будут постоянными шефами над своей деревней. Таким образом подшефный колхоз «Родина» получал готовых специалистов. Колоссальную помощь оказывал этому хозяйству химкомбинат в строительстве: баня, столовая, мастерские, школа — всё это построено по инициативе парткома химкомбината. В этом благом деле Кусакина горячо поддерживал Василий Александрович Стародубцев, председатель Агропромышленного союза России. И мысль закрепить механизаторов-шефов подал Ивану Фёдоровичу именно он.

Кусакин любил общаться с молодежью. Поддерживал всячески футбольную команду, выступавшую в первенстве СССР. С большим интересом расспрашивал обо всем, но больше всего любил поговорить о химкомбинате.

После выхода на пенсию Иван Федорович почти четверть века был председателем Совета ветеранов ОАО «НАК «Азот», кстати говоря, созданного именно по его инициативе. Заботился о тех людях, с кем начинал, с кем трудился многие годы, кто заставил звучать имя предприятия во многих уголках планеты. По его инициативе была заведена добрая и важная традиция встреч ветеранов с молодыми химиками. Традиция живет. На таких встречах ветераны делятся своим богатым опытом, рассказывают молодежи о хитростях производства, секретах управления, а молодые химики с удовольствием их слушают и в свою очередь рассказывают о том, как им сейчас работается, живется. До последнего дня своей долгой жизни он работал с людьми и для людей.

И ко всему Иван Федорович подходил не формально, а с душой. Много идей, как сейчас принято говорить — креативных, было воплощено в жизнь благодаря ему. Например, увековечение памяти заслуженных химиков в названиях улиц города и в мемориальных табличках на них.

За свою работу Кусакин неоднократно награждался правительственными наградами: орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, Дружбы народов и девятью медалями. Лично встречался с Н. С. Хрущевым, Ю. В. Андроповым, министрами правительства, чтобы решить какие-то городские проблемы. Ему присвоены почётные звания: Заслуженный химик СССР, «Отличник химической промышленности СССР», «Отличник просвещения СССР», «Отличник здравоохранения СССР». Звание «Почётный гражданин города Новомосковска» присвоено в марте 1996 года.

Сердце И. Ф. Кусакина остановилось 12 января 2012 года на 85 году жизни. Без преувеличения можно сказать, что Новомосковск и «Азот» простились с одним из выдающихся людей советской эпохи...

А 15 августа 2012 года была открыта мемориальная доска в память о нем.

Ирина Ивановна Ледкова, дочь Ивана Федоровича, сказала: «У отца самая главная черта была — уважение к людям. Двери нашего дома никогда не закрывались. Приходили к нам все — от министров до обычных рабочих людей. Отец всегда видел в людях только хорошее».

Мы все благодарны Ивану Фёдоровичу за яркий пример самоотверженного служения людям, за преданность профессии, за рожденные и сохраненные традиции, за воплощение собственной жизнью символов долга и чести перед малой Родиной.

Выражаю признательность Новомосковскому историко-художественному музею за предоставленные архивные документы.

ЧУЖОЙ ДЕД, НО КАК РОДНОЙ

Кузнечихина Юлия Витальевна, 18 лет,
студентка 1 курса Тульского филиала РЭУ им. Г.В. Плеханова,
г. Тула

«Дед чужой, но как родной» — так характеризует мой папа нашего соседа Василия Васильевича Наумова.

В.В. Наумов

Родился Василий Васильевич 14 января 1921 г. в крестьянской семье. В его жизни было множество трудных периодов, преодолев которые он остался замечательным, добрым и отзывчивым человеком. Он сам никогда не опускал руки и учил других стойкости, не отказывая никогда никому в совете и помощи. Это был неравнодушный человек. Для моего папы и меня он является примером.

На долю его поколения выпали тяжелые военные и послевоенные испытания, когда необходимо было с оружием в руках защищать, а потом восстанавливать страну. Он, как и многие, участвовал в строительстве предприятий, на одном из которых проработал до выхода на пенсию. Но даже в преклонном возрасте он никогда не сидел без дела — ходил по грибы, содержал большую пасеку, требующую много забот и труда. А когда летом он качал мед, обязательно всех угощал. Очень любил природу.

И несмотря на потерю зрения, он продолжал жить активной жизнью: продолжал играть на гармони и петь народные песни. А мы собирались по вечерам вокруг него, слушали и подпевали. Это были незабываемые моменты моего детства.

Самыми интересными для мальчишек, по словам моего папы, были разговоры о войне. Василий Васильевич в 19 лет, 27 октября 1940 г., был призван в ряды Красной Армии. Прошел подготовку связиста. Воевать пришлось в 51-й авиационной дивизии дальнего действия, в роте связи.

22 июня он находился на дежурстве, на узле связи, и принял секретную телеграмму для комдива. Началась война с нацистской Германией. По тревоге была поднята вся дивизия.

Красная Армия отступала, фашисты рвались к Москве. Лётчики часто не возвращались с заданий. Представляю, какая ответственность лежала также и на бойцах-связистах.

Важной датой Василий Васильевич называл 5 декабря 1941 года, когда началось контрнаступление Красной Армии под Москвой. Рассказывал также об освобождении Белоруссии и Прибалтики. Войну закончил

в Риге в звании сержанта. Радость была непомерная. Солдаты плакали от счастья, от осознания того, что, наконец, все самое ужасное позади.

После войны он окончил техникум и трудился на заводе «Химволокно» — вся трудовая деятельность оказалась связанной с одним предприятием. Был рационализатором, имеет медали. Закончил мирный труд в должности старшего инженера-механика.

На фронте Василий Васильевич встретил свою будущую жену. Они дружили три года, писали друг другу письма. После демобилизации в 1946 году поженились и прожили 62 года. Воспитали дочь и сына, в которых души не чаяли.

Анна Петровна была из обычной трудовой семьи. Родители ее любили и лелеяли, ни в чем не отказывали, несмотря на то, что в семье она была не единственным ребёнком. Её мечта была стать учителем начальных классов, и она закончила педагогическое училище. Училась на «отлично». В сельской школе в деревне Глазово Серпуховского района Московской области, где проходила практику, она проработала учительницей всю свою жизнь. Многие ученики с огромным уважением хранят память о своем первом учителе.

Василий Васильевич на фронте получил ранение, которое повлияло на его здоровье, и со временем он ослеп. Но это ему никогда не мешало заниматься зарядкой по утрам, проводить гигиенические процедуры без посторонней помощи. Он любил слушать песни военных лет, новости и спортивные передачи по радио. Очень любил детей — и своих, и чужих. Стал дважды дедом, но, к несчастью, внук его умер от страшной болезни. Дед переживал так, что долгое время ни с кем не мог разговаривать. А внучка всегда была рядом со своим героем-дедушкой.

В декабре 2011 года в честь 70-летнего юбилея начала контрнаступления В. В. Наумов получил в подарок машину от губернатора Московской области Б. В. Громова.

Василий Васильевич очень любил Советский Союз и гордился им. Запомнилось, как в общении с нами, соседскими ребятишками, он говорил о необходимости хранить мир на Земле и беречь свою Родину. Умер он в 2015 году, ему было 94 года.

Дочь его говорит: «Мой отец — мой герой! Я всегда гордилась им. Он меня всегда поддерживал и помогал. Даже если понимал, что я не права, был моей опорой; а я впоследствии осознавала свои ошибки. Всю жизнь я старалась ему помогать. Когда он потерял зрение, никогда не просил о помощи. Военная закалка...»

В. В. Наумов был награждён медалями «За оборону Москвы», «За боевые заслуги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За оборону Белоруссии», медалью Жукова, орденом Отечественной войны и другими юбилейными медалями.

СОДЕРЖАНИЕ

Обращение губернатора Тульской области А.Г. Дюмина 3

Вместо предисловия

Осипов Ю.М. Памятник памяти 4
Калинин Н.В. Дорогие читатели! 11
Ростовцева Л.И. Книга памяти и славы 13

ЧАСТЬ 1. ДО ВОЙНЫ, В ВОЙНУ И ПОСЛЕ

Глава 1. Чтобы живые помнили

Тощенко Ж.Т. Что происходит с исторической памятью о Великой Отечественной войне? 19
Сабуров Л.Д. Память о советских воинах, погибших и пропавших без вести в годы Великой Отечественной и Второй мировой войн, в Центральном музее ВС РФ 27
Жукова Э.Г. О фальсификации истории, опале маршала Жукова и молодежи 38
Цыбикова Д.С. Памятники Улан-Батора — отражение дружбы монгольского и советского народов в годы Великой Отечественной войны 51
Пестрецова М.А. Время выбрало нас... 57
Костина Ю.В. Первооткрыватели космоса 62
Никулин В.В. Вячеслав Васильевич Бахирев: «Мы должны быть первыми!» 78
Петриков А.В. Мой учитель академик Александр Александрович Никонов, президент ВАСХНИЛ 89
Саклакова Т.А. Генеральный конструктор, академик А. Г. Шипунов: путь к признанию 102
Грязев М.В. Тульский государственный университет в годы Великой Отечественной войны 128
Скоморощенко М.Н. Интернет-портал «Партизаны Беларуси»: виртуальная энциклопедия партизанской борьбы на территории БССР в 1941–1944 гг. и электронная картотека ее участников ... 143
Туровский А.Е. Уроженцы тульской земли — Чрезвычайные и Полномочные Послы, участники Великой Отечественной войны 149

Георгиевская Т.В. Тульский альбом родословий: история страны в биографиях туляков 156
Толстая Е.А. «Помню и люблю вас...» 160
Калашникова Е.М. Мы жили в СССР! 173
Ивлева О.Б. Тульский музей оружия (50–80-е годы XX столетия) 180

Глава 2. Участники Великой Отечественной войны о времени и о себе

Мосин А.И. История моей жизни 187
Лемешев М.Я. О жизни российского села и моем участии в ней в предвоенные, военные и послевоенные годы 197
Данилкович Н.М. В тылу врага 213
Ульянов А.А. Судьба пионера-партизана 219
Жукова А.Т. Страницы воспоминаний военного цензора 222
Придонов М.П. О концлагере Маутхаузен, распаде СССР и родном Тбилиси 236
Бонкс З.А. Вечный огонь, или встреча с И.Х. Багряном в Орле 248
Штипельман С.Д. «Жизнь — самая главная ценность» 252
Афанасьев С.П. Моя долгая жизнь 260

Глава 3. Дети войны

Лановой В.С. Война в памяти и ролях 264
Андрианова Л.М. Мы были под немцем 274
Березин В.И. Дважды в штрафбате, или воспоминания дитя войны 290
Саркетова И.У. Люди. События. Время 293
Ковалева Э.З. Пять эпизодов военного детства 301
Шаров А.П. Медаль из военного детства 304
Бимбирбеков Л.Е. В жизни есть место чуду 307
Романовский Н.В. Мальчишки военных и послевоенных лет 315
Пашкина О.В. «Мы никогда не жаловались...» 319
Стерлина В.В. Психологические травмы детей войны 321

Глава 4. Наши отцы воевали и деды

Лавейкин А.И. Герой Советского Союза генерал-майор авиации Иван Павлович Лавейкин 323
Рябухин С.Н. «Отец прожил жизнь в любви к своему Отечеству» 334

Пятенко С.В. Полковники трех поколений: они сражались за Родину 341
Бугаян И.Р. Бывший военнопленный — чемпион РСФСР по борьбе 351
Ильюхов А.А. Воспоминания об отце 354
Урюмцев О.Г. Когда горела земля 358
Фетисова Н.Ю. Полковник милиции Н. П. Щуров 362
Вялкова Н.С. «Моя память всего лишь проявляет пленку...» 366
Крюков И.В. Про деда железнодорожника 368
Кузнецова Л.С. Боцман Семен Кузнецов 371
Демиденко С.Ю. Памяти нашего деда и прадеда Федора Ивановича Ильина 374
Ситников А.П. Спросите отца моего про войну... 379
С Днем Победы! Перекличка в чате сокурсников экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова 1979 года выпуска 381

Глава 5. Многонациональная семья героев

Хубиев К.А. Фронтовое братство 404
Бугаян И.Р. Антраник Геворкович Малхасян: разведчик,учитель, патриот 406
Харунова М.М. «Тува — фронту» 408
Монгуш Н.В. Санинструктор тувинского кавалерийского эскадрона 414
Тараненко О.В., Товмасян В.В. Доблестный труд во имя Победы и мечты об МГУ 418
Бонкс М.А. Сержант Шлема Бедрик: имя на памятнике 426
Кириленко Ю.П. Он расписался на Рейхстаге 430
Шарипов С.Р. Полный кавалер ордена Славы из Казахстана Альмукан Сембинов 433
Чесноков Д. Военный водитель Василий Дрозд 436
Хачатурян М.А. Где живет Память? 439
Багрицевич Е.С. Страницы семейного альбома 442
Широковская Е.Р. Три прадеда — защитника Родины: украинец, белорус, русский 446

Глава 6. Из писем, дневников, воспоминаний

Прауст Р.Э., Цветков Н.А. Академик А. А. Никонов: начало жизненного пути 448
Кокотов Б. Ленинградские военные заметки моего отца журналиста Л. Г. Кокотова 454

Калистратова И.В. Они взрослели не по дням, а по часам 470
Калиничев Р.А. Война глазами ребенка (по материалам воспоминаний Зинаиды Сергеевны Кореневой (1933–2017) 473
Михайлов А.В. «Судите сами...» 477
Иванова Д.Е. Надежда умирает последней 480
Безгин М.Н. Из воспоминаний лейтенанта Саморукова 483
Ходулин В.Г. «Мой дорогой браток...» 490
Данченков М.С. Народные мстители 494
Попова И.П., Попов К.П. Увидеть войну глазами деда 497
Пузакова Л.А. Страницы из дневника 507
Христич А.В. Дневники Николая Юдочкина. Первая неделя войны 512

Глава 7. Семья в войну и после

Дитце И.П., Недзвецкая Н.П. Наши дорогие 515
Чиджавадзе В.К. Родители воевали в одном полку 524
Голованова И.Ф. Родом с Урала 537
Самарцева Е.И. Свет памяти 544
Береговой В.В. Мои героические родители 548
Юдин С.В. Мои родители 552
Мирошниченко О.Н. Дети должны знать историю семьи и рода.. 554
Бибикова А.М. Трудовая династия 557
Прошина Т.В. Наша семья (1940–1950 гг.) 562
Филатова О.И. Ожидание 578
Молотова О.Ю. В одном полку 584
Щербинина Н.И. История одного семейного праздника 586

Глава 8. Герои рядом

Ермишина А.В. На службе Отечеству. Капитан 1 ранга Валерий Иванович Васильев 589
Мурашова Т.Н. Директор школы Николай Григорьевич Попов . 594
Белянова А.М. Лев Александрович Вознесенский. Беглый очерк жизни и творчества 598
Медведева Н.В. Два героя из города Липки: отец-шахтер и воин-сын 608
Гавриленко Н.И. Войной оборванное детство 612
Мачехина Л. Н. Герои моей милой деревни 618
Дмитриева Т.В. Трудовой и гражданский подвиг Степана Васильевича Садовского 623
Румакина Ю.В. Иван Федорович Кусакин. Служение людям..... 630
Кузнечихина Ю.В. Чужой дед, но как родной 634

МЫ ПОМНИМ…

Книга воспоминаний и размышлений поколений

Выпуск 5

Том 1
До войны, в войну и после

Художественное оформление:
обложка — *Гиндин М.Б., Волков В.Ю.,*
форзацы — *Кожункин А.И., Шорохов Д.В.,*
шмуцтитулы — *Придонов М.П.*
Редактор: *Ростовцева Л.И.*
Компьютерная верстка: *Крушина С.В.*
Корректоры: *Кедрова М.Ю., Савченко Т.Ю., Мизуренкова Г.С.*

В оформлении использованы фотографии из семейных архивов.

Подписано в печать 15.10.2020 г.
Формат 70x100/16. Печ. л. 40.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Тираж 400 экз. Заказ № 8.

ООО «Аквариус»
300062, г. Тула, ул. Октябрьская, 81-а.
Тел: +7 (4872) 49-76-96,
aquarius-press@mail.ru, grif-tula@mail.ru
www.grif-tula.ru